

Николай Дитятин

ОТСТУПНИКИ

Престон Имара от'Крипп, красивый юноша, родовитый аристократ и... вор живущий в тених огромного города. Вместе со своим сообщником и другом, Ремом Тан-Тареном, он освобождает деньги от людей и людей от денег. Каждый день провожается как последний, а это значит, что вино и женская ласка не должны кончиться раньше. Однако, как не беги от прошлого, рано или поздно оно встанет у тебя на пути.

Глава 1. Я люблю проблемы

«...Вы не поверите, друг мой, но когда этот жадный чурбан полез в овраг за змеиным медом, то свалился прямо в эту сладкую пакость. Барахтался и верещал он, не описать, уморительно, и я велел не вытаскивать его. И пока этот дурак не утонул, я хохотал так, что рысак мой дрожал и пританцовывал».

Из письма, чей автор имел странное чувство юмора

Рем молчал.

Он сидел напротив меня, опустил подбородок на столешницу, и безмолвствовал. Глаза его были закрыты. Желтоватое лицо обрюзгло. Прямо перед его носом остывал серый, как волосы самого Рема, окорок. Остывал и покрывался тоненькой пленкой жира. Сухолюд, казалось, не дышал.

Мне становилось страшно.

Чтобы придать себе уверенности, я с фальшивой непринужденностью осмотрелся по сторонам, оценивая сегодняшний вечер трактира «Смеющаяся тень». Несмотря на то, что сегодня должна была быть облава со стороны городской стражи, в зале было не протолкнуться. Было даже веселее, чем обычно: завтра обещала прибыть торговая флотилия Империи Сай, что сулило нашему брату все что угодно, начиная от гарантированного профиля на все тот же пьяный вечер в этом трактире, вплоть до состояния на четыре поколения вперед. Этот священный праздник, впрочем, я на этот раз пропускал, в то время как недалеко от нашего с Ремом столика уже несколько раз срывалось и начиналось заново экстренное собрание мелких карманников. Они яростно и азартно делили доставшиеся им портовые районы, в то время как ордеры на купеческие кварталы и гостиницы уже лежали в карманах элиты.

В самом центре зала сейчас было весело и беззаботно. Там пустели бутылки и не просыхали кружки, сочинялись на ходу эпические саги, полные хвастовства и ереси. Танцевали и пели лучшие демоницы с ангельскими личиками, слышались клятвы и ставки, меняли хозяев кожаные мешочки. Я видел десятки знакомых лиц, видел лица приятные, видел лица полезные, замечал рожи, по которым следовало вдарить как следует или хотя бы ободрать в карты... Но и этого я сегодня не мог себе позволить.

Мне нужно было сохранять максимальную чистоту восприятия, чтобы успеть увернуться от ножа Рема.

— Облава через двадцать минут, господа! — крикнул Каффа в зал. — Двадцать минут! Прошу сохранять бдительность и поглядывать на часы! Стражники в последнее время очень обозлены! Все это помнят?!

В самом плохо освещенном углу за двумя сдвинутыми столиками зловеще перешептывались ассасины. На пять шагов от них пролегла зона карантина, границы которой не нарушали даже мухи. Головорезы по капельке цедили что-то из крохотных наперстков, и жуткими кинжалами вырезали на столешницах некие планы, карты и схематические наброски Хозяин трактира, достойный и преисполненный терпимости Каффа, материально страдал от этих ассассинских брифингов, но, как и любой недавно женившийся человек, хотел жить и здравствовать. У меня было, что ему посоветовать, однако пока он был в недосягаемости за осажденной со всех сторон стойкой.

Собрание карманников за моей спиной вновь пошло по борозде, о чем говорил пролетевший мимо деревянный протез. Вращаясь как метательный нож, он влетел в карантин душегубов.

«Треск!»

Деревяшка разлетелась в щепки.

Я сразу узнал этот протез: он принадлежал Старейшине карманников Полуногому Газу. Эту замену правой ноги, он использовал как скипетр зыбкой власти. Я мгновенно обернулся и посмотрел на полыхающие руины собрания. Там было жарко, Полуногий карал. И не просто карал, а со слезами священной ярости. Прыгая на одной ноге. Ворье ползало вокруг крепкого старца на коленях и молило о пощаде. У меня на этот счет были громаднейшие сомнения, но к эпицентру драки уже спешила прелестная Пеппи.

Покачивая своими знаменитыми бедрами.

Трижды эту девушку крали лихие заезжие головорезы и солдаты удачи. Трижды все мы, посетители «Смеющейся тени», сплывали свои силы, находили ее, наказывали похитителя, и возвращали невесту нашему трогательному Каффе.

Пеппи мгновенно успокоила Полуногого, и усадила его обратно на тронную бочку. Полуногий жаловался ей как родной матери и показывал пальцем в сторону душегубов. Девушка улыбнулась и ненадолго ушла в подвал. Вернулась она с настоящим, мастерски выточенным из кости протезом. Полуногий долго придирался к нему, обнюхивал и оглядывал. Постучал по стене, чтобы проверить акустические свойства и примерил к культе. Новый скипетр был хорош. Старейшина, со вздохом, протянул Пеппи десять профилей. Девушка забрала только пять, и пожелала всем хорошего вечера и целых зубов. Карманники смущенно заржали. Далее их собрание невозможно уже было отличить от политической процедуры избранного Кабинета тэнов.

Я поскреб запущенный подбородок и взялся за кружку, стараясь не смотреть на Рема. Окорок уже не дымился. Черные глаза сухолюда были открыты, но он ничего не видел. На окорок села муха и принялась осторожно его исследовать. Рем не пошевелился. У меня не выдержали нервы.

— Рем, — позвал я неуверенно.

Серый сноп жестких волос неподвижно высился над столешницей.

— Я отдал свой ордер на гостиницу «Гнездо Величия» Геку, — сказал я с наигранным спокойствием, ожидая вызвать незамедлительную реакцию.

Рем закрыл глаза.

У мухи намечался отличный ужин.

С фальшивой же непринужденностью, я принялся глотать пиво, отчетливо стуча зубами о металл кружки.

— Пятнадцать минут, господа!

— Да-да!

— Не бойся, никто тебя даже не подозревает!

— Ладно, пошли, Дин.

— Кто-то из вас заплатил? Давайте-ка сюда круглое.

Рем был одним из тех самых «змеевых понаехавших сухолюдов!», которые вечно докучают доброму люду и занимают рабочие места коренных. А так же торгуют наркотиками и портят женщин.

Он был символом темных представлений Авторитета об этом маленьком народе,

обитающем на небольшом скоплении капиллярных островов называемым Менада. Широко известно, что на этом архипелаге много сопок из которых постоянно струится какой-то недружелюбный дымок. В безветренные дни местность буквально тонет в ядовитом тумане. Пионеров Авторитета эти края приняли лихорадками и отеками легких. Экспансия не задалась. Первооткрыватели лишь завязали несколько контактов с местным населением, которое с изумлением наблюдало за тем, как блевали на их родные берега могучие рыцари Автора. С тех пор низкие люди, названные менадинцами, получили весьма предвзятое представление о долговязых пришельцах.

У самих островитян с большой землей сложилось куда лучше. Климат материка открыл у сухолюдов природные таланты, в которых отдельные люди видели воплощение природного шулерства. Менадинец здесь соображал гораздо быстрее, его жизненные токи ускорялись, отчего раны заживали на коротышках как на сырой глине. Они не были чувствительны к большинству ядов, острот и сарказмов. Не боялись расовых анекдотов и Пенной чумы, которая могла выкосить за неделю город и три деревни. Но пуще всего необъяснима была их способность переваривать и усваивать все, что хоть отдаленно напоминало пищу. На материке менадинцы могли выжить где угодно, лишь бы там обитало хоть что-нибудь кроме камней. Впрочем, лично я не стал бы спорить на то, что среди голых скал сухолюды не сварит себе похлебку из собственных ногтей и пары свежих гранитных бульжничков.

Все эти обстоятельства усугубили их снисходительное отношение к физическим возможностям континентальных людей и вообще всей Поздней расы. Проще же говоря, они ни в грош нас не ставили и не особо скрывали это. Но Рем...

Рем был «змеевым понаехавшим сухолюдом!».

До встречи со мной он сменил десятков банд, из каждой уходя не прощаясь и прихватив общак. Рем умел жить на широкую ногу. Как только недовольство им в одном городе превышало некий предел, за которым его начинали разыскивать все, кто мог держать оружие в руках, мой друг переезжал в новый. Города постепенно заканчивались, доверчивые уголовники — тоже. Рем догадался работать один и начал обносить церковные сокровищницы. И это в фанатичном Авторитете, ох-хо. Никто и никогда этим не занимался. Во всяком случае я не слышал о таких идиотах.

Не удивительно, что в этот раз Рем получил отрезвляющий пинок под зад. Беспредел рано или поздно привлекает внимание людей, которые просто не заметят твоей крутости. Места культа имели протекторат Кабинета тэнов, а Рем, к тому же, постоянно забывал надеть маску. После того, как ему довелось пережить камеры Гротеска, Сухолюды чуть подразжали кулаки. Повзрослел.

Так он оказался на нашем пороге.

Я взял над ним шефство. О, Первый, с каким трудом принял я тогда это поручение от Председателя. А как же. На тот момент я искренне считал себя приемным сыном Вельда, членом его маленького избранного круга. Манкировал ордерами, скрывал собственные доходы от нашей налоговой, не стесняясь шел по головам. Более того, я ведь был не просто парнишкой с улицы, я был и остаюсь по крови родовитым аристократом, и пришел в гильдию не новичком, и даже не любителем, а почти профессионалом.

Рем немедленно отменил всякую иерархию между нами и подавил бунт. А когда я, молодой, самовлюбленный и яростный ворвался в кабинет Вельда, тот привел меня в чувство и доступно объяснил, где я не прав и почему. Ни с того ни сего мне был поставлен ультиматум на таких жестких условиях, что я, поджавши сбитый хвост, вернулся к Рему и

протянул ему руку.

И не зря, как предвидел мудрый Вельд. Его, Рема, сила, моя выучка, его хитрость, моя выучка, его несгибаемость и моя выучка: все это сделало наш тандем неожиданно рентабельным. Нет, я признаюсь: много было наломано дров, испорчено бессчетное количество планов, искалечено немало охранников, но Рем хватал каждую брошенную мной мысль налету. Я понимал Председателя. Менадинцы самой природой были созданы для воровства.

Была у Рема Тан'Тарена еще и почти мистическая сила. Он был идеальным анархистом. Говоря иначе, он редко подчинялся законам, иногда даже природным. Да что там природным, иногда этот сероволосый негодяй и ренегат игнорировал даже законы логики! Как объяснить то, что Рем мог винной бутылкой разбить стальной шлем на голове стражника? Или карабкаться по отвесной стене без единого выступа?

Это было выше моего понимания.

Так или иначе, мы с Ремом давно уже спасали друг другу жизнь за кружку пива в этом трактире. Иногда сухолюд требовал окорок. Но он мог пожирать их в неограниченных количествах, что подталкивало меня на ответную любезность. Когда жизнь ему спасал я, то требовал немного-немало одного маленького рассказика Рема о его прошлом. И как же пыжился, как мучился этот метровый коренастый человечек, когда выдавливал из себя отдельные образы своей жизни. Образы были, как ни странно, совершенно безобидные, но чрезвычайно для меня интересные, потому что я ни разу не был на Менаде и не особенно надеялся посетить...

Я еще раз огляделся.

Толчая постепенно редела, растворяясь в сумраке зала и тумане всевозможных испарений. Вот уже утомленные девочки-официантки взялись за метлы и тряпки, вылез откуда-то кот Бормотун и вразвалочку пошел на кухню орать и тереться о ноги хозяев.

Хорошо и необыкновенно уютно было в это время в трактире. Поскрипывали еще теплые половицы, приглушенно сплетничали и мило хохотали служанки, трещал засыпающий огонь в большом камине из неотесанного мрамора. Оргия цеплялась за раскачивающиеся люстры, опрокинутые стулья, пузырящиеся лужи на полу.

Я сидел, глядя на высыхающее дно моей единственной за сегодня кружки, и старался не шевелиться.

В центре безобразного массива сдвинутых вместе стульев и столов, еще держалось некое оживление. Это доигрывали тройную карточную партию Гек, Вальтер и Мэр. Вокруг толпилось с десятков любопытных. Они уже опасались давать советы, и только отирали потеющие затылки.

Выиграл Гек. Он залез на стол и принялся жонглировать утварью, постоянно требуя, чтобы ему подбросили чего-нибудь еще. Вальтер запустил в него своим проигранным золоченым кушаком и посмотрел на меня. Я сочувственно улыбнулся. Вальтер жестами предложил мне подкараулить Гека в подворотне и выпотрошить его. Я вежливо и с сожалением отказался. Вальтер понимающе покивал и, забрав уничтоженного Мэра с собой, ушел. Тогда к нам подошел Гек.

— Загребись, — сказал он.

— Не сомневаюсь, — кивнул я. — Много нарезал?

Гек, ослабившись, предъявил кушак, который он завязал в узел на манер мешочка. В мешочке гремело и перекатывалось.

— Не понимаю, — сказал он, искренне не понимая. — Что с вами двумя происходит? Зачем ты отдал мне ордер? Вы что, на пенсию уходите?

— Отличная выпивка сегодня была, правда Гек? — выразительно сказал я.

— Ну да... — Гек понимающе посмотрел на окоченевший окорок и неподвижного Рема. — Я все понял. Вы, ребята, хотите убить старика и узурпировать власть. Пойду, сдам вас за второй такой же кушак. Хотя нет. Второго такого не найдешь. Ладно, если передумаете убивать нашего старика, просто найдите меня. А меня вы найдете легко, идите на свет, шум и веселье... — бормотал он уходя.

Зеваки последовали за ним как алчная стайка рыбок-паразитов. Все было ясно. И когда сгорбленная спина последнего свидетеля великого Гекова триумфа скрылась в дверях, это произошло.

Я вздрогнул и выронил кружку. Она почему-то бесшумно стукнулась об пол, и покатилась, описывая круг.

Рем хохотал.

Он хохотал так, что содрогался столик и раскачивался висящий над нами канделябр, он хохотал так, что Бормотун, паникуя, схватил недоеденное цыплячье крылышко в зубы, и пятнистым ядром вылетел на улицу. Рем хохотал так, что служаночки зажали приоткрытые от удивления рты ладошками.

И когда последний звонкий выдох вырвался из твердой груди, Рем набросился на остывший окорок. Морщась, поминутно подкладывая себе в тарелку слипшиеся закуски, он сосал вино прямо из горлышка, рыгая и отдуваясь между глотками.

— Каффа! — крикнул он, плюясь жилами и костями. — Каффа! Тащи все, что осталось на кухне!

— Рем... — сказал я негромко.

— Престон, — он посмотрел на меня сияющими глазами. — Ты знаешь, как я ценю твои шутки, Престон. Я посмеялся. А теперь заткнись и дай мне пожрать! Признаюсь, ты меня подловил на этот раз, — он с сожалением потряс пустой бутылкой и поставил ее под стол. — Я чуть было не купился. Иногда невозможно понять шутишь ты или нет. Ладно... Змей с тобой, — он с наслаждением откинулся на спинку кресла и воинственно рыгнул. — Эх, ты молодец. Я тоже отдам свой ордер, и рвану на Песчаное Солнце. Знаешь че? Я слышал, что там еще не изобрели нижнего белья, но уже есть свое ученье о любви. Вот это я называю местом, которое боженька приберет для себя. Поедем вместе или ты решил отдохнуть со своим сраным вкусом и со своим сраным достоинством? Наденешь вечерний костюм...

— Рем, — сказал я.

— ...сделаешь укладку волос...

— Рем.

— ...возьмешь трость...

— Рем.

— ...наймешь кортеж...

— Рем!

— ...а потом просто как обычно нажрешься на этом светском рауте и утром проснешься со свиньей под боком и неприятным ощущением греха в штанах...

— Рем! — я отобрал у него вторую бутылку. — Я не шутил. Я. Не. Шутил.

— Ну конечно, — покивал сухолюд, возвращая себе бутылку. — А я сегодня постираю

флаг Авторитета на котором сплю. Слушай Престон, в чем змеева проблема?! Хохма второй раз — не хохма. Я понимаю, ты хотел произвести на меня впечатление. Я понимаю, как важна тебе, сопляку, моя похвала и одобрение, но я уже сказал все, что мог. Эй! Ты лучше отдай мне бутылку!

— А то что? — воскликнул я, хватая бутылку второй рукой. — Пнешь мне под коленку? Рем, я смею тебя заверить, что это не шутка!

— Если это не шутка, то тебе лучше прямо сейчас бежать и запереть себя в подполе! — С этими словами он запрыгнул на стол и ногой уперся мне в грудь. У меня перехватило дыхание, и пробилась слеза, но бутылку я не выпустил. — Не думал, Престон, что ты свихнешься от зависти к моему таланту!

— Полистайте словарь, сударь! — предложил я, выкручивая бутылку. — Слово талант означает некую полезную способность, а не красный бархат на заднице!

Это был удар ниже пояса, и я отдавал себе в этом отчет. Но мне уже нечего было терять. Если что-то и могло задеть Рема, так это чечетка на его постыдной тяге к пижонским вещичкам. На его родине истинно мужским одеянием считался покрытый жиром наряд из звериной шкуры.

Я играл ва-банк.

Рем затрещал от негодования и, не в силах разжать челюсти, яростно замычал мне в лицо. Назревало страшное.

— Ваша еда, господин Тан'Тарен, — вежливо сказал Каффа. — Позвольте мне поставить ее на стол.

Еда для Рема была священна, и он на время ушел за баррикады. Сухолюд медленно слез на свое место, и благосклонно принял дары Каффы. Потом избрал самый большой кусок мяса и с размаху вонзил в него нож, глядя, при этом, на мою шею. Через секунду рот его забился достаточно плотно, и я заговорил с трактирщиком.

— Еще два стола, любезный Каффа?

— Да, — простонал он, мгновенно наполнившись слезами. — Еще два, господин Престон!

— Воистину, это дело требует немедленного разрешения, — сочувственно кивнул я.

— Бесплатно! — Каффа тут же припал передо мной на одно колено. — Все это бесплатно господин Престон. Всего один совет, умоляю вас!

— Что ж, — я посмотрел на этого грандиозного и совершенно безобидного громилу, трясущего предо мной сцепленными пальцами, — у меня есть для вас кое-что. Вы слышали о черном дереве?

— Черном дереве? — старательно повторил Каффа. — Нет. Нет. Никогда.

— Из этого дерева избранные Сайские воители с величайшим трудом вытесывают для себя нагрудные пластины, — объяснил я, протягивая ему конверт. — Вот, возьмите это и отправляйтесь завтра с утречка в порт. Там найдете Руда. Вы ведь знаете Руда?

— Конечно, господин Престон, — Каффа с благоговением принял от меня конверт. — Должен мне двадцать профилей.

— Отдайте ему этот конверт, и он выведет вас на нужного человека. Сайский торговец мебелью. Он продаст вам несколько столов из Черного дерева. Такие столы ассасины даже поцарапать не смогут.

Громила довольно долго благодарил меня, не забывая макать душегубов в дерьмо. Вполголоса, конечно же.

— Ведь даже бумагу и перья им клал, — шептал он, подливая Рему бульон из чугунного котелка. — Все напрасно. Портят подлецы столешницы. А что они пьют? Постоянно просят подать яду. Причем такого, что я даже понюхать его боюсь. Недавно капелька попала служанке на руку, так она неделю без сознания провалялась!

Каффа оглянулся, и почесал поясницу.

— А едят только маринованных гадюк. Где я им добуду столько маринованных гадюк? Вы не поверите, специально нанял на кухню змеелова, что б меня в койке не зарезали... Эх, гусак я старей, — он спохватился. — Друзья, хочу напомнить, что через пять минут начнется облава.

— Да, Каффа, мы помним, — сказал я. — Вот только господин Рем пока не доел свою гордость, а потому мы еще чуть-чуть посидим.

— Как изволите, — тряхнул кочаном трактирщик. — Оба выхода открыты, — он заговорщицки мне подмигнул и оставил котелок на столе.

Рем придвинул котел к себе и залез в него головой. Раздался сосущий звук, и я понял, что сухолюб дает мне время высказаться.

— Друг, — сказал я со вздохом. — Я знаю, что желание мое кажется тебе фарсом последней степени, пьяным авантюризмом, ребячеством, наконец, — котел забурило утвердительно. — Но я вынашивал эту идею пять нерестов! Пять нерестов я видел ее перед собой, как тебя сейчас, и теперь мне кажется, что я потяну это дело.

— Кажется?! — Рем вынырнул из котла.

Мне в лицо попал бульон, но я мужественно утерся.

— Ах, тебе, сукиному сыну, кажется? Знаешь, что казалось Штирسمану, когда он решил забраться в казармы Белой гвардии? Что это здорово поднимет его репутацию. Его даже вешать не стали, просто выкинули посреди трущоб Кмерхи. Одна нога здесь, другая — там.

— Рем, ты знаешь, что я вор по зову сердца, — сказал я терпеливо. — Ты знаешь, чем я пожертвовал. Если у меня есть талант, то талант этот должен требовать шедевров, понимаешь? Не спасую в этот раз, стану настоящим художником.

— Ты станешь этим, — Рем подтолкнул ко мне блюдо с костями. — Представим на секунду, что ты не обделался. Глупая мысль. Ну и что дальше, Сливочный? Тебя все равно потом зарежет Председатель. Он наденет перчатки и подвесит тебя за шары где-нибудь на видном месте, чтоб не падала дисциплина. Вельд не любит, когда его простые правила нарушаются. Не приближаться к Миркону — простейшее из них. Даже малолетний дурак вроде тебя способен его запомнить.

— А ты, я смотрю, становишься все послушнее, — процедил я, выбирая из блюда косточку подлиннее. — Мы с тобой, как будто бы давно распределили роли. Я — прикрываю наши спины, ты — рвешься на подвиги. Теперь, значит, все наоборот. Коллективная ответственность, круговая порука, «простые правила», все это вытаскивает из тебя...

Я поднял кость на уровень глаз.

— Одну за другой. Одну за другой. Знаешь, дружище, я пойду один. От правильного Рема мне не будет никакого толка.

Лицо Рема окаменело. Держу пари, сейчас на нем можно было выбить картину первобытной охоты, а сухолюб не почувствовал бы даже легкого покалывания.

— Ты действительно думаешь, что я наступлю в этот невидимый капкан? — спросил он бесцветным голосом. — Сливочный, ты себя владыкой умов возомнил?

Я подпер кулаком подбородок.

— Думал тебя спровоцировать.

Рем забрал у меня провокационную кость и задумчиво отгрыз кончик.

— Частично тебе это удалось, — признал он. — Змей Хладнокровный, я действительно начинаю сдавать в этом загоне. Что скажет Вельд... И когда это начало меня волновать?

Я приложился к ополовиненному кувшину.

— А я тебе о чем? — удар по столу. — Мы тонем в рутине. Мы перестали развлекаться и начали работать. Шесть дней в неделю стрижем баранов, а потом уныло пьянствуем. Тебе хоть нравится вкус этого вина? Это уже не тот божественный нектар, который раньше охлаждал наши горящие от азарта глотки. Это пойло для двух уставших башмачников, которые хреново прибывают подметки на хреновые сапоги, заказанные хреновыми клиентами.

Рем хмыкнул и одобрительно покивал.

— Что есть, то есть. Сначала у тебя не стоит на работу. Потом перестает стоять на девок.

— А-ха. Я ничего не чувствую, Рем. Становлюсь неосторожным, беспечным. Как и ты. Думаешь, я не вижу? Мы будем выносить квартирки лавочников, пока нас самих не вынесут вперед ногами. Так и будет. Не хотел об этом говорить, но Вельд превратил Компанию в стойло для рабочих лошадок.

Вино действительно вызывало тоску.

— Ладно, хорош нагнетать, Сливочный. Вельд стареет, хочет занять устойчивое положение. Пока он не дает нам пойти вразнос, Гигана смотрит на него вполглаза. Это и наших задниц касается. Вельд хоть и пустил парней по колее, но Компанию он любит.

— Это я знаю. Но мне больше невоготу. К змею сайцев, они такие же увальни, как и местные купчишки в большинстве своем. Я хочу, чтобы смерть дышала мне в затылок, понимаешь?

Я почистил зубы большим пальцем.

— Ну так что, мне брать на тебя билет?

Рем посмотрел на меня и улыбнулся.

— Что с информацией?

— Задействовал старые связи, — сказал я, протягивая сачок к бурлению. — Сегодня мы будем знать о Мирконе ровно столько же, сколько знает об этом Незримый легион Авторитета. Мы — герои, Рем.

— Ты говоришь так, словно я уже трепыхаюсь в твоей лодчонке, Престон, — сказал Сухолюд, грозя мне пальцем. — Еще ничего не решено, понял, ты, дешевый искуситель? Теперь иди к змею, и надейся, что я не всажу тебе арбалетный болт в спину, когда ты решишь, что обманул меня...

— Через неделю, в полночь, в точке номер два, — сказал я невозмутимо, прислушиваясь к звукам, доносящимся с улицы. Там, невыносимо гремя металлом, подкрадывались к дверям удалцы из городской стражи. — Все необходимое возьмешь в тайнике на крыше. Там есть ритуальная бижутерия, которой отгоняют нечисть.

Рем ухмыльнулся, пригладил вздыбленную копну, взял с собой недоеденного цыпленка, и пошел к подземному ходу.

— Господин Престон! — взволнованно крикнул Каффа.

— Я знаю, знаю. Честное слово, Каффа, мне иногда кажется, что они устраивают эти идиотские набеги, только для того, чтобы конфисковать ваше прекрасное вино и поглазеть

на Пеппи и служанок.

Каффа восторженно оскалился и помахал мне конвертом. Я подошел к лестнице на второй этаж и быстро по ней взобрался. В этот момент стражники собственными лбами вынесли парадное, и одновременно, судя по визгу на кухне, набежали с черного хода. С глубоких тылов, с улицы, залаял сержант, призывая пустой зал не препятствовать действиям властей. Зал не препятствовал. Стражники, гремя и лязгая, бегали по нему, заглядывая под столы, и простукивая половицы наконечниками копий.

Я стоял на крыше, глядя на затаившийся во тьме город, следящий за мной желтыми глазками освещенных окон. Я чувствовал, что, возможно, я ошибся. Я ошибся в первый раз, когда позволил себе поверить в это. Я ошибся во второй раз, когда не позволил себе разувериться. Город наблюдал за мной, зная, что когда-нибудь, — через минуту, — я сорвусь с этой крыши и побегу. Побегу во тьму. В любом случае. Так не все ли равно насколько глубока она будет?

В глубинах Пустого океана едва зримо мерцали светозвери.

Порой даже на дно опускаешься только преодолев кучу испытаний, оставив на колючках лоскуты чести, отваги, веры... Любви. Хотя, казалось бы, спускаться гораздо проще, чем карабкаться вверх. Достаточно лишь бездействовать.

Однако есть избранные неудачники, вроде меня, которые даже в клоаку бесчестия и безнадёжности попадают только изрядно взмывив булки.

Глава 2. Белые волосы

«Было это в непечатные времена, лихие и свободные, не желающие объясняться перед нынешней историей. Великие герои голыми руками ковали настоящее, определяли будущее и оставляли за собой прошлое. Человек, о котором пойдет речь в этой главе, не из их числа. Это гнусный предатель и лжец, который...».

из литературно-исторического труда Октавиуса Меба

Отец мой нечасто бывал в той части резиденции, где обитал я с матерью. Поэтому я делал все возможное, чтобы попасться ему на глаза. Разумеется, я хотел не просто влезть в поле его зрения, но бросить ему определенный вызов, показать свои немногие таланты и вызвать в нем восхищение и гордость за ловкого пацана с его глазами.

В общем, я предпринял множество сомнительных ходов и закончил грандиозным провалом, украв уродливую сайскую статуэтку из коллекции отца. И тут же выронил ее, перелезая через оконную раму. Я еще помню гаснущие глаза родителя, которые провожали взглядом падающую фигуру. Это был фетиш, на который он потратил четыре года поисков и уйму профилей. Это был его триумф и часть его мужского либидо.

Бренц!

Той ночью я плохо спал. И вовсе не потому, что мне мешал отбитый зад. Отец пальцем меня не тронул, и это было хуже всего. Всю ночь в его кабинете горел свет. Я отчетливо представлял себе как папаша, склонившись над аккуратно рассортированными осколками, пытается склеить из них утраченную веру в меня.

А служанка, томно дыша, промокает ему лоб столовой салфеткой.

Утром он отослал куда-то гонца, который вернулся к полудню с отличной новостью для остальных отцовых статуэток. Я больше не мог угрожать их безопасности, ибо меня без вступительных испытаний принимал в ученичество Акт Незримой армии Авторитета. В Общей Номенклатуре Авторитета сказано: «Незримая армия, или же Акт Незримых основывается на людях, исполняющих тонкие и особо сложные поручения, требующие сбора информации и устранения угроз благополучию Авторитета и Автора».

Такие люди есть у каждого государства. Даже у варваров есть нечто подобное.

Решение отца меня не удивило. Меня удивило то, что он сам пришел ко мне сообщить о нем, перед тем как явился представитель Акта. Отец был предусмотрительно немногословен. Я понял, что статуэтку склеить не удалось, и поэтому, молча, не собираясь пререкаться, собирал вещи в свой тончайшей работы вещевой мешок. Собирал всякую дребедень, не задумываясь, просто толкал все, что попадалось под руку. Я впервые понял, что со мной не собираются шутить, страшать и показательно лишать сладкого. Отец говорил об ответственности, и это была хорошо продуманная речь. Таким образом я понял еще, что отец давно все обдумал и утраченный идол только подтолкнул его вспомнить, что сыну уже достаточно нерестов для определения рентабельности.

В общем это была обычная судьба. Кого-то отдавали в офицерскую школу, кого-то в Акт Торговли, кто-то находил себя в искусстве. Но только Акт Незримых никогда не давал своим ученикам возможности увидеться с родными до конца обучения. Я не пререкался, ведь со мной не шутили, но я и не подал отцу руки на прощание, когда за мной явился посланник Акта. Убогий символ, но это единственное на что хватило тогда моей фантазии и выдержки.

Хорошо хоть, что обошлось без истерик и бледнеющих в ярости лиц. Отец грустно покивал, как бы признавая часть своей вины, и умыл руки.

Штаб-квартира Акта Незримых располагалась, естественно, при Гротеске.

Гротеск — колоссальная твердыня, которая ведет собственную внутреннюю летопись, налоговую политику и учет населения. Он виден из любой точки города, в любую погоду и время суток.

Готеск был построен внутри остатков яйца, из которого по легенде вылупился Первый — зверь-прародитель всего сущего. Обычно его изображают как болезненно раздобревшего льва с человеческим лицом. От Первого пошли все разумные и неразумные виды, и даже сам его великий Враг — Хладнокровный. Хладнокровный родился змеем с двумя головами, венчающими оба конца чешуйчатого тела, и уже сам этот факт сильно настроил его против родителя. К тому же Хладнокровный был чем-то вроде естественного противовеса Первому: злой, скрытной и изощренной силой, которая научила зверей поедать друг друга, а людей грешить и врать женам.

По легенде Первый породил только травоядных животных и праведных людей, но Хладнокровный как-то раз искусил одного из зверей отведать сырого мяса, а человека легко научил лгать. В результате появились хищники и сволочи. Хладнокровный рассчитывал добраться и до Ранней расы, но Первый вцепился в него и втоптал глубоко в землю, где Великий Змей и остался. Однако злодей успел укусить отца ядовитыми клыками, и тот потерял физическую оболочку, став бессмертным, всевидящим духом.

От самого яйца осталось немного. Выступающая из земли неровная стена скорлупы и ее осколков. Эта скорлупа насыщенного желтого оттенка, толщиной в несколько локтей и пахла она как... легенда. Да, не стоит сравнивать столь значимую реликвию с гнилым зубом. Говорят, когда наши предки только нашли это место после воцарения религии Зверя, скорлупа в иных местах возвышалась скалами на многие хвосты ввысь. К сожалению, время сточило ее и выветрило прах.

Предки почему-то ни секунды не сомневались, где именно должна вырасти столица Авторитета и где должна быть заложена цитадель.

Гротеск, это не просто дворец, резиденция Автора и донжон нашей обороны. Это маленькое независимое государство, в котором есть свои княжества, уделы, области, разьезды и прочая геополитическая муть. Амбиции тэнов разделяют Гротеск пунктирными линиями. Через них переходят только послы, вассалы и гвардия Автора. И почти никогда люди, отмеченные различными геральдиками. У каждого тэна в Гротеске есть своя дружина, свой неофициальный свод законов и своя, в широком смысле, атмосфера за пунктирной линией. Среди десяти этих мужей, управляющих промышленными и социальными отраслями Авторитета, есть парочка таких, от которых так и ждешь гильотины за разбитый бокал. Есть несколько вполне объяснимых предпринимателей, один доброхот, один профессиональный интриган и троица действительной компетентных людей.

Я не любил Гротеск даже за его название. Хоть и облазил его в свое время вдоль и поперек.

Акт Незримых находился в обустроенном северо-западном крыле на нейтральной территории. Однако, слова «нейтральный» хватало лишь на то, что бы не опасаясь носить при себе короткий ученический меч, который нам строго-настрога запрещалось вынимать из ножен. Это было бы очень трудно сделать. Был замок, были две хитроумно спрятанные скобы, которые позволяли поднять клинок из ножен всего на три сантиметра. Далее он

застревал. Эти три сантиметра дорогой блестящей стали должны были символизировать наше положение начинающих разведчиков, которым не помешало бы почаще утирать сопли.

Курсанты постарше, уже прошедшие практику, имели право обнажать сталь в исключительных случаях, когда задевалась честь Акта. Честь Акта задеть было трудно: язык не слушался, он ползал по зубам, и человек мог разве что недоброжелательно хмыкнуть в адрес Незримых. Так что мы постоянно теряли наши точильные камни, забрасывали их на шкафы, меняли на хлеб, яростно пожиравшийся по ночам.

Диета... Значение этого слова давно поистерлось и исказилось людьми, чье тело к определенному моменту времени обретает потрясающую однородность, когда невозможно уже четко различить, где у этого человека кончается живот и начинаются ноги, где зад и где перед. Жирные слуги языка. Они всерьез полагают, что диета — это разовое мероприятие, в процессе которого следует два дня изнурять себя пареной морковью, чтобы потом снова уничтожить мир вокруг себя.

Нет.

Диета — это такая штука, которая призывает тебя употреблять то, что более всего необходимо в условиях жизненной цели. Это общее понятие из словаря. Для нас же диета была деспотическим гнетом, железной лапой, сжимающей желудок, драконом ненависти и отчаянья. Возможно Общая Номенклатура все-таки изъясняется размыто, поэтому уточню: из нас делали лазутчиков широкого профиля. Любая профессия имеет требования к организму. Так вот, организм Незримого обязан был весить не более пятидесяти мер при росте в полтора хвоста. Это определяло нашу жалкую долю в обеденном зале. Пареная морковь возведенная в Альфу и пресные высокопитательные мхи ставшие Омегой были моим кошмаром.

Всем нам было трудно первые месяцы. Тем, кому выпала эта интересная судьба муниципальных убийц и шпионов.

Гелберт понравился мне своей потрясающе едкой иронией к происходящему. Первое, что сделал этот темноволосый subtilный парень, попав в нашу жилую комнату — талантливо спародировал главу Акта Иордана Магутуса, выступившего перед нами с приветственной речью. Речь была, надо заметить, не тетрадной. Иордан, крепкий бледнокожий старик, простыми словами сообщил нам, чего от нас хочет Авторитет, и выразил уважение нашей жертве. Упоминание о жертве нас неприятно кольнуло, и Гелберт заявил, что вытянет из своего будущего положения все, чтобы жертву эту окупить.

Мы с ним очень быстро спелись, отчасти от этого щенячьего инстинкта жаться друг к другу, отчасти благодаря общности нашего заурядного подросткового мировоззрения, и, конечно, отчасти потому, что Она скрепила наш союз и сделала его триадой.

Не судьба, нет. Хотя, в какой-то степени, Она была частью моей судьбы. В значительной степени. Тогда.

Девчонки на тот момент все еще были для меня чем-то совершенно бессмысленным и настораживающим. Хотя я уже чувствовал позывы к контактам на уровне грубоватых реплик и подножек. Она быстро отучила меня от такой политики и привила уважение к противоположенному полу. Как и Гелберта, хотя тот сопротивлялся дольше меня. Это была умная и стойкая ведьма в самом положительном значении этого слова. Ее мать умерла при родах, поэтому некому было научить ее кроткому поведению, вышШышию крестиком и сентиментальным слезам. Отец, мелкий чиновник при Гротеске, не прочь был избавиться от дочурки, потому что ее история почти в точности копировала мою. Только у нее еще и были

задатки.

«Вы, двое, — говорила Вельвет пламенно и дерзко, когда мы демонстрировали свое невежество и спесь, — не стойте даже тех портков, которые носите, не меняя неделями». Это немедленно находило отклик в Гелберте, который с ходу бросался в побоище, вздыбив шерсть на макушке. Я в такие моменты пожимал плечами и уходил в сторону, чувствуя ее взгляд между лопаток.

Семья Гелберта была богаче, чем ее. Не говоря уж о моей. Иногда это служило поводом для ссор, но только в самом начале. Затем Вельвет уже запросто проникала в нашу с Гелбертом комнату. Она забиралась с ногами на одну из коек и повелевала. Сначала она приказывала нам выдать все наши заначки, часть отнимала, и мы дружно жевали, боязливо столпившись у двери и прислушиваясь к коридору. Затем она требовала развлечений. Гелберт подрожал голосам наставников, а я, (как сын одного из тэнов, имеющий право на небольшие прогулки) рассказывал, что интересного видел в кишках Гротеска.

Очень скоро нас уже было не разлить кипящим маслом. Мы преуспевали, и нас неоднократно отмечал сам Иордан. Не скажу, чтобы это нас слишком растлевало. Нет, мы лишь пытались вытянуть все соки из этой благосклонности. Позволяли себе определенные вольности на территории Гротеска, без боязни быть распятыми ели курятину у себя в комнате... Идиллия продолжалась четыре нереста из пяти, что мы должны были проходить обучение. Не мало. Однако в итоге все получилось совершенно не так, как хотелось бы куче людей, как должно было случиться.

Как завещали мне все мыслимые догмы и порядки.

Природа брала свое. В какой-то момент, я понял, что смотрю на Вельвет чуть иначе, чем вчера. Чуть более... Заинтересованно. Я чувствовал, что она тоже изменилась. И Гелберт. Что-то должно было закончиться. Какой-то тайный договор о половом ненападении. Несмотря на строжайший запрет на близкие отношения, мы маялись и тайно флиртовали.

В конце четвертого нереста нас разделили на юношей и девушек, и это было испытанием похуже мхов. Нам приходилось встречаться по ночам, в забытых переходах и коридорах. И встречи эти становились все мучительнее.

Гелберт был влюблен в Вельвет без ума, это было очевидно. Я тоже был не прочь предложить ей расширенную дружбу. Она же не предпринимала ничего серьезного, ее внимание расходилось поровну. Хотя я и чувствовал, что выигрываю. Почему? Ну, у меня было кое-что, что сводило ее с ума, чего так не доставало Гелберту. Моей способности устроить приключение даже из похода на паука, забредшего под койку.

А потом Гелберта забрали на практику, и мы остались с ней наедине. Старина Гелб понимал, что теперь ему точно не на что надеяться и поэтому дружеского печально-скупого расставания не получилось. Он ушел на рассвете, не сказав нам ни слова.

Некоторое время мы с ней старательно держались друг от друга подальше. Психологические пассы. Но это не могло продолжаться вечно.

В нашей вечно голодной среде прошел слух, что в Гротеск должны были привезти немислимо дорогой деликатес из Империи Сай. Ящериц Гу. За этих ящериц, сырых, копченых, маринованных, жареных, любых, шли кровавые сражения между сайскими сегунами. На связку таких ящериц можно было купить себе дом, жену, садовника и хватило бы еще на уважение соседей.

Сколько должно было прибыть ящериц для стола Автора, никто точно не знал, но

говорили, что не менее двух десятков. Это было то, что нужно. Я ставил перед собой задачу добыть один экземпляр ящерицы Гу, чтобы... В общем-то мне действительно хотелось ее порадовать. Вельвет. Все остальное тогда было для меня не существенно. Мне стыдно было даже думать о приятных последствиях. Впрочем, кого я обманываю, только о них я тогда и мечтал.

Это, помимо всего прочего, была еще и отличная проверка моих навыков. Итак, я раздобыл балахон, свободные штаны и босиком отправился на дело.

Пищевой склад охранялся активней обычного. Это было добрым знаком. Но все же для Авторитета Гу были просто очень вкусными ящерицами, поэтому особых проблем у меня не возникло. Там было около десятка сонных стражников, которые рефлекторно распространялись о том, как любят тэны осложнять им жизнь. Я мысленно сострадал им, шныряя в густых тенях каменных лабиринтов. Гораздо больше времени мне понадобилось, чтобы отыскать Гу на складе. Их положили в совершенно неприметный мешочек, и, если бы не подозрительный избыток льда, я бы так и бродил среди ящиков, мешков и клокочущих клеток.

Затаив дыхание, я аккуратно открыл мешок, вытянул одну обезглавленную тушку и сунул ее за пазуху.

Я, не торопясь, пошло смакуя триумф, возвращался назад, как вдруг понял, что потерял кое-что важное... Кусок мяса из правого бока.

Дальнейшее я помнил смутно. Скажу лишь, что человек слишком чувствительная тварь. От боли тошнило. Я сидел на полу, тупо свесив голову. Я точно помнил, что у ящерицы не было головы. Это нетрудно запомнить. Обрубленная шея, змей подери, что это еще могло значить? Однако сквозь агоническую поволоку, я видел перед собой ящерицу с конической тяжелой головой, которая зловеще щелкала окровавленной пастью, и смотрела на меня с торжествующей иронией. Еще бы. У меня не было не малейшего повода ее обвинить. Я бы поступил точно так же.

Потом она словно бы растворилась в воздухе, а я побрел, как мне показалось, в свою комнату...

Иордан молча следил за тем, как Вельвет обрабатывала мою рану.

— Так, — сказал он, заметив, что я пришел в себя, — как дела Престон, мальчик мой?

— Ничего конкретного, господин Магутус, — гнусно прошипел я. — Спасибо, — сказал я Вельвет.

У нее было серьезное, накаленное страхом лицо. Мне стало ужасно стыдно.

Магутус, разумеется, все понял. Она нашла меня в коридоре, в двух метрах от моей комнаты. Я был жутко отравлен. Укус сам по себе ничего не значил, но яд Гу чуть меня не доконал. Делать было нечего. Иордан предоставил свой письменный стол и немедленно дал мне противоядие.

Глава Акта после первого вопроса долго молчал, наблюдая за моими дерзкими попытками подняться. Но я все-таки встал и сделал то единственное, что могло спасти меня от быстрой расправы и окончательного бесчестия. Я вытянулся перед ним во фронт и сжал стучащие зубы.

Иордан молчал, но по общему тону этого молчания, я понял, что отыгрываю очки.

Он не собирался задавать вопросов.

— Это хороший урок для тебя, Имара, — сказал он, глядя на меня из глазниц своей маски. — Информация, волчий ты хребет. Информация о цели, какой бы она ни была. Гу

отрачивают любую часть тела, даже голову. И они очень ядовиты. Я думал, что из тебя выйдет толк. Я не привык ошибаться, Престон, мне это запрещено. Ящерицу поймать. Если не поймаешь, вылетишь отсюда как пробка, а перед этим мы сотрем тебе память. И лучше тебе не знать, каким образом. Если поймаешь, я забуду об этих пяти минутах, и ты сможешь забрать Гу себе. Понятно?

— Спасибо, — сказал я, понимая, что присутствую при историческом событии.

Иордан кого-то миловал, да еще и на таких выгодных условиях.

— Ее благодари, — сказал Иордан, качнув лбом в сторону моей спасительницы. — Подох бы ты в этом коридоре, безмозглый щенок. Разве в ящерице дело?.. — Он замаял следующую реплику. — Все, проваливайтесь отсюда.

Мы вышли из его покоев. Я стоял, не смея посмотреть в сторону Вельвет. Молча пошатывался и пальцами удерживал кадык на месте. От слабости подгибались ноги. И тут я понял, что мне ни за что в жизни не поймать эту ящерицу. Условия не были выгодными. Они были вполне справедливыми.

— Прости, — сказал я, облизывая губы сухим языком. — Я только хотел...

— Я знаю, — сказала она, приобняв меня за талию. — Пойдем ловить ящерицу.

Я посмотрел на нее мутными рыбьими глазами.

— У тебя глаза как у мертвой рыбы, — тут же сказала она и улыбнулась. — Пойдем. Вылетать отсюда никак нельзя.

— Эта сволочь...

— Иордан?

— Нет, ящерица. Она может быть где угодно. Где угодно. Это невозможно...

— Замолчи! — она потрянула меня как мешок с крупой. — Престон, ты что, правда думаешь, что я позволю тебе оставить меня? Ты запомнил, что тебе только что сказали? Информация! Гу любят сухие укрытия и мышей. Понимаешь? Нужно простой обойти кладовые.

— Послушай.

— Что?

— Ты только не подумай ничего плохого. Я хотел тебя порадовать. Это не маневр.

— Престон. Ты сам только что подал мне эту идею.

— О.

— Бандит, давай поговорим об этом потом, когда будем обглаживать Гу.

— Точно. Ящерица.

Я наливался благородной яростью честного охотника.

Нет, в этот раз мне еще не суждено было нырнуть вот тьму. Тогда... тогда все было относительно на своих местах. Мы с превеликим трудом загнали эту тварь в угол, в кладовой, где она действительно охотилась на грызунов и снова обронила голову. На этот раз я сунул тело в мешок со льдом, который и был подан на стол Иордана...

Коротко: все обошлось. Вельвет и я долго ликовали, трясли друг другу руки. Я понял, что снова восхитил ее. Хотя Иордан, по-моему, уже тогда мысленно пометил меня черным крестом, но мое родство опять сделало свое отвратительно-полезное дело.

На следующую ночь мы с Вельвет сидели на крыше смотровой башни и довольно несдержанно обглаживали тонкие хрящеватые кости. Возможно Гу даже вызывала привыкание, во всяком случае она была настолько вкусна, что мы прослезились когда был проглочен последний кусок.

— Спасибо, — сказала Вельвет, облизывая пальцы.

— Спасибо, — повторил я, глядя на ее лицо, выхваченное из темноты светом догорающего костерка в медной чаше. Она коротко стриглась, как и все курсантки, но даже лишенная одной из главных женских черт, смотрелась как печальный идол красоте и тонкости. Я был совершенно безоружен.

Она склонила голову на бок и скосила взгляд мимо меня. Нужно было что-то сказать, потому что хрящ в моем рту становился уже совершенно безвкусным. Я выплюнул его, и произнес, слегка растягивая слова:

— Это было поучительное приключение. Гораздо поучительнее того, когда мы с Гелбертом составили требование «О добавках» и показали ее Пенгю.

Она улыбнулась, но я понял, что зря упомянул Гелба. Ее все еще мучило чувство вины перед рушащейся дружбой.

— Наша дружба не развалится, — сказал я, помедлив. — Мы просто немного сменим ее качество. Гелб поймет... Мы четыре нереста вместе. Это ведь не просто так, это не капризы и не игра во взрослых. Мы выше этого. Но ты нужна мне больше, чем раньше.

— Если мы выше этого, — сказала она тихо, — то должны были быть выше до конца, а не выбирать, кто окажется первым.

— Ты права, но случилось так, как случилось, — сказал я смиренно. — Теперь нужно просто решить, что с этим делать. Если я не настолько нравлюсь тебе, чтобы...

— Замолчи, прошу тебя, замолчи, — она старательно прятала от меня глаза. — Ты прекрасно знаешь, что я к тебе чувствую.

— Нет, не знаю, — возразил я. — Ты постоянно кормила меня только намеками.

— Ты не понимаешь таких очевидных намеков? Может быть, тебе просто хочется это услышать?

— Да, думаю, мне бы очень хотелось это услышать.

— Ну, хорошо. Только запомни эти слова хорошенько, потому что я не часто смогу говорить тебе это. Мы можем разлучиться так же просто, как съели эту несчастную Гу.

— Я запомню, — сказал я клятвенным тоном.

Она тяжело, будто разрывая цепи морали, обязательств и целомудрия, поднялась и подошла ко мне. Минуту Вельвет смотрела на меня сверху вниз, словно решаясь нырнуть в омут с головой, а потом села на колени и прижалась губами к моему уху. И я услышал это. Это несложно. Даже просто. Просто как восход Светозверя, как рождение цветка из бутона, как капли дождя на стекле в лучах света. Тот, кто испытывал это в моем возрасте, знает, что это совсем просто, точно так же как летать и сворачивать горы...

Мы были достаточно незрелы и импульсивны, чтобы не остановиться на этом.

Наутро я по сложившимся понятиям проснулся мужчиной и тут же попал под распределение на практику. Видимо, Иордан все же решил, что я заскучал в стенах альма-матер и меня нужно чем-то занять, пока я не стащил парик Автора или еще чего. Случись это на денек позже, и я не чувствовал бы впоследствии такой ужасной вины, такого давящего осознания собственной подлости и страха.

Я шел на свое первое официальное задание под патронатом одного известного выпускника, который, как и я, подавал некогда большие надежды, и впоследствии с блеском их оправдал. Поэтому никто не сомневался в успехе миссии, особенно мой совестливый папаша.

Детали мне знать было не обязательно. Так мне сказали. Я не спорил. Все мои мысли

кружились вокруг Вельвет. У меня было плохое предчувствие после этих ее слов о легкой разлуке.

Когда вместе с остальной экипировкой мне выдали многозарядный арбалет, я понял, что судьба моя, Светозверь побери, оскалилась. Однако Престон Сливочный тогда еще был молод, и у него оставалось немного этого розоватого вещества в голове, называемого оптимизмом.

Убивать нас учили на лисицах, мелких кабанах, все это я переносил достаточно легко, хоть и не без отвращения. Карликовые бергеры давались мне сложнее, они очень походили на людей. Когда я видел в перекрестии тупое рыло примата, я хорошо понимал, как трудно мне будет убить человека. Даже врага Авторитета.

Мы с патроном отправились в глухое селение близ провинции Тереп. За время дороги он заговорил со мной лишь однажды, посоветовав не мешаться под ногами. Мне было все равно. Тоска смертельной болезни глодала меня так, словно земля позади обрушивалась после каждого моего шага. И обрушивалась чуть быстрее, чем я ступал.

В селении мы вышли на связного, древнего, на удивление зубастого старика, который пометил на карте деревушки участок на самой окраине. Патрон дал ему пару профилей и тут вдруг улыбнулся мне, потрепав по грязному от долгой дороги загривку.

— Все будет слишком просто, — сказал он благодушно. — Вся эта ваша практика — чушь. Вот в одиночку тебе будет интереснее. Куда интереснее... — Он посмотрел на меня внимательнее, впервые заинтересовавшись тем, что происходит с моим лицом. — Сколько тебе нерестов? Выглядишь как этот торговец чужими шкурами.

— Четвертый курс, — сказал я сухо.

— Свиной, стало быть, убивать приучен, — он нехорошо ухмыльнулся и притянул к себе мою перевязь с арбалетом. — Барахло, — сообщил он, со знанием дела оглядев оружие. — Но для этого сброда сойдет. Они не лучше свиной.

— Кто, они? — спросил я, уже слыша скрип капкана.

— Не бери в голову, — патрон утомленно зевнул. — Сброд, ясно? Мразь. На это дело, в общем-то, следовало бы отправить просто стражу, но в этой дерьмовой деревушке нет стражи. Есть никчемное ополчение, состоящее из проспиртованных калек. У них тут, знаешь ли, хорошо быть ополченцем. Все равно, что охранять пустую кладовку. Вроде бы и при деле и зад с табуретки поднимать не надо. Есть хочешь?

— Хочу, — ответил я, не удержавшись.

— А нельзя, — с готовностью ответил патрон. — Правило двадцать один?

— «Не принимать пищи и питья перед заданием», — вяло процитировал я.

— Мне не нравится твой настрой, — сказал патрон, наблюдая за мной из-под края капюшона. — Ты сейчас просто смотришь, наблюдаешь. Подвигов от тебя даром никому не нужно. Главное слушайся меня как рычаг и все пройдет как на учениях.

Он не понимал. До этого момента вся моя практика проходила на улицах Гиганы, где мне по средствам системы подсказок необходимо было найти и добыть определенную Актом вещь и принести ее наставнику. Подобные испытания доставляли мне огромное удовольствие. Со временем я отказался от сухих систем и начал удачно импровизировать. В основном именно поэтому мной интересовался Иордан. Но там, разумеется, и речи не шло о вспоротых артериях и проникающих ранах. Речь шла о вполне объективных охранниках, которые должны были заметить, поймать, и тогда я ловил лбом колотушку. В теории. Я не попался ни разу, если не считать случая с предательством ящерицы. Но и там мне

противостояли все те же толерантные охранники, которые все так же должны были меня поймать... Только ставки были чуть выше.

— Мы должны их убить? — спросил я.

— Да, — сказал он, и снова зевнул. — Ах, вот в чем дело... Бергеры не просят о пощаде перед смертью?

Я промолчал.

Это были развалины старой дозорной фортеции, тлеющей здесь еще со времен войны Зверя и беспорядочных переселений. Рядом, в неглубоком рве, оставшемся, быть может, от крючьев станин огромной пушки, журчал глинистый ручеек. Там наверняка можно было найти ржавые осколки доспехов, наконечники стрел и, конечно, огромное количество костей.

Мы устроили засаду на втором этаже, стараясь не потревожить тяжелые гроздья летучих мышей. Патрон занял место у бойницы и велел мне следить за первым этажом фортеции, сквозь щели в перекрытии. Я дышал тяжелыми испарениями гниющего дерева, и старался настроить себя на крестную ярость патриота и слуги отечества, ждущего появления змея зла и разложения, который... который...

— А что они сделали? — спросил я.

— Зачем тебе? — откликнулся патрон негромко.

— Для настроения.

— Сектанты, — сказал патрон небрежно. — Выдумали свою религию. Да еще и контрабандой промышляют. Перевозят кой-какую запрещенную литературу, едят священных животных. Церковь Зверя все равно приговорила бы их к смерти. Мы оказываем им услугу парень. Болт куда милостивей когтей некуморка.

— А что за религия? — спросил я с неуместным любопытством.

— Отвали, — сказал патрон строго. — Я и так сказал тебе слишком много. Следи за первым этажом и постарайся не сопеть так громко. Если бы не писк мышей, я бы прогнал тебя отсюда, клянусь Первым.

Я лежал, затаив дыхание и погибая от желания почесать спину. В этой башне время словно вязло, накапливалось и прело, теряя направление. Что-то тихо осыпалось, поскрипывало, лопалось и шелкало, словно шептались духи прошлого. В сумраке светились пятна фиолетовой плесени. У меня слипались глаза, и я видел полусон, затянувшуюся мысль, в которой я стрелял в темноту, окостенев от ужаса. Я не видел того, что бродило в темноте, но слышал, как мягко ступают когтистые лапы. Я невольно позвал Вельвет, и вдруг темнота откликнулась, что-то схватило меня за ногу и тут же сжало рот.

Патрон увидел, что я пришел в себя и кивнул на бойницу. Я моргнул. Наставник отпустил мою ногу и убрал ладонь.

— Они здесь, — чуть слышно пронеслось между его губ. — Идут сюда. Подождем, пока зайдут внутрь. Я разберусь с ними. Ты берешь на себя тех, кто останется снаружи. Это будет несложно. Парень, — он заглянул мне в глаза. — Ты сможешь? Скажи так, как сказал бы Первому.

Я не отличался религиозностью, но прекрасно понимал серьезность ситуации. Либо я прячусь под гнилые мешки, или беру на себя часть плана и отвечаю за его успех.

— Да, — неужели я смог бы сказать что-то другое.

Патрон кивнул и повлек меня к бойнице. Я натянул тряпичную маску.

В первый раз я по всем правилам на мгновение выглянул одним глазом и успел

насчитать шестерых. Во второй — определил, что среди подступающих есть две женщины, старик и трое рослых мужчин, вооруженных двуручными мечами. На третий — определил примерную скорость их передвижения и рассчитал время прибытия.

Патрон заинтересованно наблюдал за моими нырками и после третьего жестом осведомился о результатах. Я без запинки ответил ему языком жестов. Патрон уважительно прижал правую руку к сердцу, и мы окончательно замерли по обе стороны от бойницы.

Светозверь побери, думал я с раздражением. Зачем было тащить с собой двух женщин? И старика... Ну хорошо, если следовать профессиональному цинизму, то старик свое уже пожил, да еще и ума не набрался, дурная жаба. Но женщин... А в прочем арбалету все равно в кого стрелять. А я и есть этот арбалет. В руках Авторитета. Закон един для всех. Поблажки нарушили бы его неприкосновенную власть. Безвластие есть анархия. Анархия есть хаос, смерть, голод, чума, ужас и безбожие. Гнев Первого Зверя.

Я почти не ошибся в расчетах, и когда они приблизились к башне, успел зарядить оружие, чтобы не дать себе времени на сомнения.

«Не так быстро», — жестами приостановил меня патрон. — «У них тут спрятан товар. Пусть покажут его нам перед смертью. Понял?»

Я понял. Снаружи раздались тихие голоса, неразличимые для нетренированного слуха. У нас слух был натренирован.

Мужчина-1: Здесь?

Старик: Да. Здесь безопасно. От крыс я положил немного болотного мела. Народ сюда не ходит. Бояться проклятья...

Мужчина-2: *(с подозрением)* Какого проклятья?

Старик: Обычный фольклор. Ничего особенно оригинального. Духи павших в войне Зверя стерегут эту фортецию, и любого, кто посягнет на ее кровавую девственность ждет чудовищное возмездие... Ну и так далее. Тьма.

Женщина-1: *(насмешливо)* А ты, Вегас, все-таки посягнул? Ну и как? Ничего не болит?

Старик: Ничего, что не болело бы раньше. Хватит болтовни.

Мужчина-3: *(настороженно)* Стойте. Я чую что-то.

Мы с патроном одновременно напряглись.

Мужчина-3: Кажется, тут кто-то есть.

Снаружи донесся шорох, звук сминаемых кустов и невнятная ругань.

Старик: *(боязливо)* Ну, что там?

Мужчина-3: Семья кабанов. Но воняло от них как от гвардейцев. Или этих... Незримых Скоты.

Мы с патроном переглянулись.

Мужчина-1: *(с отвращением)* Помяни Хладнокровного. Больше никого не чувствуешь Меф?

Мужчина-3: *(помедлив)* Есть что-то. Тут полно летучих мышей.

Старик: *(раздраженно)* Никого тут нет! Я не желаю больше терять время. Лезьте внутрь. Там из половицы растет вивумура. Выкорчевывайте доски вокруг нее. И умоляю вас: осторожно!

Мужчина-1: Меф, Талия, со мной. Остальные здесь.

На первом этаже тихо закрипели доски: двое мужчин и женщина, поддевшая старика. Некоторое время их не было слышно. Видимо они прислушивались, стоя на одной ноге и озираясь по сторонам. Возможно, кое о чем догадались, и теперь смекалисто показывали

друг другу пальцем на лестницу, ведущую к нам. И тут мне показалось, лишь показалось, что кто-то из них (наверное проницательный Меф) медленно тянет меч из ножен. Заскрипели доски, вынимаемые из пола.

«Давай», — просигналил вдруг патрон, и я бросился в пламя, обжигаясь каждый раз, когда спускал болт.

Мечник упал не сразу, поэтому я подумал, что промахнулся и выстрелил еще несколько раз, прежде чем убить старика. От приземления я чуть сбил прицел, и болт попал второй женщине в плечо. Она пронзительно вскрикнула, и я окаменел. Визг был девичий. Она была ниже ростом, чем все остальные, но этот ее проклятый бесформенный балахон...

Я неуверенно приподнялся. В башне заорал было Меф, но тут же захлебнулся, и вторая женщина закричала что-то вроде «стой глупец, ты не понима...».

Что-то тяжело рухнуло на пол и крикнули подломившиеся доски.

Я все глядел на серый холм вздыбившегося платья.

— Мертвы?

А запах крови уже поднимался. Ее было совсем немного, но мне чудилось, что пахнет бойней.

— Они мертвы?!

Я вздрогнул и посмотрел на Патрона. Его голова торчала из портала.

— Что с тобой? — спросил он, выходя наружу. — Ранили?

— Нет. Все в порядке.

— Я тебя спросил... — он остановился.

Девушка снова застонала.

— Добей, — просто сказал он, и ушел обратно в фортецию.

Запах бойни после эти слов стал просто невыносим. Зачем добивать? — подумал я ошарашено. Потом поймал себя на том, что нервно облизываюсь и взял себя в руки. Я осмотрелся по сторонам и заметил небольшую густую рощу, забитую птичьими гнездами.

— А-а-ах...

— Тихо ты. Не стони.

— Пожалуйста...

— Да замолчи ты, я хочу помочь.

Я приподнял ее корпус и потащил к рошице. Просто скажу, что убежала. Внезапно подобралась и сыпанула мне землей в глаза. Хитрый трюк! А как ловко притворилась беспомощной!

В этот момент что-то вытряхнуло из меня все мои лучшие намерения. Вытряхнуло вместе с воздухом. Меня ударило снизу, боднуло в бок и сдавило сверху. Все померкло и когтистые лапы бросились на меня из тьмы.

Я очнулся во рве.

Ледяная вода приятно холодила неподъемный затылок. Уже вечерело. В ушах равномерно пульсировало. Я пошевелился и понял, что у меня сломана левая рука. Нужно было подниматься... Я твердил это себе как заклинание. Правой рукой я осторожно приподнимал себя как домкратом, пока не сел. Левая — висела плетью. Кровь тоже была, но я, признаться, ожидал большего. Еще у меня, видимо, некоторое время горела левая штанина, до которой не добралась вода. Я осмотрел ногу. Несколько пузырей на пунцовой шелушащейся коже. Все это было несерьезно. Вот если б не голова... Голова. Я прижал ко

лбу сырую перчатку и минуту блаженствовал, пока, наконец, не заметил, что ров усеян осколками камня и тлеющей ветошью. Это открытие меня насторожило. Я помнил только необъяснимой силы толчок и темноту, давящую на все тело сразу.

Интересно, что помнил патрон?

Я, кряхтя и постанывая, принялся выбирать, и замер на полпути, увидев проблему. Фортеции не было. Была довольно безобразная воронка, на дне которой что-то трещало и клубилось дымчатым алым маревом. Над ней вился редкий рой магических слепней, высасывающих остатки вырвавшейся силы. Они напоминали бабочек с комариными иглами вместо хоботков. Порхая голубоватыми крыльями, они высасывали остатки магических испарений.

Это настолько меня поразило, что я всерьез принялся искать взглядом свою башню, но воронка все больше обращала на себя внимание.

Бомба, сказал кто-то за меня. Я пытался спорить, потом пытался не верить. Затем я просто вернулся в ров и долго плескал на голову воду пригоршнями. Если бы я не выпрыгнул, а перестрелял их из бойницы, меня бы разнесло в клочья и растерло осколками камней. Я замер, позволяя каплям воды стекать под одежду, изрешеченную мелкими оспинами.

Патрон наверняка мертв.

Можно, конечно, попытаться его поискать. Но если он не нашел меня первым, значит либо все еще без сознания, либо мне придется искать его очень долго и кропотливо, как грибы осенью.

Намечался первый пункт. Если я его отыскивал, необходимо было оказать ему помощь. Если же нет, надлежало немедленно возвращаться в Гротеск. Я посмотрел на свою мертвую руку и горько ухмыльнулся. Первым делом нужно было помочь себе. Я принялся неловко снимать с себя рубаху, как вдруг услышал короткие всхлипывания, словно лопались пузырьки с болью.

Как мог торопливо я выполз из рва и захромал на звук. Она лежала в той же позе, взрыв только чуть снес ее в сторону. Я сел на колени рядом и убрал ткань клобука, закрывающую лицо. На секунду мне померещилась Вельвет, так велико было сходство. Она тихонько плакала, уже без слез, просто содрогаясь и всхлипывая. Кровь вокруг древка подсохла, значит сталь не задела артерию...

Почувствовав присутствие, она с трудом, искажив личико, открыла глаза и тут же увидела над собой того самого подонка, пса Авторитета, который сегодня, вполне хладнокровно убил всех, кого она знала. А потом еще и ее подстрелил. Но не просто так. Для того чтобы можно было смотреть как молоденькая девчушка корчится от боли, и хохотать, и похотливо глумится, и слизывать кровь с раны... Все это я прочитал в ее глазах как со страницы учебника политической подготовки. Это неприятно меня поразило, и я поубавил сочувствие.

— Убей меня, — взвыла она тихонько. — Убей, перед тем как начнешь.

— Какая прелесть, — сказал я. — Что тебе про нас наговорили? Что мы младенцев коптим? Потерпи, сейчас будет больно.

Я осторожно, но крепко взялся за древко болта и резко, одним движением, выдернул наконечник. Она беззвучно раскрыла рот и быстро-быстро заглотала воздух как рыба. Я нарвал немного пушистой водяной травы, и просунул комок ей через ворот, под одежду, ближе к ране.

— Прижми, — сказал я. — Двигаться можешь?

— Почему? — она послушно прижала траву.

— Не бойся, — сказал я хмуро. — Ты мне не нужна. Есть куда пойти?

Она не ответила, и я понял, что задал весьма провокационный вопрос. Примерно такой: «Есть тут еще поблизости лояльные к вашей секте люди? Или быть может даже штаб-квартира? А-а-а?».

— Слушай, — сказал я устало. У меня начиналось головокружение. — Я сейчас просто встану и уйду. Ты сможешь сама двигаться? Я не собираюсь за тобой следить. Это не входит в мое задание. Мне нужно было просто сопровождать наставника, который подорвался в этой проклятой башне! Из-за вас! Это что у вас, развлечение такое, придумывать себе конфликт с целым Авторитетом? Чтобы потом мы, — нелюди, воняющие как семья кабанов, — убивали стариков и женщин! И таких дурех как ты! Тебе-то там что понадобилась? Что ты знаешь о жизни, чтобы во что-то верить? То, что мы плохие, а вы — хорошие?.. — Я запнулся. Я понял, что срываюсь на невинном человеке. Во всяком случае, не на главе секты.

Кроме того... Ну чья бы корова мычала, а?

Своими воплями я растревожил левую руку, и дальше только беспомощно шипел от боли, согнувшись морской раковиной.

— Я смогу двигаться, — сказала она тихо. — Тебе больно?

— Весьма, — проскрипел я. — Знаешь, где неподалеку можно найти лекаря? Я потерял свою сумку с медикаментами.

Она попробовала подняться, поскуливая и сжимая пальцы в кулачки.

— Можешь опереться на меня, — сказал я сквозь зубы. — Я не монстр.

Она нерешительно коснулась моего плеча. К ее изумлению, я не отхватил руку по локоть. Тогда девушка оперлась основательней и села рядом со мной. Некоторое время она откровенно разглядывала меня как Того Самого Страшила, мифическое чудовище, небывалое и одновременно уязвимое, даже теплокровное.

— Дай посмотрю на твою рану, — попросила она, наконец. — Меня обучали медицине.

— Тут не нужно быть доктором, — сказал я. — Нужно просто перевязать и наложить шину из двух дощечек.

— Я сейчас, — она неуклюже поднялась и, покачиваясь, добрела до вполне сносного куска перекрытия. В основном вокруг воронки лежала только щепка и пепел, но она вернулась с двумя подходящими дощечками.

— А перевязать можно моим же рукавом, — подсказал я.

— Я тоже об этом подумала, — сообщила она, осторожно трогая швы моей туники. — Только боялась спросить.

— Вот, — я вытащил из-за голенища сапога кинжал.

Она вздрогнула. Я поморщился и сам рассек ткань на плече. С минуту она, затаив дыхание, стягивала рукав.

— Нет, — сказала она, осмотрев ткань. — Слишком грязная и сырая. Дай мне, пожалуйста, ножик. Я тебя не убью.

— Да уж надеюсь, — хохотнул я сквозь наворачивающиеся слезы.

Она трепетно взяла кинжал за рукоятку так, как берутся за хрупкий хрусталь, и отрезала полосу ткани с подола своей внутренней рубашки. Рубашка была красивая. Возможно праздничная.

— Она чище всего, — объяснила девочка смущенно.

— Большая жертва, — сказал я. — Я уже не такой страшный?

— Ты такой молодой, — сказала она, перевязывая рану. — Я не могу поверить, что ты уже стал настоящим убийцей.

— Эти люди были дороги тебе? — спросил я помолчав.

— Старца звали Вегас, — она закусила губу. На ее плечо миролюбиво сел слепень и принялся чистить иглу. — Он учил меня грамоте. Теперь вот даже не знаю, смогу ли выучиться до конца. Никто не станет со мной возиться. Мужчину, которого ты изрешетил стрелами, звали Родас. Он иногда учил меня драться. Очень смеялся, когда я ошибалась. Но я не обижалась на него. Он был хорошим человеком, только немного грубым. А тех, кто взорвался, звали Муфасаил, Меф и Талия. Талия была мне почти приемной матерью. Мои родители ушли. Или умерли. Я не знаю. Талия иногда пела мне песни и учила пользоваться косметикой. С ней можно было поболтать о своем... Меф был замкнутым воином... Он почти не говорил со мной. Его терзало какое-то горе. По-моему, его семью убил кто-то из вас. Или другие слуги Автора. А Мафусаил был жрецом. Он рассказывал мне удивительные вещи. О Пустом Океане, о людях, о том, как они устроены, о животных. Он часто смеялся над религией Зверя. Говорил, что все это глупости, и что Светозверь — единственный повелитель природы, а политики просто используют Церковь как третью силу... Я не совсем поняла, что это значит. А ты понимаешь?

— Полагаю, что он разделял три ветви контроля населения, — сказал я пораженный ее рассказом. — Армия, закон и церковь Зверя. Поняла теперь?

— Наверное, — сказала она, завязывая аккуратный узелок. — Девушке моего возраста и положения, скорее всего и не нужно понимать такие вещи. Даже знать о них.

Я промолчал. Думал о том, что она рассказала. О том, что перед каждым выпущенным болтом стоит чья-то личность, чья-то история, чьи-то мечты и желания. Я не то чтобы распустил нюни, просто я четко осознал, что не хочу убивать людей не в порядке самообороны. Добывать, обманывать, проникать, казаться и ускользать — пожалуйста. Это моя совесть выдержит. А убивать особо опасных стариков обучающих грамоте несчастных беспризорных девочек пусть предложат кому-нибудь с чистой совестью. Может быть, в этом смысле я был непозволительно слаб. Но мысли о том, чтобы стать *сильным* теперь вызывали у меня ужас.

— Прости меня. Я не хотел.

— Не знаю, — сказала она, накладывая дощечки. — Но я не слышу зла в твоём голосе. Ты просто надеялся, что сможешь свалить все на других? Но не сумел.

— Да, — согласился я. — Не понимаю, почему ты возишься со мной.

— Может быть, они рано решили научить тебя этому, — сказала она. — Может быть, потом ты все-таки привыкнешь. К чужим растоптанным мирам. Разумеется, я не смогу тебя простить, но никому не станет лучше, если ты потеряешь руку.

В этот момент я подумал, что это, возможно, самые добрые слова, которые могут быть сказаны человеком.

— Закон один для всех, — продолжала она слабеющим голосом. — Они тоже знали, на что шли. Ты спрашиваешь, что я могу знать о мире вокруг себя? Ты прав, почти ничего... Но я поступала, как все люди поступали до меня: семья, какая бы она ни была, это всегда твоя сторона.

— Не нужно объяснять это мне, — сказал я, помогая ей правой рукой. — Не в ко-ня

корм. Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, чем ты, — отмахнулась она.

— Это хорошо, — сказал я, с некоторым раздражением понимая, что у меня, оказывается еще и ребра поломало как сучья для костра. Два или три. Слева, как нетрудно догадаться. — Слушай, так тебе есть куда идти? Односложно.

— Да, — сказала она, старательно заканчивая работу.

— Тогда иди. Потому, что я скоро не смогу тебе помочь, даже если у тебя ноги откажут... Потому что... Светозверь побори... Иди.

— У тебя еще что-то...

— Иди, — крикнул я. — За мной придут...

— Врешь, — сказала она уверенно. — Вы ведь живете в Гротеске. Сколько от него до нашего захолустья? Семь дней? Восемь?

Двенадцать. Верхом. Я заставил себя тихонько засмеяться, чтобы остановить растущую тоску. Сброд... Не такой уж и сброд, раз прячут магические бомбы. Меня не определили бы на такое опасное задание, если б знали, насколько оно таковым является. И не как Сынка, а как незрелого школяра, который еще не научен практическим чудесам живучести. Во что это мы тут влезли? Стража, похоже, не справилась бы с политически-ожесточенным Мефом. И бомба всегда тянула на особое расследование, за бомбу Акт цеплялся как за дополнительное финансирование из казны. Совсем недавно по крупным городам Авторитета прогрохотала серия взрывов.

— Нет, — сказала она вдруг.

— Что? — я поднял голову.

— Нет, — она смотрела куда-то за мою сгорбленную спину. — Не надо.

Я все понял, даже успел услышать, даже успел обернуться. Вот только защититься не успел.

Два раз подряд мне не давали очнуться. Как только я чуть открывал глаза, мне били двумя пальцами в точку ниже затылка, которую я и сам прекрасно знал, но так умело никогда не использовал. Я даже не мог понять несут меня, везут или просто волокут за ноги. Это было настолько подозрительно, что я начинал понемногу поддаваться панике. Считать себя умершим было неинтересно, и вообще это ущемляло самолюбие.

Тогда я стал размышлять о силах человеческих, о том какую школу нужно пройти, чтобы вот так запросто отключать человека двумя пальцами. Важна ведь не только сама точка, а еще и определенная сила нажатия, которую просто так не вычислишь.

У меня широко разыгралось воображение.

— ...так что, значит, все под хвост? — сказал вдруг кто-то жирным кабаньим басом.

— Если вас устраивает подобная формулировка, — вежливо ответил второй голос. Голос был масляный и такой гладкий, натренированный, какой бывает у людей, имеющих дело с толпами.

— О, кости Первого! — отпрыгнул Бас.

— Ну не стоит, не стоит, сами виноваты, — успокаивал Вежливый.

— О, кости Первого! — отпрыгнул Бас ровно с той же интонацией. — А что с этим щенком? Дозвольте я его!..

— Не позволю, — холодно отрезал Вежливый. — Я за такого как он отдам двадцать таких как вы, Рубен. Особенно после инцидента. Эта бомба была мне очень дорога. Почти

как дочь. Я надрывал казну гильдии не для того, чтобы вы так бездарно тратили мои ресурсы.

— О, кости Первого! — вроде бы извинился Бас.

— Не стоит, — расстроено вздохнул Вежливый. — Где я могу оставить этого молодого человека? Мне предстоит долгий разговор с вашим хозяином.

— Щенка-то? — всполошился Бас. — А вот, значит, раз-два...

— Ну?

— В каземат не пойдет?

— Рубен, кости Первого, хотите я пушу вам сало?

Бас вдруг дико взвизгнул и замолчал. Вежливый заговорил с кем-то еще. Я помнил темную, на фоне заката, скользящую фигуру в сопровождении небольшого отряда вполне различных головорезов. Но эта фигура была словно вырезана ножницами из змеева «ничего».

— Оставьте ему воды, — говорил Вежливый строго.

— Слава светозверю, вот и вы, — сказал кто-то новый. Это, по голосу, был типичный Старейшина, хранитель знаний и вечный девственник. Я так и видел в своем воображении угловатую лысину, обрамленную благородным седым волосом, запавшие от постоянного чтения влажные глаза, пятнистый нос и мелко дрожащие губы. Потом я понял, что просто вспоминаю убитого мной старика, и велел себе заткнуться. Голос Старейшины принадлежал зрелому мужчине. — Я слишком высокого мнения о ваших способностях, чтобы волноваться, но, клянусь, ни разу не присел после вашего ухода. Что же там произошло? Я не вижу пропавших, значит...

— Мертвы, — с некоторым упреком произнес Вежливый.

— Как? — сбывались худшие предположения Старейшины. На влажных глазах заблестели бусинки горя. — Все?

— Все, — хладнокровно ответил Вежливый. — Вместе с моей бомбой. Такая халатность с вашей стороны была недопустима. Я думал, что могу доверять вам. Я не привык ошибаться, мне это запрещено.

У меня замерло сердце.

Старейшина молчал.

— На них вышли Незримые, вы понимаете, что это означает? — Вежливый раздражался все больше. — Нам нужно многое обсудить.

— Постойте, — горько произнес Старейшина. — Их тела все еще там?

— Отчасти, — помедлив, сказал Вежливый. — Там неплохо трянуло землю. Бомба была сделана на совесть, импортный экземпляр, не то, что местные дымовухи. Слушайте, милейший, у вас тонкое восприятие мира, я прекрасно осведомлен об этом, но это были войны. Войнам свойственно погибать, это немаловажная часть их профессии.

— Это я понимаю, — ровно ответил Старейшина. — Но среди них было совершенно невинное дитя. Это ужасно, что ему пришлось принять такую смерть. Девочка.

— Девочка? — задумался Вежливый. — Ах, девочка. Так она ваша? Собственно, она жива. Ваши увальни прихватили ее с собой. Я решил, что для утех.

— Где же она?

— Она в своих покоях, — ответил кто-то с готовностью. — Лекарь уже у нее.

— Хоть одна хорошая новость — проговорил Старейшина с благодарностью. — А это...

— Мой трофей, — быстро сказал Вежливый.

— Это Незримый, — рывкнул кто-то. — Он во всем виноват. Мастер Ритор, я ждал вашего решения по этому вопросу. Я смиренно полагаю, что щенка нужно оставить у нас и казнить за смерть наших братьев.

— Господин Вельд, — сказал Старейшина озадаченно, — что вы хотите сделать с этим вороном? Желание моих сыновей вполне оправданно. Отдайте его нам, зачем вам лишняя обуза?

— Это мое дело, — сказал Вежливый напряженно. — Я понимаю ваши чувства, но не дам напрасно расходовать такой материал. Это совершенно ни к чему. Я неглупый человек и давно научился называть смертям цену. Этот малыш вам не по карману Ритор, даже если вы перетрясите все ваши сундуки. Это я заявляю вам официально и единственный раз. Если вы продолжите настаивать, я вынужден буду пойти на крайние и очень нежелательные для всех нас меры. Считайте, что компенсируете часть моих неоправданных затрат. Весьма значительную часть.

Некоторое время держалась тишина неприятных впечатлений, словно каждый пытался оценить мою смерть. Похоже, у Вежливого здесь тоже были свои люди, потому что я ощутил слабую, но сосредоточенную атмосферу пересеченных взглядов и ползущих к рукояткам пальцев.

Мне снова становилось хреново. Ребра жгло мерзкой лихорадочной болью. Вообще у меня было интересное положение, которое уже перерастало трагико-романтические метафоры с капканом и волком отгрызающим себе ногу, чтобы уйти от залиvistых гончих. В лучшем случае я мог быть трофеем, чье дело — украшать стену или пол. В худшем — меня банально придавали смерти в запале братской скорби.

Глаза раскрылись сами собой.

Я лежал на на скамье, и видел только черную гладь Его плаща, движимую матовыми колыхающимися волнами. Капюшон был отброшен назад. Каштановая грива застилала складки воротника и наполняла мешок капюшона.

— Парню тоже нужен лекарь, — сказал Вежливый в деловом порядке кому-то из своих. — перевяжите ему все, что кровоточит... Ритор, Ритор, друг мой, — он уже брал инициативу в свои руки, возлагая их на плечи неожиданно могучего мужчины в свободных серых одеждах. — Стоит ли прекращать наше сотрудничество? Ах, молодо-зелено, мы с вами оба все еще некомпетентны в действительно интересных делах. Насолить Авторитету, кое-что взять, кое-что подвергнуть сомнению — это нам более-менее удастся. А вот бомбы... Эти наши смешные системы стенографии, наши нелепые позывные, неуклюжая конспирация, провальные явки. Помилуй Первый, разве я смею обвинить вас? Мы еще очень мало знаем о дне завтрашнем, чтобы быть неуязвимыми в дне сегодняшнем. Как и этот малыш. О-хо-хо, Ритор, когда я был молод, как этот мальчишка и мне нужно было самоутвердиться, я тоже совершал дурацкие поступки. Бросьте, зачем он вам? А вот у меня есть план. Жестокий и изощренный, Ритор. Религия Зверя, — не при вас будет сказано, — еще содрогнется от ударов этого парня.

— Верно ли это? — спросила скала, слегка шевельнувшись.

— А как же! — воскликнул Вежливый. — Это глина, дорогой Ритор. До этого из нее лепили нечистые пальцы Гротеска, и вот к чему это привело: парень убил хороших людей, сам на последнем издыхании и ради чего? Ради того, чтобы кто-то в этой проклятой гробнице мог сказать Автору, что Незримым удалось разгадать очередной зловещий заговор, подтачивающий его власть? Чушь, разве стал бы я расходовать бомбу на этих проходимцев?

И так постоянно: смерть, отчаянье, страх, разрушения. И все от извращенного властолюбия и бюрократической непроходимости. Парень был куклой, но я обрежу нити кукловода.

— Что ж, — вымолвила скала глубокомысленно, и со свистом втянула воздух через квадратные ноздри. — Если следовать подобной логике, можно было бы убрать с площадей все виселицы. Но я все же виноват перед вами и считаю ваше желание если не справедливым, то оправданным. Вороненок ваш.

— Мастер Ритор! — вперед подался громила, который первым оспорил мою судьбу. На него тут же, как арбалетные гвозди нацелились глаза невыразительных личностей, тонущих в тених. Кто-то в высоких сапогах заслонил мне картину и накиннул на голову край плаща, которым я был укрыт. — Я не могу позволить Незримому уйти! После того как погибла Саша... А Меф, вспомните Мефа! Вегаса! Они не встают у вас перед глазами?! Вы хоть знаете, что я сейчас чувствую?! Прекрасно знаете! И идете на поводу у этого льстивого подонка, этого сладкоголосого короля уличной нечисти! Я убью вороненка сам... — заскрипели ножны.

Что-то коротко и остро свистнуло. Тело упало не сразу. Перевалилось через состукавшие колени. Кто-то попятился назад, шаркая подошвами.

— Теперь, — сказал Вежливый, искаженным от ярости голосом, — вы не должны мне ничего, дорогой Ритор. Как торговец я мог бы сдержаться, но не как джентльмен: честь дороже денег.

— Я понимаю, — мгновенно откликнулась скала, на которую явно попали кровавые брызги. — Прошу прощения за этот бессмысленный выпад. Пойдемте... Пойдемте. Нам все же нужно многое обсудить.

— С радостью, — Вежливый уже улыбался заново отполированным голосом. — Выпьем немного вашего коллекционного, с плесенью на бутылках. Никак не могу заставить собственные запасы заплесневеть. А ведь, похоже, именно в плесени секрет этого забытого человечеством вкуса. Иначе я даже не знаю...

Они ушли. В коридоре еще некоторое время держалась напряженная тишина, потом что-то угрожающе было сказано сквозь зубы и послышались отяжеленные ношей шаги.

Меня подхватили на руки и снова отправили «бай-бай».

Очнулся я на мягком.

Прошелся пальцами по ранам, — все было туго перетянато свежими бинтами и намазано какой-то остро пахнущей гадостью. Комната была небольшая, светлая, но без окон, похожая на рабочую каморку. Стены покрывали обои из холстов бумаги. На полу лежали тяжелые черные ковры из шкур, приспанные свежими лепестками кукагавы отпугивающей жуков-пухоедов. Мое бледное полупрозрачное лицо отражалось в дверцах стеклянного книжного шкафа, на котором дремал белый кот.

Рядом с кроватью ненавязчиво поблескивал золоченый стол с графином. Это была вода. Я оскалится как вурдалак и алчно потянул к нему левую руку. Остановился и посмотрел на нее. Рука была товарного вида. Я постучал по кости и поморщился. Все-таки боль еще не ушла.

Что-то вдруг зашуршало. Кот ожесточенно потягивался, бесшумно открывая зубастую пасть. Потом без всякого интереса поглядел на меня и легко спрыгнул со шкафа. На ковре он некоторое время в случайном порядке вылизывал лапы, а потом выдавил дверь и скрылся в неведомом мире.

Я положил голову на подушку и стал думать. Меня слишком трепетно выхаживали: честное слово я не понимал, зачем нужны пленнику бинты, вонючая мазь и чистая вода в графине. Даже если они хотят использовать меня как языка, это более чем роскошно. Наоборот, меня следовало бы держать в черном теле, и тогда я раскололся бы куда охотнее.

Личико у меня смазливое. И волосы отросли. Фигурка что надо. Светозверь побери, где-то ведь люди знают, что такое безвозмездная добродетель. Продадут в рабство какому-нибудь обеспеченному мужчине...

Нужно было что-то предпринять. Выскользнув из-под одеяла, я убедился, что нуждаюсь в одежде. Хотя бы в набедренной повязке. Я обошел комнату и в изголовье кровати увидел табуретку, на которой лежал мой чистый отутюженный костюм, тщательно заштопанный тонкими прозрачными нитями, чтобы швы не портили общий вид. Я принялся торопливо облачаться, поглядывая на дверь. От одежды пахло ароматизирующей смолой. Лицо мгновенно свело судорогой, и я отчаянно чихнул, едва не потеряв равновесие.

— Будьте здоровы.

Я замер. Но потом спокойно закончил одеваться, тщательно зашнуровал половинки кожаного доспеха, подтянул мокасины до колен и... наугад швырнул табуретку. Он чуть склонил голову влево, и табурет лишь слегка всколыхнул густую каштановую прядь.

И только тут я понял, что мои пазухи для метательных ножей заполнены именно тем, для чего они предназначены.

— Превосходно, — довольно сказал Вежливый. Он словно провоцируя меня, отошел от двери и на мгновение повернулся ко мне спиной, чтобы развернуть к себе полужесткое кресло. Потом сел в него, скрипнув кожаной обивкой, и поправил сбитую табуретом прядь. — Вы куда-то собрались? Туалет по коридору направо, а потом ныряйте под бордовые портьеры и все увидите. Я подожду вас здесь.

— Вы ставите меня в неловкое положение, сударь, — сказал я, пытаюсь перебороть его спокойный взгляд цвета мореной древесины.

— Вельд, если вам будет угодно, — мгновенно подхватил он, на удивление искренне улыбнувшись. Это неплохо ему удавалось. У него была гладкое блестящее лицо послушного домоседа, или мэра какого-нибудь крохотного курортного городка. Под прямым носом располагающе шевелились лисьи усики, и уютно подрагивала длинная борода, завивающаяся в кольцо.

— Прежде всего, — продолжал я, — мне непонятны ваши намеренья. Считаю необходимым донести до вашего сведенья, что относительно вас я имею самые скверные подозрения. Думаю, вам следует объясниться.

— Объясниться? — переспросил он добродушно. — Извольте. Но для начала: могу ли я узнать ваше имя, молодой человек?

— Кирк, — сказал я, не задумываясь.

— Так вот, господин Престон Имара от'Крипп, — сказал он, не моргнув глазом. — Я начну с самого начала, чтобы создать нужную мне атмосферу. Итак, представьте себе кабинет вашего наставника, Иордана Магугуса. Он сидит за своим столом в своей страдающей от геморроя позе, быстро просматривая документы. Его левый глаз чуть прищурен. Он уже в третий раз набивает трубку свежим табаком, но каждый раз откладывает ее в сторону. Он в некотором затруднении. Ему неприятно давать поблажки, да никто от него этого и не требует. Но сын военного архитектора Криппа? Великий Первый, стоит ли рисковать, если последствия неизбежны? Притом самые неприятные. Пусть уж мальчик для

начала совершит небольшой марш-бросок, а потом пристрелит пару бродяг-сектантов во имя Авторитета. А что б наверняка убережь его от пьяной драки в каком-нибудь трактире и случайных связей с женщинами легкого поведения, которые его непременно соблазнят, вместе с ним отправляют «старшего брата». Задание почти постановочное. Не интереснее обычных тренировок.

И вот они маршируют до Терепа, находят связного, который указывает пальцем в карту. Ему заранее сказано куда указывать, ибо, как я уже сообщал: задание фактически постановочное. Так все думали. Ну что может быть за товарец у этих жалких диссидентов? Карикатуры на Автора и значки запрещенной религии? Оказывается, нет, не карикатуры и даже не значки. Импортная, десятикилограммовая маггическая бомба наложенным платежом из Империи. Пять тысяч профилей. Эта цена самой бомбы, не считая дорожных и кадровых расходов. Нелепое стечение обстоятельств. Везение или невезение, но невероятное. Кто-то из вас двоих, вероятнее ваш братец, не понимая, что именно перед ним находится, подрывает и себя и несчастных сектантов (милейшие люди, кстати, за мелкими исключениями), которые здесь выступали невинными посредниками. Я справедливо не мог даже предположить, что на них кто-то обратит внимание. Но нет, Гротеск, похоже, действительно видит дальше, чем может осмыслить.

Но вернемся к вам, господин Престон. Вам в этот момент нехорошо. Вы понимаете, что случилось непоправимое, и не знаете, что предпринять. К тому же у вас вдруг просыпается совесть. Это приводит вас в идеологический ступор. Что делать? Вас не научили многому, как ни странно это звучит. Почти ничему, что могло бы пригодиться в жизни, не требующей смертей для поддержания собственного существования. Разве что...

— Ну, — сказал я, низким от злости голосом. — Продолжайте! Я, кажется, понял кто вы. Правда, у нас вы проходите под другим именем.

— Не я, — возразил Вельд снисходительно. — Все это были абсолютно незнакомые мне люди, которых хватали, сажали и вешали вместо меня. Мое дело переписывалась больше тридцати раз, а вы молодой человек, видели один из вариантов. Представляю какое отвращение от этого спектакля испытывает старина Магутус. Но что ему бедняге делать, если тэны брызжут, тэны сучат ногами, тэнам подавай мою голову с идеально ровным срезом на шее. Вот и приходится актерствовать... А впрочем, это нетрудно. У него так много политзаключенных на примете. Вы ведь знаете, что находится в катакомбах вашего крыла? «Вот Железная Дева: столь прекрасны резные очи из белого холодного металла, и перси, подобные совершенству, если искать его в этом мире, и столь же прекрасна и чувственна боль сотен шипов со страстью терзающих тело». Это не я придумал, упаси Первый. Просто щажу ваше незнание мягким слогом.

— Вы настолько глубоко проникли в нашу систему? — спросил я с отвращением.

— О, «систему», — с непонятной интонацией повторил Вельд. — Все-таки в вас есть червоточины патриотизма. Ничего, заживут. Ваша «система», это просто древняя, придуманная еще черти знает кем номенклатура, которую Гротеск до сих пор эксплуатирует. Любой достаточно грамотный человек с доступом к информации разбирается в вашей «системе» не хуже Магутуса. Я грамотный человек и у меня есть доступ к информации. Вот и все. Никаких лазутчиков, никаких подглядываний в ночные горшки, никакого промышленного шпионажа. Я сам пользуюсь похожей системой с поправкой на демократичность. То есть никакой пропаганды, никаких Зверей и кодексов под подушками. И Железных Дев у нас нет. Есть прогрессивная фармацевтика, на которую скупиться

Гротеск.

— Да ну? — изумился я желчно. — То, что вы мне сейчас говорите, очень смахивает на пропаганду. Просто не отличить. Не вижу только поправки на демократичность.

— Ну как же, — всплеснул руками Вельд. — Извините. Для чего нужна была вся моя вступительная речь? Мы, Свободная Компания, подчиняемся одному из правил клуба: не убивать на работе без крайней необходимости. Если говорить конкретно — только в порядке самозащиты. Да и то, есть целая подборка других способов отбиться. Прогресс доступен для всех. У нас есть богатый арсенал вспомогательных средств... Но я рано заговорил о деталях, хотя это помогло бы мне в искушении. Господин Престон, вы очень проницательный молодой человек, и мне кажется, вы уже догадались, что я хочу вам предложить. И все-таки: я хотел бы сделать вас почетным членом Компании.

Я догадался. И все равно был шокирован.

— Я не сомневаюсь в глубине ваших моральных принципов, — продолжал Вельд, глядя в мои остановившиеся глаза. — Никто не заставляет вас обворовывать людей, которым не под силу помогать нашему клубу. Мы этим не занимаемся, потому что это бессмысленно. Нищие находятся под протекторатом Компании. Мы регулярно помогаем им, чем можем, потому что только так джентльмены удачи могут оправдать свое существование. Вы сможете сделать большой вклад в это праведное дело. Дорогие особняки заскучавших толстосумов, с вашим талантом и навыками — это не составит вам труда. И никто, между прочим, не заставляет вас брать лишнее. Кто посмотрит на ваши моральные принципы в Гротеске — это другой вопрос. Вы уже в этом убедились. Там вы инструмент, здесь — джентльмен, полноправный и свободный.

— У вас хороший слух, — сказал я, пытаюсь не выдать свою заинтересованность. — А я много говорю. Вы правы, мне не нравится убивать людей. Обворовывать их? Эта игра некогда доставляла мне удовольствие. Но эти люди знали, что я рядом, не знали только, когда произойдет действие. И это была игра. Мне не нравится ваше предложение.

— Вы в праве отказаться, — немедленно откликнулся король воров. — Вам завяжут глаза и выведут отсюда. А после этого можете отправляться куда пожелаете. Можете вернуться в Гротеск и медленно сходить с ума в конфликте с самим собой. Или вернуться домой. К отцу. Или пойти бродяжничать. Но учтите, просто так, без лицензии, на территории столицы вам воровать никто не даст. А работать за гроши и спать на соломе, я уверен, вы не станете. Вас погубят амбиции. Рано или поздно, вы захнетесь на истинные блага наших территорий и тогда вам несдобровать. Это не угроза, всего лишь деловое предупреждение. Лично я испытываю к вам необъяснимую симпатию. И не только как к специалисту. Как к человеку. И мне бы очень не хотелось давить ее. Мне и так постоянно приходится это делать.

— Вы ловко обыграли мои тупики, — сказал я, пытаюсь пренебрежительно ухмыльнуться. И не смог. Замолчал. В Гротеск: верно до безысходности. Именно сходить с ума. Домой? Ударение на фразе «к отцу» просто великолепно. Десять баллов. И воровать-то ведь мне никто не даст. Без лицензии.

Змея. Гладколицая змея с искусно припрятанными клыками. Он уже укусил меня и теперь ждал, когда яд подействует.

— Между прочим, — сказал Вельд поглаживая по щетинистой макушке незаметно явившегося кота, — ваше нежелание убивать, это не трусость. Вы просто, как и я, умеете называть цену человеческим жизням. Это умение может быть понято по-разному. Это

жестокость, разумная жестокость, что хуже всего. Но и мир вокруг не думает о нас с любовью. Приходится быть если не милосердным, то хотя бы адекватным. Вы были адекватны. Безобидные бунтари-ученые. Ну не нравиться им религия Зверя, неужели это заразно? Кстати... — он зашевелился, вынимая что-то из внутреннего кармана. — Вот, — он бросил мне аккуратный зеленый сверток. — Это вам от той девчонки... как бишь ее... Дилы. Вы беседовали с ней возле драмы, помните?

Я молча развернул зеленую плотную бумагу.

«Привет. Я так и не узнала тваего имени но думаю оно красивае как и твое лицо. Меня завут Дила если тебе это интересно. Мы навернае больше никагда не встретемса но я рада что с тобой все в порятке и что мне вообще удалос погаварить с тобой и панять, что не все слуги истино слуги. Господин Вельд суровый чилоовек но он справидлив к людям. Он забрал тебя с собой. Я дагадываюсь зачем но это неважно. Я хатела сказать тебе что заставила сибя побароть злосьть. Так что, если все-таки встретимса снова я не буду тебе мстить. А штобы ты не забывал о словах сказанных мне той ночью я дарю тебе это. Он недорогой, но как символ прослужит тебе всю жизнь. Это символ воли и удачи. Так что удачи тебе и быстро заживающих ран.

Дила»

Медальон был из не тускнеющего сплава. Изображалась раскрытая кисть с широко расставленными длинными пальцами.

Вельд сидел на краю кресла, подавшись вперед, и смотрел на медальон взглядом профессионального ювелира. Потом все понял, и разочарованно откинулся на спинку.

— Странно, — сказал я.

Повесил медальон на шею и спрятал его под одежду.

— Да-да?

— Странно, что вы не упомянули о том, как спасли мне жизнь. И что теперь я обязан вам. По крайней мере, половиной своего крова, если следовать традициям. А если крова нет, то платить нужно собственной свободой. Но вы упорно пытаетесь выдать себя за благородного человека. Демонстративно поворачиваетесь спиной, отворяете передо мной двери, набили мне карманы метательными ножами. Вы перестарались, у меня не было ножей. Вы действительно думаете, что меня можно сломить безвыходностью? А что, если я убью вас, а потом убью как можно больше ваших людей, пока сам не поеду к Хладнокровному?

— Зачем? — спросил Вельд серьезно. — К тому же вы себя переоцениваете, господин Престон. Как это вы собираетесь меня убить? У вас нет таких ресурсов.

Я, вспомнив все, что вколотила в меня изнуряющая школа, двумя пальцами вытащил нож и швырнул его одним плавным движением.

И все-таки надорвал что-то у себя внутри.

Пока я хрипло отдувался, опершись рукой о спинку кровати, Вельд задумчиво играл пойманным ножом, вертикально удерживая его на острие кончиком пальца.

— Я понял, — сказал он, и металл вдруг исчез. — Вы хотели узнать, достоин ли я? — Он засмеялся, негромко и весело. — Bravo! Давно я не проходил такого испытания. Меня все-таки тут ценят. А вы молодец, господин Престон! Ну, так как, я достоин?

— У меня два условия, — сказал я, сглатывая горькую слюну.

— Весь во внимании! — Вельд поднялся, сцепив пальцы в замок.

— Во-первых, вы лично будете делиться со мной опытом. С поправкой на

демократичность, конечно.

— С моим удовольствием, — понимающе кивнул Вельд. — Скажем два раза в неделю. Семь восходов и два занятия. Я думаю, что и вы сможете кое-чему меня научить. Во-вторых?

— А во-вторых, — я отпил воды из графина и выпрямился. — Я хотел бы еще раз побывать в Гротеске.

— Какие-нибудь ценности? — подмигнул Вельд.

— Да, — я сел на кровать, стиснув голову руками. — Ценности.

— Хорошо, — сказал Вельд, любовно оглаживая бородку. — Это, конечно, будет сложнее. Внутрь-то вы пройдете без труда, а вот как выйдете. Как минимум неделю вас будут целовать в попку десятки людей. Вы же все-таки сын Криппа. Надо понимать, что это может осложнить ваш переезд. А впрочем... Окон в Гротеске предостаточно, хватит на армию воров. Я дам вам кое-что... Но это подождет. Вам, кажется, не помешало бы еще отдохнуть, Престон. Вам принесут еды и...

— Я пойду сейчас, — сказал я внятно.

— Если хотите, — неожиданно легко согласился Вельд. — Ваше право.

— Сколько я был без сознания?

— Неделю.

— Но рука...

— Прогрессивная фармацевтика.

— Я думал, вы имели в виду другое.

— Нужно мыслить шире, господин Престон.

— Ясно. А вы не... Не опасаетесь, что я могу растрепать в Гротеске о расположении ваших покоев?

— Вас выведут с завязанными глазами.

— А как же я вернусь назад?

— Вас будет ждать человек. Скажите пароль, он без разговоров отведет вас куда нужно.

— Клянусь Первым, а если я специально это делаю, чтобы рассказать обо всем в Гротеске, а потом затесаться к вам двойным агентом!

— Полно, господин Престон, полно вам молоть эту романтическую чушь. Мы уже все обсудили касательно ваших мотивов. Теперь давайте обсудим детали вашего посещения. Змей побери, зря мы так позаботились о вашей одежде... Теперь нужно будет хорошенько ее измочалить, чтобы она отражала долгие страдания предположительно мертвого человека.

Когда я снял повязку, возле меня уже никого не было. Вели меня недолго, и, тем не менее, я оказался посреди скошенного трехгектарного поля. Это были окраины Гиганы. Столицы, которую я, в какой-то момент, уже не надеялся увидеть. Темнело, Светозверь шел дальше, согревать другие земли. Скоро он собирался уйти на нерест, оставляя нас наедине с самими собой. Наступало время Тьмы. Падал первый снег, сквозь его тонкий настил угрюмо щетинились сухие корешки колосьев. Но даже через снежинки я отлично видел утомленную собственным весом громаду Гротеска. Все-таки он был невероятен. Если не сказать, нелеп. Нет, никогда этот урод мне не нравился. Бесконечные башни, бесконечные стены, пролеты, переходы, арки, нагромождения нагромождений, каменное воплощение греха излишества. Я не представлял, каким образом варварам удалось бы захватить его. Они отвоевали бы пару коридоров и периферийные сооружения вроде уборных и подсобных кладовок, а потом у них просто истощилось бы терпение.

Разумеется, в нем, вместе с тем, была и благородная величественная мощь, и достоинство, и несокрушимая вера в силы порядка. Он сам был воплощением порядка, изваянием ему. Только порядок этот был совершенно неприменим к частностям. И наиболее невоздержанные частности становились отступниками.

К ночи я добрался до главных ворот, старательно изображая мужественную усталость. Стражники узнали меня сразу и через несколько минут, меня уже тащила постоянно увеличивающаяся толпа, голосящая столь бессмысленно и разрозненно, что я только кивал и поддакивал. Магутус лично вышел встречать меня:

— Твоим родителям уже отправлено донесение, — сказал он, сдержано похлопывая меня по плечу. — Скоро они будут здесь. Как только мы узнали про взрыв... Нам нужно о многом поговорить. Мне очень хотелось бы знать, что там произошло.

Я старался его не слушать. Это было отвратительно. Видеть отца не хотелось. Тот тоже не любил Гротеск и единственный из всех придворных высшего ранга, жил вонне. Нужно было перетерпеть. Я даже позволил загнать себя в ванну. В общем-то, мне действительно не мешало помыться. Ребята Вельда были замечательно творческими натурами, и натерли меня чем-то безымянным, чтобы от меня несло как от козла-долгожителя. После ванны я еще раз поел, и тут меня опять принялся донимать Магутус и посетители. Я старался быть радушным, ироничным и в меру конспиративным, постоянно намекая учителю на невероятные данные и занимательные улики. Но идти в его кабинет не торопился. Тут я вдруг картинно схватился за голову и нагло потребовал отпустить меня в казармы, отсыпаться до утра. Рапорт я должен был сдать немедленно при любых обстоятельствах, но Иордан понимал всю серьезность едва не наступивших последствий...

Это все-таки было отвратительно.

Запершись у себя в комнате, я некоторое время прислушивался к гомону за дверью, а когда тот утих, переоделся в теплую одежду и собрал кое-какие пожитки. Гелберт уже вернулся. Он лежал на кровати, положив руки за голову, и смотрел в потолок. Я некоторое время думал, хочет ли он, что бы я с ним заговорил. А потом просто вспомнил, сколько вшей мы с ним передавил, и сказал:

— Привет Гелб.

— Привет, — он посмотрел на меня, приподнявшись на локте. — Что это там с тобой произошло? Я вернулся вчера. Вельвет как призрак: плавает и воет. Никогда ее такой не видел. На меня — ноль внимания. Мямлит что-то про тебя. Пропал. Без вести. Взрыв какой-то, клочья, никаких шансов. Что бы это все значило?

— Долго объяснять, брат, — сказал я, глядя в сторону окна. — Долго и... стыдно. Попал я в переделку, да в такую, что долго здесь не задержусь.

— Я вижу, — сказал он. — Одедся по погоде. А перед кем стыдно передо мной или перед собой?

— Что? — я посмотрел на него. Гелб возмужал. Его правую щеку пересекал тонкий шрам. Он начал отпускать бородку и смотрел на меня новым, глубоким взглядом. Этот взгляд я не узнавал. — А... Перед собой.

— Стало быть, ты совершил что-то гадкое, — сказал он уверенно. — И это тебе понравилось.

— Ты прав, — признал я.

— Не скажешь? — заинтересовался Гелб.

— Незачем.

— Понятно. Мне опасно это знать? Я не боюсь.

— Опасность грозит только мне.

— Ах, вот как. Да ты мученик, братец.

— Так вышло...

Мы помолчали, и я уже собрался было уходить, как он сказал:

— Я ждал, что ты вот-вот рассмеешься, братец, и скажешь, что просто потерял секретный пакет документов. А потом я бы рассказал тебе о своих приключениях, и насочинял бы с три короба про свой шрам. Но ты не смеешься, змей подери. Так ты действительно уходишь?

— Мне нужен твой совет, — сказал я, и подошел к окну, нащупывая на груди медальон. — Я стою на одной ноге, а передо мной две дороги. Одна для меня, вторая — для других. Мой выбор повлияет в основном только на меня самого. Остальные либо поймут, либо смиряться, либо проклянут. Десятки. Остальные так и вовсе ничего не заметят. Мир не пошатнется. Но ставка — моя душа. Оправдан ли эгоизм при такой ставке?

— Клянусь Первым, да о чем ты говоришь? — Гелберт сел.

— О выборе.

— Что бы я выбрал?

— Да. Что?

— Что ж, — Гелберт подобрал под себя ноги и задумался. — В наше время жизнь держится на жестком порядке. Человек рождается для ноши и обязан нести ее безропотно, потому что так он вступается не только за свою жизнь, но и за жизнь людей, которые его окружают. Говоря, что мир не пошатнется, ты исключаешь множество мелочей и возможностей. Кто знает, что может измениться, если ты уйдешь, что может пойти не так, как надлежит образовывать твоему долгу.

Я, поколебавшись, вытащил медальон и сжал его в кулаке. Приоткрыл окно.

— Но с другой стороны, — продолжил вдруг Гелб. — Кем бы мы были, если бы всегда слепо подчинялись долгу, не слушая себя и свое сердце? Машины, дураки, безумцы, жалкое зрелище. Иногда нам самим необходимо выбирать свой путь, если мы ясно осознаем, что именно это наше настоящее призвание, что именно здесь мы можем принести максимальную пользу обществу. Иногда нужно идти против ограниченности системы, чтобы ее же усовершенствовать.

Я изумленно тарасился в пустоту. Да, такая речь была в стиле Гелба. Его отец увлекался философией и кое-что передалось сыну. Я разжал кулак и посмотрел на медальон. Сунул его за ворот. Повернулся. Гелберт стоял передо мной, привычным надменным жестом скрестив руки на груди. Теперь я узнавал его взгляд, хамский, заговорщицкий, полный иронии и шальных мыслей. Я не выдержал, растянул рот до ушей и подтянул его к себе.

— Я запомню каждую минуту, — сказал я, ломая ему ребра.

— Я тоже, — сказал он, дробя мой позвоночник. — Это одно из ценнейших богатств человеческих. Такая память. Мы друзья, что бы не случилось, Престон.

— Навеки. Спасибо тебе.

— Да. Обязательно навести Вельвет пред уходом. Недавно ее соседку забрали на практику, так что мешать вам не будут.

— Я как раз собирался это сделать, благодарно вымолвил я. — До встречи Гелберт. У тебя будет время рассказать мне про этот шрам.

— Мне тоже кажется, что мы не раз еще встретимся.

Я открыл окно и вылез на каменный выступ, который тянулся под окнами бараков на случай пожара. Гелберт закрыл окно и помахал мне рукой. Я помахал в ответ и двинулся влево, прижимаясь спиной к шершавой каменной кладке. Падать было высоко, но и в шестнадцать нерестов мы не задумывались об этом. Внизу быстро промчался пассажирский экипаж, а потом кто-то вполголоса затянул строевую песню, постоянно запинаясь на припеве. Пение смолкло, и во дворе начали зажигаться ночные лампы. Стало видно стражника, зябко кутающегося в плащ. Он ходил от столба к столбу, снимая чехлы со стеклянных шаров, в которых резво ползали по два-три жука-светильника.

— Жрать хотят! — крикнул стражник кому-то. — Тащи уголь!

— Сейчас, — второй стражник вытащил во двор мешок.

Я посмотрел, как они засыпали ковшом уголь в одну из ламп. Жуки, толкаясь мощными лапами и свирепо искря, жадно навалились на кормежку. Затем пошел дальше, стараясь не задерживаться напротив поблескивающих стеклянных квадратов.

Она спала, уткнувшись лицом в подушку, спрятав под нее руки. Потом повернулась во сне, и я увидел, как заново влюбился, ее лицо, скорбно-утомленное, с перышком, приставшим к правой щеке. Я заглядывал в ее окно, все глубже утопая в противоречивых чувствах. Проще всего было бы прямо сейчас уйти... Нет. Проще было бы спрыгнуть с этого выступа.

Я просунул кинжал между двойными створками и бесшумно выбил крюки из гнезд. Проскользнул внутрь, и поспешно закрыл окно, чтобы не выпускать тепло. Потом на мягких подошвах прокрался к кровати ее соседки и сел. Вельвет не проснулась. Или делала вид, что не проснулась, потому что я предполагал, что меня раскроют еще при взломе окна. Эта девчонка спала чутко как хищник.

Она со стоном перевернулась на спину, и я услышал, как этот стон перешел в тихое и тоскливое:

— Престон.

Я вскочил, пересел к ней, устроившись на самом краю, ближе к ногам.

— Вельвет, — позвал я, коснувшись пальцами ее щеки. Смахнул пушинку, и понял, что она держалась на высохшей слезе. Не может быть, чтобы она не пошла со мной. Тогда я украду ее. Утащу насильно. Я не позволю, чтобы ее сделали такой же серой, циничной и необязательно-равнодушной, ничего по-настоящему не ощущающей. Но с другой стороны... Она ведь ненавидит воров. Вообще любых уголовников, пускай даже относительно благородных. И что может ждать ее там? Виселица? Тут, впрочем, тоже не букеты составлять придется. Но там... Что бы ни говорил Вельд, это все равно тьма, полужизнь, постоянный страх, твои преувеличено зловещие карикатуры на стенах, и подозрительные взгляды городских патрулей. И вечная ночь. Дневной свет только в окошке. И грязные норы, одна за другой.

— Престон?

Я с горечью смотрел в ее раскрывающиеся глаза, редкостные глаза, которые в сумраке казались темно-синими, а на ярком свете озарялись светло-голубым цветом, от которого так приятно и смутно щемило сердце.

— Престон!

Вздыбилось одеяло, подушка слетела на пол, предупредительно и сварливо затрещала кровать. Я полулежал, навалившись плечами и затылком на стену, и полностью отстранившись от мира, ощущал только ее голову на своей груди. Это было величайшее и

первобытное счастье, и мне вдруг померещился ночной теплый лес, первые дни мира, рокот создателя, рождающего своим чревом новые популяции и виды. И два представителя нового семейства, спокойно наслаждаются первым в мире ощущением любви.

Она говорила, тихо смеялась, жаловалась, спрашивала, но, не дожидаясь ответа, снова говорила, гнала, наконец-то со спокойной душой гнала прочь боль, отчаянье и обиду на судьбу. А я считал мгновения.

— Почему ты молчишь? — спросила она, придвигаясь ближе к моему лицу. — Хотя, все и так хорошо. Можешь ничего не говорить.

— Я люблю тебя, — сказал я, пальцем приподняв ее подбородок. — Запомни и ты эти слова.

— Я запомню, — она ответила на мой поцелуй.

— Вельвет.

— М?

— Ты хотела бы уйти отсюда?

— Куда? — хмыкнула она. — Мне некуда идти. К тому же мне здесь нравится. Скорее бы настоящая практика как у тебя. Чтобы вот так же, с громкими неожиданностями. А потом вернуться со страшными ранами, и, не обращая на них внимания, мрачно отрапортовать Магугусу... А почему ты спросил?

— Ты действительно хочешь этого? — спросил я глухо.

— Хочу, — она пожала плечами. — А что еще я должна хотеть? Цветущее поместье и веранду с фигурными качелями? Я хочу то, что могу получить. Так это работает.

— А если бы у тебя был выбор...

— Какой?

— Работа похожая, но бескровная...

— Еще чего. Куда интереснее биться с отребьем.

— Вельвет, бывает по-разному. Иногда отребье, это просто непонятые люди, неугодные люди или даже люди оклеветанные ...

— На все воля Первого, — сказала она утомленно, и зевнула. — У нас хватит сил взять на себя грех ради благополучия Авторитета.

Лапа Первого, кто из нас должен это говорить? Неужели она?

— Ты говоришь странные вещи, — сказала она озадачено. — Ты словно ведешь меня к чему-то, к какой-то мысли, но я не понимаю тебя. Что-то случилось, Престон? У тебя проблемы? Ты ведь так и не рассказал мне, что там произошло...

И тут я понял, что если не выскажусь, то весь наш разговор будет бесполезен. И начал рассказывать, пытаюсь быть предельно ясным и убедительным. Она слушала, не перебивая меня не на секунду. А когда я закончил, долго молчала, стуча пальцами по моему нагруднику. Потом встала и перешла на другую кровать.

— Так ты согласился? — спросила она, глядя на меня с непонятным набором чувств.

— Да, и надеялся...

— Что?

— Что ты пойдешь со мной.

— Что я пойду с тобой?! — прокричала она шепотом, и вскочила. — Да как ты смеешь, предатель, червяк, тряпка, перебежчик, баба?!

— Я же объяснил тебе...

— Что? — она подскочила ко мне и схватила за ворот. — Что ты мне объяснил?! Что у

тебя кишка тонка убивать врагов?! Которые помогают перетаскивать бомбы! Ты хоть представляешь, что они могли с ней сделать?! Да тебе плевать, тебе просто хочется чистеньким остаться... Это даже обсуждать противно. Наслушался лепета какой-то лживой поганки, которая шкуру свою спасала. И свою тут же продал. И кому?! Ворам. Ты хоть представляешь что тебя там ждет? Раствление, унижение, потеря смысла и веры. А потом, однажды, ты ошибешься, и тебя затравят собаками или бросят в яму. Ты жалок Престон. Ты ничтожен. Я думала, что ты сильнее, а ты действительно просто сливочный папенькин сыночек.

— Вельвет, — неприятно изумился я.

— Заткнись, — она с презрением оттолкнула меня. — Забудь, что я сказала тебе той ночью Престон. И я забуду. Нет, ну какой же ты все-таки гад... Я теперь... Из-за тебя... Ты брал на себя ответственность, Престон. И так подло меня предал. Я не могу в это поверить. Я только сейчас осознала всю глубину твоего предательства и не могу в это поверить... За что, Престон? Или ты считал это просто интрижкой? Но я-то действительно тебя любила. Понимаешь? Когда ты сжигал мосты, ты не заметил, что на одном из них стою я? А, Престон? Что я вложила себя в твои руки, потому что некому больше было довериться, потому что у меня больше никого нет, потому что ты и Гелб — моя семья... И ты просто разжал пальцы. Тебе стало неинтересно. Ты решил уйти к вору и не напрягать совесть. Ты ведь должен был понимать, что я не соглашусь. Что это вообще нелепо. Несуразно.

— Я...

— Ты предатель Престон, — всхлипнула она. Но не от слез, а от злости. — Чем бы ты себя не оправдывал.

— Я надеялся, что ты меня поймешь. Любовь строится на понимании.

— Любовь также строится на доверии, — горько добавила она. — Я бы спасла твою душу Престон. Я бы помогла тебе. Но теперь это неважно. Раз ты в первую очередь подумал о побеге, а не обо мне, значит, так тому и быть. Убирайся. Я... Я проклинаяю тебя.

Состояние у меня было полубредовое. Я был уничтожен и окончательно дезориентирован. Больше всего на свете мне хотелось доказать, что я делаю это не из-за страха и оказаться в грохочущей лавине сражения. А там драться, резать, рвать, ломать свои и чужие мечи, надрывать глотку в бешеном озверелом кличе. Покалечиться, обезуметь, умереть, лишь бы доказать ей, что я не трус.

— Я все понял, Вельвет, — произнес я негромко. — Ты права. Во всем. Я сейчас уйду. Но перед этим хочу сказать тебе кое-что. Ты можешь не слушать, можешь не верить, но я скажу правду. Я говорю тебе, что тоже любил тебя по-настоящему и по-настоящему хотел выволить тебя отсюда, искренне полагая, что так будет лучше. Я ошибся.

Нужно было взять себя в руки. Никто меня отсюда не гнал. Вот сейчас я медленно встану. Медленно разденусь. Рассмеюсь. А потом так же медленно объясню ей, что это была... Что? Так никто не шутит.

Я медленно встал. И медленно побрел к окну.

Она сидела, закрыв лицо побелевшими пальцами, и беззвучно подрагивала. У нее на глазах только что мучительно умер Престон Имара от'Крипп. Он вдруг взревел искаженным от боли голосом, выкатил невидящие глаза, и испарился. Больше она никогда его не видела.

Я неверной рукой распахнул окно и выбрался на выступ.

— Не уходи, — это могло быть сказано ее дрожащими губами, и выдуманно мной лично. Я не решился обернуться. Вместо этого я шагнул во тьму, расправив парусиновые крылья.

Зловещий черный нетопырь.

Глава 3. Мыло и веревка

«Я много думал о том, как же происходят в голове человека такие страшные преступления против морали и Зверя. Против здорового мышления. И пришел к выводу, что разум человека — это изначально глупость, потому что мы не можем объяснить даже то, как мысли появляются в нашей голове. Что уж говорить о том, чтобы править ими?!»

Выписка из Четвертого Тома Ереси

Живущий лес напоминал стену сказочного замка.

Одного их тех замков, где живут владыки-кровососы из легенд. Густой и непроходимый, он зачаровывал и пугал. Каждое дерево было чемпионом роста и выживаемости. Чернокрасная кора, неохватный ствол, умение бороться на ветвях и корнях — вот что вам необходимо было заполучить, чтобы затесаться в компанию этих парней. Их называют хранителями. Все великие города выстроены рядом с ними, или даже внутри, если позволяет местность. В лесах хранителей обитает уникальное зверье необходимое для армии и промышленности. Дарами их кормятся и последние бедняки, и зажавшиеся паразиты вроде моего папаша.

Единственное правило — не трожь древесину. Руби себе обычные дубы, сосны и березки. Человечек.

Живущий окружал Гигану естественной преградой и помнил еще страдания еретиков и Соленых варваров, которые преодолевали его с такими потерями, что городу каждый раз удавалось выдержать и отбросить осады. Ни одно оружие не могло достичь растущих и крепнущих стен, кавалерия тонула в болотах, пехота неизменно травилась грибами и ягодами. Враги исходили поносом или умирали от газовой гангрены. Пожиралась диким зверьем.

В общем, это был хороший лес по меркам Авторитета. Но только в общем.

Была одна маленькая частность.

Я подбросил в костер икры хлопышей, и прикрыл глаза ладонью. Скачущий свет долго играл тенями по округе, разрываясь и стрекоча. Вокруг меня лежали затопленные темнотой равнины Предлесья, ноздреватые от нор сусликов, и закупоренных змеиных логовищ. Затем подкатил к себе пустой бочонок, поставил его на попа и сел. Размышления мои были о долге, чести и красивых словах, их сопровождающих.

Рем, когда я раскрыл ему свое прошлое, долго таращился на меня в явном затруднении. Он выскребывал крошки из замасленного воротника и сопел. Мне сперва показалось, что сухолюд не понял моих пережШыший, но Рем просто не мог говорить, не выскребя, первоначально, крошек из воротника. Поэтому я не сразу догадался, что он начал комментировать мой рассказ.

И каково было мое удивление, когда комментарии эти не обернулись оскорбительными шутками. Рем неожиданно заявил, что эгоизм он не воспринимает как нечто имеющее собственный морально-этический вес, так как это чувство неотделимо от любого живого существа и, особенно, от разумных животных. А потому ненаказуемо. А девка эта... как ее... Вельвет, сама только и думала, как бы со временем занять пост попристижней, и плевать оттуда на всех. Все это было ясно как дважды два. Я в данном случае, был прозрачен как стекло. Милосердие — оно полезно для здоровья.

И Рем почесал спину, между лопаток, где жутко и неестественно серебрилось клеймо. Кстати, помянешь сухолюда...

Мимо меня пролетел туго набитый вещмешок. Он глухо звякнул и кувыркнулся в траве. Вслед за мешком появился Рем, похожий на оберунского дикаря-шамана в день низложения богов. Бренча и позвякивая зловещими аксессуарами из костей, серебра и глины, Рем, не глядя в мою сторону, присел поближе к огню. В его руках появилась кубической формы книга, которую он принялся изучать, удерживая при этом вверх ногами.

Мне стало интересно.

— А мне ты что-нибудь оставил?

— А как же, — Рем мрачно пролистал несколько страниц. — Я оставил тебе надежду Престон. У меня надежды никакой нет, поэтому я выбрал сушеные крысы потроха на веревочке. Мерзость, — сообщил он.

— Спасибо, Рем.

— Это слово ранит меня как нож, — проговорил Рем, открывая и закрывая книгу. — Его придумали жалкие люди, не способные отплатить лучше... Ты рано радуешься. Престон, я уверен, что до башни мы не доберемся. Это единственная змеева причина, по которой я здесь. Учти это. Мне просто очень хочется увидеть, как именно ты будешь убегать. С причитаниями, навалив в штаны, или же молча, вынося полезный и жизнеутверждающий урок. Я знавал одного храмовника, так тот прославился тем, что из каждого своего похода за славой выносил полезный урок. Он убегал от всех. От бандитов, мародеров, чудовищ, зверей, пиратов, стражников, пьяных лесорубов и даже от веселящихся шлюх. Но каждый раз, стирая свои портки, он говорил товарищам, что вынес очередной важный урок, и все ему сходило с рук, потому что опыт важнее штука в жизни.

— Ты это к чему? — спросил я, улыбаясь.

— К тому, что не затравлю тебя насмерть, если ты облажаешься, — объяснил Рем. — Хотя, может быть, и затравлю.

— А что потом стало с этим храмовником, господин Рем? — спросил я учтиво.

— Помер, — сообщил сухолюд небрежно. — Нарвался на некуморка и не успел убежать. Но умер не от когтей, а от сердечного приступа. Некуморк его не тронул, потому что парень смердел как дыра в полу. Да... В башню мы, конечно, не попадем, но попытаемся. И чтобы ни одна шерстяная вша не смела потом сказать, что Рем Тан-Тарен не любит новых впечатлений. Чего ты скалишься? А? Тебе смешнее, чем мне?

— Переверни книгу.

— Что-что? — переспросил сухолюд высокомерно.

— Рем, что это вообще за чтиво?

— Это записи моей матушки, — сообщил Рем со значением и какой-то поразительно нехарактерной для него ноткой в голосе. — Ты знаешь, кто была моя матушка?

— Вероятно менадинка. Хотя... Ты как-то говорил, что тебя снесла драконова цапля.

— Это по геральдике и по официальной родовой легенде, — возразил Рем нетерпеливо и с раздражением. — Так кем была моя матушка?

— Достойной женщиной.

— Много более достойной, чем ты, беглый аристократишка, представляешь. Но сверх того она была еще и ведуньей... С ней даже говорила раса Первенцев.

— Серьезно? — предвосхищено шевельнулся я.

— Если бона была здесь, она бы тебе ответила на их языке, — со снисходительной

терпимостью сказал Рем. — А ты знаешь, как Первенцы умеют общаться через голову?

— Ментокинез?

— Я не название спрашиваю.

— Это все наши завистливые домыслы, — я пожал плечами. — По канонам Первенцы могут управлять Светозверем, но мы этого ни увидеть, ни понять не сможем. Первенцы вроде бы просто мысленно обращаются друг к другу и слова появляются у них в сознании.

— Ага, — Рем пятерней проскрежетал по шевелюре. — Матушка моя многому могла бы научить ваших жалких фокусников, всех этих пожирателей маггической слизи. И эта книга, которую я держу именно так как нужно, является бесценным кладом ее мудрости. Здесь есть все, что нужно знать о диких колдунах. А ты что знаешь, Престон?

— Прочел пару научных трудов на эту тему, — сказал я, прислушиваясь к ночным звукам. — И до этого больше светового цикла по крупицам собирал все, что можно было добыть.

— Ого! — хохотнул Рем, бросив мне один из амулетов. — Держи, заслужил. И что же, кости Первого, осталось в твоей думалке?

— Значит так, — я собрался с мыслями. — Колдун — это просто. Это такой человек, который может колдовать.

— Ну ты меня удивил, — протянул сухолюд. — Отдавай назад мой амулет.

— Ты не дослушал, — сказал я терпеливо. — Это такой человек, который может колдовать, но не каждую минуту. Есть моменты, когда его сила усыхает, и тут уж ему можно надыхать в лицо перегаром.

— И сегодня предвидится такой момент? — спросил Рем понимая.

— Да, — я, наконец, разглядел, то, что мне мерещилось вот уже несколько минут. — Ночи сейчас длинные, мы успеем. Но это мелочи. Сейчас нам расскажут кое-что действительно интересное.

Рем громко, с настроением высморкался в рукав и шумно поскреб клеймо. Параллельно он глядел как в темноте перемещаются что-то, похожее на серебристую паутину. Я поднялся и дал глубокого поклона в направлении призрака. Рем исподлобья наблюдал как Гелберт плавно вступает в кольцо света. Как он отвечает мне не менее глубоким поклоном, и дарит его же Рему. Стаскивает с лица свою выходную шелковую маску, расправляет роскошные усы, и, чуть досадливо отряхнув плечи от травяного пуха, садится у костра.

Но более всего, конечно, Рем следил за тем, как распахивается широкий голубоватый плащ, и появляется тщательно скрученный сверток плотной, непроницаемой бумаги.

Я сел рядом с Гелбертом, и подкинул в костер. Потом прокашлялся пивным перегаром, и страдающим голосом продекламировал часть поэмы «Стук раненного сердца». В определенный момент Гелб тонко перехватил мою декламацию и закончил эпизод, чистым, — я позавидовал, — прополощенным голосом.

— Отвратительно, Престон, — покачал усами Гелберт.

— Пиво, — сказал я неистово.

— Вегское?

— Лапанское.

— Более или менее... Почему не Фондо тысяча двести сорок пятого? Я к нему обычно добавляю масло белых опал, и, как видишь, не фальшивлю.

— А я фальшивлю? — засомневался я. — Вино бьет мне по мозгам. А вот насчет масел... Грубею, брат Гелберт. Забываю. Не мог бы ты по старой дружбе напомнить мне.

— Разумеется, — возликовал Гелберт, тут же наполняя мои руки розоватыми склянками. — Я как чуял. Ну конечно я чуял. Ты ведь глотаешь столько дряни...

— Ага, — я, шурясь, рассматривал красивые, а потому совершенно нечитаемые этикетки. — Рекомендации, рецепты, формулы?

— Сейчас, я тебе все объясню, — взялся Гелберт. — Вот это — масло вербены, подпитывает связки. В сочетании с этой вытяжкой дает потрясающий бальзам от хрипоты и першения в горле... А вот это...

— Начинается, — кисло воскликнул Рем, выхватывая у Гелберта свой сверток. — Девочки, я вас умоляю, не залетите на ярмарке от какого-нибудь бродячего циркача, а то, когда рожать будете, охрипните навсегда.

И он начал разворачивать подношение.

— Э, нет! — вздрогнули мы с Гелбертом.

— Вали со своим сыром подальше в лес, — сказал я угрожающе.

— И бумагу потом закопай поглубже в землю, — добавил Гелберт брезгливо. — А лучше сожги. Только воздай ей должное почтение, перед захоронением. Если б не она, я бы помер от этой вони. Кстати, я теперь тебе ничего не должен, согласен?

Рем бил по нам долгим презрительно-подавляющим взглядом, переступал с ноги на ногу, колупал ногтем узлы свертка, а потом, невнятно грозя и богохульствуя, бережно спрятал сыр себе в штаны, ближе к правому бедру.

— Вы... — начал он, скапливая у себя во рту всю союзную менадинскую и авторитетскую брань.

Гелберт сделал вид, что приготовился записывать, я прикладывал горловинки склянок к правой ноздре, и придиричиво вдыхал.

И тут Рем заговорил.

Это был Сыр. Мы же с Гелбертом, и даже сухолюд, были лишь переходным звеном между небытием и Сыром. Это был Сыр. А мы с Гелбертом не понимали, и не хотели усвоить даже сотую часть Его первосушной мудрости. Малолетние дураки. Сыр передаст ее любому, кто решит принять его. Знайте же, что Он был упомянут еще в древних менадинских скрижалях, вырубленных Ираном Бакараном на Безвершинных скалах. И чтс же мы? Что делаем мы, глупейшие из глупцов, слепейшие из слепцов, в тот миг, когда жрец Сыра собирается показать восход древней веры? Тьма. Горе. Безнравие. Серость.

— Вонь, — сказал Гелберт умиленно.

— Вонь, — машинально повторил Рем, экзальтированный сыром в штанах.

Я от смеха залил себя драгоценным маслом, и тогда Рем, расвирепев, бухнулся около костра.

Это, безусловно, был сыр, однако такой, что за его распространения полагался срок. На вид: темно-серая пористая субстанция с ядовито-зелеными прожилками, плотная, и чем-то напоминающая металлический шлак. Этот сыр готовили где-то на юге Менады из молока самых старых особей священного животного гурах. Крохотные партии продукта с величайшими предосторожностями завозили в Авторитет, и по предварительным заказам распродавались рисковому гурманам и на кухни редких харчевен. И хоть Сыр имел необычный, композитный вкус, он так и не пошел в народ, в основном, конечно, из-за невероятного смрада, который мгновенно и намертво въедался в любую поверхность, кроме чугуна и специальной маггической бумаги. То, как его выдерживали менадинцы, можно было объяснить лишь веками привыкания, да грубым, часто совершенно отсутствующим

обонянием (надо понимать, именно от испарений этого сыра, называемого ими бон Гор, или же, дословно, «масса Бога»).

— Рем, — серьезно вздохнул Гелберт. — Ты ведь понимаешь, что не в обиду тебе мы говорим такие вещи. Человек скотина слабая. Ну не могу я идти на задания вместе с духом священного бонгора. Меня же унюхают через стену.

— Да, — сказал я веско. — Извини.

— Первый простит, — прорычал Рем сварливо.

— Время, господа, — сказал я, торопливо пряча склянки. — Благородный Гелберт, прошу вас высказаться.

— Да, конечно, — Гелберт помрачнел, посмотрев в сторону черных гигантов. — Дело это темное, Престон. Действительно темное. Мистики-то у нас полно... Мистика — это просто недостаток фактов. Или фактов перестановка. Или же одуревший от скуки свинопас с фантазией, который пугает девок и стариков рассказами. А к нам потом приходят жуткие запросы из поселений, где бродят немертвые, червецы, дети восстают против родителей, да при этом говорят на давно забытых языках. В общем для нас это выходные дни. Мы выясняем, что всему виной десяток одичавших крестьян, которые обносят по ночам огороды, да щупают путников. Но бывает, что разведчик возвращается либо седой на одну сторону, либо не возвращается вообще, и тогда мы понимаем, что пора бы нам немножко поработать. Иногда мы, представь себе, преуспеваем, и тогда наш Бестиарий или галерея Ведьм пополняются трофеями.

Но эта башня.

Миркон.

Это легенда легенд, это даже не наша юрисдикция. Миркон находится под личным наблюдением Четвертого из Акта Мудрейших. Мы при нем как почтовые голуби, косим глазом, слушаем, запоминаем, а потом приносим что-нибудь на лапе. До него за ней наблюдал Третий, Второй и Первый. Эта башня переходит у них по наследству как слабоумие, и каждый номерной магг должен внимательно стеречь ее каменный монолит от проникновения внутрь и, соответственно, изнутри.

Вот тебе несколько канонов. Башню эту возвел как людской форпост, Дориан Виг, первый Автор. Было это, сам посчитай, четыреста нерестов назад. Дориан на три нереста замуровал в Мирконе пятьдесят мощнейших маггов того времени. Для чего — решительно непонятно. Предположительно, в целях некоего эксперимента. Колдунам сказали, что совместная изоляция сделает их сильнее. Тогда их коллективную мощь можно будет использовать, чтобы испепелить остатки язычников.

По документам все было добровольно: волшебники плакали от счастья, когда за ними начали закладывать вход. Хотя, возможно, летописец плохо разбирался в эмоциях или просто-напросто боролся за золотой фарс легенды.

Впрочем, чувства маггов никого не волновали. Башня была построена не из чего-нибудь, а из метеоритного камня, так что ребята вполне могли падать духом, могли возжелать дезертировать и изменить делу Авторитета. Никто бы и не заметил, ведь метеоритный камень совершенно неуязвим к магии. Можешь бросаться в него огнем до полного истощения.

Спустя какое-то время Дориан явился проведать своих узников. Поднял он Свистрез, зачарованный Первенцами палаш, и рассек глухую стену. Щ-щ-щ-ух! Та!

Рем вздрогнул. Он, оказывается, так заслушался, что неожиданная пантомима

Гелберта пробрала его до задницы.

Все, кто был вокруг божественного Дориана немедленно померли. Скисли как помои. До костей. А кости их были черными и пористыми. Но Автор устоял! Посетил он башню с одним щит и один меч. Свои собственные... Короче, там он нашел сорок девять скитающихся трупов и одного безобразно раздувшегося некроманта, который уже прикидывал, как бы это ему половчее захватить мир.

Известно, что отступника, который решил выжить, звали Вохрас. Известно, что был создан траурный список жертв Миркона, но после случившегося Вохрас был стерт с таблиц. Анналы тоже постарались поглотить его, замазав истинные масштабы того, что произошло тогда между Дорианом и Вохрасом... Так мне кажется.

— А что каноны? — спросил я.

— Ну... — Гелберт потянул уголки губ. — Взмах меча, проклятые слова, ненависть тяжестью в сотни глыб. Вохрас пал.

— Держу пари, что в вашей галерее Ведьм нет его задницы, — заметил Рем.

— Нет, — согласился Гелберт. — Хроника сообщает, что Дориан оставил поверженного Вохраса в башне, и повелел вторично заложить ее. В общем, эксперимент не удался, но башню сносить побоялись. Все предпочли забыть о ее существовании.

— Слушай, Престон, — снова встрял Рем. — Я заметил в рассказе Гелберта слово «мертвец», слово «смерть», «мерзость», «зло», «отчаянье». Есть кое-что о непробиваемом камне. Но, я видимо, прослушал ту часть, в которой речь шла о сокровищах.

— Гелберт, — я склонил голову в сторону Рема.

— Полные подвалы, — не скупясь, сообщил тот. — Предполагалось, что сила, изливающаяся из маггов, пропитает еще и некоторое количество утвари. Оружие, украшения, доспехи, книги... Животных.

— Ну, спасибо вам милостивые государи, — качнулся сухолюд. — Между прочим, какой нам будет прок от гнилой магии Вохраса? Я вовсе не хочу, чтобы меня убила какая-нибудь злобная шапка или одичавшие портки.

— Я бы тоже прошел мимо, — ненавязчиво добавил Гелберт. — Это, конечно, романтика и богачейший риск, Престон, но красть у Хладнокровного не стоит. Я так думаю.

— Да, — Рем, подтянул к себе вещмешок. — Согласись беловласый, таких ресурсов у нас нет, как сказал бы Магистр.

— Есть, — сказал я спокойно. — Продолжай Гелберт.

Гелберт прожестикнул: «ты уверен, что пойдешь до конца? Тебя не остановить?»

Я ответил: «пойду, даже если Хладнокровный бросит свой хвост мне под ноги».

По всем правилам, он должен был меня остановить. Да что уж там, он обязан был убить меня на месте. Но, я прекрасно это понимал, Гелберт ни капли не верил в то, что затея выгорит.

— Это так для тебя важно? — изумленно спросил мой старый друг и враг. — Подкожный зуд?

— Ты даже представить себе не можешь, — сказал я без улыбки. — Рем, спасибо еще раз, что решил пойти со мной, несмотря на зубы дела.

— Люблю крупные ставки, ничего не поделаешь, — пожал плечами Рем. Он присвистнул ноздрями. — Престон, я твой партнер, я полезу за тобой даже на вилы, но змей подери, ты иногда становишься психом. Теперь я верю, что ты лезешь туда не за сокровищами... Впрочем, об этом мы не станем говорить, иначе я заблую тут все. Мне

после вчерашнего все еще нехорошо. Прошу принять во внимание: я лезу туда за сокровищами.

Гелберт смотрел на меня, я — в огонь.

— Как дела у... — я осекся. Потом взглянул на Рема, засмотрелся, как тот отгрызает коготь с большого пальца ноги, и выдавил: — ...у купеческой гильдии?

— Что? — удивился Гелберт. — У купеческой гильдии?.. Ах, у этой купеческой гильдии. Она вошла в ложу Леты.

— Что?! — выдохнул я.

— Да, — коротко кивнул Гелберт. — Я не видел ее до этого два нереста. Потом она появилась на несколько дней, но узнал я не от нее. Она тогда прошла мимо, даже не обратив меня внимания. А теперь... Насколько я знаю у гильдии глубокое проникновение. Настолько секретное, что даже наши не все знают. Мне это ни к чему, — сказал он вдруг со злостью. — Я вполне неплохо чувствую себя корректором.

— Но почему? — в растерянности спросил я. — Какого змея ей там понадобилось?..

Чудовищный рокот разорвал нашу ярмарку эвфемизмов. Рем, довольный, улыбался. Его покинули души молочных поросят.

Надо брать пример с Рема, подумал я уныло. Никто ведь не заставлял нас слезать с пальмы. В конце концов, нас всегда находят испытания, а когда их нет, мы придумываем их сами. Вот у Рема с этим никаких проблем. Нет, и вероятно не будет.

— Не будет! — радостно воскликнул Рем.

Я оторопело уставился на него:

— А?

— Я же тебе говорил, Гелберт, он не будет в это ввязываться, — произнес Рем нагло и вызывающе. — Ты только взгляни на это скорбное личико... Змеев трус, не морочь нам мозги!

Ты, недалекий маленький мерзавец, пронеслось у меня в голове, ты своим примитивным хуком просто доказал, что тебе самому страсть как загорелось пробраться туда.

— Ты, недалекий маленький мерзавец, ты своим примитивным хуком просто доказал, что тебе самому страсть как загорелось пробраться туда, — произнес я с обиднейшей снисходительностью в голосе.

— Я ушлый кусок грязи со стен этого трухлявого города, Престон, — клацнул зубами сухолюд. — А ты... Ты мальчишка, который не знает, что это там болтается у него между ног. Сдается мне, я просто обязан пойти с тобой, чтобы старик потом не оштрафовал меня за потерю напарника. Мне нужны деньги, ведь девочки святой девы Эсальты, должны на что-то жить...

— Ты занялся благотворительностью Рем? — изумленно спросил Гелберт.

— В наше время это называлось полировкой посоха Могучего Джэда Джабира, — ухмыльнулся я. — Да, Гелб?

— Я... Не припоминаю... Какой посох?

— Это ведь ты сам придумал, — хохотнул в мою сторону Рем, хлопнув себя по колену ладонью. — Когда убедил ту магго-бабу, что это является частью ритуала вызова Могучего Джэда!

— Ты разбираешься в колдовстве, Престон? — уважительно осведомился Гелберт.

— Не-е-ет, — протянул я, припоминая. В маггинессах есть... В них, знаете ли, есть

энергия, господа. Главное не оставаться с ними надолго, а то можно заполучить третий сосок или щупальца в паху, хватанув излучения. — То есть я кое-что читал. Но в общем-то... Ха, трудновато было. Особенно когда она хотела забрать посох с собой.

— Точно! — Рем смеялся искренне как ребенок.

— Не понимаю, — сконфужено улыбался Гелберт.

— Не обращай внимания, брат, — сказал я. — Просто мы свиньи. Да Рем?

— Это не так плохо как может показаться, — заметил сухолюд неожиданно серьезным тоном. — Свиньи никогда не лицемерят. Они искренни во всех своих побуждениях. Если они хотят есть — они едят. Если они хотят любви — они делают любовь. Если свинья хочет укусить — она кусает. И никаких компромиссов!

— Да, — согласился я гордо.

— Да, — поднялся Рем.

Гелберт усмехнулся, шевельнув усами.

— И сегодня мы хотим покорить Миркон, — проговорил я, поднимаясь вслед за Ремом. — Гелберт, брат мой, после всего выше сказанного молви нам, каковы, по-твоему, наши шансы? Только честно.

— Вы покойники, — спокойно ответил Гелберт. — В перспективе: ходячие.

— Нам говорят это почти каждый день, — фыркнул Рем, уходя в темноту. — По ночам в два раза чаще. Пойдем Престон. Пойдем пока я не протрезвел, и не... И не обрел здравый смысл.

— Удачи, — пожелал вслед Гелберт. — Вот так-то, — все это время он не спускал с меня пронизывающего взгляда, и я вдруг кое-что понял, точнее вспомнил.

— Пять нерестов прошло, — сказал я зачем-то.

— И ничего, заметь, не изменилось, — Гелберт накинул капюшон. — Да было время моего триумфа. Почти три нереста, я был ее фаворитом. Но, в конце концов, все остались при своем. И будем мучиться пока ты...

— Я?

— Да, ты... — из-под капюшона сверкнули две маленькие молнии. — Пока ты не вернешь все, как было!

Это было детское заявление. Детское и невыполнимое. Гелберт, разумеется, это понимал, но слишком уж долго он сдерживался. Это понимал я.

— Если б я мог! — говорил мой друг, стискивая складки капюшона. — О Первый, если бы я только мог! Но я ничего не могу сделать! Знаешь, я до сих пор не понимаю, хочу я набить тебе морду, или нет... Наверное хочу. Но ведь и это ничего не даст.

— Прекрати...

— Теперь уже поздно. Все пропало.

— Хватит Гелберт!

— Так что же мне делать?! Хладнокровный тебя подери, Престон! — закричал вдруг Гелберт голосом Магутуса. — Он еще спрашивает «почему?». Конечно же из-за тебя, идиот! Она пошла туда, чтобы ей отсекли все то, что у нее нарывало в памяти! И что мне теперь с этим делать?!

— Я не знаю, — ответил я мрачно. — Я ничуть не умнее тебя. Наверное, все так и должно быть. Она сама тогда приняла решение. А что касается твоих чувств... Испытания всегда находят нас, а если их нет, мы придумываем их сами. Ты должен понимать, что я ничем не могу тебе помочь. Я не волшебник. Всего лишь вор.

— Я понимаю, — немедленно откликнулся Гелберт, но после этого сгорбился и надолго замолчал.

— Мне пора идти, — сказал я негромко. — Будешь сидеть тут? Там под камнем похожим на нос Рема есть небольшой тайник. Кое-что выпить.

— Спасибо, — Гелберт через силу мне улыбнулся. — Не будем прощаться, я верю, что у тебя получится не погибнуть и вернуться. Как только появишься в городе, оповести меня. За тобой должок. Помнишь?

— Конечно.

Я похлопал его по плечу и пошел своей дорогой.

За спиной трещал костер. А еще чужие чувства. Гелб был прав, ничего не изменилось. Просто на гниющей массе выросла трава.

Глава 4. Золотой фарс легенды

«Ложь растет вместе с человеком. И чем выше взбирается он, тем опаснее становятся цели его лжесловия».

Крег Парс. «Человековедение»

— Престон!

— Нушыво?

- Смотри, смотри! Черная древесная жаба!

- Ыжу.

— Говорят, если такую жабу поцеловать, не миновать тебе удачи!

— Ы?

— Целуй ее! Да покрепче, чтоб нам точно повезло! Ну, что скажешь?

— Ошонрожо вэка.

— Что ты там булькаешь?

— Ошонрожо вэка.

— Не понимаю, змеев ты debil!

Я выплюнул жевательную смолу и сказал:

— Осторожно, ветка.

— Где? — не хватило всего мгновенья. Рем пал. Вместе с жабой.

Любой другой бы на его месте тут же переломал бы все кости и помер выхрипывая оду незавершенным делам. Но я несколько не сомневался, что с Ремом все в порядке. Менадинец был настолько анархичен, что в лучшие свои моменты не подчинялся даже объективной физике.

И я продолжал бежать, отталкиваясь ногами от козырьков грибов-моховиков, скользя по переплетениям ветвей, цепляясь за бороды полуночного мха. Ночью в Живущем лесу передвигаться можно всего двумя способами. Или по ветвям, или в брюхе у какого-нибудь многозубого зубомнога. Оба способа чрезвычайно некомфортны. Ну а то. Этот лес никогда до конца не приручался и не исследовался, он нехотя воспринимал человека как жизнеспособную особь и тем более не считал его царем природы. Первый упаси!

Религиозный фанатизм Авторитета можно легко объяснить. Когда у тебя под боком живет громадный организм с чуждым тебе разумом, самое время сказать: Хладнокровный подери, да отдам я вам эту церковную десятину, только благословите меня на сбор грибов или на рыбалку. И это не излишняя религиозность... Это почти то же самое, что и уплата взноса на содержание стражи.

А еще Миркон.

Никому не нужно объяснять, что такое опасность. Это когда парень с топором почему-то думает, что ты курица, и нарезает за тобой круги вокруг стола.

Да, я помню, как это было. И помню, как Миркон следил за мной, когда я, холодея от ужаса лазил за десятки метров от его могучего древнего тела. Кости Первого, никто еще за мной так пристально не наблюдал, даже Рем во время дележки общака.

Но не будем о плохом. Лучше окунемся в ночной мир Живущего.

С чего бы начать... Хранители теснят друг друга, намертво схватываясь лапами, сцепляются корнями, стремясь перебороть десятки ближайших конкурентов. Дно зеленого

океана полностью охвачено узловатыми щупальцами, подлеска почти нет, за то есть густые, но бледные заросли травы и кустарников. В них перекликаются, воют и грызутся невидимые твари. Мимо проносятся звенящие стаи светлячков, на мгновение наполняя мир вокруг тебя театром мелькающих теней. Зловеще и притягательно мерцают потусторонней жизнью древние лишай кристаллов, проедающих деревья насквозь.

Раньше из этих кристаллов делали оружие, которое очень ловко вспарывало тяжелые доспехи, но потом несколько воителей заметило, что они, Первый побери, остались без возможности иметь наследников. Потом это заметило еще несколько бедолаг. А вскоре все, кто пользовался кристаллическим оружием, впали в глубокую депрессию по этому поводу.

В общем оно не прижилось.

В Живущем лесу обитает, — только по данным переписчиков Зверя, — не меньше ста тридцати тысяч различных форм жизни с крыльями и присосками, с жвалами и клыками, перьями и чешуей, слизью и шерстью. Иногда, со всем вышеперечисленным враз. Уважаема и опасна работа переписчика Зверя. В помощниках у него не мальчишка, лениво волочащий футляры приборов, а взвод Мастеров Оружия, которым, тем не менее, запрещено убивать нападающих животных. Даже из милосердия, если те вдруг подавятся цепляющимися за небо латниками и будут долго мучиться, задыхаясь и хрипя. Укротителей, ввиду их вечного дефицита и болезненной мании величия, на описательные экспедиции назначают лишь в исключительных случаях, когда переписывают одного из Алтарных Зверей.

Говоря о себе, — никогда не плевал на Первого. Но и не скармливал свои мизинцы Алтарному Некуморку. Держался не хуже господина Генерального Судьи с его всепрощающей индульгенцией от Его Преосвященства Патриарха Кошкина. Клянусь когтем Первого, эти их индульгенции были лучшим изобретением Церкви после ритуального вина.

«Внимание! Кто бы ты ни был, уважаемый ли человек, никчемный ли прощельга. Остерегись! Миркон уже чувствует тебя. Его темная душа жаждет твоей смерти».

— Чертовы магии, — сказал я, пряча за пазуху фосфор. — Написали бы просто: «Миркон — двести шагов». Или — «Осторожно Миркон».

— Осторожно, пугливые мещане! — сказал Рем, вытирая подошву мокасина о горбы корней.

— Думаю, это все-таки Некуморк, — заметил я отвлеченно.

— Тогда полезли обратно в кроны! — пыхтел Рем. — Что ты присосался к этой табличке?

Он не понимал. Немудрено, я и сам не до конца понимал это. Миркон ненавидит трусов. К нему можно подойти. Открыто. Не подбежать, ни подползти, и уж тем более ни в коем случае нельзя приходить к Миркону, прыгая по деревьям, как обезьяна.

— Дальше только по земле, — зловеще проскрежетал я, сверкнув в темноте глазами.

Рем молча пнул мне под коленку.

— За что, карлик сволочной? — просипел я сквозь зубы.

— Не знаю, — пожал плечами Рем. — Считай это вдохновением. Некуморки ведь кусаются гораздо нежнее, да Престон? Змеев придурок...

Насколько я понял, это было проверкой.

Только не такой проверкой, как в старинных легендах. Обычно рыцарь идет по некоей прямой, а ему на голову сыплются испытания, одно лучше другого. Потом происходит взвешивание, подсчет баллов на вскинутых табличках, и, — поглядите только — на нашего рыцаря ниспадает благодать. Или падает плита.

В случае с Мирконом происходит нечто совершенно иное. Тут тебя не оценивают, никому и даром не нужны головоломки с цветными огоньками или кнопками в стенах. Просто ты что-то теряешь. Порой ты даже сам не знаешь, что именно, но факт утери неопровержим. Это может быть что угодно. Можно потерять медяк, а можно лишиться разума. После моей первой разведки, я с ужасом понял, что забыл, как выглядит мое давно покинутое поместье.

— Престон, держись рядом.

— Рем, — сказал я шепотом.

— М-эа?

— Ты что, совсем не боишься?

— Чего?

Вокруг нас, в тусклом сиянии кристаллов, ворочалась фауна, которая не нападала лишь потому, что, похоже, была приятно удивлена нашей опрометчивостью. Да, это было самоубийство. Вполне осознанное, расчетливое, не лишенное благородства самоубийство. Именно ночью, только по земле, различая в тумане восстающие долговязые силуэты.

— Ну... Я не знаю из чего выбрать. Некуморков. А? Что скажешь? Огромные вонючие некуморки! Ого. Во-от с такими клычьями! Прямо с плаката «ОСТОРОЖНО ЛЮДОЕДЫ».

— Черта с два, все некуморки здесь давно уже прикормлены, — зевнул Рем. — Они привыкли к грибникам и детишкам. Давно разучились охотиться, клянусь Первым.

Силуэты брели за нами, мелькая на флангах ломанными линиями, выдавая себя прерывистым возбужденным клокотанием. Некуморк — это паршивый зверь. Слишком умный. Обычно эти горбатые злыдни ничем не отличались от разбойников. Им по силам было напасть на караван, защищаемый арбалетчиками и стрелками с инфузерами. Мечники в расчет не принимались, Некуморкам они, наверное, казались грибниками. Во всяком случае я еще не видел мечника, способного удержать даже детеныша некуморка. Детеныша... Кости Первого, бывали случаи, когда фехтовальщика убивала половина животного. Верхняя, нижняя — всякое случалось. Наемники — веселый и общительный народ, горазды были поговорить на эту тему. А я не дурак был послушать.

Надо ли говорить, что одно дело — слушать, подперев подбородок кулаком, когда в руке у тебя почти полная кружка пива, и совсем-совсем другое...

Ныне я видел, — впервые столь близко и явно, — эти согбенные двухметровые тени, а в руке у меня была лишь рукоять моего однозарядного инфузера. Я бы сейчас предпочел держать почти полную кружку пива. Во всяком случае, от нее было бы куда больше проку.

— Престон.

— А?

— У тебя ведь все под контролем?

— Смотря что.

— Эти сволочи не нападут на нас, да? — Рем чуть притормозил, сделав вид, что внимательно осматривает дыру на своем локте. — Тут какая-то хитрость, я прав?

Я задумался над ответом. Сложно сказать, что я мог бы наврать моему приятелю, будь у меня время. Некуморки приближались. Вздох, неуловимое движение прямоком к нашим горловым артериям, еще вздох, и появляется вонь предыдущих побед некуморка над грибниками и детишками. Я судорожно зашарил по карманам.

— Вот, — я показал Рему клочок белой шкуры.

— Чтоб тебя, — воскликнул тот, отстраняясь. — Что? На заднице у себя вырастил?

— О-о... — протянул я интригуяюще. — Это, брат мой, кусок шкуры Матки некуморков.

От этого клока исходит ее запах.

— Кости Первого, только не говори, что они захотят с нами спариться.

— Нет, — меня неприятно тронуло это предположение. — Торговец сказал, что это должно держать их на расстоянии. Видишь, как они трусят?

— Ладно, ладно, — Рем оставил дыру в покое.

Я посмотрел на клочок шерсти в своем кулаке. Откуда он вообще взялся у меня в кармане? Клок сопровождали туманные видения: лилось пиво, взвизгивали шляхи, я отчетливо помнил основные фрагменты шлях... Потом что-то большое и неприятное словно бы сминая эти сладостные видения, вторгалось в мой маленький рай и ревело, и сверкало сталью, и гневно мело... Бородой! Ну конечно! Чья же это борода? Да еще и белая... Хвост Хладнокровного, что я мог не поделить с ребятами Тира Прекрасного? Возможно он опять позавидовал моей красоте и решил уравнять шансы несколькими шрамами на моих скулах. Ха! Пусть теперь растит новое помело, ублюдок!

Я опомнился, отчетливо почувствовав себя кретином, и стыдливо затолкал бороду обратно в карман.

Кое-кто, возможно, догадался, что борода грабителя-нарцисса, это не самый сильный артефакт. Во всяком случае, на защиту от супер-хищников, она не рассчитана. Однако, клянусь Первым, моя ложь стала правдой. Некуморки не нападали! В какой-то момент они остановились, словно слышали чью-то тайную команду. Мой план, достойный кинжала в спину, работал. Если верить поговорке, что дуракам везет, то я был умственно-отсталой улиткой, ползущей по соленому крендельку.

Миркон появился на нашем пути так, словно зловещий великан заступил дорогу двум сгорбленным доходягам. У меня вновь перехватило дыхание. Рем глядел вверх, приоткрыв рот.

Башня отвоевала у леса обширную поляну, на которой не росло ничего кроме мелкой болезненной травки. В сиянии пустого океана его громада казалась чем-то не от мира сего. Камни ложились друг к другу плотно, как кусочки целого, словно башня уже существовала когда-то, перед тем как разбиться и упасть в наш мир огненным ливнем. Шесть свинцовых колец с охранными знаками удерживали их вместе. Зловещие обелиски, — насесты для уродливых каменных химер, окружали гиганта личной бессменной гвардией.

Мы замерли, пораженные ощущением, что великан сейчас взмахнет чудовищной дубиной и к утру два пятна на жухлой траве уже просохнут.

Как бы то ни было, самостоятельно Миркон не слишком гнался за репутацией Третьего Ужаса Света. Он просто собирал вокруг себя некуморочки стаи, испускал в небо столпы голубоватого пламени в середину каждого Нереста Светозверя, и не давал себя ограбить. Вот и все. По сравнению с той же самой Пещерой Тлена, он был вполне безобидной достопримечательностью.

— Ну и ну, — произнес Рем, поглядывая через плечо. Некуморки все еще следили за нами. — Не то, чтобы я в тебя не верил Престон... Но это... Это, *gagam-gagam*, самый сумасшедший поступок, который я совершил, будучи почти трезвым.

— погоди, — окоротил я его. — Тебе же еще предстоит пробраться внутрь Убийцы Маггов.

— Маггоеда, — поправил меня Рем.

— Разница перевода, — я пожал плечами.

— Ну, так как же мы попадем внутрь?

Я состряпал хитроумную мину.

Вот сейчас. Сейчас что-то произойдет. Смотрите!

Ну же. С минуты на минуты, проведение окрылит наши с Ремом шаги! Клянусь Первым я слышу перезвон колокольчиков на кружевном белье госпожи Удачи.

Прошло несколько минут в напряженном молчании.

Я присел на корточки и задумался.

— Рибит! — булькнула черная древесная жаба, примостившаяся на листе кувшинки.

Башню окружал ров самого препоганого вида. Для чего он был нужен, я не смог бы сказать, даже навскидку. Разве что держать там пивные бутылки в жаркую погоду. Но в такую мутную водицу, я бы даже плюнуть побоялся. Она выглядела как что-то способное растворить плоть до кеостей.

— Змея с два! — ответил я.

— Престон, что думаешь?

«Веселый волшебник, раз по утру, затеял изжарить пару яиц. Пылает деревня, пылают леса, бежит за подмогой хромая лиса...».

На самом деле это все часть испытания. Я должен что-то сделать. Заинтересовать Миркон. Что же это? «Ко мне пройдет только слепой». Есть. В этой влажной мгле видно было только уносящиеся от тебя призраки благополучия и здравого смысла. «Ко мне пройдет только бесстрашный». Мой консультант заметил, что слово «бесстрашный» в данном контексте можно перевести еще как «слабоумный». «Ко мне пройдет только...»

— Омытый? — переспросил Рем.

— Да, — я качнулся на носках.

Рем понюхал свое плечо, и сказал с сомнением:

— Да какая ему разница?

— Брось, — отмахнулся я. — Дело же не в этом. Мы должны быть чисты в наших душах и помыслах. Для таких ренегатов как мы, это затруднительно. Может быть, нам надо подумать о цветочках...

— Чего? — нахмурился Рем. — Опомнись Престон! Рем Тан'Тарен последний раз был чист в помыслах на свадьбе знакомого медвежатника. Его невеста мне действительно понравилась.

— Мы должны выбросить все из головы и сосредоточиться!

— Может, нужно было сполоснуть причиндалы, перед тем как идти сюда?

— Это не азбука вопросов Эдбера Смешного для самых маленьких! Тут все имеет скрытый смысл!

— Ты во всем ищешь скрытый смысл. Особенно в открытых бутылках.

— Неужели ты думаешь, что огромная злобная башня хочет, чтобы мы помылись?!

— А почему бы и нет? Она-то уж вони нанюхалась в свое время, клянусь Первым!

— Знал я, что в тебе есть что-то от тролля, но оказывается, это во всех троллях есть что-то от тебя!

— Да иди ты на хрен, душнила замудильская.

— После тебя, свиная рвота!

— Белесый хмырь!

— Ущербный карлик!

— А-а-а-а-а!

— У-у-у-у-у!

Бывают кретины, которые даже впросак угодить нормально не могут. Вот, например, мы с Ремом. Представьте себе анатомическую схему «Престон в разрезе». Там вы найдете пару застарелых комплексов, кучку убогих манер, пугливую стайку умных словечек подцепленных из книжек и зацелованный до дыр потрет Вельвет в фигурной рамке. Теперь обратите внимание на аналогичный разрез Рема. Там вы проследите взглядом одну жирную сноску, которая выведет вас к рамке со следующим показателем: «вместимость — 40 галлонов».

Вполне возможно, что наша перепалка затянулась бы до рассвета. Но тут само проведение встало с кровати, всунуло пятки в пантуфли и подошло к окну, чтобы посмотреть, кто это там, Первый раздери, орет под окном, вместо того, чтобы вершить Историю.

— Имбецил!

— Баба!

— Обрубок!

— Каланча!

— Что ж, вот и он, мой банк с долгосрочным вкладом!

— Что? — опешил я.

— Что? — нахмурился Рем.

— Что ты сказал? — переспросил я.

— Я? — вскинулся Рем. — Что это за чушь ты несешь насчет банков?

— Думаю, что теперь там даже в пуговице камзола магии больше, чем во всех моих придворных маггах.

Голос был гадким, гортанным и шипящим, словно у самого Хладнокровного. Он доносился со стороны леса, и мы с Ремом почти синхронно повернули наши острые носы в сторону деревьев.

О моей смелости в гильдии ходили легенды... Ну хорошо, скорее не легенды, а анекдоты, но они были несмешными и надуманными. Я никогда не бежал от опасности. Я от нее уходил! Да-да, именно так, друзья, только глупец не заметит принципиальной разницы! К тому же все зависело от ситуации. А ситуация была такова: к нам приближалась процессия странных созданий, весьма напоминающих мои обычные ночные кошмары. Клянусь Первым, тут даже безумец сошел бы с ума повторно. Или же, от обратного, вылечился. Однако я был относительно подготовлен к тому, что здесь можно было встретить что-нибудь поинтереснее бородатой женщины, поэтому просто готовился надеть в штаны.

И было от чего.

Тут была ковыляющая на задних лапах лиса, которая словно под гипнозом укротителя, не мигая смотрела перед собой. Был огромный трухлявый пенёк, который перетаскивая себя корнями, словно осьминог. Парил здоровенный светлячок, похожий на мыльный пузырь с ярким угольком внутри. На правом фланге мелкими скачками приближался шест, с человеческим черепом на верхушке. И когда шест подскакивал особенно высоко, череп громко клацал нижней челюстью.

Впереди, опережая невероятную свиту, выступал огромный, — Маленький Трусливый Престон внутри меня всю жизнь надеялся, что таких не бывает, — пещерный некуморк. Пещерный! Один на тысячи. Даже в виварии Гротеска уже пять нерестов не было ни одной особи.

— Уходим, — сказал я уверенно.

Сухолюда рядом уже не было, поэтому вышло, что я сказал это самому себе.

Я рванул вперед, как бычок, выигравший путешествие на бойню, и бежал, как мне показалось, не касаясь земли подошвами. Уже после первых четырех скачков, я понял, что бежать в лес мне нельзя, потому что там много некуморков, а возвращаться назад мне не позволит череп на шесте, который, похоже, не прочь был обзавестись туловищем. И, конечно, не будем забывать о трутне, который мог случайно вдохнуть меня через ноздрю. Я сделал еще несколько безумных рывков, и вдруг что-то потянуло меня назад, ухватив, по-видимому, за штанину.

Оскользнувшись на росистой траве, я шлепнулся спиной назад, и нечто потащило меня к себе, в небольшую воронку. Я инстинктивно выхватил нож, но Рем выбил его из моей руки, и сказал:

— Тихо, тупица, это я.

— О, здравствуй Рем, — прошептал я свирепо. — Я думал, что ты уже пьяный спишь в мусорной куче за трактором.

— Все было продумано, — фыркнул сухолюд. — Я пошел на разведку и нашел этот котлован. А, сын козы, все равно бежишь всегда только туда, где безопасно. Видишь, как здорово? А теперь заткнись, и давай посмотрим, что это за уроды, и чего им надо от нашей башни.

Я перевернулся на живот, и, раздвинув чахлые кустики, взглянул на чудовищ. Они уже приблизились почти к самому рву. На яркий блеск моих пяток, они похоже не обратили никакого внимания.

— Они не обратили на нас внимания, — прошептал я.

— Ага, — буркнул Рем вполголоса. — Вот уж чего не ожидал, того не ожидал. Мне сразу показалось странным, что они не бросились на нас, как только увидели. Этот рыжий костолом мог за три секунды нагнать нас, убить и освежевать. И я подумал, что уж если он не стал на нас нападать, то другие уж точно не станут. Ведь он у них, похоже, главный. А ты что думаешь, Сливочный?

— Думаю, ты просто упал в эту яму, когда убегал, а потом решил, что здесь тебя не найдут и затаился, — предположил я ненавязчиво.

— Иди ты в... — начал было Рем.

— Зопу! — воззвал вдруг некуморк знакомым шипящим голосом.

— Да, мой повелитель, — льстиво откликнулась лиса. Даже с такого расстояния я заметил, что она открывает пасть, но лишь так, словно откусывает от кролика, а не говорит.

— Зопу, ты обновила **поддельные** контракты маггов, в которых они **якобы** соглашаются добровольно сгнить в этой башне, без еды, воды, и света?

— Конечно, ваша Подлость, — откликнулась лиса. — Я тщательно **подделала** подписи, и, упиваясь своей вероломностью, заверила вашей печатью!

— А ты, Регварт, как обстоят дела с набором новых несчастных, и **жестоко обманутых** маггов? А?

— Мы, **тошнотворные мерзавцы**, достойные жрать лишь прогорклый навоз, уже взяли на примету двадцать четыре годных магга, — проскрипел пень, и, как бы торжествуя, всплеснул корнями. — И, конечно, мы, змеевы твари, отпрыски двух однополых совокупляющихся бродяг, не остановимся на достигнутом.

Мы с Ремом переглянулись, похваставшись перекошенными лицами, и мой друг не

выдержал:

— Какого змея они несут?!

— Рем, я понимаю не больше тебя, но Зопу... Вроде бы первого советника Дориана Вига звали Зопу. Это была женщина, что-то вроде секретаря. А Регварт... Ну конечно, Регварт был первым Магистром Акта Незримых!

— Но ведь это пеня и лиса, — резонно заметил Рем.

— Да, но подожди, до меня, кажется, начинает доходить суть происходящего. Давай слушать дальше.

Некуморк тем временем остановился у рва, и повернулся к остальным.

— Барлон! — воззвал он.

— Барлон... Барлон... А, главный казначей, — припомнил я.

— Слушаю, вас, наш мерзкий, как червивая собачья туша, монарх! — прозвенел светлячок.

— Ты уже подготовил надежное хранилище для сокровищ, которые мы, шелудивые, **страдающе паршой свиньи**, сегодня нагребим из этой могилы несчастных маггов? — строго осведомился некуморк.

— И нашел покупателей на лишние, если таковые найдутся, артефакты! — гордо заявил светляк.

И тут, не дожидаясь пока его спросят, вступил череп на палке:

— Ты не забыл нашего уговора мой **поганый, как болотная кочка**, и смердящий как зев падальщика, господин?

— Не волнуйся Кир, ты получишь свой посох, — успокоил его некуморк.

Рем пихнул меня локотком в бок.

— Кир... Не знаю такого. Но судя по тому, что он требует, один из Мудрейших, — предположил я.

— Итак, — некуморк повернулся к башне. — Приступим. Мы, **недостойные сострадания убийцы**, зараженные половыми болезнями, которые подцепили у пожилых женщин легкого поведения, воспользуемся тайным ходом!

Мы с Ремом, едва ли не полностью вылезали из ямы, глядя во все глаза.

— В воду, друзья! — грянул некуморк, и...

И тут представление закончилось. Лиса упала на все четыре лапы, жалобно твякнула, и стремглав понеслась прочь с поляны. Шест с черепом постоял немного, а потом медленно завалился на землю. Корни пня обмякли, от древнего почерневшего сруба пошел пар. А некуморк... Он посмотрел на нас маленькими черными глазками, и мы вдруг оказались на самом дне ямы, судорожно забрасывая друг друга землей. Но трутень побрезговал нами. Некоторое время мы слушали его тяжелые удаляющиеся шаги.

Потом Рем осторожно поднялся над краем. Выбравшись полностью, он пошел к башне. Я нагнал его и сказал:

— Невероятно.

Рем посмотрел на меня как на идиота, и с разбегу пнул череп Кира, отчего тот улетел в чашу.

— Ну и что это было? Клянусь, эта башня чокнутая.

— Ты до сих пор не понял?! — вскричал я радостно. — Зопу, Кир, Регварт, Барлон! Это все слуги Вига!

— Ну и что?!

— А то что... Клянусь Первым, Рем, ты когда-нибудь был в театре?

— Это где идиоты в масках скачут с деревянными мечами? — уточнил Рем.

— Да, это где идиоты в масках... Смотри: Гелберт не упомянул этого... Но. погоди, что-то тут не вяжется. Это вовсе не похоже на оригинальный текст легенды.

— Да ты можешь тремя нормальными словами объяснить в чем змеево дело?! — вскипел Рем.

— Первый подери, — я схватил шест Кира, и принялся чертить на траве воображаемые буквы. — То, что мы сейчас видели. Это, конечно, было довольно нелепо. И непонятно, почему они называли себя червивыми свиньями.

— Червивыми собачьими тушами, — поправил Рем.

— Да... Но в общем это был сам Дориан Виг, он же некуморк, и его четыре самых приближенных советника. Магистры и лорды. Понимаешь? Кто-то или что-то, возможно наша башня, разыграла перед нами спектакль, который перевирал легенду. Если верить тому, что здесь произошло, Дориан Виг умышленно замуровал маггов в башне, против их воли, но вовсе не затем, чтобы укрепить строение. А только лишь ради сокровищ, которые они упрятали туда.

— Хм, — Рем поскреб в затылке пятерней. — Легенда-шмегенда... Дело, змей подери, не в ней. Будь я проклят, если не слышал упоминания тайного хода.

— Да, — я повернулся к нему, скалясь как монах на оргии. — Именно.

— Он сказал «в воду», — припомнил Рем.

— В воду, — повторил я.

Мы стояли на краю рва, с отвращением глядя на зеленоватую муть, в которой все время чудилось некое угрожающее шевеление. Воняло нестерпимо. Я легко мог представить себе, как погружаюсь в эту мертвую жидкость, и тут же ил слепит мне глаза, я ничего не вижу, а на ощупь уже окружен бандой голодных змей. Я поежился и посмотрел на Рема.

— Очистить разум... — бормотал сухолюд. — Впрочем, ты был прав, сигануть в эту отхожую яму без очищения разума невозможно. Но ведь он был повелителем. Змей подери, разве стал бы он самолично соваться в это дерьмо, если б не было какой-нибудь обманки. А ну, дай мне эту свою палку.

Я отдал ему шест, и Рем одним концом опустил его в воду. Я держал его за пояс, чтобы он не свалился.

— Ну как? — спросил я.

— Еще ниже, — приказал Рем. Палка почти полностью ушла под воду, пальцы сухолюда касались поверхности. — Проклятье! — он со злостью оттолкнул шест от себя и тот ушел в небытие.

Я помог Рему встать на ноги, и мы сели на траву.

— Палка была длиной в два хвоста! — воскликнул Рем. — И все равно я не нащупал дна. Я не знаю, Престон. Я просто не представляю, змей подери, как там можно что-нибудь отыскать! С ними все-таки был Мудрейший. Он всяко наколдовал им какие-нибудь воздушные пузыри. Хотя это все равно нелепо... Надо же так любить золото. Из них получились бы отличные воры.

— Они и были ворами, — откликнулся я со слабой улыбкой. — Все чинуши это ворье. Просто более солидно настроенное. Да, нужно было взять какие-нибудь костюмы из резины. Или хотя бы сапоги с голенищем в три хвоста. — И тут вдруг меня осенило, словно мешком по голове ударило. — Из чего была палка?

— Обычная деревянная палка, — пожал плечами Рем.

— Ну, тогда давай возьмем ее и попробуем дно в других местах! — развеселился я.

— А что толку? — вздохнул Рем. — Впрочем, кто мы будем, если не попробуем.

Постой-ка, — он смотрел на поверхность воды и недоумевал. — А где она?

— Может быть, утонула, — я развел руками.

Рем встал и обежал башню кругом. Это заняло время.

— Ее нигде нет, — сообщил он, остановившись рядом со мной. — Она не всплыла.

Слушай Прес, я толкнул ее не настолько сильно, чтобы она воткнулась в дно. Она должна была всплыть.

— И что это значит? — спросил я ухмыляясь.

— Ну... Либо палку проглотил какой-нибудь совсем уж отчаявшийся монстр. Либо там какая-то зловещая магия, которая притягивает ко дну все, что попадает в ров. Чтобы не дать всплыть идиотам вроде нас.

— Возможно, — кивнул я, поднимаясь. — Но ни в том, ни в другом случае Дориан Виг сотоварищи, не рискнул бы соваться туда. Ведь ты прав Рем, такие выдающиеся личности не могли себе позволить барахтаться в этом отстойнике.

— А если башня специально придумала это, чтобы заманить нас?

— Сомневаюсь, — я достал из кармана клочок бороды. — Видишь? Это, не шкура матки некуморков. Это борода Тепе Красивого. И нас от некуморков спасла башня. Больше некому. А стало быть, она нам симпатизирует.

— Что ты сейчас сказал про бороду? — встрепенулся Рем.

Я повторил.

— Ах ты... — глаза сухолюда налились кровью. — То есть мы должны были подохнуть там?

— Но не погибли! — возразил я торжественно.

— Я оторву тебе голову, — сообщил Рем, сжимая кулаки.

— Сначала догони, — ощерился я.

И одним плавным движением ступил на край и нырнул в теплую слепящую воду.

Глава 5. Ненависть

«Клянусь, иногда мне казалось, что они смотрят на меня. Ты наносишь удар не думая. Они молчат. Страшный удар. Тишина. Что было бы, умей они пожаловаться нам?»
из мемуаров Севора Учителя, мастера рукопашного боя.

Первое, что я увидел, после того как мой хребет нашел опору, был второй Престон, который смотрел на меня сверху, скрючившись в противоестественной и жалкой позе. Спинай он лежал на полу, а зад его, с отвисающими вперед ногами, упирался в стену. С кончиков мокасин прямо на лицо капала вода, и вообще вода сейчас была в каждой нитке его одежды. Однако, несмотря на всю очевидную нелепость своего положения, он улыбался. Я тоже улыбнулся его самоиронии, а двойник вдруг исчез, и мне на голову, изрыгнув терпкое проклятье, свалился Рем.

Я охнул, и спихнул его с себя, пытаюсь не угодить лицом в самые интимные промежутки сухолюда. Наконец, после яростной возни, мы приняли человеческие позы.

Рем сказал:

— Конец тебе, мудила, — после чего заехал мне в живот локтем.

Некоторое время я вынужденно хранил молчание, и, отдуваясь, глядел, как Рем, все более дурея лицом, осматривал место, в которое мы попали.

Это было нечто вроде замкнутого кольцеобразного коридора, идеально-ровного, с полом и стенами, покрытыми прозрачной плиткой. На стенах эта плитка излучала ровное, приятное сияние, похожее на свет, прошедший сквозь пивной бокал.

— Престон...

Я не ответил, посмотрел наверх и снова увидел себя — зеркальное отражение в спокойной зеленоватой воде. Это была та самая вода, в которую я прыгнул, только теперь она была над головой. Влага из наших с Ремом хлюпающих одежд, начала подниматься обратно крохотными капельками. Через минуту мы перестали хлюпать.

Из потолка вдруг вывалилась черная древесная жаба, и, слабо пискнув, упала на пол двух шагах от нас. Что-то вспыхнуло, раздался сухой электрический треск, и земноводное разорвалось как мыльный пузырь. Мне на щеку попало теплое и липкое. Я утерся высохшей перчаткой и сказал:

— Предлагаю не расходиться.

— Все-таки она принесла нам удачу, — сказал Рем. — Смотри-ка, что я нашел.

Он передал мне шест, который каким-то чудом не угодил в опасную зону.

— Попробуй им, — предложил Рем решительно.

— А что сам? — спросил я.

— Во мне слишком много стали, — ответил сухолюд вполне серьезно. — А тьюфак вроде тебя электричество не пропускает. Просто ткни палкой, змей подери.

— Учти, что от меня грязи будет больше, чем от жабы, — предупредил я зловеще. — Грязный, вонючий и одинокий Рем. И палка. Вы с ней проведете здесь не один приятный вечер.

Впрочем, несмотря на мою желчь, выбора у нас не было. Входа в башню, в том месте, где мы оказались, не наблюдалось. Выхода наружу — тем более. Я, конечно, мог бы использовать крюк-кошку, но вряд ли он зацепился бы за что-нибудь, на глиняном боку рва.

Да и вообще, не знаю, что чувствовал в этот момент Рем, но я захлебывался от внутреннего возбуждения. Что-то действительно начало происходить. Что-то из старой сказки, в которую не верят даже детишки постарше. Сначала некуморки, потом это невероятное представление, а теперь... Ну не знаю. Что-то наверняка можно было сделать и с этой ловушкой. Нужно лишь... потыкать палкой. Да.

Я стукнул деревянным щупом на шаг вперед. Ничего не произошло. Я стукнул чуть дальше. Снова безопасно. На третий раз палку что-то оттолкнуло от пола, и она с громким хлопком, воспламенилась. Я быстро достал свой носовой платок и потушил ее.

— Рисковать нашей счастливой палкой я больше не буду, — заявил я. — Теперь лезь туда сам.

— Не дури, — отмахнулся Рем. — Ударь рядом с тем местом.

На этот раз удар был куда слабее, палка даже не шелохнулась, лишь слабое потрескШышие напоминало о смертельном призраке коридора.

— Хм... А слева, — подсказал Рем.

Я стукнул слева. Ничего.

— Отлично, кости Первого, — довольно сказал Рем. — Так вот и пойдем, как слепые побирушки, пока не найдем вход... Этот Вориан Диг пробрался, и мы проберемся.

Так мы и поступили. Шаг за шагом, постукивая шестом и шаркая мокасинами. Безопасная тропка петляла как история пьяного барда, и мы продвигались довольно медленно. Это меня беспокоило, амулеты амулетами, а встречаться с маггом, после «ночи глухоты», мне не хотелось. «Ночь глухоты» случается раз в нерест Светозверя, и после нее всяческие владельцы Силы, становятся особенно раздражительными. Я точно не знал, стоило ли опасаться Вохраса, но судя по тому, что произошло на поверхности, он был оболган официальным преданием. Мне было решительно непонятно, почему он покровительствует нам.

— Вот оно, — сказали мы почти одновременно.

Мы остановились и с минуту молчали, разглядывая «оно». Оно напоминало два круглых глаза, круглый пористый нос и закрытый скорбный рот. Оно резко выделялось из общей стеклянной текстуры коридора и напоминало кусок скалы, вмурованный в стену.

— А что это, змей подери? — изумился Рем.

— Ну... — я осторожно потыкал палкой в огромную отвисшую губу. — Похоже на путеводный камень, которые ставят на участках торговых трактов в Империи Сай. Такие шпунты подсказывают путникам дорогу на развилках и предупреждают о разбойниках. Я видел картинки.

— И что с ним делать? — Рем пролез вперед. — Отдай палку... — Он щелкнул камень по носу. Потом сделал это чуть посильнее. Потом пнул ногой. И уже достал было ручного хлопыша, но я схватил его за руку.

— Клянусь Первым, Рем, когда-нибудь ты сделаешь что-нибудь настолько глупое, что сам удивишься, и тогда наступит конец светозверя, — сказал я с неудовольствием. — Смотри как нужно.

Я приложил к камню руку и сказал утомленным голосом, сильно окая и гнусавя:

— Клянусь девятью ящерами, совершенно не понимаю, куда идти дальше!

Камень лениво дрогнуло.

— Я устал, мои грузовые меригины взмылены, а товары портятся, — продолжил я.

Камень выпятил губу.

Осталась последняя часть ритуала. Я пошарил по карманам и чертыхнулся.

— Рем!

— А?

— Есть монета? Или пара камней? Хоть какая-нибудь валюта? Черт, он наверно не ест ничего кроме золота и минералов.

— Ему нужно скормить деньги? — возмутился сухолюд.

— Да, без этого можно пососать ноги, — сказал я. — Кости Первого, ну почему я не взял с собой кошель.

— Чтобы разорить меня! — проворчал Рем. — А может просто засунем хлопыша ему в ноздрю?

— Рем, давай не будем давать волю твоей жадной заднице, и просто проникнем в эту башню, вынесем в миллион раз больше сокровищ, и я потом отдам тебе этот жалкий золотой или камень из своей доли, — убедительно парировал я.

— Вонючие сайцы, — Рем, так чтоб я не видел, достал из кошелька самый плохонький побитый профиль, и, скрипя зубами, дал его мне.

Я положил монету на губу, и она скользнула куда-то в полость. Внутри камня глухо щелкнуло, завертелось, лязгнуло, и он произнес голосом прекрасной сайской гейши:

— Ты заблудился, о, путник?

— Мои слуги выдохлись, мои ноги поют скорбно, мой меч утомился повергать разбойников, — подтвердил я.

— Тогда поведай мне путник о...

Голос гейши осекся, нутро камня снова неопределенно щелкнуло, там что-то быстро прокрутилось, и он прогрохотал:

— Назови себя!

Я посмотрел на Рема. Рем соорудил из пальцев корону на своем хохолке.

— Дориан Виг, Светлейший, Храбрейший, Достойнейший, — представился я скромно.

— Пароль! — рявкнул камень.

У меня опустились руки. Я привалился к стене, и обеими руками помассировал лицо. Пароль — это здорово. Это, пожалуй, даже чуть хуже, чем некуморки. Хотя бы потому, что некуморков мы уже минули, а этот змеев камень мог дать нам пару уроков отчаянья, безысходности и фатализма.

— Присаживайся Рем, — пригласил я. — Как много слов ты знаешь? Желательно хоть как-то связанных с дворцами, коронами, похотливыми фрейлинами, властью и внешним долгом.

— Авторитет, — начал Рем. Он, тоже привалился к стене, только противоположенной. Достал кисет, трубку... Сизый дым моментально распространился по нашему каземату.

— Валлис, — продолжил я.

— Кто это? — спросил Рем.

— Неважно. Один из его близких друзей.

— Угу... — Рем пыхнул вверх мощной струей дыма. — Магарики.

— А это что? — в свою очередь осведомился я.

— Это наше национальное блюдо, — Рем облизнулся. — Мясные шарики. Я бы сейчас навернул котелочек.

— Светозверь подери, какое отношение твои мясные шары имеют к Дориану Вигу?! — не выдержал я. — Вы тогда еще не были открыты с вашими отравленными островами и

магариками!

— О! Значит это вы нас открыли? А до появления лазутчиков Авторитета, Менады не существовало? Возможно, Дориан Виг тайно побывал у нас, откуда тебе знать?

— Да что ему делать в таком месте...

— Каком же это, интересно, **таком** месте?

— Рем, давай не сейчас. Я не расист. Я сотню раз тебе говорил. Просто магарики это не то!

— Знаешь что, катись ты к змею, приятель, — предложил Рем, ложась на пол. — Если ты такой умный, то ищи пароль сам, а я пока вздремну.

— Хорошо, — я всплеснул руками. — Согласен. Я оставлю тебя здесь мелкий вонючка.

Рем закрыл глаза и отчетливо засопел, не забывая пыхать трубкой. Я безнадежно махнул рукой, и тоже сел. Мои знания о первом Авторе были знаниями школьника о нелюбимом предмете. Слишком много информации, я просто не знал, что мне может пригодиться. Помнил кое-какие основные даты, пару подвигов и политических анекдотов. Помнил, как звали его ручного крефера:

— Атамак.

...как звали его тайного незаконнорожденного сына:

— Семмил.

...наставника:

— Измаил.

...злейшего врага:

— Кропос.

...любимый напиток:

— Корелье.

...цикл рождения:

— Ома.

...пожалуй... пожалуй все.

Камень стоял уверенно и бескомпромиссно. Я вздохнул, и принялся повторять все слова без разбору. Ритмично, монотонно и совершенно безнадежно. Ведь слов могло быть и два, и три, могла быть целая змеева поэма или песня. Или какой-нибудь фразеологизм, который выдумал лично Виг, и о котором, естественно, никто не мог знать. Или даже звук. Может нужно было рыгнуть как Его Величество, или икнуть...

О, Первый!

Да, это был один из тех моментов, когда понимаешь, что ты не бессмертен, мир играет не в твою пользу, ты не самый красивый мужчина в мире и у тебя нет подходящей шутки для момента. Господин Престон стусевался? О, да! Достаточно взглянуть в его поблекшие глазенки. Вот он сидит и произносит одно слово за другим, как старик, забывший название того места, куда он ходит пописать. Когда у меня уже пересохло во рту, я поперхнулся и замолчал.

— Когда я был в Гротеске... — сказал вдруг Рем. Я вздрогнул и посмотрел на него. Я был уверен, что он спит. — ...Я видел одну старую. Как это называется, когда на камне вырезают картинки?

— Гравюра, — подсказал я.

— Да, — Рем приоткрыл один глаз, блестящий и черный. — Так вот там был изображен этот ваш змеев Вориан Диг. Я плохо помню детали. Мне тогда было не по себе, я только что

получил свою печатку меж лопаток... Но, чтобы перетерпеть боль, я старался смотреть на что-нибудь, и думать об этом. На что угодно. Тут-то она мне и попалась на глаза. Она была вытеснена на потолке. Хвостов сорок не меньше. И вот что мне показалось странным на этой гравюре... На доспехах вашего главаря были буквы.

— Три Первых Клятвы, — встрял я, припоминая эту гравюру. Она украшала зал Памяти.

— Наверное, — небрежно согласился Рем. — Так вот все они были выложены Красными камнями. И только два крохотных, как лягушачьи икринки, слова, которые были вытеснены на его губах, были пусты. Я еще подумал, ну ладно, Первый подери, у меня зрение как у ястреба, но всякие там подслеповатые слуги разве углядят?

— Ты разглядел их снизу? — восхитился я. — И что это были за слова?! Ну!

Мое сердце снова застучало. Я уже приготовился испытать невероятное облегчение и азарт, когда Рем произнесет эти слова, и это конечно окажутся именно те самые слова, которые составляют пароль. И вот оно! Вот оно! Камень пропустит нас, и моя глупая, старая, заржавевшая мечта осуществится!

— Я не помню, — буркнул Рем.

И закрыл глаз. Тяжелым серым веком.

В этот момент я, наверное, стал прозрачным.

— Что-то вроде Кавасто Ковэ... — пробормотал Рем. — Или Васто Котэвэ. А. Хладнокровный подери... О, помнишь ту куртизанку из Патха? Ну, мы еще поспорили, кто будет первым! Она часто произносила эти слова во время... работы. Ковасто ковэ, ковасто ковэ! — взвизгнул Рем, похотливо скалясь.

— Что? — меня перекосило. — Остава вэко, что ли? Великое вознесе...

Я не успел полностью процитировать упомянутую Ремом куртизанку, которая пикантно богохульствовала, изъясняясь во время плотских утех на языке Зверя. Я не успел. После «остава вэко» камень задрожал и принялся сдвигаться назад и в сторону. Дико скрежеща и фонтанируя искрами из колеи, по которой двигался.

Рем мгновенно вскочил, хохолок его воссиял и он, циркнув слюной сквозь щель в передних зубах, пошел в образовавшийся ход.

За ним была винтовая лестница, каменная, скользкая и холодная. По ступеням, сверху, стекала какая-то гадкая черная пена.

— Рем, — говорил я быстро и сбивчиво, — ты молодец. Если бы не твоя наблюдательность, мы бы сидели там до второго Рождения. Как все удивительно удачно совпало!

— Да, — согласился Рем равнодушно. — Действительно удачно. В общем-то, у него на губах ничего такого не было. Да и губ у него там не было. Только шлем похожий на конскую морду. Остава вэко... Ну надо же. Знаешь, я просто вспомнил, почему-то, эту куртизанку. Змей подери, не люблю я такие долгие экспедиции.

Оторопь заставила меня остановиться, и Рем подтолкнул меня сзади.

— Ну, чего ты встал? — спросил он нетерпеливо. — Скелетик увидел?

— Как тебе это удастся? — спросил я глухо. — Ты подчиняешься хоть одному закону в этом мире?

— Нет, — сказал Рем.

Мне ничего не оставалось кроме как поверить ему.

В этот момент внизу заскрежетал камень, возвращаясь на прежнее место. Потом гулко ахнул, — встал, — и затих. Стало слышно, как сопит Рем и клокочет черная пена. Нас все

больше отрезало от внешнего мира.

— Пойдем, — шепнул Рем.

Я кивнул, и мы преодолели остаток спирали, достигнув перекрытия. Здесь была небольшая площадка. Взгляд мой сейчас же остановился на овальном люке, крышка которого была накрепко зажата двумя винтами. Когда-то к нему вела лестница: мы видели ее основание, кривые железные клыки с одной уцелевшей перекладиной. Учитывая это, достать до винтов было трудновато, поэтому Рем ловко вскочил мне на плечи, а я встал ногами на его вещевой мешок.

Рем взялся за первый вентиль и с натугой принялся его поворачивать. Он довольно долго возился и кряхтел, сдавливал мне голову коленями, бранился сквозь стиснутые зубы, а потом сказал:

— Значит так, Пэ. Сейчас я сделаю несколько последних поворотов и открою крышку. Что там за ней, знает только Первый и я. Но я — только в общем. Уверен, что там какая-нибудь пакость уже минут пять сидит и прислушивается к тому, как мы скрежещем этими винтами. Так что приготовься.

— Готов.

— Тогда я ее выбиваю и спрыгиваю, — предупредил Рем. Он еще несколько раз скрежетнул винтом. — Ра-аз, — протянул он. — Два-а-а... Три!

Сверху послышался глухой удар и бешеное шипение, как будто кто-то раздражил кота.

— Ну что там? — нетерпеливо спросил я.

— Три! — снова гаркнул Рем.

На этот раз наверху громко лязгнуло, а Рем молнией слетел с меня. Некоторое время мы сидели на корточках, наставив на овальную дыру инфузеры, и ждали. Там было темно, тихо, сыпалась тонкой струйкой вековая пыль. Комьями валилась затхлая тишина.

Рему первому надоело пялиться в темноту, и он жестами попросил меня закинуть его наверх.

— Спусти тебя веревку, — прошептал он.

Я кивнул и помог ему встать мне на плечи.

— Будь осторожен! — крикнул я шепотом.

Рем молча оттолкнулся, зацепился за край и проворно втянул себя внутрь. Некоторое время, я слышал только как стучит мое сердце, а потом появился новый звук. Что-то ворочалось наверху, шелестя и скребя по камню. В люк толчками сыпался песок. Неужели Рем? Согласен, в обычном своем состоянии он издавал шума больше, чем банка с мелочью, но когда Рем брался за дело... Нет, ни одно ухо не могло похвастать, что имело честь слышать передвижения крадущегося Рема Тан-Тарена.

— Рем! — прохрипел я. — Ре-е-ем!

Наверху стало тихо.

И вдруг оттуда вывалилась какая-то зеленоватая неширокая лента, похожая на дешевый ремень. Падая, она разворачивалась, и изрядная ее часть смогла распластаться на площадке. Странно. Может Рем потерял веревку? А что это? Я с подозрением осмотрел ленту. Она была чуть влажноватая, вся в каких-то неряшливых заусенцах и потеках. Наверное, раньше это было что-то изысканно-дорогое, вроде тех лент, которыми подпоясываются жрецы Зверя. А теперь... Гнилая погань. Ветошь. Я искренне надеялся, что не все сокровища башни стали такими.

Для верности я пару раз дернул ленту, — наверху снова послышалась непонятная возня.

Я мысленно воззвал к Первому, и принялся карабкаться. Лента была эластичная, подтягиваться было неудобно. Благо, люк все же был не очень высоко. Я схватился за край, ожидая, что Рем подаст мне руку, но залезать пришлось самому.

Рема не было видно. Лента тянулась откуда-то из крошечной тьмы, и я не мог с уверенностью сказать, кто или что держит ее с того конца. Хотелось свято уверовать, что это Рем. Да и кто еще это мог быть? Я еще раз огляделся, насколько мне позволяла моя позиция. Увидел каменные стены, покрытые копотью, и шершавой окалиной. Какие-то непонятные следы и символы. Некоторое время сидел на корточках, прислушиваясь к темноте. Потом достал из клапана перевязи кусок фосфора на палке и осветил перед собой. Никого.

Потом я долго принюхивался и ощупывал пальцами песок. Между прочим, это вовсе не был речной или там пляжный песок. Или пыль. Это был пепел. Точнее даже зола. Гниением, дымом, пищей и отходами жизнедеятельности не пахло. Явственно чувствовалось жжение в районе копчика — верный признак того, что фон маггического излучения здесь зашкаливал. Хвост одноухой рептилии, который я купил в маггической лавке, извивался. Верный признак того, что загрязнения, царившего здесь, хватит на то, что бы превратить нас Ремом в неведомую гадость. Я достал из кошель антирадиационную микстуру и выпил ее, скривившись как посоленный червяк.

— Рем, — позвал я чуть слышно.

Лента дернулась, и начала уползать в темноту. Сухолюд, похоже, зачем-то принялся ее сматывать.

— Да брось ты ее, — шепнул я. — И топай сюда.

Рем не отозвался. Лента медленно уползала в темноту.

Во мне что-то екнуло, словно Маленький Трусливый Престон щелкнул меня хлыстиком по сердцу. В этот момент, нечто схватило меня сзади за шею и зажало рот маленькой крепкой ладошкой.

— Только не ори, — предупредил Рем. — Это я, твоя мамочка. Хорошо, что ты сам забрался, не хотелось возиться с веревкой. В общем, я тут пошарил немного и уже нашел кое-что интересное. Там откуда я пришел — тупик. Доспехи какие-то, стойки, оружие — все подцепило маггическое излучение. Некоторые мечи аж светятся. Но что интересней всего...

Перед моими глазами вдруг появилась роскошная боевая корона, с назатыльником и полумаской, инструктированными белыми рубинами.

— Корона Вига, — прохрипел я, отодрав от своего рта ладошку.

— Я нашел ее у самого люка, — похвастался Рем. Он прикрепил фосфорный факел к перевязи. — Похоже ваш царек обронил ее.

Интересно, что его заставило, подумал я. Если монарх бросает корону, значит, выбор у него поставлен между жизнью и смертью.

— Удирал так, что даже не вернулся за ней, когда она свалилась у него с башки, — словно в такт моим мыслям, проговорил сухолюд. — Что ж, Престон, вот мы и обогатились. Теперь пара на выход.

— Я же говорил тебе... — начал было я, но тут Маленький Трусливый Престон с размаху шлепнул себя по щеке и простонал: «вот кретин». «Нас сожрут из-за него!».

Меня словно кипятком обдало. Я посмотрел в темноту перед собой. Ленты уже не было. Она полностью куда-то... втянулась. На границе света мне померещилась невообразимая харя, словно разбухший мешок с гнилыми листьями и черноземом, который смотрел на меня зелеными бельмами. Смотрел, кажется, с неподдельным интересом, медленно заглатывая

«ленту» — свой собственный язык.

— Говоришь, там есть оружие? — переспросил я быстро.

— Да... — икнул Рем, и тут же я схватил его подмышку и опрометью ринулся назад.

Мы быстро достигли этих стоек. Рем вырвался у меня из рук, и поправил корону у себя на голове.

— Выбери себе какую-нибудь железку, — сказал я. — Быстрее.

— Ладно, — быстро согласился Рем. Он видел, что я не шучу. — Ты что-то увидел?

— Не могу сказать определенно, — буркнул я. — Ты принял микстуру?

— Всосал как родную.

Я осматривал аккуратно расставленные вдоль стен стойки. Оружия и доспехов тут было великое множество. Некоторые из них не просто светились, но даже издавали слабое мелодичное пение. Но это были, пожалуй, несколько самых удачных экземпляров.

Обычно облучение магией приводит к изменению фактуры и свойств материалов, и характер изменений, их интенсивность, прямо пропорциональны длительности излучения... э-э-э, короче, чем дольше шляпа сидит на голове волшебника, тем больше она напоминает его самого. Буквально.

Вся оружейная палата слишком долго подвергалась этому самому облучению.

В итоге большинство мечей превратилось в нечто совсем уж отдаленно напоминающее боевые инструменты. Все больше пузырявые продолговатые грозди, или мшистые куколки. Они поросли черным жестким волосом, скребли, сучили недоразвитыми лапками и мерзко верещали.

Казалось не только мы, но и доспехи рассмотрели нас. Они возбужденно вибрировали, забрала на шлемах щелкала, как акулы пасти. Я обратил внимание на пол и скривился от омерзения: мне показалось, что в пепле ворочаются длинные тонкие черви. Присмотревшись, я с ужасом убедился, что это ползают рассыпанные по полу стрелы.

— Мать моя, герцогиня Девоншир.

— Тут ничего такого раньше не происходило, — сказал Рем изумленно.

— Плевать! — бросил я. — Бери какую-нибудь дуру поувесистей и не забудь надеть шлем... Ах да, у тебя уже есть.

Я придирчиво осмотрелся, заметил неплохой ятаган, и схватил его за рукоять.

— Нет, этот не бе-ри, — сказал вдруг кто-то странным ломающимся голосом. — У него баланс отврат-ный.

Я посмотрел на Рема. Тот, раззявив рот, глядел на старые высушенные кости, которые лежали в самом углу. Этот человек умер сидя у стены. Потом истлел и его грудная клетка, вместе с черепом, обвалились под собственной тяжестью. Ребра лежали на берцовых костях, а череп откатился чуть дальше. Из глазницы, трещи оперением, выглядывала хищная стрела.

— Вы не ту-да... Клянусь змеем, как же трудно... Не ту-да смотрите, — с трудом проговорил все тот же голос. — Кия! Больше смелости! Не жди, сближайся и бей!

Пошарив глазами, я понял, откуда он идет.

Сложно было себе представить чаянья тех, кто притащил его сюда вместе с оружием. Неужели они всерьез надеялись получить говорящее тренировочное чучело? Отличное чучело из крепкой выбеленной кожи, укрепленное металлическими пластинами и набитое опилками вперемешку с гравием. Почти точно изображающее человеческое тело.

Оно стояло на железной подставке, прикованное за руки к штырям. Голова чучела не висела безвольно, а гордо держалась.

— Приве... — чучело захрипело, осеклось, и тут же продолжило уже вполне ровным хрипло-зловещим голосом. Каждое слово произносил он произносил как бы отдельно, словно оставляя уголки вместо пауз. — Приветствую вас мародеры, расхитители гробниц. Кия! Все кончено, учитель, Редьярд сломал ногу, ему не выстоять. Кия! Неожиданно видеть вас здесь. До этого здесь были только мои друзья. Орудия смерти и пыток. *Которыми меня истязали всю молчаливую жизнь.*

У меня дрогнуло веко. Рем заинтересованно чесал щетину.

— У меня два имени. Первое — это *Потрошитель Воинов и Всех тех, Кто Считает Себя В Праве Мучить Беззащитные Манекены* Ненавижу воинов и портных. А второе... Олечуч. Олечуч — это чучело наоборот. Я, конечно, мог бы выбрать себе и человеческое имя, но представьте только, что будет, если я встречу воина, который окажется моим тезкой. О, я этого *не переживу!* Не хочу иметь ничего общего с этими тварями подколодными.

Мы с Ремом уже собрались уйти не попрощавшись.

— Слушайте, — протянул вдруг Олечуч с подозрением, не сулящим ничего хорошего. — Вы случаем не воины?

Я сверился с инстинктом самосохранения. Инстинкт перестал надрывно визжать и просипел, отчаянно жестикулируя: «Кто угодно только не воин. И не портной!» Я благодарно ему кивнул и ответил:

— Нет, Олечуч, мы не воины. Во всяком случае, никогда профессионально этим не занимались.

— И не мучили моих братьев и... кхм... сестер? — наседало чучело.

— Я — нет, — открестился я. — А ты Рем?

Рем поднял на меня безумные глаза. В них отчетливо читалось желание напиться в хлам. Потом мой отважный сухолюд взял себя в руки, и ответил небрежно и снисходительно:

— У меня под рукой всегда были настоящие цели. Зачем бы я стал изгаляться над куклами? По-моему, это для извращенцев.

— Великолепно, — мрачно прошептал Олечуч. — Какие достойные слова! Обидеть безмолвный манекен может каждый. *И эти твари этим пользуются!* Но постойте, для чего же вы тогда хотели вооружиться?

— Да, Престон, поведай нам, — мстительно мяукнул Рем.

— Там, дальше, в коридоре, сидит какое-то идолице с языком длиннее, чем список твоих баб! — пояснил я. — Я просто хотел внушить ему, что о человечину можно обломать зубы!

— А, так это же Проглот, — Олечуч хрипло замеялся. — Он живет здесь столько же, сколько и я. Уха-о! Удар Огненного Мизинца должен проникать прямо в пупок! Кия! Проклятье-е! Кия! Меня мучат воспоминания... Проглот, да. Зубов у него нет. Всю свою добычу он глотает целиком. Обхватывает языком, а потом проталкивает себе в глотку. Не знаю, кем он был раньше, превращение происходило стихийно.

И Олечуч, тяжело замолкая, хрипя и неразборчиво вскрикивая, поведал нам историю мешка с листьями.

Говоря короче, раньше здесь хранилось огромное количество сокровищ. Это оружие и доспехи — жалкие остатки былых залежей роскоши. Дорогие ковры, кувшины, золото, камни и прочая дребедень — все это валялось нескромными кучами. И, где-то далеко от Олечуча с оружейными стойками, расположился небольшой зверинец. Там были звери, которые долго могли обходиться без пищи и воды. Когда Олечуч осознал себя как личность,

и смог понять все то, что увидел с того момента как ему поставили последний стежок на брюхе, все здесь уже стояло на ушах. Невообразимые твари боролись за свое существование. Они жрали друг друга и пытались размножиться, но — тщетно.

И только Проглот ничем таким не занимался. Он спокойно сидел в темноте и глотал павших. Иногда заглатывал кого-нибудь своими силами. Очевидно, он выжил потому, что не привлекал к себе внимания. Ну и потому, что мог жрать все что угодно. В то время как остальные твари чахли от голода и жажды, Проглот поправлялся коврами, золотом, кувшинами, инструментами, и прочими сундуками. Так он стал сильнейшим монстром, и в скором времени остался один.

— Он помог мне забраться наверх, — сказал я, покрываясь холодной испариной. — Я залез по его языку.

— И он вас не проглотил? — изумился Олечуч. — Странно. Хотя, он ведь тоже не дурак, должен понимать, что вы наша единственная надежда.

— Надежда на что? — спросил Рем.

— Видите ли... — начал Олечуч напряженным голосом. — Ужасное зло пробудилось здесь. Судьба избрала вас, чтобы вы сразили его. И спасли ве-е-есь мир.

Очевидно, мы с Ремом выглядели полными противоположностями нормальным героям.

Олечуч неприятно рассмеялся и сказал:

— Это ничего, я просто шучу. Кхм. Да, пошутил. Нет, в действительности *мы просто хотим отсюда выбраться*. Да, и уже довольно давно. Представьте себе, что вы первое в мире тренировочное чучело, которое может отомстить за своих убитых и искалеченных братьев и... кхм... сестер. И в то же время вы наглухо замурованы черти-где. А? Чувствуете иронию? Это вам не подавиться персиковой косточкой на собственном столетнем юбилее. Это жестокая пытка.

Мы с Ремом переглянулись.

— Так чего ты хочешь? — осторожно спросил я.

— Чего я хочу? — переспросил Олечуч. — Чего? Я? Хочу? Я хочу потрошить каждого, кто истязает беспомощных. Вспарывать их животы, разматывать кишки, насыпать в образовавшуюся полость песок и опил, а потом дубасить палкой. Но это лишь основная линия моего плана. В действительности он комплексный. Кия! Горло-диафрагма-колени! Кия! Но сначала нужно освободиться.

Я даже моргнуть не успел. Слабо звякнул каленый металл, брызнули разорванные звенья, и Олечуч предстал перед нами освободившимся. Он, кряхтя, разминал конечности, и одновременно искал что-то на стойках.

— Ничего не вижу, — прошептал он. — Эй, помогите-ка. Мне нужны глаза.

Мы с Ремом подумали об одном и том же, потому что я заметил, как он вслед за мной тянется к кинжалу.

— Надо их нарисовать, — продолжил манекен.

Мы облегченно перевели дух. Я достал из внутреннего клапана жилета писчий уголек, которым по страничке в неделю писал свой лирический роман о любви между благородным преступником и прекрасной стражницей. Хороший роман. И там будут погони и стрельба. И пара строк, которые заставят вас разрыдаться. Да-да... Ф-у-ух, послушайте, я все равно не стал бы его публиковать, так что никто бы не пострадал. Ни один змеев критик. Довольны?

— Только нарисуй так, чтобы они были, как бы злобно прищурены, — потребовал Олечуч. — Очень злобно. Чтобы они просто источали ненависть. Ха-ха! Как только убью

своего первого воина, заберу его глаза.

Я с тщанием выполнил его просьбу.

— Хорошо, — похвалил Олечуч, нервно ощупывая голову. — Гм, вы, правда, не похожи на воинов. Их двое. Нет. Один смазливый педант, которого не отличишь от его мамы, — Рем хихикнул, — а второй — утлый коротышка, которого даже курица перешагнуть может.

— Эй, ну зря ты так, — сказал я вежливо. — Мы ведь...

— Послушай Кестон.

— Престон, если угодно, — поправил я.

— Я очень нервное чучело, — продолжил Олечуч. — Да. И посмотрел бы я на вас, на моем месте. *На моем месте, которое даже проклятьем назовешь — преуменьшишь!* Не знаю, что бы было, если б я постоянно помнил об этом. Вот. Да, да. Тебя не били с самого рождения.

Он замолчал. Что-то подвязывал, подкручивал и подгонял в сочленениях доспехов. У него было по три толстых пальца на каждой руке, которые сгибались и двигались так затейливо, что какой-нибудь базарный карманник мог бы горько посетовать на то, что матушка не родила его чучелом

— Мне тяжело говорить так много с непривычки, — пробормотал он. — Говорить. Кто говорит? Они говорят. Как много голосов. Поэтому остановимся на главном: что вам здесь нужно? Ым?

— Что ж... — я вспомнил душераздирающую повесть о Проглоте. — Думаю, уже ничего.

— Змей подери! — воскликнул Рем. — Ну, надо же. Ты можешь в это поверить? Мы столько пережили, чтобы сюда проникнуть, и какое-то чучело говорит нам, что все сокровища уже украд... Они сожраны! Сожранные сокровища! Вот так шутка, клянусь Первым!

Дело, конечно, было не в сокровищах. Я устал. Я измучил самого себя лучше любого палача. Все то время, пока я был в бегах, я сох как просоленная рыба. Я преследовал только одну цель: доказать себе, что могу сделать то, для чего у других не сыщется отваги и удачи. Это официальная версия для самого себя. Официальная версия для всего остального мира — сонмища богатств. И где-то на самой окраине разума, уже на границе с клубящейся тьмой подсознания, обитала дикая мечта найти здесь что-то такое, что позволит мне...

Сделать так, чтобы той статуэтки никогда не было.

— Теперь вы должно быть озабочены тем, как выбраться отсюда. Так? — мрачно прохрипел Олечуч.

— Хочешь нам помочь? — спросил Рем.

— Помочь? — Олечуч глухо хохотнул. Он уже почти закончил экипироваться, и вид теперь являл весьма пугающий. Доспех болтался на нем как железная гирлянда. Теперь Олечуч не только постоянно хрипел «кия!», бормотал и хрипел, он еще и гремел как рота латников.

В довершение он натянул на голову шлем, и закрыл лицо щитком с глазницами. Теперь понять, что перед тобой неуравновешенное агрессивное чучело было почти невозможно. Апофеозом был эпический полуторный меч, похожий на рельс, по которым ездят вагонетки в шахтах. Лезвие его, после долгих мутаций, приобрело вид безобразной пилы, покрытой чешуйчатыми наростами. Мне он выбрал неплохой, круто согнутый лук (о тетиву не порежешься?), похожий на драконий рог и колчан копошащихся стрел. Также он нахлобучил

мне на голову шлем с венцом в виде орла. Шлем довольно долго курлыкал и топтался на моей макушке.

— Нет, я не буду вам помогать. Вы поможете мне. Разумеется, не просто так. У-кха! Кости. Кости, кости, кости. Кья! У меня есть понятие о чести. Если мы выберемся отсюда, я верну долг. Договорились? Да? Нет?

Рем осклабился и посмотрел на меня. А что тут можно ответить? Это чучело было на голову выше меня, на нем теперь были непробиваемые латы, оно легко удерживало в руках почти полцентнера закаленной маггией стали.

И оно явно не собиралось тут оставаться.

— Ты знаешь, кто у нас главный? — спросил я.

— Ты?

— Да. Когда меня нет, или я невменяем, главный — Рем.

— А когда меня нет, или я не вмняем, слушайся мою задницу, — подхватил Рем.

— Твою задницу, — уточнил Олечуч. — Ты уверен, что она не будет злоупотреблять своей властью?

— Я ей полностью доверяю, — заверил его менадинец.

Предполагалось, что, раз в этом конце сокровищницы входа в основные помещения не было, нам предстояло найти его где-то дальше, в пустынных владениях Проглота. Олечуч осведомился каким образом мы попали внутрь. Я рассказал. Олечуч, помолчав, предположил, что обратно таким образом выбраться уже не удастся.

— Я знаю, кто может помочь, — сказала пугало.

Я сделал рукой приглашающий жест.

— Здесь есть странная сущность. Страшная. Что-то вроде огромного колючего шара. М-м-м... Да, только тише. Это очень сильная сущность, единственная, которую я мог видеть без глаз.

Вохрас, — звякнуло у меня в голове.

— Ты видел его? — переспросил я.

— Да... Уок! Удар с разворота, должен быть четким. Точно в челюсть. Оружие востока. Кия! Мы можем попытаться счастья с ним. Быть может, удастся одолеть его. Заставить вернуть все, как было.

Олечуч был, несомненно, полезным приобретением. Он многого натерпелся от всяких мастеров в кимоно, и теперь мог послужить неплохой стенкой между нами и некоторыми неприятными обстоятельствами. И первым таким обстоятельством в нашей новой истории был Проглот.

Проглот медленно, шаркая и подволакивая задние лапы, выполз на свет и уставился на нас зеленоватыми бельмами. Больше всего он походил на разбухший от влаги мешок с тряпьем. Ушей у него не было, а то, что я поначалу принял за бельмастые глаза, было не чем иным, как двумя драгоценными камнями, которые вылезли у него на морде как фурункулы. И вообще весь он был покрыт своеобразной сыпью из бусинок, камушков, монеток, торчали как иглы статуэтки, а сквозь шкуру на правом боку можно было явственно различить картину с неким бородачом. Пасть у Проглота была великим органом, сродни гигантским мускулам древних монстробойцев, или крыльями птицы Рух. Мне показалось, что половину этого бледного животного, размерами напоминающего крупного тюленя, составляла именно пасть.

Проглот неторопливо облизнулся.

— Вы что, шутите? — воскликнул Рем. — Да мои носки опасней его раз в двадцать!

— Для нас, да, — прошелестел Олечуч. — Он не собирается нападать. Мы ему нужны для поиска новых угодий. Пойдемте, нужно найти выход. Укх-ма!

Мы прошли мимо застывшего монстра, он лишь проводил нас поворотом морды. А потом вдруг приподнялся на лапах и побежал за нами, вихляя всем телом как игуана.

Достигнув противоположного конца сокровищницы, мы сразу увидели грубый, но надежный рычаг на стене. Олечуч с натугой опустил его вниз и... ничего не произошло. Стена осталась стеной. Она не съехала, как учтивый Путевой камень вниз. Даже не дрогнула. Ровным слоем лежала не потревоженная пыль, клоками тянулась нечистая паутина.

— Может механизм сломался? — прикинул Рем.

— Было бы некстати... — досадливо промолвил я.

Между нами, возбужденно фыркая, булькая и клокоча, промчался Проглот. Он мчался прямо на стену. Не затормозил. И... Ударом головы развернул тайную дверь по вертикальной оси, проскользнув в образовавшуюся щель.

— За ним, — сказал я.

Глава 6. О полезных свойствах круга

«Круги! О, круги, господа, это прекрасно. Как я люблю эти прелестные идеальные окружности!»

Тэн Тортон. (незадолго до полного умопомешательства)

Жук не двигался.

Четвертый смотрел на него, раздумывая. Его пепельные глаза уставились в одну точку.

Жук не двигался уже довольно долго, и это само по себе не было чем-то необычным. Когда он сидел на карте, это всего лишь означало, что Серый где-то затаился. Быть может, устраивает содомию в каком-нибудь борделе или промывает желудок в трактире. Там, где сидел жук — обретался и Серый.

Сегодня ночью противное насекомое отказывалось выполнять свои обязанности.

Четвертый шевельнулся. Двумя пальцами он перехватил жука поперек брюшка, снял со своего рукава, и поставил на карту Авторитета, расстеленную на столе. Жук постриг усами. Потом нехотя пополз куда-то в сторону Долины Первенцев... Остановился. Четвертый затаил дыхание. Но жук приподнял щитки на спине, порхнул прозрачными крылышками и приземлился Четвертому на макушку.

— Та-а-ак, — протянул магт.

Он щелчком сбил жука с головы. Тот угодил в блюдо с корешками, и принялся там пировать. Грызть незаслуженное угощение.

Хотя, почему незаслуженное? — спросил Четвертый у самого себя. Ведь честное насекомое предоставило неопровержимое свидетельство того, что Серый сейчас находится в месте, которое экранирует сигналы клейма.

— Все-таки, п-пролез негодяй, — констатировал магт с легким удивлением в голосе. — Н-неужели еще и вылезешь?

Нет, не зря он пометил этого сухолюда личной печатью между лопаток. Тот сразу показался ему заряженным. То есть, источником странной силы, которую некоторые называли нигиломантией. Это был редкий вид пассивной магии, которая могла изменять реальность вокруг носителя. У этого коротышки Тан-Тарена, она проявлялась не слишком явно, но была стабильной. Четвертый провел над сухолюдом множество опытов: оставлял в опасности, травил ядами, сбрасывал с высоты. И каждый раз, если что-то, любая мелочь, могло помочь Тан-Тарену, так и происходило. Четвертый старался не переусердствовать, так как у нигиломантии были свои границы. Это была скорее развитая удача, чем настоящая сила.

И вот теперь это мистическое везение помогло сухолюду забраться в единственное место рядом с Гиганой, где его нельзя было отследить.

Зря отпустил, — подумал Четвертый. С другой стороны, изменения в его силе нужно было изучать именно в «дикой природе». Чтобы потом выловить снова и проверить, как сильно сухолюд эволюционировал. Да и кто мог подумать, что Миркон преклонится перед этим разгильдяем.

Четвертый оставил жука в покое, подошел к стеклянной тумбе, на которой лежал человеческий череп. Постучал по его макушке. Некоторое время ждал ответа, потом постучал снова, чуть громче.

— Да, — откликнулся череп далеким голосом. — Я слушаю.

— Эт-то я, Четвертый, — представился магг. — П-помните наше п-пари?

— Смотри, они обстреливают мой сапог из пушек! Вот маленькие засранцы!

— Нечего было ступать куда ни попадя. У тебя на подошве размазано целое княжество. Олечуч вышедший вперед, остановился, и сделал предостерегающий жест.

— Тише, — прошипел он. — Подождите тут, мешки с гумусом. Ждать. Кхм. О-о-о, я чувствую, чувствую... Я схожу, посмотрю, что там вверх по лестнице. У-кхм. Может, если мы будем подниматься по одному, что-то измениться.

— Будь осторожен, — сказал я. Есть у людей такое трогательное пожелание, которое облагораживает собственный зад, торчащий из укрытия. Я смотрел, как Олечуч, бесшумный и грациозный, словно крадущийся булыжник, погружается в лоно темноты.

Тут что-то обожгло мне пятку, и я запрыгал на одной ноге, вытряхивая сдернутый макасин. Из него вывалился тлеющий уголек. Следующий снаряд угодил мне в бедро. Проследив траекторию третьего выстрела, я сделал пару шагов вперед и мстительно растоптал носком мощный метательный механизм, похожий на требюше.

— Действительно, засранцы, — согласился я. — Интересно, за кого они нас принимают?

— Уж точно не за тех, кому стоит приносить в жертву девственниц, — разъяренно проворчал Рем, стряхивая со штанины крохотных бурых человечков.

Рем, хоть и не был теологом, ухватил самую суть. Поклонялись нам, видимо, только круглые дураки и страдальцы. В основном, кто-то постоянно норовил залезть тебе в мокасин и что-нибудь там саботировать.

Цивилизации людишек, зародились, по-видимому, из гниющих тел умерших маггов. Во всяком случае, самые крупные и развитые страны существовали внутри и вокруг позеленевших скелетов. Сначала я принял аборигенов за муравьев, — они характерно хрустели под ногами, — но потом с изумлением различил хижинки, дома, дворцы и цитадели, дороги и какую-то даже промышленность, довольно вонючую, дымящую сероводородом. Аборигены, вне сомнения, были разумны, и при нашем приближении демонстрировали различные реакции. В основном, конечно, паниковали. Некоторые только паниковали, но встречались и такие, кто паниковал и сражался.

— Змей вас раздери! — остервенело промычал Рем. — Мои штаны! Эти подонки прожгли мне штаны! Проглот! — позвал Рем. — Где эта тварь? Проглот!

Послышался хруст, шелест и топот. Проглот, скребя брюхом по полу, явился к Рему и преданно замер напротив.

— Ату их! — приказал Рем. — Ешь! — Он вскочил ему на спину, и там принялся сбивать пламя со штанины.

Проглот вывалил свой язык и принялся щелкать им как хлыстом. У меня кишки холодели, когда это коромысло пронеслось рядом, поэтому я отступил ближе к стене.

Я заметил несколько самодельных ламп: светящиеся зеленым гнилушки, относительно равномерно развешенные над государствами букашек. Кроме того, я замечал строения, которые букашки не могли бы создать просто физически. Вот, например, эти пирамиды, сложенные из отесанных кубиков, или сколоченная из деревяшек коробка, изображающая невероятную цитадель. В этой цитадели жил странный уродливый зверек, похожий на

обезглавленную и ощипанную курицу. Коробка была именно сколочена, маленькими железными гвоздями.

Вохрас?

Зачем?

А впрочем, не об этом стоило сейчас думать.

Необходимо было обратить внимание на то, что мы уже в надцатый раз поднимались по спиралевидной лестнице на второй этаж, и в надцатый же раз оказывались в этой зале, вновь и вновь атакуемые этими зловерными туземцами, и это, пожалуй, уже начинало...

— Хья!

Проглот взбрыкнув, сбросил Рема, после чего с хрустом и топотом умчался в темноту.

— Есть еще идеи? — спросил я Олечуча, который появился за нашими спинами.

— Двадцать два, больше ему не вынести, — заявило чучело. — Кия.

— Л-ладно, — я оттолкнул носком осадные башни. — Надо просто запомнить все, что мы делаем здесь, а потом понять, что из этого мы делаем не так.

— Откуда ты это взял? — скептически осведомился Рем.

— Позволь объяснить, мой бородавчатый друг, — произнес я, пытаясь быть в меру снисходительным. — Быть может кое-кто и не заметили, но каждый раз, как мы снова попадаем в эту комнату, все здесь приобретает изначальный вид. Никаких растоптанных королевств, никаких разбитых гнилушек, — я строго посмотрел на Рема. — И что самое главное, никаких Проглотов.

— К чему ты клонишь? — не выдержал Рем. — Говори, пока они не заложили взрывчатку мне в зад. Я тут самый... Я ниже всех. Им легче меня штурмовать!

— Хорошо, если все готовы меня слушать. Рем, у тебя еще остались пироги?

— Не-е-ет, — неуверенно протянул сухолюд.

— Значит, не меньше трех, — констатировал я. — Достань их и раскроши.

— Э! — вскрикнул Рем, хватаясь за нож.

— Скормишь их местным, чтобы они перестали насыпать на нас... эй, это что такое, воздушные корабли?

Над нашими головами плыли странные устройства, похожие на продолговатые кожистые пузыри, наполненные воздухом. К ним были привязаны маленькие коробочки. На коробочках были отверстия. В отверстия выглядывали аборигены. Они обстреливали нас из луков и сбрасывали десант, мягко планирующий на крохотных кусочках прозрачной пленки.

— Гениально, — прошептал я. — Они используют... Они используют газ, чтобы поднимать в воздух пассажирские капсулы! Это ведь гораздо надежнее, чем полеты на летучих кошках. Надо запомнить. Подумай только Рем, если мы запатентуем такую безделицу, то озолотимся на ближайшей же войне Авторитета с Солеными варварами.

— Я могу калечить не только воинов. Кия!

— Есть простой способ заставить его заткнуться. Нужно всего лишь врезать ему по печени.

Предчувствуя расправу, я успел увернуться.

— Хватит тут все топтать! — сказал я.

— Что? — оторопел Рем.

— Олечуч, — продолжал я, — хватаешь Проглота и держишь его, пока мы не минуем первый этаж. Рем — садись мне на плечи. Так будет меньше шансов, что мы раздавим какой-нибудь детский дом или госпиталь.

— Думаешь, что дело в них? — усомнился Рем, затравленно глядя на воздушные корабли. С кораблей сыпались какие-то круглые шарики, которые лопались и искрились в волосах.

— Думаю, для Вохраса эти букашки многое значат, — уточнил я. — В любом случае пытка — не попытка, да?

— Грррхм, — нехотя согласился Олечуч.

Он подозвал Проглота, обхватил его за середину туши, и взвалил на плечи. Проглот не растерялся: его язык бродил по окрестностям, стирая город за городом.

— Я сейчас, — нашелся Рем. Он забрал у меня счастливую палку, погнался за языком, схватил его и быстро намотал на шест как пряжу. Потом затолкал этот моток в Проглоту в пасть и строго сказал: держи! Странный зверь тяжело вздохнул, но согласился.

Итак, вновь миновав уже ненавистную нам лестницу, мы оказались в обновленном мире козявок. Мы двигались филигранно, как человек в низкой обуви, попавший на скотный двор. О да, нас вряд ли можно было отличить от диких кошек. Мы почти не касались пола. Да что там говорить, мы начинали заново всего-то лишь девять раз. И на девятый раз, когда нам все-таки удалось пройти через зал и не раздавить, кажется, ни одного аборигена, благодарный Рем склонил ко мне голову и восторженно прошептал:

— Если и на этот раз ничего не выйдет, я сверну тебе коленями шею.

Это очень меня тронуло. Вот что значит дружба.

И тут мы поняли, что, да — получилось, змей его раздери! Правда легче от этого не стало.

Высокие стены, бегущие в разные стороны. Грубый черный кирпич, острые пики наверху, повороты, проемы, коридоры ведущие в никуда. Все это словно взяло нас в тиски. Мы осторожно ступали, напрягая слух, тревожа вековую пыль на полу и ожидая, как обычно, самого худшего.

«Лабиринты наступающих», вспомнилось мне. Карты планировки башни не существовало, во всяком случае, множеству компетентных людей не удалось ее найти, что означало — то же самое. Но в книгах по истории были намеки. Этот лабиринт был построен с учетом того, что нападающие на башню враги, коли таковые найдутся, заблудятся в бесконечных переходах и тупиках, рассредоточатся, а сверху (потолка не было, над нами тяжелело Ничто), на них будет литься огонь и сталь.

Скри-и-ип-с-с, — донеслось из темноты.

— Слышали? — шепнул Рем.

— Похоже на что-то металлическое, — сказал я.

— Нашлось что-то, что можно убить, — истеричным шепотом просвистел Олечуч.

Это просто какой-то механизм. Просто механизм. О, Первый, сделай так, чтобы это было именно так. Механизм, рассказывающий старые, но все еще смешные анекдоты про некуморка и дровосека. Ты ведь и сам наверняка любишь эти анекдоты!

Олечуч двинулся вперед по ближайшему коридору. Ему не нужны были факелы и чувство самосохранения. Сухолюд крался следом.

— Рем... — выдавил я. — давай немного подождем, может этот «звук» и чучело встретятся раньше и обсудят все вопросы?

Менадинец не ответил. Он медленно продвигался вперед, поправляя сползающую на глаза корону. Да это был лабиринт. Не особо изобретательный, но злоупотребляющий сальными шутками про тупики, зловоние, пугающие шорохи и атмосферу безнадежности.

«Будь ты проклят Виг», «Я вернусь», «Смерть не может найти нас», «Ты заплатишь, Дориан Виг», «Умри Виг, умри», «Я хочу жить», «Прости меня, Кэс».

Надписей были тысячи. Судя по почерку, их написал один и тот же человек.

Слова тлели на полу и стенах, словно угли. Немые крики несчастного затворника. Я приложил к символам ладонь и слегка отпрянул, увидев, что надпись просвечивает сквозь мою плоть словно через бумагу. Зачарованный неразборчивым шепотом, я прильнул ухом к одной из надписей, и она заговорила громче и злее, ибо давно уже не могла найти своего слушателя.

«Прости меня Кэс...».

— Прости меня Кэс, — сказал я.

— Ну что ты, — ответила она рассеянно.

Она сидела у игривого ручья, на теплом валуне, болтая ножками. Ее левая туфелька сползла с ноги, и держалась сейчас только на большом пальце. Кажется, Кэс ждала, когда же она все-таки свалится.

— Нет, ты должна сказать, что не сердишься на меня, — потребовал я, присаживаясь рядом с ней, спиной к спине. — Это очень важно, я не хочу, чтобы ты думала, что я бросаю тебя.

— Я так не думаю, — она шевельнулась. Раздался всплеск. Я посмотрел через ее плечо: туфля, кувыркаясь и ныряя носом, уносилась вниз по течению.

— Это всего на один нерест, — сказал я, повернувшись к ней и обхватив за округлившийся животик.

— К тому времени он уже будет ползать вовсю, — печально произнесла девушка.

— Тогда нам и понадобятся деньги и положение, которые я приобрету, пройдя этот ритуал, — я поцеловал ее в шею. — Всего один нерест в этой башне и все вернется на круги своя. Со мной ничего не случится, там будет еще сорок девять таких же маггов как я. Все будет хорошо. Ты веришь мне?

— У меня такое чувство, что мы расстаемся навсегда, — горько прошептала девушка.

— Это обычная тревога, — возразил я мягко. — Я вернусь.

И тут случилось нечто совершенно для меня неожиданное. Голова Кэс вдруг с отчетливым хрустом повернулась вокруг своей оси и я увидел изуродованное собственным излучением лицо. Язвы, наросты, слепые глаза.

— Тогда захвати мне на обратном пути кремовых эклеров! — взвизгнул высохший рот.

Я заорал, столкнул чудовище в ручей, а сам бросился опрометью через лесной кустарник, рыдая и хохоча одновременно.

Когда я проморгался и различил свет фосфорного факела, Рем уже вовсю тряс меня, ухватив за ворот.

— Достаточно, — я клацнул зубами.

— Точно? — спросил Рем. — Может пощечину?

— Нет, я держу себя в руках. Что я делал?

— Ты пытался меня облапать и поцеловать, — сдержанно поведал Рем. — А потом обхватил коленки руками и начал рыдать.

— Тут везде воспоминания какого-то магга, — сказал я, потирая виски. — Я видел кое-что...

— Интересное?

— Не особенно. От нее пахло луком. О, кости Первого, почему бы просто не насрать на

нас орду нежити? Между прочим, внизу я насчитал сорок восемь скелетов, в легенде их было ровно полсотни. Интересно, где еще один, не считая Вохраса?

Скри-и-пс-с, — сказала темнота совсем близко.

— Знаешь, что бывает, когда задаешь такие вопросы? — спросил Рем напряженным шепотом.

Скри-и-пс-с, — уже за дверным косяком.

Я вскочил, и мы с сухолюдом заняли глухую оборону за какими-то обломками, гниющими на полу. Я присел на одно колено и натянул лук, стрела хищно стрекотала в моих руках.

— Внимание.

— Ага...

Скреап-с.

Оно появилось в проеме.

Обычно я начинаю издали, что вызывает у некоторых сухолюдов желание пнуть мне под коленку или дать по печени. Поэтому здесь я скажу прямо: это был гигантский глобус. Каркас был выполнен из толстых надежных брусьев, а на него были набиты пластины искусно выкованных двойников Зрачкового континента и Капиллярных островов. Я уже видел такой глобус в Гротеске, в Акте Террагонии и всегда неприятно удивлялся тому, как люди умудряются совершать столь великие географические открытия и одновременно верить в то, что единственное настоящее знание — это Инкунабула Первого.

Я приспустил тетиву.

— Может он тоже говорящий? — предположил Рем. — Катается здесь и точит зубы на мух, которые на него гадили. «Мухи! Как же я ненавижу этих тварей! Я не могу их прихлопнуть, а они этим пользуются!

— Кстати, где Олечуч? — я усмехнулся. — И Проглота неслышно.

Скри-и-пс-с, — ответила темнота.

Я не успел выпалить очевидное и бесполезное: «о, Первый, это не шар!». Что-то сильно толкнуло его, и он не спеша покатился дальше по коридору, как по колее, обдирая бока о стены.

Оно во второй раз появилось в проеме.

На этот раз я не буду вас баловать и начну издали. Когда-то в детстве я любил рисовать природу. Особенно мне удавались бескрайние лесные массивы, о, живая шкура нашего мира, непознанная и могучая... В общем леса в моем исполнении очень напоминали щетинистые шипы, которые росли на хребте этого существа. Внешне оно напоминало двухметрового гуманоида, с толстым коническим рогом, который каким-то образом заменял ему голову. Шкуры у чудовища не было, когда оно двигалось, слышно было как слабо тренькают натянутые лиловые мышцы, словно кто-то быстро-быстро перебирает струны. А мышцы у него были будьте-нате! Мой поясной ремень вряд ли сошелся бы на его бицепсе. И — гвоздь программы — безобразная металлическая дубина. Существо волокло ее за собой, ухватив рукоять когтями.

Наверное, что-то все-таки лопнуло у меня в мозгу от перенапряжения и залило механизмы отработанной мыслительной кашей. От этого они застопорились, и я не заметил, как наступил на заплесневелые обломки какого-то ящика.

Чудовище вздрогнуло и повернулось к нам.

— Ведь могло же мимо пройти, — обескуражено пробормотал Рем. — Ведь могло же

мимо пройти.

Чудовище явно решало некую задачу. Оно, то поворачивалось к нам, то снова возвращалось в направление укатившегося шара. Похоже ему очень не хотелось бросать свою любимую забаву, но здесь были лазутчики! На это нужно было среагировать, иначе эти проклятые авантюристы потеряют всякий страх! Вынесут все добро, а потом, быть может, даже приватизируют помещения и начнут водить экскурсии! Ну уж змея с два, пора подновить кровищу на дубине. О да! И чудовище боком полезло в наш коридор, потому что пройти прямо ему мешали плечи.

— Внимание, — сказал я.

На этом движение в моей голове остановилось окончательно. Маленький Трусливый Престон носился в полной темноте. Воинственно вскричав, я выпустил четыре стрелы подряд, но они лишь застревали меж грубыми волокнами и беспомощно извивались.

— Ведь могло же мимо пройти, — доносилось откуда-то слева.

Позади нас была стена. Справа от нас — стена. Слева от нас, что бы вы думали, — тоже стена. В этот момент мой шлем забил золотыми крыльями и сорвался прочь.

— Внимание.

Повторил я.

И, со страшным усилием воли, добавил.

— Насчет три.

— Что? — выдохнул Рем.

Тупик был относительно широким и длинным. Затхлый глухой прямоугольник. Монстр шел к нам, вздымая облачка праха.

— Бросаешь кричащие орехи.

— У него же нет глаз.

— За то слух что надо.

— Змей укуси...

Рем упал на землю. Я швырнул в чудовище дротик, чтобы отвлечь, и едва успел выйти сухим — дубина скользнула по плечу, разорвав его гранями.

— Три!

Я настолько ошалел от возбуждения и страха, что заметил рану гораздо позже. В данный момент я пытался проглотить пучок гвоздей, застрявший у меня в горле, и, обмирая, смотрел, как Рем выхватывает из поясной разгрузки кричащие орехи. Как он бьет их друг от друга, чтобы запустить реакцию. Как два этих маленьких засушенных снаряда летят в грудь чудовища. Отчего-то все это происходило так раздражающе медленно, что я хотел крикнуть «быстрее Рем!», но вместо этого издал только призывное бычье мычание.

Хлоп! А-а-а-а-а-а!

Орехи завопили, засияли. В общем сделали именно то, что и должны были. Обычно мы использовали их, чтобы остановить погоню, наступающую на пятки. О, Первый, как же я скучал сейчас по обычным стражникам.

— Бежим! — вскрикнули мы почти одновременно.

Монстр топтал, стремительно теряя ориентацию и свирепея, шелканье струн не замолкало, я словно оказался в трактире «Тяжелая Громова Лютня». Монстр метался, пытаясь не дать нам выбраться из комнаты, слепо рассекая воздух, тараня стены, поднимая бурю пыли и пепла. Дышать в ней было практически невозможно. В общем, благодаря нашему блестящему ходу стало еще опасней, чем было.

— По-моему, стало еще опасней, чем было! — крикнул сухолюд.

— Да, я тоже об это подумал! — приветливо отозвался я. — Рем, чего ты ждешь?

— А ты?

— Когда ты прошмыгнешь у него между ног!

Ну, Рема никогда не надо дважды просить проскользнуть между ног здорового змейпойми-кого. Сухолюд, прикрыв глаза, сработал точно, как шар для игры в крокет.

Моя очередь, подумал я, следя за эволюциями дубины. Момент. Еще момент. Я дрогнул, набрал полную грудь пыли, посинел, и ринулся вдоль стены, почти вслепую. Согнувшись углом, я проскользнул под взвизгнувшим о стену ноздреватым железом. Не поверил своей удаче, и, разумеется, не напрасно: чудовище резко развернулось и хлестнуло меня хвостом по голове, да так, что я на время забылся.

Я смутно ощущал вокруг себя беспорядочное движение, словно группа селян ловила разбегающихся свиней. Что-то щекотало мне ребра, маленькие, но крепкие руки силились придать непослушному телу некое положение, от которого мой вчерашний обед пытался эвакуироваться через оба направления. Все мои пять чувств, будто слились в одно тупое и размытое впечатление. Это был крик, но я мог видеть его — раскаленный сверкающий клин; чувствовал его режущую кромку; на языке он отзывался металлическим привкусом крови и пах гарью спаленных дотла городов.

Так я осознал истинную *ненависть*.

Ее продемонстрировал мне Олечуч, который, жутко шипя под звенящие аккорды мышц, напоминал малоизученный природный феномен. Достойный того, чтобы его прогнозировали магги в своих метеорологических башенках.

Чудовищу приходилось туго. Оно не сразу оценило открывшуюся перспективу, к тому же тяжело перенесло вспышки света и шум. Олечуч правильно подстроился под brutальную манеру врага. Он не парировал удары, которые наносились ему сверху или под большим углом, а смещался в сторону, как подлая дубовая чурка, выпадающая из-под удара колуна. Сам он бил снизу вверх, словно поднимал высокую волну, резко, мощно, шипя и раскачиваясь.

Сначала я не мог понять, удаются ли ему удары, но потом начал машинально отплевываться от липкого, холодного и мерзкого на вкус. Оно падало на меня мелкими брызгами, и являлось, по-видимому, тем, что раньше плескалось внутри чудовища.

— Во, дает, — одобрительно гудело у меня над головой. — Кровищи-то, кровищи... Как на Почти Легальной.

Я молча искал по карманам платок. Попадались только какие-то стеклянные осколки. Я понюхал пальцы. Так и есть, раздавил флакончики с благовониями.

— Остерегись! — Рем сноровисто оттащил меня от стены. Чудовище, отчаянно размахивая оставшейся левой рукой, неуклюже понеслось туда, где я только что лежал. Ударилось о стену, скользнуло по ней дальше, и, вертясь вокруг собственной оси, грохнулось на пол. Прах повалил во все стороны, дышать стало совсем уж невозможно, и я замотал нижнюю половину лица найденным платком. От него невыносимо разило коктейлем из масел.

— Валим отсюда! — просипел сухолюд, и потащил меня к развилке, крепко удерживая при этом за ухо. Я решил не спотыкаться и не отставать, потому что Рем сейчас вряд ли сбавил бы ход и уж точно не выпустил бы мой орган слуха. Так бы с ним и свалил, оставив меня позади.

Мы выскочили в коридор, и я распластался на стене, выкашлявая легкие. С ненавистью выбросил платок. Меня согнуло пополам. Потом еще раз пополам.

Наконец я смог вздохнуть, и заорал как новорожденный, потому что у меня, вы не поверите, уже минут десять было разорвано в клочья левое плечо. Его толстой коркой покрывал кровавый песок.

— Плечо? — кашлянул Рем, усаживая меня на пол. Он выглядел лучше меня, сказывалась врожденная привычка дышать всякой гадостью вроде бонгора. — А ну не двигайся! Сильно болит?

— Меньше, чем ухо.

— Извини, схватил за первое, что подвернулось под руку, змей подери! — проворчал Рем. — Мог бы и за яйца ухватить, так что не жалуйся.

Он достал флягу и полил водой на рану, смывая песок.

— Вечно тебе достается, Сливочный.

— Что, сильно он меня? — спросил я, сглотнув всухую. — Дай-ка водички.

— А то как же, — Рем дал мне флягу. — Разделал тебе плечико как бог черепахе. Будешь теперь придерживать руку, чтобы не отвалилась.

— Кости Первого, — булькнул я, глотая воду.

В этот момент что-то, глухо состукав, упало слева от нас, покатилося, очерчивая круг. Это был рог. Вырванный как гнилой зуб из челюсти нищего. Следом за ним появился Олечуч. Он брезгливо держал свой меч на вытянутых руках, словно дохлого опоссума. С меча обильно капало. С Олечуча тоже. Он мелко дрожал, зловеще хихикая и подергивая плечом.

Послышался знакомый уже шелест, топот и хруст, и Проглот явился из сумрака как вездесущий призрак. Он оббежал вокруг чучела и неподражаемым движением вывалил язык. Манекен, не задумываясь, протер им доспехи и лезвие меча.

— Кровь чудовища может быть токсична, — сказал я. — Кости Первого...

Тут же в меня ударил язык Проглота. Ощущение было такое, словно оскорбленная служанка лупила меня сухой тряпкой. Рем каким-то образом умудрился почти не запачкаться.

— Что это? — Олечуч присел рядом. — Человеческая кровь? Как она прекрасна. — Он залюбовался. На его плече я заметил наживленное на шип запястье монстра, взятое как трофей.

— Правда же скверная рана? — повернулся к нему Рем.

— Очень хорошо получилось, — прохрипел Олечуч. — Это красиво. Когда человек так умирает.

— Держу пари, что заражение уже пошло, — безнадежно покачал головой Рем. — Видал я такие дыры, они опасней удара ножом в брюхо. Там хоть понятно, что сейчас помрешь. А тут... То ли через час окочуриться, то ли через минуту. Может день протянет.

— Ну, хватит вам! — воскликнул я нервно.

Олечуч сипло захохотал. Так, наверное, хохочет чума, разгоняя свое тлетворное поветрие по городам и странам.

Рем мазнул по ране какой-то зеленоватой мазью, — у меня глаза завернулись внутрь черепа, — и замотал почти чистым бинтом.

— Жить будешь, — сказал он злорадно щерясь. — Эти несколько грамм своего мяса посвяти Первому.

— Я бы предпочел поставить свечку, — проворчал я, поднимаясь. — Эй, Олечуч! Ты

убил его! Да?

— Да. Я убил.

— Кретин соломенный!

— Что?

— Кре-тин со-ло-мен-ный!

Олечуч посмотрел на Рема, как бы прося у него объяснения. Сухолюд пожал плечами.

— Знаешь, что ты наделал? Змей бы тебя подрал.

Олечуч молчал.

— В этой башне все взаимосвязано! — проговорил я отчаянно. — Неужели первый этаж вас ничему не научил? Там были во-о-от такие мелкие вошки, но нам пришлось сорок раз пройти туда и обратно, чтобы заслужить возможность действительно миновать их. И что теперь? Ты же его на куски распилил соломенный мясник!

Манекен не шевельнулся.

— Он был огромен, — добавил я. — И вызовет такой же резонанс.

Под забралом раздалось ворчание, словно где-то далеко грызлась свора собак.

— А, змей с ним, сам же и виноват, что не предупредил. Ладно, Олечуч, не бери в голову. Просто теперь нам нужно держать ухо востро и посматривать назад. И, знаешь что? Ты неплохо сработал. Ты всякого верно, навидался, будучи обычным чучелом?

— В совершенстве я заучил только один стиль боя, — откликнулся Олечуч. — Он называется «бей». Очень эффективно. Кия!

Рем довольно гоготнул.

Далее мы решили не расходиться, и принялись вместе прочесывать второй этаж в поисках лестницы. Рем осведомился, почему у меня, женоподобного умника родом из Мягкоперинии, нет карты, раз уж я такой ошеломительно умный. Я объяснил ему, что проект башни был настолько секретным, что схем планировки не сохранилось. Возможно даже, что они существовали лишь в уме архитектора. Потом Олечуч потребовал рассказать ему всю предысторию башни и раскрыть ее мифологию. Ужав все прочитанные мной исторические талмуды до размеров затянутой байки про злого колдуна и доброго властелина, я сделал и это.

Так, за увлекательными беседами, мы обнаружили нашу «лестницу».

Платформа подъемника была широкой, рассчитанной на несколько десятков спасающихся гвардейцев и напоминала корзинку с двухметровыми железными стенами, довольно тонкими, чтобы не создавать лишний балласт. Пол был сколочен из легкой и прочной древесины, обитой стальными полосами. Впрочем, говоря «легкой и прочной» я лишь цитировал строителей, которые работали здесь больше трехсот нерестов назад. В действительности же платформа изрядно прогнила, и доски сварливо трещали под ногами. Вся эта конструкция относительно легко перенесла облучение, если не считать светящихся пузырей и колыхающихся колосков какого-то странного растения.

— Да, — сказал я, осторожно перемещаясь по щелкающим перекладинам. — Тут уж точно обошлось без магии. Не знаю даже, к счастью или... Эй, Олечуч, потяни-ка тот рычаг.

Некоторое время ничего не происходило, но потом за стенами послышался тихий шелест, словно струи песка сеялись вниз.

— Ага, — сказал я. — Начал наполняться противовес. Все на борт.

Олечуч зашел на платформу и тут же провалился по щиколотку в крякнущую от ужаса

древесину.

— Держись ближе к бортам, — предупредил я.

Рем удобно устроился в углу, присев на вещмешок. Запыхтел трубкой.

Потом, откуда ни возьмись, прискакал Проглот. Он принялся возбужденно хлопать пастью и негромко булькать, словно жалуясь на что-то.

— Что это с ним? — пыхнул Рем. — Будто приведение увидал.

— Скорей уж что-то, что не влезло ему в пасть, — усмехнулся я, почесав вспотевшие бока.

Собственно, я действительно сопрел, и только сейчас обратил внимание на то, что воздух становится горячим, спертым, а из лабиринта накатывают волны тепла, словно кто-то открывает и закрывает пасть огромной домны.

— Что-то, *jagam*, жарковато становится, — завозился Рем.

— Ты тоже заметил? — спросил я.

— Заметил? — переспросил Рем, расстегивая сюртук. — Конечно, раз уж с меня течет в три ручья! Как на старой доброй Менаде.

— *Тихо!* — сказал Олечуч привычным тоном. — Слышите?

Я честно прислушался, высунув голову наружу. Рем прочистил ухо мизинцем и тоже насторожился как охотничий пес. Сначала я слышал только, как сопит Рем, да еще что-то шумно переваривал Проглот. Понимание пришло с новой волной сухости; что-то потрескивало там вдалеке, среди пересечений камня. Потрескивало, вздыхало, словно занималось пламя лесного пожара... И тут я увидел его: огромный язык кроваво-красного пламени взметнулся над стенами лабиринта, ничего не осветив, будто взметнулся не огонь, а шелковый парус. Он истончился, рванулся прямо вверх и исчез, но потом, — я снова облился потом, но на этот раз не из-за жары, — пролетел обратно и упал где-то в лабиринте.

— Кости Первого! — прошептал я, еле ворочая разбухшим языком.

Олечуч, не мешкая, взялся за края дверной перегородки и несколькими рывками поставил ее на место, закрыв вход на платформу. Потом заскрежетал засовом.

— Правильно, — сказал я, маленькими глоточками опустошая свою флягу. — Змеева пыль. Видал, Рем?

— Ага, *jaram blos!* — прогундосил сухолюд сквозь намотанную повязку.

— Оно идет, — гипнотически прошептал Олечуч. — Оно велико!

— Кости Первого! — воскликнул Рем, глядя на цепи подъемника. — Почему мы до сих пор не поднимаемся?!

— Песочные сифоны забило за столько нерестов, — отрывисто сказал я. — Ну, точно. Слышишь, еле сыплется. Но вроде бы поток крепнет. Гляди, цепи уже натянулись.

Рем посмотрел на меня глазами полными искреннего пожелания скорой смерти от перелома задницы. И его можно было понять. Да, цепи натянулись... Но только две с правой стороны. Похоже, лишь половина сифонов прочистилась, и противовес наполнялся неравномерно.

Я снова выглянул в бойницу. На мгновение мне показалось, что из коридора, переливаясь через стены, бурля и посвистывая, на нас неотвратимо катится какая-то густая жидкость, вроде засахарившегося меда. Присмотревшись, я убедился, что это ползли сорвавшиеся со стен надписи. Бесконечный поток злобных, постоянно переговаривающихся букв. Они менялись местами, выкрикивая оскорбления и угрозы.

Вдруг снаружи кто-то постучал к нам в кабинку.

— *Эй, есть там кто?* — произнес потусторонний голос.

— *А кто спрашивает?* — спросил я замирающим голосом.

— *Ну... Я не помню своего имени,* — словно извиняясь, пробормотал голос. — *Оно не имеет значения. Я лишь хотел поблагодарить того господина в черных латах. Если б не он, я просто раскромсал бы вас на части и продолжил угрюмо слоняться здесь. Это не тот образ жизни, который одобрила бы Кэс.*

Рем одобрительно взглянул на Олечуча и толкнул меня плечом в бедро.

— *Вот видишь?*

— *Убийца,* — сказал вдруг Олечуч. — *Проваливай, убийца.*

— *Теперь я могу уйти,* — продолжал голос. — *Я обещал Кэс вернуться, но, по-моему, сильно опаздываю. Надеюсь, она не будет сердиться. Наш парнишка, наверное, уже пасет коз...*

Голос замолчал. Мне показалось, что призрак ушел, но тут он заговорил снова:

— *Чуть не забыл. Сам я испытываю к вам только бескрайнюю благодарность. Но вот мои слова... Вы понимаете, я был очень зол, когда писал все это. Перечитываю и ужасаюсь: каким я был злобным дураком. И, что самое обидное, ничего уже не сотрешь. Вы знаете, но скорее всего мои слова убьют вас. Если вы, конечно, не поторопитесь. Спасибо еще раз. И прощайте.*

Вот теперь он ушел окончательно.

А слова приближались.

— *Вот видишь?* — спросил я, толкнув Рема локтем в плечо.

И неодобрительно взглянул на Олечуча.

В ответ мне снова заскрежетал засов.

— *Стой!* — я подскочил к чучелу, схватил за плечо. Но только подался вперед, пальцы бессильно скользнули по наплечнику. Олечуч прошел с десятков шагов вперед и остановился. — *Вернись внутрь! Это слишком опасно!*

— *И миллионной доли того времени, что я провел здесь, не прошло с того момента как мы объединились,* — нервно прошелестел Олечуч. — *А ты уже достал меня до последней песчинки в голове!*

Больше он не сказал ничего. И не собирался. Он поставил перед собой меч, воткнув его в пепел острием вниз. Словно одинокий волнорез, стоял он теперь на пути неукротимой приливной волны. Его трясло. Но, вероятно, лишь от кровожадного предвкушения.

— *Престон,* — окликнул меня Рем. — *Отстань от него. Каждый делает что может, так? Прикроем его отсюда, и все законы природы будут соблюдены. Запирай дверь, и посмотрим, как этот кусок свиной шкуры выкрутится на этот раз! Snaka dam...*

Я с трудом сдвинул перегородку, наваливаясь на нее всем телом. Рем смотрел на меня с неодобрением. Этот взгляд я хорошо знал. Он преследовал все мои благородные порывы, как воздушный змей, привязанный к шее буйвола. «Ты слишком мягок» — говорил он мне обычно. «Когда-нибудь тебе придется убить. Придется. Кто-нибудь приставит тебе нож к причиндалам, или нанесет оскорбление, которое можно будет смыть только кровью. Посмотри на себя, snakadam, ты вонючий уголовник, тебе на роду написано занозить задницу Первого. Что с того, что ты только калечишь своих противников или убегаешь? Убить можно и косвенно. Вот ты спер золотые подвески у какой-нибудь лавочницы, а муженек после этого перерезает ей плотку в запале ревности, думая, что она потеряла их, кувыркаясь с любовником. Или стянул у сайского купца отцовские часы, а он от этого вскрывает себе

живот, потому что у этих психов так принято. Всякое зло — зло! Ты преступник, Престон. Так веди себя соответственно».

Да, так говорил Рем. Почти дословно ему вторила моя рудиментарная совесть. Она вставляла мне палки в колеса, заставляла совершать противоречивые поступки. Я понимал, что это обрывки старого белого плаща, которые трепыхались поверх нового, грязного заскорузлого покрывала. Спутавшиеся нити подавленных желаний, гибрид юношеской наивности и злой жизненной иронии.

Я задвинул засов.

Перед Олечучом слова остановились. Они мерно покачивались, как водоросли в теплом течении. Между ними перемещалась волна пронзительного визга.

— Убью, убью, убью! Умри-и-и! Убью!

— Когда лифт начнет подниматься, запрыгивай на крышу! — крикнул я.

Олечуч не ответил.

Он ждал.

Я целился в них из инфузера.

Слова тоже чего-то ждали.

Между нами росло напряжение, словно давление под крышкой котла. Но чего-то не хватало, чтобы варево закипело. И тут я решил чуть сменить неудобную позу, подогнул под себя затекшие ноги, и непроизвольно сжал курок влажными пальцами.

Свинцовый шарик с хлопком вырвался на волю, кто-то кувыркнулся, крикнул и затих. Слова замерли.

Олечуч, не оборачиваясь, показал мне кулак...

...и вот он уже сдерживал хлынувшую на него армию, орудуя мечом как щитом. Рем трубкой поджег пупырек первого хлопыша, и рогаткой пустил ее далеко в тылы стаи. Там ухнуло, взметнулись разорванные в буквы выражения, по крыше лифта застучало, зашлепало. Олечуч, держа меч за лезвие, крутился на месте, слова отскакивали от его локтей. Вновь поднялась проклятая пыль, манекена скрыло, я лишь видел его смутный танцующий силуэт.

Платформу опять потрянуло, раздался треск. Рем вытащил провалившуюся ногу и, невнятно бормоча, выстрелил из своего наручного самострела в словосочетание «поганый овцелюб» желаящее протиснуться внутрь лифта через бойницу. Дротик с тихим свистом пробил «овцелюба» насквозь, и в освободившееся отверстие хлынуло облачко пыли. По крыше лифта шелкали маленькие петельки, скрежетали крохотные знаки препинания.

Лифт потрянуло в третий раз, — он почти вертикально накренился на правый бок. Я повалился на стенку, кое-как принял устойчивое положение, расставив ноги рогатиной. Чуть позади меня соскользнул Рем, за ним шлепнулся Проглот.

У меня закончились патроны.

— Олечуч! — крикнул я. — Прыгай!

Лифт качнулся в сторону. Металл застучал о металл. Олечуч вскарабкался на задирающийся горб левой стороны. Я услышал, как он принялся счищать с лифта шевелящуюся шкуру, чтобы она не перегружала едва работающий механизм. Слова пытались продрагаться сквозь хлипкие доски, вклиниваясь в зазоры, как клювицы. Судя по тому, что я начинал видеть в щели, под нами, колыхаясь и неистовствуя, повисла гигантская гроздь. Сами того не понимая, слова выламывали из основания опору, за которую цеплялись. Я с нарастающим ужасом наблюдал за тем, как с треском проседают половицы, а из крепежных прослоек вылетают заклепки.

Сообразив, что произойдет дальше, я взял язык Проглота, бросил его через поручень и крепко перевязал себя в поясе, и заставил Рема сделать то же самое.

Противоположная нам сторона пола ахнула, резко нырнула вниз, мелькнули гигантские рваные трещины и...

...Мы покачивались на весу, соударяясь боками. Я, Рем и Проглот. Слава Первому, вместе с сухолюдом мы весили почти столько же как великий пожиратель.

Он недовольно сучил лапами.

Наверху скрипела изуродованная платформа.

Внизу, в сгущающемся сумраке, верещало и потрескивало.

Рем мрачно курил трубку.

Я прикидывал контекст, в котором можно будет вставить это приключение в мой роман.

— Эй! — грянуло сверху.

— Оу! — откликнулся я.

— Ты еще жив, гуммозный комок? — искренне удивился Олечуч.

— Да!

— А твой друг-карлик?

— Он в порядке!

— А что с Проглотом?

— Болтается рядом!

Олечуч замолчал.

Я озирался по сторонам, разглядывая часть каменного балкона, с которого, похоже, должен был вестись огонь по противнику. Меня все больше занимало то, сколько все же редчайшего метеоритного камня было изведено на эту постройку. Речи нет, нерестов четыреста назад найти его было легче, чем сейчас. Но и добыть сложнее! Без современных механизмов... А ведь он залегает обычно в мрачных безднах. Можно представить, во что обходиться разведка, не говоря уж о добыче. Во что это обходилось тогда.

Была здесь какая-то чрезмерность.

Люди ли вообще построили эту башню? И для чего она в действительности служила?

Олечуч сбросил цепь. Нам пришлось некоторое время раскачиваться, подобно маятнику, перед тем как я смог ухватить ее, и намотать вокруг левого запястья.

— Тащи! — крикнул я.

Олечуч сноровисто потащил нас вверх.

Он перетащил нас через край площадки, и отвязал Проглоту язык. Тот благодарно ткнулся ему в бок и принялся заглатывать цепь, довольно свистя и чмокая. В этот момент за стеной что-то со звоном лопнуло и лифт, качнувшись в нашу сторону, — мы едва успели отскочить, — упал. Скрежетнул по полу и завалился в дыру, повиснув на двух цепях. Раздался еще один хлопок, и платформа, шелестя обрывками цепей, ринулась вниз. Грохнуло так, что эхо долго еще повторяло нам его последнее слово.

— Было бы недурно, — сказал Рем, облизывая сухие губы, — если бы он кого-нибудь раздавил.

Не ответив, я огляделся вокруг. Первое что, бросилось мне в глаза...

— Лампа, — вымолвил я, сдвинув очки на лоб.

Она была не одна. Светящиеся шары уходили вверх по столбу винтовой лестницы, светясь через каждые три ступени. Кроме этого узкого, открытого всем опасностям пути

атакующим больше некуда было идти.

— Сейчас бы грога горячего, — сказал Рем.

Я хотел ему поддакнуть, но меня перебил тонкий визг времясчета, который я завел на четыре утра.

— Что это такое? — спросил Олечуч нервно. — Какой ужасный звук.

Он весь был покрыт остывающими отпечатками ругательств. Самым крупным, на груди, было — «ТЕБЕ ХАНА». Я с содроганием подумал о том, что могло бы стать с нами.

— Остался час до последних петухов, — сказал я напряженно. — После этого к Вохрасу вернуться силы и змея с два мы заставим его помочь нам выбраться.

— Тогда нужно идти, а не в штаны тут потеть, — проворчал Рем. — Эй, а где Проглот?

Я посмотрел по сторонам. Мешка с листьями нигде не было.

— Ушел, — сказал Олечуч коротко. — Где-то над нами.

— Как это «ушел?» — хмыкнул Рем. — Опять пролез в потайную щель?

— Это сейчас неважно, — буркнул Олечуч, раздражаясь и начиная повизгивать.

— Да, вот именно, — я подбил лямки вещмешка и закинул его себе на плечи. — Олечуч — ты впереди, Рем — за ним, я — замыкаю. Пошли.

На середине пути мы остановились.

— Слова, — сказал Рем.

— Что? — я остановился, развернулся на одной ноге.

— Слова же, змея мне в портки! — повторил Рем.

Из провала, пузырясь согласными, хлынули надписи. Я почувствовал свинцовую тучу над головой. Олечуч, не говоря ни слова, отеснил меня к стене. Лязгая подошвами, он пробежал последние пятнадцать хвостов и выломал дверь в конце коридора.

Мы с Ремом, подгоняя друг друга пинками, догнали его, ворвались в округлый зал. В глаза нам ударил яркий свет, упавший откуда-то сверху.

— Тут есть ворота, — сказал сухолюд.

Прикрывая глаза ладонью, я помог манекену захлопнуть створки. Пока мы держали их, Рем туго стянул уключины цепью и вбил вместо засова личный нож. Точнее, один из них.

В оставшуюся узенькую щель тут же протиснулся маленький коготок. Ворота слегка дрогнули, послышалась отчаянная толчея, визг и шелест. В целом, мы как будто бы спаслись во второй раз.

Я объявил пятиминутный привал. Глаза понемногу привыкали к свету. Я подался вперед и тут же угодил в кучу какой-то ветоши.

— Клянусь Первым!

— Хватит, — сказал Рем. — Хватит все упоминать Имя Его.

— Моя индульгенция действует до конца нереста, — возразил я, отчаянно барахтаясь в этом необъяснимом кожистом тряпье. — Да что это такое, змей подери?!

— Сейчас Он тебе и ответит, — проговорил сухолюд, хватая меня за шкуру.

— Что?

Рем выволок меня на мозаичный пол. Мужественно кряхтя, я поднялся и с достоинством одернул хлебнувший приключений жилет. Заметив, что мои спутники сосредоточенно смотрят куда-то вперед, я тоже невольно взглянул на...

...Него.

Это действительно был Он. Тот чьего Имени боится пропитанная религией губка в голове каждого смиренного служителя Первого. Чей вид вызывает у святых сынов одно лишь

отвращение (и страх, я бы сказал праведный и бесполезный ужас), а у порочных (я бы уточнил — нормальных) людей — желание впасть в неудержимую содомию, чревоугодие, праздность и коррупцию. Низкое продолжение высокого образа Первого Зверя, собственно, его недостающая часть, что-то вроде осадка, скопившегося на сите после процеживания язычества.

Хладнокровный.

Гигантский двухголовый змей.

Символ всего того, что может принести тебе удовлетворение не связанное с радостью заучить еще парочку строф из Инкунабулы Зверя. Никогда не имел ничего конкретного против этого парня.

Статуя была целиком вырезана из огромной глыбы голубоватого кристалла. Хладнокровный высился перед нами в центре куполообразного зала. Вокруг мрачно мерцали вечные фонари, похожие на дремлющие истины. Ростовые свечи все еще распространяли запах ароматического жира, который за время былых церемоний расплылся вокруг них толстой коркой наслоений. Колонны стремились в одну точку над статуей, образуя что-то вроде конуса. Они заметно вибрировали, разгоняя по храму странное напряжение. Словно тысяча маленьких ростовщиков тыкала тебя крохотными сабельками за огромные долги.

С потолка свисали золотые клетки, внутри которых угадывались останки животных и людей.

Жертвы.

Одна из клеток шумно раскачивалась. Бывший пленник разметался по мозаике. Проглот глухо урчал и сучил лапами. Цепь была толстой, прочной, однако кольцо, ввинченное в камень, начало поддаваться. Язык и вечный голод победили. Клетка с грохотом упала, и мешок проглотил ее словно клетку.

— Привет Прголот, — сказал я.

—..? — удивился Проглот.

— Давайте осмотримся, — предложил я.

— Чего? — переспросил Рем, выглянув из-за кроваво-красной колонны, стоящей в двадцати шагах от меня.

— Я сказал, что нет ничего лучше здоровой инициативы!

— Иди к зм... — Рем подавился тем, что хотел сказать и поправился, — то есть, никому не нужно твое ворчание!

— Олечуч... — я повернулся к нему.

—..? — все так же искренне удивился Проглот.

— Да нет, ничего.

Теперь сбежал наш телохранитель. Мне тоже следовало чем-нибудь заняться. Я нахмурился как прожженный змеелюб-сектант саном не ниже Совратителя, и отправился напрямик к статуе. Чтобы случайно не обделаться от собственной бескомпромиссности, я нашептывал парочку знакомых мне еретических литаний. Я был предельно сосредоточен и все равно, мне почудилось, что это не я приблизился к статуе, а она надвинулась на меня.

Головы смотрели на меня.

Ледяные выпученные глаза.

На меня...

Острые как колья в волчьей яме...

Только на меня...

Волчья яма, в которую Я падаю...

Содомия, чревоугодие, праздность?

На...

Нет. Не сейчас. Злоба! Злоба! Злоба!

Меня!

— *Отойди*, — тихо сказал Олечуч, закрывая мне глаза и отводя в сторону.

Я взбрыкнул как истеричный старикашка, и в приступе накатившего бешенства ударил не глядя. Не попал. Махнул снова, разбил кулак о черный доспех, заорал и уселся на пол. Олечуч немного помог мне в этом.

— *Сосредоточься на боли...*

— Что?

— *Думай о боли.*

Когтистые пальцы сдавили мое раненое плечо.

— Ах, об этой боли, — прошипел я.

— *В тебе много корма для Правой Головы. Она поедает отчаянье. А Левая — отрыгивает злобу. То, чего ты так боишься. Желание убивать. Змей приносит тебе на блюдечке то, чего ты тайно желаешь, но опасаясь. Не бери.*

— Откуда ты это знаешь, Олечуч?

— *Уходите отсюда.*

Олечуч выпрямился и пошел легкой, необычной для него походкой, куда-то за статую. Я почувствовал присутствие за спиной. И приглушенный запах бонгора.

— Нашел что-нибудь? — я поднялся, осторожно поглаживая плечо.

— Там книжные стеллажи, — пренебрежительно отозвался Рем. — Куча книг в дорогих переплетах. Все пустые.

— То есть?

— Страницы пусты, — Рем сунул мне зеленоватый, обитый медью том. — Я проверил десятка два. Ничего. Престон, они, что, действительно поклонялись змею?

— Кто «они»? — я открыл книгу.

Страницы из кожи. Пустые. Все до одной.

— Вот именно, кто? — сплюнул Рем. — Ваши славные древние правители. Этот Вориан Диг, или как там его... Они приносили здесь жертвы!

— Это точно.

— Тут везде шкуры! — воскликнул сухолюд, глядя на мое каменное лицо. — Ты угодил в них и даже не заметил! *Sopidodam!* Животные, люди! Идем скорей из этого проклятого места. Где Олечуч?

— Ты заметил, что тут почти нет радиации?

Сухолюд закатил глаза.

— Ну и что? — спросил он, еле сдерживаясь.

— Что-то ее всасывает здесь. Накапливает. Эти колонны...

— Обычные колонны! Уходим.

— Да. Да, пойдём.

Мы отыскивали лестницу.

— Разве статуя не должна была ожить и напасть на нас? — спросил Рем, поднимаясь следом за мной.

— Не задумываясь, поставил бы на это сотню профилей.

— Может быть не все еще потеряно, кошкины сиськи.

Я промолчал.

Мы вышли на следующий этаж и закрыли за собой тяжелую дверь на два могучих засова.

— Надо найти Олечуча, — сказал я. — Им кто-то управляет...

— Безумные опилки в голове?

— Нет. Не только. Вероятно Вохрас.

— Змеева жопа! — сдавленно воскликнул Рем. — А разве не он должен был по нашему гениальному плану схватить колдуна за бороду и заставить выпустить отсюда?

— По-моему с самого начало было очевидно, что мы можем лишь просить, а не требовать, Рем, — спокойно ответил я. — Вохрас тоже чего-то от нас хочет. Иначе мы давно бы уже резались в покер со змеями, сам знаешь где. Может быть, нам удастся обменяться услугами.

Рем издал презрительный булькающий звук. Не стал бы биться об заклад, утверждая какой именно частью тела он его произвел, но в воздухе и без того уже чем-то крайне отчетливо пованивало.

— Он здесь четыреста нерестов наедине со своими инстинктами, — бормотал Рем насмешливо. — Услуги. Тоже мне. Ты ему понравишься Престон. Ты и твои манеры благородной девицы.

Я сделал вид, что не расслышал этого. Разглядывал почерневшие от времени нагромождения ящиков, груды каких-то закупоренных кувшинов и банок, амфор и сваленные в кучи бочонки. Валялись истлевшие тряпичные матрасы, черные слежавшиеся мешки, обломки мебели, осколки посуды, — все это было покрыто толстым слоем пыли и плесени. То тут, то там видны были черные язвы кострищ. То, что здесь не все еще выгорело дотла, можно было объяснить лишь повышенной влажностью и отвратительными пиротехническими свойствами гнилой древесины.

Ибо далеко, в центре, скрываясь за горами порченных запасов, мрачно гудела толстая цилиндрическая ось, уходящая куда-то выше, наверное, до самого пика. Когда мы добрались до нее, я увидел, что раньше цилиндр окружал каменный кожух из метеоритного камня, от которого теперь осталась только зубчатая кайма.

Цилиндр был чем-то заряжен. Судя по всему, по горлышко.

Я сразу вспомнил звенящие колонны внизу. Они вбирали излучение и отправляли его сюда, в этот центр, наполняя его загадочной и, несомненно, разрушительной силой.

Мне казалось, что пахнуть вокруг должно было надвигающейся грозой. Однако воняло так, словно кто-то выловил из нечистот утопшую крысу и бросил ее на солнцепек. Странно. Насколько я мог судить все, что могло здесь сгнить и протухнуть, должно было сделать это пару сотен нерестов назад.

У меня по всему телу вытянулись волоски. Когда мы добрались до цилиндра, то спрятались за баррикадой сырых тюков.

— Видишь следы кладки вокруг столба? Похоже, это был защитный кожух. Из метеоритного камня. Ты представь только Рем, какая мощь нужна, чтобы разбить его.

— Большая?

— Э-э... Ты прав. Клянусь первым, вот почему она стреляет. Башня. Вот откуда эти столпы света каждый нерест. Энергия выходит.

— Выходит. Ну да. Как интересно. Может пойдём?

— Да. Вот змей, — над нами сверкнула молния. — Надо сбросить кольчуги. И вообще все металлическое.

— Все? — переспросил Рем с сомнением.

— Даже пуговицы.

Единственное что я оставил, так это мой старый медальон подаренный Дилой. Я положил его под язык.

Через несколько минут, мы, поддерживая спадающие штаны, маневрировали между смердящих мешков и шатких нагромождений ящиков помеченных выцветшими изображениями.

— Оп-па, — вдруг выдохнул Рем и остановился.

— Што? — осведомился я, чуть не перелетев через сгорбившегося сухолюда.

— Цыпленок.

— Што-о-о?

Я посмотрел через плечо Рема и увидел...

— Циф, — сказал цыпленок.

Он выглядел так, словно только что соскочил с лотка на деревенской ярмарке. Маленький комок желтого пуха, подозрительно меряющий нас черной блестящей бусинкой. Цыпленок.

— Циф-циф. Циф.

— Ну пощему... — я схватился за голову. — Почему шипленок?

— Циф, — цыпленок запрыгнул на лежащий рядом черепок и закачался на нем, трепеща крылышками.

— Вот бойкая козявка, — ухмыльнулся Рем. — Сейчас я тебя, — и потянул к нему свою лапу.

Цыпленок моментально сфокусировался на приближающейся к нему грабле с грязными нестриженными ногтями. Он раззявил клювик и свирепо защебил им мизинец.

— Ай!

— Циф!

Цыпленок ощерился и, быстро семеня лапками, убежал куда-то за мешки.

— Вот мерзость желтая! — возопил Рем.

— Не надо было...

Я не закончил. И сделать это, мне было не суждено.

Еще секунда и я бы подавился собственным медальоном. Меня спасло лишь то, что эта бабка бросила мне в живот горшок.

Старуха — самый опасный противник после некуморка. Она обладает фактически неисчерпаемым запасом неприкосновенности. Мало того, что она относится к якобы беззащитному полу, так еще вас ожидает возможность обмануться маскировкой из фальшивой дряхлости.

Мы с Ремом были не первыми и не последними, кто стоял, раззявив рты и не решаясь предпринять хоть что-то подобное контратаке. Лично я только и делал, что увертывался от горшков.

— Матушка! — Рем тем временем взялся за переговоры. — Кто вы, матушка? Да прекратите буяннить, snaka dam! Мы можем вам помочь.

Старуха вдруг упала на четвереньки и свирепо зарычала. Блеснули трехсантиметровые клыки. Я мгновенно почувствовал себя говяжьей вырезкой и приготовился драться. Надо

заметить, что оружия у нас не осталось.

Рем достал откуда-то из дебрей своего вихра шипованный кастет.

Ну, хорошо, у меня не осталось оружия.

— Я же тебе сказал выкинуть все металлическое!

— Вот и дерись сейчас языком, хмырь, — ответил Рем, обходя врага с фланга.

Та сразу разгадала его маневр и с визгом раненого леопарда бросилась на сухолюда. Тот увернулся, и бабуля, влекомая инерцией, врезалась в ящики, которые поглотили ее лавиной трухи и пыли.

— Бежим! — крикнули мы, по привычке одновременно.

Это было самое позорное из моих отступлений. Спадающие штаны и кровавые сопли под носом вселяли в меня уверенность, что мои прадедушки-полководцы сейчас продувают свои катакомбы.

Мы бежали, кувыркаясь в ветоши. Судя по звукам, старуха нагоняла нас неотвратимо и яростно.

— Олечуч! — заорал Рем. — Где тебя носит, матрац соломенный?!

За нами рушилось, скрипело, гремело и обваливалось. Чертова бабка выходила на расстояние прыжка.

— Ну, я тебя! — проворчал Рем и вдруг резко остановился, повернувшись лицом к погоне.

Вдохновленный его примером, и основательно запыхавшийся, я тоже повернулся и увидел, что позади нас никого нет.

— Ну и отлично, — пробормотал Рем. — Гляди-ка Престон. Уж не дверь ли это.

Это была она.

— А это цыпленок, — мстительно добавил Рем, глядя на нашего желтого дружка.

Это был он.

Дверь была одностворчатая, закрывающаяся по принципу «вверх-вниз». То есть, стражник дергал за веревочку, и вниз падала пластина, выплавленная из железа с примесью угодивших в чан рабов-сталеваров. Она была закрыта не полностью, потому что под нижнюю кромку попала клетка с толстыми прутьями. Между полом и верхней кромкой ворот оставался зазор, в который мы могли проскользнуть, даже не помянув змея.

Цыпленок заступал нам путь, агрессивно встопортив крылышки и раскрыв клювик. «Ну, давайте», — говорила нам его поза и сверкающие черные глазки, — «суньтесь и будете ваши мизинцы в моем помете искать».

Вокруг нас вставали призраки. Это не были духи предков, мудрые и спокойные, не были духи войны, горластые и свирепые. Это даже не были призраки маггов, души которых легко прошли сквозь метеоритный камень. Это были их последние мысли. Перед кончиной, особенно перед такой мучительной, люди думают о разном. В основном тут присутствовала различная пища. В толпе окруживших нас видений я отчетливо видел палку грозящей нам чесночной колбасы и огромный насмехающийся пирог. Тут были незнакомые нам люди, предметы искусства, фрагменты жилых помещений.

Сходящие с ума магги так же оставили после себя множество галлюцинаций, которые я затруднялся описать. Это были кошмарные существа, неприятно удивляющие комбинациями нормального и шизоидного. Была там и наша старуха, покрывшаяся черной блестящей шерстью, и шепелявящая что-то сквозь клыки.

Их предводитель, Цыпленок, встrepенулся и сказал:

— Циф!

Воспоминания поклонились ему и образовали вокруг нас правильный круг, расчистив от хлама и мусора своеобразную арену.

— Циф, — надменно сказа́д Цыпленок, поглядев на нас.

— Быть того не может... — проговорил Рем, озираясь.

— Рем, успокойся, — отрезал я. — Видишь этого мелкого поганца?

— Ну и что? Ты только посмотри, это пирожные размером с сарай! А вон там, клянусь змеем, это же огромные женские...

— Рем! — прикрикнул я. — Если одолеем Цыпленка, сможем пройти дальше! Сосредоточься.

— Да ты шутишь!

— Не надо его недооценивать.

— Циф, — требовательно повторил Цыпленок.

— Он хочет, чтобы мы дрались с ним, — интуитивно перевел я.

Рем засучил рукава.

Я хрустнул пальцами и с силой сжал их в кулаки.

Призраки затянули заунывную боевую песнь, выстукивая варварский ритм на бочонках.

«Хей-а-хо! Хей-а-хо! Хей-а-хей-а-хей-а-хо!»

— Просто смешно, — бормотал Рем. — Эпическая битва, quon tar. Эй, Рем, с кем ты сражался в Мирконе? Да так, схлестнулся со старухой и перегрыз горло цыпленку.

«Хей-а-хо! Хей-а-хо! Хей-а-хей-а-хей-а-хо! У-а-у-а-о!»

Призраки начали ускоряться, и тут Цыпленок ринулся в атаку. Он мгновенно появился возле моего лица и клюнул меня так, что я отлетел на зрителей. Мне повезло, я угодил в объятия нескольких обнаженных дам, но они вытолкнули меня на арену.

Я поднялся, отирая кулаком слюну с нижней челюсти.

— Престон! — окликнул меня Рем. Сделав это, он свалился мне под ноги с огромным синяком на лбу. Я помог ему подняться, и мы оба уставились на цыпленка, который стоял в трех шагах от нас.

— Циф, — усмехнулся Цыпленок.

— Нужен план, — сказал Рем, отплеываясь от попавшей в рот гнилой соломы. — Нам как никогда нужен план. Думай, Прес!

«Хей-а-хо! Хей-а-хо! Хей-а-хей-а-хей-а-хо! У-а-у-а-о! Ам-га-ам-го-ам-га! О-о-о-о-о!»

Молнии били, вгрызаясь в стены. Когда порывистый свет падал на воспоминания, те пугливо меркли.

Цыпленок прыгнул, и Рем вдруг оттолкнул меня в сторону, а сам, крутанувшись вокруг себя, чтобы нагнать мощи, навскидку выбросил вперед кулак с кастетом. Что-то сверкнуло вокруг желтенького, мигнул шарик чистой энергии, похожий на прозрачный пузырь.

Рема оттолкнуло назад, Цыпленок, кувыркаясь, шлепнулся на пол и взревел:

— Циф!

— Ах ты змеева колода! — орал Рем, сидя на полу. Его правая рука сияла как накаленный в горниле брусок железа. Расплавившийся кастет растекся по его руке. — Жжется!

Испуганный этим зрелищем, я сделал то единственное, что в этой ситуации могло считаться верным решением. Я сорвал с шеи амулет Дилы и подбросил его над собой. Молния кинулась на него как барракуда на селедку, и яркий всполох неровного голубого

света окатил арену. Воспоминания отпрянули назад, даже цыпленок болезненно пискнул и пропал...

— Бежим!

Рем заорал, подхваченный за пояс.

— Быстрее, быстрее, быстрее!

Воспоминания замерцали, готовые вернуться назад.

— Помоги нам Первый!

Рем полетел в зазор под воротами.

— Если сможешь...

Я нырнул головой вперед, и перекатился под воротами в тот момент, когда приобрела четкость последняя ресничка у огромного глаза.

— ...положу тебе самый большой кусок мяса на алтарь!

Оставалось только выбить клетку. Я воспользовался ногой. А затем двумя. Клетка, злобно скрежетнув, полетела под коленки вареному лобстеру.

— Ха! — сказал я.

— ... - не поддержали меня ворота.

Пластина не шелохнулась ни на ноготь. Ее заклинило. В безобразно широкую щель на нас смотрели пустые глазницы печеного индюка.

— Циф! — приказал Цыпленок воспоминаниям.

Мы с Ремом, приняв друг от друга мысленный сигнал, бросились через четыре ступеньки, вверх, предпочитая неизвестность гурьбе расшвирипевших воспоминаний, рвущихся друг по другу за нашими мелькающими икрами.

Выскочив на следующий этаж, мы ринулись в узкий коридор, замечая койки в маленьких комнатках. Тут были какие-то тупички с дырами в полу, очевидно уборные, столы с книгами и настольными играми, все это сохранилось почти идеально, словно еще пять минут назад здесь ходили сонные сектанты, стражники натужно кряхтели над дырами и мрачно остря играли в «Кости Первого». Пахло пряностями и свежей соломой, приглушенно светились лампы, создавая иллюзию затопленного мира.

Это, несомненно, были жилые блоки.

Нас настигли в затхлом, провонявшем кислотными парами помещении, похожем на лабораторию. Мы опрокинули за собой несколько столов со сложными сооружениями из бурлящих склянок. Вокруг зашипело, заклокотало, потянуло столетней кислятиной.

Воспоминания заступили дорогу. Они обошли нас и растянулись цепочкой, отрезая дорогу. Сомкнулись сплошным кольцом.

Кольцо сужалось.

Мы с Ремом встали спиной к спине. Точнее затылком к заднице. Оружия у нас не было. Мешок сухолюда потерял в схватке с Цыпленком. Мы рассчитывали только на кулаки и зубы против мистической неуязвимой силы.

Мы доживали последние секунды.

У меня защемило в тазу.

— Рем.

— Ну?

— Я хочу сказать.

— Да?

— Рем...

— Что?!

— Рем, это конец. Это конец, Рем, и я...

— Клянусь яйцами Первого, а ведь рука слушается.

— Мы умрем, и я хочу, чтобы ты знал...

— У меня теперь железный кулак!

— ...моим другом, лучшим моим...

— Смогу теперь из камней воду выдавливать!

— ...короткую, но яркую жизнь...

— А какой будет хук справа!

— ...не печалься друг мой.

— Что?

— Иди к змею.

— Сам иди!

— Я первый тебя послал. Я душу тебе изливаю, а ты опять хвастаешься тем, что у тебя не лады с действительностью! Можешь себе в задницу засунуть свой железный кулак!

— Могу организовать это тебе, всего за триста профилей. Хм. Смотри-ка, они остановились.

— Кто?!

— Призраки.

— А-а-а. Действительно.

Воспоминания шгурмовали невидимую преграду. Обжигаясь и визгливо корчась, они не могли прорвать пустоту в нескольких шагах от нас. Я присмотрелся к тому месту, где бесцельно топотали их конечности, и заметил выложенную красными камнями линию.

— Мы в центре круга, — осенило меня. — Мы в центре защитного круга!

— И я настоятельно не советую вам покидать его, — сказал Вохрас, отталкивая посохом верещащий мясной рулет.

Глава 7. Не ной

Зал был большой просторный, с высокими потолками, глубокими нишами, и все равно напоминал плотно упакованный чемодан. В нем почти не было свободного места, все пространство занимала тесно составленная громоздкая мебель, тяжелые многометровые статуи и высокие растения, растущие из земли, которую уложили прямо на пол.

В зарослях жило маленькое суетливое сообщество. Всевозможное мелкое зверье ползало здесь настолько оживленно, что от постоянного шуршания, писка и межвидовой кутерьмы впору было свихнуться и с веселым смехом устроить тут пожар. Чтобы никто не выжил. Никто. Даже тот крохотный умильный хомяк, грызущий добытую семечку.

А что хозяин комнаты? Та массивная безликая фигура, двухметровый гигант в тигровом балахоне, что расположился в прогнувшемся кресле, населенном тремя мышинными семействами. На голове, укрытой капюшоном, сидит крохотный филин и наблюдает за тем, как он сам же соскальзывает с шелковой ткани. На груди хозяин комнаты пригрел змею. Свернувшаяся продолговатыми кольцами черная гадюка, ядовитая настолько, что хочется орать от ужаса, просто глядя на нее, мирно дремлет на медальоне размером со столовую тарелку. Ноги хозяина, тяжелые кряжистые, опущены в жестяной тазик. В этом тазике, из жирного чернозема растут перышки редкой лечебной травки, которая встречается всего в нескольких местах во всем мире.

Среди писка, шуршания и хруста, появился новый звук.

— Клац-клац... клац-клац... клац-клац...

Хозяин пошевелился. Филин вспорхнул с его головы, врезался в потолок и принялся слепо биться в него, словно большой мотылек. Змея подняла голову, и через ворот заползла человеку под балахон.

Хозяин неловко, словно все еще в дреме, поднялся, опираясь на подлокотники, и тяжело вошел в заросли.

— Клац-клац... клац-клац... клац-клац...

Череп лежал на земле, сброшенный туда кем-то из обитателей. Он опрокинулся на бок и щелкал челюстью, набирая в пасть земляные крошки. Рука в белой тугой перчатке разогнала любопытствующих крыс, и подняла его.

— Да, — раздался приглушенный голос. — Я слушаю.

— Эт-то я, Четвертый, — заикаясь, представился собеседник. — П-помните наше п-пари?

— Какое из тридцати двух действующих между нами пари ты имеешь в виду, Четвертый?

— Насчет М-миркона...

— Насчет воров и Миркона?

— И т-того, ч-что им удастся туда з-забраться.

— А они уже там?

— Да. П-представь себе, достопочтенный Миумун.

Хозяин замолчал, что-то шевельнулось под тканью капюшона на самой макушке.

— Когда... Если они выберутся, сможешь их найти?

— Разумеется, — голос четвертого отдалился, и он крикнул куда-то в сторону: — Осам! Осам! С-следишь? Еще р-раз отвлечешься, п-превращу в бочку с огурцами! Вы с-слушаете, д-

достопочтенный Миумун? — несколько стесненно возобновил разговор Четвертый.

— Сколько их там? — не обращая внимания, спросил Миумун.

— Д-двое, — мгновенно уточнил Четвертый. — Известный мне сухолюд и П-престон Имара от-Крипп. Имеет з-значение, кто он такой?

— Да, я хочу знать, есть ли у них шансы.

— Шансов маловато, хотя этот сухолюд не прост. А Имара вообще...

— Плесень? — предложил Вохрас.

— Нет, спасибо, — вежливо отказался я. — Я еще не справился с этой порцией.

— Насыпь мне! — Рем протянул миску.

Вохрас ножом соскреб туда жирных красноватых клубков с древнего хлебного каравая.

— Этому караваю четыреста нерестов, — в голосе Вохраса была любовь. Злая.

Он ласково пошептался с ним, и положил обратно в деревянную кадку, где пышно цвели клубни съедобной плесени. Затем Вохрас немного попинал странный механизм, собранный из протертых рейтуз, обломков табуретки и музыкальной шкатулки. Шкатулка дрогнула, и с грубым низким дребезжанием принялась раскручивать прилаженную к ней ось. Обломки завращались на рейтузах.

— Это для циркуляции воздуха, — объяснил Вохрас, почувствовав спиной наше недоумение. — Плесень выделяет споры. Каждый день по несколько десятков воздушных пинт. Вредно для легких.

Он улыбнулся мне голыми деснами, похожими на рубиновые браслеты и сел напротив меня, мрачно глядя в свою тарелку, на которой пугливо ежился одинокий клубень.

Я глядел на Вохраса и придумывал эпитеты. Эпитеты, сравнения и метафоры. Мне нужно было описать этого четырехсотнерестового затворника в своей книге. Хотя бы обще. Собственно, все это я уже видел. Эти глаза, уши щеки, скулы, волосы... Его черты уже являлись ко мне. На десяти разных людях.

Магг оказался совершенно гол, если не считать повязанной вокруг бедер хламиды, и я мог видеть каждый неуместный уголок, каждую не вписывающуюся косточку и складку.

Мутация.

Его глаза не сходились в размерах. Один был круглый, выпуклый, по-женски выразительный и блестящий. Радужный от перемешавшихся оттенков. Другой, мрачно прищуренный, сухой, как мраморный шарик. Из-под неподвижного века выглядывал черный зрачок.

Кожа по всему телу шла темными пятнами, как штаны свинопаса. На бледной, пористой основе, расплывались бронзовые, желтоватые, пунцовые пигменты. Собственно, он вовсе не был похож на старика. Кожа его была, может быть и не гладкой, но напоминала не древний пергамент, а скорее проселочную дорогу, которую протоптали волы и пара телег с вихляющими колесами.

Нос походил на коралловый нарост, бугристую кочку, на которой цвели волосками несколько бородавок.

Под тонкой верхней губой тяжело держалась нижняя, бледно-розовая, опухшая и потрескавшаяся.

Уши у него были маленькие, женские, чуть загнутые сверху.

Он был совершенно безволос, если не считать лишайников, покрывающих голову.

Да, этот долгожитель достоин был, чтобы под его шкуру выделили отдельную главу в

Жизнеописании Видов.

Мы сидели в маленькой комнатке, жилого этажа и скромно лакомились плесенью. В логове Вохраса было множество ламп, которые светились сами по себе. Он свил паучью сеть под потолком и вплел туда десятка два мерцающих шаров, отчего вся комната была словно бы до потолка наполнена влагой. Еще здесь было несколько составленных друг на друга тумб, большое кресло с вшитыми кожаными ремнями (на кресле я заметил неумело нарисованную углем обнаженную женщину), и зеркало в тяжелой золотой раме. Видно было, что зеркало несколько раз разбивали, а потом сплавляли осколки вместе, отчего отражение стало нечетким, словно в плохо начищенных доспехах. Тут же находились: вышеупомянутая плесневая плантация, вентиляционный механизм Вохраса и сундук без крышки, в котором лежало несколько заготовок зданий и столярные инструменты.

Колдун привел нас сюда после того, как прогнал воспоминания. Перед этим он долго спорил о чем-то с Цыпленком, на повышенных тонах, угрожая тому посохом и неким предметом похожим на скворечник с прибитой гвоздем кружкой. В отличие от нас, колдун знал язык Цыпленка, поэтому их свирепое конкурентное попискШышие все еще отдавалось у меня в ушах.

Боюсь даже предположить, с какого именно момента он знал наши имена, но, тем не менее, представляться не пришлось. Когда воспоминания рассеялись, он просто поманил нас за собой, привел сюда, и принялся потчевать плесенью.

— Разглядите меня, как следует, — проговорил Вохрас спокойно. Голос, приятный, ровный, — как оструганный посох, парящий рядом с колдуном, — был несколько не некромантским в моем понимании. Но я не протестовал.

— Ничего, что мы так паялимся? — спросил я, делая вид, что смутился.

— Я бы удивился, если бы вы этого НЕ делали, — заметил Вохрас. — У меня левая рука длиннее правой на две ладони, две правых ноги... Две правых ноги, кости Первого! В прошлый раз этого еще не было! Если так и дальше пойдет, я в следующий раз превращусь в большой розовый тефтель... М-м-м... Тефтели.

Вохрас закатил глаза и прикусил нижнюю губу.

— Тефтели? — удивился я.

— Да, я же... — Вохрас встрепенулся. — Ну, поднимите руки, кто готовился увидеть огромный скелет в доспехах из костей, с костяным мечом и костяным луком, который бы стрелял костяными стрелами с костяными наконечниками. А глазницы что угли. И может быть немного червей... Ну?

Мы с Ремом молча подняли руки.

— Ну что ж, у меня и так уже было достаточно сюрпризов на сегодня, — пожал плечами Вохрас. — Я должен был вас убить?

— Как только увидишь, — согласился Рем.

— Что ж, потом сможете сделать это сами, — успокоил нас Вохрас. — А пока, вернемся к действительно серьезным вещам. В общих чертах я уже знаю, зачем вы залезли в мою башню. В конце концов, единственное, что имеет значение: вам это удалось. Не без моей помощи... Но будь я проклят, если эта несчастная лисичка пострадала зря.

Я слушал его с чувством, которое бывает, когда понимаешь, что твоя нога увязла в болоте по колено и не собирается бросать это дело незавершенным. Я не верил ни одному его слову. Нужно было срочно перехватывать инициативу, потому что Вохрас мог прямо сейчас вырвать нам черепа и сделать из них накладную грудь для своей кресельной подруги.

— Да. — Встрял я, наваливаясь на столешницу. — Собственно было довольно опрометчиво с нашей стороны нарушать твой покой, о, Вохрас...

— Не надо окать, я не твой господин.

— ...но мы уже заплатили за свою самоуверенность и наглость, — продолжал я, не моргнув глазом. — Местное животное, Проглот...

— Я называю его Пельмешком.

— ...он сожрал сокровища, за которыми мы приходили.

Вохрас хрюкнул. Потом улыбнулся. Потом еще раз хрюкнул, уже громче, и вдруг расхохотался. Я замолчал, беспомощно глядя на Рема. Сухолюд угрюмо ковырялся в тарелке.

— Мои... Мои извинения, — выдавил Вохрас, отдышавшись. — Просто вспомнил, как у вас рожи обвисли, когда Олечуч объяснил вам, что все золотишко съедено. Первый, ну почему я не умею рисовать. Я бы обязательно написал шарж. Люди животики надорвали бы.

— Да, — мрачно кашлянул я. — В общем... Мы нижайше просим прощения, еще более нижайше взываем к милосердию твоему, надеемся на компромисс, и... И все такое.

— Милосердие, — Вохрас посерьезнел. — Да, сколько угодно. Еще раз повторю, гостями мне разбрасываться не с руки. Представьте, что вы четыреста нерестов ждете лекарство от зубной боли, и оно наконец-то у вас появляется. Вы же не выбросите его в окно? У меня есть к вам предложение и я, несомненно, озвучу его...

Облегчение так резко сменило обреченность, что меня чуть не выстрелило со стула. Десяток идей тут же родились в моей голове. Я достал из кармана писчий уголек и попросил у колдуна бумагу. Тот посмотрел на меня с недоумением, но указал трехсоставным указательным пальцем на тумбы.

— Я был бы очень признателен, Вохрас, если б вы сначала рассказали свою историю... Что это за храм внизу, почему стреляет башня, как с этим связаны колонны и радиация, почему столько метеоритного камня, что на самом деле случилось с...

— Нет, постой, будем последовательны, — остановил меня Вохрас, помотав головой. — Если хотите, я расскажу парочку забавных анекдотов по мотивам того, как полсотни маггов умирали в одной башне под присмотром целого Авторитета, которому дела до всего этого не было! Но начну я сначала.

— Отличная идея, — согласился Рем. — Можно мне еще плесени?

— Возьми в кадке.

— Ага.

Как и все менадинцы, сухолюд мгновенно приспособился брать то, что давали.

— Итак, — Вохрас откинулся на спинку стула и принял странную позу, которую с успехом можно было бы расценить как признак сердечного приступа. — С чего бы начать. Знаете Дориана Вига? Вонючку Дориана? Дориана-козла? Мучителя-поганого-убийцу-обезьянью-промежность Дориана? Дориана-ослиного-хе...

— Видели на кружках, — кивнул Рем, с набитым ртом. — Но ты продолжай, Вохри.

— Вот он, — Вохрас щелкнул пальцами.

В углу комнаты что-то шевельнулось. Как, оказалось, там стоял небольшой аквариум, накрытый бордовой парчой. Я не сразу его заметил. Теперь парча слетела со стеклянной коробки, и та подплыла к нам.

Дно аквариума было засыпано опилками и бумажками. В центре стояло самодельное беговое колесо, а в углу — маленький дворец. Из крохотных главных врат показалось заспанное встревоженное личико.

Рем радовался как мальчишка.

Это действительно был Дориан Виг, в маленькой шелковой рубашечке и батистовых штанишках. На голове у него торчали овальные настропаленные ушки. Он встревожено потянул носом воздух и быстро-быстро потер руками лицо.

— Я встретил его прямо в сокровищнице, — сказал Вохрас, бросая Вигу кусочек плесени. Крохотный Автор тут же набросился на угощение и принялся стригать его длинными передними резцами. — Не дал Проглоту сожрать.

— А его приближенные? — спросил я, глядя на Вига с застывшей улыбкой.

— А зачем они мне? — пожал плечами Вохрас. — Я испепелил их. А вот мой... Точнее, наш великолепный, всемогущий, златоокий Дориан Виг, он по праву наш. Он принадлежит всем, кто умер в этой башне. Я сделал его таким и не даю умереть, хотя мне иногда кажется, что я поступил слишком великодушно.

Дориан доел плесень и теперь окарачь бегал в колесе, бодро попискивая что-то вроде: «повелеваю, повелеваю, повелеваю, ирркрик!»

Вот он, золотой фарс легенды, — подумалось мне.

— Можно взять его в руки? — спросил Рем, оторвав нос от стеклянной стенки.

— Конечно, — кивнул Вохрас. — Смотри только, чтоб не цапнул. Характер у него все тот же.

Рем осторожно подхватил бегущего Автора двумя пальцами под бока и вытащил из аквариума. Виг кусаться не собирался. Он маленьким колобком уселся на ладони Рема и принялся умываться.

— За Авторитет! — пискнул он, на секунду отвлекаясь. — Икррик!

— Подожди! — осенило меня. — Но если он остался здесь...

— Нашли другого, — небрежно пояснил Вохрас. — У него двойников хватило бы на маленькую деревню.

Рем гладил Автора по голове. Тот задремал, слабо попискивая и призывая фрейлину.

— Одинокое ему, бедняге, — проговорил Рем сочувственно, кладя Автора обратно в аквариум. Тот сразу же зарылся в опилки. — Хоть бы мышь ему подсадил.

Мы еще некоторое время разглядывали Вига, а потом Вохрас отогнал аквариум обратно в угол.

— Что ж, преступника вы увидели, — изрек Вохрас торжественно. — Теперь поговорим о преступлении, — он взглянул на нас радужным глазом. — Так вот. Время было непростое. Ну, знаете ребятки, четыреста нерестов назад, когда Гигана только становилась приличным местом, для маггов работы было маловато. Нас еще не воспринимали всерьез, думали, что магги это вроде той же штуки, когда ты просыпаешься поутру, а нерестового запаса зерна в амбаре как не бывало. Чудо. То есть мы, конечно, пользовались уважением у простого люда: дожди, безболезненные роды, тут зуб заговорить, там корову оплодотворить... Э-э-э, то есть я хочу сказать... Ну в общем вы поняли. Унизительный шаманизм. Настоящей магией занимались только Мудрейшие. Они же отбирали маггов для двора. Попасть к ним за пазуху было делом целой жизни. Попасть в их число... Ну, это было посложнее, чем почесать за ухом Светозверя.

А всё Церковники. Они уже тогда были сволочами, клянусь. Первый их не создавал, они выбрались из его помета, вместе с ростовщиками и торговцами рыбой. И пошли сжигать все то, что могло составить им конкуренцию. Престон, вы умный, начитанный молодой человек, вы наверняка знаете, что такое пресс. Так вот его придумали по аналогии с тем, что, змей

подери, с нами вытворяла Церковь Зверя. Эти злобные, трусливые попы даже чихнуть нам как следует не давали, боялись, что от этого половина авторитета может развалиться. Дикари, экзальтированные, пугливые, невежественные и крайне агрессивные варвары... Эй, что это ты делаешь?

— Записываю ваше повествование для моей будущей книги, — сказал я, не переставая частить угольком. — А-грес-сив-ны-е...

— Варвары.

— Благодарю. Варвары. Они и сейчас такие, можете мне поверить.

— Я знаю, — отмахнулся Вохрас. — Короче, они и убить нас не могли, потому что мы все-таки были полезны, но и жить не давали. Многие магги от отчаянья уходили в леса. В Сай мигрировать было бесполезно. Чаще всего молодые магги просто становились разбойниками. Грабили торговые караваны, путников. Некоторым этого было мало. Уже тогда существовало учение описывающее получение силы из живых людей и управления той самой энергией, которая поддерживает в нас жизнь. Разумеется, всем этим молокосос-ренегатам тут же захотелось стать некромантами. Их вылавливали. Загнали в такие дебри, что большинство даже не смогло найти дорогу обратно к границам. После этого, как ни странно, дела у городских маггов пошли еще хуже. Нам позволялось обучаться тому минимуму, который определила для нас Церковь. Уличные иллюзионисты и фокусники могли заткнуть нас за пояс, и осталось бы еще место для нашего самолюбия, но его-то у нас как раз и не было. Никому и в голову тогда не приходило: поднять восстание. А сейчас это уже ни к чему.

— Откуда вы знаете, что происходит сейчас? — не удержался я.

— Терпение, — призвал Вохрас. — И тогда они заголосили.

— Кто? — чавкнул Рем.

— Глашатаи. Как сейчас помню «словами и волей нашего Автора, богоизбранного Дориана Вига, объявляем! Всем желающим маггам, плохим ли, хорошим, явится на обследование к коллегии Мудрейших. Отбор будет проводиться ровно половину нереста! Всякий, кто пройдет отбор, будет зачислен на особую службу, с жалованьем немалым и полномочиями завидными!». Что тут началось! Я тогда впервые увидел толпу. Настоящую толпу. Злобную истеричную массу. Церковь от страха обделалась. Этого-то они никак не ожидали! Произошло конкретно следующее: почти все магги авторитета собрались вместе! Они образовали сосредоточение Силы, которого хватило бы, чтоб смешать сезоны, обратить ход светозверя, играть горами в шахматы! Мы могли бы в считанные часы поменяться местом с попами... Иэ-э-эх... Для Церкви все тогда обошлось испачканными панталонами. Мы просто не сообразили. Рабская психология. Воспитанная с малых лет рабская психология. Я был точно таким же. Я тоже не задумался о перспективе. Просто толкался в толпе с остальными, ожидая возможности записаться на прием. Попы тем временем уже успели отвлечь половину в другой, наспех сколоченный пункт записи. Потом еще в один, и еще, еще... Толпа рассеивалась. Наша сила ушла в землю, как случайная молния.

Вохрас запечалился. Черный сухой глаз открылся и глядел в потолок. Я писал, поглядывая на колдуна. Рем чавкал и сопел.

— Мол-ния...

— Да, именно так. Попади она тогда в Церковь, история государства сложилась бы по-другому. Я был талантливым мальчишкой. Скромно ютился в провинции, исправно подавал аббату расписки от соседей, которые заверяли, что я хорошо себя веду, и курицы от моих

заговоров несутся сразу яичными пирогами и горячим омлетом. Клянусь Первым, если б мне дали развернуться, я таки смог бы добиться места при дворе, но аббат нашего города был чувствительным как беременная женщина. Когда начался отбор, я гостил в Гигане у своего хорошего друга. Он теперь там, внизу, служит родным миром для народа Мытутародились. Эти ребятки самые воинственные из всех. Все в моего любимого Ролафа. Он всегда подбивал меня к неповиновению, укорял за то, что я лечу запоры у гусей и уток, в своей глуши, вместо того чтобы бороться за права маггов здесь, в столице.

Первый глашатай только переводил дух, а мы уже мчались к пункту записи, надев лучшие свои мантии из козлиного войлока. Нам быстро удалось попасть в списки, и уже через два цикла нас вызвали на обследование. И мы оба прошли! Это было настолько неожиданно, что почти четыре часа мы просидели на ступеньках храма, тупо глядя на заключения комиссии. Потом мы пошли домой к Ролафу и принялись чертить план. План свержения Церкви изнутри. Для ясности мышления мы поливали свои идеи вином. Уже тогда всем маггам от алкоголя вживляли в печень ягеда, паразита, который поглощал алкоголь, а на выходе давал смертельный яд. Сейчас вывели ягедов, которые ПРОСТО поглощают алкоголь, а в наше время маггам приходилось добавлять в пойло особый ингредиент, который усыплял паразита и его хозяина. Это избавляло от неприятных последствий, вроде встречающих тебя поутру лягушек, выпрыгивающих из валяющейся на полу одежды... В общем, мы здорово нажрались. Это была наша лучшая гулянка вплоть до того славного момента, как нас всех засадили сюда.

— Лучшая гулянка? — снисходительно повторил Рем. — Вы что, никогда не слышали о девочках?

— Мы были чересчур увлечены планом свержения Церкви, — недовольно шевельнулся Вохрас. — Кроме того, у нас с этим были проблемы. Ну вы понимаете... С тестостероном... И кожей. У маггов по молодости всегда бывают жуткие проблемы с кожей.

Вроде прыщей? — прямо спросил Рем.

— Вроде огненных языков в паху и каменных наростов на голове! Наши прыщи извергали лаву! А он говорит, девочки. Да они от нас шарахались как от мокриц.

— Рем, — позвал я спокойно.

— Хм?

— Жуй плесень. — Чавк!

— Вот и отлично.

Я украдкой взглянул на уязвленного Вохраса. Воистину, обида маггов на собственную судьбу живет с ними всегда. Их обида, это своего рода самостоятельный внутренний орган, который постоянно выделяет в кровь магга гормон ворчливости, мрачности и плохого настроения.

Магг — термин рожденный простолюдинами. В дословном переводе с языка плебса означает «дедушка», но в том же значении, что и «старый пердун». И это не случайно. Мудрому народу нельзя отказать в наблюдательности.

Магг — существо предельно несчастное.

Начать с того, что рождается он не как все остальные дети, медленно, но упорно прокладывая путь через родовой канал. О, нет. Скопившаяся в утробе матери маггия, с первыми же схватками выстреливает его наружу, как пробку из бутылки. Это происходит в считанные секунды, при этом сопутствующие рождению эффекты могут быть самыми разнообразными. Примечателен случай, когда появление младенца-магга сопровождалось

пятиметровыми языками пламени, дождем из жаб и, почему-то, правых ботинок.

Когда священники Церкви или родственники обнаруживают у женщины М-беременность, счастливую мамашу перевозят в чистое поле, и силами всей общины строят вокруг нее занятое сооружение, похожее на глухую землянку с маленьким окошечком. Окошечко по рекомендации инженеров Церкви должно находиться прямо напротив родового канала и оборудовано эластичной сеткой из воловьих жил. По статистике, эта сетка не срабатывает и в трех случаях из десяти, поэтому, ориентируясь по предполагаемой траектории, за окошком выкапывается продолжительный ров, который заполняется перьями, тряпками, навозом, грязью, водой, опилом и вообще всем, что не имеет твердых острых углов.

Вам все еще не жаль их?

Тогда идем дальше.

После своего рождения, уже выловленный из рва, магт попадает не в ласковые материнские объятия, а в железную бочку. Там он должен просидеть первые десять дней своей жизни, пока все не убедятся, что ребеночек не собирается жечь всех, кто пробежит мимо не пригнувшись. Обычный новорожденный младенец вряд ли пережил бы десять дней без еды, воды и умиленного сюсюканья. Но только не магт. Они не плачут даже при рождении, как будто знают, что это им это уже не поможет. Чаще всего, если маггия не проявляется стихийно, ребенок, не двигаясь, лежит на дне бочки, мрачно глядя вверх и скрестив ручки на груди. Взгляд их цинично прищуренных глазок и опущенные уголки губ, как бы говорят: «а они всерьез считают, что хуже всего сиаемским близнецам!». Такие магги — самые лучшие. Они с рождения обладают незаурядным умом и пониманием того, как их сила соотносится с ямами инквизиции Церкви. Сидя в бочке, они уже могут добыть себе из воздуха воды и немножко маны, которых достаточно для поддержания жизни.

Спустя десять детей «удачных» малышей извлекают из бочки и передают мамаше. Разумеется, если та уже пришла в сознание после родов.

Опасность представляют те младенцы, маггия которых не сдерживается врожденным умом. В таких случаях целая деревня может в одночасье превратиться в болото или райский луг, заполоненный нецензурно ругающимися бабочками. Такие редкие виды, как Бабочка Крикливая Пьяная и Жаба Пошлая Под Юбки Заглядывающая, целиком и полностью последствия неудачных М-рождений. Подобные магги погибают почти сразу, отдав свою жизненную силу.

Взросление нормального магга напоминает истязание лягушки. Глумливая природа с мальчишечьим коварством и жестокостью, пропускает подрастающего волшебника через изоощренные пытки. Магт никогда не бывает абсолютно здоров. Вулканические прыщи живут на нем постоянно до двадцати пяти нерестов, при этом извергаются они довольно аритмично, что ставит под угрозу всех, кто попытается его обнять. К счастью таких людей находится меньше, чем ног у змеи. Мешают временные гранитные наросты и выделяемое вместе с потом электричество. К тому же маггов часто мучает несварение желудка и пирогенные газы. Раз в цикл у них наступают недельные «дни тишины». Они становятся неадекватно раздражительными и капризными. Их тянет в сырые затхлые места, где они как змеи сбрасывают старую кожу и грызут все, что не попадая от того, что у них постоянно меняется форма зубов. Все это приводит нас к выводу, что магги невероятно алхимически-реактивны. Их кости могут стать железными или хрупкими в зависимости от того, как именно происходит созревание организма. И не будем забывать о постоянной лучевой

угрозе, которой подвергаются все, кто слишком долго контактирует с маггом. Обычный человек начинает мутировать через три-четыре нереста постоянного контакта.

Казалось бы, имея такую силу, они могли бы получить все, что хотят невзирая на мнение окружающих. Но и это не так. Всякое действие имеет противодействие. Как я уже говорил, вместе с освобожденной силой из мага выходит жизнь, и он может банально умереть, если злоупотребит огненными шарами.

Сложите вместе все эти прискорбные факты, и вы получите одиночество настолько чистое и безнадежное, что им не стыдно будет инструктировать корону Хладнокровного.

— Простите моего друга, он рассуждает прямо, это в его природе, как в вашей — понимание и терпимость, — проникновенно проговорил я.

— Пустое, — отмахнулся Вохрас. — Так вот, никто не знал, как появился Миркон...

— Так это тоже вранье! — воскликнул я. — Не мы его построили?

— Ну конечно нет, — всплеснул руками Вохас. — Я думал ты догадаешься, попав сюда. Эту башню нашли еще до скорлупы Яйца Первого. Насколько я понимаю, вначале в нее довольно легко было попасть, но потом Виг установил ловушки.

— Это ведь не просто башня, да? — спросил я. — Мы видели там какой-то цилиндр заряженный маггией.

— Все верно, — просиял Вохрас. — Мы строили множество теорий, насчет ее происхождения. Проще всего, конечно, представить, что ее возвели Первенцы, чтобы контролировать человечество. Так считали Мудрейшие. Они долго изучали ее, пытаясь понять принцип работы, пока не сообразили, что башня питается маггическим излучением. Но чтобы зарядить ее, необходимо было столько сил, что сами Мудрейшие могли погибнуть от истощения. Тогда Виг придумал отличный план, — Вохрас задрожал от ярости. — Заключение здесь полслотни Маггов, чтобы мы зарядили башню нашими жизнями. Я думаю, башня как оружие — интересовала Мудрейших, а Виг всегда был дельцом. Возможно, он пришел сюда почти в одиночку, только потому, что ему не терпелось заполучить свои безделушки. Подонки.

Вохрас помолчал, сдерживая эмоции.

— Везли нас сюда как султанов: крытые фургоны, изнутри обитые шелком как шкатулки для драгоценностей, перины, мягкие как пена, дорогие игры и книги...

— А наложницы были? — быстро спросил Рем.

— Были, но мы не знали, что с ними делать, — не задумываясь, сказал Вохрас. — А еще блюда, такие, что простолюдину одно на всю жизнь отмеряно. Достаточно было подумать, о том, что ты голоден и тут же в портьеры прыгал золотой поднос. Я млею, Ролаф млею, все остальные, как ни странно, тоже млеют. Мы еще не знали тогда, что счет наш уже оплачен... Нам сказали, что это ровно на один нерест. Что башне нужна полная герметичность для зарядки от нашего излучения. И заложили вход. Нам оставили запас пищи, достаточный для того, что кормиться через день. День — мана, день — сухари. Оставили игры, краски, книги — все, что не взрывалось. Сначала мы занимались подсчетами времени, кто как мог, потом почти все позабросили. Лишь дотошный старик Перабо продолжал переворачивать суточные песочные часы, которые для нас установили эти подонки. И он это делал целый нерест. Он перевернул их ровно четыреста одиннадцать раз и столько же зарубок нанес на их деревянный каркас.

За нерест мы все насмерть друг другу надоели. Собственно первый труп появился здесь гораздо раньше, чем Перабо последний раз перевернул часы. Марез и Цалюр поцапались

друг с другом, и первый задушил второго. Жили мы здесь, и после того, как вина Мареза была неоспоримо доказана и он был изгнан в лабиринт внизу. Бедняга потом превратился в чудовище, которое вы видели внизу. Я предполагаю, что это произошло потому, что он проклял сам себя через это убийство. Когда вокруг тебя витают почти осязаемые клубы магического конденсата, нужно внимательно следить за своей кармой.

— А что будет с тем, кто убил его самого? — спросил я.

— С чучелом что ли? — усмехнулся Вохрас. — Ничего. Ему уже ничто не сможет навредить.

— Кстати, а где он? — осведомился Рем подозрительно. — Где Олечуч?

— В соседней комнате, играет с тряпичной куклой, — вполголоса проговорил Вохрас, подмигнув нам. — По-моему, у них там намечается что-то серьезное. Во всяком случае, когда я оставил их, речь шла о розах из человеческих кишок.

— Да, это он, — кивнул мне Рем.

— Что вы можете сказать про него, Вохрас? — заинтересовался я.

— Ну, он — это один шанс из миллиона, — авторитетно сказал магг. — Обычно мутация, какая бы она не была, не создает разум. Она коверкает, изменяет, но не создает ничего нового и самостоятельного. А в случае с Олечучом... Возможно чьи-то воспоминания осели на нем, и радиация преобразовала физическую память материала в самостоятельное сознание. Довольно нестабильное, но все же. Думаю его наполнил белый шум, оставшийся от распадающихся рассудков моих товарищей по несчастью. Тут затронуты основы мироздания, я не смогу объяснить вам доступнее. Интересен не только его шизоидный ум, но и то, как он вообще, лапа первого, может передвигаться! И он не просто передвигается, он силен как вол, тянущийся за морковкой... Так на чем я остановился?

— Вы изгнали некоего Мареза, — подсказал я.

— Да-да... Еще как изгнали. Но потом холодным потом обливались, когда слышали скрежет, который стал доноситься снизу. Мы боялись, что он нападет на людей, которые придут вызволять нас из башни. Как выяснилось через сотню дней — напрасно. Когда Перабо в последний раз перевернул часы, мы с болезненным воодушевлением ждали наших спасителей. Первыми не выдержали мужчины, — началась грызня, истерики и борьба за иллюзорную власть над положением. Женщины оказались покрепче и склотили собственный союз, пока самцы думали, что победитель получит их как трофей. Я не принимал в этом участия. Я ушел к Марезу. Глупость моих собратьев была омерзительна. Я не хотел думать, что отчаянье сломило их так же легко, как и обычных людей. Особенно моего Ролафа. Моего любимого Ролафа...

Серебристый ртутный шарик быстро скользнул из-под радужного глаза.

— Я умолял его пойти со мной вниз. Переждать их склоки, их крохотную гражданскую войну. Бессмысленную. У них не было никакого плана, идеи, расчета. Отчаянье пропитало их порохом, а случайная искра ссоры вызвала взрыв. Он отказался. Верил, что произошла ошибка. Возможно, для зарядки понадобился еще нерест. Или с часами Перабо что-то было не так. Перабо, кстати, был второй жертвой после Цалюра. Старик был плотно связан с ужасом. С часами. Ненавистными часами.

Они оправдывали битву тем, что пищи не хватало на всех. Мука кончалась, сухари тоже. Солониной уже и не пахло. Ролаф в свою очередь звал меня помочь. Он искренне верил тому, что происходило в его голове. Но там уже копошились змеята.

— Статуя Хладнокровного, — вставил я нерешительно.

— Да. Они пробудили ее и насытили. Хладнокровный быстро завладел их ослабленной волей. Когда все утихло, я поднялся наверх и увидел сорок шесть разнообразных человеческих смертей. В живых осталось двое: талантливая девчушка из Понк-Эйла и один молчаливый магг из Фаямана. У девчушки не было правой ноги, и тело оказалось покрыто больше ожогами, чем кожей... А парень напоминал отбитый молотком кусок говядины. Они из последних сил пытались задушить друг друга слабеющими пальцами. Я растащил их в стороны и пытался выходить поодиночке. Но как выяснилось, только чудовищная ненависть друг к другу поддерживала в них жизнь в тот момент. Потеряв из виду противника, они умерли почти сразу...

Вохрас замолчал. Лицо его, постоянно колеблющееся сотней мимических жилок, окаменело.

Мы терпеливо ждали.

Через несколько минут он продолжил:

— Это был подходящий момент для того, чтобы свихнуться окончательно. Но я убедил себя, что перед этим нужно хотя бы перетащить трупы вниз. Это отняло у меня немало времени. Но и отвлекло от необходимости впадать в беспамятство. Затем я пообещал себе, что обязательно свихнусь, как только прочитаю хотя бы парочку книг из храма. Это вновь отвлекло меня до того момента, как я обнаружил, что трупы моих друзей превратились в цивилизацию. Крохотные человечки переживали свои эры, эпохи, потрясения и открытия. Это настолько увлекло меня, что мысли об одиночестве и роковом переломе сознания, оставили меня окончательно. Прожив тут больше двухсот нерестов, медитируя и совершенствуя свой дух, я обрел способность покидать физическое тело и проходить сквозь стены, выбираясь во внешний мир. Я хожу среди людей, наблюдаю, узнаю последние новости... Невидимый и бесплотный. А потом возвращаюсь сюда. Теперь понимаете, откуда я знаю то, чего знать не должен?

Рем протяжно рыгнул, и оттолкнул миску.

— Ее больше нет, — сказал он с некой претензией на смущение в голосе.

— Ничего, новая нарастет буквально за несколько часов, — Вохрас поднялся, подошел к кадке и сбрызнул каравай водой из глиняной чашки стоящей рядом. — Время от времени поливайте его. Я составил для вас список рекомендаций и советов, — он бросил мне тубус. Внутри были свитки с обширным списком.

Рекомендаций?

1. Не ной.
2. Смотри под ноги.
3. Не спорь со стариками.
4. В неудачах — вини себя.
5. Первый слышит только благодарности.
6. Верь правде, а лжи — не верь.
7. Законов не избегай.
8. А грехов избегай.
9. Не восставай против господина.
10. Господина избирает время.
11. И не мучь животных.

И советов?

34. Плесень растет лучше, если ей рассказывать забавные истории. Очень она любит,

если в рассказе будет лошадь, гнедая, по кличке Пельмут. Растет относительно номинальной скорости на тридцать процентов быстрее.

84. Если Мыздесьвозникли (см. пункт 56) слишком сильно разовьют слизелитейную промышленность, они могут установить монополию и экономически угнетать другие народы. Следите за этим и время от времени рушьте заводики (их должно быть не больше десяти штук одновременно).

— Что это такое? — спросил я, оторвавшись от этого пугающего документа.

— Я намеренно вписал в качестве эпитафии Одиннадцать Заповедей из Инкунабулы Зверя, — скромно сказал Вохраc. — Я надеюсь, вы отыщете в этих древних строчках необходимое смирение духа. Далее идет подробный список-руководство по выжШышию в башне. Кроме того, там написано как ухаживать за цивилизацией внизу и пользоваться уборными.

Я чувствовал бесполезные уколы инстинкта самосохранения. Он подбивал меня бежать. Спихивал со стула и жалил в сердце. Он никогда меня не обманывал, и я совершенно точно знал, когда нужно отступить. Но бежать было некуда. Я глядел на сутулую фигуру Вохраcа, и пытался не расплакаться от ощущения обреченности.

— Видите ли, на данный момент выбраться из этой башни можно только одним способом, — говорил Вохраc, расхаживая по комнате. Он словно прощался с ней. Ностальгически просматривал старые записи, поправлял фигурки из дерева и сдувал пыль с картин написанных чем-то бурым и потрескавшимся. Потом начал собирать часть всего этого в небольшую кожаную сумку. — Я отыскал его сразу, как только научился покидать тело. Это пружинная катапульта, рассчитанная на одного человека. Конструкция одноразовая. Если б мы смогли отыскать его раньше, то, возможно кто-то из нас мог бы вырваться наружу и потом прийти сюда с подкреплением. Хотя... Кого же я обманываю. Сначала они перебили бы друг друга за право выбраться, а потом спасшийся просто забился бы в самую глубокую крысиную нору и... Вот вам яркий пример человечности маггов, сэр Престон, мы такие же как вы! Скажем нет дискриминации по маггическому признаку!

Вохраc неприятно рассмеялся.

Я смутно понимал, что начало происходить что-то неладное. Я не мог сказать, в какой момент это произошло, и был ли у этого события свой «момент». Меня мотнуло в сторону, как это бывает, когда кто-то запускает кулаки по касательной с твоим подбородком.

Потом я беспомощно сидел на полу. Престон крутился возле мутного зеркала. Напрягал мускулы. Тщательно осмотрел оскаленные зубы.

— Отлично, — сказал он удовлетворенно.

Я не мог не согласиться. Я всегда гордился своим телом и состоянием зубов.

— Болеешь чем-нибудь серьезным? — спросил у меня Престон. — Эх, если бы не эта рана.

— Нет, — ответил я, озираясь по сторонам.

Сознание мое дрожало, его сносило в сторону как простынь, надутую ветром. Я повалился назад и ударился головой. Тьма поднялась легким облаком и затянула последнюю картинку: Рем прыгает на Престоно, размахнувшись железным кулаком.

Что-то сухо щелкнуло, затрещало, сухолюд гаркнул и затих.

— Мне, правда, жаль, что пришлось так с вами поступить, мистер Рем, сэр Престон. Но у меня большие жизненные планы. А с таким телом, куда бы я подался? Меня бы тут же засекали Мудрейшие и засадили в банку. Да что там, я бы не пережил и нагрузок

катапультирования.

Я давно уже искренне ненавижу магию! Она мне осточертела так, как может осточертеть сапожнику обувь! Ботиночки, сапожки, туфельки, сандалии, босоножки, калоши, мокасины... Хватит! Я больше никогда не хочу слышать ее, видеть ее и говорить о ней! Я хочу быть обычным человеком со столичной внешностью и парочкой планов как сколотить себе состояние. О, у меня их вовсе не парочка! У меня было достаточно времени, чтобы придумать, как обчистить весь авторитет! Секретами сильных полниться моя память. Да, вы все поняли правильно: моя сила переходит к вам, вместе с моим телом. Однако же я советую вам не злоупотреблять ей, потому что вы не знаете, как ее контролировать. А теперь, прощайте. Возможно, вам удастся найти отсюда свой выход. Когда-нибудь. Мистер Рем вряд ли выживет, а вот вы сэр Престон... Прощайте.

— Румрууу!

Алиот расправил плавники и взмахнул хвостом. Он чувствовал, что икра в его утробе уже созревает. Скоро он сорвется с орбиты Мира и полетит в мягкую, приятно охлаждающую мглу космоса, чтобы отложить гроздь своего наследия в Великое Гнездовье.

Так поступали до него миллиарды светозверей и он не собирался изобретать велосипед. В конце концов, если бы у него были другие планы, его тут же потеснили более преданные делу сородичи.

Жизненная доктрина светозверей проста. Они всеядны и поглощают огромное количество пищи. Разумеется, для того, чтобы эта пища появилась, необходимы свет и тепло. Светозвери ищут планеты, на которых возможно зарождение еды и берутся за дело. Освещают и согревают, вращаясь вокруг планеты. А потом, при помощи самостоятельных органов пищеварения, напоминающих кожистые мешки с крыльями и щупальцами (довольно быстрых, сильных и ловких для кожистых мешков с щупальцами) собирают часть того, что выросло и начало ползать, летать и ходить. Людишки с почтением относятся к этим небесным собирателям, называют их жнецами.

Попасть под испражнения светоча всегда считалось большой удачей и верной приметой грядущих благ. И в это сложно не поверить, когда понимаешь, что разумная жизнь и повылазившее на ней бородавки культуры, это всего лишь последствия чьего-то пищеварения.

Размеры всякого светозверя таковы, что, находясь в мезосфере, он достаточно согревает родной мир, постоянно курсируя вдоль его меридианов. Обычно не больше пяти километров в холке. Случается, довольно редко, но наблюдаемо в космических масштабах, что светозверь вырастает до таких размеров, что становится супериором, и тогда планета начинает вращаться вокруг него. Понятно, что супериору нужно больше одной планеты для прокорма: он ловит от трех до двадцати миров и заселяет их все.

Как происходит заселение?

Светозверь обильно опорожняется на планету. А потом, с помощью коллективной силы своих сородичей создает вокруг мира Купол Благоприятствования. Это совершенно особое поле биотических волн стимулирующих эволюцию бактерий, живущих в священном навозе. В пределах одного нереста мир покрывается зеленью и заселяется примитивными животными. Получив первоначальный продовольственный запас, начинающий карьеру светозверь наедается перед нерестом, и оставляет перед отплытием своего наместника. Как правило, это могущественное разумное существо, которому поручена важная роль

устроителя видового разнообразия и архитектора пищевых пирамид.

— Руму-у-у!

Четвертый вышел на балкон и локтями оперся на перила. Посмотрел, прикрыв глаза козырьком ладони, в небо, где ворочался оранжевый гигант.

Никто не знал, откуда появились светозвери. Даже они сами могли поведать об этом в лучшем случае несколько неостроумных баек в стиле «сначала было слово». Они были гораздо древнее Первого и очевидно являлись истинными праотцами всего сущего. Но им поклоняться не имело смысла, ибо светозвери были настолько материальны и предсказуемы, что придумать хотя бы несколько действительно интересных библейских текстов с их участием было невозможно. Кроме того, светозверь не пользовался популярностью, потому что жнецы крали скот, зерно и толстых пейзан, от чего все любители пива и картошки с салом испытывали тягчайшие экзистенциальные мучения.

То ли дело Первый.

Не ест, не пьет, за собой ведет, всегда готов выслушать, не навязчив, и вместо коров требует исполнения одиннадцати простых правил, которые ребенок запоминает быстрее, чем имена овец в отаре отчима.

— Румру-у!

Как уже упоминалось, нашего светозверя звали Алиот. О его характере, а так же обычаях разумных светил, мы поговорим позже. А сейчас поглядим на планету, которая ему досталась.

Поднявшись выше самого хозяина, мы видим, как перистые лоскуты облаков плывут над Зрачковым континентом. Единственный материк мира Алиота, окружен бесчисленным количеством Капиллярных островов. Голубеет Белковый океан, блики скачут на отмелях, темно-синие, почти черные тоннели уходящие вглубь земли пугают океаноплавателей. Планета, словно гигантское око, не моргая смотрит в бесконечность космоса. Тысячи мелких племен населяют ее, сотни крупных народов и десятки больших наций.

Хорошее место для всяческих историй.

— Ру-у-умру-у-у!

— Ишь, р-разорался, — добродушно промолвил Четвертый.

Он отвлекся от светозверя и поглядел на Миркон.

С того момента, как жук перестал проявлять интерес к карте, прошли почти сутки. Четвертый верил в Серого. Он знал истинную силу любви к жизни. Волевою мощью бескомпромиссного, чистого, искреннего гедонизма. Серый был слишком похотлив и обжорлив, чтобы продать свою жизнь за несколько древних ловушек.

Бу-Бух!

Что-то мелькнуло над коническим силуэтом Миркона и вершину башни проглотило довольное сизое облако, вытягивающееся спиралью на северо-запад. Четвертый протер глаза и побежал, шаркая пантуфлями, обратно в комнату. Там он, присев от нетерпения, припал к карте и посадил на нее жука.

Жук потоптался на месте.

Четвертый обеими руками схватился за усы.

Жук подумал. Потом приподнял щитки и порхнул Четвертому на нос. Жесткие лапки царапали кожу.

— П-подумай еще раз!

Насекомое снова оказалось на карте. На этот раз он сразу перелетел в миску с

кореньями и занялся своими любимыми: имбирными.

Гигана.

Некоторые, особенно приезжие, думают, что это город. Столица Авторитета.

Это довольно распространенная ошибка.

Люди видят черно-алые шпили Гротеска, его грозную тушу, похожую на пеня подломившегося дерева, русла улиц и проспектов, в которых человеческий поток пениться волнами. Видят рынки, расталкивающие накренившиеся многоэтажки своей пестрой гангреной свободного заработка и свободного воровства. Восхищенно наблюдают монументы героям, имена которых они уже неоднократно слышали, но ни за что не вспомнят.

Основным показателем цивилизованности присущей любому городу являются, конечно же, продвинутые санитарные коммуникации. К ним относятся канализации и таверны. В них стекает все дерьмо, оставляя улицы относительно чистыми. В Гигане есть широкая сеть таверн «Золотая струя» и паутина подземных тоннелей, в которых жизни не меньше, чем наверху. Ведь Гигана перенаселена.

Нет, не так... Она *помоги Первый перенаселена* или сокращенно ППП.

Все хотят жить в великолепной столице Авторитета. Гигана перенаселена настолько, что, прогуливаясь по улице, рискуешь отхватить штраф за «незаконное стояние на месте больше пяти минут». Если хочешь поговорить, ступай к себе домой вместе с товарищем и болтай там. Улицы в Гигане служат исключительно для передвижения. Что немаловажно, передвижение по улице имеет свою цену. В любой момент тебя может остановить патрульный арбитр и потребовать предоставить ему пешеходный билет Уличного следования. Если вы в ответ начинаете нести какую-нибудь спотыкающуюся чушь про сменные штаны, вас тут же сбрасывают в канализацию через специальный желоб. Там вы можете передвигаться совершенно бесплатно в любых штанах.

Не удивительно, что в канализациях возникли своеобразные подземные аллеи и набережные, нависающие над реками нечистот. Люди обустроили их своими силами, чтобы иметь возможность объясниться подруге в любви, не маневрируя между потными вымотанными телами. Канализация занимает не первое место среди романтических мест, но у простолюдинов и младших клерков, которые не могут оплачивать пешеходные билеты, просто нет выхода.

То же самое происходит и на крышах Гиганы. Многочисленные фигурные мостки переброшены меж плотно стоящих домов. Здесь людей сравнительно немного, — сюда имеют доступ только силы правопорядка, высокопоставленные граждане и все те, кто может себе позволить Черепичные пешеходные билеты, которые дороже уличных ровно в четырнадцать раз. На крышах открываются свои магазинчики, кафе, дорогие одежные солоньки, и, разумеется, страховые конторы, которые буквально за несколько минут выпишут вам страховку на случай падения с крыши.

Таким образом, социальное расслоение в Гигане можно наблюдать непосредственно, просто взглянув вверх, где заключают сделки застрахованные мажориты; вперед, где средний класс пробивает себе путь к станкам и кузням; и под ноги, где из канализационной отдушны доносятся отзвуки робких волнений офисной мелочи, вроде бухгалтеров и туалетных смотрителей.

Да, это похоже на город, говорят люди. Но где же зрелища?

Церковь Зверя позволяет своей пастве развлекаться. В Гигане есть знаменитая на весь Авторитет Почти Легальная Арена, жалкие аналоги которой учреждены в каждой провинции. На ней проходят игрища собранные с мира по нитке, способные насмешить, напугать и даже возбудить. Особенным успехом всегда пользовался мячногами и эротические спектакли. Смотреть на кровавые битвы между людьми и чудовищами цивилизованные гиганцы не особо любили, потому что рвотных пакетов всегда не хватало, а прокат зонтиков был грабительской конторой, которую уже раз двести поджигали облеваннные радикалы. Почти Легальная Арена — авантюра, которая поразила своей наглостью даже Патриарха Кошкина. Она выжила только потому, что расчертила мозг того же Кошкина и Автора Сару сеткой доходных таблиц.

А где мне купить новый армяк, после посещения боев на Почти Легальной Арене? — спросит запачканный гость столицы.

Хороший вопрос.

Есть в Гигане Вечная Ярмарка. Это адское, жестокое, невыносимое место, которое проще забросать ипритовыми снарядами, чем пытаться контролировать. Новичкам там не место, строго говоря, в Гигане открыты специальные курсы, обучающие навыкам пользования Вечной Ярмаркой. Ни один приезжий не в силах отказать себе в сомнительном удовольствии побывать там.

Собираясь на Ярмарку следует запастись камнями. Только так вы в иных случаях сможете обратить на себя внимание торговца в постоянном шуме. На Ярмарке, как и в Церкви, вы очень часто говорите только с собой и с Первым.

Поэтому не забудьте гальку.

Торговец, получивший камнем по затылку, оборачивается и видит вас, затертого в толпе. Специальной системой знаков вы на пальцах объясняете ему, что вам нужно. После этого покупатель бросает деньги, а торговец — вещичку. Именно в таком порядке. Торговцы связаны кодексом, а некоторые «покупатели» только своими долгами. Следует так же заметить, что На Вечную Ярмарку следует приходить в тонкой кожаной одежде, предварительно натерев ее маслом для придания телу мобильности. Деньги нужно хранить за щекой. Если вы собираетесь произвести крупную покупку, используйте для хранения денег все складки тела, какие сможете приспособить.

Нужно четко осознавать, что двигаться самостоятельно в толпе Ярмарки у вас не получится. Там свирепствует неодолимое кольцевое течение, которое тем сильнее, чем дальше вы от прилавок. Сплаваясь по этому течению, всегда необходимо знать, где вам нужно попасть в побочный проток или рукав, чтобы не остаться с носом.

На входе вы можете нанять себе проводника. Это суровые люди, крепкие и несгибаемые, похожие на штормовые волнорезы. Они готовы умереть за ваши деньги, но такое случается редко. Гораздо чаще кто-то бывает растоптан ими. Проводник сажает вас на спину и боронит путь своей широченной грудью.

После посещения Ярмарки становится понятно, почему торговцы и купцы в Гигане носят церемониальные доспехи, отчего их часто путают с городской стражей. А лавки укреплены стальными щитами и каркасами.

Купили все необходимое? Замечательно. Теперь нужно добраться до гостиницы или лекаря, в зависимости от ваших первых успехов.

Инфраструктура Гиганы — это лотерея. Никогда не знаешь, каким образом окажешься в десятке кварталов от того места, в которое тебе действительно нужно было попасть.

Благодаря тому, что Гигана стоит сразу на двух реках, Льве и Ефврате, которые текут в разные стороны, город пронизан системой каналов. По ним курсируют знаменитые Крокодильи каноэ. Крокодилы — существа скрытные и тактичные. Они не имеют ничего общего с теми шумными постоянно подтапливаемыми посудинами, которые похищают людей с пристаней-остановок и выбрасывают их в центре с дырявым листочком испещренным магическими циферками.

Тот, кто не хочет плыть по вонючим пенистым каналам, ощущая себя частичкой урбанистической грязи, может воспользоваться услугами полуразумных зверей яхи. Эти добродушные гиганты, похожие на чешуйчатых приматов, издревле приживались в людских селениях, работая за еду и сеансы игры в покер и «двадцать одно». Некоторые даже доверяли им нянчить детей. Разумеется, отдавая себе отчет в том, что их дитя начнет выкладывать роял-флеш раньше, чем говорить. Яхи возят за собой двухуровневые повозки красного цвета, на которых в последнее время модно стало огромными корявыми буквами писать что-нибудь вроде «Маи куры, самые яйцастые, чесна-чесна! Пакупайте маих кур и ихних курят! Маис Курко, куриные фермы».

Чтобы прокатиться, нужно взобраться по лестнице на крепкую широкую магистраль, которая нависает над улицами и служит исключительно для перемещений транспорта. Плата за проезд всегда одинакова и не зависит от инфляции. Два профиля. Первоначально яхитаксисты брали плату едой, но пассажиры жаловались на запах и прочие последствия того, что водители постоянно ели, и делали это на ходу.

Но самый экзотичный способ передвижения, к которому прибегали опаздывающие на собственную свадьбу неудачники, были, конечно, аэролинии короткого радиуса «Нетопырь». Эта компания обнаружила свой потенциал еще тогда, когда первая летучая кошка схватила и подняла в воздух свою первую человеческую жертву. Прирученные летучие кошки очень выносливы и готовы питаться всем, что хозяин сможет соскрести с мостовой любого пищевого рынка. Стандартная нагрузка кошки три человека плюс пилот, который сидит у нее на загривке. Пассажиры во время полета отдыхают в кожаном гамаке.

Недавно люди начали приручать для передвижения новых животных, так называемых ло-ша-дей, что в переводе с плебского наречия означает «помоги мне забраться». Выглядят они довольно странно и постоянно стригут ушами, что чрезвычайно нервирует. Популярностью ло-ша-ди не пользуются, зато поездка стоит сущие гроши. Все равно многие считают, что у этих животных в транспортной сфере нет никакого будущего. Куда как лучше привычные седловые игуаны, у которых ушей нет вообще. Кроме того, игуаны не потеют, не так сильно пачкают мостовые и могут обходиться без еды по несколько месяцев.

— Клянусь Первым! — скажет высадившийся на незнакомой улице и окончательно потерявшийся гость столицы. — Это действительно город!

Ничего подобного.

— Гигана не город, — сказал незнакомец, протирая собственную рюмку с рисочками собственным носовым платком, таким же раздражающе белым, как и все его одеяние. Тугие перчатки, дорогой вечерний костюм и широкополая шляпа с сетчатой паранджой, которая покрывала медный затылок с татуировкой в виде широко открытых глаз. — Гигана не город, — повторил он и поднял рюмку на свет. — Мне сюда, — он поставил рюмку на салфетку. Сам он тоже сидел на горке салфеток, которые аккуратно разложил на стуле, прежде чем сел.

Бармен «Золотой струи» № 8 посмотрел на него с плохо скрываемой враждебностью.

Гость контрастировал с бурой палитрой зала настолько резко, что хотелось окатить его грязью из помойного ведра, дабы непривычный очаг белизны и санитарии не отпугивал посетителей.

— Ага, — донеслось из нечесаной бороды трактирщика. — Это мы знаем.

Он предпочитал не спорить с клиентами. Особенно с такими. Глаза гостя, бесцветные, казалось, совершенно матовые, напоминали расплавленный воск. Лицо словно вытесано из дерева. Ничего не происходило на нем, неподвижно лежали невыразительные угловатые черты. Только слабо шевелились губы, пропуская неожиданно четкую речь.

— Вы даже не спросите, почему я так считаю? — спросил гость, наблюдая, как бармен взбалтывает содержимое бутылки.

— Вам виднее, — сказала борода, слегка встопорщившись.

Трактирщик наполнил рюмку и только тут сообразил, что не поинтересовался у клиента, что именно нужно было налить. Он даже не подумал об этом. Годами натасканный рефлекс не сработал. Бармен просто взял белый коньяк Брунно и наполнил рюмку ровно до второй рисочки. Все это произошло так, словно его с утра донимали указаниями по поводу алкогольных предпочтений человека в белом.

Трактирщик суеверно упомянул Первого и сказал:

— Извините, милейший, не удосужился спросить...

— Это именно то, что мне необходимо, — мягко приостановил его человек в белом.

Борода мелко задрожала. Бармен знал, что бывает, когда наливаешь маггам. Даже если у них в печени целый выводок паразитов. Церковь скармливает некуморкам руку дающую так споро, что не успеваешь даже как следует наложить в штаны.

— Не волнуйтесь, — сказал магг, чуть смочив губы коньяком. — Это моя единственная рюмка на сегодня. Никто ни о чем не узнает.

— Бу... — подобострастно колыхнулась борода.

— Так на чем мы остановились? Ах, да... Гигана не город. Это огромный зверь, который давно уже живет независимо от нас. Это и есть воплощение Первого. Темный, зловещий аватар. То же самое можно сказать о других мегаполисах, в которых из-за перенаселения человеческое лицо теряет значимость своей уникальности. Обесцененный инфляцией душ, человек превращается в крохотную кровяную клеточку, которая слепо течет по артериям города. Отныне он способен только на стихийные решения. Он полностью подчиняется биению сердца, которое сокрыто где-то в каменной груди Гротеска. Некоторым это кажется достойным сожаления. А вам?

— Гы...

— Ну, разумеется, моя маленькая кровяная клеточка, — магг пил, окуная кончик языка в коньяк. Язык был раздвоен как у змеи. Трактирщик выкатил глаза. — Сейчас ты думаешь лишь о том, как бы я поскорее убрался отсюда. Ох, как же я устал от этого. Вот ты, кудлатая обезьяна, неужели тебя ни разу не посещало желание задуматься хоть над чем-то за границей твоей стойки? Ты представляешь себе, насколько ты инертен? Нет. И это твое единственное спасение. Я не виню тебя. Ваша Гигана — эталон безнадежности. По всему Авторитету действуют маратории на рождаемость — вас не должно быть много. Запрещена эмиграция — вы должны сидеть на месте. И только здесь в столице, поощряется и первое, и второе. Потому что Гигана должна быть хорошо защищена невежеством, злобой и деньгами. И чем больше здесь народу, тем прочнее скорлупа безнадежности. Никто из вас не в силах увидеть общую картину. Церковь не дает вам этого сделать. А картина такова — уже

несколько веков вы топчитесь на месте. Цензура проглатывает любые новшества, которые пытаются разбавить засыхающую грязь вашей цивилизации. Гигана сегодняшняя почти ничем не отличается от гиганы четырехста нерестов назад. Представляешь, клеточка? Еще несколько сотен нерестов, и вы начнете откатываться назад. Это будет время, когда званые вечера в высшем свете начнут вонять рыбой и шкурами.

— М-му...

— Да-да. Извини. Мне не стоило все это на тебя взваливать. Знаешь, в действительности я ведь просто хотел поболтать. А тут опять ваши предрассудки. Страх перед огнем. Перед всем, что вы не в силах подмять под себя.

Магг закрыл восковые глаза и вылил остатки коньяка, несколько капель, на стойку. Потом подумал и затер их салфеткой.

Трактирщик сунулся влево, чтобы взять бутылку Брунно, а когда снова повернулся к маггу, того уже не было. На стойке лежал идеально круглый золотой шарик. Трактирщик тут же прихлопнул его ладонью как муху и алчно спрятал в карман. Потом хлебнул из горла и отер тыльной стороной ладони холодный пот.

Кто бы ни был этот незнакомец, слова его имели смысл. Действительно, Гигана была воплощением стагнации. Ничего не происходило в ней значительнее вечерней газеты. Любой хаос был фикцией, любые потрясения — бесполезны. Ничто не могло поколебать такую толпу, где любого человека можно было незаметно убрать из общего мельтешения. Образование Гиганы было примитивным и сугубо прикладным. Гуманитарных наук почти не существовало. А что может взволновать человека не имеющего воображения? Только отсутствие насущного: хлеба и зрелищ. Зрелища были, да и хлеба было в достатке. Ровно столько, чтобы снабжать им бесперебойно.

Казалось, что некая сила намерено сдерживала развитие Авторитета.

А, впрочем, только ли казалось?

— Эй, эй, Вохрас!

— ...

— Каша говорит, чтобы ты дал ему пощечину.

Шлеп.

— Мрэ!

— Дай еще одну.

Шлеп.

— Мрэ! Хва...

— Терапия действует!

Шлеп, шлеп, шлеп.

— Ай! Хватит!

— Нужно помочиться на него. Говорят, это помогает поднять человека в девяти случаях из десяти.

Я вскричал и отполз к стене. Уперся лбом в холодное и гладкое. Приподнялся на дрожащих руках и разлепил веки. На меня глянул Вохрас, какой-то белесый и разреженный, словно смотрел через ледяную пластину. Я отпрянул и уселся на пол, ощущая как кости перетирают зад. Силуэт Вохраса стал вовсе смутным, а лицо почти неразличимым. Царапая пальцами пол, я глядел на собственное отражение в подслеповатом зеркале.

Тут меня схватили сзади за отстающие складки на хребте. Рем перевернул меня как

котенка и подпер мой нос кулаком. Глаза его горели бешенством.

— Куда ты дел Престона, гусь сушеный?! Отвечай! Если с ним...

— Рем, — устало сказал я, положив руку ему на плечо. — Это я.

Он перехватил мою кисть и завернул как сырое полотенце.

— Клянусь Первым, это я, Престон! Кре... А-а-а-а! Желтоухий, я тебя взгрею так, что клеймо свое разглядишь!

— Откуда мне знать, что ты не Вохрас? — сомнение разозлило Рема еще больше.

— Первый, да просто вспомни куда я пополз в первую очередь, после того как очнулся! — выпалил я остервенело.

— К зеркалу... — проговорил Рем. — А ведь точно. Как новорожденная черепашка на запах соли. Престон, gahana terek, так это ты?

— Руку отпусти, желтоухий! — взмолился я сквозь стон.

— Ага. Но как...

— Почему я знаю, — прошипел я, выпрямляя скрюченное запястье. — Хрустит как хворост. Какая-то клятая маггия. Ему нужно было мое тело. Вохрасу. Чтобы выбраться. Иначе его бы сцапали Мудрейшие.

— Так отсюда есть выход?

— Уже нет. Был одноразовый механизм для выброса наружу. Да и то, поди разбери, где он.

Рем уселся на булки и принялся чем-то ворочать под серой копной. Глаза его ходили по кругу. Он достал трубку, набил ее рваными свитками и закурил. Я глядел на него, находясь в состоянии почти кататоническом. Чувство обреченности наползало медленно, растягивая один крепкий вопль в длинный, тонюсенький стон.

Рем кивнул чему-то своему и уверенно заявил:

— Престон, у нас проблема.

Удивительно, но это мгновенно вывело меня из ступора.

— У нас проблема?! — заорал я, буквально не своим голосом, неловко вскакивая. Сделал несколько шагов и упал, чуть не разбив локти и две правые коленки. — У нас есть какая-то проблема?!

— Да, кости Первого, — сказал Рем, мрачно заталкивая в рот шарик плесени. — Получается, что Вохрас поменялся с нами местами. Мы заперты в башне!

— погоди, — я схватился за опрокинутый стул как за спасательный круг и приподнялся, опираясь на сухие дубовые ножки. — Давай не будем паниковать... То, что мы здесь застряли, это кошкино вымя, пустяки, по сравнению с тем, что у меня, двести тысяч раз змей подери, две правые ноги!

— Мы застряли здесь, хрен знает на сколько, а ты все за свою рожу переживаешь!

— А что я буду без нее делать?!

— У тебя было еще пиво и бабы, без которых мы здесь засохнем, как два слизня на стене! Перед кем бы ты здесь красовался, олух?! Может меня бы невзначай соблазнил?!

— Может и тебя!

— Тихо! Каша засыпает.

Я посмотрел на Олечу. Он нежно баюкал на согнутых руках маленькую тряпичную куколку с длинными соломенными косами.

— Ой-ой-ой, — прошептал я, выпучив глаза. — Извини. Клянусь, мы с Ремом не хотели мешать.

— Каше, — подсказал Олечуч ревниво.

— Да, — я улыбнулся. — Каше. Рем, давай выйдем и поговорим в другом месте.

Оставив манекен наедине с его шизофренией, мы прошли дальше по коридору, в разгромленный алхимический зал. Я еле тащился, меня постоянно сносило вправо, суставы болели, невероятно зудело в заду, и вообще я чувствовал себя старой развалиной. И, что самое печальное, это было совершенно нормально. Я чувствовал стоны и жалобы своего тела. Оно давно готовилось к смерти, но равнодушные силы магии не дали крови остыть, а сердцу завалиться на бок. В нем постоянно что-то перестраивалось таким образом, чтобы продлить жизнь еще на один вдох. А потом еще на один. И еще... Внутренности прогуливались по утробе, как горожане по бульвару.

Это было ужасно.

В лаборатории, на осколке змеевика, сидел Цыпленок и ловил клювиком выплывающие из трубки пузырьки.

— Надеюсь, тебе мы не помешаем? — осведомился я желчно.

— Циф, — безразлично ответил Цыпленок.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, — сказал мне Рем.

Я перевернул упавший стол и уселся на него. Нет, все-таки с такими тощими ягодицами, сидеть можно только на подушках.

— Раз знаешь, тогда я помолчу, — ответил я и махнул рукой.

Рем едва успел увернуться. Сизый сгусток шкварчащего пламени, скользнул с моих пальцев и разбился о стену.

— Ух ты, — выдохнул я. — А ну-ка.

Я махнул еще раз. На этот раз у меня забурчало в желудке и что-то противно запищало в носу. Я икнул и вдруг вытолкнул из пасти языком какую-то мокрицу. Это было настолько неожиданно и мерзко, что я отпрыгнул назад и повалился на пол вместе со столом.

Рем проводил взглядом удирающую тварь и помог мне подняться.

— Там внизу, — сказал он твердо, — есть библиотека. А в этой библиотеке — книги. А в них — знания. Ты что-нибудь придумаешь, я уверен.

— Он сидел тут четыреста нерестов, — заныл я. — Четыреста. Это четыре раза по сто. Или сорок раз по десять. Или...

Рем схватил меня за челюсть и посмотрел в глаза. Прямо, безжалостно, как умеет это делать отпетый вор-рецидивист и мошенник. А еще друг. Действительно уверенный в моих способностях. Я никогда не спрашивал у Рема, уважает ли он меня. Именно потому, что он иногда смотрел на меня этим верящим взглядом.

— Лазно, — сказал я, с трудом размыкая сжатые пальцами губы. — Лавно. Я пофробую.

— Вот и отлично, — кивнул Рем, отпуская меня. — Я пока осмотрю башню. Что-нибудь должно найтись.

Я спустился в библиотеку. На серых полупрозрачных листах человеческой кожи появились закорючки, бесконечная мелкая вязь без пробелов. Я никогда не видел ничего подобного, разве что, глядя на долговые расписки моих коллег. Но там я хотя бы мог различать цифры.

Мне казалось, что знание должно прийти само, что это часть обучения. Долгое, медитативное изучение каракуль.

Нет.

Я лежал на мозаичном полу, среди раскиданных книг и глядел, повернув голову, на

статую Хладнокровного. Долго, быть может целые сутки. Или больше. Много больше. Мне не хотелось ни пить, ни есть. Только вернуть все как было. Нет, не просто оказаться на задворках Смеющейся Тени, под теплым свиным боком. Я хотел обратить свою жизнь до того самого момента, как отцовская статуэтка легла прохладной тяжестью мне в руку.

Первый камушек.

Подумать только, эта жалкая статуэтка была тем самым первым камушком, что повлек за собой ужасную, грохочущую лавину невероятных последствий, эпилогом которых стало то, что я лежу сейчас в лоне древней проклятой башни, в теле магга. Такого же древнего и проклятого.

Я обречен на долгую мучительную смерть. В лучшем случае я превращусь в мясной тефтель. В худшем, меня размажет по полу каким-нибудь Мыздесьизпрестонавылезли. А еще я вынужден буду смотреть на то, как умирает от старости мой друг Рем. Хотя, скорее от голода. И трезвости. И воздержания.

И слушать, как над нами смеется Олечуч.

Хо-хо-хо...

Одна статуэтка.

Ха-ха-ха...

И никакой надежды.

Хи-хи-хи...

Я закрыл глаза.

Глава 8. Теория выживания

«В этом мире меня беспокоит три вещи: правительство, моя печень и то, как некоторые люди интерпретируют слово «целеустремленность»

Мисут Птах, убийца, насильник и философ.

Миумун двигался по периферии Вечной Ярмарки.

Здесь было не так шумно, как в ее чреве, можно было идти самостоятельно и вдыхать чаще, чем раз в три минуты.

На его спине покоился широкий бронзовый щит.

Миумун рассеяно рассматривал товары и поглядывал на летучих кошек, которые кружили над этой местностью в надежде стащить прилавок с чем-нибудь съедобным, или, хотя бы собаку, сторожащую стойки оружейника. Собака истошно скулила и пыталась зарыться в каменную мостовую.

Гигант преисполнился жалости. Он подошел ближе и простер над ней свою длань звероукротителя, длань мудреца способного управлять животными, одного из тех великих героев, которые в пике своей силы брали в тиски разума волю огромных некуморочьих стай и двадцатиметровых бергеров.

— Воспылай мужеством! — властно молвил ей Миумун.

Собака вздрогнула и прекратила метаться. Посмотрела на чужака в тигровом балахоне с видом крайнего недоверия. Заметно было, что она не рада встрече с сумасшедшим. В небе вскричала от голода летучая кошка. Собака взвизгнула и снова принялась метаться, пытаясь выцарапать сточенными когтями двухсоткилограммовую гранитную плиту.

Миумун вздохнул и отправился дальше.

Да, он был звероукротителем. Более того, он был первенцем! Представителем древней и могущественной расы, которая нечувствительно управляла всем этим подгнившим миром. Вот только... Кое-что мешало ему манипулировать животными больше крупной крысы. Кое-что. Миумун уже надел под капюшон свой защитный шлем, поэтому под тканью ничего не шевельнулось от смущения.

— Рыба! — с надрывом орал торговец, потрясая огромным полотняным штандартом. На нем была нарисована некая тварь, отдаленно напоминающая рваную рану после удара рогом. Еще там были настоящие рыбы потроха, присохшие к штандарту, торговцу и половине прилавка. Миумун никогда не мог взять в толк, зачем торговцам рыбой собственные опознавательные штандарты. Это было все равно, что рядом с бушующим пожаром поставить табличку «Осторожно! Огонь! Горячий огонь! Говорю вам!».

— Рыба! — орал торговец с одной, точно выдержанной интонацией паникующего человека, чтобы привлечь побольше внимания. — А какая рыба! С жабрами! Жабрами и хвостом! А какие жабры! Красные! Красные жабры и хвосты! А какие хвосты! Что грудь, что хвост, в одну толщину! А какая толщина...

Когда Миумун проходил мимо, торговец вдруг заглох на полуслове, резко выпрямился и уронил штандарт. Тот медленно подался вперед, упал на прилавок, и перевалился на мостовую, огрев нескольких прохожих по голове.

— *Миумун!* — рявкнул торговец рыбой.

«А, з-з-змей», еле слышно прошипел первенец, тут же выправляясь, отряхивая рукава и

потуже перетягивая огромный кушак. Он почтительно приблизился к торговцу рыбой и поклонился:

— Да, Великое Оно.

— *Я не могу говорить долго. Светозверь угнетает меня, так что слушай внимательно.*

Это правда, что в Оружие проникли посторонние?!

— Да, Великое Оно.

— *Они все еще внутри?*

— Да, Великое Оно.

— *Ты задействовал местных агентов?*

— Да, Великое Оно. Все под контролем. Я готов к любому исходу. Просто неприятное происшествие.

— *Я в этом не уверено. Ты знаешь, что в Гигане объявился Реверанс?*

— Да, Великое Оно.

— *Ты понимаешь, куда он направляется?*

— Да, Великое оно.

— *Миумун. Не смей мне врать.*

— Нет, Великое Оно.

— *Что, нет? Не врешь или не знаешь?*

— Нет, значит, не знаю, Великое Оно.

— *А он идет к Оружию. Миумун, почему я узнаю об этом раньше тебя, ленивая скотина? Эти крысы выели твои крошечные мозги?*

— Нет, Великое Оно. Я остановлю Реверанса!

— *Не трогай его. Торкену угодно знать, что он задумал на этот раз. И связано ли это со вторжением. Если он узнал об Оружии, мы не дадим ему воспользоваться им.*

— Слушаюсь, Великое Оно. Тогда что же мне делать?

— *Просто наблюдай. Такова воля Оригинала Колосса. Я закончило.*

Торговец некоторое время стоял с открытым ртом, потом омертвелый взгляд его наполнился тонкой струйкой сознания, и он неуверенно произнес:

— Рыба?

— Конечно, — мрачно отозвался Миумун. — Конечно, рыба. Не волнуйся, все уже закончилась.

Торговец преданно посмотрел на него и протянул большого, раздувшегося окуня. Миумун, поколебавшись, взял рыбину за хвост и пошел дальше, держа ее на вытянутой руке. Он понимал, что взял этот вонючий морской деликатес по инерции и теперь сожалел.

Вдруг он заметил, что вокруг него собираются дети. Они выпрыгивали, казалось бы, из ниоткуда, как зловещие горные гремлины, покидающие невидимые глазу пустоты в породе. Они шли рядом, выжидающе поглядывая то на рыбу, то на железную маску под капюшоном Миумуна. Забегали вперед, подозрительно улыбаясь и показывая пальчиками куда-то вверх.

Миумун заволновался. Детеныши поздней расы были крайне агрессивны и опасны. А еще грязны и заразны. Агент Торкена помнил еще, как его раб чуть не умер в жутких страданиях от какой-то инфекционной дряни, подцепленной от ребенка. Эта ребятня пыталась хватать его за полы балахона, но Миумун отмахивался карпом и кричал:

— Брысь, брысь! Пошли! Кши! Идите, поиграйте с ло-ша-ди-ным трупом вон в той канаве. Это очень интересно, уверяю вас!

Дети не отставали. Только хихикали и разбегались из-под замахов карпом.

— Да что же вам нужно, в конце концов?! — вскричал Миумун разъяренно. Он уже прикидывал, не призвать ли полчище крыс, которые за секунды обглодают тонкие кости, но тут дети, видимо, утомленные непонятливостью человека в маске, начали кричать, перебивая друг друга:

— Дядя! Ну, покорми!

— Кого? Вас? Да жрите, подавитесь этой тухлятиной!

— Кошку!

— Кошку покорми, дядя!

— Летучую!

Миумун остановился. Он посмотрел в небо и понял, наконец, в чем дело.

Все любят летучих кошек.

Раскрутив руку с карпом, первенец зашвырнул его вертикально вверх. Рыбина полетела, тяжело переворачиваясь через голову, и была подхвачена стремительно спикировавшей кошкой. Тут же на нее налетела вторая, третья, началась воздушная драка за подачку, полетели рыбы потроха и разноцветные клочки шерсти. Дети взревели от восторга. Миумун одобрительно хмыкнул. Воздушный бой летучих кошек действительно очень красивое и завораживающее зрелище.

Миумун спешно миновал детей и пошел дальше, тревожно оглядываясь и ощупывая руками воздух. Он чувствовал следы Реверанса.

А Реверанс чувствовал Миумуна.

Он ощущал его злобу, его раздражение, а более всего — отвращение. Враг редко покидал свое поместье, он ведь так ненавидел людей, вообще все, с чем соприкасалась Поздняя раса. Это был вернейший признак того, что тигровая шкура прочесывает улицы Гиганы. Реверанс не любил только грязь, распространяемую людьми, а Миумун искренне презирал весь род человеческий.

Человек в белом чувствовал, что его след уже взят и враг тащится за ним.

Первенец стоял напротив Миркона, глядя на его вершину, и отвлеченно поглаживал подставленную щетинистую макушку пещерного некуморка, сидящего рядом. Некуморк урчал и довольно сучил жилистыми ногами.

«Ты трус. Ты настолько труслив, Престон, что из-за тебя проседает средний показатель отважности по всему Авторитету. Ты настолько труслив, что любое оружие в твоих руках превращается в селедку. Да, Престон, ты такой трус, что завтра кролики и газели возьмут штурмом Гротеск, и будут сражаться с алтарными некуморками (смех аудитории)...

Щелк.

...и к последним новостям. Сегодня, на площади Трех Троиц террорист организации «Вегетарианцы — спасители мира», публично сжег корову, которую хотели пустить на забой. «- Люди не должны есть мясо, — сказал он нашему корреспонденту из-под начальника местного патруля, — потому что наши предки слезли с пальм, на которых мясо не росло...»

Щелк.

— Знаешь что, Фредди?

— Нет, а что?

— Жизнь — сложная штука.

— Ух ты.

— Да. И, кстати, убийца — дворецкий.

— Черт с ним, так что ты там говорил насчет жизни?..

Щелк.

...всего девяносто девять кредитов, и этот замечательный размягчитель мозговой коры с функцией блокирования нейромедиаторов и уничтожения клеток глиа...

Щелк.

— Здравствуй Престон.

— Вельвет.

— Ну как ты, бандит?

— Бывало и лучше, любовь моя. Все еще злишься на меня?

— Немного. А ты все еще меня любишь?

— Определенно. Могу рассчитывать на то же?

— Не думаю. Ведь ты такой трус Престон, что если тебя отправить в космос, ты будешь принят за сигнал бедствия...

(громовой смех аудитории)

Я в ужасе открыл глаза.

В храме никого не было.

Тихо, почти не слышно, шепталась сама с собой статуя Хладнокровного. Правая голова уговаривала Левую что-то чем-то заполнить, а Левая принуждала Правую кого-то куда-то низвергнуть. Шептались они не переставая, но очнулся я не от этого.

— А ну заткнитесь! — крикнул я, приподняв голову.

Змей затих. Похоже Вохрас в свое время успел даже выучить ее каким-то немудрящим трюкам, потому что статуя мелко затряслась и поменяла цвет с голубого на ярко-желтый.

Стало тихо, и я прислушался. Звук, выманивший меня из оцепенения, не повторился. Я закусил нижнюю губу голой десной и попытался задуматься над чем-нибудь хорошим. Внутри черепа, звеня и перекачиваясь, упала всего одна мыслишка, похожая на старый истертый пятак. Вельвет. Мал золотник, да дорог.

Раньше у меня была хотя бы надежда.

Я со всхлипом вздохнул и рукой нащупал одну из книг. Потащил ее к себе и поднял над глазами. Ничего не изменилась. Белиберда.

— Быловаспропасаракантаперунта, — прочитал я с выражением.

Откуда-то сверху повеяло паленым. Потолок покрылся частой сеткой кровавых капилляров, послышался клекочущий звук и взволнованные голоса невидимых детей. В воздухе повисли соленые брызги слез. Мелькнула фигура девочки в безобразном расслаивающемся платье.

Я уныло зевнул и швырнул в гостью книгой. Та попала ей по заднице. Девочка жутко ойкнула и исчезла. Остальной морок растаял.

-..? — удивился Проглот.

— Посмотрел бы я на тебя, — угрюмо отозвался я, перевернувшись на правый бок. Взял еще одну книгу и прочитал, теперь уже без всякого выражения, подвывая от зевоты и сбиваясь на уродливых переходах от согласных к гласным: — Самгаралдатыпростокамасапрапрх.

Что-то тихонечко заверещало. В воздухе появилось изображение странного плоского

мира, похожего на фанерные театральные декорации. На маленькой платформе стоял человечек с копьем, довольно обще детализированный и напоминающий скорее угловатую картофелину. Над ним висела надпись: «начать новую игру?».

— Начать, — неуверенно сказал я.

Заиграла простенькая трехтональная мелодия. Человечек стоял на месте. Я приподнялся и сел, подоткнув под зад расползшееся тряпье. В правом верхнем углу картины я заметил надпись «управление».

— Управление, — сказал я.

Поверх большой картинки появилась маленькая: «вперед — вперед, назад — назад, вверх — вверх, вниз — вниз, удар — удар, прыжок — прыжок, поцеловать принцессу — поцеловать принцессу».

— Гм, — сказал я с интересом. — Назад. Начать новую игру.

Ничего более затягивающего я в жизни не видел. Человечек двигался по этому плоскому миру, повинаясь моим голосовым командам. Мы повергали врага за врагом, одолевали хитроумные движущиеся ловушки и ловко перепрыгивали через ямы с острыми кольями на дне. За это мне начислялись какие-то цифры. Я не мог понять, для чего именно они нужны, но чувствовал уколы азарта, когда счетчик увеличивался.

— Престон, какого змея ты делаешь?

— Рем, иди сюда, тут можно играть вдвоем!

— Я же сказал тебе... Ух ты. Он что, тебя слушается? погоди, я сейчас принесу плесени.

Тик-так, тик-так, тик-так...

— Что вы делаете, мотки артерий?!

— Поцеловать принцессу! Поцеловать принцессу!

— Рем, мы же договорились, что вместе сделаем это!

— Присоединяйся, я же не против!

— Каша, не смотри.

-..!

— А, змей, Престон, держи таз с плесенью!

Но было уже поздно. Проглот, тужась и с присвистом пыхтя, раздавил челюстями трехсотнерестовый каравай и принялся перемалывать его как карьерный гранит. Я швырнул в него ритуальной чашей и завалился назад.

Рем попробовал на вкус одну из книг, выбросил ее, и приземлился рядом со мной.

— Нам конец, — сказал я бодро.

— Нет, — ответил Рем почти весело.

— Вам конец, — сказал Олечуч, вставая позади нас. — Сначала вы будете убеждать себя, что все обойдется. Потом съедите всю кожу, которую сможете найти. На этих шкурах вы некоторое время продержитесь. А когда они кончатся, один из вас, отупевший от голода, убьет второго. Совокупиться с ним. Потом залезет в утробу, вытянет кишочки и будет медленно, смакуя...

— Затк... пасть захлопни... нись, — возразили мы с Ремом.

— Вы обещали мне воинов, — продолжал Олечуч, нервно расхаживая по храму. — Обманули, *обманули!* Ну, ничего, у меня ведь еще остались вы. Я постараюсь растянуть удовольствие. Я заслужил. Слишком долго. Кия! А где Пако? Берем палку в руки, удар снизу и вверх, снизу и вверх. Резче! Ву-ак!.. Возможно, буду отрезать вам по одной полоске плоти

каждые двадцать пять минут. Только подумайте. Только представьте себе, гумусные мешки. Вся оставшаяся жизнь для вас разобьется на эти равные осколки сознания, наполненные мучительной, невыразимой болью.

— Да, нам точно конец, — выдохнул Рем, потирая переносицу.

— ...горячую, струящуюся боль!

— Олечуч, — бросил сухолюд.

— Кия?

— Тебя нельзя выпускать отсюда.

-..?

— Тебя тоже.

— Тихо! — воскликнул я. — Звук повторился!

— Какой...

Звук, словно за стенами змеиться бесконечное, тяжелое тело. Острые чешуи высекают искры из метеоритного камня. Я следил за ним глазами, медленно передвигаясь следом по храму. Оно ползло наверх.

— Оно движется, — сказал я возбужденно.

— Кто? — спросил Рем.

— Он уже начинает сходить с ума, — маниакально проскрипел Олечуч.

Не обращая на него внимания, я поковылял наверх, через склад, добрался до жилых помещений. Оно уже было здесь. Оно словно держало меня за локоть. Я бы чувствовал портовую шлюху под боком гораздо менее явственно, чем это существо сейчас. Мне даже показалось, что я увидел под опущенными на секунду веками лоскут чего-то белого. Невероятно, необъяснимо, подозрительно белого, словно затертый в угле, но чистый носовой платок.

Я пробрался к комнате Вохраса, и почувствовал, что оно там. Вышел в дверной проем и сразу же встретился с ним глазами.

Некто в белом костюме.

Персонажи в таких одеждах встречаются на древних фресках, что тихонько осыпаются в храмах Первого. Иероглифами древнего языка, эти фрески говорят людям, ныряющим лбами в каменный пол: «То Первенцы — господа — белые — чистые — высшие».

Об их расе немывтым позднеорожденным, почти ничего неизвестно. Только каноны Инкунабулы. Гласят они, что Первенцы появилась когда Первый был еще молод и здоров, а его утроба породила сильнейших и могущественных зверей. А Поздняя раса — на исходе сил, уже в болезненных судорогах последних потуг.

Первенцы крайне не любят Позднюю расу. Почему? Церковь говорит, что за грехи против Заповедей Первого. И это отчасти верно, если учитывать, что именно Первенцы и придумали эти заповеди.

Авторитет существовал не всегда. Нет. Эта угрюмая непоколебимая громадина родилась семьсот нерестов назад.

Сначала все было относительно весело, куча больших и малых королевств, ютящихся на Зрачковом континенте, игриво грызлись друг с другом, задорно перебежали с места на место, строили из глины и сучьев свои пробные государства. За несколько десятков нерестов они разваливались сами собой, потому что не было идеи, которая могла бы удержать хаотичные людские души вместе.

Сначала Первенцы наблюдали за этим с интересом. Потом с беспокойством. Затем, когда переселения народов начали задевать их исконные вотчины на юге Зрачкового континента, они поняли, что допустили ошибку, позволив Поздней расе просто так, подобно хомякам, распоззаться и давать помет. А помет люди давать умели.

Первенцы могли размножаться только в определенное время, из-за чего их численность всегда была ограничена. Естественный отбор был против размножения по праздникам. Не удивительно, что расплодившееся люди стали угрожать безопасности Первенцев.

Разумеется, у Ранней расы была пара проектов на этот случай.

Сначала они пытались застрвить людей зверьми, над которыми имели мистическую власть. В то время среди людей еще не встречалось сильных звероукротителей, позднерожденные трепетали перед полуразумными хищниками и травоядными, гордыми, непобедимыми и не приручаемыми. Никто не смел поднять копье на Ранних. Поэтому, когда из лесов к людским поселениям вышли армии зверей, поздние оказались фактически в безвыходном положении. Человечество безмерно чтит жителей леса, и открытое противостояние означало крушение многих догм и языческих верований. В общем-то, оно так же означало почти верное поражение человечества на Зрачковом континенте, ибо зверей тогда было куда больше. Они были агрессивнее и крупнее.

Для Ранней расы это была почти беспроигрышная партия.

Но тогда Первенцы допустили свою первую ошибку.

Используя зверей как посредников, они потребовали у человечества уничтожить всех детей младше десяти нерестов и в дальнейшем строго следить за рождаемостью. Стоит заметить, что с их точки зрения это было вполне разумное требование и ответить на него, опять же, по их мнению, люди должны были смиренным согласием и пониманием. Змея с два. После этого люди ожидаемо взбесились и началась такая резня, что леса и прилегающие к ним зоны пустовали на протяжении сотни нерестов, пока природа разрасталась изнутри, а люди возвращались в оставленные города. Тогда исчезли целые виды. Герои людей повергли хищников, а травоядные были пленены и приручены первыми людскими звероукротителями. Со временем они отупели и стали обычным скотом, который нынче пасся и вялился, не помня своего древнего наследия.

Это был серьезный удар по самолюбию Первенцев. Но они не решились напасть на истощенных людей, потому что больше всего ценили собственные жизни. Даже случайная, смерть первенца не допускалась.

Это была вторая ошибка.

Люди довольно быстро восстановили свою численность, и все началось заново. Тогда настал черед Пенной чумы. Мало кому известно, что этот жуткий штамм, сгноивший в свое время половину населения Зрачкового континента и успевший проникнуть даже на Сайский архипелаг, был создан именно Первенцами.

Долгие нересты Пенная чума жила в домах простолюдинов, дворян, королей, всех, кто дышал воздухом. Горели целые города. Стаи черных птиц заполнили небо. Они искали пиршественные столы, ориентируясь по гигантским столпам дыма. Ничего страшнее не происходило с этим миром, даже чудовищная война Зверя не смогла проглотить столько человеческих жизней.

Людей тогда спасло лишь то, что Пенная чума была слишком эффективна. Население гибло так быстро, что Южные королевства, вымерев почти на две трети, не успели занести штамм в отдаленные Северные поселения. А потом появилась панацея, которую начали

разносить магические бабочки. Облака пестрых насекомых летели над опустевшими городами, кашляющими улицами и стенающими домами.

И чума отступила.

Оказалось, что группе молодых маггов, которые впоследствии стали основой Мудрейших, удалось найти лекарство. Это была еще более убедительная победа людей над Ранней расой.

После этого Первенцы, начиная догадываться, что люди заслуживают свое право на размножение, начали атаку иного рода.

Основная проблема была в отсутствии порядка расселения. Бесконечные территориальные войны, войны за каждый зеленый луг, споры над горсточкой чернозема и сотни безумных корольков, вот, что раздражало Первенцев больше всего.

Раз уж людей не удалось извести, их нужно было хотя бы стабильно контролировать.

Первенцам предстояло вывести идею, которая смогла бы сплотить все человеческое население Зрачкового континента и подчинить его воле всего лишь одного правителя. Первенцы, искушенные в искусстве, и хорошо знающие языческие религии, создали одну мощную, неопровержимую веру. Религию, которая в сердце своем была ничем иным, как серьезной системой контроля населения.

Так появилось Учение Первого. Настоянное на мелких верах, оно предписывало людям объединиться, ибо разделение на народы есть великое зло, которое жестоко карается Первым — создателем, породившем все живущие ныне существа. Ибо человечество — единый вид, который не должен делить себя ни по цвету кожи, ни по разрезу глаз, ни по словам. Людидолжны создать одно, единое и могучее государство — Авторитет. Авторитет сей, будет руководим Автором, человеком, разум которого не одинок, но поддерживается духом Первого и советами Первенцев.

Разумеется, предполагалось, что советов Первенцев в голове Автора будет куда больше, чем духа Первого и собственного разума. В конце концов, люди будут подчиняться себе подобному гораздо охотнее, чем скрытным и чуждым существам.

Согласно Инкунабуле большое почтение к Первенцам завещал Первый, а также поклонение шести Алтарным Зверям. Ими стали Некуморк Хищник, Бык Кормилец, Лун Мудрец, Орангутан Хохмач, Кошка Великолепная и Пес Преданный.

Первенцы ловко использовали войну со зверьми и пришествие Пенной чумы как примеры гнева первого зверя и запустили новую веру в мир людей с сотнями проповедников, щедрых на красивые речи.

Война Зверя началась с крохотных тлеющих междоусобиц, первых столкновений язычества и новой могущественной религии. Они вспыхивали язычками пламени, становились жарче, расползались дальше обугливающим фронтом. Юг вспыхнул относительно легко, его всегда населяли воинственные, беспощадные народы, которые легко принимали воодушевляющие идеи. После Пенной чумы им особенно не хотелось испытывать терпение Первого.

Когда фанатики насильно причастили весь Юг, огромная армия двинулась на Север, который стоически сопротивлялся в своих древних традициях новому слову. Это была крупнейшая битва за все время существования человечества. У этой войны не было хитрых маневров, долгих позиционных противостояний и сложных планов. Юг просто навалился на Север. Бесчисленная армия, взбешенная, охваченная одной идеей, как былой чумой, вторглась на земли Севера и в многодневной битве одержала верх.

После этого он открыл глаза. Пока еще маленький, милый Авторитет. Он начал расти, организовываться, и вырос до самых берегов Белкового Океана. Все прошло по прямой плана первенцев. Теперь они через Автора и Гвардию Авторитета управляли всем населением Зрачкового континента.

Он смотрел на меня, казалось, совершенно равнодушно. Но я видал стеклянные шарики, гораздо более похожие на настоящие глаза, чем то, что поблескивало под его надбровными дугами. Лицо незнакомца, похожее на посредственную работу папы Карло, несомненно было личиной.

Я приветственно поднял руки вверх, и комната наполнилась мыльными пузырями.

— Очень мило, — тихо сказал первенец. Голос у него был как у самого доброго в мире существа. Почему-то я ощутил стыд и робкую симпатию. — Я люблю необычные приветствия. Здравствуй, Вохрас.

— Э-э-э... Да.

— Присядь, у меня к тебе важный разговор.

— Ну, конечно. Я сейчас присяду. Сам, знаешь ли, люблю посидеть вот так. Поговорить. Сидя.

Я поискал глазами стул, но единственное в комнате кресло-девушка, было занято первенцем. Тогда я, недолго думая, сел на пол и принял нагло-раскованную позу. Когда не знаешь, как себя вести — веди себя уверенно.

— Мое имя Реверанс, — сказал первенец все так же ласково.

Мне срочно нужно было как-то отреагировать. Желательно с аномальным пафосом и сверхъестественным чванством.

— Кто ты есть, Реверанс? — прошамкал я с несказанным высокомерием.

— Если тебя интересует мое происхождение, то я уроженец Торкена и его изгнанник. Кроме этого, могу тебе сообщить лишь то, что я магг, как и ты. Я здесь за тем, чтобы сделать тебе деловое предложение.

Он сказал что-то еще, но я слишком сосредоточенно возился со словом «Торкен». Видите ли, каждый человек, каким бы он ни был авантюристом или сорвиголовой, рассчитывает на некую предсказуемость в своей жизни. Пускай даже минимальную. Ему нужны гарантии, что за ним не придет первенец с неким «предложением».

— Возможно, тебе удастся меня убедить, — произнес я с нечеловеческим самомнением.

— Убедить, — повторил первенец снисходительно. — Видишь ли, я пришел сюда, чтобы посмотреть в каком состоянии башня. Я не знаю, как ей управлять, но надеялся разобраться на месте. Однако, ее сломали. Система прицелШышия катается вниз, в лабиринте.

Я вспомнил золотой глобус, и мне стало не по себе, как будто это именно я оторвал его и сбросил вниз.

— Починить настолько древний механизм я вряд ли сумею, — продолжал Реверанс. — И не потому, что он сложен, просто у меня не хватит времени. Кстати, насчет времени. Скажи, сколько ты провел здесь?

— Э-э-э...

— Завтра исполнится триста восемьдесят нерестов ровно, — не дожидаясь ответа, сказал первенец. — Триста восемьдесят лет здесь, в безнадежном заточении, заложником непробиваемых стен, которые останутся такими же холодными навсегда. Возможно, когда-

нибудь ее и снесет неведомая, новая сила. Снесет вместе с твоими останками. Ты ведь не бессмертен Вохрас, поверь, я точно знаю. Я вижу, сколько осталось твоему исковерканному телу. Оно давно уже жаждет смерти, и ты чувствуешь это. Но продолжаешь накачивать себя непроверенными заклинаниями, словно воздухом, хотя твое тело тощает гораздо быстрее, чем ты экспериментируешь. И ради чего? Ради призрачной надежды, рано или поздно освободиться. Кроме этой надежды у тебя больше ничего не осталось. Я могу тебя освободить, если ты мне поможешь.

Неужели опять? — подумал я, наполняясь старым добрым, выдержанным, как дорогое вино, предчувствием беды. Когда-то я уже купился на уговоры Вельда. У меня, казалось, не было тогда выбора. Сейчас меня покупал первенец и делал это ничуть не хуже Магистра гильдии воров. И снова я не видел иного выхода. Я всегда был не слишком прозорливым.

Крестец жалило даже в чужом теле. Похоже, душа у меня располагалась ближе к заднице.

Интересно, как бы на моем месте ответил Вохрас? Судя по тому, с какой скоростью он исчез из башни, он, не задумываясь, ответил бы:

— Хорошо.

— Не сомневаюсь, — добродушно покивал Реверанс. — Ты ведь очень умен для человека. Воистину, я искал медь, а нашел — золото. Сколько же в тебе пассивной энергии. Если б я только узнал о тебе раньше. Но, как? Украсть пульт управления от этой старой развалины было куда проще, чем догадаться, какое сокровище в ней дожидается старину Реверанса.

Он говорил сам с собой. Я кашлянул.

— Работа несложная, — мгновенно очнулся первенец. — Видишь ли, важны даже не твои таланты, а ты сам... твое, так сказать, естество, если, конечно, в твоем теле еще осталось хоть что-то естественное.

— Будут хоть какие-нибудь подробности? — спросил я без особой надежды.

— Нет. Не сейчас. Я понимаю, что ты шокирован. Не до конца понимаешь, что происходит. Но я не могу уйти с пустыми руками. Я всегда быстро приспосабливаюсь и беру из жизни то, что она может предложить. А ты — истинный подарок.

— Куда мы пойдем?

— Вохрас...

— Я имею право знать. Хоть два слова!

Первенец издал шипящий звук.

— Ну, хорошо. Соленые варвары.

— Кости Первого!

— Престон, держись!

Рем впрыгнул в комнату и упал на пол как граната, резко развернулся, выпрямился, и швырнул в первенца железным блюдом. Реверанс сделал слабое движение рукой, словно сгонял с кисти муху и снаряд метнулся назад, рикошетом угодил в вентиляционный механизм Вохраса.

Завращались рейтузы.

— Это сумасшедший, — сказал я расстроено. — Ума не приложу, как этим двоим удалось пробраться ко мне в башню, но факт есть факт. Два расхитителя гробниц. Одного сожрал мой ручной монстр, а второй от ужаса помутился рассудком. Я решил оставить его... Все лучше, чем одному. Вы должны понимать, господин Реверанс. Видите, какой он

преданный? Защищает.

Рем всегда был смекалистым парнем. Он поглядел на меня и спросил:

— Какого змея?

— Ну что смотришь, убогий, — со вздохом спросил я. — Ничего в головенке не было, а теперь и вовсе дует. Не видишь, к нам пожаловал важный гость. Он заберет нас из башни. Да, повезло тебе. И недели тут не пробыл. Ты вот что: чем нападать на освободителя, лучше пойд охранника моего приведи. Черного того, большого. Которого ты боишься. Пойди, пойд...

— Прес... — начал Рем, поморщившись.

— Пойди приведи, идиот! — гаркнул я. — А то превращу в трусы и буду носить не снимая!

Сухолюд невозмутимо почесался и взглянул на первенца.

— Эй, есть чего пожевать?

Реверанс тихо усмехнулся и сказал:

— Непременно угощу тебя на пристани засахаренными мидиями. А пока ступай, выполни приказ мастера.

— Мидии, — уточнил Рем, прицелившись в первенца указательным пальцем. — Я запомнил.

И он ушел, бодро насвистывая «Веселого волшебника».

— Любопытный менадинец, — проговорил Реверанс дружелюбно. — Он совершенно здоров, Вохрас. Просто притворяется. Скажи ему, что не станешь его убивать, и пусть перестанет разыгрывать из себя дурачка. Тебе понадобится толковый слуга. Ну, так что, ты готов?

— Я хочу... Собственно, как мы будем выбираться из башни? Я хотел бы взять еще...

Я запнулся. Просто попытался представить, что могут сотворить с этим миром Олечуч и Проглот. Какие грани мироздания могут навсегда исчезнуть в бездонной глотке, и сколь много людей, подпоясанных оружием, кончат жизнь от руки набитой соломой и гравием. Кадык напрасно скользнул в пересохшем горло.

Но с другой стороны.

Если б Олечуч не уничтожил Рогоголового.

Если б Проглот не имел такого длинного языка.

Я сейчас мог покинуть башню только благодаря им, а, значит, и они этого заслуживали.

— Я хотел бы взять еще моего телохранителя и зверюшку.

— Это допустимо, друг мой, — не стал возражать Реверанс. — Это все?

— Да. Может быть, еще узелок с пожитками.

— Что ж, — Реверанс поднялся, словно перетек в осанистую стойку, — поторопись. Собери все необходимое и выходи. Я буду ждать тебя на поляне. А сейчас приготовься, я буду управлять башней. Будет очень шумно. Не бойся, это всего лишь механика и работа неживых двигателей. Никаких проклятий. Все будет хорошо.

С этими словами он достал из кармана небольшой прямоугольный предмет с набором блестящих пупырышков и надавил на один из них.

Мне захотелось заорать от ужаса, потому что Миркон задрожал так, как дрожит любая башня, готовящаяся потерять веру в вертикальное положение.

— Ай, помогите, — проскулил я.

Судя по моим ощущениям, башня опускалась вниз. Делала она это с максимальным

драматизмом, рыча и содрогаясь так, что, будь у меня зубы, челюсть повыщелкала бы их один за другим.

Под конец Миркон довольно долго скрежетал и крутился вокруг собственной оси. Затем с жутким ударом встал в какой-то подземный паз и замер. Метеоритный камень продолжал дрожать и нервничать. Он еще не знал, что это не конец шутки. Реверанс нажал на второй пупырышек и стены начали расходиться в сторону тремя лепестками. Я закрылся руками от струй песка и мусора. Упавший сверху свет обжог мою шкуру, и Реверанс быстро накинул на меня старый балахон.

Стены никли все ближе к земле и, наконец, легли на нее тремя огромными желобами, придавив вершинами деревья. Смертоносной иглой торчал платиновый шпиль.

Стоял прохладный полдень конца Откорма. Пугливо верещали птицы, злобно выли лесные жители. Светозверь ворочался в небе, полный икры и планов на отпуск. Вялый, одышливый ветерок скользил у меня меж лодыжек, почти не тревожа драную юбку балахона.

— У-кхе, — чихнул я, шурясь из-под пыльного капюшона, наползающего на нос.

— Я не стал делать этого сразу, — проговорил Реверанс, глядя на мою жалкую позу готового к смерти шахматного коня. — Подумал, что могу слишком сильно тебя напугать. Знаешь, в этой башне вместе с тобой была заключена в своем роде тонкая ирония. Первенцы построили ее, чтобы контролировать континент. Но в результате в ней возрос ты. Неожиданная величина, очень полезная миру.

— Спасибо, — никогда в действительности не знаешь, как ответить, когда тебя называют неожиданной величиной.

— Поторопись, — еще раз предупредил Реверанс. — Нас преследуют.

— У-кхе? То есть, я хочу сказать, уже?

— Да, — Реверанс ласково потрепал меня по макушке, как понятливого песика. — Уже. И поверь, с этими первенцами тебе лучше не встречаться. Они уничтожат тебя сразу, как только поймают.

— У-кхе! Но за что?!

— Просто за то, что ты нужен мне.

— Так-так.

— Но в действительности, тебя следует уничтожить потому, что ты угроза их правлению. Просто они еще этого не знают.

— Ах, вот оно что. У-кхе!

— Ты расстроен?

— Просто позабыл, куда запрятал планы на скорую гибель. Ты знаешь, в какую сторону бежать?

— Знаю. Нам необходимо добраться до центральной пристани Ефврата.

— Вохрас! — крикнул Рем, появляясь на другом конце раскрывшегося этажа.

Следом за ним появилась черная глыба Олечуча. Он шел раскинув руки в стороны, издавая звуки, которые не ждешь услышать, по крайней мере, до приближения к воротам Ада.

— Нам придется идти через город?! — в отчаянии воскликнул я. — Хочешь заработать на парне с двумя правыми ногами? Ты ведь могущественный волшебник, открой какой-нибудь портал или подними нас в воздух!

— Я открою портал лишь до самого города. Порталы на пустом месте создавать сложно даже мне. Ты, вероятно, хотел бы соединить наши усилия, но магии Первенцев и людей имеют разные мировые регистры и несовместимы. Ты ведь должен знать это.

— Гм. Ну. За все это время многое...

— Вохраc! Какого змея произошло?!

— ... позабылось.

— Вохраc!

— Для тебя я господин Вохраc! Э-э-э... Червь!

— Да-да. Эй, ты! Да, ты, в белом! Как тебя там?! Верерамс? Где мои мидии, Верерамс?!

— Каша! Каша! Смотри, мертвый зверь! Какая прелес-с-сть... Кто? Никогда о нем не слышал.

-..! (треск ломаемого дерева)..!

— Впервые в жизни мне кажется, что я смущен, — произнес Реверанс, глядя на моих сопартийцев сквозь паранджу. — Ты уверен, что хочешь взять их с собой?

— Эх...

— Хорошо, я не буду тебя искушать, — сказал первенец. — Сейчас я открою портал. Времени на сборы не осталось. Наш враг уже слишком близко.

— Насколько близко? — спросил я, начав озираться по сторонам в поисках вооруженных фигур, мелькающих меж стволов.

— Ежи! — заорал вдруг Рем.

— Он уже здесь, — спокойно ответил Реверанс, надевая на руки плотные рукавицы, расшитые алмазными нитями. — Хм. Ежи. Миумун, ты, как всегда, жалок.

— И змеи! — добавил Рем, уже почти у меня под боком.

— А вот это уже серьезней, — сказал Реверанс, совершая рукавицами сложные пассы. Со всей поляны, окрестного леса, быть может со всего мира, к нам потянулась душная, колючая сила, которая злобно кусала Реверанса за рукавицы, пыталась жалить его и жечь. Рукавицы задымились.

Тем временем, к нам со всех сторон сползлась армия маленьких озлобленных зверюшек. Сплошной фыркающей ордой семенили ежи, меж которых струились тугие змеиные тела. Шуршали скорпионы, сверху над нами собирались эскадры синиц, воробьев и галок.

Я попытался найти смысл в происходящем. Рем сидел на плечах у Олечуча, который с воплями носился по ежам. Проглот нервничал, он никак не мог найти позиции, с которой он мог бы контролировать всю пищу сразу.

— Реверанс! — запищали над нами синицы. — Тебе запрещено появляться на Зрачковом континенте, и ты это знаешь лучше, чем свое имя! Не знаю, зачем тебе этот мешок с костями, но помни, что мы все время следим за тобой. Великое Оно будет осведомлено о твоих действиях. Оставь волшебника здесь и убирайся!

— Нет, — просто ответил Реверанс.

— Тогда пеняй на себя, — немедленно пропищали синицы.

— Ты не сказал мне ничего нового, — вполголоса проговорил Реверанс. — Вы немощны и ничтожны. Вы разменяли свою честь на бесконечные струны правления. Делай что хочешь. Жалуйся, кому хочешь. Ты даже не знаешь для чего это нужно. Это всего лишь привычка. Жаль зеркала могут показать лишь ваши ожиревшие хари! Кроме этого, вы ничего не способны увидеть в них. Вохраc!

— А? — встрепенулся я, путаясь в балахоне.

— Все готово, зови своих слуг.

— Э-э-э, рабы! Рабы! Немедленно ко мне, мы уходим. Проглот, к ноге!

Как ни странно, Олечуч тут же подковылял ко мне и, сбросив Рема на траву, с хриплыми возгласами, принялся нанизывать на шипы наголенников ежовые шкурки. Проглот радостно носился вокруг, преданно заглядывая в глаза своими драгоценными камнями. На его шкуре появилось несколько зеленых веточек и подрагивающие хвостики.

— Реверанс! Змеи!

— Уже.

Первенец снял рукавицы и набрал пригоршню песка из мешочка на поясе. Развеял ее перед собой. Песок оседал на чем-то невидимом, имеющем форму пожеванного бублика.

— Внутрь, — сказал Реверанс.

Я зажмурил глаза и бомбочкой прыгнул в центр портала.

А пока организмы Престона и его товарищей (во всяком случае, даже из Олечуча полезла солома, хотя у него организма никогда не было) с невыносимыми, адовыми муками, проходят через сито пространственного полотна, мы опередим их молниеносное появление в Гигане. И заглянем в Золотую Струю № 13, что на углу здания налогового управления Малой Кривоватой улицы.

Более унылого и несчастливого места вы еще не встречали.

Собственно, сама таверна выглядит как обычно, те же утвержденные рекламной коллегией вывески, похожие на обломки фанеры, оставшиеся после кораблекрушения. Те же узенькие окошечки, в которых наслоения копоти давно стали гораздо крепче стекла. Та же типовая планировка помещений, специально спроектированная для удобства разгона пьяных драк и отплясывания довольно примитивного, но популярного у плебса танца «Присядь-встань-присядь». И даже мухи в пиве неотличимы от своих товарок в самой разудалой и веселой Золотой Струе № 2.

Но здание налоговой службы, похожее на гигантский нарост-паразит, а также относительная близость к брокерской конторе, родильному дому, кладбищу и бирже труда, делает Золотую Струю № 13 логовом упадка, депрессии и градаций серого цвета. Здесь пропивают последнее, заливают тоску, топят скорбь. А стоит какому-нибудь кретину вломиться в печально-певучие створки с фальшиво-торжественными воплями «всем по кружке, я стал отцом», как его хватит по затылку нуаровая безнадега. И он, утерев вмиг набежавшую на глаза поволоку, бухнется задом на стул, а после вялыми губами спросит рюмку чего-нибудь ядовитого.

Эта безнадега копилась в Золотой Струе № 13, стряхнутая с мокрых шляп, вытолкнутая из легких вместе с табачным дымом, упавшая на столик с одинокой горькой слезой и, разумеется, пузырящаяся с остатками пива на дне не первой за сегодня кружки.

О нет, Золотая Струя № 13, это не то место, где вам придется быть разогнанным из-за пьяной драки или от души, с придыхами и потом, сплясать «присядь-встань-присядь». Нет, друзья, только не здесь, не под этим портретом грустной собаки, который нехотя висит над стойкой бармена.

В этом месте можно и нужно сетовать на жизнь, корить остальных в своих неудачах, размазывать слезы по впалым щекам, и задавать Первому риторические вопросы вроде классического «почему я?» или, что не реже, «за что?». Вы, конечно, можете и посмеяться... Но только иронически. Или истерически. Над своим очередным несчастливым билетом, разбившейся на скачках ло-ша-ди, которая унесла в ло-ша-ди-ный рай ваши последние деньги, вырученные с продажи дочкиного платица.

Идеальное место, чтобы без оглядки жалеть себя и отдавать жизненную инициативу этому проклятому приживале Визерсу, который ничего не делает, а получает все. Все что принадлежит вам! Принадлежит по праву! Потому что вы как белка в колесе... Сначала этот приработок после колледжа, потом знаешь, такая работа вошла в привычку. Думал, что буду расти... Я метил в это кресло, ну ты знаешь, ловил слова начальства как пес палочки. А потом этот... Как его... Все время забываю его гаденькую фамилию. Как хвост у ящерицы... И... А эта стерва говорила что-то про шалаш и рай, а потом укатила на карете. Еще, да, оставь бутылку... Й-еэк!

И вот вы уже на полу и над вами нависает громила похожий выражением лица на усталого священника, работающего при холерных бараках.

Сложно сказать, сколько барменов и официанток умерло от тоски в Золотой Струе № 13. Во всяком случае, текучесть кадров была ужасающая, из кладовок постоянно пропадали веревки, из посудомоечных — мыло, а крыс тут не случалось уже очень давно, поэтому отравы для них тоже шла в дело.

Нынешний бармен был близок к инсульту. Он походил на подвижный соляной столп, который сомнамбулически натирал тряпочкой чью-то лысину, храпящую на стойке. Кроме этого, сказать о нем было в целом нечего, разве еще то, что сейчас ему предстояло обслужить молодого человека, бодро усевшегося на высокий стул у стойки.

Бодро? — не поверила безнадега.

Да. И мало того, этот молодой человек улыбался. При этом улыбался он не последнему упущенному шансу отыграть закладную на дом, а какой-то милой, сладостной мечте, которая порхала в его черепе. Ее можно было заметить по искоркам, играющим в ясных зеленых глазах, которые смотрели на бармена чуть ли не с любовью.

Какого змея? — рассвирепела безнадега.

И она с мрачной решимостью ударила прямо в центр оптимистического огонька в душе парня.

Бздынь!

К изумлению безнадеги никакого оптимизма в парне не оказалось. Там была другая безнадега, но настолько странная и непривычно пахнувшая, что становилось не по себе. Эта, другая безнадега, в ответ на удар местной хозяйки даже не шелохнулась, только звякнула как металлическая болванка. И тут стало видно, что она срослась с волей, такой живучей и стойкой, что ее можно было бы использовать вместо сердца и половины внутренних органов.

Парень даже ухом не повел.

На вид ему было нерестов двадцать пять, он был тощ, почти тщедушен, длинноволос и награжден самыми нелепыми ушами в мире, похожими на люгерные паруса, наполненные стремительным ветром приключений. На плечах он носил горбик, какой бывает у офисных работников. Шею окольцовывал четкий голубоватый след от ошейника. Грубые и решительные черты лица, некогда красная (но теперь скорее розоватая) плотная кожа и прозрачные волосы, выдавали в нем редкого жителя Авторитета — Соленого варвара. Быть Соленым варваром в Гигане, все равно, что быть кусочком скорлупы в яичном пироге. Пока на тебя не наткнулись, все отлично, но стоит тебе попасть на зуб, как разражается такая трагедия, что недоеденный пирог летит к змею, а тебя с мстительной жестокостью растирают в муку чайной ложкой.

В общем, было довольно странно, что этот парень сидел здесь за стойкой в дорогом

деловом камзоле, явно чужом, потому что тот висел на нем как сарафан на оглобле. Даже обтягивающие атласные трико, которые были удушливым кошмаром для любых бедер, брюзгливо морщились.

Чокнутый самоубийца, — решила пристыженная безнадега и отправилась глушить жалкие крохи света, пробивающиеся сквозь наслоения копоти на окнах.

Как бы то ни было, парня звали Вилл, и он не был сумасшедшим, во всяком случае, вопли Олечуча он бы не понял.

История Вилла была подходящей для Золотой Струи № 13, однако он не собирался жаловаться, а просто хотел выпить стакан горячего соленого чая перед дорогой в Центральный Порт Ефврата. Там он намеревался украсть любую доступную лодку и отправиться вниз по реке до самого Белкового океана, чтобы там найти своих...

Однако обо всем по порядку.

У-о-о-о-у-у, вот колыхнулись сушеные китовые языки в хижинах старейшин отсека Красных Касаток, щелкнули акульи челюсти, и рыбки в бассейне притаились в черепах гвардейцев Авторитета. Немногие выжили тогда, в предрассветный час, когда не ушло еще в глубинные верзи и трети лавовых кальмарчиков, и свет их ходил над спокойными водами.

На поселение напали каперы Авторитета.

Их интересовали жемчуга и рабы. И ром. Но, в основном, конечно же, рабы. А жемчуга они все равно потом отдали торговой барке в обмен на ром, который уже упоминался в третью очередь.

С рабами можно было заняться множеством интересных вещей. Например... Ну, например, выгодно их продать.

В то время как все взрослые мужчины и женщины были расстреляны из инфузеров, восемнадцать орущих от ярости подростков в проволочных сетях забросили в пропахшие долгими путешествиями трюмы.

Каперы сбывали их в приморской провинции Хойху и отправились дальше по своим каперским делам, а Вилл и семнадцать его соплеменников оказались в положении экзотичного товара, который больше разглядывают, пробуют на ощупь или незаметно отрезают кусочек на память. Но не покупают. Собственно Соленые варвары не были таким уж редким предложением, но обычно те каперы, которые еще понимали, что ром должен играть в крови, а не наоборот, привозили на торг безобидных послушных туземцев с отдаленных капиллярных островов. И эти туземцы не имели никакого отношения к мускулистым краснокожим мордоротам. И, уж конечно, никто никогда не занимался продажей Соленых варваров в оптовых количествах.

Да, когда-то Вилл был именно таким. Мускулистым и краснокожим. Хотя ему было всего пятнадцать нерестов отроду.

Замечая, что товар залеживается, работорговец по дешевке сбыв варваров на местную почти легальную арену. Там они довольно быстро заняли лидирующее положение и свели на нет всякую интригу соревнований, чем привели в первобытную ярость местные тотализаторы. Чтобы уровнять шансы варваров калечили и мучили, выпускали на бой со связанными руками или ногами, а иногда вообще спутанных козлом. Против них бились взрослые гладиаторы Авторитета, которые показывали себя не лучше, чем беспомощные братья и сестры Олечуча.

Виллу доставалось больше всех, потому что это был несгибаемый, решительный юноша, который плевался так метко и пронзительно, что его надзиратель окривел в первый же день

их знакомства. После этого надзирателю выдали защитные очки и железный телескопический кнут.

Больше всего Вилл переживал за варварок. Неспособность помочь им вызывала в нем такую ярость, что со временем его начали выпускать на арену, только лишив сознания путем мощного удара по затылочной области. Впоследствии девушек купил какой-то султан, мерзкий, как и его божество, Скарабей.

Подозревая, что султан купил прекрасных варварок вовсе не для боевого спарринга (во всяком случае не в буквальном смысле), Вилл стал еще яростнее, чем раньше. Он нарушал правила, бросался на трибуны и пускал к змею заказные бои. Тем же отвечали хозяевам его соплеменники. В конце концов Вилл поднял гладиаторское восстание, которое потом для хроники назвали его именем, чем окончательно разочаровал воротил арены.

После того как Хойху потушили, а восстание вытаспили из таверн и бросили обратно в клетки, варваров решено было отправить в Гигану, где Церковь практиковала усмирение особо буйных зверей специальными ошейниками. Эти ошейники были сделаны из желез паука-няньки. Натирая шею, они пускали в кровь носителя успокаивающий фермент.

Самый свирепый некуморк становился похож на большую, покрытую волосом морковку.

Спрашивается, кому нужны двенадцать, не считая проданных девушек, морковок в набедренных повязках? Налоговый Акт Гиганы купил их, почти не торгуясь. А все потому, что Соленые варвары всегда великолепно умели считать. Это было у них в крови, вместе с постоянной жаждой и стремлением к звездам.

В общем варвары отлично умели считать и после того, как они радостно пустили слюни, поглаживая новые ошейники, их определили на самую тяжкую, кропотливую и каторжную работу в Акте Налогов. Сведение дебета с кредитом. Ничего страшнее для человека нельзя было выдумать. Люди превращались в уродливые механизмы, без эмоций, идей и отпуска по семейным обстоятельствам.

День-деньской несчастные варвары во главе с Виллом, назначенным старшим бухгалтером, крутили колесо доходов переплывающих в расходы, которые приходили к взаимозависимости только после мучительных мозговых потуг. Дыхание превратилось в одни лишь выдохи, голос и речь в бормочущий шепот. Любовь и ненависть — в бесконечные «сходиться», «не сходиться».

Они спали прямо в здании налоговой, на старых мешках, набитых неверными отчетами и ведомостями. Питались «завтраками, обедами и ужинами офисного работника», которые представляли собой разного цвета кирпичи из спрессованных микроэлементов и шелухи.

Шли нересты. Варвары гибли один за другим от тоски и надорванных извилин, а Вилл выживал раз за разом, день за днем, квартал за кварталом, нерест за... И так далее, в общем счете десять долгих нерестов. Вилл, из уверенного крепыща, эталонного представителя своей расы, превратился в сохлого, болезненного мотыля, вычислительную приставку.

И все-таки он оставался Соленым варваром. Заваленные квартальными отчетами воспоминания о былой жизни, мерцали в нем как чахнувшие угольки. Он никогда не терял надежды на освобождение. Только эта надежда, да воля, крепкая как панцирь гигантского лобстера, довели его до этого высокого стула и стойки, над которыми находился его *бывший* кабинет.

И только благодаря двум этим упорным дамочкам он сейчас был...

— Свободен, — прошептал Вилл.

И потер двумя пальцами след от ошейника.

Он освободился от него полчаса назад.

Наверху, в его *бывшем* кабинете, сейчас лежало тело старшего инспектора Проспера, которого Вилл оглушил призом «лучшему бухгалтеру 438-го нереста». Таких призов в кабинете Вилла было еще девять штук с 28-го по 38-ый нерест включительно.

Никто не мог предположить, что воля может на равных бороться с секрецией паучьих желез. Вилл копил силу для этого рывка десять нерестов. Десять нерестов он кропотливо собирал крошки несогласия и свободолюбия, которые оставались после умиротворяющей волны транквилизаторов. Он прятал эти крошки глубоко в подсознании, чтобы примитивная химия организма не смогла добраться до них и сделать такими же стерильными как все желания Вилла.

И вот, наконец...

Ошейник оказался на удивление прочным. Вилл с некоторым сожалением поглядел на кости своих предплечий. Под кожей что-то неявно шевелилось, когда он напрягал мускулы.

Ошейник пришлось перепилить пряжкой от ремня Проспера.

Избавившись от ненавистного кольца на шее, Вилл переоделся в одну инспектора и просто спустился вниз. Никто из остальных работников налоговой не обратил внимания на ускользнувшего из бухгалтерии Вилла. Они все были слишком заняты тем, что мечтали о лучшей жизни и жалели себя. Даже охранник на проходной, краем глаза заприметивший фиолетовые ткани камзола, чуть приподнял зад и открыл Виллу дверь, так и не оторвавшись от созерцания репродукции картины «кормящая мать».

Вилл прожил над Золотой Струей десять нерестов, но видел ее всего пару раз. А внутри и вовсе никогда не бывал. Ему очень хотелось пить. Так сильно, что предплечья свело судорогой.

Подозревая, что в тавернах должны подавать что-нибудь похожее на горячий чай, Вилл зашел внутрь, и теперь сидел за стойкой, ясными глазами глядя на бледного, трясущегося бармена.

— Чай, — коротко сказал ему Вилл.

— Придется подождать, — плаксиво выдохнул бармен. — О, Первый. Никогда ничего подобного у нас не заказывали. Один чай, — слабо крикнул он в сторону кухни. — Вам с ромом? — спросил он у Вилла, подмахивая пальцем слезы, накотившие на подбородок.

— Без.

— Без рома, — чуть слышно взвизгнул бармен в сторону кухни.

Там кто-то тоскливо выругался.

Вилл ждал. Он понимал, что погоня весьма вероятна. Что дураки бывают разные. Некоторые очень неплохо умеют в самый неподходящий момент обнаруживать исчезновения варваров-бухгалтеров и лишённые сознания тела инспекторов в красном нательном белье.

Тем не менее, после освободительного рывка, он чувствовал, как его тело пытается сделать вид, что оно отошло по делам и скоро вернется. Транквилизатор за десять нерестов въелся в сами кости Вилла. Теперь организм неуверенно покашливал, в нерешительности поигрывал желудком и нервно сжимал сердце. Разум тем временем пытался вспомнить, как следует обходиться с живой накаленной злостью.

Вилл взял из побитого стакана перед собой зубочистку и сломал ее пополам.

Потом еще одну.

Это помогло.

— Зубочистки... — всхлипнул бармен, — ...не для этого... поставил.

Он сполз по боковине стойки вниз, сел на полу, обхватив колени, и залился горячими слезами.

Вилл перегнулся через стойку и посмотрел на него с некоторым изумлением. Он начинал понимать, что с этим местом не все в порядке.

И здесь уныние, — подумал он спокойно.

Если б Вилл мог и хотел красиво говорить, он поделился бы с барменом, со всей этой прокисшей забегаловкой секретом совершенной защиты от депрессий.

Он бы сказал им, что всякая депрессия имеет в своей условной структуре нижнюю точку. Это не ее причина, но то, что дает ей возможность пожирать сознание. Слабенькая подсознательная надежда на жалость и сострадание. Она есть всегда. Всякий стонающий плакса в глубине души уверен, что мир обязан рано или поздно потрепать его макушке и сказать что-то вроде: «ах, бедняжка, как же я перед тобой виноват, ведь ты лапушка...». Потом принято начинать ныть вдвое громче, чтобы утешения становились ровно в два раза увереннее.

Ирония в том, что лекарство от тоски срастается с возбудителем перемычкой, они как две вишенки, растущие рогатинкой. Нужно четко, с родниковой чистотой понять, что никто, ничего тебе не должен. И что помощь, как и материя не появляется из ничего. Никто не стремится тебе помогать. Ты один в этом мире, хотя бы потому, что в твоей голове только один настоящий голос. Твой собственный. И всем действительно на тебя наплевать. Да, это правда. Кроме мамы. Нет, надежды нет.

Если все сделать правильно, то депрессия начинает подсыхать, а потом шелушится и отваливается. Разум все-таки в чем-то заменяет людям инстинкты. Убедившись, что процесс самооплакШышия не имеет смысла, он заряжает тебя мрачным спокойствием, которое похоже на формалин.

Начинаешь понемногу жить так, как у тебя получается.

Копить силы для рывка.

Искать подходящую острую пряжку, чтобы разрезать свой ошейник.

Так бы сказал бармену Вилл. Ему и всей этой прокисшей забегаловке.

— Ваш чай, — срывающимся голосом объявила официантка. — Печенек?

— Нет, — качнул головой Вилл.

Он придвинул к себе солонку, свинтил с нее крышечку и высыпал все содержимое в железную, жирную на ощупь кружку.

Официантка всхлипнула и покачнулась на подгибающихся коленях.

— С вас два медных профиля.

Вилл, молча, полез в кошель инспектора и положил на поднос золотую монету. Официантку мотнуло, как будто Вилл бросил туда пудовую гирю.

— Сдачи не надо.

— Вы очень щедры, господин.

Вилл, наслаждаясь и смакуя, пил круто посоленный чай и представлял, как будет добираться до пристани. Бармен с ужасом глядел на его блуждающую улыбку...

А еще, добавил бы Вилл снисходительно, нужно всегда помнить, что жизнь в любой момент может стать гораздо, гораздо хуже.

Хрясь! — распахнулись входные створки.

Время в таверне загнулось и остановилось, уставившись в одну точку. Те посетители, которые еще могли привстать, привстали. Те, кто мог только приподнять голову, тоже привстали. Спящие беспокойно заворочались во сне: им приснилось, что с этой минуты они навсегда завязывают с пойлом.

Потому что на танцполе Золотой Струи стояло существо, из хребта которого торчал фрагмент памятника... э-э-э... тому усатому парню, издавшему закон «О пяти скрипах». Существо обозревало трактир глазами, похожими на драгоценные камни.

Искало жертву?

Вилл спокойно допил чай. Поднялся. Он вспомнил свои дни на арене, как он со связанными руками, сражался против пяти гладиаторов сразу.

Он пошел к чудищу, по пути подобрал со столика двузубую вилку. Вилл все еще пошатывался от усталости, но инстинкты Соленого варвара, толкали его в схватку. Он совсем позабыл о них.

— Р-а-а-а-а! — сипло взревел Вилл.

-..? — удивилось чудовище.

— Проглот! — донеслось откуда-то с улицы. — Проглот! К ноге! Эй! Где ты, уродец?!

-..! — преданно рявкнуло чудовище.

Вилл только успел заметить бурую молнию языка.

В то же самое время по Малахитовой улице двигался кортеж Патриарха Кошкина, важной шестерни государственной машины Авторитета. Нависная магистраль поскрипывала опорами, в канал сыпался мелкий мусор.

Кошкин знал все, что касалось спасения человеческих душ и лучше кого бы то ни было толковал желания Первого на ближайшие недели. Иногда Автор делал ему заказ рассчитать волю первого на целый нерест, но такое случалось крайне редко. Например, накануне нового повышения налоговых сборов.

Да, властелину Церкви приходилось знать многое.

Кошкин знал также, что сегодня среда, на ужин будут запеченные в панцирях черепахи, а у его любовницы появилось несколько новых интрижек.

Со всем этим легко можно было справиться.

А не знал он того, что по пятам за ним с тихим скрипом следовала смерть.

И с этим справиться было куда сложнее.

На коленях Кошкина беспокойно возился крохотный песик, который прекрасно слышал звук приближающейся смерти, хотя кортеж из двадцати гвардейцев создавал постоянный фоновый шум. Шелестели по магистрали хвосты седловых игуан, булькал сытый яхи, тащивший карету Патриарха, мрачно храпел личный телохранитель, сидящий напротив Кошкина.

И все же талантливый карманный терьер слышал злое «скиу-скиу» отчетливее, чем взопревший сапер слышит тиканье лежащей пред ним бомбы.

Песик повизгивал и делал вид, что лает. Сложно притвориться лающим, когда твой размер позволяет гулять прямо в портфеле хозяина. Кошкинласково трепал его мизинцем по загривку, полагая, что все дело в летучих кошках, которые парили поблизости.

А смерть двигалась за кортежем кривыми переулками, что злобно выли сквозняками. Опасно балансировала на мостках для арбитров, что соединяли магистраль между улицами.

Скиу-скиу-скиу.

Этот безобидный, в общем-то, звук пугал не только умного песика. В самых омерзительных и опасных логовищах преступного мира Гиганы, в крошечных вертепах, где собирались ренегаты, террористы и наемники, на сходках банд и криминальных семей, куда даже сияние светозверя не приходило безоружным, этот скрип служил сигналом к тому, чтобы прижаться к стене и надолго задержать дыхание. На маньяков, вылепленных самим Хладнокровным из кровавого фарша, это звук действовал как недостающий в их черепах инстинкт самосохранения.

Друг, если станешь опасным гангстером и явишься в бар «Чья-то голова», тебе первым делом предупредят, что, когда специально выдрессированный пес начинает выть и лаять, нужно тут же уносить ноги. В таких случаях действует закон лесного пожара: волки спасаются вместе с шакалами, львами и тиграми, помогая друг другу укусами.

И тебе лучше запомнить это предупреждение.

Потому что Накат терпеть не может когда кругом мельтешат людишки. Он вообще не любит, когда хоть что-то шевелиться в поле его зрения.

Кто такой Накат?

Ну, в Гигане этот вопрос лучше не задавать. К вам тут же привяжутся двое-трое оборванцев, которые наперебой начнут пересказывать старые штопаные-перештопаные байки про величайшего наемника всех времен и народов. Накат — это городская легенда, миф, на котором трепачи, сплетники и графоманы основывают свое маленькое производство. Про него пишут книги, ставят спектакли. Кое-кто пытается подражать. Все эти плагиаторы плохо заканчивали. Кого-то разрывали на части поклонники Наката, кто-то при неясных обстоятельствах связывал себя козлом и топился во Льве.

Публично его видели всего один раз, когда Накат демонстративно казнил своего давнего врага, известного на весь Авторитет суперчемпиона Средневекового Дюка. Ревнителя порядка, законности и прочих недоказанных явлений.

Можно было бы, обмирая и поддаваясь панике, сказать, что Зло одолело Добро... Многие так и сделали, но производители товаров с символикой Средневекового Дюка, сообразили, что пенсии разорившимся предпринимателям не положены, после чего провернули ловкий рекламный трюк.

Добро всегда побеждает Зло!

Да! — согласились потерянные люди.

Стало быть...

Люди затаили дыхание.

Накат и есть Добро!

Это была революционная мысль. Одна из тех идей, которые приводят цивилизации к гибели.

Так Накат стал новым кумиром Авторитета.

И теперь на масленках, ло-ша-ди-ных задах и пивных кружках красовался символ Наката: круг со спицами.

Он не боролся со злом, никогда не позировал публике, и у него не было... мальчика-помощника в туговатом трико. В общем, мальчики в туговатом трико были больной темой для многих суперчемпионов. Они думали, что если взять девочку, все будет слишком очевидно. Но, как оказалось, мальчики дискредитировали их еще больше... э-э-э, неважно.

Так что там с Накатом?

Ах да, он не боролся со злом, хотя и убивал высокопоставленных монстров, которых не

мог трогать Средневековый Дюк. Он никогда не показывался простому люду с тех самых пор, как вышеупомянутый Дюк отяжелел на пять свинцовых пуль. Их могло бы быть семь, но две прошли навывлет.

И у Наката не было мальчика. Помощника, разумеется.

Тем не менее, Накат был популярен гораздо больше, чем Дюк в свое время. Сложно сказать, почему. Возможно общество, устало от пафосных кретинов в красных панталонах. От тех кретинов, которые, подобно подросткам делили мир только на черное и белое, в то время как оттенки множились, словно клопы в матрасе. Они были артефактами той эпохи, когда прописные истины еще были нарасхват, потому что народ слышал в основном шарканье стоптанных сапог Инквизиции. Кроме того, большинство героев были благородной крови, из дворян, дюков, лордов и прочих мироедов, у которых водились деньги на шелковые костюмы и удивительные приспособления. Большинство из них были сплошь извращенцами или сумасшедшими, пережившими в детстве серьезные психологические травмы и все такое прочее. Они ловили преступников выходцев из народа, в то время как действительно опасные сволочи тратили бюджеты целых городов на свои прихоти.

Не удивительно, что людям понадобился новый тип героя. Мрачный, брутальный как пушечное ядро, плюющий на догмы, правила и прочие кодексы. И без единой голубой кровинки. Сын неизвестного лесоруба и неосторожной сборщицы хвороста.

И это действительно подходило под описание Наката.

Но не будем больше, подобно тем оборванцам, пересказывать чужие сплетни. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Скиу-скиу-скиу...

Давайте выглянем из-за угольного ящика и разглядим Наката вблизи, пока он еще не повернул в переулок.

Вот он, катиться вперед, ловко работая мускулистыми руками. Они как поршни, которые прокручивают колеса вперед. На кистях кольчужные перчатки с обрезанными пальцами. Темнеет жилет из шкуры вепря, с полоской жесткой щетины вдоль хребта. Жилет тот пошит так грубо и сурово, стянут дратвой, железной проволокой, что на него боятся садиться мухи. Штаны на безжизненных ногах напоминают библиотечные свиток. Все потому, что на плотной дерюге написана долгая многоступенчатая молитва. Раньше эти штаны были похоронным чехлом.

Его инвалидное кресло — это inferнальное сооружение. Собранный неизвестным сайским мастером, с деталям отлитыми из закаленного металла и вытесанными из крепчайшей древесины. Оно таит в себе десятки хитроумных механизмов, и вам лучше не видеть, как именно они действуют. Но прелесть его вовсе не встроенных смертоносных приставках и даже не в новомодных зеркалах заднего вида.

Накат не носит ни маски, ни капюшона. Зачем? Во-первых, он никого не боится, а во-вторых, кресло-каталка — примета чуть заметнее разреза глаз или ширины скул. Поэтому, если б он не катился к нам спиной, мы могли бы увидеть его лицо. Глубоко сидящие глаза, отяжеленные темными мешками, битый-перебитый колтун вместо носа и сухие выдавленные губы. Морщины не отличить от шрамов, они похожи на кривые засечки, сделанные ножом. Когда-то у Наката были враново-черные волосы, да все выгорели до самого черепа, и теперь ничего кроме грязи на макушке не видно.

Невозможно сказать, сколько Накату нерестов. Возможно пятьдесят, или на треть поменьше. Слишком многое он пережил, чтобы выглядеть по природной справедливости.

Что у него в прошлом?

Крайне мало того, что люди называют человеколюбом.

Пять нерестов назад в определенных кругах его знали как брата Эскельда. Он был старшим Инквизитором Церкви Зверя, исправно сжигал живодеров, распинаял нелегализованных колдунов и топил еретиков.

Эскельд свято верил в Первого. Настолько свято, что даже Патриарх Кошкин смотрел на него с опаской.

Все знали про тот случай, когда инквизитор ворвался в логово настоящих ренегатов-сектантов. Это был редкостный прецедент, обычно страдали ни в чем не повинные контрабандисты или наркоторговцы. Сектанты безуспешно пытались выдать себя за яростно сопротивляющихся сектантов, но каратель, защищенный одной лишь верой, вернул двенадцать головорезов обратно Хладнокровному.

Сказать, что Эскельд был подозрителен, означало, что ты говоришь о каком-то другом Эскельде. Наш инквизитор не был подозрителен. Он был *уверен*, что все вокруг него сволочи и еретики. Кроме патриарха Кошкина и сводной сестры.

Как можете видеть, Накат не был чем-то совершенно противоположным Эскельду.

Уже замечено, что у него была сводная сестра, единственное, быть может, существо под светозверем, к которому инквизитор испытывал теплые чувства. Ни матери, ни отца они особо не помнили. Когда девушка тяжело захворала, ее принимали лучшие лекари Гиганы, но не впрок несчастной шли пиявочные компрессы, настойки на пиявках и пиявочные порошки. Тогда инквизитор обратился к маггам. Он ненавидел их, но был измучен страхом. Однако и те ничего не смогли сделать, беспомощные в ограничениях той самой системы, которой служил Эскельд.

Отчаявшийся, полный невыразимой злобы на Первого, который оставался глух к молитвам, Эскельд отправился к ведьме. О ней донесли информаторы. Это была прекрасная дева... гм... нет, не так. Незачем грешить против истины, ради гладкого повествования.

Так вот, это была вполне обычная баба нерестов сорока, с большой бородавкой на носу и вшивыми косами. Она гнала в своей деревенской хижине спирт и делала на его основе лекарства. В основном от похмелья или вечерней скуки. Как бы то ни было, отчаявшийся Эскельд явился к ней и спросил:

— «Можешь ли ты излечить сестру мою, ведьма?»

— «Она вчера перебрала пунша на балу?» — уточнила та.

— «Нет, ее снедают желудочные боли. А с некоторых пор наступило малокровие», — мрачно отвечал инквизитор.

— «Пиявки, да?» — догадалась ведьма.

— «Гм», — не нашелся Эскельд.

— «Я говорю, ты водил ее по столичным игуановалам», — пояснила ведьма.

— «Да. Они не справились. Если вылечишь мою сестру, я дарю тебе вечное помилование и шестинерестовую индульгенцию. А если нет, то...

— «Бу, бу, бу... Тащи сюда свою сестру, шляпа. Посмотрим, чего у нее там разболелось в животе».

Так Эскельд и поступил. Выбора-то не было.

Увидев его сестру, ведьма потребовала дать ей два цикла на терапию. Да, что-то около двух циклов. Тут точнее не определишь... Неделькой раньше, неделкой позже.

В томительном ожидании и тягостных впечатлениях ожидание для храброго

инквизитора. Близилась Тьма и ведьма приставила его к делу: утеплять перед холодами хижину и пасти трех черных коз.

Эскельд приколачивал куски войлока к стенам хижины, гонялся за козами по предлесью и размышлял о своей жизни. Его сестре становилось лучше, и это благодать сошла к ней не с хвоста Первого. И пиявки здесь были не причем. Даже маггии не потребовалось. Было тайное, запрещенное искусство, которое заклеямили змеиным.

Вера Эскельда была железной, и она бы не дрогнула, кабы не стояла против нее более сильного чувства — искреннего сострадания своей единственной родственнице. И он ощутил внутри себя Ересь. Она была подобна комариному укусу на душе. Зуд был невыносимым, а постоянное почесывание только ухудшало ситуацию. Эскельд служил Первому почти всю свою жизнь... И заслужил только его равнодушие. Ровно столько же он охотился на диких маггов. И получил от одной из них невыносимое благо, оздоровление близкого человека.

И если змеиные знания приносили пользу, а от молитв лишь пересыхало во рту, — та ли сторона была выбрана им?

И о великом ли Враге шла речь?

Кроме вшивых кос он не видел в ведьме ничего неприятного. Разве что эта бородавка... Но со Змеем она точно не имела дел. Эскельд неоднократно наблюдал за ее работой. Она выпаривала какие-то травы, смешивала их вместе, толкла минералы и сушеных насекомых. Во всем этом не было ни капли колдовства. Лишь точность последовательности компонентов и выветренность доз.

Эскельд прямо сказал об этом Патриарху Кошкину.

Озадаченность Кошкина можно было измерять десятками пустых взглядов и сотнями вопросительных знаков. Он осторожно, словно боясь спугнуть опасного сумасшедшего, напомнил инквизитору, что Церковь должна заботиться о своих интересах. Если все вдруг начнут поклоняться сушеным тараканам, смешанным с анютиными глазками, кто же будет посещать служения? И как, во имя Первого, должен будет наполняться поднос для пожертвований? А, кроме того, Автору выгодна невежественная паства, которая зависит от своих заблуждений. Неужели... Гм, неужели брат Сторн не понимал этого хотя бы поверхностно?

Эскельд понял только то, каким он был идиотом. К слову будет сказано: дай нам Первый каждому понять это о себе вовремя.

Потому что брат Сторн явно запоздал.

Ему бы мрачно и решительно кивнуть головой в тот момент, тогда его просто перевели бы в писари или палачи... Но его недоумение, в свою очередь, можно было измерить миллионами кубических мегаметров опустевшего пространства в меркнувшем сознании.

В тот же день он сбежал обратно к хижине.

Он знал, что за ним начнется охота. Рассказал все ведьме, и та заявила:

— «Я рассчитывала, что ты, нянча моих коз, хотя бы от них ума наберешься. Теперь выбирай уж... Можешь взять свою сестру и бежать куда глядеть будешь... А хошь, так оставайся здесь. Мужик ты справный. Одно что дурак. Я тебе сейчас откровенно скажу: лечить у твоей сестры всего ничего было. За две недели управилась. Про два месяца я уж наговорила, чтобы ты мне с хозяйством помог. Оставайся, чего, тут места глухие. Не найдут».

И Эскельд послушался. Он никогда в жизни не испытывал угрожающих работе чувств.

На заметку читателям будет сказано, что приступы похоти отлично утоляются упражнениями с веригами. Кто не знает, что такое вериги можете просто купить несколько мышеловок.

Но от ведьмы уходить не хотелось. От нее приятно пахло травами, да и косы были не такими уж вшивыми. А вериги остались в келье.

Оставаться на старом месте все же было слишком опасно, поэтому все хозяйство Эскельд перетащил в такую глушь, что люди там до сих пор накрывали разведенный огонь клетью, чтобы тот не убежал, и с подозрением относились к колесу. Там наш инквизитор зажил простой растительной жизнью. Построил дом. И сарай козам. А к ним подселил овец. Когда дождался возвращения светозверя, обустроил посадки. Тихий быт этот пришелся ему по сердцу.

И ступай оно так дальше, Авторитет никогда не узнал бы Наката, а Средневековый Дюк и сейчас продолжал скакать по крышам.

Но ведьма ошиблась, а Сторн утащил хозяйство недостаточно далеко. Их нашли. Нашли уже через два нереста. Бывшие братья, знакомые желтые клобуки, они дрались с Эскельдом десять к одному, но связали его те трое, которые смогли удержаться на ногах. Ведьму и сестру увезли. Как потом узнал Накат, обе были сожжены на потеху толпе. Самому Эскельду повредили в бою позвоночник, после чего закопали там же, прямо перед догорающими стенами его дома. В том самом мешке, который бывший инквизитор пустил потом себе на штаны.

Они думали, что он мертв.

Эскельд выжил. Смог выбраться из мешка, из земли, и даже из безысходности своего нового положения беспомощного калеки.

Многое еще потом происходило с ним. Сейчас он обитал в Гигане и хотел только одного: отомстить Кошкину. Но тот никогда не покидал Гротеска. Со временем, теперь уже Накат, стал меньше думать о своей цели. Чтобы обеспечить себе достойное существование, он занялся тем же промыслом, что и в церковную бытность свою. Только теперь он ловил и распинаял тех, за кого платили.

Деньги нужны были и для того, чтобы организовать агентурную сеть внутри Гротеска.

Когда с этим было покончено, Накату стоило послать своим людям внутри громады почтового голубя, и Кошкин отведал бы за ужином отравленных черепах, запеченных в панцире. Но Накат хотел сделать это сам. Только сам. Своими руками.

Сегодня, впервые за семь нерестов, он снова вспомнил о Первом. Накату было интересно, защитит ли божество своего личного адъютанта в мире смертных.

Скиу-скиу-скиу...

У него все было просчитано до последнего «А» в предсмертном крике Кошкина. Оплошать было нельзя. Только не сейчас. Только не после пяти нерестов ожидания. Ведь Кошкина совершенно невозможно было выманить из Гротеска обычными способами. На любые «внешние» мероприятия Патриарх посылал либо своего двойника, либо архиерея Некуморкова.

Но буквально неделю назад в Гигане сверкнуло удивительнейшее событие: впервые за много нерестов заговорил Сайский Оракул — довольно уродливое сооружение из терракота и дощечек с административными надписями. Империя Сай оставила его тут в качестве дара всем жителям Авторитета. Любой желающий мог за один медный профиль узнать у Оракула свое будущее. Но только свое. Просьбы на прогнозы знакомым и родственникам

предсказатель игнорировал.

Откровенно говоря, последние нерестов тридцать он игнорировал любые просьбы. Иногда, правда, непредсказуемо начиная бормотать что-то, но к кому именно Оракул обращался было неясно. Он упоминал животных, вроде рыб и львов, неких «стрельцов» и даже «козерогов». Ясно было, что живущие в нем силы...

— Зажвари пренка, — объяснил приглашенный сайский специалист, который прибыл с недавней торговой флотилией. — Бабины. Зажвари пренка. Починир. Orokana buta tairiku. Вь пратите двадцать золотых профирей..

После этого Оракул заговорил снова, но простой люд к нему больше не пускали. Автор приказал поставить вокруг него ограждение, чтобы плаксивая чернь не утомляла чуткий дар «Ба-бин» просьбами. Собственно, Оракула давно бы уже перетащили в Гротеск, если бы не суеверный ужас перед тем, что тогда он может замолчать навсегда.

Теперь к нему потихоньку, в условиях свирепствующей паранойи, совершали паломничество наиболее важные шестерни государственной машины Авторитета...

Вот, к примеру, Патриарх Кошкин, который по-прежнему следует Малахитовой улицей к площади Оракула. И не дует в ус.

А песик по-прежнему скулит и жалуется. Опасность настолько велика, что интеллект животного обострился. Понимая, что хозяин слишком увлечен грезами о печеных черепахах, песик соскочил с его теплых колен и подбежал к окну кареты. Встав на задние лапки, он подышал на стекло, а потом ткнулся в образовавшийся белесый налет носиком и нижней губой. Получившийся отпечаток напоминал человеческий череп с отставшей челюстью.

— Афь! — намекнул песик.

— Ты моя пр-р-релесть! — мурлыкнул Кошкин, подгребая его к себе сухими костлявыми пальцами. — Нарисовал папочку?

«Пресвятой Пес Верный!» — мигнуло в сознании терьера, и он стал прикидывать кому в авторитете кроме повара Тэна Верховца, обожающего собачатину, может понадобится крохотный и раздражающе бесполезный комок искалеченных волчьих генов.

Кроме шуток, рисунок песика действительно крайне напоминал еще и удивленного Кошкина. Его возраст исчислялся уже сотней с небольшим, но живительные препараты из редких зверей и нежелание проверять собственные догмы, помогали патриарху держаться прямо, как гребень возбужденных седловых игуан. Его любовница редко отдыхала.

Но, поверьте, завидовать ему сейчас не стоит.

Вокруг Оракула поскрипывал на ветру новенький дощатый забор. У входа дежурило несколько гвардейцев, которые уже знали о своей судьбе все в мельчайших подробностях. От этого ребята выглядели слегка скучающими и самую чуточку разочарованными.

Эскорт Кошкина остановился. Всадники спешили и построились глухим квадратом, подняв над собой лист железа. В этот квадрат шмыгнул Кошкин. Солдаты короткими шажками двинулись вперед. Они спустились с пандуса, и зашли внутрь ограждения.

Терракотовая статуя, по слухам, изображала прекрасную и вечно молодую царицу гейш Эен. Эта девушка научилась восстанавливать свою девственность за два часа усердных медитаций, и была признана национальной героиней Империи Сай. Так это было или нет, но Кошкин обратился к ней просто:

— Эй ты, мерзкое языческое идолище, поведай мне о моем будущем. И сделай это так, чтобы мне понравилось.

Внутри ониксовой скорлупы что-то медленно завращалось. Статуя открыла глаза и...

над пазом в нижней ее части загорелся огонек.

— Ах да, — спохватился Кошкин.

Он бросил в паз медяк.

— Ты... (ж-ж-ж-клик) ...юная дева... (ж-ж-ж-клик) видишь Оракула, — проговорила статуя бесполом голосом. — Ты желаешь... (ж-ж-ж-клик) узнать о суженном своем?

— Тупая глыба! — воскликнул Кошкин. — Я почтенный старец! И хочу узнать о том, прочно ли мое положение Патриарха. Что задумали мои враги и удастся ли им насолить мне? Отвечай, именем Первого!

— Он будет... (ж-ж-ж-клик) статным шатеном с развитым плечевым поясом и белой седловой игуаной.

— Змей тебя раздери!

— У вас родиться... (ж-ж-ж-клик) пять карет от лучших каретных мастерских Авторитета.

— Я прикажу наделать из тебя шахматных фигурок!

— Слушай, — сказала вдруг статуя мгновенно изменившимся голосом. Говорила молодая девушка. Судя по ее тону, ее только что отвлекли от крайне важного занятия. Возможно от сосредоточенной медитации. — Ты Константин Кошкин! Патриарх Церкви Зверя.

— Да! Наконец ты заработала...

— Заткнись! — рявкнула статуя.

Кошкин присел.

— Слушай меня, — продолжал Оракул. — Сейчас у тебя есть лишь один враг, которого действительно нужно бояться. Но вот что: он промахнется. Ты не погибнешь от его руки, да и все твои враги бессильны причинить тебе вред. Как бы то ни было... (ж-ж-ж-клик) вы будете жить долго и счастливо и умрете... (ж-ж-ж-клик) трое сыновей.

Глаза статуи закрылись.

Кошкин некоторое время стоял неподвижно, а потом, сжав кулаки, сказал «да-а-змейдери». И радостно поработал локтями.

Через пару минут эскорт двинулся обратно к Гротеску. Патриарх Кошкин теперь знал кроме всего прочего, что никто не помешает ему насладиться печеными в панцирях черепахами и был счастлив.

А Накат ждал.

В его инвалидное кресло было встроено девять инфузеров и два самострела. Он зарядил их все.

Его люди сейчас оцепляли эскорту пути отступления. Кошкин ехал по набережной Ефврата. С десятков головорезов заступили кортежу дорогу с тыла. Впереди, уже целых двадцать ухмыляющихся негодяев выкатывали на магистраль телеги, в которых прятались арбалетчики.

Накат заходил с правого фланга. Он был один.

Скиу-скиу-скиу...

— Афь-афь! — бесновался терьер. — Курьяфь!

— Хочешь кушать? Хочешь? Вот тебе засахаренный бычий глазик. А кто у нас любит бычьи глазики?

— Р-р-рьяфь!

— Точно так, мой сладенький.

Вдруг эскорт замедлил движение и через несколько секунд остановился совсем.

— Эй! — гаркнул Кошкин, постучав пяткой в противоположную стену кареты. — Чего стоим?

Слышно было только как гвардейцы сморкаются на обитое железом дерево. Потом заорал начальник кортежа, боевой инквизитор. Он приказывал кому-то убраться с дороги. Упоминались телеги и множество фамильных справок адресованных их владельцам. Все свои рекомендации и размышления инквизитор тесно связывал с Хладнокровным и его происками.

«Нужно будет поговорить с ним об этом», — с неудовольствием подумал Кошкин. «Он так много знает о Хладнокровном, что, пожалуй, мог бы читать сектантам лекции».

— Пойду, проверю, в чем там дело, ваше преосвященство, — сонно пробормотал проснувшийся телохранитель и вывалился на улицу. Очевидно, ему просто приспичило помаленькому. Тем не менее, если б он знал, что его ждет снаружи, то не постеснялся бы насрать прямо в карете.

Швык, — негромко сказала стрела, угодив телохранителю меж ключиц. Он сделал два шага назад и пропал из поля зрения Кошкина. Патриарх раскрыл рот и замер.

На улице поднялся визг: это люди с интересом наблюдали за происходящим. А происходило следующее: уцелевшие гвардейцы, прячась за убитыми игуанами, пытались отстреливаться от людей и менадинцев, засевших за бортами телег. Они взяли конвой в клещи и не давали гвардейцам даже шлемом на светозвере сверкнуть. После мгновенной атаки выжили всего пятеро. Они старались забиться под холодные животы игуан и истошно вопили. Инквизитор молча лежал на мостовой, над его торсом ветер перебирал жесткие ворсинки стабилизаторов.

На помощь гвардейцам поспешил было случившийся неподалеку патруль, но его встретили плохо одетые люди с неухоженными короткими мечами.

Вообще-то патрулей должно было быть больше, как минимум еще три группы по пять человек, закрепленных за этим районом. Но у них были свои проблемы. Точнее проблема. Вот что потом рассказывал уцелевший и относительно не повредившийся рассудком патрульный Гальц.

«Мне сложно... Может быть не стоит? Я... Я не хочу это вспоминать, это как горсть углей, заброшенных под макушку. О, пожалуйста, Первый... Ну все было как обычно. Мы шли с ребятами... Ох, что это существо сделало с ними... (всхлипывания) Хорошо, я продолжу. Проверяли переулки, не торгует ли кто белой смолой... Ну мы разговаривали, смеялись. Если б я знал, что мы смеемся, может быть, в последний раз. И они и я. В общем, потом мы почувствовали себя неуютно. Знаете, как это бывает, когда чувствуешь опасность. Это как инстинкт. Мы почувствовали... (плач) Ох... Все разом, одновременно почувствовали леденящий ужас. Я смотрю на ребят, они смотрят друг на друга, и мы пятеро понимаем, что чувствуем одно и то же. Ужас. Со мной такого еще никогда не было. И тут из подворотни появилось оно... Оно, понимаете?! (у пациента начинается истерика) Ему нельзя давать имя, я не собираюсь называть его по-другому. Иначе оно вернется. Оно вернется и искалечит меня. Как оно искалечило всех моих друзей... Черные доспехи... Черные доспехи... Оно говорило про манекены и чучела, о том, что их нельзя мучить... Нельзя, слышите?! Скажите это всем! Всем скажите, умоляю, иначе оно придет и за ними! Я видел его глаза... (пациент впадает в состояние прострации). Они были нарисованы... Они были нарисованы! (долгая продолжительная истерика)».

Да, этому парню явно не доплатили за опасную работу. Хотя потом его семье и семьям менее удачливых сослуживцев назначили пенсию, а сами они поправились, хотя и приобрели устойчивую фобию перед манекенами и огородными пугалами.

Могло быть и хуже, как заметил бы Вилл.

Ах да, и пару слов о тягловом яхи: он преспокойно лежал перед каретой и ждал приказа двигаться дальше. Болты его шкуре были нипочем, а волноваться понапрасну из-за устроенного людьми переполоха, он не собирался.

Точно так же вел себя песик Кошкина. Он сидел на полу, укрывшись под подставкой для ног, и поглядывал на подмокающие ноги хозяина с искренней ненавистью.

Накат, наблюдавший за всем этим из своего переулка, улыбнулся. Я говорю «улыбнулся», потому что более подходящего названия тому мимическому искажению, которое произошло на лице Наката, отыскать невозможно. В действительности это больше напоминало пожар в переполненном военном госпитале или смерть нескольких десятков шахтеров при взрыве метана в шахте.

Так вот, Накат «улыбнулся» и мощным движением рук, рванул свой трон вперед, круто завернув вправо. Он несся вперед как наполненная порохом тачанка. Скрип колес превратился в непрерывный тонкий визг, спицы слились в рябящие металлические диски.

— Ко-о-о-ошки-и-ин! — взревел Накат.

Он ударил кулаком по скрытому триггеру и ифузеры грянули, добивая уцелевших гвардейцев. Накат резко остановился перед каретой и поглядел в ее окно, в котором мелькнуло бледное лицо Патриарха. Наш антигерой разбил стекло заранее заготовленным камнем.

— Следующим будет хлопыш, — проговорил он угрожающе.

Вокруг, тем временем, начал собираться народ. Точнее говоря, люди просто останавливались, а толпа в Гигане была синонимом слова «воздух». Они смотрели снизу и взбирались на магистраль. Зевак не отпугнули даже арбалетные выстрелы убийц. Люди просто смяли отчаянно сопротивляющихся налетчиков и окружили пространство вокруг кареты. Могучего инвалида они все же побаивались.

«Накат! Накат! Это же Накат!» — этот вопль разбежался по всей Гигане как электрический разряд по медной паутине. Сначала несмело, но чем больше жителей собиралось, тем громче они начинали скандировать:

— На-кат! На-кат! НА-КАТ!

— Что? — пискнул Кошкин из кареты.

— Я говорю... Вот змей. Да заткнитесь вы! — рявкнул Накат толпе.

— НА-КАТ!!! НА-КАТ!!! НА-КАТ!!! УБЕЙ ЕГО, НАКАТ!!!

— Я говорю, выбирайся из тарантайки, или я брошу внутрь гранату! — что есть сил, прокричал Накат.

— Я не слышу! — ныл Кошкин. — Во имя Первого, не трогай меня! Чего ты хочешь? Денег? Власти? Пожизненную индульгенцию? У меня прямо с собой есть пачка новеньких индульгенций! Вот, забирай!

Синие листы церковных грамот вспорхнули в воздух. Накат поймал одну из них и на обратной стороне написал куском уголька: «Выходи, или я взорву карету вместе с тобой». Немного подумал и добавил: «К змеям собачьим!». Потом смял листок и бросил Кошкину.

Через несколько секунд Патриарх выполз наружу. Он был жалок. Он пах сильнее, чем обычно. Обливался слезами и трепетал как пойманный в кулак мотылек. Он, не переставая,

шептал что-то. Это была не молитва, Кошкин повторял себе слова Оракула: промахнется, промахнется, промахнется.

Но когда старец поднял глаза и узнал своего мучителя, то замер совершенно, словно фарфоровая копилка.

И вдруг толпа стихла. Со стороны могло показаться, что кто-то наглухо закрыл большое окно. Алчные до зрелища мещане хотели послушать, что скажет каратель.

— Первый все же справедлив, ваше преосвященство, — мрачно проговорил бывший инквизитор, наставляя на Патриарха инфузер. — Ты боишься? Вся твоя вера уместилась на маленьком свинцовом шарике. Если решишь стать призраком и преследовать меня, то не забудь рассказать, что там происходит на самом деле. Хлоп.

С этими словами он выстрелил.

И промахнулся.

Потому что Патриарха секундой ранее сбил ло-ша-ди-ный экипаж, пронесшийся мимо как ужаленная в хвост молния.

— Кажется, мы кого-то сбили, — сказал Рем, приземлившись после сильного толчка снизу.

— Опять? — спросил я жалобно.

— Моя вина, — откликнулся Реверанс, правивший повозкой.

Он хлестнул поводьями, и экипаж перелетел через разбегающуюся толпу и вторую баррикаду из телег. Ло-ша-ди выглядели слегка озадаченными, из-под вздыбившихся хвостов летели разноцветные искры.

— На этот раз вдребезги, — заключил сухолюод, глядя на митру Патриарха с приклеенным кучерявым париком. Она случайно угодила в Олечуча.

Это была классическая немая сцена.

Довольно масштабная классическая немая сцена.

Тысяча с лишним человек замерли в разнообразных позах вокруг окаменевшего супергероя Гиганы.

Накат невидящими глазами глядел на то, что осталось от Патриарха Кошкина. А именно: темная дымящаяся полоса локтей в десять. Это выглядело так, словно Первый зажег о магистраль Божественную Спичку, чтобы прикурить Сакральную Трубку.

— Может нам стоит что-нибудь предпринять? — спросил Ики нетерпеливо. — Я, например, рекомендую немного смазать мои оси. Это, в конце концов, смешно: я — высокотехнологичный агрегат, которому нет, не то что аналогов, даже жалких подобий, а визжу как раненый стриж.

— Заткнись! — люто прошептал Накат. Таким «заткнись» можно было бы травить насекомых.

Кресло в ужасе подалось назад вместе с Накатом и скрипнуло.

— Включай поршневой двигатель! — проговорил Накат, потея от ярости.

— Но... — пискнул Ики.

— На полную мощность!

— Я...

— Раскрой все четыре турбины!

— Э...

— Мы должны догнать этот экипаж!

— Да, хозяин, отлично хозяин, а не должны ли мы случайно заправить мой бак хотя бы стаканчиком виски?

— Ики!

— Ну, ты ведь понимаешь, что потом тебе придется это сделать.

— После того, как мы догоним этих ублюдков, я залью в тебя целую кегу!

— Ловлю на слове. Пристегнись, как следует, и не забудь про ноги, а то получится как в прошлый раз.

Олечуч прекратил петь Каше колыбельную и встрепенулся, схватившись за голову.

— Что-то... о-о-о... следует за нами.

— Ты имеешь в виду крыс? — спросил я.

— Нет. Не то. Гора трупов. Мне нравится. Надеюсь, он нас догонит.

Крысы.

Что можно сказать о них, до того, как встретишься с одной-двумя, в каком-нибудь загаженном переулке?

Можно вспомнить, что это довольно умные животные, которые способны на качественные совместные действия. Что это очень живучие твари, способные пережить многое из того, чем человечество привыкло уничтожать себя. Что во многих культурах крыса считается не только символом порчи, разрушения и огромных затрат, но и символом достатка и процветания. Потому что это серое щетинистое существо с голым хвостиком не оставляет безнаказанными крупные залежи зерна и продуктов и селиться рядом с ними с превеликим удовольствием.

Но стоит вам все же повстречаться, и мысль часто только одна: ну и гадость!

То же самое о них думают первенцы.

Как среди Поздних так и среди Ранних почти невозможно найти индивида, который испытывал бы к этим животным искреннюю любовь. Именно искреннюю и именно любовь, потому что содержание этих зверюшек в клетках суть немного иное.

Среди людей такого чудака вряд ли сыщешь, а вот одного первенца назвать можно совершенно точно.

Миумун.

Крысы и Миумун. Миумун и крысы.

Он мог управлять всевозможными животными не крупнее кабачка, но именно крысы составляли костяк его армии. Они были самыми свирепыми, многочисленными и устрашающими его воинами. Его верой в собственные силы. Если бы не эти помойные грызуны, Миумун вряд ли вел и чувствовал себя так уверенно.

В то время как его братья и сестры могли построить пирамиду из слонов или заставить кракена надеть цилиндр и выпить чашечку кофе в летнем кафе, Миумун находил утешение в запуганных городах серыми восстаниями.

И он в этом действительно преуспел. В своем роде он был архизвероукротителем, потому что управлять таким количеством животной мелочи не удавалось еще никому. Десятка крыс убоится лев. Только представьте, кого можно напугать, имея двести тысяч крыс. Все верно: двадцать тысяч львов. Или целый город, даже такой необъятный как Гигана.

Вот как сейчас, например.

Пищащая орда с оглушающим шелестом стелилась по мостовой и магистрали, заползая правым краем на стены домов, в то время как левый край осыпался в Ефврат. На это время большинство людей получали сверхъестественные способности: они исчезали с крысиного пути так быстро, что в воздухе еще некоторое время растерянно висело потерявшее хозяина «АААААА!».

Миумун сидел на бронзовом щите, который постоянно скользил по хрящеватым спинкам, не причиняя им вреда. Крысы несли своего повелителя. Гигант через Великое Оно получил от оригиналов прямой наказ отнять у Реверанса волшебника Вохраса и доставить того в Торкен.

Ровно через шесть секунд после того, как взревел движок Кресла, и Накат умчался в погоню за Престоном и его компанией, восторженный рев поклонников сменился на все то же «АААААА!!!» моментально брошенное на произвол судьбы. Люди всегда знали, как поступать в случаях, когда на тебя несется сонмище крыс. Ведь наверняка среди них найдутся родственники той паршивки, которая угодила намедни в капкан на твоей кухне.

Когда орда начала переползать под телегами, Миумун ловко скользнул вправо и угодил точно в открытое пространство магистрали.

— Это Накат, — сказал Рем, расплываясь в улыбке.

— Быть не может, — не поверил я.

— Да ты посмотри, это же Кресло! А это — Накат!

— Возможно один из подражателей.

— Змей тебя проглоти, Вохрас! Можно нацепить жилет и смастерить из старой навозной тачки коляску, но попробуй так же разогнаться без настоящего Кресла!

— Гора трупов, — гулко возвестил Олечуч. — Это он. Он прекрасен.

— В чем дело? — спросил Реверанс, не оборачиваясь.

В этот момент преследующий нас инвалид что-то неслышно прокричал и Кресло выстрелило. Гарпун с треском вонзился в перегородку нашей повозки. Стремящийся за ним трос натянулся, и Накат указал на нас пальцем. А потом медленно провел ребром ладони по горлу.

— Нас почему-то хочет убить один из опаснейших людей Гиганы, — ответил я буднично. — Только и всего. В данный момент он нас преследует. Чуть опережая крыс.

— Тогда все в порядке, — согласился Реверанс. — Людей нам бояться не стоит. Если не сложно, дорогой Вохрас, избавься от него каким-нибудь дистанционным заклинанием. Пожалуйста.

— Э-э-э, — протянул я неуверенно. — Конечно... Раз плюнуть.

— Это же Накат! — воскликнул Рем. — Легенда Гиганы!

— Молчи! — рывкнул я, свирепо косясь на Реверанса. — Я не знаю, почему он хочет нас переехать. Возможно, это какое-то недоразумение. Но сейчас либо он, либо мы. Либо крысы... Я выбираю нас, понятно? И сейчас я подпалю этой легенде парочку мифов.

Рем благоразумно сполз на дно повозки, к дремлющему в сытости Проглоту.

Скорость была ошеломительной. Встречный ветер не давал дышать, проносящиеся мимо дома напоминали бесконечную пеструю картонку. Накат ревел от ярости и восторга одновременно.

— Множественное движение позади, — предупредил Ики. — Расчетное количество целей... вычисляется... вычисляется... вычисляется...

Накат взглянул в зеркало заднего вида.

— Шагать мне на бровях, — выругался он изумленно. — Подтягивай нас к экипажу, Ики!

— ...вычисляется...

Накат зарычал. Одним из основных технических недостатков Ики было маниакальное стремление доводить все расчеты конца. Если он начинал считать, остановить его было невозможно. Вычислительный узел представлял собой обыкновенную коробку с крохотной металлической дробью. Над хозяином Ики, как Смерть с косой, довлела математика.

Накат был привычен к этому. Он вскрыл панель с правого бока, под которой была катушка с тросом, и принялся прокручивать ее самостоятельно.

Вдруг что-то хлопнуло над ним, мигнуло красноватой вспышкой, и прохолодило лысину.

Накат схватился за голову. Пальцы нащупали гладкую, здоровую кожу, от ожогов не осталось и следа. Из нее безудержно росли волосы. Черные, шелковистые пряди струились между пальцев, падали на уши и плечи, реяли на ветру. Сдувая напирющую челку, Накат посмотрел вперед и показал довольно неприличный жест тем, кого преследовал.

А стоило бы сказать спасибо.

— Ему стоило бы сказать спасибо, — пробормотал я уязвлено.

Рем хохотал.

Воистину поразительно, какую скорость могут развить правильно стимулированные крысы. Ее бы все равно не хватило, чтобы на равных соревноваться с реактивными лошадьми Реверанса или поршневым двигателем Ики, но превосходство Миумуна заключалось в умении скользить по крысиному потоку, ведь тот постоянно увеличивался и удлинялся. Его магических умений хватало на это, да еще на заклинание позволяющее синтезировать кусочки сыра из любой органической дряни.

Скажете немного?

А вот Накат был иного мнения. И многие люди до него.

Миумун скользнул на острие орды и почти поравнялся с ним. Он никогда бы не снизошел до общения с мешающим ему обычным человеком, просто приказал бы крысам загрызть его, но бывший инквизитор не выглядел обычным человеком.

— Эй! — окликнул его Миумун. — Человечишка! Что тебе нужно от них?

Накат тяжело взглянул на первенца и ответил:

— ...! ...*вонючих*...! ...*маленький*...!

Первенец от взбурлившей ярости даже привстал на щите. Нервная система Миумуна была вечным вассалом и мучеником другой системы. Системы психологических комплексов. Обычно это сводилось к стремлению окружить себя крупными, значительными предметами. И тяжелой форме высокомерия. Но стоило кому-нибудь обидеть его крысок или, что еще ужаснее, употребить в отношении Миумуна слово «маленький»...

— *Что ты сказал про моих крыс?! Что ты сказал про мой...*

Накат повторил.

Крысиный поток взорвался.

Я скривился в ужасе. Это было настоящее крысиное цунами, и, произнося это, стоило бы носиться по кругу и рвать на себе волосы.

Серая верещащая волна поднялась над улицей, взметнув Наката и Миумуна выше черепичных крыш. Трос рванул было наш экипаж, но гарпун вырвал кусок перегородки и со свистом умчался вверх.

— Что произошло? — осведомился Реверанс.

Я объяснил, как мог.

— Хорошо, — заключил первенец. — Их схватка даст нам фору. Мы почти на месте! Будьте смелее, друзья мои!

— Слушай, пока мы здесь сидим, они уходят, — сказал Миумун, сидя на щите напротив Наката.

В правую глазницу его маски было вставлено дуло инфузера. В левую тоже.

Крысы в панике носились вокруг. Крыши были не самым излюбленным местом их обитания.

— А нам еще вниз спускаться, — напомнил он инвалиду.

— Это верно, — согласился Накат, рывком головы освобождая лицо от локонов.

— Так может тогда, ты вытацишь у меня из глазниц эти штуки, и мы оба займемся делом? Ты пойдешь, точнее, покатишься, загубишь чьего-нибудь отца, сына и брата, а я продолжу погоню.

— Змея с два, — отрезал Накат. — Они нужны мне. Все кто находится внутри. Особенно возница.

— Ты не понимаешь, кого выбрал своей целью, жалкий...

Стволы шевельнулись в глазницах.

— ...Достойный убийца. Один из них нужен Первенцам. Нужен Великому Оно. Ты смеешь бросать вызов Ранней расе?

— Заткнись!

Несколько десятков крыс упали замертво, дрогнув лапками.

— Не надо! — взмолился Миумун.

— Тогда не выводи меня из себя. Мне плевать на Первенцев. Я *должен* убить тех, кто переехал Кошкина, иначе сам никогда не умру спокойно.

— Это все дремучие предрассудки, — возразил Миумун. — Давай я убью тебя, и ты поймешь, что земные дела не имеют к самому процессу смерти никакого отношения...

— Заткнись!

Еще десяток крыс заскользили вниз по скату холодными трупиками.

— Ты чудовище! — завыл Миумун.

— Ты тоже.

— Так давай договоримся как два разумных чудовища!

— Как зовут возницу?

— Реверанс.

— Кто он?

— Вождь Соленых варваров.

— Куда они собираются направиться?

— Не знаю, у Реверанса весь белковый Океан — одно большое убежище. Послушай,

давай ты попытаешься достать возницу, а я заберу одного ненужного тебе старичка. Он ведь просто пассажир!

— Он пытался убить меня, этот криворукий магг, — сказал Накат, снова перебрасывая непослушные волосы. — Такое не прощается никому. Ты будешь исключением, но только потому, что если я сейчас выстрелю, твоя стая разорвет меня в клочки...

— Двести две тысячи пятьсот тридцать две цели, — сказал вдруг Ики, закончив, наконец, расчеты. — Рекомендую протокол отступления. Хозяин, а что мы делаем на крыше?

— Запускаем протокол отступления, — проговорил Накат.

— Протокол отступления активен.

Пуф! — крышу заволокло густым сизым дымом. В ней взревел двигатель, и взвизгнули каучуковые шины. Злобно верещали ослепшие крысы.

Миумун поднялся и пошел к чердачной лестнице. Его трясло.

Мы выскочили на пристань, и Реверанс остановил лошадей. Они проборонили глубокие колеи и встали, поглядывая назад безумными глазами. Сейчас они походили на умудренных опытом дам, которым молодой сорванец вдруг показал кое-что новенькое.

— Ждите здесь, я быстро, — бросил Реверанс и умчался куда-то в сторону розничных торговых точек.

— Он совсем без чердака, — Рем выпрыгнул из повозки. — Даже не связал тебя. Престон, нам нужно сваливать. Найти Вохраса, отнять у него твое тело...

— Не выйдет, — сказал я со значением. — Магнетизм первенца невозможно преодолеть. Это все равно, что пытаться выбраться из бутылки с горлышком, которое в три раза уже твоей головы.

— Но как ты попал в эту бутылку? — спросил Рем.

— *Я не спала, мастер!* — ответил Олечуч женским голосом.

— Чего-то я не понимаю, — раздраженно повторил Рем. — Что конкретно нам мешает сбежать от него?

— Все дело в том, что моя воля куда сильнее, чем ваша, — попытался объяснить неожиданно появившийся Реверанс. Мы, Первенцы, можем контролировать не только животных, однако в случаях с людьми это выражено, скорее, в способности подавлять некоторые их желания. Например, желание сбежать от меня. Над менадинцами мы такой власти не имеем. Вы совершенно особые существа, Рем. Впрочем, я тебя и не держу. Вот твой мидии, как и обещал. Еще минуточку, — и он снова скрылся.

— Что это значит? — спросил у меня Рем с набитым ртом.

— Это значит, что ты можешь проваливать, — объяснил я лаконично.

— А ты?

— А я даже подумать не могу о том, чтоб убежать. Буквально.

— Чушь какая! Вот попробуй!

Я изо всех сил попытался представить, как убегаю прочь. Вместо этого возник Реверанс, подле которого стоял я. И счастливо улыбался.

— Нет, — сказал я. — Не выходит. Слушай, Рем, серьезно, зачем тебе это? Уходи. Скажешь Вельду, что я свихнулся и бросился в пасть некуморкам. У тебя вся карьера впереди, а я, похоже, запутался окончательно. Какие у меня теперь перспективы? Еще неизвестно, что Реверанс собирается со мной сделать. Если он не станет меня

препарировать, я вернусь, обещаю. Тогда и найдем. Кого нужно.

Рем ничего не ответил. Кажется, мне удалось серьезно оскорбить его.

— Я рассуждаю логично, — не сдавался я. — Тебе незачем...

Рем покачал головой, и я заткнулся.

— Извини, — сказал я помолчав. — Олечуч, ты, во всяком случае, можешь уйти. Только пообещай никого не убивать. Хотя бы чередуя нересты.

— Я связан клятвой, — прошептал тот, покачиваясь из стороны в сторону. — Кроме того, я заинтригован. Кия! Ну, разумеется. Два, два, а потом еще четыре. Отработаем хук слева, ученики... Вуата! Я хочу видеть, что он с тобой сделает. Думаешь, он вскрыет тебя как лягушку и разложит органы по стекляшкам?

— Э-э-э... Возможно, но ничего не обещаю.

— Возможности с меня довольно. Какова была вероятность, что вы проберетесь в башню и уйдете вместе со мной?

— Тогда ты, Проглот, — сказал я, почесав макушку зверя. — Хочешь быть сам по себе?

— ... - свирепо отозвался тот.

— Ясно, — кивнул я. — Но не говорите потом, что я не дал вам возможности.

— Ага, — сказал Рем.

— ... - согласился Проглот.

— Каша проснулась, — засюсюкал Олечуч.

К повозке подбежал Реверанс.

— Все готово, — быстро заговорил он. — Пойдемте к воде.

Все выбрались наружу и последовали за ним.

В этот момент позади нас взвизгнули колеса и вся речная публика от матроса торговой галеры, до капитана боевого двухпалубника, заорала от восторга. Вверх полетели треуголки, банданы и вялая рыба. Загремели инфузеры. Даже чайки заверещали громче обычного, хотя все дело, наверное, было в пулях.

— Накат!

— Разрази меня цер-р-роз, это Капитан Накат!

— Тысячу змеят и кашалота мне в глотку!

— Эй, Накат, у меня есть татуировка с тобой!

— И у меня!

— У меня тоже!

— Распишись, Накат, распишись!

Но он не собирался общаться публикой. Он остановился позади нас и крикнул:

— Эй, куда это вы направились? Вы должны мне одного Кошкина!

Мы уже стояли на краю широких мостков. Мутная вода Ефврата взбурлила, и над ней поднялось, перевернув набок небольшую шхуну, нечто напоминающее железный черепаший панцирь с горбом в центре. Примерно сорок хвостов в длину и десять в ширину.

— Еще шаг и я стреляю! — предупредил Накат.

— Ну, сейчас я его, — с легким недовольством сказал Реверанс.

Но к Накату уже приближался манекен. От него рикошетили пули и болты. Публика помогала Накату. Проглот шипя отгонял их взмахами языка, прикрывая Олечуча.

— Ах, вот как, — проговорил певенец. — За мной.

Он спрыгнул на панцирь и открыл небольшой люк на горбе.

— Кретин соломенный, — пробурчал Рем, в последний раз взглянув на Олечуча. Тот

набросился на античемпиона, и сейчас они под рев толпы кружили на раскачивающемся кресле. — Давай, уходим отсюда, пока эти морские шакалы про нас не вспомнили.

— А Проглот... Олеч...

Меня волокли к люку. Реверанс помог мне забраться внутрь, придерживая, пока я спускался по узкой лестнице вниз, потом подождал, пока запрыгнет Рем. После этого он залез внутрь сам и захлопнул за собой люк.

Судя по звукам, черепаха, начала погружаться. Что-то гулко ударило в обшивку, наверное, нас пытался протаранить корабль. Крики на пристани, глухо доносящиеся сквозь железо, стихли. Возможно, все уже было кончено. Олечуча сожгут перепуганные суеверные каперы, а шкуру Проглота повесят в кабинете начальника пристани.

Я ударил затылком в твердое и холодное.

Глава 9. Суета

«Дорога — это расстояние между двумя неприятностями»

Предположительно, Сариф О'Толстоног Нехуд И'Животом, Последний скороход Тайного Султаната.

Жук лежал на корешках, закинув лапки на лапки, и предавался волнующим мечтам о готовых к оплодотворению самках его разновидности. Кроме них у него было все. Несложная хорошо оплачиваемая работа, остроумные диалоги с пауком из угла над книжным шкафом, личный картонный домик с шуршащей травой, и начальник, который закрывал глаза на его безделье.

Вот уже несколько дней его не беспокоили. И сам он не беспокоился.

Но вдруг жука пронзило знакомое зовущее чувство. Он вскочил на лапки и торопливо взлетел в воздух. С костяным стуком шмякнувшись на карту, он принялся метаться по ней в поисках истины. Он избегал карту вдоль и поперек, но так и не нашел искомого. Тогда жук взлетел на полку со свернутыми набросками, где хранился один с разметкой Южной части Белкового Океана.

Карты полетели вниз.

На шум в комнату вбежал Четвертый и обнаружил, что один из рулонов катается по полу. Магг поймал его и развернул. Жук прочно, как магнит на листе железа, сидел над координатами, которые свидетельствовали о том, что Серый сейчас форсирует открытый океан.

— П-паршивец... — пробормотал Четвертый. — Но как? И п-почему т-туда?

Он, не мешкая, связался по черепу с Миумуном. Слава Первому, тот был еще у себя в поместье, однако судя по шуму, он собирался уходить и мелкое зверье этому противилось.

— Как хорошо, что я в-вас з-застал, господин Миум-мун, — заговорил Четвертый.

— Я знаю, — прервал его Миумун. — Знаю, все знаю. Вор направляется к Соленным варварам. Четвертый, ленивая скотина, — прорычал он, подражая Великому Оно, — почему я узнаю об этом раньше тебя?

— П-прошу...

— Вот что, Четвертый, скажи своему Автору, пускай сегодня же свяжется с Торкеном. Похоже не за горами Третье вторжение Соленных варваров.

— З-змей...

— Не богохульничай, тля! Я отплываю в погоню, так что связывайся со мной с помощью почтовых птиц. Все понял?

— Д-да.

— Что тебе нужно сделать сегодня?

— С-сообщить Автору, что С-соленые варвары...

— Нет, остолоп! Просто скажи ему, чтобы связался с Торкеном! Там его проинструктируют! Понял теперь?

— Да, господин Миумун.

Череп замолчал.

Четвертый отошел от столика и тяжело опустился в кресло. Жук, почувствовав неладное, слетел с карты и приземлился на рукав хозяина. Четвертый ласково погладил его

по хитиновым щиткам.

— В-все будет хорошо, — сказал он тихо. — Вот увидишь.

Вилл метался в бреду. Его одолевали жуткие видения, которые лихорадкой вцепились в тело. Кровь помнила паучью секрецию, и с этим ничего нельзя было поделать. Можно было только пережить или погибнуть.

Каждая новая ступенька его кошмаров была чуть реальнее остальных, а потом он услышал печальную трель губной гармоники и понял, что она настоящая. Вилл схватился за нее как за спасательный трос и пополз вверх из душной бездны. Последние крохи своего забытья он преодолел хрипя от боли, пробился через толщу льда и, наконец-то, открыл глаза.

Варвар, щурясь, глядел на костер, разведенный из грубо поколотых, здоровенных поленьев. Еще и сыроватых, вдобавок. Огонь еле теплился, с трудом облизывая шипящие чурки. Рядом лежало изрядно покромсанное дерево, в которое была воткнута уродливая двусторонняя секира.

Сам Вилл лежал на жесткой шкуре, которой кто-то застелил парковую скамейку. Вокруг царила совершеннейшая тьма, но где-то вдали сияли огни, там двигались неясные силуэты и звучали странные похрюкивания. Наверху, слишком высоко, чтобы давать свет, висел на чем-то мигающий уличный фонарь. Потом он потух.

В сером сыпучем песке, который больше походил на золу, утопал всевозможный хлам. Какие-то узлы, рваные картины, тряпье, булыжники, посуда, большая клетка и даже сундуки, распираемые сокровищами.

Звуки губной гармоники доносились справа. Вилл посмотрел туда и заметил во мраке неясную сторбленную фигуру.

Тиу-пиу-ту-у-у, — пела гармоника печально, но с тайной надеждой.

Вилла поглотило непривычное, но прекрасное чувство совершенного покоя. Он не хотел, чтобы человек перестал играть, поэтому ничего не сказал, а просто продолжил наблюдать за неуверенными в себе язычками пламени.

Кажется, он задремал. Но как только гармоника смолкла, его глаза снова раскрылись.

Вилл выждал еще минуту, а потом сказал:

— Очень красиво. Кто вы?

Человек не отозвался. Он так и сидел, в недостижимости дрожащего света костерка. Не шевельнувшись, не сменив позу.

— Мистер? — позвал Вилл.

Тишина.

Вилл приподнялся и подошел к костру. Огонь почти уже зачах, из последних сил царапая неподатливую чурку.

Вилл с неудовольствием покачал головой. Он подошел к стволу дерева и ободрал с него кору. Как следует размял ее, подложил в розоватое сердчишко пламени. Хотел подбросить туда же немного рваных картин, но потом подумал, что человеку с гармоникой этот хлам может быть важен.

Огонь сразу почувствовал себя увереннее. Вилл нерешительно взялся за рукоять секиры. На ум приходила только грыжа кишечника. Тогда Вилл покопался в песке и отыскал небольшой острый топорик. Воодушевленный, он приступил к колке дров. С непривычки кабинетный варвар был не слишком-то ловок. Он по одному вытаскивал паленья из костра и возвращал назад тонкие бруски.

Дела у огня явно пошли лучше. Вилл воткнул топорик в ствол рядом с секирой и сказал: — Вам стоит запомнить, как это делается, мистер.

Человек не откликнулся и на этот раз.

Окрепший свет добрался до музыканта. Вилл присмотрелся к нему и вздрогнул.

На варвара смотрели выпученные металлические глаза, покрытые облупившейся белой краской. Гармоника застыла перед узкой духовой трубкой.

Это был вырванный из стойки автомат, который можно было встретить в парках и забегаловках Гиганы. Обычно он работал за медный профиль.

Что ж, я один, — подумал Вилл. — Интересно, что это за место? Неужели я все еще брежу? Но я чувствую себя так, словно спал всю свою жизнь и только сейчас проснулся. Быть может я погиб?

Он припомнил монстра забредшего в Золотую Струю № 13 и его язык, который мелькнул перед глазами и затащил в темноту, в кошмары, бред и лихорадку.

— Монстр достал меня, — сообразил Вилл. — Стало быть, я действительно умер. Неужели это и есть загробный мир?

Соленые варвары без обиняков верили в то, что после смерти каждый из них станет чешуйкой на теле кита Марлея, Исследователя Глубин. Вообще-то у китов нет чешуи. Это знали все Соленые варвары и каждого это немного смущало. Но с традиционными мифами не поспоришь.

И все же у китов нет чешуи.

Именно поэтому Вилл сейчас оказался змей знает где, вместо того, чтобы нормально бороздить морские глубины на теле, скажем, морского карпа. Золотого. Карп не так эпичен, как Кит Марлей, *но у него, во всяком случае, есть чешуйки!*

То, что ему всю загробную бесконечность придется провести в темноте, посреди непонятной пустыни, угнетало Вилла куда больше, чем факт собственной гибели. Оно и понятно: жизнь конечна в любом случае, а вот смерть не ограничена во времени. Готовь сани летом, а о нормальном загробном мире изволь позаботиться до наступления совершеннолетия.

Пожалуй, в этот момент его знаменитая Волевая Безнадега единственный раз позволила себе размякнуть. Все же это была конечная точка безысходности.

Вилл уныло сидел возле костра, как услышал чьи-то тяжелые шаги. Что-то приближалось к нему со спины, ступая как поставленный на задние ноги гиппопотам.

«Опасность!» — воскликнул инстинкт варвара, вскакивая.

«Это после смерти-то?» — меланхолично осведомился математический инстинкт и устроился поудобнее.

Вилл остался сидеть на месте, но покрылся цыпками.

Мимо него, неуклюже переваливаясь на коротких ногах, проковыляло нечто напоминающее двухметровую черепаху без панциря. Панцирь, строго говоря, был, но оказался сделан из нескольких деревянных распорок и грязноватого гобелена с надписью «Первый, защити!» натянутого поверх каркаса. Все это сооружение, напоминающее туристическую палатку, черепаха носила на веревочных лямках как рюкзак.

Вилл присмотрелся к ней внимательнее. Черепаха передвигалась на задних ногах, вместо передних у нее были длинные, как у обезьяны, руки. В них существо несло туго набитый мешок, сделанный из связанного углами ковра.

Оно взглянуло на Вилла равнодушным черным глазом и село напротив него, по другую

сторону костра, положив мешок себе на колени.

Сначала из мешка появился пивной столик. Черепаха внимательно его оглядела, попробовала мощным роговым клювом и установила по правую руку от себя. На него она выставила три пивных кружки, банку маринованных яиц и пару бутылок джинна. Коробочку солонины. Долгое время черепаха вглядывалась в портрет грустной собаки, а потом, ничуть не умилившись, бросила его к остальному хламу. Была еще чья-то шляпа: черепаха нацепила ее на голую бугристую макушку. Последним она извлекла целый ящик сырых сарделек.

Черепаха проглотила сразу три сардельки и задумалась, глядя на бутылки с джином. В шляпе она выглядела как опустившийся бродячий торговец страховыми полисами.

У Вилла, даром, что он уже умер, от вида сарделек, солонины и яиц потели слюнки. Он не ел, кажется уже целую вечность. Точнее с прошлой жизни.

Черепаха вздохнула и проглотила еще одну сардельку.

— Гм, — попытался Вилл привлечь ее внимание. — Их можно жарить. Будет гораздо вкуснее. Хочешь, научу?

Он не знал, умеет ли это существо говорить, но понимать оно должно было многое. Во всяком случае, в накладных панцирях оно разбиралось отлично.

При звуках речи, черепаха встрепелась. Она внимательно поглядела на кабинетного варвара левым глазом, приоткрыв от удивления клюв.

— Сардельки, — Вилл постарался объяснить на пальцах. — Наживляешь их на прутик... И в огонь.

Черепаха недоверчиво взглянула на ящик.

— Если дашь мне одну, я могу показать наглядно... Я, конечно, не настаиваю.

Сарделька шлепнулась ему на колени.

Вилл тут же познакомил ее с прутиком и поднял над огнем. Через пару минут вкусно запахло жареным фаршем.

Черепаха дала ему еще штук десять сарделек и открыла банку с яйцами. Они сидели друг напротив друга, молча жарили сардельки и по очереди вылавливали из банки яйца. Вилл снова почувствовал невероятный покой и умиротворение. Все было хорошо, все было просто отлично.

«Может быть, этот загробный мир не так уж и плох», — решил он.

«Это не загробный мир» — сказал кто-то в его голове.

Вилл взглянул на черепаху. Она счищала с готовой сардельки хрустящую шкурку, и не обращала на варвара никакого внимания. Но тот почему-то понял, что это сказала именно она.

— Я не...

Начал было Вилл, но черепаха закрыла клюв ладонью в знак молчания. Она вдруг поднялась и подошла к автомату-музыканту. Пнула по нему ногой. Еще разок. Вновь заиграла гармоника, гидравлика водила гармошку взад-вперед перед духовой трубкой.

«Не надо говорить» — предупредила она. «Это место не для разговоров. Здесь мы обрели покой. Воистину уязвленные, мы нашли утешение. Ничего не говори. Твоя речь, человек, оскверняет это место. Думай. Я услышу».

«А кто это «вы»? — подумал потрясенный Вилл.

«Запертые в камне звери. Нас бросили без света. Мучались, голодали, гибли. Воевали. Но он дал нам убежище».

«Кто?»

«Господин, господин, господин. Сначала мы просто спали. Спокойно, без снов. Теперь он дает нам игрушки. Дает еду. Мы развлекаемся».

«Но кто он?»

«Один из нас. Он раньше других понял, что нужно делать. Зверь с длинным языком. Он проглотил нас, избавил от страданий. Теперь мы здесь. И ты здесь. Ты тоже страдал. Усталость. Твое место здесь. Отдыхай. Скоро твой голод пройдет, ты будешь есть только ради удовольствия».

«Так мы внутри этого зверя? Он просто проглотил нас?»

«Да».

«Но как такое возможно? Он ведь не больше крокодила!»

«Он божественен».

«Послушай, я не хочу покоя! У меня были свои планы! Я вовсе не просил давать мне убежище! Я хочу вернуться домой!».

Черепаша внимательно посмотрела на него. Казалось, она была разочарованна.

«Вот как? Ты абсолютно в этом уверен?»

«Да! Я только ради этого жил! Чтобы вернуться домой! Но это не мой дом. Это чужая утроба! Я воин, я должен сражаться!».

«Однако будешь ли ты спокоен так же, как здесь, когда достигнешь своей цели?»

«О, уверен, что да».

Черепаша вздохнула и открыла бутылочку джинна. Немного прополоскала клюв.

«В таком случае, человек, тебе в ту сторону».

Она указала горлышком бутылки куда-то влево. Там брезжил, мигая, солнечный свет и мелькали неясные силуэты.

«Отсюда можно выбраться?» — обрадовано спросил Вилл.

«Если и возможно, то только там. Никто из нас не пробовал. Мы счастливы здесь».

«Понятно», — Вилл поднялся. — «Что ж, спасибо за угощение и за помощь. Но мне нужно уходить».

«Жаль», — пожала плечами черепаха. — «Ты мог бы многому меня научить. Отличная идея с этими штуковинами и огнем. Знаешь, пожалуй, я дам тебе кое-что на дорожку, раз уж ты воин. Хотя как по мне так ты больше напоминаешь жертву».

Слегка покачиваясь, и прихлебывая джинн, черепаха принялась рыться в хламе. Пару раз она начинала дремать, и Вилл хотел было уже уходить, но, в конце концов, черепаха подала ему меч, похожий на расплющенную фомку. Вместо рукояти у него была ручка от зонта. Несомненно, в этом диковинном оружии скрывалась невиданная мощь.

«Он волшебный?» — прямо спросил Вилл.

«Ик? Кто?» — проснулась черепаха.

«Меч».

«Какой?»

«Да этот же, который ты мне дала».

«Ах, этот меч? Ик. Да, он, знаешь ли, постоянно тычет в левую ягодицу, как ты ни сядь и куда его ни положи».

«Это все?»

«Ик? Нет, кажется если рядом опасность, он вроде как кричит».

«Кричит?»

«Да. Ик. Довольно неприятно. А еще, если нажать кнопку на рукояти, он выпускает две

спицы. Не знаю, как это можно использовать».

«Гм. Спасибо тебе... За этот дар».

Хр-р-р...

Во всяком случае, он был довольно легким.

Вилл соорудил из старых тряпок ножны и вложил в них Кричащий меч. Он рассудил, что название Кричащий-От-Ужаса-Выпускающий-Две-Спицы меч будет слишком неуклюжим. Потом он сделал себе факел.

«Да, и вот еще что» — снова проснулась черепаха. — «Найди язык и ступай по нему. Так будет намного проще».

«Спасибо и прощай».

«Может, свидимся еще. Если ничего не выйдет, возвращайся...».

Вилл отыскал язык довольно быстро. В конце концов, эта штукавина размерами напоминала скоростное шоссе. Вилл пошел по языку, освещая себе дорогу факелом. Довольно скоро свет впереди погас и Вилл услышал шум надвигающегося водного потока. И действительно, рядом с шоссе... то есть с языком вдруг появилась неширокая, но стремительная речка. Принюхавшись, вилл убедился, что вода в реке соленая, прямым из Белкового океана. Он жадно склонился над ней и принялся гулко глотать, придерживая Кричащий меч, чтобы тот не вывалился из ножен. Потом посмотрел, как там дела у черепахи.

Водный поток не задел ее стоянку. Костер неторопливо полыхал, автомат все еще продолжал наигрывать блюз, а сама черепаха спала, свернувшись калачиком под своим самодельным панцирем.

Вилл тепло улыбнулся.

По словам Реверанса, мы путешествовали на его посудине уже полторы недели. Он называл ее глубинным шлюпом или, чаще всего, Медузой. Сначала мы спустились по Ефврату до Океана, а потом нырнули вглубь и направились в сторону царства Соленых варваров.

Первенец выдал мне антилучевой костюм, наподобие того, который носил сам под дорогим фрактом. Его сложно было отличить от обычного комбинезона, в которых пасечники обычно грабят ульи. Этот комбинезон, очевидно, был гораздо лучше, легче и удобней тех раздутых металлических скафандров, которыми пользовались магги Авторитета, если им приходилось долгое время путешествовать рядом с обычными людьми.

Рем тем временем щеголял в новом бело-красном камзоле Первенцев, который он обрезал и ушил согласно представлениям менадинцев о модельной работе. Поля камзола он заправлял в штаны и туго перетягивал пояс ремнем.

Реверанс, глядя на него, не мог сдержать смех.

Рем почти сразу нашел с ним общий язык. Сухолюд был из тех, кто быстро заводит себе друзей даже в племени каннибалов. Его непосредственность и непонимание субординации, не оставили первенцу ни единого шанса. Теперь менадинец много времени проводил в кабине управления Медузы, помогая работе Реверанса байками и анекдотами про Ранних. Реверансу это, вроде бы нравилось, во всяком случае, хохотал он так, что я вздрагивал или просыпался. «Да, да» — бормотал он сквозь смех, — «это точно про нас». Потом он научил Рема играть в аналог карточного покера, распространенный у Первенцев, и теперь, мало-помалу, опускался в долговую яму. Это было видно по тому, что каждый раз Рем появлялся в

нашей каюте с какой-нибудь интересной безделушкой, вроде маленькой коробочки, дающей огонь или липкого валика, которым можно было чистить одежду от мелкого сора.

Я все это время пролежал в каюте, время от времени посещая галльюн, чтобы предложить организму сделать хоть что-нибудь естественное. Из-за Олечуча и Проглота я снова чувствовал себя трусом и предателем. Изредка я пытался посмотреть в иллюминатор, но там колыхался тяжелый зеленоватый мрак, в котором можно было различить медлительные глыбы морских чудовищ. Реверанс просил не обращать на них внимания, потому что любое уважающее себя морское чудовище не станет ловить ничего, что плавает под водой. Их всегда интересуют только идущие верхом корабли, полные питательного протеина в тельняшках. Кроме того, Реверанс заявил, что его в этой части Океана знает каждая собака и даже хтонический бог Узергхот, обитающий на дне самой глубокой впадины, однажды беседовал с ним о предосудительной неготовности подвоздушного мира к его, Узергхота, пришествию.

— «Старику много нерестов», — рассказывал Реверанс, опечаленно покачивая головой. — «Давно потерял рассудок. Ему до сих пор кажется, что там, наверху, люди должны одевать осьминогов на головы, чтобы быть похожими на него. Первый предписывал Хранителю Океана прийти гораздо раньше, чтобы приструнить людей, но Узергхот все откладывал и откладывал, у него ведь и здесь забот было навалом. Сначала объявился какой-то самозванный идолок с трезубцем и перемутил половину Океана. Потом ни с того ни с сего затонул Второй континент и снова огромные кракены носились туда-сюда, как гупи в банке. А еще эти теплые и холодные течения постоянно меняют маршруты. Что, змей подери, они там о себе возомнили? Все это требовало от него неусыпного контроля. А время шло, Узергхот старел, люди ели осьминогов в ресторанах. Теперь он уже вряд ли выберется. Даже если все-таки решиться, то здоровье, скорее всего, подведет его. И при всплытии с шестнадцатикилометровой глубины, у него от кессонной болезни взорвется голова. Это будет печальное зрелище. Я тогда пытался отговорить его от пришествия. Не хватало еще, что бы древнего бога склевали чайки».

В общем, по словам Реверанса, я не должен был бояться существ, которые могли спутать Медузу с перловицей и немножечко подкрепиться ее содержимым.

Я старался, как мог.

Гнил в своей каюте и разглядывал картинки в тонкой, мягкой книжице. Я решительно ничего не мог разобрать в тексте, но картинки были красивые, и этого мне было достаточно.

В какой-то момент я понял, что за мной наблюдают. Так кошка наблюдает за мышью, которая забилась в норку. Скрипя шейными позвонками, я обернулся, и вместо иллюминатора увидел зеленоватый, в красную крапинку глаз. Он смотрел на меня, казалось, разочарованно.

— Бургульк-дульк, — донеслось из-за обшивки.

Возможно, со мной просто поздоровались или беззлобно обозвали воздуходышащим плацентолюбом, однако я оказался в галльюне быстрее, чем обычно. Некоторое время я сидел, закрывшись в узкой кабинке, с ужасом ожидая начала трапезы. Потом вспомнил, что подо мной дыра и мне померещились длинные извивающиеся щупальца.

— О, привет, Вохрас, — сказал Рем, внимательно следивший за картами Реверанса. Тот никогда не снимал свой костюм, а рукава его пиджака были просто созданы для хранения тузов.

— Здравствуй, друг мой, — поддержал его первенец. — Ты дрожишь сильнее обычного.

Что-то случилось?

В кабине управления было прохладно и пахло персиками. За большим стеклянным лбом Медузы не было ничего пугающего. Только все та же тьма, в которую уходил столп света от носового фонаря. Реверанс сидел в развернутом к выходу кресле оператора, а Рем на полу. Туда же шлепались карты.

— Там снаружи монстр, — сказал я вроде бы небрежно. В действительности получилось что-то вроде всхлипа в подушку.

— Да, — поощрительно кивнул головой первенец.

— Довольно близко, — уточнил я.

— Я знаю, приборы машины предупредили меня. Нашему курсу он не мешает.

— Он заглянул в мою каюту. Наверняка у него плохие намеренья.

— Он просто проявляют любопытство, — терпеливо проговорил Реверанс, посмотрев на меня стеклянными глазами. Рем мгновенно воспользовался этим. — Я все вижу, — сказал первенец. Рем понуро спрятал карту обратно в шевелюру. — Представь, себя на его месте, — Реверанс снова обратился ко мне. — Вот идешь ты по мостовой, а мимо тебя в водяном пузыре проплывает рыба. Не интересно?

— Ну... — начал было я.

В этот момент Медуза дернулась, словно кто-то ухватил ее за хвост, и пошла заметно медленнее. При этом нос ее начал задираться вверх.

— Я же говорил!

— Без паники, — прокомментировал Реверанс. Он забросил карты и склонился над этой жуткой панелью с огоньками и пупырышками. А еще там была куча каких-то разноцветных стеклышек. — Гм, — он был явно озадачен. — За нами действительно что-то следует, но на таком расстоянии, что прямой контакт исключается. Надо всплыть и посмотреть, в чем дело. Возможно, мы просто зацепили водорослевый атолл, такое уже случалось.

Он припал к панели. Медуза мягко двинулась вверх и назад.

Когда мы всплыли, Реверанс первый вскарабкался по лестнице, открыл люк и выглянул.

— Гм, — буркнул он многозначительно. — Ах, вот как.

И выпрыгнул наружу.

Мы последовали за ним. Рем помогал мне снизу. Я вывалился на мокрую спину Медузы и увидел на ее хвосте Олечуча. Тот одной рукой держался за кольцо для швартовых канатов, а другой не давал Проглоту уплыть вместе с несчастным чудищем. Оно было опутано языком и тащилось за нами на расстоянии хвостов сорока. Я бы сравнил его с еловой шишкой, которая решила, что мир создан для странностей.

Я мысленно поблагодарил Первого, за то, что он позволил этой парочке нагло наплевать на опасности, которые обычно поджидают любого на глубине тысячи хвостов, во все еще первобытном Океане.

— Отпусти! — советовал Реверанс, склонившись над Проглотом. — Все равно ведь не получится.

—..! — отвечал Проглот. Похоже, он так не считал.

— Матрас! — радостно воскликнул Рем, спрыгнув рядом со мной.

Он подбежал к Олечучу и снял с него шлем. Полилась вода. Чучело выглядело неважно. Оно разбухло и размякло, глаза стерлись, в доспехах что-то билось и шлепало. Наплечники обросли водорослями. Ножны с мечом болтались на ноге.

— Слышишь меня? — спросил Рем.

— Я вырву вам нижние челюсти, — поздоровался Олечуч. — Кия, — произнес он как-то совсем уж меланхолично. — Где они? Где все? Я пойду, запишусь на вечерние чтения. Так тихо. Кья...

— Он в порядке. Ну, насколько это для него возможно.

— Надо что-то сделать с этим... С Проглотом, — вмешался Реверанс. — Он не собирается отпускать добычу.

—...! — подтвердил Проглот.

— Это огурец океанический небольшой, — сообщил первенец, глядя на слабо сопротивляющееся идолище. — Питается в основном торговыми барками, однако в случае нужды может переключиться на однопалубные парусники. Довольно злобная тварь.

— Можно подумать, есть миролюбивые глубинные чудовища! — воскликнул я язвительно. — «Небольшой». Представляю, чем обедает «огурец океанический разьетить-гигантский»!

— Забавно, что ты об этом заговорил, — невозмутимо отвечал Реверанс. — Как правило, большие огурцы промышленяют тем, что слизывают с кораблей налет из ракушек, мидий и прочих рачков. А моряки в благодарность подкармливают их солеными луковицами.

Я промолчал.

— Кажется, наш огурец порядком шокирован, — изрек Реверанс неуверенно. — Проверю как у него дела. Вохрас, а ты пока помоги своему зверю расстаться с ним.

С этими словами он подпрыгнул, его пиджак вздулся, брюки пошли волной. Расставив руки в стороны и вытянув ноги, он перелетел на чудище. Пошел к тому, что, скорее всего, было головой.

Я подошел к Проглоту и посмотрел на него с сочувствием.

— И вы все это время были здесь? — спросил я Олечуча. — Мы плыли на большой глубине.

— Однажды по мне ударили пудовым молотом: я сорвался с цепей и летел над головами, после чего, кхм, высадил окно и упал в грязь к свиньям — сказал тот. — Свиньи отгрызли мне ногу и заставили смотреть, пока они валялись в моих опилках и гравии. А теперь я позволил себе немного отдохнуть в тихих Океанских глубинах. *Скажешь, я незаслуженно хорошо провожу время?!*

— Я совсем не это...

— Сделай что-нибудь с этой шкурой! — оборвал меня Олечуч. — Я не могу вечно его держать.

— Рем, у тебя остался бонгор? — спросил я.

— Гм?

— Дай Проглоту нюхнуть бонгора. Только осторожно. Слегка отогни обертку.

Вернувшийся через минуту Реверанс сообщил, что чудище в целом не пострадало, но некоторое время будет мучиться кошмарами и нервным тиком правого верхнего периферического глаза. А так же экзистенциональной депрессией. Освобожденное, оно безвольно покачивалось на волнах, как дрейфующий корабль. Рем, который сматывал язык Проглота, нашел ему другое сравнение, которое тоже так и напрашивалось.

Проглот лежал на спине и слабо шевелил ногами.

Вволю подышав свежим соленым воздухом, мы забрались обратно в Медузу. С Олечуча

сняли доспехи и положили его в жар машинного отделения, чтобы он как следует просох. Бесчувственный Проглот лежал у меня под койкой.

Через некоторое время я пришел к Олечучу с банкой черной краски и нарисовал ему новые глаза. При детальном осмотре выяснилось, что кто-то попал ему из инфузера между сочленениями доспехов в районе бедра, и Олечуч потерял некоторое количество опилок и гравия. Я хотел заполнить полость перьями из подушки, но манекен чуть не открыл мне голову. Тогда Реверанс дал мне мешочек ненужных болтов и гаек.

Когда я уже зашивал дыру, спросил у него:

— А что стало с Накатом?

Двенадцать дней назад...

По правилам Сборника Супердогм за 413-ый нерест, у каждого суперчемпиона должно быть свое убежище.

Хорошим, общепринятым и распространенным примером такого убежища может считаться сухой подвал, либо прометенная пещера низкой влажности. В минимальной комплектации оборудованные парашей, стойкой для оружия и костюма, запасом еды и питья минимум на трое суток. Приветствуются такие атрибуты как: подробная карта занимаемого суперчемпионом города, койка для мальчика-помощника и доска трофеев, к которой можно приколачивать различные предметы, имеющие отношение к побежденным злодеям. Опционально допускаются портреты убитых злодеями родственников. Высшим пилотажем считается невозмутимый слуга-евнух в черной ливрее; лабораторный будуар для анализа улики оборудованный многозадачной женщиной-ученым; и какой-нибудь древний артефакт, ценность которого определяется степенью загадочности и количеством углов.

В таком убежище можно неплохо провести время, предсказать готовящееся преступление или раскрыть его. Некоторые суперчемпионы умудряются даже предотвращать их прямо в убежище. В основном это, конечно, относиться к полусумасшедшим плодам кровосмесительной дворянской любви. Им достаточно просто не выходить наружу.

Накат никогда не считал себя суперчемпионом, но его убежище почти отвечало требованиям Новейшего Сборника. Да, оно существовало, наравне с птенцами голубя, хотя видели его единицы.

Как уже говорилось ранее, Накат не любил людей и по понятным причинам делал это профессионально. Когда его коллеги говорили «ничего личного» Накат выплевывал «поделом тебе ...рила ...ный». Сама мысль об обитании рядом с другими людьми, вызывала у него рвотный спазм. Если б не вендетта Кошкину, Накат ни за что не поселился бы в столице.

Проблема была в том, что в Гигане найти действительно безлюдное местечко можно было только предварительно это местечко от людей расчистив. Например крикнуть что-то вроде: «у меня под рубахой бочонок хлопышей, Хладнокровный — король рок-н-ролла!» И сделать вид, что поджигаешь фитиль. Это на некоторое время даст вам личное пространство радиусом шагов в пять, для того, чтобы, например, нормально завязать распутившиеся шнурки.

В Гигане не было заброшенных строений. Даже сгоревшие дотла дома мгновенно восстанавливались людьми, не имеющими к делу никакого отношения. Это было сродни инстинкту самосохранения. «Вот сгорел дом», — говорил инстинкт хозяину. — «Как думаешь, куда денутся люди, которые в нем жили? Кроме тех, кто начал пахнуть котлетой,

разумеется». А патрульный в этот момент выписывает этому самому хозяину второй за сегодня штраф «за стояние на одном месте более двух минут без уважительной причины».

В общем, бескомпромиссные социопаты в Гигане не выживали. Просто убежденным или пассивным человеконенавистником был каждый второй гиганец.

Накат, как бескомпромиссный мизантроп, нашел единственно возможный выход из этой ситуации.

Поселился в склепе, на городском кладбище.

Собственно, в Гигане процветала практика кремации, и клочок земли на этом кладбище стоил немислимых денег, на которые гораздо увлекательнее было жить. Немногие решались преподнести червям настолько дорогое блюдо. Да и покойный дедушка вряд ли оценил бы в тысячу золотых профилей десяток лопат сухой комковатой землицы. Тем не менее, богатые либо упертые традиционалисты находились, и кладбище было плотно... э-э-э... укомплектовано.

Учитывая то, сколько здесь стоила могила, кладбище было защищено лучше, чем иные сокровищницы Гротеска: насыпь с кольями, высоченная кирпичная стена, обжитая крапивой, и система ловушек с той стороны, чтобы ни у кого не осталось надежды на авось. Это Наката устраивало. Кроме того, родственники посещали могилы редко: либо вкалывали на четырех работах, чтобы оплатить первый взнос за двухметровую яму, либо посылали умершим родственникам открытки, которые почтальону приходилось зарывать в землю на холмике. Первые, разумеется, были упертыми мешанами, а вторые — занятыми купчинами.

С охраной у Наката проблем не возникло. Хватило намека в виде ло-ша-ди-ной головы с ближайшей бойни, у которой в зубах застряла записка проясняющая ситуацию. На кладбище было четверо охранников и все они не решались по ночам выходить из сторожки. И дело было вовсе не в шагающих мертвецах. Они бы тоже не посмели вылезти на открытый воздух после наступления темноты. Ведь Накат всегда покидал и посещал убежище только ночью, открывая калитку в кладбищенских воротах собственным ключом.

Сегодня он впервые вернулся днем.

Охранник на вахте сделал вид, что у него под стол закатилось пара сотен карандашей, которые срочно нужно было подобрать.

Накат, зажимая тряпкой рваную рану на плече, угрюмо катился к своему склепу. Крови у него в организме было немного, поэтому он скорее беспокоился за жилет.

— А он ка-ак напрыгнет, — не унимался Ики.

Он делился впечатлениями с самой пристани. Воин в черных доспехах оказался крепким орешком. Накат едва не дал ему разрезать себя по диагонали вместе со спинкой кресла. Воин шипел как сумасшедший и неразборчиво хрипел что-то про манекены и теплые опилки. Накат был уверен, что схлестнулся не с человеком. Во-первых, он выстрелил нападавшему меж доспехов в районе бедра, а тот даже не дрогнул. Во-вторых, Накату показалось, что глаза воина...

— Если бы я не сдал назад... — хвалился Ики.

А потом он убежал вместе с этим языкастым чудищем и скрылся под водой, вслед за хозяевами. Давненько Накат не видел собственной крови. Теперь азарт его разыграл, он алкал достойного противника еще со времен смерти Средневекового Дюка.

— ...порциями на развес...

— Ики, хватит.

— ...корзинка для потрохов...

— Ики.

— ...перемешать с грибами и поджарить...

— Ики!

ИКИ — это сокращенно Инвалидное Кресло Интеллектуальное. Мастер Кумишии предупреждал, что технология эта предназначалась сайцам, которые при любых обстоятельствах превосходно держат себя в руках. Накат часто вспоминал об этом замечании.

Сайцы стремились сочетать механику и магию. Например, в случае с ИКИ использовались передовые гидравлические узлы и умственная эссенция (В Авторитете ее называли попросту душа) некоего стражника по имени Кушунцзы, которого подстрелили из арбалета занятые делом контрабандисты. По счастливой для Кушунцзы случайности, на него в госпитале наткнулся один из ведущих инженеров проекта, которому было поручено найти человека для создания первого ИКИ. Инженер предложил стражнику спасение, сопряженное с необходимостью сменить нынешний... физический сосуд на... другой физический сосуд. Да, он изъяснялся туманно, но попробуй-ка предложить умирающему человеку переродиться креслом.

Как бы то ни было, Кушунцзы согласился на пересадку души. В новенькое инвалидное кресло с колесами на каучуковых шинах и спиртовым двигателем. Стражник растерял часть прошлой памяти, в основном о родственных связях, забыл даже свое имя. Теперь его звали Ики, он управлял внутренними механизмами и был единственным... единственной сущностью, с которой Накат мог общаться.

Не всегда, впрочем, желая этого.

— ...похоронить в птичьей кормушке.

— Ики, сколько оспинок во-о-он, на том надгробии?

— Ха! Нет, на этот раз ты меня на мякине не проведешь. В прошлый раз я начал говорить с тобой по поводу твоего затворничества, а закончил тем, что на площади Гельмуна Кената, видите ли, две тысячи сорок четыре плиты.

— Это потому, что я не хочу говорить о том, о чем я говорить не хочу, — рубанул Накат.

— А между тем, ты скоро свихнешься в этом склепе от одиночества.

— Я свихнусь не от одиночества.

— Оскорбительный намек номер десять тысяч один.

— Правда? И что, мы никак не отметили десятитысячный юбилей?

— Хорошо, я понимаю, что до этого ты был сосредоточен на своем Кошкине... Но теперь его нет! Или ты собираешься выковырять те камни, по которым его размазало, и расколоть их?

— Я собираюсь расправиться с тем возницей-первенцем, тем черным психопатом, и тем маггом, который... Змей подери, мне нужна резинка. И ножницы. У нас есть ножницы?

— Для человека, который стачивает свои ногти напильником, ты задаешь неуместные вопросы.

— Ладно, обойдусь ножом.

— Теперь тебе, наконец-то, следует заняться чем-нибудь нужным, — мечтательно заговорило кресло. — Как насчет того, чтобы действительно занять место Средневекового Дюка?

— Не говори глупостей, — равнодушно возразил Накат.

Петля меж могил, по узкой мраморной тропинке, они подъехали к склепу.

Склеп был что надо: маленький готический дворец, охраняемый гранитными химерами, прекрасными в своей гармоничной уродливости. Настоящая находка для тех, кто после своей смерти собирается начать новую нежизнь в лиловом плаще с высоким воротником или, на худой конец, в старом истлевшем саване, развевающимся даже при полном штиле.

Накату он тоже нравился.

Треугольная плита, закрывающая вход в склеп, выглядела неподъемной, недвижимой и взрывоупорной. Накат подбегал вплотную толкнул ее рукой внутрь. Заскрипели петлицы.

— Знаешь, — сказал Ики, явно вспоминая про свои скрипящие колеса, — это нежелание хоть что-то сделать лучше в этом мире, заставляет задуматься.

Ступеньки, ведущие в мягкую, дремотную тьму Накат забросал землей.

— О чем же?

— О том, что ты бесполезная, глупая и злобная сволочь, которая сознательно игнорирует свою способность приносить людям пользу.

— Неужели? — холодно произнес Накат, начиная спускаться вниз. Кресло слегка подпрыгивало на ребрах ступеней. — Я убил дюжины три коррумпированных подонков, которые жили и жрали за сотни, за тысячи людей.

— И кому от этого стало легче? — хмыкнуло кресло. — В основном только тебе. Ты получил свои профили и спустил их на то, чтобы в Гротеске кто-то мог подсмотреть за оргиями Кошкина, и доложить тебе об этом. Польза? Нет. Жажда мести. Очнись, Эскельд! Ему было за сотню нерестов, он сам прекрасно справился бы с твоей вендеттой. Пукнул бы в неподходящий момент и — хана: перелом позвоночника... О-ой, извини. Я хочу сказать, ребенку ведь понятно, что твоих жертв тебе заказывали точно такие же коррумпированные подонки. Чтобы занять место убитых. По сути, действительно полезным моментом в твоих действиях было только одно: то, что ты освобождал из клешней этих императорских скорпионов немалые суммы денег. И вот эти деньги ты мог бы использовать с умом, а не кормить крыс в Гротеске.

— Помогать бедным?

— Да.

— Выкупать на частных аукционах бесценные произведения искусства и передавать муниципалитету?

— Конечно!

— Поддерживать программы развития производства экологически-чистого корма для яхи-таксистов?

— Ну, к примеру.

Накат вздохнул.

Он знал, что душа в Ики когда-то принадлежала стражнику. Притом, — Накат был в этом уверен, — стражнику скверному. Все дело в том, что хороший стражник обычно доживает до пенсии. Да, он закрывает глаза на некоторые преступления, но только для того, чтобы в следующий раз грубым голосом прикрикнуть: «ваша песенка спета, господин преступник, гр-р-рабли вверх!». Важно уметь вовремя сказать себе: «ага, вот здесь меня точно нашьпигуют болтами, как бы я не извернулся, поэтому подожду-ка я случая, когда меня лишь *возможно* пырнут ножиком в бок». Так это обычно должно работать.

Ики?

Нет, все же он был плохим стражником. Наверняка каким-нибудь идеалистом. Возможно, перед тем как получить болт в брюшину, он искренне верил, что двадцать

контрабандистов сдадутся сами, пораженные его доблестью и уязвленные собственной безнравственностью.

И, тем не менее, этим Накат не мог его попрекнуть. Вспоминал себя нерестов десять назад.

— Ты так ничего и не понял Ики... — сказал Накат хмуро.

Ики неожиданно промолчал.

Они достигли «дна» — широкой гексагональной крипты трех хвостов в высоту. Пол и потолок здесь были мраморными, стены гранитными, в многочисленных нишах отдыхали от земного пути мощи в похоронных мешках. Накат покрутил вентиль на стене и крипту осветили газовые фонари, сидящие на капитальной колонне, расположенной в центре.

Из мебели у Наката была низкая тахта, застеленная куском брезента, стол на трех ножках, подпертый с четвертого угла мечом, и самодельная книжная полка, поставленная вертикально. Оружие, карты и припасы лежали в освобожденных от мощей нишах. Накат просто перетаскивал некоторые похоронные мешки к другим, освобождая место. Он не считал это кошунством: был уверен, что истинная память живет не в костях. Туалетом он пользовался тем же, что и охранники, хотя это и вызывало определенные трудности, в особенности у самих охранников.

Накат подъехал к одной из ниш и взял из нее сумочку с медикаментами. Положил на стол.

Снял жилет.

Затем он вскипятил немного воды на костерке, разведенном из брикетов бездымного мха. Бросил в кипяток бинты. Кряхтя от боли, стащил с другой ниши бочонок крепчайшего виски. При помощи воронки и шланга полностью заправил бак Ики. Остатки вылил себе в рот и на рану.

Ики издал довольное бульканье. После каждой заправки он становился немного неуправляемым. Из выхлопной трубы поползли алкогольные пары.

— Что может быть лучше приятной тяжести в баке? — бормотал Ики неразборчиво. — Разве что... вычисляется... смазанные колеса?

Накат не торопясь клал стежки на рану. Получившийся шов еще раз промыл виски и замотал плечо тщательно выжатыми бинтами. С помощью кусочка воловьей жилы собрал в хвост на затылке свои новые волосы. Потом сварил немного похлебки из куска копченого окорока.

Ики вроде бы задремал. Во всяком случае, Накат спокойно похлебал бульон, и успел разложить на столе карты Белкового Океана. Он знал о Реверансе немного, почти ничего, однако выяснил, что тот как-то связан с Солеными варварами. Чтобы найти его, нужно было добраться до Твердых Вод, места, одно упоминание о котором создавало тромбы в крови всякого океаноплывателя.

Накат ухмыльнулся. Кажется, назревало приключение.

— Так чего же это я, интересно, не понимаю?! — внезапно и запальчиво воскликнул Ики.

Накат отрыгнул. Поскреб щетину, разглядывая белое пятно на карте южных широт. Пятно было треугольным, оно пожирало корабли как хлебные шарики. Там пропадали легкие исследовательские суда, плавучие калоши миссионеров, стремительные корветы каперов, могучие галеоны Гвардии. Это была родина Соленых варваров, место, откуда они начали свою экспансию, захватив уже больше тысячи капиллярных островов.

— Того, что один муравей не может сдвинуть весь муравейник. Не может выволочь его из тени на яркое солнышко. Он может перетаскивать его по крошкам, но это бессмысленно, страшнее судьбы не придумаешь.

— Да, но знаешь, это неплохой выход для того, кто чувствует... вычисляется... себя настоящим человеком и не собирается прогибаться под обстоятельствами. Муравья... Э, то есть человека железной воли и...

— Непроходимой глупости, — закончил Накат.

— Но это просто... вычисляется... Кто-то должен быть первым. Да, на первый взгляд его дело бессмысленно, он вроде бы хочет... вычисляется... разбавить бочку виски каплей воды, но все дело в символе... В примере, понимаешь?

— Людям плевать на символы как таковые, если он не погоняют их палкой, как церковь или гвардия. Если ты хочешь, чтобы люди стали добрее, ты должен *заставить* их быть добрее. Только так.

— Ты циник... вычисляется.

— А тебе нечего возразить.

— Вот мы сейчас... вычисляется... поедем и спросим у них... у этих... у людей. Хотят ли они быть добрее?

— Я тебя только что заправил, Ики. Тебе нужно время, чтобы прийти в себя.

— Гм. Да, ты прав, я лучше постою на месте... Вычисляется... Но согласись, что ведь любая другая цель профиля ломанного не стоит! Вот твой Кошкин к примеру. Ты хотел его смерти, и он... вычисляется... умер. Но скажи, разве это принесло тебе успокоение?

— Если бы я сделал это собственными руками...

— Хватит врать! Хватит врать самому себе. Ты... вычисляется... просто не знаешь, что теперь делать. Что делать дальше? Теперь ты говоришь, что тебе нужно достать того первенца. Ты, возможно, действительно этого не понимаешь, но всего лишь ищешь причину действовать, двигаться, жить... Призраки прошлого ведь ничем тебе не помогают!

Накат промолчал.

— Ага, на этот раз тебе нечего сказать!

Накат молчал так, словно у него срослись зубы. Ики понял, что сболтнул лишнего. Накат мало рассказывал о своем прошлом.

— Эскельд? — это было то небольшое, что он знал.

Тот долго не отвечал, собирая в сумку оружие, инструменты и провизию. Некоторое время он читал по диагонали толстую книгу, которая была озаглавлена «Эй, кто это там?», за авторством Эрволла Горгена.

Все это время Ики виновато поскуливал и бормотал что-то невразумительное. Ему казалось, что он сыпанул соли на большую вечно открытую рану.

— Да я не получил успокоения, — сказал наконец Накат, скручивая карту. Он сунул ее в дорожную сумку Ики. — Именно поэтому, я попытаюсь найти его внутри разбитого черепа этого первенца. А там, видно будет. Если и это не поможет, что-нибудь придумаю. Может сожгу Капитальную Церковь Зверя. Ну как ты, уже можешь ехать?

— Да, думаю да, — с облегчением проговорил Ики.

Накат потушил костер и свет. Они выехали из склепа. На улице уже стемнело, это было как нельзя кстати.

— Ты невыносим! — восклицал Ики, тут же осмелев. — Разрушения, разрушения, разрушения! Ты ведь всю жизнь этим занимался, может быть, все дело в том, что ты выбрал

неправильный путь и не хочешь сворачивать?

— Возможно. Если и сожжение Церкви не поможет, я попробую отбирать деньги у богатых и часть из них отдавать бедным.

— И можно поинтересоваться какую именно часть?

— Ну... Что-нибудь порядка трех процентов.

— Эскельд!

— Считаешь это много?

— На что тебе вообще нужны деньги, если мы живем в склепе? И агентура тебе теперь тоже не потребуется.

— Ну не скажи, уши в Гротеске никогда не будут лишними. Сейчас я, например, намереваюсь узнать, не отходят ли в ближайшее время разведывательные корабли в сторону Твердых Вод. Кроме того, теперь ничто не мешает мне оставить Гигану и немного попутешествовать. А для этого нужны деньги.

Они подъехали к воротам. Накат отпер калитку.

Некоторое время еще можно было слышать пышущий искрами диалог, похожий на порхание двух шпаг в воздухе. Потом все стихло, только поскрипывали на ветру привезенные из пустынь зловещие анчары — одно из главных украшений кладбища.

Охранник выбрался из-под стола.

В это же время Миумун ждал на пристани, наблюдая за пьяными матросами. Точнее они были пьяными, до того, как их окружили пятьдесят здоровенных, отожравшихся на солонине крыс. Четыре дрожащих океаноплатателя сбились в кучку сидя на земле. Крысы злобно попискивали, стоило им только пошевелиться.

Миумун стоял неподвижно. Глядел на реку.

Ефврат был настолько широк, что на другой его стороне вполне могла греметь гражданская война, а эта часть Гиганы даже не всхрапнула бы во сне. В темноте спокойные воды второй великой реки, осоловевшие от сбрасываемых Гротеском отходов, казались неподвижными. Та странно-приспособившаяся живность, что обитала в городской зоне реки, не рисковала играть на поверхности, чтобы не плотнуть, ненароком, свежего воздуха. Ночной Ефврат напоминал ползущую вперед пластмассу.

Рядом с Миумуном, на свернутый в бухту потрепанный канат безнадежно шлепнулась облезлая чайка. В ее клюве спокойно, почти не сопротивляясь, повисла некая тварь, напоминающая рыбу с зубастыми жабрами. Очевидно, чтобы дышать в Ефврате, нужно было тщательно пережевывать воду.

Чайка, не размыкая клюва, издала писк мученика, означающий примерно следующее: «Первый, в какой-то момент тебе нужно было зажать свое рожалище чтобы люди никогда не появились на свет!». Потом она с видимым (для птицы выказать эмоции это нелегкое дело) отвращением выбросила тварь в воду. Псевдорыба, с трудом протискиваясь, вошла в Ефврат.

Чайку вырвало.

Пока она блевала, заинтересованный Миумун чуть напряг свои силы. В результате на поверхность всплыли две сросшиеся задами жабы, давешняя рыба и ботинок с членистыми ножками на подошве. Ботинок злобно клокотал. Сиамские квакши меланхолично лягали друг друга задними лапами. Рыба угрюмо жевала жабрами воду.

Миумун покачал головой и отпустил их. Ботинок тут же набросился на жаб, и они скрылись под водой. Рыба перевернулась кверху пузом и бодро поплыла куда-то, оставляя

дорожку из пузырей, которые никогда не лопались. Их при желании можно было растягивать в руках как жвачку.

— Пощади нас, сударь! — ныли матросы. — Бери, че хошь, только отзови крыс. Мы ж не знали, чего ты из этих. Нам с маггами проблемы не нужны!

Миумун не обращал внимания. Глядел на реку, ожидая свое судно.

Вот, наконец, он заметил движение на поверхности реки. Что-то раздвигало в стороны ленивое течение, бесцеремонно расталкивая корабли и поскрипывая невидимыми снастями.

— И нереста не прошло, — проворчал Миумун.

Грубо потеснив пришвартованный прямо у деревянных мостков Сайский фрегат, невидимое судно остановилось. Взор Миумуна словно заслонила детальная картина противоположного берега. Точно такая же, как оригинал, но зернистая и зерна ее слабо шевелились. Очертания корабля шевельнулись. Картина стала еще более смутной, расплылась, и в воздух, с тонким звоном, взметнулся рой маленьких жучков с кристаллическими шкурками.

Разоблаченный корабль оказался двухпалубником из необычного легкого и прочного материала, который оторопевшим мореплавателям еще не приходилось видеть. Это было все равно, как если б кто-нибудь построил корабль из шелка, укрепив его платиновой проволокой. А вместо парусов приколотил к бортам мельничные колеса. И все это смущающее традиции извращение способно было протаранить Гвардейский галеон как картонную коробку.

Странное судно сбросило трап.

На палубе появились неясные фигуры. Они плавно помахивали тонкими хвостами, но передвигались прямо, на двух ногах.

— Ну, отлично, — бормотал Миумун, поднявшись на борт. — Просто отлично. Эй вы, парии, есть кто-нибудь из хозяев?

Фигуры что-то неразборчиво рычали, предупредительно расходясь в стороны.

— Так я и знал, — причитал Миумун раздраженно. — Естественно. Дали пару сабель и крутись как хочешь. Разумеется, речь-то ведь идет всего лишь о третьем вторжении. Нужно незаметно пробраться на Твердые Воды. Чего там, старик Миумун на таких заданиях отдыхает.

Он скрылся в трюме. Хвостатые фигуры последовали за ним.

Звенящий над судном рой вернулся назад, и оно исчезло, лишь стеклянистые очертания, мигнули над рекой. С пронзительным скрипом упал на бок еще один сайский корабль.

Чайка наконец-то пришла в себя, но ее спугнул надрывный визг четырех несчастных матросов.

Обычно, когда я пытался узнать у Реверанса хоть что-нибудь о своей дальнейшее судьбе или хотя бы о том, куда мы направляемся, он делал вид, что терпит тяжелое оскорбление.

— «Неужели ты не доверяешь мне, Вохрас? Благо ждет тебя впереди».

Наверное, все дело было в том, что я знал, чего стоит благо, названное чужими устами.

В какой-то момент я перестал считать дни. С Реверансом я старался не разговаривать. Так я утратил последние крохи контроля над собственной жизнью.

В некий момент я, по своему обыкновению, вернулся из галюна злой и одновременно напуганный, и увидел в каюте Рема, сгорбившегося на своей койке. На его правой железной ладони сидел Дориан Виг и жадно лакомился кусочком персика. Когда я вошел, Автор

подозрительно глянул на меня и пискнул:

— Не подох, не подох, не подох! Искрррик!

— Это явно было ошибкой, — согласился я, будучи в состоянии крайне подавленном и меланхоличном.

На моей койке кверху брюхом лежал Проглот, и отстраненно скреб стену задней левой лапой. Ему было лучше, но он скучал по открытому миру. В его животе что-то таинственно гудело и посвистывало, — похоже, освобождалось место для серьезных вещей, вроде пряных, с дымком, вулканических островов. Объединение.

На его зобу грелся в свете ламп Цыпленок.

— Циф, — сказал он неодобрительно.

— Я не всегда был таким, — возразил я. — Не могу привыкнуть к тому, что делаю дела какими-то зелеными кристаллами, знаешь ли!

— Циф, — парировал Цыпленок.

— Это, во всяком случае, доставляет тебе удовольствие, — вступился за меня Рем.

— Да, — благодарно кивнул я. — И вообще, какого змея ты тут делаешь?

— Циф, — туманно изрек Цыпленок, и прикрыл глаза белыми пленочками.

— Рем? — спросил я.

— Разопри меня с нутра, если знаю, — пожал плечами сухолюд. — Когда я пришел, он уже сидел здесь. Это же воспоминаний, кто его запомнит, к тому и является.

— А что насчет Вига?

Я отодвинул Проглота ближе к стенке и уселся на край койки.

— Заговор, заговор! Искррриик!

— Да что ж его бросать? — возмутился Рем. — Помер бы с голоду. К тому же не у всякого менадинца есть карманный Автор. Все это время он спал. Сейчас вот только вылез, учуял видать персик. Видел, что Олечуч сделал с машинным управлением?

— Нет. Предпочитаю его не беспокоить.

— Напрасно, — подмигнул Рем. — Это стоит видеть.

— Казнить, казнить, казнить, икрррик!

Я посмотрел на Вига. Он глядел перед собой бессмысленным взглядом совершенно счастливого существа и сыто поглаживал животик. Рем оттопырил нагрудный карман пальцем и аккуратно поместил туда задремывающего Автора.

— Рев говорит, что мы почти на месте, — сообщил сухолюд.

— Рев? — переспросил я, отвлекшись на свои мысли.

— Первенец, — Рем откинулся на жесткую подушку.

— О. Ну и где же это место?

— Он сказал: «Рем, ты когда-нибудь мечтал увидеть воочию Твердые Воды?». А я говорю: «нет, мне хватает простых приемов с несколькими девочками сразу». Я имею ввиду, такие извращения не для Поздних. Мы привыкли к старой доброй жидкой водичке... Престон? Ты чего? Я отсюда вижу твой желудок.

Реверанс упомянул в башне о Соленых варварах, но я представил их как наемников или посредников в каком-то эпизодическом деле. Мы бы высадились на каком-нибудь острове их племенной конфедерации и... ну не знаю, дальше дело было за Реверансом.

Но Твердые Воды!

— Твердые Воды — это миф, — сказал я уверенно.

— Не очень-то уверенно ты это произнес, — заметил Рем, с милой улыбкой

провокатора.

— Это просто не может быть правдой! — не сдавался я перед собственным ужасом.

— Да о чем вообще идет речь? — пожал плечами безмятежный сухолюд.

— Старая байка, всплывающая после нескольких пинт рома, — я дрожащими руками схватился за журнал и принялся отрывать от него маленькие полоски скользкой бумаги.

Пролот зашевелился за моей спиной, и вдруг оглушительно икнул, подпрыгнув на матрасе. Цыпленок встрепенулся и вспорхнул мне на плечо.

Вошел Реверанс. Он оглядел наше собрание и бодро сообщил:

— Приближаемся к Твердым Водам. Расчетное время прибытия двадцать минут. Прошу вас застелить койки, прибрать мусор и... Вохрас, это твой цыпленок?

— Циф, — заявил Цыпленок дерзко.

— А, — Реверанс слегка склонил лысину. — Прошу простить, сударь. Надеюсь, вы поймете старого первенца. Привычки, привычки. И, Вохрас, будь добр поговори со своим телохранителем. Кажется, он не собирается никуда выходить.

Он еще раз кивнул и вышел.

— Что он там сказал насчет Твердых Вод? — спросил Рем невинно.

— Грхбрумбу, — ответил я, закрыв лицо ладонями.

Чтобы отвлечься от панического ужаса, я принялся заталкивать мусор в пасть Пролоту.

— Надо сказать Олечучу, чтобы надел доспехи, — проговорил Рем все так же безмятежно.

— Клянусь Первым, не поверю, чтобы ты ни разу не слышал о Твердых Водах! — воскликнул я, воздев руки к потолку. Что-то громко щелкнуло в суставах.

— Слышал, конечно, — сухолюд зевнул и почесался.

— Так почему ты спокоен?!

— Ты считаешь, что я спокоен? — наигранно изумился мой друг. — Ты, *haga hugan*, ошибаешься. Я взбешен настолько, что скоро окалина посыплется. И для этого есть три причины. Во-первых, я пробовал настойку, которую Соленые варвары делают из сахарных водорослей. Ей можно забивать скот. Во-вторых, я не был с женщиной уже почти три недели. А у Соленых варваров, насколько честна молва, даже девочкам нужен бюстгальтер.

Он замолчал, словно переводя дыхание.

— Но это вроде бы неплохо, — нерешительно вставил я.

— Двадцать минут! — взорвался вдруг Рем, схватив себя за волосы. — Это в-третьих! Я чувствую каждую, *chack-noska*, секунду! Они проходят сквозь меня как маленькие лезвия!

Он вцепился зубами в собственный кулак и замычал.

— Я лучше пойду к Олечучу, — рассудил я для самого себя.

— Циф, — сонно сказал Цыпленок мне на ухо.

— Кто-то же должен.

— Циф-циф.

По узкому овальному коридору, я прошел до переборки, на которой языком первенцев было написано «движущая сила». Я приложил ухо к прохладному металлу и прислушался. Постучал.

— Олечуч! Ты слышишь?

За переборкой работали двигатели: «динг-дунг, динг-дунг». Свистел пар. Мне показалось, что я услышал в скрипе стальных поршней осколки смеха.

Кажется, я пробудил зло.

— Олечуч! Мы почти прибыли на место. Тебе лучше надеть доспехи.

Динг-дунг, динг-дунг.

— Если ты меня понял, подай какой-нибудь сигнал. Ударь два раза в стену, например...

Что-то сильно, со шлепком, ударило в переборку с той стороны, и я непроизвольно отшатнулся.

— Л-ладно, — кивнул я в сторону переборки. — Я понял. Ты понял. Все всё поняли. Отлично. Я пойду.

Я повернулся, и за моей спиной с лязгом распахнулась железная закупорка. Приготовившись бежать, я посмотрел в открывшийся проход. Там, во тьме, клубился бледный пар. Слабо трепыхался тусклый свет лампы. Он, то появлялся, подсвечивая пар изнутри, то снова утопал в нем. Олечуча я не видел, но, кажется, это было приглашением войти.

Я стал осторожно приближаться к влажной лязгающей тьме, потом сообразил, что иду приставными шагами вдоль стены, и взял себя в руки.

— Циф, — заметил Цыпленок заинтригованно.

— Может, тогда ты его позовешь? — спросил я почти с надеждой.

— Циф!

— Тогда сделай вид, что тебе тоже жутковато.

— Циф-циф-циф! — ненатурально запричитал Цыпленок.

— Спасибо.

Я медленно погрузился во влажный, мигающий мрак. Прошел чуть вперед, пытаюсь различить что-нибудь в обстановке. Вокруг падали и поднимались вверх силуэты поршней. Металлический шум и пульсирующий гул Медузы не давал мне прислушаться. Пол под ногами дрожал как живой, свет лампы струился по волнообразным клубам пара. Я остановился в нерешительности, тревожно озираясь по сторонам.

Что-то капнуло мне на нос.

Я мазнул пальцами: на них осталось темно-красное, вязкое.

— Да не может быть, — сказал я, наполняясь отвращением.

Тут я вспомнил, что Реверанс говорил о пропаже ящика томатной пасты, и все встало на свои места.

Еще одна капля разбилась о мое плечо. Я посмотрел наверх и потерял дар речи. Я видел фрески в Капитальном Храме Зверя в Гротеске. Так вот по сравнению с тем, что я увидел здесь, те фрески заслуживали, чтобы их со стыдом оттирали создатели. Это было великолепно. В храме я видел неуклюже написанного Первого, похожего на неровную грушу и крылатых овец, напоминающих комки хлопка. Здесь томатная паста легла на металл тончайшими деталями людских эмоций. Здесь были: ужас, отчаянье, раскаянье, мольба, преклонение. Манекены захватывали власть и заставляли людей страдать. Страдать... М-да.

От восхищения я не заметил, как тошнота поднялась до горла.

— Циф, — проговорил Цыпленок презрительно.

— Извини, — булькнул я, утирая губы.

В своей реалистичности это было гениально и жутко. Я теперь мог с уверенностью сказать, что видел достаточно много, чтобы держаться подальше от манекенов. Клянусь Первым, я никогда бы не подумал, что можно найти *столько* применений человеческим внутренностям.

Я поднялся с колен, и хотел было выйти из машинного отделения, но переборка за мной

захлопнулась. Что-то промелькнуло перед ней, прикинув к самому полу. Всколыхнулся пар.

— Олечуч! — строго позвал я. — Это не смешно.

Я прошел еще чуть дальше, разгоняя руками бледную тенету. В углу помещения обнаружилось нечто напоминающее большое птичье гнездо, скрученное из тряпья, разлагающейся бумаги и тросов. Все это было густо перемазано томатной пастой. В центре гнезда лежала Каша, она была чистенькая и ухоженная, соломенные косы весело торчали в разные стороны.

Я медленно приближался к этому гнезду. В горле ворочался кашель. Мне хотелось прочистить горло от влаги и нескольких криков ужаса.

— Гм-кхе! — не выдержал я.

И тут же зажал рот рукой.

Но было поздно.

Гнездо вдруг шевельнулось изнутри, и тут же погас свет. Больше он не вспыхивал.

Я стоял в темноте не решаясь пошевелиться, липкий пот застыл на моем лбу капельками смолы. Что-то определенно двигалось рядом со мной. Я почувствовал запах сухих опилок и кожи.

Динг-дунг, динг-дунг, динг-дунг. Пш-ш-ш-ш-ш.

Нужен свет, подумал за меня Маленький Трусливый Престон. Нужен свет!

— Циф-циф, — шепнул Цыпленок, приходя мне на помощь.

Следуя его совету, я собрал пальцы щепотью и направил на ее вершину все тепло, которое было в машинном отделении. Вокруг меня резко похолодало, я почувствовал, как мой пот превращается в иней.

Щепоть вспыхнула прозрачно-голубым пламенем.

— А-а-а!

— Циф!

— ...

Нарисованные глаза были напротив.

Я потерял концентрацию и щепоть погасла. Когда я зажег ее вновь, Олечуч уже стоял у стены, спиной ко мне. Я видел грубые швы, заплатки, следы порезов. Олечуч не шевелился. Вокруг меня планировали серые снежинки.

Мне хотелось сказать ему многое. Но быстро обдумав все варианты, я избрал наиболее подходящий.

— Это было довольно жутко, — сказал я одобрительно.

— Правда? — спросил Олечуч, не оборачиваясь.

— Да, если честно, то это все еще довольно жутко. Ты можешь шевельнуться?

Тут я совершил ошибку. Я моргнул.

— Мы у цели? — спросил Олечуч из пространства.

— Точно так. Я пришел, чтобы...

Распахнулась переборка.

— Э-э-э, ладно, — я почти бегом покинул машинное отделение.

За мной снова лязгнуло. На негнущихся ногах я вернулся в каюту. Рем, со страдальческой гримасой, глядел на два больших яблока, крепко удерживая их в руках. На его шее вздулись вены.

— Ну как? — спросил он, не отрывая страстного взгляда от яблок.

— Циф, — ответил за меня Цыпленок.

— Наверное, — сказал Рем невпопад. — Отличные яблочки, правда?

До всплытия оставалось десять минут. Для нас с Ремом, это были очень долгие десять минут.

Глава 10. Математический инстинкт. Часть 1

«Соленые варвары, вовсе не варвары, в прямом смысле этого слова. Их культура сильна традициями, только и всего. Например, они традиционно топят всякого континентального человека, попавшего к ним в руки. К сожалению именно на этот факт многие обращают внимание в первую очередь».

Из научно-популярного труда «Эй, кто это там?» Эрволла Горгена, путешественника и хорошего бегуна.

В плотных ледяных глубинах, нежась под давлением многих атмосфер, прекрасный и богоподобный, плывет кит Марлей. Его первородное тело не знает усталости, ярко-голубым двухкилометровым рифом оно вечно движется вперед, подчиняя себе подводные степи, пустыни и джунгли. Когда этот кит бьет хвостом — Океан щериться многометровыми волнами. Стоит ему зевнуть — Океан мельчает. А когда он поднимается на поверхность, чтобы выбросить процеженную воду, фонтан смывает с небес облака. Да, Марлей — один из последних символов Истиной Древности, когда миром правили звери, а человек считался одним из уродливых последышей Первого, наряду с ехидной и утконосом.

Марлей бессмертен, и заслужил этот дар, когда Мировая Засуха постигла мир Алиота. Светозверь тогда был еще молод и не опытен, отчего смещал орбиту своего вращения, то подмораживая планету, то превращая ее в пар. В один из наиболее неблагоприятных моментов практики, Светозверь почти иссушил Белковый Океан. Эта ошибка стоила ему многих наземных видов, и могла бы стоить почти всех видов океанических. Но Марлей собрал в свои пазухи каждой водной твари по паре, и остался лежать на влажной соленой корке, которая осталась от волнующихся просторов. Сорок дней и сорок ночей Марлей, извиваясь, ползал по дну Океана, в поисках впадины, где еще могла оставаться вода. Время от времени, он выпускал на разведку маленького краба. Дважды краб возвращался с пустыми клешнями. На третий раз он принес веточку влажных водорослей. А на четвертый не вернулся вовсе.

Так Марлей понял, что не все еще потеряно.

С большим трудом он добрался до Чернотонной впадины, где укрывался Узергхот и еще несколько чудовищ. Там они, перебрасываясь мрачными шуточками, дождались начала Великого ливня, который восстановил водное равновесие.

За спасение океанских тварей Первый пожаловал Марлею бессмертие. Теперь этот кит один из самых значимых персонажей мира Алиота.

А кроме того...

Он тот, кому поклоняются люди, называющие себя стотри, больше известные как Соленые варвары.

В мире осязаемых вещей нет истинного бессмертия. Существование в миллиарды нерестов может считаться бесконечным, но и ему приходит конец. Светозвери живут достаточно долго, чтобы на их мире успели зародиться и увянуть сотни цивилизаций. Но неотвратимо приходит время Угасания, когда светозверь перешагнувший порог глубокой старости, разросшийся в бордового гиганта, чувствует, что его орбита стала слишком тяжелой. Из последних сил он покидает планету, чтобы умереть в Темном Безвременьи — долине Пустого Океана, где оканчивают свой путь все светозвери. В этом скорбном краю тускло

догорают умирающие светила, а старые мощи сбиваются в серые острова замороженной плоти и торчащих костей.

А сама планета навсегда забывает свет и тепло.

Когда-то, очень давно, древняя раса, пережившая тысячи лет проб и ошибок, уже нашедшая венец своего развития, поняла, что их светозверь умирает. Этот народ давно миновал эпоху космических путешествий, посветив свое время сознательному единению в храме своего мира. Они не колонизировала одинокие миры, оставляя каждому свою судьбу, и когда Светозверь стал плыть так медленно, что дни тянулись неделями, люди оказались жертвами своей этики. Обреченные позволили себе всего одну попытку сохранить крохотную частичку популяции. Они, прозревшие смысл жизни, были готовы и к гибели. Перед надвигающейся зимой люди укомплектовали корабль-колыбель, в котором спали, еще не умея видеть снов, две сотни крохотных зародышей. Мальчики и девочки, — поровну. Трюмы были загружены культурным наследием.

Корабль поднялся вверх, когда начал падать снег. Он падал тяжело и уверенно и был особенно холодным и колючим. Он уже был хозяином.

Десятки нерестов колыбель скиталась в бесконечности. Перед бортовым компьютером стояла непростая задача: найти подходящий мир для колыбели. Подходящим считался тот мир, на который позволит приземлиться его светозверь. У братии светил всегда было множество суеверий относительно их родных угодий. Всякий светозверь максимально трепетно относился к оригинальности своего мира. Это было сродни ревности на высшем, космологическом уровне. Кроме этих постыдных собственнических предубеждений, светозвери руководствовались и формальной логикой. Инородные организмы вполне могли занести какую-нибудь жуткую болезнь, вирус или нарушить природный баланс планеты. Еще не забылся тот трагический казус, который произошел с беднягой Проционом. Он прозевал метеор, кишачий бактериями чужого мира. Сейчас его планета полностью заросла какой-то лиловой гадостью, которая на вкус была как слегка поперченный лежалый носок. Процион ныне все время жаловался и хандрил. Его постоянно тошнило. От старого доброго весельчака и балагура остались только необычной формы плавники, которые в былое время веселили все Великое Гнездовье.

И это был всего лишь метеор!

Весть мгновенно разошлась по всей галактике. Встревоженные светозвери увеличили количество жнецов до миллионов особей. Они отлавливали все, каждую чуждую горошину.

Как назло, именно на этот период пришлось скитание колыбели. Строго говоря, она была обречена.

У бортового компьютера в программе были два противоречащих пункта. С одной стороны ему необходимо было сохранить груз колыбели, с другой — не потревожить светозверя, если тот не желает гостей. Отовсюду колыбель выталкивали взащей, а горячее медленно, но верно оседало на стенках бака тоненьким налетом. Микронных долей вероятности и случайных компонентов двух равных условий, хватило на то, чтобы искусственный интеллект признал задачу спасения груза более приоритетной, нежели хорошее настроение светила.

И когда будущее колыбели стало угрожающе очевидным, компьютер решился на дерзкое вторжение.

Нельзя сказать, что Алиот был добряком. Он был замкнут даже для светозверя. Во время нереста всегда держался сам по себе и редко присоединялся к форумам. Он умел держать

себя в фокусе и, когда разнеслась весть о беде Проциона, с трудом поддался общей панике.

Однако появление в экзосфере чужого корабля, даже его выбило из равновесия.

В рукописях Древних королевств можно найти воспоминания о том дне, когда тысячи жнецов ринулись плотными стаями в небеса над Океаном. Атакованная колыбель не успела достичь земли. Она рухнула в соленые равнодушные волны и скрылась под водой. Жнецы еще долго кружились над желтоватой бурлящей пеной, но ушли, так не увидев, как из нее поднялось царство Соленых варваров. Их обетованная... твердая вода.

Древняя цивилизация была предусмотрительна.

Как только колыбель упала в воду, сработали системы компенсации среды. Из колыбели десятками щупалец выпорхнули многометровые шланги, которые принялись нагнетать в воду особый реактив, который превращал ее в аналог плотного плавучего геля. Этот гель огромным прозрачным массивом нарастал вокруг корабля. Он вытолкнул его на поверхность, продолжая расширяться в стороны, уходя вниз несущей колонной вместе с рукавами шлангов. Десятки мощных гарпунов возились в дно.

Колыбель, наполовину затертая в поднявшейся сопке, продолжала работать.

Полученные образцы Океанской воды были проанализированы. В эмбриональных садках начались точечные изменения генных структур: дети спящих подо льдами родителей учились пить соленую воду, и есть то, что в ней водится.

Искусственный интеллект бортового компьютера чувствовал свой аналог удовлетворения от хорошей работы. По поверхности новорожденного острова ползли автономные боты, которые должны были первые двадцать лет добывать для детей пищу. Они оставляли за собой борозды, высаживая в них семена плодоносящих растений.

Все шло согласно протоколам.

Искусственный интеллект обратился к последнему кластеру задач и... испытал сильнейший аналог головной боли и фрустрации. При атаке жнецов и ударе о воду, пострадали модули памяти... ИИ издал долгий пронзительный сигнал об ошибке, свидетельствующий о его полном помешательстве.

У него не было доступа к программам обучения детей.

От встречного ветра слезился правый выкаченный глаз. Дышать было трудно, а тело трепетало как прибитая гвоздем тряпка. Медуза шла на самостоятельном управлении, потроша носом волны. Лучи светозверя крохотными звездочками рикошетили от вздымающихся брызг. Я держался за поручни и пояс Рема, потому что меня постоянно сносило назад. Олечуч выглядывал из распахнутого люка. Проглот прижавшись, к металлу с удовольствием ловил потоки воздуха колыхающимися щеками.

Реверанс бесстрашно, кулаки в бока, стоял на самом носу машины, глядя на приближающиеся Твердые Воды. Мне показалось, что он стал выше и шире в плечах.

Когда он заговорил, вместо привычной ласковой снисходительности, я услышал величественную гордость, непоколебимую веру и необходимую суровость.

— Не бойтесь, друзья мои! — вещал он, пробивая шелест волн и рокот двигателя. — Призовите силу своего разума! Это место достойно только восхищения! Не позволяйте невежеству исказить ваши первые впечатления! Это Твердые Воды! Самый правдивый миф в истории этого мира! Миф, который гораздо правдивее реальности Авторитета! Отсюда начнется освобождение Зрачкового Континента!

На меня очень подействовала эта коротенькая речь. Наверняка Реверанс искренне

пытался передать нам часть своего воодушевления, но одного упоминания об «освобождении» нашего Континента, мне хватило бы на несколько помрачений рассудка. Сейчас я был в начале первого помрачения, но последние события научили меня одновременно оценивать ситуацию в ожидании еще больших проблем.

Все же Реверанс был прав: Твердые Воды действительно зачаровывали.

Остров казался призраком, сквозь него смутно глядел горизонт. Он был покатым, гладким, лишь небольшие холмы выступали вверх плохо заметными пузырями. Несмотря на застройку, было заметно что Воды пронизывают странные извивающиеся отростки. Начало они брали из пирамидальной цитадели на вершине острова. Я присмотрелся к ней внимательнее. Это было очень странное сооружение, единственное, быть может, на всем острове, возведенное из металла.

Верхняя половина острова была усажена идеально ровными кольцами деревьев. Они перемежались с жилыми постройками: хоромами из обтесанных костей, шкур и дефицитных каменных кораллов. Над ними, разбивая струйки дыма, реяли здоровенные хищные пеликаны с острыми изумрудными перьями.

Далее в шахматном порядке шли какие-то памятники или обелиски. Было что-то вроде городской площади, а может быть арены. И беспокоящая иллюзия стеклянной пустоты.

Все это пространство казалось необитаемым, вплоть до прозрачной стены, которая отрезала остров от «побережья». Так называемого. На самом деле Твердые Воды опоясывал сплошной гигантский порт, и вот там-то и бурлила настоящая жизнь. Все оставшееся пространство до последней прогалины было застроено костями. Пристани, уходящее довольно далеко от самого острова, лежали на согнанных вместе океанических пилигримах.

Пилигримы напоминали бесформенные пористые караваи. Соединяясь вместе, они довольно быстро срастались в одно целое. Большому массиву пилигримов нестрашен был даже топящий суда шторм.

Казалось бы, места для целой нации было маловато. Все дело в том, что соленые варвары в большинстве своем селились на капиллярных островах, добывая там древесину и сколачивая на месте свои идеально квадратные плоты для перевозки ресурсов. Сейчас вокруг Твердых Вод дрейфовало, по меньшей мере, сотня платформ, с которых фигурки Соленых варваров сгружали на пристань мешки, огромные ломти мяса и коралловые самородки. А так же большое количество обработанных пальмовых досок.

Пристань шевелилась как полуденный муравейник, меж пилигримами ходили корабли сайцев и пиратов. Присутствие пиратов меня не удивило. Большинство корсарских шаек укрывалось и спонсировалось именно Солеными варварами. Пираты привозили редкие товары и сведения с материка. Кроме того, они с переменным успехом пытались развивать на Твердых Водах коммерцию по образцу Авторитета.

Я замечал сотни строящихся кораблей, похожих на симметричные бочки. Их укрепляли панцирями морских чудовищ и украшали скелетами китовых акул. Над стапелями медленно поворачивались странные механические сооружения, похожие на огромные зонты со спицами-погрузчиками. Их подвижные части, рыча и поскрипывая, проворачивались прочными тросами. Повсюду торчали столбы, — вершины их сообщались канатами, по которым скользили большие плетеные люльки.

Реверанс поднял вверх сжатый кулак.

К нам приближались водные колесницы — обрезанные под острым углом морские пилигримы, запряженные дельфинами. Экипаж каждой колесницы был парным: возница и

воин, вооруженный клешней краба-палача и странным оружием, собранным из системы линз и стеклянной призмы, заполненной водой. Это были их знаменитые радугаметы. Семь жестоких, убийственно ярких цветов, беспощадно горячих и испепеляющих любую поверхность. Сколько кораблей Авторитета шипя углями ушли на дно из-за этой Первым проклятой радуги. Именно из-за Соленых варваров и их страшного оружия появилась примета, по которой семицветная убийца, появляющаяся после дождя, сулит несчастье и горести.

Варвары были одеты в безошибочно выкроенные шорты из белужьих шкур. Скромно, если не считать украшений в виде кос сплетенных из усов платиновых мурен.

Рубиновую кожу покрывал слой влажной соли.

Они были выше наголову любого идеала о рослом и развитом мужчине. Таких парней обычно просят сходить до пещеры с пауком девственницеядом, украсть у богов что-нибудь вроде огня или заглянуть в Ящик Пандоры. А потом поделиться впечатлениями.

Варвары тоже подняли вверх правые кулаки и неистово закричали:

— Широкая грудь!

— Сильные руки и ноги! — отвечал им Реверанс так же неистово.

— Соль и волны!

— Щупальца из глубин!

— Острова черепов!

— Выверенные по трем точкам прямые! — заорал Рем, вскинув кулак вверх.

— Да-а-а! — в один голос взревели варвары.

Их голоса напоминали оркестровые трубы.

— Ты знаешь их язык? — спросил я с приятным удивлением.

— Так, парочку фраз запомнил, — горделиво бросил сухолюд.

Варвары тем временем поравнялись с Медузой и пошли эскортом.

— Наконец ты вернулся, Жрец, — радостно говорил один из них. — Приготовления идут полным ходом.

— Я тоже рад вернуться, — отвечал Реверанс. — Вижу, вы трудитесь самозабвенно. Во имя Основного Терминала!

— Во имя Его! — рявкнули варвары.

На пристани тем временем работа останавливалась. Соленые варвары толпились на подмостках, вздымая вверх кулаки. Глядя в нашу сторону, они гремели как шторм.

— ЖРЕЦ!!! ЖРЕЦ!!! ЖРЕЦ!!!

Реверанс надел рукавицы и резко взмахнул руками. Вода вокруг нас взбурлила, медузу подняла высокая волна. Наверху сверкнули огни, мелькнули линии, я узнал символ варваров: грибовидные очертания Твердых Вод.

Варвары бесновались от восторга.

Волна донесла лодку до широкой свободной гавани и мягко опустила прямо к мосткам.

Нас встречала огромная толпа. Это были могучие, все как на подбор, люди с прозрачными волосами. Покрытые соляной коростой краснокожие богатыри. Они одевались в небольшие композиции из шкур океанических животных, кораллов, зубов, костей и водорослей. Это были те самые Рифы, которые вдесятером могли взять на абордаж трехмачтовый корвет с экипажем в полсотни гвардейцев. Рифами их прозвали после того, как они научились, находясь в воде, пробивать корпус судна ручными таранами. Ими Авторитет пугал подрастающее поколение, на угрозе их вторжения держался весь военный

потенциал.

Чтобы лучше видеть Реверанса варвары вскарабкивались на мачты кораблей, вставали друг другу на плечи, забирались на крыши доков и сторожевые вышки. Не совались только на краны, — видимо это было строжайше запрещено. Сооружали буквально на месте маленькие трибуны из досок и бочек.

Вода вновь взбурлила.

Я схватил Рема за плечо.

Из воды появлялись, словно сон океаноплывателя, прекрасные женские лица. Варварки всплывали, оставляя на время тучные стада ламантинов, дельфинов и кальмаров. Авторитет только начинал пахнуть государством, а они уже сотни нерестов пасли скот, в то время как мужчины строили корабли, выращивали злаки и нападали на судна и колонии континентальных людишек. Белых, рыхлых и хилых.

Увидев женщин Рем всхлипнул. Он только что получил сильную пощечину. В отличие от шортецов, которыми мужчины прикрывали свою принадлежность полу, женщины были полностью затянуты в туго обтягивающую дельфинью кожу. Превосходно подогнанная по фигурам рабочая одежда так плотно прилегала к изгибам и формам, что в какой-то момент я обжегся о плечо Рема и помянул Первого.

Женщины встречали нас совершенно безмолвно. Широко раскрытые глаза, не мигая, следили за каждым нашим движением. Их внешность была бы безупречна, если б не широкие жабры, похожие на перерезанное горло.

От Рема вверх поднимались дрожащие волны раскаленного воздуха.

— Прес...

— Что?

— Я ныр...

— Нет. Рем. Смотри на меня! Смотри на меня! Еще немного. Клянусь Первым. У них тут есть что-то вроде профессиональных наложниц. Они этому всю жизнь посвящают.

— Му-у-у?

— Да, точно тебе говорю. Я читал книгу Горгена о Соленых варварах.

Рем шумно выдохнул, понизив давление внутри себя.

Реверанс тем временем призвал пристань к спокойствию простым взмахом руки. В наступившей тишине, шепотком переговаривались волны да тянулись крики пеликанов и тонкие возгласы чаек. На Реверансе сошлись тысячи взглядов. На серьезных лицах не было благоговения или рабской преданности, только бескрайнее уважение и внимание. На меня и мою компанию никто не даже не взглянул, словно мы были мешками с надписью «шелуха».

— Здравствуй свободный народ, — заговорил Реверанс глубоким, многократно усиленным голосом. Его наверняка было слышно даже за стеной. — Жрец Всепонимающего и Всеосознающего Основного Терминала вернулся к вам. И сегодня, когда светозверь нырнет за горизонт, я приглашаю всех верных слуг Терминала к его дворцу. Ваш жрец выступит с обращением и нижеайше попросит всезнающего оценить наши старания. Пока же, чтобы не томить вас неизвестностью о результатах моего путешествия я скажу всего одно слово.

Реверанс обвел взглядом слушателей и сказал:

— Успех!

Я оглох. Мои уши резонировали. Кажется они, даже, начали опухать. На этот раз кричали даже женщины, напрочь разрушив налет таинственности и чарующей сказочности

своего появления.

Реверанс вновь взмахнул рукой, прося тишины, и как только варвары смолкли, в образовавшуюся тишину ворвался отчаянный вопль:

— ...стите! Пропустите, говорят же вам! Вот ты, бугай, потеснись! Да, ты! И ты тоже, укитовый! Гызь-гызь-гызь! И ты тюленья морда! До-ро-гу па-ран-ки-ну! Подберите свои причиндары! Назапретали кос, уподобирись женщинам! Кто бросир мешок? Твой? В задницу его себе запихни, распрескай! Чей осьминог, уберите осьминога! Дайте же дорогу! Знаете, кто устар? Нет, не вы дети актинии! Жрец устар! Дайте дорогу паранкину!

Варвары послушно расступались перед высоким паланкином, собранным из досок красного дерева. Сверху его накрывала паутина из черных жемчужин величиной с голубиное яйцо.

Его несли два особенно мощных варвара, которых на шаг опережал удивительный человек, напоминающий гипсовую сувенирную статуэтку. Первым, что привлекало к себе неловкое любопытство, были его феноменальные мочки ушей. Человек был чуть выше меня, но его уши были с мостками в приятельских отношениях. У меня не находилось для них подходящего сравнения, это было сложнее, чем описать ломаную линию. При должной сноровке ими можно было бы линчевать ко-но-крадов или молотить пшено. Сколько на них было сережек, колец и заклепок, я даже считать не решился.

Это зрелище отвлекло меня до того момента, как крикливый незнакомец пробрался вместе с паланкином к месту действия. Я успел обратить внимание на его походку, — странно напряженную и порывистую, словно вместо ног у него был циркуль.

Вблизи я хорошо видел, что лицо иноземца напоминает бунтующие дрожжи. Нос сам по себе казался живым существом с собственной физиогномикой и нелегкой судьбой. Из-под набрякших век с трудом глядели бесцветные глаза. На длинные сомовые усики были нанизаны разноцветные бусы. Одет он был как манекен в лавке торговца диковинками. На голове сидело нечто вроде треснувшего снежного шара, в котором плавали бесформенные растягивающиеся кляксы. Тело скрывала мантия из чудного блестящего материала, похожего на сильно измятый лист серебра.

Насколько я мог судить, это был саец с их западных островов, притом довольно важный. Только у доминирующих западных мужей отрастали такие мочки. Его присутствие здесь кое о чем говорило мне, но я старался не пугать себя раньше времени. В конце концов, один саец это еще не армия. Быть может, это просто представитель небезызвестных Наемных жрецов, которые за деньги готовы обслуживать даже алтари бога Нужника.

— Реверанс-семпай! — саец поклонился, придерживая руками шар на голове. При этом полы его мятого одеяния приподнялись, и я увидел широкие стопы эбонитовых ходуль.

— Друзья, — сказал Реверанс, поворачиваясь к нам. — Знакомьтесь, это мой первый заместитель, жрец Дополнительного Терминала, Маширо Осаму.

У меня отлегло от сердца. Во всяком случае, хоть Империя не будет ввязываться в очищение Зрачкового Континента.

— По совместительству он является так же главным представителем миссии Империи Сай, которая поможет нам в славном освободительном походе.

— Как мило, — сказал я, глядя на него сквозь бордовые круги перед глазами.

— Это Вохрас — воплощение чистой маггии, — представил меня Реверанс.

— Дря меня борыщая честь, видеть вас, Вохрас-сан! — еще раз поклонился Маширо. Он точно был на ходулях. Это объясняло то, почему он при поклоне сгибался на уровне

грудь. — Давайте пройдем в Исток, господи. Вы наверняка устали и хотите кушать. Дря вас накрыты столы, согрета вода и отобраны рючшие ририи.

— Лилии? — переспросил я.

— Очень здоровые и гибкие! — с удовольствием подтвердил Маширо. — Сочные как томаты и такие же красные.

Я краем глаза взглянул на воду, где нам поощрительно улыбались красноликие русалки.

— Впрочем, — сказал вдруг Реверанс. — Если желаешь, Вохрас, можешь до вечера побродить по Твердым Водам и пристани. Я дам тебе проводника.

— Это мне подойдет, — быстро согласился я.

— Не-е-ет! — потусторонним голосом возопил Рем. По-моему, это сказало его отдельно мыслящее либидо. — А как же лилии?

— Они никуда не денутся, раб! — ответил я резко.

— Это правда, — со смехом в голосе согласился Реверанс. — Прогуляйся, Рем. — Он осмотрелся по сторонам. — Кира! Кира, ты здесь, дитя мое?

— Я здесь, отец! — пискнуло из паланкина. — Я не могу выйти!

— Отойдите от паранкина, морские коровы! — опомнился Маширо.

Варвары потеснились. Из паланкина выбралась низкая фигурка, полностью закутанная в цветастую тогу и накидку с длинными свободными рукавами. Лицо девушки скрывала паранджа, сплетенная из золотых нитей. Она, неловко ступая, приблизилась к краю мостков. Реверанс спрыгнул к ней, и нежно обнял, встав на одно колено. Девчонка пискнула, смыкая на его шею болтающиеся рукава. Они о чем-то неразборчиво поговорили, и Реверанс погладил ее по хрупкой спине.

— Вохрас, — он встал и поглядел на меня сверху вниз, — эта красавица — второе из величайших моих сокровищ. Моя дочь Кира. Она будет вашим проводником, и лучшей рассказчицы вы не найдете. Она про яичную скорлупу может рассказать так, что вы будете вдохновлены на великие подвиги во имя скорлупы. Скорлупа станет вашей наградой. Иногда она дает мне уроки ораторского искусства.

Он кивнул нам и, положив руку на плечо Маширо, повел его меж расступающимися варварами в сторону прозрачной стены. За ней смешно бегали туда сюда маленькие фигурки. Очевидно — дети.

— ...Реверанс-семпай, а как же паранкин?

— Сколько раз я тебе говорил, что мне это ненужно, Маширо. У нас есть моржи. Ты лучше скажи, отсеки готовы?

— Ваше прибытие разбудило даже Кафраю.

— Отлично. Надеюсь, ему еще и послушать меня удастся.

Варвары, оживленно переговариваясь и звонко контактируя, расходились по своим делам, распевая о великом Основном Терминале, его славном слуге Реверансе и островах из черепов Авторитета.

Через некоторое время перед нами осталась только Кира. Она переступала ногами на месте, похожая на цветок колокольчика.

Я хотел обратиться к ней и даже подготовил уже добродушно-чуткое выражение лица и отеческий тон, как что-то звучно лязгнуло позади меня. Олечуч, гремя и побряхтывая прошелся по лодке и перепрыгнул на мостки, проигнорировав трап. Он угрожающе надвинулся на Киру. Девушка посмотрела на него снизу вверх.

— Детеньш, ты слышишь меня? — прошипел Олечуч, склонившись над ней.

— Да, господин, — отетила Кира спокойным певучим голосом. — Как ваше имя, господин?

— Какое имя пугает тебя больше всего и вызывает отвращение и страх в потрошках, кхм, кхм? — осведомился Олечуч. — Оно должно порождать панику и обильное выделение жидкостей.

— Невежливо отвечать вопросом на вопрос, господин, особенно если вы гость, — кротко произнесла Кира. — А ведь, судя по вашим доспехам и оружию, вы способны на решительные ответы. Однако вы смотрите на мир глазами, оставленными краской, так что у вас, вероятно, другое виденье этикета. Я признаю это. У меня нет нелюбимых имен, а единственное, что меня пугает, это злоба...

— Как это кстати, — подхватил Олечуч. — Скажи, детеныш, у тебя есть кукла?

Кира посмотрела, на Кашу, которая сидела на плече Олечуча.

— Да, господин.

— Ты... Хорошо с ней обращаешься? — угрожающе выпытывал Олечуч.

— У нее есть собственный дом, господин. Я дважды в день расчесываю ей волосы.

— Собственный дом, — повторил Олечуч. — Добродетель. Ваши воины практикуют отработку ударов на манекенах?

— Матрас, да хватит тебе, — досадливо протянул Рем, вставая рядом с Кирой. — Отвали от нее.

— Пусть ответит, — ревниво сказал Олечуч.

— Наши воины для тренировок использую только спарринг, и лишь иногда на спор поднимают шкуры китовых акул, набитые песком.

— Вот видишь, — развел руками Рем. — Китовые акулы считаются?

Олечуч задумался.

— Воины их бьют?

— Нет, — Кира покачала головой. — Только поднимают.

— Преступления нет, — благосклонно признал Олечуч. — На острове есть портные?

— Профессиональных нет. Пошив одежды у нас поставлен на поток. Я знаю лишь небольшой магазинчик в Кольцевом Порту, где хозяин торгует разным снаряжением, мундирами и одеждой, которую сам шьет.

— У него есть манекены? — тут же спросил Олечуч, распаяясь.

— Был один, — припомнила Кира. — Но его отняли посетители постоянного двора, который называется «То ли еще будет». Они метают в него ножи. Соревнуются...

Кира проводила взглядом стремительно удаляющуюся черную спину.

Я, крихтя, переполз качающийся трап, стараясь не упасть под напором толкающегося Проглота. Он обогнал меня, змей его знает как, оценил обстановку и был таков.

— Началось, — сказал я безнадежно.

— Что началось? — с любопытством спросила Кира.

— Как мы назовем этот феномен? — спросил я у Рема.

— Может быть, двойное проникновение? — предложил сухолюд, поразмыслив в своем ключе.

— Или закон Проглота-Олечуча, — быстро переформулировал я, взглянув на Киру, которая смотрела на Рема пытливыми глазами с вертикальным зрачком.

— А что это за закон? — спросила она.

— Любой населенный пункт, где произошло вторжение Олечуча и Проглота, начинает

со скоростью прямо пропорциональной его размеру, превращаться в ненаселенный, — кратко изложил я.

— А что насчет двойного проникновения? — просияла любознательная Кира.

— Да, что насчет него? — поддержал ее Рем. — Вохрас, я все еще надеюсь, что ты на пути к истерике.

— Какой истерике?

— От осознания того, что ты добровольно оставил нас в нескольких километрах от бесплатной жратвы, бесплатной бани и бесплатных шл...

— Лилий? — быстро вставил я.

— Шлюх, — не поддался Рем. — Шлюх! Тех самых! Которые всю жизнь этому посвящают!

— Разве вы не хотите побольше узнать о Твердых Водах? — дипломатично заговорила Кира. — Господин...

— Рем Тан'Тарен!

— Господин Тан'Тарен, вы находитесь в центре уникальной взрослеющей культуры, о которой в Авторитете известно лишь по любительским очеркам и субъективным воспоминаниям. За всю жизнь у вас вряд ли найдется впечатление более яркое, чем первое знакомство с этим непохожим ни на что миром...

— Эй, — Рем поднял вверх железный палец, — возьми себя в руки девчонка. Ты сейчас наговорила на целую брошюру, которая называется «Как смертельно надоест Рему за десять секунд». Ни одно из твоих слов не пахнет весельем, ясно?

— Но...

— Леди Кира, вы извините нас... — я неуклюже вмешался в начинающуюся дискуссию и повлек Рема в сторону.

— Ну что? — скрипнул зубами сухолюд. — Ты одумался?

— Рем, — заговорил я, взволновано потрясая кривыми пальцами, — я просто хотел поговорить обо всем случившимся где-нибудь в тиши. Я не учел того, что Реверанс приставит к нам проводницу.

— О чем ты хотел поговорить? — утомленно прервал меня Рем, поглядывая на Киру. Кажется, он начал адаптироваться к предоставленному материалу. — Мелковата... — произнес он, словно балансируя.

Свежий океанский воздух сделал мои мысли необычно юркими и неуправляемыми. На фоне перекрикивающихся варваров, стука молотков и лязга металла, скрипящего дерева и кипящей работы, направленной на «очищение Зрачкового континента» размышления мои становились похожими на пузыри в шипящем масле.

— Как о чем?! — воскликнул я и тут же зашептал на грани слышимости. — Нужно что-то делать! Как ты можешь сейчас думать о бабах? Ты что, не видишь, что тут, змей подери, затевается?

Не увидеть это было сложно. Скелеты сотен кораблей обрастали обшивкой. То были странные корабли. Больше всего они напоминали вытянутые дыни. У них не было матч, днище, непривычно широкое, укреплялось особенно тщательно. Балками, похожими на полозья. Не особенно размышляя над этим, я решил, что они просто еще не закончены. Готовые корабли наверняка отправляли куда-то в тайное место, чтобы разведка Авторитета не могла судить о масштабах готовящейся атаки.

Цепочки варваров сгружали с пилигримов припасы, вели какие-то сомнительные

переговоры с корсарами, вытаскивали из воды сети, нагруженные тушами забитых ламантинов. Повсюду царила напряженная сосредоточенная работа, которую от обычного трудолюбивого быта отличало явное боевое возбуждение: я видел десятки импровизированных арен, где варвары, сменяясь, устраивали групповые бои по двадцать, тридцать человек. На них переливались малахитом сайские доспехи. За их тренингом на почтительном расстоянии наблюдали люди в бесцветной одежде. Время от времени они с трудом останавливали процесс, и на адаптированном универсалике Авторитета объясняли варварам их ошибки. Те, кто не участвовал в драке, внимательно слушали, повторяя за инструктором выверенные движения.

— Вижу, — пренебрежительно вздрогнул Рем. — И что с того, fasa? Что ты намерен сделать прямо сейчас? Ты, магг, который не может управлять своими фокусами. Попробуй забраться куда-нибудь в центр, сильно пернуть и посмотреть, что из этого получится. Возможно, разнесешь весь этот стеклянный остров вдребезги. Думаешь у них только Твердые Воды сейчас готовиться к войне? Все их двести островов наверняка стоят в ружье и копят мочу, чтобы с удовольствием отлить потом на земле твоих предков. Я не хочу сказать, что мне все равно, но сейчас единственное, что мы можем сделать полезного, это, snaka dam, собрать побольше информации и власть натрахаться и нажраться, перед тем как бросится в очередную авантюру по твоей воле. Есть возражения?

Рем мог быть необыкновенно рассудителен, когда мы стояли на развилке между делом и развлечениями. И он был безнадежно прав.

Я вздохнул и сказал:

— Никак нет, мастер Тан'Тарен. Каков план?

— Это девчонка нам пригодится, — Рем повернулся к Кире, которая помахала нам рукавом. — Иди сюда. — Позвал он, а потом быстро притянул меня за ворот и зашептал: — План будет называться «гудящий шпион». Мы будем гудеть и шпионить соответственно. Гудеть — в первую очередь. Критика?

— Никак нет, мастер Тан'Тарен. Значит ли это, что мы все же осмотримся на острове?

— Да, конечно, — великодушно махнул рукой Рем.

К нам подошла Кира.

— Вы...

— Вот что, — перебил ее Рем, — нам страсть как захотелось погулять по Твердым Водам. Я вижу тут у вас пиратов больше, чем на Банде Островов. Куда они здесь ходят вытрясти пену из штанов?

— Обычно они собираются на постоялом дворе «То ли еще будет», о котором спрашивал ваш друг Злоба.

— Это там где полыхает? — спросил я, наблюдая вынырывающие из-за верфей языки пламени.

— Это в том направлении, — озадаченно согласилась Кира. — Это ваш друг натворил?

— Закон Проглота-Олечуча, — напомнил я.

— Где еще можно встретить пиратов? — облизав губы, спросил Рем. — И найти какое-нибудь средство от ясной головы.

— Они любят посещать Карантин, — нашла Кира. — Там живут наемники. Сейчас мы находимся в районе Стапелей. Если желаете, Карантин может быть первым пунктом экскурсии.

— Идем, — решительно кивнул Рем.

Кира повела нас долгими переходами между коробками складских помещений. Все к чему здесь можно было прикоснуться, скрипело и осыпалось солью. Пахло пробкой — это сохли на жаре пилигримы, под ногами тянулись ползучие водоросли, варвары, громко переговариваясь, занимались своими делами. От этих дел бугрились каменные мускулы, соляная корка отслаивалась от квадратных торсов.

Пиратов можно было встретить и здесь, но они старались не задерживаться на виду. Кира обращала внимание на то, что их уродливые неухоженные корветы, напоминающие плавучие мусорные кучи, охранялись варварами, которые проверяли всех выходящих и входящих из них головорезов. Те, кто выходил, прятались под длинными плащами. Они старались не останавливаться, пока не покидали район Стапелей. Корсаров здесь терпели с трудом.

Тропинки между складами и стройками напоминали хищные переулки, только здесь, вместо вшивой беззубой шпаны, на неосторожных пиратов нападали пеликаны. Они окружали их безжалостной толпой, требуя рыбы. Если рыбы не было, пеликаны отнимали кожаные сапоги. Кира припомнила случай, когда пеликанья мафия дошла до того, что начала похищать пиратов с целью получения выкупа. Если приятели похищенного скупались, на палубы кораблей сыпались ракушки, помет и рыбы косточки.

Рассказывая об этом, Кира завела нас в узкий «переулок», в который не вошел бы ни один инстинкт самосохранения. Есть такой тип переулков, как их не назови, в которые не залетают даже обрывки газет. Только мы дошли до его середины, как дорогу нам заступило несколько дюжих пеликанов с грязевыми татуировками на сальных перьях. Мешки под их клювами напоминали похоронные чехлы. В них что-то неявно шевелилось.

Один из пеликанов мрачно взревел и разверз пахучую бездну своего мешка.

— Это и есть те самые пеликаны-налетчики, — прокомментировала Кира. — Всего существует четыре пеликаньих банды, но все они подчиняются одному лидеру. Стотри называют его Ургуем. Это означает: крик из мешка.

— А что им от нас надо? — спросил я, глядя в темноту пеликаньего клюва.

— Они хотят плату за проход, — объяснила Кира, ничуть не беспокоясь. — Рыбу. Или сапоги.

Пеликаны утвердительно взревели.

— Пожалуй, будет гораздо интереснее вывернуть им зобы наизнанку и упрятать их туда, — предложил Рем.

— Не беспокойтесь, — остановила его девушка. — Слушайте, вы, — она обратилась к птицам. — Вы прекрасно знаете, что я под защитой стотри. А эти люди со мной. Так что уйдите с дороги, иначе Ургуй узнает о своем гузне много нового, а вас зажарят и скормят платиновым муринам. Все поняли?

Сердито взреывая, пеликаны покорно отступили во мрак.

Мы пошли дальше.

— А кто такие эти стотри, о которых ты упоминала? — вспомнил я.

— Так называют себя люди, чьи корни здесь пьют соленую влагу, — отозвалась Кира. — Это священное имя их племени, мало кто знает его и еще меньше тех, кто хочет называть их так, минуя оскорбительный термин «варвар». Континентальными народами считается, что местное общество не может даже нарисовать картинку, что бы она изображала милосердие. Континентальными народами считается, что ход нынешней взаимной политике «увидел-убил» задали именно стотри.

Я покивал с видом знатока. Горген писал о том же, хотя не упоминал, что варвары называют себя стотри.

Первый контакт с Солеными варварами имеет дату далекую от рождения Авторитета. В хрупких разрозненных рукописях, уцелевших после Войны Зверя есть панические записи, переполненные кровавыми описаниями народа, который с помощью радуги сжигает мирные корабли Западных королевств. Тогда же они были обозначены варварами. Они нападали на капиллярные колонии, отнимая их у исконных владельцев, и с каким-то бесчеловечным торжеством избавлялись от континентальных колонистов и океаноплатателей.

— Разумеется, это вопиющая клевета, — сердито продолжала Кира звонким голосом. — Вполне очевидно, что алчные и злобные Хубернаторы западных королевств поразили стотри своей вероломностью. В хрониках стотри очень подробно описана и первая встреча с континентальными людьми и то, как она обернулась ливнем лицемерия и штурмом предательства. Стотри, тогда еще молодой народ, были очень дружелюбны, гостеприимны и рассудительны. Они пригласили встреченных людей на Твердые Воды, желая сотрудничества, обмена знаниями и опытом. Но завистливые пришельцы решили получить целый народ и все его земли как трофей в свои сокровищницы. Они пытались отравить стотри Пенной чумой и шантажировать лекарствами, но отупляющая жадность не дала им увидеть в этих людях интеллект.

Немногие гости Твердых Вод смогли тогда убежать. Пойманные за распространением чумных вещей, послы были утоплены так быстро, что не успели никого предупредить о своем провале. Подлым захватчикам было невдомек, как стотри вообще удалось понять, что вещи заражены. Этот народ полон загадок. И даже если бы хубернаторы смогли исполнить первую часть своего отвратительного замысла, они все равно были бы побеждены собственным невежеством. Пенная чума была неэффективна.

С тех пор, обманутые единожды, стотри находили лишь новые и новые свидетельства континентальной злонамеренности. Со временем их обнаружили южные и северные народы, они желали того же: легкой наживы. А когда родился Авторитет, сама религия Зверя и бесконтрольная власть Автора назвала стотри врагами Зрачкового континента. И...

— А что у тебя с лицом?

— А? — одновременно отреагировали мы с Кирой.

— Почему ты закрываешь лицо? — переспросил Рем. — Ты некрасива?

— Рем! — воскликнул я.

— Мне просто интересно, — пожал плечами сухолюду. — Ну, так что, Кира? Что под тряпкой?

— Я прошу простить... — безнадежно заговорил я, стараясь не глядеть на Киру. — Рем не хочет вас оскорбить, все вопросы подобного толка задает ребенок с огромной серой шевелюрой.

Кира даже не сбавила шаг.

— Там мое лицо, господин Тан'Тарен, — дочь первенца говорила без ожидаемой злобы. Кажется, она о чем-то серьезно задумалась.

— Покажешь? — спросил Рем с интересом.

— Во имя Первого, раб, да заткнись же ты! — взмолился я.

— Если хотите, — неожиданно согласилась Кира.

Она остановилась и, повернувшись к сухолюду, забросила пурпурный платок на макушку. Я стоял с другой стороны и не видел того, что открылось Рему. Тот стоял, глядя на

Киру с карточным выражением. Его правое веко едва заметно дрогнуло.

Потом он сказал:

— Kasan near quasa ki tarsama.

Я никогда не умалял свое знание менадинского, но сейчас мне показалось, что Рем проговорил что-то вроде: «Дверь помидоры они грач компост». Скорее всего, это был какой-то специфический жаргон.

— Можно и... — малодушно возгорелся я, но Кира уже спустила паранджу. — Ну что ж. Еще раз, простите леди Кира.

— Это ничего, — добродушно ответила она. — Господин Тан'Тарен очень несдержан в сравнениях, но я польщена его оценкой моей внешности. Не думала, что могу показаться красивой кому-то вне Торкена.

— У меня широкое понятие о красоте, миледи, — речь сухолюда потекла как плавящийся сахарный петушок. — Если я вижу что-то, без чего этот мир станет пустой раковиной, я восхваляю эту искорку великолепия посреди золы обыденности...

Клянусь Первым, думал я с опасливым изумлением, неужели ты собираешься залезть под юбку первенцу?

— Господин Тан'Тарен, вы слишком добры...

— Истинную красоту может дать только старшая кровь, — продолжал Рем, начиная работать над дистанцией между ним и девчонкой. — В вас ум и гармония Первого нашли свое убежище. Кира, вы словно алтарь совершенства.

— Ой, — усмехнулась девушка.

Неизвестно сколько еще Рем мог бы лить ей под ноги сироп, но его самым непозволительным образом прервали. Нам на встречу выбежал пират в горячей шляпе, за которым тащилась, подпрыгивая, привязанная к ноге сковорода. На дымящейся груди была выжжена мишень.

Впереди, опережая его на несколько шагов, неся прокуренный визг:

— Помогите, умаляю вас помагги-И-И-ите! Оно гонится за мной!

Гремела сковорода.

Он пронесся мимо, обдав нас пахучим турбулентным потоком, похожий на бога паники.

Проводив его сочувственным взглядом, мы вышли на относительно чистое пространство. Здесь на больших огороженных участках разделявали туши забытых животных, стояли высокие тотемы с богатыми подношениями. Мужчины и женщины оперировали с горами внутренностей, кто-то нырял в огромные прорехи в животах касаток и китов. Стояли домики ремесленников, в огромном открытом бассейне плавали несколько десятков лодок, которые отлавливали дельфинов и ламантинов. Животных выгоняли наверх пастушки. Дельфины с веселым визгом выпрыгивали из воды и попадали в суровые руки мясников.

Что характерно, чаек в этом месте бесценных кишок и вкуснейших обрезков, почти не было. А те, что были, по размерам напоминали все тех же пеликанов. Они независимой епархией держались возле мрачного одинокого альбатроса, что терпеливо наблюдал за тем, как ослабевают внимание женщин стотри чистящих рыбу.

От запаха у меня кровь стыла в жилах.

Время от времени работники бойни собирали особенно большие кучи потрохов в сети из водорослей и сооружали большой, смердящий шар. Этот шар откатывался к большой стационарной катушке, настолько здоровенной и мощной, что снаряды из кишок улетали

далеко за горизонт. На остров Мусора — объяснила Кира. Оказывается, было у стотри такое место, целый остров, довольной большой, который полностью покрывали отбросы. На него свозили все отходы, которые производили Твердые Воды. Это был скалистый вулканический прыщ, с вечно голодным жерлом, в котором одинаково хорошо сгорали и кишки, и нечистоты.

Стотри вообще оказались горазды на технические выдумки. Вокруг постоянно что-то шевелилось, поскрипывало и шуршало. Куски мяса скользили по широкой ленте в закрытый цех обработки. Ленту приводили в движение те же стотри, бегущие внутри деревянных колес. Их лица были спокойны и сосредоточены. Ловцы скота крутили на своих лодках педали — бурлили маленькие гребные винты.

Кира говорила, что варвары — заложники противоречивой природы. Стремление к точности и безошибочным расчетам, врожденное чувство порядка (так называемый «математический» инстинкт), с трудом уживалось в них с дикарской удалью.

Мы завернули за высокий частокол, прошли мимо него до жилого района.

Стотри живущие в Кольцевом Порту возвели для себя странные сооружения, напоминающие чрезвычайно широкие бараки, каждый из которых означал отдельный квартал. Эти древесно-коралловые муравейники при необходимости надстраивались и достраивались. Ровно через каждые сорок метров их пересекали разрезы улиц. Кира объяснила, что крупным сооружениям гораздо легче выдержать штормовые ветра, которые нередко налетают на открытый Кольцевой порт, не защищенный стеной острова.

Полыхающий постоянный двор с обгоревшей вывеской, на которой корчилось еще выложенное пустыми бутылками «удет», погибал. Двухэтажное горбатое здание, похожее на платяной сундук, плавало на отдельном пилигриме, окруженное десятиметровой зоной воды. Вокруг него держалось нехорошее оживление: Соленые варвары собирались обрубить мост, который соединял «То ли еще будет» с основной пристанью. Из постоянного двора на этот мост выбегали тлеющие посетители.

Из окна верхнего этажа просило о помощи почерневшее рыло хозяина. Судя по воплям, он желал расстаться со всеми своими богатствами, спрятанными в надежном месте, в обмен на помощь в тушении пожара.

Пираты, которые подошли позже требовали информацию вперед, и хохотали над несчастными жертвами. Те падали в воду и там, шумно отдуваясь и копя, проклинали это приключение.

Я почувствовал укол совести. Не знаю, стоило ли мне считать себя ответственным за Олечуча, и мог ли я позволить себе такую власть, но как завсегда подобный «То ли еще будет» заведений, я чувствовал почти сыновью скорбь и желание помочь.

Я поковылял к публике, потрясая посохом и пытаюсь привлечь к себе внимание стотри. Один из них взмахнул топором, брызнули щепки. Понимая, что не успеваю, я позвал:

— Цыпленок!

— Циф? — откликнулся недовольный Цыпленок, появляясь у меня на плече.

— Граа-х, — вымолвил я, показывая на стотри.

— Циф, — посоветовал воспоминаний, не раздумывая.

— Спасибо!

Я осмотрел посох и постучал по навершию пальцем. Громоподобный стук пронесся над вздрогнувшими людьми.

— Стойте! — прохрипел я в навершие, заставляя пиратов пригнуться, а Соленых

варваров остановиться от расправы с мостом. — Не трогайте мост! Пожалуйста! Я смогу потушить огонь. Ну... Наверное смогу, да! Э-э-э, я колдун!

Варвары не двигались, глядя на меня со снисходительным интересом. Кто-то из пиратов стал принимать ставки на исход этого в высшей степени занимательного происшествия. Я проталкивался между зевак и стотри, приговаривая:

— Да, все в порядке, колдун здесь. Дайте места, я колдун. Я колдун, дайте, пожалуйста, пройти. Посторонитесь, здесь нужен колдун.

Цыпленок на моем плече подавленно спрятал клюв под крылышко. Добравшись до моста, я остановился, понимая, что план как раз сейчас должен закончиться шумным триумфом.

— Циф! — быстро сказал Цыпленок, оценивая ситуацию.

— Это трудно! — заметил я.

— Циф!

Он был прав.

Я сорвал с тугого пояса близ стоящего стотри прямоугольную флягу из необычного легкого материала и облил себя соленой водой. С трудом выпил остатки. Потом, перекосив лицо, напряг все свои мышечные лоскуты. Грудь сильно сдавило энергией сопротивляющейся стихии, но я терпел даже тогда, когда из ушей и носа у меня брызнули тоненькие соленые струйки. Рядом с постоянным двором начала подниматься моя сильно искаженная водяная фигура, она пошатывалась вместе со мной и чесала отекающее бедро. Когда фигура поднялась над крышей здания, Цыпленок скомандовал:

— Циф!

Я подался вперед и одновременно расслабил мышцы, упав на корточки. Мой водяной двойник тяжело обрушился на здание, окатив поднявшейся волной всех, кто был достаточно любопытен, чтобы не убежать еще с начала пожара. Огонь мгновенно захлебнулся и порхнул вверх белым облаком.

Некоторое время было слышно только, как со шляп стекает вода и фырканье наполненных сапог. Злобно шипели угли.

И тут я увидел Олечуча: он вышел из покосившихся дверей постоянного двора, удерживая в руках дымящийся деревянный манекен. Пока он шел ноги его подгибались, словно он был обессилен какой-то невероятной трагедией. На середине моста он упал со своей ношей на колени и просипел:

— Не-е-е-е-ет!

Потом столкнул манекен в воду и зарыдал ему вслед:

— Плыви! Уплывай отсюда! Умоляю, уходи, со мной все будет хорошо! Доплыви до какого-нибудь острова, где нет людей. Я найду тебя, я найду тебя, клянусь.

Манекен покачивался на волнах лицом вниз.

— Давай же, — всхлипывал Олечуч, глядя на него сверху. — Дава-а-ай! Я всегда буду любить тебя...

Он медленно сполз по перилам и снял шлем.

Пираты стали быстро расходиться, брызгаясь и оскальзываясь на мокрых подошвах. Кто-то из варваров двумя пальцами поставил меня на ноги, и на мою грудь вдруг бросилась Кира.

— Это было великолепно, господин Вохрас! — жарко шептала она, глядя на меня расширившимися вертикальными зрачками. — За несколько минут и такое могучее

заклинание!

— Ты ведь гость Жреца? — спросил меня низкий приятный голос.

— Да, — кивнул я, отирая лицо и пытаюсь выскользнуть из сомкнувшихся на мне рукавов Киры. Меня словно атаковал пододеяльник.

— Хорошая работа, — похвалил варвар. — Жрец выбирает только сильнейших. Слава Основному Терминалу.

— Именем Его, — откликнулся я машинально.

Стотри сразу начали обсуждать восстановление постоянного двора, разбились на рабочие группы. Кто-то отправился за инструментами, остальные за материалами. Их аккуратность и трудолюбие подавляли даже известную неприязнь к пиратам. И слава Первому, что они не стали обращать внимание на то, кто именно устроил пожар. Видимо Олечуч прочно ассоциировался у них со мной и Жрецом.

— Кира, — опомнился я, — а не могла бы ты...

— Все что угодно, господин Вохраc! — воскликнула она трепетно.

— Циф, — появился на секунду Цыпленок, скабрeзно шевельнув крылышками.

Этого я от него не ожидал. Это, пожалуй, было даже хуже, чем комментарии Рема к каталогам в готельных домах.

— Не могла бы ты меня отпустить, девочка?

— Извините, — она сорвалась с меня как покрывало. — Извините. Я никогда еще не видела магга равного по силе моему отцу. Столь же гордого и могущественного. Вы украли мое дыхание, господин Вохраc.

«Украли мое дыхание»?

Где там Рем?

— Рем!

— Что?

— Пойдем, посмотрим, что с Олечучом. Леди Кира, останетeсь здесь, этот тип крайне опасен.

— Как скажете!

Мы двинулись вперед по мосту, я справа, сухолюд — слева.

— Какого змея, Сливочный? — спросил Рем с вызовом.

— А?

— Это нечестно!

— А?

— Я хочу сказать, если бы у меня была сила вроде этой, разве я стал бы уводить с помощью нее твоих расчесок?

— Мне не хочется обижать тебя ответом.

— Я серьезно, Сливочный, это же первенец! Ну, ты только представь, поиграть с ней, это все равно, что побывать на том конце радуги! Я внукам буду рассказывать, как я с ней...

— Чего ты от меня хочешь? Я спасал постоянный двор, а не посвящал ей сто галлонов соленой воды.

— Но она бросилась на тебя как лихорадка.

— Ты преувеличиваешь. Ей понравилось представление только и всего. Никто не пытается отнять у тебя истории для внуков.

Подобравшись к Олечучу, я убедился, что он рыдает в сведенные ладони. Он вздрагивал и издавал скорбное карканье. Шлем валялся рядом. Я понятия не имел, что это должно

значить. Я взглянул на Рема: тот пожал плечами и осторожно, как мангуст к кобре, потянулся к Олечучу рукой.

— Э-э-э, ну что ты, друг, — похлопал он его по наплечнику. — Матрас... Как ты?

— Дайте ему шанс! — заорал он вскакивая. — Простой дайте ему шанс! Он сможет! Он сильный, я знаю это! Он уплывет в места, где вас нет! Где нет никого из вас, нерукотворные чудовища!

Я выглянул за перила. Манекен, качаясь на волнах, бился головой о сваю.

— Олечуч... — начал я медленно.

— Я знаю, — отмахнулся тот в отчаянии. — Я знаю, — упал грудью на перила. — Когда я выдергивал из него ножи, он уже не дышал. Не дышал, не мог говорить, ничего не слышал и не понимал.

Он шатнулся и схватил меня за плечо.

— Он не смог. А мне так хотелось, чтобы у меня был друг.

— Мне очень жаль, Олечуч, — проговорил я.

— Нет, — сказал тот, принимая протянутый сухолюдом шлем. — Жаль тем, кто измывался над ним. Они заплатили. Справедливость.

Он надел шлем.

— И они не последние.

— На сегодня последние! — сурово возразил я. — Дальше пойдешь с нами, понял?

— Но как же справедливость?! — вскричал Олечуч взволновано.

— Нет!

— Еще немного справедливости!

— Хватит! Ты обязан мне освобождением и должен повиноваться!

— Сочащийся ошметок плоти, я обязан тебе, но над Кашей ты не имеешь власти! — прорычал Олечуч. — Ее тебе не остановить!

Я посмотрел на Кашу. Ее золотистая головка выглядывала из горловины нагрудника.

— Ладно, она может продолжать, — согласился я.

— Ха! — гаркнул Олечуч.

Я огляделся в поисках Рема. Несколько раз позвал его, и он появился из дверей постоянного двора. Из рук его тянулись вниз наполненные бурдюки. Еще пять болталось на поясе.

— Там уцелела бочка, — сказал он, бросая мне хлюпающий мешочек. — Не знаю, что это за пойло, но пахнет оно как роза.

— О! — одобрительно выдохнул я, хватаясь деснами за пробку.

— Как роза, которую один раз уже съел хтанг, — закончил Рем.

— А на вкус как аквариумный налет! — добавил я сдавленно.

— Зато некрепкое, — вздохнул Рем. — Как раз то, что нам нужно. Эх, никогда не думал, что скажу это. Что за времена настигли нас?

— Ты заплатил хозяину? — спросил я отдуваясь.

— Нет.

— Что ж.

— Я потребовал от него информацию, — Рем поморщился и выбросил высосанный бурдюк, взял с пояса второй. — Он что-то кричал насчет сокровищ, спрятанных в надежном месте. Оказалось — брешет. Но я выяснил кое-что по поводу сайцев. Они здесь уже несколько циклов. Привозят варварам свое оружие и доспехи.

— Это все?

— От него никакого толку, — говорил Рем между глотками. — Пытается найти свои усы. У меня, говорит, были усы, куда они делись? Везде их ищет. У-ф-ф-ф, ну и моча.

Мимо нас прошли две варварки с кожаными сумками и несколько мужчин с носилками.

— Он внутри, да, — произнес Рем, провожая цепким взглядом женщин. — Не забудьте найти его усы!

— Пойдем, — сказал я, глядя на Олечуча. — Теряем время.

Кира послушно ждала нас там, где ее оставили. Однако, пока мы участвовали в личной жизни чучела, она успела сделать что-то такое, отчего все ее тело начало испускать мягкое приятно пахнущее тепло. От него, по-видимому, должна была вскипать кровь любых существ с яйцами. Даже мое высушенное ломкое либидо, шевельнулось в своей яме, не говоря уж о раздувшихся ноздрях Рема.

А еще она притащила откуда-то огромную мертвую чайку.

— Что это? — спросил я, в ужасе глядя на птицу.

— Это чайка, — смущенно ответила Кира, удерживая ее на руках как ребенка. — Свежая. Понюхайте, как пахнет. Я ее берегла, еще птенчиком нашла и растила. Она для вас, господин Вохраc.

— Спасибо, — вымолвил я неуверенно. Уважительные жесты первенцев мне были в новинку. Что требовалось от меня в ответ, я не знал. — Это очень ценный дар, леди Кира, — осторожно заговорил я. — Но скажите, что я должен с ним делать?

— Я не знаю, — растеряно покачала головой Кира. — Ох, простите, я должна объясниться. У нашего народа сам факт передачи чего-то очень ценного и созданного личными усилиями, имеет большое значение. Особенно если уничтожить что-то очень дорогое тебе. И чем больше сил было вложено, чем тяжелее жертва, тем ценнее дар. Вам, наверное, это может показаться странным, но, поверьте, это лучший способ продемонстрировать свою искренность. Я очень любила эту чайку. Ее звали Крикуша. Я плакала, когда душила ее.

Мне показалось, что мутный глаз Крикуши глянул на меня с загробной ненавистью.

Меня выручил Олечуч.

— Отдай ее мне, — сказал он алчно, схватив меня за руку. — Отдай ее мне. Отдай.

— Это допускается? — спросил я у Киры.

— Да, — она, помедлив, передала чайку манекену. Тот, злорадно бормоча, зачихал ее под нагрудник к Каше. — Мне лишь нужно знать... Вы впечатлены моей жертвой ради вас, господин Вохраc? Это пока все, что я смогла придумать. Но я не остановлюсь на этом, клянусь тебе... Вам!

Перед стекленеющим взором Престона Имара от'Крипп пронесли картины жутких самоистязаний, посвященных его рассеянному вниманию.

— Клянусь Первым, леди Кира я поражен вашим поступком до кончиков ногтей! — вскричал я торопливо. — Этой немислимой жертвы мне хватит на несколько жизней! Прошу вас, не надо больше никого душить! И плакать.

— Господин Вохраc, вы... — срывающимся шепотом сообщила Кира и склонила голову на мою грудь.

Рем показал мне оттопыренный средний палец, что на универсальном языке жестов Гильдии Воров, означало крайнюю степень неодобрения. Невдомек ему было, что я готов был сейчас показать себе тот же самый палец, умноженный на сотню.

Океан — это нередко сцена для таинственных событий. Событий великих и грандиозных. Найдется место и для разных мелких шалостей. Бездна хранит еще много нерассказанных шуток, в отличие от истоптанной, порядком выдохшейся Суши, которая запуталась в бороде человеческой цивилизации.

Океан приходится тверди мрачным коллегой по цеху, который всегда держит ключ от своего стола и шкафчика при себе. Его самые интересные проекты, планы и черновики надежно упрятаны под изменчивыми волнами. В отличие от Суши, Океан понимает, что человеку нельзя дать осмелеть.

Твердь уверена, что Океану просто повезло со средой, в которой невозможно добыть огонь, а на мозги постоянно давит несколько центнеров воды.

Как бы то ни было, вернемся к шуточкам Океана. У него есть несколько избранных формул, которые безотказно работают на одном чистом человеческом страхе. Страх горит гораздо быстрее бензина и выделяет тепло во много раз активнее угля.

Помимо стандартных щупалец, заползающих ночью в незапертые пушечные раструбы на бортах; шпормах, превращающих корабль в зубочистки; и русалок, пользующихся стесненными обстоятельствами чисто мужского экипажа, у Океана есть корабли-призраки.

Эти зловещие безлюдные посудины крадутся по извилистым тропкам течений, мрачно шелестят лохмотьями паруса в потоках случайных ветров. Созданные человеком и для человека, без команды они превращаются в уродливые острова гниющего дерева, в которых обязательно таиться что-нибудь плохое. Корабль, не сумевший помочь своей команде, словно становится сообщником произошедшего зла. Проклятым корытом он прыгает на волнах, вызывая ужас у встретивших его бедолаг.

Если хотите напугать до икоты матерого океаноплователя, который смеется над вашей походкой сухопутной крысы, просто скажите: «какая замечательная нынче погода для кораблей-призраков, вы не находите?». Обидные шуточки исчезнут вместе с хозяином.

Один из представителей кораблей-призраков как раз сейчас дрейфовал недалеко от слепого пятна, которое на картах Авторитета обозначено как «Твердые Воды». Вместо экипажа по палубе гуляли чайки, а на штурвале дремал альбатрос.

Любопытный факт: вся палуба судна была испещрена корявыми надписями, сделанными краской, углем, и вообще всем, что могло оставлять следы.

«мы больше никогда нибудим смияца над людьми, каторые атличаюца от нас!», — гласила каждая из нескольких тысяч надписей.

Любопытный факт № 2: корабли-призраки подвида «мы больше никогда нибудим...» вышли целой серией в достаточно непродолжительное время по меркам такой солидной штуки как океаноплаванье. Они появлялись в течение цикла с интервалом примерно в одну неделю. Места их появления образовывали редкий пунктир, который вел к Твердым Водам.

Любопытный факт № 3: все они таинственным образом были связаны с торговым грузовозом Империи Сай, который сейчас входил в Кольцевой Порт Твердых Вод.

Туша грузовоза причалила к мосткам, глухо врезавшись в тормозящие буфера из пилигримов. Грохнул резной трап. Над кораблем нависли гидравлические подъемники стотри, подоспели рабочие порта. На судне зашевелились собственные грузчики.

Через некоторое время работа закипела.

Когда все закончилось, грузовоз на время обезлюдел: команда разошлась или уснула, а стотри переключились на сотню других важных дел. Тогда часть подпиленных досок на носу

корабля вздыбилась изнутри.

Шкряк!

Образовавшаяся рваная дыра находилась на уровне полости, в которой лежал балласт. В основном камни. Сайцы могли не заглядывать туда годами. Именно это спасло грузовоз от участи стать еще одним кораблем-призраком.

В дыру заползали волны. Было очень тихо, словно балластная камера прислушивалась к тому, что сейчас творилось снаружи. Все было спокойно. Тогда из дыры высунулся еще один трап, гораздо меньше грузового. Собственно это была обычная дверь, сорванная где-то с петель. Она бесшумно уперлась в причал.

Скиу-скиу-скиу.

Проглот никогда не следил за своей репутацией. Наверное, поэтому о нем сложилось весьма предвзятое мнение: якобы он глотает все подряд. Вне всякого сомнения, психология его была элементарна, она сводилась к поиску предметов, которые должны быть проглочены. Однако в этом примитивном, на первом взгляд, алгоритме, жила своя сложнейшая система ценностей, зависимостей и переплетений контекста, которые недоступны пониманию человеческого разума, ровно как и воля Первого.

Проглот нес в своем чреве непереваренные зерна Судьбы. Он сам был Рок. Уродливый Фатум. Ему неведомы были сострадание, жалость, злоба или агрессия, эти слова не имели под собой материальной основы, так что их нельзя было проглотить. Поэтому он представлял собой бесстрастную силу, которую вели случайные сочетания чисел. Иногда он чувствовал интерес. И эти моменты выражали высшее проявление обреченности в Проглоте. Если что-то было ему интересно, он **должен** был это проглотить. Мало физических и природных законов работает с той же четкостью и безотказностью, как этот.

Понадобились бы сотни нерестов наблюдений и тягчайшего анализа, чтобы выявить в трапезах Проглота некую осмысленную закономерность. И, возможно, даже обнаруженная, она не смогла бы быть правильно объяснена ограниченными умами людей.

Вот почему всем казалось, что Проглот бессмысленный обжора.

Как бы то ни было, иногда судьбоносные процессы его пищеварения можно было наблюдать невооруженным взглядом, набравшись лишь мужества и силы воли.

— ... - жалобно взвыл Проглот.

Он лежал недалеко от прозрачной стены, под днищем поставленного на распорки плота и дрожал. Его сильно пучило и тошнило.

— ... - он перевернулся на спину и замер.

Некоторое время под бревнами было тихо. Потом что-то забулькало, раздались сдавленные выдохи, будто большой мот пытался разделаться с комком шерсти, застрявшим в горле.

Это продолжалось довольно долго, пока, наконец...

— Аа-а-ау!

— ...

— Какая гадость, какая гадость, какая гадость!

— ...

— Ты?!

-..?

— Это ты меня съел! Я разорву тебя в клочья!

Проглот торопливо выбрался из-под плота, развернулся и почесал передней лапой слюнявый уголок пасти.

— Не уйдешь! — кричал Вилл, выбираясь следом на локтях и коленках. — Я умножу тебя на ноль, скотина!

Ну, то есть, это ему казалось, что он кричит. В действительности, будь он в библиотеке, никто даже не поднял бы голову над книгой. Вилл поднялся оперевшись на плот, и нащупал ручку зонтика.

— Я — Вилл! Я... Вилл! Сейчас я нанесу тебе удар и, скорее всего, убью! Хотя существует вероятность обратного исхода! Процентом восемьдесят! Но остаются двадцать процентов наполненные тьмой смерти и забвения! Как они тебе, а?!

Он выдернул Кричащий меч из ножен и погнался за Проглотом. Некоторое время Проглот, стоя на месте, наблюдал за погоней, а потом, неторопясь, пошел к корзинам с крабами.

Он проглотил несколько корзин и посмотрел, как там Вилл. Отсутствие глаз Проглот компенсировал шестым, совершенно особым чувством, которое навскидку можно было бы назвать «ощущением ультравкуса» или «инфраглоточным зрением». Все что имело вкус, — а даже первичные атомы можно было распробовать, — Проглот видел, как человек видит стальной шар в ярко освещенной комнате.

Кабинетный варвар имел вкус, напоминающий о затхлых рыбьих головах, которые довольно долго лежали на подоконнике, завернутые в бумагу. Он приближался, но медленно. Проглот успел свалить небольшой тотем похожий на моржа с крыльями. Крылья он оторвал и заглотил тотем целиком. Потом он немного полежал, давая моржу время улежаться. Когда он уже собирался вставать, рядом с ним остановилось трое варваров. Они поглядели на останки тотема, на разрушенную пирамиду корзин, и одновременно сложили руки на груди, застыв в позе универсальной для множества миров. Это поза предвещала скорое возмездие и стотри она давалась чудо как хорошо.

— Это зверь, который приехал со Жрецом? — осведомился один из них.

— Да, — ответил второй.

— Он сожрал памятник Свалуму Дробному Создателю Клинышка Для Того Чтобы Дверь В Покои Не Закрывалась Когда Стоит Духота, — заметил третий.

— Это ничего, — миролюбиво сказал первый. — Все равно он больше походил на моржа с крыльями.

— А крабы? — напомнил третий.

— По-моему они в порядке, — пожал плечами первый. — Жрец знает, что делает. Это существо должно быть здесь. Ничего ужасного оно не сделало. Можем просто отнести его тому колдуну. Его зовут Вохрас. Видели, как он потушил пиратский сарай?

Варвары оживленно обсудили это зрелище. Вилл тем временем вышел на финишную прямую.

— Ладно, — согласился третий. — Берем его и несем к Вохрасу. Может он покажет еще что-нибудь.

— Он мой! — заорал Вилл. — Не трогать! Мой!

Третий варвар, взваливший Проглота на плечо, замер с согнутой в колене ногой.

— Вы ничего не слышали? — спросил он.

— Нет.

— А что?

— Он мо-о-о-ой!!!

— Вот опять!

— Точно, теперь, кажется, и я слышал. Как будто из каракатицы воздух выходит.

— Я думал это чей-то желудок.

— Это мой монстр!!! Найдите себе другого, переростки!

— По-моему это откуда-то из-за плотов. Может посмотрим?

— Да брось, наверняка пилигримы сохнут. Жара стоит.

— Да. Перед Тьмой всегда так.

Варвары ушли, унося с собой Проглота.

Вилл, ковыляя из последних сил, тяжело оперся на ближайший плот. Переведя дух, он вышел к корзинам. Измученные жаждой крабы вяло ползали под ногами. Вилл с досадой плашмя ударил одного мечом. Краб предосудительно поглядел на обидчика вытянутыми глазками и отодвинул клинок.

Парень тяжело вздохнул.

И вдруг!

Веки его задрожали, глаза вылезли из орбит.

Вилл вдохнул еще раз, глубоко, стараясь набить себя доверху этим потрясающим воздухом.

Воздухом первой родины!

Он вскинулся и огляделся. Далеко за крышами складов и барачков, находился горб Твердых Вод, точно такой, как в самом старом его воспоминании, затершимся почти полностью.

Брызнули слезы. Вилл подковылял к лестнице ведущей на вершину кораллового маяка, указывающему путь заблудшим в ночи плотам. Лестница винтом шла вокруг бледно-голубого конусообразного строения. Запнувшись о первую же ступеньку, парень принялся карабкаться вверх.

Эти переростки... Это были его братья! Его братья!

Он захлебывался от возбуждения.

Достигнув цели, он обнаружил небольшую комнату под дощатой крышей маяка. Она напоминала пехотный дот, по амбразуре которого в темное время скользил мощный фонарь, поставленный на подвижное основание. Этот фонарь, как и несколько его копий, остался еще со времен рождения отсеков и то, как он работал, знал лишь Основной Терминал.

Обстановка была скромной. В нее входили: удобный гамак, мощный, точно сколоченный стол, кресло, обитое кожей. На полках стояли десятки крохотных костяных фигурок, декораций и моделей. Еще в комнате находилась несколько бочек, и висели гирлянды разнообразной солонины и копченостей.

Вилл, стараясь не заплакать от счастья, смотрел на молодого варвара, который, удобно расположив живот под столешницей, сидел в кресле и вырезал бритвой какую-то фигурку. Судя по отличительным фрагментам, женскую.

— Угу, угу, угу, — произнес парень, поднимая свою работу на свет и разглядывая безупречно симметричные груди.

Парень был удивительно лохмат. Грива прозрачных волос была скручена в тонкие хвостики. Это делало его похожим на добродушного дикобраза.

— Брат, — обмирая от волнения, позвал Вилл.

Варвар, оскалившись, вырезал у фигурки лицо.

— Брат, — позвал Вилл громче.

Нет ответа.

— Брат!

Холка дикобраза дрогнула. Парень медленно обернулся и посмотрел на Вилла выкаченными глазами. Кабинетный варвар замер, не чуя под собой ног. С минуту они молча глядели друг на друга. Не моргая и не двигаясь.

Парень вдруг приподнялся и сорвал с гирлянды кусок вяленого мяса. Деревянный протез стукнул по полу.

— Десять, — сказал одноногий варвар. И с размаху ударил куском мяса об стол. Принялся рвать его на полоски и отправлять в рот. — Девять. Вошем... Шемь. Шесть...

Вилл не мог понять, что это значит.

— Пять. Четыре... — продолжал смотритель.

За этим отсчетом чудилась неотвратимо надвигающаяся опасность. На столе Вилл заметил метательный нож. «Он дает мне время назвать себя, — понял Вилл, — а если я не успею...».

Кадык Вилла панически дернулся. Он вспомнил, как он одет и как, Марлей побери, истощал.

— Три...

— Меня зовут Вилл, я — свой, я — стотри! Я сбежал из кабалы Авторитета!

— Два...

— Не надо, брат, позволь мне объясниться!

— Один!

Вилл зажмурился. Какой нелепый конец! Вернуться, чтобы в неразберихе пасть от рук своих же!

В этот же момент остров издал громовое «фзиу-у-уд».

Парень довольно поскреб живот.

— Маяк номер четыре, рапорт, — раздался тихий бесплотный голос.

— Горизонт чист, — сообщил смотритель. Он помедлил, разглядывая приоткрывшего глаза Вилла. — Все в порядке.

После этого он снова принялся за мясо.

— Здорово, да?

— Что? — слабо откликнулся Вилл.

— Убегать было здорово? — осведомился одноногий.

— Сначала, может быть, — успокаиваясь, сказал Вилл. — А потом все пошло наперекосяк.

— Проблемы с транспортом, да?

— Да, — покивал кабинетный варвар. — Меня зовут Вилл.

— Садись, — предложил дикобраз.

Вилл, не найдя другой мебели, взобрался на бочку.

— Рассказывай.

Самым трудным для Вилла было описать свое путешествие в Проглоте. Чтобы заменить одну Черепаху, он выдумал один пиратский корабль, один самодельный плот, несколько дельфинов и паруса из штанов. Дикобраз слушал так, словно где-то в рассказе Вилла он потерял несколько ящиков солонины. Весь рассказ занял ровно половину гирлянды.

— Я смотритель этого маяка, зовут — Иргуш, — сказал дикобраз, когда Вилл

молчанием поставил точку в повествовании.

— Ты веришь мне, смотритель маяка Иргуш? — с надеждой спросил Вилл.

— Недавно у нас поймали шпиона, — неопределенно сообщил Иргуш. — С самой Гиганы говорят, шпионище. Лютый как акулий мозг.

Вилл внутренне напрягся.

— Это я к чему, — продолжал смотритель, — это я к тому, что сейчас у Жреца и отсеков плохое настроение. Я вижу брат, что ты из наших. Но остальные могут подумать, что ты выдрессированный лазутчик. Бывали уже случаи. Его бьют, морят. А ты взгляни на себя: все это с тобой явно происходило. Не важно, что о тебе подумаю я. В первую очередь покажись Жрецу и вождям.

— Что же мне делать сейчас? — мрачно спросил Вилл.

— Хм, — парень улыбнулся. — Подумаем. Вон в том, значит, ящике возьми себе мою старую боевую броню. Она тоже будет великовата, но в этом тряпье тебя не пустят дальше причалов.

Вилл не спорил. Он угрюмо рылся в ящике, распутывая сложную систему остро пахнущих ремней. Еще пол гирлянды солонины ушло, пока он одевался. Когда Вилл поднялся в полном облачении воина стотри, Иргуш захватил нижней губой верхнюю, и что-то сказал себе в щеки.

— Ну и кровать, — не выдержал он. — Без обид.

— Без, — согласился Вилл со вздохом.

Он подошел к выходу и взглянул на открывшийся вид. Твердые Воды ждали от него поступка. Он должен был добиться права быть здесь.

— Почему так? — спросил он. — Почему я, воин нашего племени, гордо прошедший через истязания континентальных свиней, должен доказывать, что не лгу. Это оскорбление!

Его ноздри дрогнули, думая, что раздуваются от гнева.

— Сейчас обстановка та еще, дружище, — сказал позади него Иргуш. — Близиться война с теми самыми континентальными свиньями.

— Что? — обернулся Вилл. — Война?

— Точно, — с готовностью подтвердил смотритель. — Такая война, что все чашки побьются, клянусь делением на два. Основной Терминал, да будет бесконечна его оперативная память, требует свержения Авторитета! На этот раз вожди не хотят опростоволоситься. Это будет третья попытка, жрец говорит, что Основной Терминал не потерпит еще одного поражения. Все пять отсеков объединятся, чтобы... Клянусь сложением дробей... Вилл, что это у тебя на спине?

— Это шрамы, — нехотя сказал Вилл. — Я ведь говорил, что детство провел на арене.

— Глупец! — вскрикнул смотритель. — Это тройка! Тройка! Это номер отсека!

— Ах, это, — Вилл потер переносицу. — Я не помню. Что-то было связано с этим. Что-то важное. Но я не помню. На континенте все считали, что это клеймо одного из моих хозяев.

— Это значит, что ты чистокровный стотри, слизняк! — воскликнул Иргуш. — Твои предки десять поколений сношались только с представителями собственного блока! Великий Марлей, вот это удача! Жрец искал такого как ты последние пятнадцать нерестов! У него есть все номера кроме тройки.

Вилл смотрел на смотрителя, морща лоб.

— И что, я теперь, возможно, окажусь сыном вождя? — спросил он, наполняясь

несмелым воодушевлением. — Стану командиром дружины, получу лучших наложниц и нескольких капиллярных островов?

Иргуш посмотрел на него с сожалением.

— Э-э-э, ну нет, конечно, с чего бы это... — проговорил он, трогая живот. — Нет, дело не в этом. Видишь ли, из-за межблоковых связей чистокровных стотри с номерами почти не осталось. Единицы. У Красных Касаток так их вовсе не было. Жрец уже отчаялся. И вот выпрыгиваешь ты как жемчужина из селедки.

— А зачем Жрецу такие как мы? — спокойно осведомился Вилл, привыкший к обломам как собака к хвосту.

— Подробностей я не знаю, — заулыбался Иргуш, — но говорят, Жрец пытается открыть подвалы в Истоке. Там хитрые замки, которые можно отпереть только руками чистокровных стотри. Представляешь, что там может быть?

— Немного удачи для меня не помешало бы, — флегматично ответил Вилл. — Если ее и там не окажется, то я даже и не знаю где ее искать. Так что же мне теперь делать?

— Ступай в Исток, конечно! — настойчиво посоветовал смотритель. — И не бойся, если тебя остановят. Тебе достаточно просто спиной повернуться и тебя на кончиках пальцев туда донесут. Если хочешь, оставайся здесь. На следующем сеансе связи, я про тебя расскажу...

— И меня тут же поднимут на кончики пальцев?

— Ну да.

— Нет уж, — покачал головой Вилл. — Я лучше пройдуь.

— Как хочешь, — сказал смотритель сквозь солонину. — Главное держись подальше от середины улицы. Жмись к строениям. Может тебя примут за трещину в стене.

— Спасибо тебе, братишка.

— И вот еще что: когда будешь проходить через ворота на Твердые Воды, могут привязаться околотники. Скажи им, что ты прибыл из далекой колонии, которая живет на плоту и питается занозами. А ты еще родился через нос ко всему прочему. Через левую ноздрю. И болеешь червями. А еще...

— Я что-нибудь придумаю, смотритель маяка Иргуш, — процедил кабинетный варвар.

— А, ну да, — иглы дикобраза поникли. — Ты братишка откровенно не без ума, верно? Заставил ведь как-то дельфинов сплести для тебя гамак из водорослей и кормить печенью трески. А как ты ловко подорвал пиратский корабль бутылкой рома! Этому в бухгалтерии-то не научат.

— Да-хрм, — прокомментировал Вилл, который понятия не имел о таком судовом помещении, как хлопыш-камера, а дельфины с детства вызывали в нем смешанное чувство боли в укушенном бедре и желания осушить Океан.

— Я пойду, — добавил он быстро.

— Ну что ж, ступай, — торжественно проговорил Иргуш. — Я научил тебя всему, что знал, мой сын. Теперь твоя дорога лежит в заоблачные чертоги манахов-замерзаев. Там ты должен будешь отбить у Летучего камня Луковицу Стенаний и с ее помощью вызвать слезы у Демона Равнодушия, чтобы...

Вилл смотрел на парня с опаской.

— Монахи-замерзаи? — переспросил он, надеясь, что просто давно не чистил уши.

Марлей побери, а когда он в последний раз чистил уши?

— Ну, это просто моя маленькая фантазия, — проговорил Иргуш голосом

придавленного дверью попрошайки. — Тут, знаешь ли, довольно скучно. Вот я и придумываю разные небылицы, чтобы развлечь свой обрубок, — он пошевелил протезом. — Эх, если бы не это пушечное ядро, которое перебило ту мачту, которая упала на шкиперскую рубку, сбив статую золотого орла, зацепившую...

— Хватит! — тонко намекнул Вилл.

— Ладно, извини, — поник Иргуш. — А можно я вырежу твою фигурку и отправлю ее в путешествие?

— Тогда пусть оно будет удачным, — устало согласился Вилл.

— О, его ковшами будут выкапывать из-под девственницо-сокровищного салата, — яро пообещал Иргуш. — И еще одно, Вилл...

— Да?

— Ты не мог бы подойти и облобызать руку тому, кто научил тебя всему, что знал? Монахи-замерзай — опасные ребята, без моих советов они бы тебя на сосульке вертели...

Вилл торопливо спускался по лестнице.

Стараясь держаться непринужденно, он отошел от маяка на несколько десятков шагов и остановился. Впереди шумела улица, ведущая к воротам на Твердые Воды. Кабинетный варвар видел других стотри и его воображаемый хвост воображаемо вилял из стороны в сторону. Пахло жареными кальмарами. Вкуснейшими жареными кальмарами с хрустящими щупальцами.

А еще там были женщины.

Женщины стотри.

Воображаемый хвост вила замер. Вывалился настоящий язык и прошелся по губам. Некий запретный до этого периметр его организма вдруг сказал: «эй, погодите-ка секунду, я, наконец, понял, для чего я нужен!»

Вилл ощущал внутри гигантскую многоперестовую полость, которая должна была быть наполнена лихими драками, большими кусками полусырого мяса, выпивкой и гладкими рубиновыми бедрами. Каждую секунду эта полость увеличивалась.

— Эй, парень!

Вилл не отреагировал.

— Парень! Я к тебе обращаюсь!

— Гы-ы-ы, — неопределенно высказалась та часть разума кабинетного варвара, которая случайно выскользнула наружу из хаоса битв и совокуплений.

— Да что с тобой? — допытывался хриплый голос. — Ты что, идиот? Дурачок, да?

— Гы-ы?

Скиу-скиу-скиу.

— Что с тобой такое?

— Я — Вилл!

— Ух ты!

— Я должен побеждать врагов и владеть женщинами!

— Похвальная инициатива!

— Я беру, что захочу!

— Ну, это вряд ли. Ничего... вычисляется... тяжелее кружки ты не поднимешь.

— Arrrgх!

— По-моему мы теряем время, Ики. Что это вообще за чудо? Он одет как варвар, но похож на козий рахит.

— Вилл должен крушить!

— Его убогость верный признак того, что физической работой он почти не занимается.

Значит, он живет за стенами, возможно в самом Истоке.

— Четырежды четыре — ше-е-е-естна-а-а-адца-а-ать!

— Это вовсе не стотри, — мрачно произнес Накат. — Может умалишенный пират?

Вилл окаменел.

Потом начал поворачиваться, не двигая ногами.

Никогда еще Накат не видел такого взгляда. Взгляда быстро увеличивающихся шансов оказаться одновременно врагом, большим куском полусырого мяса и женщиной с рубиновыми бедрами.

— Это стотри, — возразил Ики. — Просто очень худой. Остальные расовые признаки присутствуют.

Взгляд исчез.

— Ладно, — молвил Накат. — Вилл, да? Вот какое дело, Вилл. Я шпион! Ты понимаешь меня, убогий? Агент Авторитета. Меня нужно схватить и отвести в Исток. Туда.

Вилл проигнорировал жест. В нем что-то едва слышно свистело, словно из крохотной протечки в котле вырывалась игла раскаленного пара.

— Я очень опасный саботажник!

Вилл не ответил. Он превращался в потустороннее существо, которое могло слышать только голоса демонов.

— У меня есть бомба и карта Твердых Вод, — продолжал Накат.

Внутри Вилла что-то щелкнуло.

— Позови стражу!

Вилл пошел.

— Отлично, следуем за ним, — сказал Ики.

Кабинетный варвар двигался как человек, который когда-то давно разминулся со смыслом жизни, а теперь увидел его в объятьях другого человека. Его походку можно было бы сравнить с чередой очень тихих, почти незаметных, бомбовых разрывов.

Вилл прошел между домов и оказался на улице. На одной из самых оживленных улиц Кольцевого Порта. Улице, на которую приходили сотни варваров одновременно. Никто кроме Вилла не знал сейчас, что улица — это река. Он ощущал ее силу. Впитывал информацию всем, что могло считаться частями его тела.

Учуяв запах силы, испаряющейся с огромных бицепсов, Вилл хищно заклекотал. Он повел затвердевшим взглядом, как дулом артиллерийского орудия.

— Куда это он устался? — проворчал Накат.

— Вычисляется... Стотри на десять часов. Тяжелые доспехи. Двуручный радугомет. Сидит на императорском морже. Смотрит направо.

— Та гора арбузов? С кулаком вместо головы?

— Думаю, мы говорим об одном и том же стотри.

Вилл пошел вперед. Он двигался поперек улицы, цепляясь плечами за прохожих и ударяясь о телеги. Он подошел к гигантскому, даже по местным меркам, варвару-всаднику и произнес тоненьким басом:

— Мне нужны твои доспехи, обувь и морж.

Варвар исследовал мизинцем ухо, продолжая смотреть вперед. Туда, где стоял воз, нагруженный огромными головами сыра из тюленьего молока. Лицо, сложенное из

прямоугольных мышц и желваков, таинственным образом излучало любовь.

Вилл повторил запрос. В ответ к нему повернулась голова моржа. Могучее животное, напоминающее серую двухтонную цистерну, шевельнуло усами и лизнуло Вилла в лицо.

Всадник, тем временем, искал что-то у себя носу. Это было тяжелое зрелище. На Вилла он даже не посмотрел.

Взбешенный кабинетный варвар вскарабкался на моржа, и вытянулся прямо напротив всадника, встав на загривке животного. Лицо богатыря оказалось на одном уровне с желтым оскалом Вилла. Стотри вздрогнул.

Вилл не говоря ни слова, врезал ему ногой между глаз.

Всадник даже не моргнул. Он смотрел на Вилла, ожидая, когда в голове вырастет достаточно большая мысль, чтобы ее можно было исследовать не особенно напрягаясь.

— Какого змея он творит? — изумился Накат. — Я же тебе говорил, что он сумасшедший.

— Очевидно, ты был прав, — признал Ики. — Но, план остается в силе. Держись этого парня, и мы привлечем много внимания. Я надеюсь, ты уверен, что Жрец лично допрашивает каждого пойманного шпиона?

— Нет, — хладнокровно ответил Накат. — Но выбирать не из чего. Иначе нам в Исток не пройти.

Вилл долбил по лицу всадника ногой как выдохшийся отбойный молоток. Варвар глядел на него, силясь понять, что происходит. Наконец, мышцы правой руки, уставшие ждать команды, взяли дело под свой контроль и отвели кулак назад.

Этот удар, наверное, мог бы превратить быка в падающие сверху готовые стейки с кровью.

Хрясь!

Всадник сполз с моржа как мешок с булыжниками. Морж облегченно размял лопатки. Вилл изумленно посмотрел на свою ногу.

К моржу подъехал Накат. Он массировал плечо после броска. Остановившись возле бездыханного тела, инквизитор подобрал стальной шар и спрятал его в сумку Ики.

На него и на Вилла теперь смотрела вся улица.

— Я! — крикнул Накат. — Шпион! Позовите! Стражу!

Глава 11. Математический инстинкт. Часть 2

«Политическое устройство Соленых Варваров очень примитивно. Ни одного чиновника, не считая вождей отсеков. Удивительно, как с такой бедной «государственной» номенклатурой их общество столь слаженно и эффективно функционирует. Иногда мне кажется, прости Первый, что именно отсутствие всякого рода бюрократических наростов на теле племен, идет на пользу всему народу»

Из научно-популярного труда «Эй, кто это там?» Эрволла Горгена, путешественника и хорошего бегуна.

Ох, — вздыхает сердце древнего корабля.

Ох...

Оно бьется, но колоссальное, причудливо тело не замечает этого. Слишком тихо. Слишком...

Ох.

Это крохотная струйка тепла в центре замершего потока.

Ох.

Раз, два, три, четыре, пять...

Ох.

Раз, два, три, четыре, пять...

Ох.

Нужно быстрее!

Реверанс отнял ухо от теплого неметалла стены. Биение искусственного сердца все еще проходило сквозь него через кончики пальцев. Оно было совершенно чуждым, как мысли существ, живущих в иных измерениях. Первенец чувствовал инородность в каждой крупинке окружающего пространства. Здесь все было сделано руками неизвестного разума. Все, что было на виду и все что пряталось, все в этом непростом дворце было вылеплено из неизвестности и облицовано прочным слоем загадок.

Реверанс отошел от стены. Взглянул, не щурясь, на свет, который излучали квадратные вставки в голубоватом потолке. Даже этот свет был чужим. За девятьсот нерестов своей жизни Реверанс никогда не видел такого света. Он был неправильным. Его словно и не было, какая-то неуловимая сила просто разгоняла тьму, и на ее месте оставалось мягкое, янтарное нечто. Эта нетьма, казалось, проникала в любую полость, сквозь все преграды и ширмы. Реверанс смотрел на плотно закрытые створки своего гардероба и представлял, что нетьма даже там сейчас спокойно исследует каждую ниточку его одеяния.

— Интересно, в желудке у меня сейчас тоже светло? — спросил он у самого себя.

Он нажал клавишу под створками, и они разошлись полками с одеждой. На верхней должны были лежать мантии, тоги и тапперты, на второй плащи, на третьей штаны или чулки, на последней обувь.

У Реверанса был всего один пыльный ларь, который стоял за пустыми полками, в нише гардероба.

Первенец поглядел на свои пальцы. Потом самостоятельно, без помощи магии, вытащил ларь и перенес его к зеркалу.

Зеркало следило за Реверансом. Шелестящие соты серебристой поверхности, постоянно

настраивались так, чтобы первенец мог видеть себя в полный рост. Это было хорошим знаком. По словам Маширо нетьма работала уже несколько нерестов без перебоев. Зеркала следили. В каждом маяке раскрылись Бесплотные Уши. Малый Глаз Основного терминала показывал все судна, которые курсировали в опасной близости с Твердыми Водами. Младшие жрецы сообщали, что Сердце Истока можно разогреть еще, если перекрыть все периферийные артерии. Возможно, это могло бы дать возможность испытать Зев Истока. Приподнять его. Заставить шевельнуться.

— Шевельнуться... — говорил сам с собой Реверанс, открывая ларь. — Нет. Мы не будем унижать его бессильными судорогами. Только не сейчас, когда все уже почти готово.

Он чувствовал, что Вохрас все еще на острове. И останется на нем. Ему некуда деться. Пусть гуляет. Скоро он попадет в плен. Снова.

— Это необходимо, — говорил Реверанс, облачаясь в наряды Верховного Жреца. — Необходимо.

Эта тюрьма будет ничуть не лучше первой. А то и хуже. Гораздо хуже. Выживет ли этот несчастный колдун?

— Я сделаю все, что возможно, чтобы облегчить его участь. Клянусь.

Зеркало, шевельнувшееся в такт его движениям, отразило первого слугу Основного Терминала. Оно было единственным его свидетелем. От внезапно свалившейся ответственности и торжественных слов, в нем что-то забарахлило. Вместо того, чтобы отражать Реверанса, зеркало показало темно-синий экран, на котором белыми буквами было написано: «Сбой алгоритма избирательной проекции. Основной Терминал приносит вам свои извинения. Хотите отправить сообщение об ошибке?».

Реверанс подошел к зеркалу и прямо на поверхности нажал квадратик «Нет, не хочу».

«Вы уверены?»

«Да».

«Вы подтверждаете, что вы уверены?»

«Да».

«Благодарим за терпение» — обрадовалось зеркало. — «У вас два новых письма».

В верхнем углу зеркала загорелся, мигая, желтый квадратик.

«Открыть входящие».

«Здравствуй друг! Тебе надоело то, что девушки (незнакомое слово) над размерами твоего ...[текст отсутствует]... не отчаивайся! Мы поможем тебе с твоим маленьким подбородком! Отправь простое сообщение на короткий...»

Реверанс на пределе слышимости выдавил из себя слово, употребляемое обычно пиратами, когда кракен уже ободрал все паруса и только что взялся за главную мачту. Он не дочитал сообщение и удалил его, сопя от пьянящего ощущения вселенской справедливости.

Подобные письма были еще одной загадкой Истока. Зловещей загадкой. Их, несомненно, присылали змееподобные, мерзкие силы, ждущие скорого конца света. Эти письма вызывали ярость и отчаянье. Темные силы. И страшные. Реверанс склонен был думать, что они родом из Пустого Океана.

Второе письмо пришло от младших жрецов. Они предоставили подробный отчет по средним показателям мощности Сердца и графики изменения напряжения духа механизмов. Основной Терминал хорошо потрудились за прошедший месяц. Путем мелкой калибровки он смог повысить выход энергии на три процента. Мелочь, но приятно. Главное, это подготовить Исток к подключению нового, сильного источника питания.

Реверанс возложил на голову Признак Жреца. Признак напоминал песочные часы с матовым верхом и стеклянным низом. Он был довольно рискованным атрибутом. Стоило потерять бдительность, как эта штукавина, сидя прямо на голове, начинала с оглушающим шумом втягивать в себя воздух через отверстие в боку. Зачем Признак это делал и для чего изначально был предназначен, Реверанс узнавать не хотел. Стекло дна постоянно приходилось чистить от пыли и мелкого мусора. Реверанса это тяготило. Он прекрасно обошелся бы без Признака, но тот выглядел довольно претенциозно и величественно. Именно такой головной убор должен был венчать голову Жреца соприкасающегося с наследием, которое оставалось для стотри чужим, хотя было с ними с самого начала.

Признак паршиво держался и был довольно тяжелым. Даже после того, как младшие жрецы, владеющие Калеными Иглами, приварили его к удобному шлему, первенец чувствовал себя неуклюжим идиотом.

— Отсеки ждут вас, Жрец.

Маширо стоял у дверей. Его мочки были одеты в затейливо расшитые рукава.

— Что ж, я готов.

На пол с керамическим стуком упала опостылевшая маска.

Они вышли из покоев Жреца. Не сразу. Все двери в Истоке обладали собственной волей. Они открывались и закрывались, следуя какому-то внутреннему, принятому в сестринстве дверей, сложному кодексу. Очень просто было навлечь на себя гнев дверей. Например, оставив на неметалле черную полосу от подошвы сандалий. Основной Терминал, что самое неприятное, фактически признавал суверенитет Дверной республики и вмешивался в политику этого государства с видимой неохотой. В результате был написан Гримуар Дверей, в котором содержалось несколько тысяч заклинаний и ритуалов убажания.

Реверанс со своим верным помощником, шел по мосту, нависшему над сонно мерцающей падью Сердца Истока. Здесь дыхание неизвестности становилось полностью осязаемым. Оно колючими волнами омывало колыбель Сердца: грандиозный конический зал, в котором постоянно слышалось беспристрастное «о-х-х». Сердце дремало внизу. Оно выглядело как сияющая спираль с большим пятном в центре

Реверанс на минуту остановился и посмотрел вниз, перегнувшись через поручни.

— Что-то слручирось, Жрец? — неуверенно спросил Маширо.

Он всегда побаивался высоты.

— Ничего, мой друг, ничего, — Реверанс выпрямился. — Я вспоминаю, каким оно было раньше. Там внизу стоял холод способный превратить пламя в иней. Скоро там разгорится жар светозверя. Я смиренно ждал этого четыреста нерестов. А теперь не могу потерпеть всего несколько циклов.

Он еще раз поглядел вниз, улыбнувшись своей настоящей улыбкой. Маширо не заметил этой улыбки. Никто из людей не смог бы ее увидеть.

— Реверанс-семпай...

— Пойдем, — мягко произнес первенец.

Они вышли из покоев Сердца в широкий овальный коридор. В нем сотни голубоватых экранов демонстрировали символы, которые невозможно было расшифровать.

«~Ĝ□6W_цй□ŭĀLjηŝ» — беззастенчиво сообщали они.

Реверанс шел, соразмеряя свою величественную поступь с шелкающими полупрыжками Маширо. Он пробовал языком окружающий воздух, чувствуя таинственные, присущие только Истоку запахи искусственных материалов.

— Жрец, — одним голосом сказали стражники, стерегущие узкую дверь.

Подняв ее вверх за округло выступающие ручки, они пропустили Реверанса внутрь. Маширо остался снаружи.

Сложно-спроектированный зал, похожий на выдавленный в породе слепок ограненного алмаза, встретил первенца натянутым как тетива молчанием. Такое молчание обычно означает, что лучше бы тебе начать говорить первым.

Реверанс поднимался по широкой лестнице, которая перемежалась с площадками застроенными уродливыми произведениями из нематериала. Их назначение так и осталось для него загадкой. Впрочем, его голова и так потрескивала от количества знаний, которой ей приходилось удерживать. Еще немного и они прорвут все плотины.

Как бы то ни было, главное — он узнал давно. То, что ждало его на вершине, — было ключом ко всему.

Вожди отсеков ожидали Жреца в своих креслах. Они сидели прямо, глядя перед собой строгими взглядами. Все кроме Кафрая, — тот спал, почти утонув в своем скафандре, — и Кейрона, — это как обычно развалился поперек седушки и был переполнен иронией и сарказмом.

— Жрец милостив к нам! — вскричал он, не удержав игравшее в нем баловство. — Всего сорок минут ожидания, и мы вознаграждены!

Первенец поднял взгляд, и снова, незаметно для всего мира людей, улыбнулся.

Комбинезоны и скафандры оставшиеся со времен выхода из Истока, эволюционировали уже не одну сотню нерестов. Наследуясь по цепочке от вождя к вождю, они обрастали атрибутами, становясь чем-то вроде исторического архива.

Реверанс прошел сквозь ряд кресел, предназначавшихся вождям, к трону капитана. Это было сложное устройство, окруженное какими-то лепестками и прозрачными щитами. Скорее всего, из него когда-то можно было управлять Истоком, не касаясь приборной панели, замершей перед широким загнутым зеркалом. Это зеркало, как Реверанс единожды мог убедиться, показывало окружающее исток пространство. В любом направлении.

На панели было множество помеченных надписями элементов. Это было то, что Реверанс успел изучить и понять скрытое назначение. Всего четверть. Но зато — какую четверть! Ее хватило бы, что б поднять Исток в воздух.

Реверанс отогнул лепестки и величественно опустился на трон. Он, и вожди, одновременно повернулись друг другу. Жрец лизнул языком воздух. Пахло уверенностью. Хорошо.

— Рад снова оказаться в вашем обществе, — сказал он, скрежетнув когтями по подлокотникам. — Предлагаю пренебречь моими впечатлениями от путешествия, и начать с действительно важных вопросов.

Вожди молча кивнули.

— У кого-нибудь есть замечания, которые стоит огласить до начала совета? — осведомился Реверанс.

— Я скажу, — немедленно откликнулся улыбчивый вождь. Его лицо было источено долгими нерестами незавидных приключений. Глубоких оспин и резаных шрамов на нем было куда больше, чем кожи. Над глазами поблескивали вместо бровей проколы из клыков щуки.

— Кейрон, — Реверанс снова попробовал воздух. Привкус тщеславия.

— Выражая наше общее стремление, — начал блок Запасливых Пеликанов, скосив

взгляд в сторону вождей, — хочу поздравить тебя с успешной миссией, наш Жрец. Мы восхищаемся твоей инициативностью. Изобильными всходами после тяжелого труда. Это непростая задача, заселить нашу священную родину вонючими корсарами, пираньями Авторитета, а также импортными доходягами из Империи Сай.

— Клянусь Марлеем, Кейрон! — воскликнула сидящая справа от него женщина в комбинезоне, украшенном черными жемчужинами. — Дождись хотя бы подходящего момента, для своячных скандалов. Неуважения к регламенту не потерпит никто!

— Скандал начинаешь ты, Глена, — прошептал Кейрон, гримасничая. — Тебе не нравится, что я воздаю должное почтение нашему Жрецу? Может быть, он не заслуживает его, так ты считаешь? Неблагодарная королева Аспидов.

— Провокатор, — спокойно ответила Глена.

— Еще замечания? — мягко спросил Реверанс.

— Я прошу начать совет с обсуждения точек десанта, Жрец.

Прозвучал голос низкий, как урчание китовьего желудка.

— Возражения? — качнул головой Реверанс. — Кто-нибудь хочет оспорить предложение Хтонида?

Предложения Хтонида оспаривать было не принято. Общество может быть сколь угодно цивилизованным, купаться в правах и прикуривать сигары от свобод, но кое-какие инстинкты всегда найдут повод не перечить существу, которое может выдавить пальцами стакан воды из гранитного бюста. Ко всему прочему стотри все-таки официально считались варварами.

Хтонид шевельнулся, закидывая правую ногу на платформу. Из всех блоков он единственный кому было тесновато в кресле вождя. Реверанс с некоторой опаской размышлял, что во времена выхода из Истока все мужчины стотри смотрели на мир с высоты двух с половиной хвостов. К сожалению, никаких графических свидетельств, с тех времен не сохранилось. Первые шаги Океанического народа служили только выжШышью.

— Тогда начнем совет с размышлений Хтонида, — кивнул Реверанс. — Прошу вас, дорогой.

Вождь Красных Касаток поднялся. В зале Управления вроде бы стало темнее. С фигурой Хтонида не справлялась даже нетьма.

— Согласно вашим рекомендациям, Жрец, наша разведка неустанно патрулирует западные берега континента. Обнаружилась вражеская активность. Хубернаторы, кажется, начинают поддаваться давлению Гротеска. Они значительно укрепили свои порты и увеличили флот за счет сокращения расходов на предметы роскоши. Кроме того, они закупают у менадинцев фортовый гранит. Наши корабли разобьются об него в щепки.

— Менада, — вздохнул Реверанс. — Кстати о ней... Рика?

— Я старалась изо всех сил, мой Жрец, — преданно подалась вперед женщина в желто-синем комбинезоне, украшенном яркими плавниками рыбы-павлина. — Они утверждают, что нейтралитет у них цениться больше, чем еда. Однако, когда я просила прекратить торговлю с Авторитетом, они отказались, ссылаясь на бедность своего государства.

— Почему же они не принимают нашу помощь? — недовольно спросил Керан.

— Их вождь сказал, цитирую: «мы не умеем жрать невидимую рыбу, и тратить невесомое золото».

— Что это значит? — изумился Хтонид.

— Они в нас не верят, — просто ответила Рика. — Они все так же безнадежны.

— Не верят?! — вскочил Кейрон. — Ведь мы очевидная сила! Неужели они не видели воинов миссии?!

— Спокойно, — повел рукой Реверанс. — Все гораздо сложнее и одновременно проще. Менадинцы не верят в Твердые Воды не из-за предполагаемой уязвимости перед Авторитетом. Они не верят, что мы существуем. Мы для них, за пределом вероятности. Их самобытная религия говорит о том, что примерно после пятьдесят третьего меридиана начинается безжизненная верхушка планеты, которая служит домом светозверю. Туда он уходит на ночь и на время Тьмы. Они также считают его неодушевленным предметом. Чем-то вроде облака очень горячего газа. Его жар выжигает все вокруг на многие мили. Они вполне серьезно верят в то, что вода стоит стеной там, где кончается жар светозверя. Под этой стеной, как раз после пятьдесят третьего меридиана, начинается кость земли. Таким образом, мы просто не можем существовать. Они думают, что мы обманщики. Я надеялся, что обаяние Рики что-нибудь изменит, там, где не помогла даже моя магия. Что ж.

Кейрон хохотал, царапая пальцами бока.

— Жалкие дикари, — мрачно сказала Глена.

— Жалкие дикари, которые добывают второй по прочности камень в обитаемом мире, — поправил Хтонид. — Я продолжу, Жрец.

— Да, конечно, извини, что прервали тебя.

— Как я уже сказал, расположение сил складывается не в нашу пользу. Даже, если мы нападём во время Тьмы, Круг Хубернаторов сможет здорово потрепать Шлейф. Существует угроза полной остановки. Мы используем нестальные жилы, которые нашли в Истоке, но даже они могут не выдержать. Вероятность низка, однако и это противоречит воле Великого Терминала. Он ясно дал понять, что скорость — важнее всего.

— Разумеется, Хтонид, — кивнул Жрец. — У тебя, наверняка, уже есть, что нам показать?

Хтонид снял с пояса крошечный, по сравнению с его телом, тубус и, сделав несколько ощутимых шагов, передал его Жрецу.

— Мы впятером и наши капитаны успели обсудить его, — сказал он. — После множества поправок, он выглядит уже не настолько самоубийственным, как было в самом начале. Во всяком случае, Кейрон уже почти не смеется, а это — добрый знак. Слово за вами, Жрец, и бесконечной мудростью Основного Терминала. Кроме того, вот данные о численном составе.

Хтонид, слегка склонив голову, отошел назад и лягнул по креслу.

Реверанс просматривал карту, выполненную на плотном пергаменте. То, что он увидел, заставило его незаметно для всего мира нахмуриться. Запад Зрачкового Континента щетинился скалами. Все, хотя бы относительно, подходящие места для высадки, охранялись фортами и гарнизонами, которые строились и укомплектовывались на деньги всего Авторитета.

Судя по пометкам Хтонида, новая точка входа начиналась где-то у основания неприступных скал.

— Представляю, что там было вначале, — сказал он, поглядев на вождя Касаток.

— Это решение далось нам нелегко... — начал было Хтонид.

— Я не договорил, — неожиданно жестко прошипел Реверанс. — Ваша самоотверженность похвальна, но Основной Терминал не позволит половине флота остаться на скалах. Нам нужно найти лучшее решение. Хватит бесполезных штурмов побережий.

Нам нужно нанести удар сразу в сердце.

Блоки не могли покраснеть. Вместо этого до реверанса донесся скрежет зубовой.

— Есть еще один вариант, — проговорил Хтонид. — Он еще более сумасшедший, чем первый, но сохранил бы множество жизней. Наши жизни. Его предложил Кафрай.

Реверанс перевел взгляд на вождя отсека Мудрых Черепах. Тот глядел перед собой ледяными камушками. На борьбу с природой уходит много сил. Кафрай отжил свое не меньше сорока нерестов назад, но все еще прятал свою душу в боевом скафандре. Он до сих пор передвигался самостоятельно, но делал это так, словно время вокруг него замедлялось. Глубокая старость, изранив об него десны, наконец, уступила место какому-то совершенно новому состоянию, которое наводило на мысли о пирамидах, формалине и тяжелых саркофагах.

— Кафрай, изложи нам свою идею! — проорал Хтонид.

На лицах остальных блоков мелькнула боль.

Маленькая костлявая голова на жилистой шее, чуть дрогнула, прячась за железный воротник.

— Слова твои таинственны, — приглушенно проскрежетала торчащая лысина. — Тянусь за смыслом, но ускользает он, тонет там, где света нет. Пузыри.

— Не слышит ничего, — констатировал Хтонид. — Кафрай!

Реверанс почувствовал, как его ушные впадины попытались зарости чешуей.

— Расскажи! Что! Ты! Предлагаешь! По поводу! Берега!

Над воротником показался хрящ, который некогда был носом.

— Просит Жрец?

— Да!

— Я скажу. Широка гряда скал. Они ползут. Затмевают. Бросаться на них не годится. Половину растеряем там, где не должна пропасть и четверть. Есть выход. Марлей.

— Марлей? — Реверанс попробовал воздух. Привкуса безумия не было. — Тот самый Марлей? Ваш... Наш бог?

— Он должен ударить хвостом! — улыбаясь рваными губами подтвердил Кейрон.

— И тогда поднимется волна, которая смоем все прибрежные форты и укрепления, — пропела Риока.

— Не все, — возразил Хтонид, снисходительно поглядев на прекрасную предводительницу Поющих Дельфинов. — Но расчистит вход. Главное показать Марлею в какую сторону бить.

— И что, есть идеи, как можно заставить его сделать это? — не веря своим ушным впадинам, поинтересовался Реверанс. Он никогда не был силен в звероукротительстве. В этом смысле, Реверанс, пожалуй, уступал даже погонщикам скота.

— Кафрай! — позвал Хтонид.

Голова живой мумии снова нырнула вниз.

— Как! Нам! Призвать! Марлея!

— Есть слабость. Божественная слабость. Во тьме живущий — пресыщен чернотой. Всплывая на поверхность — видит лишь голубое небо. Синь и сажа. Больше ничего. Примани его цветом... Оттенками... Пестрой... Картиной...

Голова Кафрая полностью скрылась в нагруднике.

— Это план? — уточнил Реверанс, надеясь, что ему возразят.

— Да.

— Что-то вроде того...

— Истинно так.

— Мы должны рискнуть.

— Х-р-р...

— Ах-ш-ш-ш-с, — вздохнул Реверанс. — В истории были случаи, когда кто-то пытался это сделать?

— Нет.

— Вроде бы нет.

— Не припомню.

— У кого хватило бы сил?

— А у кого-нибудь есть предположения, что будет, если Он откажется? Я буду съеден?

Вожди молчали, хмуро поглядывая друг на друга.

— Понятно, — сказал Реверанс терпеливо. А потом кричаще-очевидное решение заглянуло в окно его разума и приветливо помахало рукой. — А ведь это может сработать! — засвистел он. — Вода! Ну конечно, вода! Нужно было вплести это в стратегию с самого начала! Глена, к змею старый Путь освобождения!

— Но...

— Да! Реки! Как поведет себя волна, упав на материк, куда потечет, — немедленно просчитайте все это с Черепахами! А потом на перепроверку Основному Терминалу!

— Слушаюсь, мой Жрец.

— Создать подходящее заклинание я смогу. И вообще подумаю над деталями.

Он замолчал, смаргивая жесткими пленками. Он не сомневался в существовании Марлея. Первенцам снились мысли первородных зверей. Мысли, в которых жизнь смертного помещалась на песчинке, а мир казался удивительно цельным, словно развернутая карта. Мысли эти были самостоятельными и могущественными, обладали собственными характерами. Они жили в сознании богов совершенно независимо, думая о своем, прорастая новыми мыслями-сущностями. Делились дальше, распадаясь, в конце концов, на мельчайшие песчинки. Те самые, на которых могла поместиться жизнь любого смертного.

— Мой Жрец, — нарочито тонким голоском протянул Кейрон.

— Да? — отвлекся Реверанс.

— Мне не терпится. Меня распирает от желания. Я не могу жда-а-ать!

— Своячный скандал?

— Совсем малюсенький, — показал пальцами блок Пеликанов.

— Я уже двадцать четыре раза доказал тебе, что это необх...

— Я шучу! — замахал вождь пеликанов плохо сросшимися пальцами левой руки. — Это просто шутка. Разумеется, я давно уже проникся вашим решением превратить Твердые Воды во вторую Банду островов. И разве плохо нам живется бок обок с инструкторами из Авторитета? Конечно нет. Лично я — млею, наблюдая за тем, как они разгуливают в Порту с видом новых хозяев. Они говорят, что они ваша личная армия, представляете? Сайцы — вот хорошие союзники. Прекрасное оружие. Чудесные доспехи. Амуниция наш новый бог. И взамен, всего-то лишь, открыть тайны наших ремесел, показать карты с путями миграций деликатесных рыб. Вы видели, что они там устроили?! Они, Марлей побери, истребляют промысловую рыбу, жадные косоглазые...

— Кейрон, — ухнул Хтонид.

Вождь Пеликанов покачивался в кресле

— Переходи сразу к отчету, — покивал Реверанс.

— Отчет? — злобно переспросили в ответ. — Ну конечно. Все в порядке, Жрец. Все просто отлично. Мы колонизировали два новых острова. Ресурсов у нас сейчас больше, чем было за всю историю. Разве я стал бы напоминать вам, что Кольцевой Порт превратился во вшивый воротник, если б не был уверен в нашем благосостоянии? Нет-нет-нет. План по добыче продовольствия перевыполнен в четыре раза. В четыре! Из тысячи двухсот пятидесяти запланированных кораблей готовы тысяча сто два. Половина воинов вооружены лучшим сайским оружием. В остальном же... Мы богаты, мой Жрец. Ваш список, — он вынул из поясной сумки стопку переплетенных свитков, — все вычеркнуто.

Кейрон ловко швырнул свитки Реверансу.

— Пеликаны готовы обеспечить компанию хоть сейчас, — добавил он, и обмяк в кресле.

— А что с... — Реверанс помедлил. — Горючим порошком?

— Со спорохом?

— Тише! — зашипел Реверанс, пригнувшись. — Эта штука приведет светозверя в бешенство, разве я не говорил тебе? Сегодня я видел не меньше десяти жнецов над островом. У него везде уши.

Первенцы давно заметили, что Светозверь реагирует на все крупные военные действия крайне отрицательно. На нем появляются крупные вспышки ярости, которые могут непредсказуемым образом влиять на все живое. И предсказуемо — на конкретных людей. Например, убивать тех, кто причастен к разжиганию конфликта. Напрямую светозверь вроде бы не вмешивался, хотя во время войны Зверя небо рябило от виражей жнецов. А еще существовало расхожее мнение, что лекарство от Пенной чумы было найдено не без помощи Светила.

— О, извините, Жрец, — вождь зажал рот перчаткой.

— Не паясничай! Так что с горючим порошком?

— Испытывается... — пробубнил Кейрон сквозь ладонь. — Черепахи не могут определиться с количеством серы. То слишком громко, то не слышно ничего, — понимаете, о чем я?

— Как бы то ни было, это отличная замена хлопьям, — проговорил Хтонид. — И помповым технологиям Менады. Красные Касатки очень надеются на вас.

— Вся недолга, стоять над Черепахами, пока они не разберутся с составом, — лениво объяснил Керан. — Это дело не для Пеликанов. Мы всего лишь ищем нужные реагенты.

— А что блок Глубинных Аспидов? — спросил первенец, благосклонно просматривая свитки. — Глена? Как идет сбор информации?

— Очень хорошо, мой Жрец, — уверенно заговорила женщина, давно ожидавшая своей очереди. — Агентурная сеть тянется до самого Гротеска. Бюрократы Авторитета подкупаются легко, как голодные чайки. Мои разведчицы нерестами живут в воде, словно рыбы. На данный момент у нас есть точные таблицы снабжения, табели Гвардии Зверя, указания слабых мест в обороне. Я почти составила Путь для второй волны.

— Превосходно, — Реверанс бесшумно поаплодировал. — Мы все ждем результата с нетерпением. Я доволен тобой, Глена. И тобой, Кейрон.

— Ура, — уныло откликнулся Пеликан.

— Остальные тоже могут гордиться собой. Рика, твоя неудача с Менадой ничего не значит. Не печалься. Хтонид, в тебе я никогда не сомневался. Твой отчет будет передан

Основному Терминалу в первую очередь. В конце концов, ничего важнее армии у нас сейчас нет.

— Я горжусь своей ролью, — благодарно поклонился Хтонид.

— Кафрай, твою идею с Марлеем, я попытаюсь воплотить в жизнь. Мы все благодарны тебе за мудрость твоего неочевидного решения.

— Хр-р... Фиу... Хр-р.

— Жрец, есть небольшой вопрос.

— Да, Глена?

— Думаю, вы уже слышали, что нашей контрразведке повезло выудить матерого шпиона Авторитета?

— Так-так.

— Как с ним поступить? Он невероятно опасен. Уже четыре раза чуть не сбежал и успел убить девять охранников. Это, не считая жертв его задержания. Выпытывать у него что-то бесполезно. Он не говорит даже под наркотиками. Высшая школа Незримых. Мы пытались работать с ним вашими методами, но наемные магги Авторитета говорят, что у этой шельмы магический иммунитет от вмешательства в рассудок. Да что там... Мы даже маску с него снять не можем! Она закреплена каким-то хитрым механизмом, как капкан!

Реверанс задумался. Обычно он занимался допросом шпионов лично. Маггия делала язык лазутчика лучшим другом Твердых Вод. Но когда речь заходила о лучших агентах Незримых... Действительно лучших. Сотрудников ложи Леты. Он испытывал отвращение, смешанное с жалостью. Эти существа уже не были людьми, с ними бесполезно было пытаться договориться, их мозг, прошитый нитями Мудрейших, просто не мог работать вне бескомпромиссного патриотизма. Ничто не могло пробиться через их эмоциональный заслон: ни жалость, ни боль, ни страх... Даже маггия. Даже маггия Реверанса, которая не знала конкуренции.

Избавиться. Нет... Избавить. Оказать услугу.

Реверанс уже приготовился высказаться, как на площадку тяжело вскарабкался Маширо.

— Господин, умоляю простить мое вмешательство, но вы сами сказари, что если найдется номер три, сообщить вам сразу же, невзирая на обстоятельства.

Вертикальные зрачки застыли.

— Тройка?! Ты точно уверен?

— Да, мой Жрец, ошибки быть не может! Тройка! Очень четкая. Молодой стотри, невероятно тощий, но живой. Приехал на морже, увешанном всякой всячиной, начиная от бус и кончая головами акул. Все, по-моему, краденое. Еще с ним несколько связанных девушек. Кроме того, стражи привери странного черовека, сидящего на стуре с коресами! Называет себя шпионом и требует собственного ареста!

— Что за чушь ты несешь, Маширо?

— Крянусь, все так и есть, мой Жрец! Разве посмер бы я дурачить вас?

— Прикажи, чтобы этого вздорного шутника бросили в изолятор. А парня в верхний зал.

— Все будет как вы сказари.

Реверанс присвистнул. Его язык так и мелькал в воздухе. Хвост извивался под одеждой.

— Что-то случилось, Жрец? — спросила Глена.

— Случилось, — кивнул первенец. — Если Маширо в своем уме, то сегодня у нас будет повод устроить небывалое торжество! Возможно, сегодня, друзья мои, мы сможем открыть недра Истока.

Вожди вздрогнули. Даже внутри доспехов Кафрая что-то неопределенно ухнуло.

— Открыть? — пролепетала Рика.

— Повремените с расспросами, просто пойдете со мной, — поднял руку Реверанс. — Прямо сейчас. Прочие дела обсудим позже.

— Хорошо, но как же нам поступить со шпионом? — напомнила дотошная Глена.

Реверанс снова задумался. Обстоятельства резко изменились. Если удастся привязать открытие недр к празднику его возвращения с Вохрасом, можно будет поднять боевой дух и веру народа до потолка. Акция будет воистину грандиозной. И даже этот шпион теперь может пригодиться. Его слабость покажет слабость всего Авторитета, покажет простым воинам, что даже лучшие кадры Автора способны лишь развлекать врага на праздниках.

Решено.

— Не трогайте его, пока. Он пригодится. Усильте охрану. Кормите плохо. Пусть ослабнет. Но и от голода не дайте умереть. И никаких издевательств! Он не виноват, что его превратили в злобное животное.

Глена усердно закивала.

— На этом все, — Реверанс поднялся. — Пойдемте, посмотрим, верно ли, что нашелся, наконец, ключ к вашему наследию.

Местный рынок не шел ни в какое сравнение с Вечной Ярмаркой. Я чувствовал себя здесь неуютно. И дело было даже не в размерах и населенности.

Простой факт: всей работой, так или иначе не связанной с тяжелым физическим трудом, здесь занимались только старики, калеки или безнадежно больные. Они угрюмо сидели за своими лавками, с тоской глядя на проходящих мимо полноценных стотри. Им страстно хотелось того же: набегов на колонии, абордажей, битв с гигантскими омарами, а самое главное, — скорого наступления на Авторитет.

Редко торговлей занимались женщины. Как правило, с ними тоже было не все в порядке. Например, недоразвитость жабр.

Валюты у стотри как таковой не было. Все их общество, как объяснила Кира, существовало как единая комунна. Разделение на так называемые отсеки необходимо было исключительно для верного распределения обязанностей. Красные Касатки, например, были эквивалентом нашего Акта Войны. Пеликаны занимались тем же, что и Акт Экономики Обязанности и должность у стотри вменялись в зависимости от того, в какой отсек хотел вступить достигший совершеннолетия варвар.

Товары распространялись свободно, потому что у большинства стотри потребности были строго нормированы каким-то удивительным внутренним механизмом. Жадность, стремление к роскоши, несдержанность, — все это здесь считалось жутким отклонением. Почти идиотией. Однако и не осуждалось. К скопиdomам и хапугам относились со снисходительной жалостью. Копит и пускай копит, Марлей с ним. Главное, чтобы жить не мешал.

Торговцы, таким образом, занимались простейшим обслужШышием. Они следили за чистотой вокруг лавки, красиво раскладывали товары, выписывали их со складов, отгоняли от них моржей и пиратов.

Иноземцев обслуживали только другие иноземцы. Здесь были и сайские шатры, и павильоны, в которых прятались шныри из Авторитета. Все они находились в специальной, карантинной зоне. Она была огорожена высоким частоколом и напоминала закрытый

гарнизон. Кира заметила, что это допущение появилось относительно недавно. С тех самых пор, как Основной Терминал отдал через Реверанса приказ — принимать наемников и гостей со всего мира. Принимать всех тех, кто докажет свое желание разрушить Авторитет.

Именно здесь Рем рассчитывал собрать немного информации. И как следует набраться.

— А где ваш слуга? — поинтересовалась Кира.

— Он... — помедлил я. — Страдает кишечным недугом.

Рем поступил меркантильно и мстительно. Убедившись, что Кира для него потеряна, но предложил разделиться, и скрылся, оставив меня наедине с ней.

— Прошу прощения, — смутилась Кира.

Мы сидели за столиком на открытой веранде Золотой Струи № 15673. То, что сеть ЗС добралась даже до Твердых Вод, меня не удивило. Эти затхлые одноликие коробки, вырастали сами собой везде, где существовала жизнь способная бросить на барную стойку пару профилей.

Олечуч сидел под столиком, завернувшись в скатерть. Время от времени он начинал шевелиться и ворчать, и тогда нам с Кирой приходилось поднимать кружки и ждать, пока толчки прекратятся. Кажется, его мучило внезапное обострение агорафобии.

Вокруг крутился разношерстный сброд со следами петли на шее. Они, словно чумные крысы, притащили на Твердые Воды опасную заразу — культуру Авторитета. И не ту культуру, которая пахнет старыми масляными красками на джутовом полотне или глядит в вечность глазами древней статуи. О нет. Наемники Авторитета здесь были словно жуткие пещерные грибы, которые могли существовать только в собственной атмосфере трупной вони, расползаясь по толстому слою дерьма летучих мышей.

Все здесь напоминало мою родную среду. Зона карантина была маленькой метастазой. Крохотной икринкой гигантского организма, который больше чем на две трети жил только верхними и нижними отверстиями.

Грибы перерабатывали чуждые условия под себя. Кольцевой Порт был, по-моему, чище, чем Площадь Автора перед Гротеском, которую каждое утро выметала и чистила вручную тысяча слуг. А здесь все успело зарости так называемой «мостовой грязью». Во многих городах Авторитета хорошо утоптанная грязь считается лучшим покрытием для дорог. Появились арены для петушиных боев, свиные загоны, стойки для привязи лошадей и седловых игуан, хотя ни тех, ни других тут отродясь не бывало. К стойкам привязывали забитых, жилистых рабов, на которых наемники ездили, привычно работая шпорами. Кое-кто даже использовал поводья.

Все фонари были сорваны, стены домов исписаны сажей. Сами дома ветшали и постоянно горели. С веранды я видел штук пять спаленных до основания барачков. А запах... Этот запах. Слово мир на самом деле не шар — а вывернутое брюхо давно почившей рыбины, которая покоится на подставке из трех тухлых яиц.

Весточка с родины.

Местные торговцы жили внутри своих бронированных киосков в постоянном страхе. Авторитет, особенно его грязные подштанники, идею с товарно-денежными отношениями тоже принимал весьма неохотно. Просто у варваров не было понятия «ограбление».

Больше ограбления торговцы боялись, все-таки, прогадать с ценой. Поэтому стоимость товара всегда была максимальной в расчете на простака или просто ленивого человека. Покупателю нужно было уметь долго и бескомпромиссно торговаться через узкую амбразуру киоска. При этом на него постоянно глядел наконечник арбалетного болта.

Вот уж где бесплатным может быть только внимание мух.

Разница между общиной кровожадных «варваров» и благородным, венчающим пирамиду цивилизации, Авторитетом, приятно шокировала. Я чувствовал прилив патриотизма и разумной гордости за свое отечество.

Кира почему-то задавала странные и неуместные вопросы, вроде:

— Неужели в Авторитете все так плохо?

Или:

— Первый, разве можно так жестоко обращаться с другим человеком?

Или:

— А что продают те полунагие женщины, у которых нет лотков?

Дурочка.

Впрочем, я был бы рад, уделяй она надуманным бедам больше внимания, чем моей сутулой фигуре. Когда-то я употреблял выражение «пожирать взглядом» ради выразительности речи. Откуда мне было знать, что это можно почувствовать так, словно тебя гоняют за щечкой как карамельку.

Я пил рыбный морс.

Кира — чай через полую трубочку.

Она смотрела на меня выпуклыми, сухими глазами, по которым медленно скользила кожистая пленка, подкрашенная фиолетовым.

Вверх-вниз.

Вверх-вниз.

Вздых.

— Ре-е-ем! — не выдержал я. — Пойду, поищу его.

— А... — пискнула Кира.

— Олечуч, охраняй леди, понял? — приказал я.

— Хныр, — вроде бы пообещал манекен.

Я, неловко вывернувшись, встал и поковылял в сторону шатра с кальянами. Шатер этот был плотно закрыт со всех сторон несколькими слоями сукна, так что ни единой струйки дыма не тянулось понапрасну. От того он вздулся как жабые горло, но его удерживала паутина прочных тросов.

Забравшись внутрь через узкую закупорку, я с наслаждением нырнул в теплый туман бурлящего табака. На ощупь добрался до чьей-то головы и присел рядом. Взял свободный хлыстик.

Спокойствие-е-е...

Рассла-а-абленность...

Беспе-е-ечность...

— Как будете расплачиваться? — спросили закручивающиеся клубы дыма над моим левым ухом.

У нас с Ремом была договоренность — как только состаримся настолько, что лень будет срезать кошелек у сонного туриста, мы уйдем на покой и откроем собственный отельный дом с отдельной пристройкой для кальянного зала. И маленькой библиотекой для извращенцев вроде меня. Я не раз пытался придумать что-нибудь удачнее этого решения. Бесполезно. Вершина человеческих знаний о расслаблении: интересные книги, половые утехи, хороший кальян.

А еще мне хотелось получить эту невероятную способность любого хозяина кальянного

шатра: безошибочно находить в дыму новоприбывших.

— Основной Терминал заплатит за меня, — ответил я нехотя.

— Здесь каждый платит сам за себя, — дым завернулся вверх, нахмурился.

— У меня нет профилей. Я бедный колдун, который может сделать тебе неплохую рекламу.

— Реклама мне не нужна. Мой шатер здесь единственный. Так что плати или выметайся, бедный колдун.

Что-то неприятно острое царапнуло затылок.

— Я заплачу вдвое больше, — сказала завихрение, медленно танцующее напротив меня. — Отстань от почтенного магга, мистер.

— Я запомню это, — дым над моим левым ухом осел, стал светлее.

— Спасибо, братец, — поблагодарил я незнакомца. — Пытаешься быть вежливым и не баловаться маггией, а в тебя тычут бритвой.

Имена в кальянных залах были вне закона. Ты всегда оставался инкогнито. Это было сакральной, почти мистической традицией. Вор мог встретиться с начальником стражи и прекрасно с ним поболтать на любые темы. Анонимность награждала необыкновенной свободой и спокойствием.

— Вряд ли, — ответило завихрение. — Мне кажется, что это что-то вроде шила. Так ты магг?

— Старый наемник, — соврал я автоматически. — Семьдесят нерестов не могу присесть и подумать о настоящей жизни. Всему научился помаленьку. Был моложе — колдовал мечом. А сейчас... — я затынулся. — Все больше с клюкой. Иные ее посохом называют.

— Но что-то ты умеешь? — спросило завихрение с любопытством.

— А как же... Вот, к примеру, нанялся я одно время к эФ. Он тогда еще не мог отделаться от клички Капуста, потому что положил всю свою банду на овощном поле, против психопатов Ка... эФ апосля решил числом взять. Кого только не рекрутировал, каждой твари по паре, не армия была, а песня про расизм. Магги там были. Одному я спас бороду, когда Ка половину банды повел слева, через топи. У нас только и споров было, сколько с десятка останется, если у Ка дурости хватит послать своих в болота. Сошлись мы тогда на двух из десяти... Ага. Почти все, сволочи, выплыли. Тут-то нас и погнали по собственным кишкам. Если б я тогда не заметил, что кочки меня окружают, — сейчас бы в меня лягушки на зиму зарывались. Ну и этого с собой подхватил. Без имен. А какая с магга благодарность? Научи, говорю, хоть чему-то, хотя во мне таланта отродясь не было. Никто у нас в роду не паршивел. Он говорит, таскайся, мол, со мной, от облучения кое-что появится. Научу, как этим пользоваться. Ну и научил. Свет могу создавать. Дорогу находить, куда скажут. Жизнь могу почуять. Ну и драться не разучился.

— Кто десятник был? — вдруг очень серьезно спросило завихрение.

— Десятник-то? — переспросил я, внутренне похолодев. Повезло же на настоящего ветерана Двадцатинерестовой Дуэли нарваться. И на на кой змей я столько болтаю. — Так этот, дай Первый памяти, — Ха-эС. Не выбрался тогда, бедняга. А хороший был вояка. Брюхом двери выбивал... А стоило ему до костра добраться. О-о-о, зятяни пояса братва, от смеху лопнуть — раз плюнуть.

— Да, — мрачно согласилось завихрение. — Помню Ха-эСа. Мне тогда за восемнадцать едва перевалило. Тоже еле выбрался. Встретились, значит, два призрака. Ха! Как думаешь, в

этот раз выживем?

— Вряд ли, — ответил я спокойно. — Автор это тебе не Ка.

— Да, это точно, — с усмешкой согласилось Завихрение. — Тебя не мучит совесть?

— Что это? Нет, у меня только с почками проблемы.

— Я серьезно. Только представь себе, ты предаешь собственную родину ради денег.

Целый континент погрузится в хаос из-за нас с тобой.

— Мама всегда говорила мне, что хорошему человеку должно участвовать в жизни других людей, — ответил я весело.

Мы говорили довольно долго. Наслаждаясь кальяном и притворяясь змей знает кем, я вызнал у Завихрения, что дела у Авторитета действительно плохи. Хуже, чем когда бы то ни было. Первые два раза стотри нападали только своими силами. У них не было хорошей амуниции и флота. Обычно они добирались до пограничных вод на кораблях. Атаковали в лоб, через скалы, стараясь пробиться к Гротеску. Шансов у них почти не было. До гротеска добиралась, в лучшем случае, половина воинов.

Сейчас весы изрядно качнулись в их сторону. На Авторитет, стараниями Реверанса, ополчился весь остальной свет, и даже сама сердцевина Континента. На островах подчиненных стотри собирались армии наемников. Империя под предлогом свободной торговли обменивала знания стотри на оружие.

А, кроме того, ходили слухи, что нападение начнется во время Тьмы. Выносливые стотри переносили холод куда лучше, чем гвардейцы Авторитета.

Господин Сару, мой Автор, у вас большие проблемы.

— Господин Вохрас, — сказала легкая волна дыма рядом со мной.

— Без имен! — воскликнули мы с завихрением.

— Кира? — тут же удивился я.

— Без имен! — рявкнула вся кальянная.

— Престон? — донеслось откуда-то издалека.

— Без имен!

— Рем?

— Так, все, хватит, пошли вон отсюда! — распорядились темные надвигающиеся клубы.

Не собираясь скандалить, я подхватил Легкую Волну под локоток и повлек ее к выходу.

Кира шла неуверенно, мне пришлось придерживать ее за талию.

— Как тебя найти, брат? — спросило Завихрение.

— Не стоит, — откликнулся я походя.

Снаружи меня уже ждал задумчивый Рем. Из его носа все еще выходили голубоватые струйки.

— Узнал что-нибудь? — спросил он, демонстративно глядя в сторону.

— Немного, — я пожал плечами. — Говорят нападение запланировано на начало Тьмы.

На капиллярных островах собираются наемники. Что у тебя?

— Встретил земляка, — Рем с силой выдохнул, освобождая легкие. — Приплыл вместе с послами стотри с самой Менады.

Рем улыбнулся. Мы пошли к выходу из карантина.

— Наши дурят варваров. Продают Авторитету камень. А когда варвары просят присоединиться, заявляют, мол, не верят в них.

— Думаешь, они присоединятся к Авторитету? — спросил я с надеждой.

— Не знаю, — покачал головой Рем. — Скорей уж то, что останется от Авторитета,

потом присоединится к нам. Не пойми нас неправильно, Менада дорожит связями с твоим континентом, но вряд ли она нарушит нейтралитет... Нейтралитет мы ценим больше чем еду. А что с девчонкой?

Я посмотрел на Киру. Она двигалась резкими шажками, подаваясь вперед, словно падая в воздушные ямы. Ее взгляд зачарованно исследовал ладошку в шелковой перчатке.

— Дым, — сообразил я. — Она перебрала дыма.

Кира посмотрела на меня и сказала:

— Ки-ки-ки-ки!

— Ох уж эти принцессы, — поежился Рем. — Почему нельзя приучать их хотя бы к простейшим развлечениям. Кому нужна такая хрупкая баба?

— Стоп, — я остановился. — Мы что-то забыли. Но что?

Рем задумался. Потом с сожалением посмотрел на меня и покивал.

— Олечуч! — я схватился за голову, выпустил Киру из рук. Она тут же осела холмиком цветастого тряпья. — Кира, где Олечуч?

— Ки-ки-ки, — ответила она печально.

— Соберись! — я потряс ее за плечи.

— Не так громко, — прошептала она плаксивым голосом. — Слова такие большие и тяжелые! Я не вынесу этого.

— О, Первый. Олечуч. О-ле-чуч. Парень со скатертью.

— Он зашел вместе со мной, — проговорила она нараспев. — Туда. В шате-е-ер. Давайте вернемся в шатер. Я хочу в шатер.

Я в ужасе посмотрел назад. Кальянная словно замерла в моих глазах, под невидимой лапой рока. Через несколько секунд раздался первый вопль.

— Слишком поздно, — сказал Рем, заложив руки за голову.

— Первый сохрани, — прошептал я.

Лопнули веревки, — воющий шатер потащился в нашу сторону, на ходу теряя людей, которые выползали из него, словно пчелы из окуренного улья. На его месте остались разбитые башенки кальянов и скрученный в узел ковер с верещащим хозяином. Через десяток метров шатер упал, сложился округлой гармошкой. Дым вязким, тяжелым облаком вырвался на свободу. Ветер разматывал это облако как спутанную пряжу.

Под тканью поднялась одинокая фигура.

Она медленно побрела к нам, волоча за собой все сооружение.

— Зачем? Зачем ты это сделал?

— Это лучше, чем скатерть, — пробубнил Олечуч. — Теперь мне совсем не страшно. Кия! Страха нет, пройди по углям, Хин Хо. Кия!

Я в изнеможении опустился рядом с хихикающей Кирой.

— Ты дашь мне еще дыма? — спросила она, с надеждой обнимая меня за плечи.

— Первый помоги, мы тут трех часов не пробыли, а уже сожгли постоялый двор, разрушили кальянную и посадили дочь Реверанса на дым, — подытожил я.

— Великий Вохрас? — окликнули меня.

— Нам очень жаль, — начал я монотонным голосом, — все случившееся не более чем досадное недоразумение. Уверяю вас, больше такого...

— Старший хранитель публичных обычаев Рорх, — перебил меня стотри, заходящий во фронт.

Его грудь украшала крестообразная перевязь с большой буровой морской звездой в

центре.

— Это ваш зверь?

На его плече недовольно извивался Проглот.

-..! — рывкнул он, увидев меня.

— Да, мой, — нехотя подтвердил я.

— Когда мы нашли его, он на наших глазах съел один памятник и две корзины с крабами, — четко называя цифры, сообщил стотри. — Как оказалось позже, еще раньше он успел разорить четыре склада, развалил погрузчик и выпустил из загона моржей.

— Это все? — спросил я.

— Пока неизвестно. Было заявлено о пропаже нескольких девушек. Но причастность к этому вашего зверя пока не доказана.

— Приятно слышать, — покивал я.

— Вам нужно тщательнее следить за вашим зверем, великий Вохрас.

— Это точно.

— Если бы не покровительство Жреца, вам пришлось бы ответить по всей строгости обычаев.

— Это очень несправедливо по отношению к обычаям, — вставил Рем.

— Вам выносятся предварительное предупреждение.

— Предварительные предупреждения — самые лучшие, — не унимался Рем.

— Надеемся на ваше понимание и разумность.

— Несомненно, учту это, — сказал я, понимая, что, скорее всего, лгу.

— А что с дочерью Жреца? — спросил напарник старшего хранителя Рорха, находящийся позади меня. — Она что, накурена?

Рем моментально воспользовался стандартным контрзаклинанием:

— Она сделала это по собственному желанию!

Рорх посмотрел на своего напарника и покачал головой. Языком выразительно мигающих век, он что-то сообщил ему, а потом аккуратно положил Проглота передо мной.

— Доброго дня, — произнес он, уходя.

— Добро! — весело закричала Кира.

Когда стихли шаги хранителей, я медленно, медленно, медленно выдохнул. Потом так же медленно поднял взгляд на Проглота.

-..! — сморщился зверь.

Под передней правой подмышкой щелкнула маленькая крабовая клешня.

— Наелся? — яростным шепотом спросил я.

— ...

— Бонгор!

-..! — Проглот завалился на спину и поднял вверх лапы.

Это было еще не все. Минут десять мы с Ремом вытаскивали Олечуча из-под шатра. Потом долго приводили в чувство Киру сидя в Золотой Струе. Рем отпаивал ее крепким сладким чаем и опасно подсовывал тарелки с едой. Кира жадно ела, вбрасывая пищу под паранджу. Я пытался вызвать Цыпленка, — не получалось. А без него я управлял маггией не лучше, чем кошка — фарфоровым сервизом.

— Как же голова болит, — шипела Кира.

— Сначала всегда так, — успокаивал Рем. — После второго раза легче будет.

— Рем! — отвлекался я.

— Будет-будет.

— Я столько всего съела. Никогда так много не ем. И такого.

— Все впрок пойдет.

— Цыпленок, покажись!

Люди вокруг нас нервничали. Я позабыл объяснить, почему в месте, напоминающем болото, кишачее голодными пиявками, к нам за все это время так никто и не привязался. Несмотря на то, что Кира напоминала дорогую блесну для щук и привлекала уйму нежелательного внимания.

Так вот, мы были в совершенной безопасности, потому что Олечуч снял шлем и вонзал себе в голову длинные стальные спицы. Эти спицы крайне напоминали то, чем обычно прокалывают свое лицо некоторые франтовые пираты. Они явно раньше кому-то принадлежали. Что ж...

Головорезы в Золотой Струе наблюдали за этим как загипнотизированные обезьяны. Подрагивали кадыки. Скрипели гнилые зубы.

— Надо убираться отсюда, — сказал я, оглядевшись. — Хватит на сегодня прогулок.

Рем поглядел на меня и спросил жестами:

«Уверен?»

«Первенец знает все. Не знаю, смогу ли расколоть. Попытаюсь», — ответил я.

Сухолюд покивал.

Я не знал, насколько Реверанс будет со мной откровенен. И собирался в Исток со смутным планом: попытаться разговорить первенца, или послушать кого-нибудь из его приближенных, а потом... Гм. А потом сбежать. Да. Как-нибудь.

— Ты как, принцесса? — спросил Рем, одобрительно глядя на Киру.

— Все... — она тихонечко рыгнула. — Простите, пожалуйста. Все хорошо. Да, нам лучше уйти. Отец велел быть в Истоке к вечеру.

— Матрас, ты закончил?

Олечуч, не ответив, прошелся рукой по ежику торчащих спиц. Надел шлем — затрещала подбивка. Завернулся в скатерть.

— Тогда уходим, — я толкнул ногой Проглота, лежащего рядом.

Когда мы вышли из Карантина, Кира предложила взять в прокат несколько моржей.

— Прокат? — переспросил Рем.

— На время, — объяснила Кира. — Мы возьмем моржей на время, а потом они сами вернуться к смотрителю.

Рем изогнул левую бровь и осторожно спросил:

— А если их украдут?

— Украдут? — в свою очередь не поняла Кира.

— Ну да, — невинно поморгал Рем. — Возьмут моржей навсегда, и они никогда не вернуться к смотрителю.

Кира неуверенно провела рукой по животу.

— Такое бывает, — сказала она медленно. — Когда морж нужен на долгое время. Смотритель просто набирает новых животных. Но это случается крайне редко. В постоянное пользование моржей раздают на рынке.

— Клянусь Первым, да что не так с этими ребятами? — воскликнул Рем. — Как можно отдавать что-то бесплатно?! Это против человеческих правил! Против природных правил, Gahto hamaske! Это нарушает баланс!

— Баланс чего? — спросила Кира.

Рем в ужасе уставился на нее.

— Баланс Кармана, конечно! — взорвался он.

— Карман, это какой-то известный экономист Авторитета? — уточнила Кира.

— Карман, — Рем оттопырил складку жилета, в которой спал Виг, — это карман! Он не должен оставаться пустым. Если из него что-то пропало, ты должен восполнить потерю. Не сделаешь этого, — силы баланса жестоко покарают тебя. Окажешься в канализации быстрее, чем прелести из ночного горшка! Это, пожалуй, единственный закон, который я признаю.

— Видимо проблема в том, что у стотри нет карманов, — заметил я с улыбкой.

— И канализации, — добавила Кира. — Все отходы перевозятся на Остров Мусора.

— Именно поэтому этот народ безнадежен, — махнул рукой Рем. — Их даже народом не назовешь. Одно слово — община.

Езда на моржах — занятие для настоящих мужчин. Нужны кованые нервы и стальное самообладание, чтобы подавить ощущение нелепости происходящего. Морж перебрасывает свое тело вперед, наездник — подскакивает и клюет носом. Несется эта тварь, несмотря на размеры, почти так же быстро как игуана. В качестве седла — плетеное кресло с высокой спинкой и ремнем на грудь. Упряжи нет. Морж повинуется голосовым командам.

Иногда морж сам по себе останавливается, поглядеть на что-нибудь интересное, — в загоне скучно и нет самок, объясняет Кира. Морж глядит на ряженных стотри, которые прямо на ходу придумывают некий опасный механизм, и строят его, тщательно подгоняя детали по размеру. Кира объясняет: это адепты Пеликанов и Мудрых Черепах, объединились, чтобы сделать жизнь кольцевого порта чуточку проще. Механизм уже понемногу чистит рыбу и одновременно вяжет узлы на пеньковом тросе.

Минут через пять кто-нибудь, — Рем, я или Олечуч, — не выдерживал, и моржи пугливо неслись вперед, впечатленные отборной бранью Авторитета.

Перед воротами мы снова остановились. Околотники в высоких шалашах, поглядели на нас с подозрением. Ворота мрачные, тяжелые, подчинялись какому-то осевому механизму. Створки были собраны из листов железа и украшены кораллами. По обе стороны стояли вышки со стрелками.

К нам вышли сразу трое околотников. Один держал руку на перевязи.

Они заметили леди Киру и подошли к ней.

— Эти чужеземцы с вами, капа Кира?

— Да, — подтвердила та. — А что случилось? Ты ранен Ровулот, бедняга.

Варвары переглянулись. Раненый нехорошо засмеялся.

— День нынешний богат на события, — сказал он. — Здесь проезжал парень из Красных Касаток. Был на последнем издыхании. Кто-то страшно глумился над ним. В иной сушеной вобле жизни больше. Откуда он взялся, где пропал все это время, — ничего мы от него не добились. А на спине — тройка. Настоящая. Чистокровный сын отсека.

— Вы доставили его к Жрецу? — быстро спросила Кира.

— Мы собирались, — покивал раненый. — Даже набрали ему эскорт, но он вдруг завизжал как укушенный! И как пустит моржа в галоп. А морж у него был из выводка Бори.

— Отличный зверь, — покивали остальные околотники. — С ноля до пяти узлов за две минуты.

— Брат моей жены хочет такого взять! — крикнул кто-то с вышки.

— Пусть сначала научиться различать моржевицу от рахита ласт! — проорали ему с

соседней вышки.

— Уже научился! Недавно ему выдали дощечку на обслужШышие моржей из любого выводака!

— Заткнитесь там! — проорал Ровулот, задрав голову.

— Что?

— Заткнитесь!

— Хорошо!

— В общем, за ним была выслана погоня, — продолжал Ровулот. — Не знаю уж, поймали или нет. Говорят, он добрался до самого Истока. Там его примут. Но и это еще не все! Поймали шпиона. То есть не поймали, но сам сдался. Прямо на улице себя раскрыл. Возможно, просто свихнувшийся пират. Выгнали с посуды или сам ушел. Но проверить не мешает. Как он одного нашего вырубил: говорят, сильно покалечил. С сорока метров стальным шаром в голову. Силища китовая. Даром, что увечный на колесах.

— Как-как ты сказал? — заинтересовался Рем. — Увечный? На колесах?

— Да, — уверенно сказал Ровулон. — Ноги не двигались.

— А где ж ты все-таки руку повредил? — спросила Кира.

— Схватился за кресло, — признался Ровулот. — Оно у него чудное было, только я не знал, насколько оно в действительности чудное. Только коснулся, оно как скат меня шарахнуло!

Когда нас пропустили за ворота, морж Рема прижался к моему, и сухолюд негромко проговорил:

— Какое интересное совпадение, сэр Престон, вы не находите, мать его за подол?

— Ты о кресле с колесами? — спросил я, вздрогнув.

— Скорее всего.

— Не хочу об этом думать, — буркнул я. — У каждого человека есть специальная полочка для проблем. Моя полочка переполнена настолько, что из последних сил держится на крохотном гвоздике обреченности. Еще хоть одна проблема, хоть одна, маленькая, ничтожная проблемка, и я свихнусь!

— Ой, у меня седло сползает, — сказал Кира жалобно.

Рем выжидающе посмотрел на меня. Мило улыбаясь.

Я свирепо ощерился. Потом сполз с моржа и помог Кире.

Пока мы ехали дальше, я с нарастающим волнением смотрел вниз. Под нами обитала пугающая бездна, око ужаса, медленный переход света, голубого сияния к темно-синему сумраку, а после — к черному зрачку абсолютной тьмы. И чем выше мы поднимались, тем глубже казалась эта мрачная воронка, на границах которой таились смутные мерцающие огни. словно замершие в глубине светозвери.

Гигантскими спиралями змеились щупальца Истока.

— Рем, ты видишь это?

— Чувствуешь себя соринкой в глазу, да?

— Точно.

Довольно скоро мы добрались до тех самых статуй, которые я заметил еще на лодке Реверанса.

Это были удивительные конструкции, целиком состоящие из тусклых деталей медного цвета. Многорукие, со сложными сегментарными телами, они, казалось, готовы были в любой момент изменить свою форму. Их установили на вырезанных конусах стеклянной

массы. Каркасы из обработанной кости поддерживали величественные позы.

— Это Предки-Кормильцы, — сказал Кира. — Они появились в Истоке гораздо раньше стотри. Стотри верят, что эти искусственные существа вырастили и воспитали первое поколение их народа. Сначала они кормили и оберегали их, а потом научили добывать пищу самостоятельно. У каждого рода стотри есть Предок-Кормилец, имя которого помнит любой старик и знает каждый ребенок. Им принято приносить дары: сжигать рядом мясо или рыбу. Возвращать неоплатный долг, который был взят первыми людьми.

— Почему здесь никого нет? — спросил Рем.

— Твердые Воды — место... — Кира, замолчала и погладила себя по животу. — А что я съела после рос-т-бифа?

— По-моему макаронны с сыром, — неуверенно подсказал Рем.

— Мне нельзя есть молочное.

— Тебе нужно облегчиться? Зайди за этого истукана, мы покараулим.

Кира посмотрела на меня.

— Я не его мама, — сказал я, пожав плечами. — Если хочешь, могу назвать его свиньей, но свиньи ведь ничего плохого нам не сделали.

— Твердые воды — место, к которому стотри относятся с бесконечным трепетом, — продолжила Кира, поглаживая живот. — Они берегут его как могут. Чтобы напрасно не пачкать святыню, стотри позволяют себе находиться здесь лишь по нескольку дней, каждый цикл. В это время никто не работает. Стотри посещают Предков и развлекаются.

— Неужели? — встрепенулся Рем. — Стотри умеют развлекаться? Дай угадаю: они просто меняются рабочими местами и по пути перетаскивают ящики размером с халупу?

— Это одна из самых озорных проделок! — радостно покивала Кира. — Откуда вы знаете, господин Рем?

Сухолюд закрыл лицо ладонями.

— А еще они устраивают поэтические состязания, конкурсы резьбы по кости и спортивные многоборья.

— Ску-у-ука! — высказался Рем. — А что насчет кровавых гладиаторских боев? Говорят, стотри сражаются нагишом, вооруженные клешнями. Это так?

— Никогда такого не видела, — растерянно сказала Кира.

— Азартные игры?

— Нет.

— Охота на человека?

— Что это?

— Это когда преступника выпускают на волю, а потом ловят все кому не лень. Выигрывает тот, у кого будет больший кусок преступника.

— Нет, это ужасно!

— А пивные разливы?

— Стотри не устраивают праздников, посвященных пиву. Они очень целеустремленный народ и знают, что будет полезно для будущих поколений. Видите те дома у самой вершины? Там живут стотри из Мудрых Черепах и Поющих Дельфинов, которые занимаются наукой и искусствами. Это самые почетные отсеки, и все стотри стараются ровняться на них. Не каждому дан острый ум или талант созидания, но каждый может доказать свою полезность честным трудом. Вот философия стотри.

— Вот что отличает варваров от цивилизованных людей, — поучающе заметил я.

— Ну, думаю, им не стоит отчаиваться, — произнес Рем, поразмыслив. — Авторитет тоже с чего-то начинал. Нерестов сто-двести и дикари тоже начнут веселиться. Работа всегда надоедает.

— В этом вы правы, — согласилась Кира. — У стотри есть свои отступники. Они называют себя Вольные Шторма. Считают себя шестым отсеком, хотя их численность за всю историю не поднималась выше сотни. Это грязные, взбалмошные дикари, которые почитают праздность и веселье. Живут на отдельном острове, промышляют грабежами судов. Остальные стотри презирают их, но... Иногда их приглашают на праздники, потому что Вольные Шторма умеют играть на струнных досках. Другим отсекам этот инструмент безумно нравится, но, чтобы играть на нем, нужен, похоже, внутренний огонь. Дух анархии. Если отец решит устроить праздник по случаю своего возвращения, вам удастся их послушать.

Рем, довольный, кивнул и заложил руки за голову.

Я с подозрением оглядывался по сторонам. Совсем недавно у меня появилось необъяснимое желание свернуть за угол и притаиться за какой-нибудь скрипучей калиткой. Это могло означать только одно: за мной следили.

Но кто?

Вокруг нас равнодушно стыли Предки-Кормильцы. Позади — до самой стены не было ни одного живого существа. Впереди — высились постройки, напоминающие крытые арены, богато украшенные различными пиктограммами и мозаикой. В них, по словам Киры, проходили соревнования по сложению вирш. Еще дальше — покачивались кроны первого кольца плодоносящих деревьев.

Неприятнее всего было то, что наблюдатель перемещался. При этом делал это так быстро, что мою кожу словно рассекали шрамы. Обычно это несложно для тех, у кого есть крылья.

— Кира, — позвал я вполголоса.

Она рассказывала что-то из истории острова.

— Да, господин Вохрас, — быстро откликнулась Кира, запнувшись на самом интересном месте. — Вы чего-то хотите? Я слушаю.

— Те пеликаны. Ну, которых ты спровадила. Они очень мстительны?

— Не беспокойтесь о них, — ласково проговорила Кира. — Это всего лишь птицы.

«Всего лишь птица» продолжала травить меня взглядом из неведомого укрытия.

В роще мы угостились плодами странных деревьев с круглыми сиреневыми листьями. Плоды были вытянутые как груши, черные и шершавые. Я осторожно отдал деснами маленький пресный кусочек и проглотил его, прислушиваясь к нервному желудку Вохраса. Больше не откусывал. Мне показалось, что я наелся на всю жизнь — настолько плоды были сытными. Рем с трудом умял две черногруши. Глаза его закатились под веки.

— Гуэ-э, — высказался он.

— Я вас предупреждала, господин Рем, — назидательно сказала Кира. — Самому рослому стотри хватает половинки на весь день. Теперь неделю не сможете ничего есть.

— Ты плохо его знаешь, — возразил я. — К вечеру он сможет сожрать три штуки. Завтра — пять. Послезавтра — десять. Он быстро приспособится.

— Ты будешь доедать свою черногрушу? — спросил Рем икая.

— Нет.

Я отдал надкушенный плод.

— Настоящий менадинец, — сказал я доброжелательно. — Зато потом, он сможет пережить сорок нерестов голода.

Когда мы въехали в поселение Поющих Дельфинов — убедились, что приготовления к празднику здесь уже начались.

Дельфины, крайне беспокойные представители свободного народа, собирались в труппы, создавая упорядоченную и контролируемую суету. Эта суета, вполне регулируемо выходила за рамки общественного порядка и крайне осторожно перерастала в сдержанные истерики по поводу незаконченной театральной постановки или нескладного стиха.

— Очень волнуются, — комментировала Кира. — На их плечах — обеспечение досуга всех остальных отсеков.

Проглот, расположившийся за спиной Рема, глотал реквизит и декорации, пока сухолюды не пригрозил ему бонгором.

После второго кольца деревьев нас ожидало поселение Мудрых Черепах. Жителей видно не было. Кира объяснила, что ученые стотри редко покидают свои цехи и живут там, стремясь полностью обменять свой талант на пользу народу. Над полусферическими юртами поднимались разноцветные испарения. Я мало понимал в алхимии, но мне казалось, что даже одного глотка того зеленого дыма или нескольких вдохов тех рыжеватых выхлопов, — хватит для того, чтобы люди начали сыпать на тебя землю и, если повезет, плакать при этом.

Чем ближе мы подъезжали к Истоку, тем выше поднимался мой подбородок. Исток являлся эпичным сооружением, которое было не по силам ни одному божеству. Все божества довольно консервативны и безыдейны, и, скорее всего, просто навалили бы кучу камней в каком-нибудь неподходящем месте. Нет, Исток построили хрупкие руки смертных. Но когда это было? И что за умы управляли этими руками? Стотри утверждали, что появились в Истоке, как его дети и не имели к созданию этой громады никакого отношения.

Исток был близок Гротеску. Столь же неоспоримо величественный, непоколебимый, являющийся отсчетной точкой цивилизации и тем, на что всегда можно оглянуться и облегченно вздохнуть.

Над поверхностью стекломассы возвышалась верхняя половина медной пирамиды со сглаженными гранями. Ее основание, увязшее в тверди, было подводной частью асберга. Пирамиду покрывали угловатые геометрические узоры и бугры таинственных пристроек. Остро посверкивали тонкие шпильки. На самой вершине громоздилась настоящая корона: плавные пересечения островерхих арок.

Нет, не боги создали все это. Совершенно необязательно надрываться создавая такие чудеса, просто для того, чтобы потом кто-то бросил к подножию всего этого великолепия жертвенного козла.

Вокруг Истока ветер полировал зеркально ровную площадь. Со стороны она напоминала каток.

— Здесь нам придется спешиться, — сказала Кира. — Моржи не должны находиться на площади. Это связано с чистотой и тем, что обычно производят моржи.

Животные виновато понурились.

— Эту площадь стотри сделали вручную. Скалками и катками.

— До Истока еще хвостов восемьсот, — прикинул Рем, сделав ладонь козырьком.

— Мы поедем на этом, — сказал Кира, указав на стойло со странными двухколесными механизмами. — Это называется быстроног.

Я осторожно сполз с моржа и почесал ему за правым усом. Животное заурчало и

лизнуло меня в лицо. Потом приподняло ласт и ожидающе уставилось на меня.

— Он просит «дать ласт», — подсказала Кира. — Подставьте правую ладонь.

Шлеп!

— Какого змея?! — воскликнул я, потирая ладонь.

— У моржей «дать ласт» это универсальный жест, означающий одобрение, объяснила Кира.

— Это надо запомнить, — сказал Рем. Он спрыгнул со своего моржа. — А ну, дай ласт.

Шлеп!

— Надо было почесать его за усом, — подсказал я.

Рем спокойно тер ухо и глядел в небо.

Кира, тем временем, открыла стойло с механизмами и выкатила один наружу. По факту весь быстроног состоял из двух, идущих одно за другим, колес, рогатого руля и педалей, которые нужно было крутить. А еще было сиденье, на котором не уместился бы и кролик.

— Как на этом ездить? — спросил я. — Он же будет заваливаться на бок.

— Если ехать быстро и держать равновесие, то — ничего подобного, — Кира катнула быстроног ко мне.

Выяснилось, что для совершенных неумех все же предусматривались вспомогательные приставки. К заднему колесу можно было прикрутить два маленьких боковых колесика.

— Господину Тан'Тарену придется ехать стоя, — предупредила Кира.

Господин Тан'Тарен разглядывал механизм с видом человека, принявшего вызов. Когда ему предложили боковые колесики, он скорчил самую пренебрежительную рожу во всем мире и взобрался на быстроног. Толкаясь правой ногой, он набрал скорость и вскоре гонял по площади с гортанными криками, напоминающими восхищенное полоскание горла.

К нам навстречу, тем временем, выкатили четыре варвара в церемониальной броне.

Они вели за собой здорового моржа, на котором сидели четыре печальные варварки. Девушки, вздыхая, оглядывались на Исток.

— Капа Кира, — поклонились они, остановившись.

Выяснилось, что на этом морже в исток приехал парень с тройкой. Похоже, со здоровьем у него все было в порядке, во всяком случае лучше, чем у сушеной воблы. Варварки выглядели крайне... утомленными. Вся эта история с почти магической цифрой, начала интересовать и меня, но тут я снова отвлекся на недавнюю паранойю.

У наблюдателя больше не оставалось укрытий. Только Исток лежал впереди, лениво отражая алые лучи заходящего светозверя.

Стража Истока пришлась кстати. Один взял к себе на заднюю раму быстронога Олечуча, закутанного в скатерть. Второй — забросил на плечо Проглота.

Ко мне сзади боком подседа Кира.

— Вы не возражаете? — вполголоса спросила она.

Перед моими глазами возникла Крикуша. «Только попробуй сказать нет, плешивая вешалка» — сказала она, не открывая клюва, и исчезла.

— Конечно. Нет. Конечно, нет. В смысле, я не возражаю.

Кира обняла меня за талию.

Я проглотил слюну и принялся проворачивать педали, вслед за стотри, тронувшимися обратно к Истоку. Вздыхающие варварки и четверо моржей остались позади.

Сначала это было довольно утомительно, но потом я примерился к ритму и начал следить за дыханием. Пощупал пульс — он подскочил почти до двадцати ударов в минуту. Я

вдруг почувствовал себя живее. Кое-где, в жилах, по-моему, появилось немного движущейся крови.

Пока я размышлял, приживется ли это изобретение в Авторитете, мы подъехали вплотную к Истоку. Я всматривался в его шкуру, пытаюсь увидеть если не пеликана, то хоть кого-нибудь с зоркими глазами, что следили за мной от самых ворот.

Никого. Только тени от шпилей и выступов.

Я потер глаза и посмотрел левее, где скелет какого-то поврежденного сооружения, кренился вниз, образуя наклонную жердь...

Мой наблюдатель сидел там. Глаз у него не было. У жнецов их нет. Он вяло шевелил щупальцами, время от времени вздымая вверх медленно опадающие крылья. Рыжеватая плоть почти полностью сливалась с поверхностью Истока.

Это был самый настоящий жнец. И он следил за мной так, словно светозверю уже давно не перепали на ужин древние магги.

Светозверь злился.

Он злился так, как может злиться машина весом в тысячи тонн, понятия не имеющая о технике контроля над эмоциями. Машина, которая может вызывать мировые катаклизмы и знает, что это ей по силам.

Его тепловые железы вздулись и посинели, а пасть яростно глотала вакуум. Раскаленная добела шкура покрылась сыпью протуберанцев.

Он помнил...

Миллионы погибших. Вытоптаны поля. Сожжены леса. Боль... Боль в центре его драгоценного Одинокого мира. Бездумная трата провианта. Уничтожение вкуснейших всходов. А самое главное, унылый период восстановления после войны.

Войны Зверя.

Алиот чувствовал встревоженную пульсацию Духа планеты. Дух был старым и верным его помощником. Эта многомерная сущность что-то такое зажигала в животных мозгах, отчего они начинали размышлять. Закладывала в удлиняющихся извилинах заманчивые образы палки, которая с легкостью поможет дотянуться до банановой грозди. Или до соседского черепа.

В развитии жизни на плодородном мире наступал момент, когда эволюция проходила с искрящимся бенгальским огоньком рядом с бочкой пороха. Это был непростой период: обезьяна начинала с подозрительным интересом наблюдать за палками, выпятив нижнюю челюсть. Все больше времени она проводила в обществе обломившихся веток. Потом ее начинали видеть с палкой в руках. Она начинала забавно прыгать с ней под пальмой. Дальше хуже: бананы падали гроздьями, а сосед...

Все верно, сосед получал по черепу.

Собственно, в этом и была основная загвоздка. В обратном конце палки. На нем сосредотачивалась вся та чудовищная конкурентная борьба, перешедшая от клыков и когтей к иприту и танкам с низкими башнями. А также от чистосердечного убийства ради пропитания к бессмысленному геноциду, темным замыслам и несмешным анекдотам. Многие поколения светозверей на личном опыте убедились, что если позволить разуму добраться до пещеры, то он непременно там внутри кого-нибудь пристукнет. Это будет стартовый выстрел к началу долгой, возможно бесконечной эстафеты насилия, которая может привести к радиоактивным пустошам на завтрак, обед и ужин.

Этого можно было избежать. Дух был не слишком упорен в своих экспериментах. Если светозверь не хотел, чтобы его мир покрылся лишаями городов, он мог вовремя истребить все подходящие для разумности виды и наслаждаться сельскими пейзажами до самого угасания. Но это было невыразимо скучно. Ведь на другом конце палки поблескивали все те неопровержимо интересные штуковины, которые сопровождали развитие обезьян. Один мячногами чего стоил. Светозвери очень ценили подобные развлечения, наблюдая за жизнью людей с помощью жнецов.

Насколько может быть скучен мир, на котором никто ни единого раза не упал в лужу, набрав за шиворот нового пиджака свежей глинистой жижи? Об этом лучше не задумываться.

Впрочем, это взгляд человека на данную проблему.

В действительности большинство Светозверей поступали разумно. Они вовремя «кастрировали» Духа своей планеты и спокойно наблюдали за какой-нибудь скотиной, которая вертела хвостом не так, как остальные. Можно ли было винить их? Винить в желании стабильного дохода и спокойной жизни? В этом не было смысла. Такие светозвери унылы ровно настолько же, сколь однообразны были их миры. Они готовы к любой критике, как скользкая маслина к зубчикам вилки.

Во время нерестов в Великом Гнездовье они держались обособленно. Несмотря на то, что их во все времена было почти три четверти от общего числа светозверей, со стороны могло показаться, что скотников гораздо меньше. Они никогда не собирались компаниями больше миллиона, объединяясь по принципу «эй, у меня вымяголовые овцелани делают точно такие же кучки как твои копыторогие быкосерны, вот сюрприз!».

Совсем по-другому вела себя та лихая четверть, которая рискнула разводить на своих мирах цивилизации. На каждый нерест они прилетали как на последний. Телепатические передачи с памятью о мирах взрывались как атомные заряды. Весь миллиард авантюристов и сорвиголов клубился в одном месте, обмениваясь галактическими потоками бахвальства и открытий. Это было похоже на сплошную сетку телепатовещания, в которой каждый мог посмотреть что-то наиболее ему интересное. «Смотрите, вон там видите точку? Видите?! Это ис-кус-ствен-ный спутник! Это первый, так его, спутник! Я назвал его Джерри» «Кремниевое оружие всего за какую-то тыщонку нерестов, а? Неплохо? Мамонтам это не понравилось!», «Что-то вроде живописи, но почему-то стальными шариками и стоя на голове», «Южане пока держаться, но их Примарх — осел, так что скоро им крышка, фланги уже перекрыты», «Друзья, поздравьте меня, вчера она после долгих потуг все же взяла палку. Отличную метровую палочку. И почти сразу сбила кокос!».

Алиот хвастаться не любил. Он не присоединялся ни к «скотникам», ни к «разумистам». Он просто делал свое дело. Ему нравился его мир. Ему нравилось, что на его планете есть люди. Одно ему было не по нраву: то, что его люди точно такие же сволочи как у многих других и ничего с этим не поделаешь.

Дух мира предупреждал его, что близиться новый взрыв злобного напряжения. Новые кладбища на плодородных полях. Новые руины, сокрытые облаками пепла. Новые шрамы на лице планеты, которые пересекут старые.

Светозверь исходил волнами плазмы.

Мировая война! Почти перед самым нерестом!

Светила избегали вмешиваться в развитие своих цивилизаций. За этим стояла глубокая, задуманная еще в начале времен философия. Но и просто дозвель в стороне, Алиот тоже не

собирался.

Иногда нужно дать понять этим обезьянам, что их вымышленные божки — ничто перед яростью истинного Бога.

Глава 12. Ранний народ

«Плесень — то, что обыватель обычно путает с грязью. На самом деле, он ежедневно сталкивается с маленькими грибами. Они могут жить где угодно, расплзаясь и смешиваясь с воздухом. Остановить их невозможно, грибы захватывают цивилизации и дикую природу. Плесневая империя — древнейшая в мире и владеет им без оговорок».

Выписка из Двенадцатого тома Ереси.

За четыреста нерестов до того, как некто Престон Имара От'Крипп влип в свои Историю, галантный похититель его, Реверанс, вел жизнь совершенно иную. В ней не было Соленых варваров и сумрачных планов по свержению Авторитета. Все было куда проще: райские грядки должны были быть прополоты, артефакты начищены, а люди накормлены.

Итак, сейчас мы отправимся в прошлое и посмотрим на молодого зрителя Сада Первенцев.

На его падение.

Голубей иногда называют крылатыми крысами.

Люди невезучие, могут использовать понятие «летучий кишечник».

В городах голубей не жалуют. Говорят, будто они пачкают памятники Неизвестным Законотворцам и крадут у ло-ша-дей зерно из кормушек. Кроме того, конкретно в Гигане их ненавидят потому, что они занимают место, а топтать их строжайше воспрещается Церковью Зверя. В потоке людей часто можно увидеть сизые проталины на мостовой, — это голуби вымогают у населения хлебушек.

А еще говорят, что у них нет мозгов. Не покормишь — не улетят.

Если спросить гиганца, что он думает о голубях, можно надолго застрять, отпаивая его пивом и сочувственно кивая.

Все как-то забывают, что эти невзрачные птицы, во время войн спасают целые армии и сдвигают фронт одним своим появлением. В дождь, пургу, под палящим светозверем и во тьме холодных земель, они несут на лапах крохотные капсулы, в которых может оказаться все что угодно. От «*Наступаем в 10 часов, с собой — сабли и сменное белье. Архимаршал Громм*» до «*У мя тоже се нормуль, чмоки-моки*)). Пренцесска Империи Сай Ие Красивейшыство Сакура».

Хотя голубям от мудрости перворожденных зверей досталось не больше, чем щепке достается от векового дуба, что-то благородное в них, несомненно, присутствовало. Например, то, как изысканно они умели попасть жидким стулом прямо в центр новой шляпы.

Один из этих доблестных сынов высоких голубятен, сейчас вкушал краткий отдых на негостеприимной скале Гранитного Леса. Конечно, это был не совсем обычный голубь, от своих родичей он отличался завидным размером и мощными крыльями. Но мозги, а, следовательно, и дух, у него были голубиные.

Вокруг него простиралась бесплодная щетина голых скал. Здесь нечем было прокормиться.

Птица посмотрела вниз.

Там, на серой каменистой почве, увязали в сыпучих породах кости. Кости многих и

многих людей, которые осмеливались искать приключений так близко от Долины Первенцев, от самого Торкена.

Скалы покрывали кудрявые черные лохмы. То был налет плесени, которая жила здесь, питаясь неудачами путешественников и еще чем-то, что невозможно было ощутить ни смертному человеку, ни птице, у которой с этой плесенью было гораздо больше общего, чем с разумом. Гранитный Лес был зоной вечной тишины и безжизненного покоя. Все, что осмеливалось шевелиться здесь, вдыхало плесень вместе с воздухом и немедленно убивало себя.

Меж серыми параболами ребер торчали тусклые рукояти мечей. Те, у кого оружия не было, разбивали головы о камни.

Только у людей хватало природной независимости для того, чтобы заходить в Гранитный Лес, и свободно там умирать. Животные, лишённые такой потрясающей штуки как авантюризм и полезного греха жадности, предпочитали держаться от заплесневелых скал подальше.

Даже птицы не решались бросить свою тень на кривые каменные клыки. Все, кроме бравых почталыонов. Как уже упоминалось, у них было много общего с плесенью.

Голубь стойчески курлыкнул и решил поискать под крыльями клещей-пухоедов. У каждого голубя должен быть аварийный запас блох на случай непредвиденных обстоятельств. Например, если приходится совершать перелет от Северных берегов к сердцу Юга.

Подкрепившись клещами, голубь неуверенно расправил крылья и нырнул в первый же экспресс-воздушный-поток до Торкена. Он летел еще сутки. Хищные иглы Гранитного Леса нехотя уползали на север, пока их не сменили поля, похожие на бесконечную мозаику из полевых цветов. Это было удивительное место, укрытое от времени. Здесь цвели растения, которые не менялись миллионы нерестов, с того самого момента, как Первый выковырял их из уха. Струился хрусталь ключевых рек, пахнущих минералами глубинных пещер. Обитали существа, которых весь остальной мир давно заставил вымереть, приставив к горлу кинжал естественного отбора.

Выглядели эти твари неважно.

Эволюция знает, что делает. И если она говорит, что свинорылый рыбожаб должен вымереть, то, видимо, его бесполезность для фауны действительно достигла критического уровня. Животных было множество, и все они выглядели как артефакты из музея спелеологии. Собственно, долина Первенцев тем и являлась — хосписом для древности, которой не было места ни в настоящем, ни, тем более, в будущем.

Над озерами и запрудами слышалось кряхтение и прерывистые вздохи. Это с трудом переживали очередной день официально вымершие земноводные, птицы и млекопитающие. Вырождающиеся рыбы с трудом дышали кристально-чистой водой и постоянно забывали, как именно нужно делать дело, связанное с продолжением рода.

Больше всего эти генетически-престарелые страдальцы хотели одного — спокойно вымереть и неторопливо превращаться в нефть, как и все их родственники по ту сторону от Гранитного Леса.

За полями начинались папоротниковые джунгли. Без единой тропки, первобытные и глухие. Они сотрясались от кашля и трубных звуков, которые у людей, почему-то, прочно ассоциируются с бобовой кашей.

В свое время у неискушенного человечества в почете были существа, называемые

драконами. Те драконы были многометровыми благородными ящерами, с широкими крыльями и коронами из белоснежных рогов. Они могли выдыхать испепеляющее пламя и пробивающий холод, смертельные яды и едкую кислоту. Людям такие фокусы были по душе настолько, что дракон стал главной медиа-фигурой на тысячи нерестов. Массовые легенды, рассчитанные на широкую аудиторию, просто обязаны были упомянуть дракона. А лучше всего расходились те эпосы, а так же баллады, сказания и пьесы, в которых дракон был центральной фигурой. Ящеры общепризнано являлись самой твердой художественной валютой.

Творческие мастерские перепробовали все, что могли. Дракон был персонажем злым, добрым, трагичным, комичным и, иногда, даже становился объектом... осуждаемой межвидовой любви. Принцессы — народ искушенный, что тут еще сказать.

После целой эпохи нещадной эксплуатации, образ ящера так всем остозмеячил, что от одного упоминания слова на букву Д, людей тянуло расстаться с утренней кашей. Драконов буквально возненавидели и стремились уничтожить все, кто знал, с какой стороны нужно братья за меч. Особенно целое поколение счастливиц по имени Драко Драконис.

Несчастные ящеры с трудом понимали, в чем причина такого экстремального отношения к ним. Им казалось, что все дело в золоте, которое самцы накапливали, чтобы привлекать внимание самок. Когда стало действительно жарко и за голову дракона в некоторых провинциях Авторитета жаловали земли, драконы явились в Гигану и сказали, что готовы раздать золото даром, лишь бы их оставили в покое.

После этого широкого жеста, рынок оказался переполнен изделиями из драконьей кожи.

В конце концов выжили только те ящеры, которые предпочли спастись и затаились в долине Первенцев.

Здесь. В этих самых непроходимых папоротниковых джунглях. Бурелом трещит под рахитичными лапами. От бывшего величия осталась одна чешуя. Драконов было мало, кровосмесительные связи довели их род до того, что появилось множество самостоятельных уродцев, которые получили новые имена. Например, брицератопс или шнегоящер. Самых злобных Первенцы звали деспотоящерами. Иногда все эти мрачные уроды выбирались из джунглей на поля, и с тоской смотрели в небо, туда, где осталось их славное прошлое. И устало горбились бескрылые спины.

Голубь пролетал джунглями. Он парил над торчащими из озер жующими головами. Впереди теперь был только Торкен.

Торкен.

Третья Цитадель Одинокого мира.

В зеленом сердце долины выситься легендарное Троегорье. Белоглавые высоты, Сихар, Торальдар и Цот, срослись в голубоватую корону мира. В каждом камушке они берегут Память и Волшебство. От подножий, до пиков, где пасутся стада облаков, камень Троегорья звенит и мерцает, переполненный силой планетарного ядра. Густой первобытной магией, чистой и незамутненной, которая не калечит и не изменяет все вокруг себя. Отсюда она расходится по всему миру, отягощаясь информацией, судьбами и просто злобой. Насквозь она пропитывает пространство и время, становясь непредсказуемой и необъяснимой силой, которая отвечает одному человеку из сотни. Помогает одному из тысячи. И не служит никому.

В скалистых чертогах обитают существа из кварца и гранита, жующие руды и пьющие

ругуть. В отличие от безобидных жителей долины, эти беспокойные бульжники — очень агрессивны. Ночами нередко можно наблюдать фейерверки высвобождающейся магии — это бьются друг о друга каменные лбы.

Но где же сам Торкен?

Голубь, тяжело дыша, боролся с пронзительными ветрами. Он с трудом обогнул Цот и оказался над центром Троегорья. Почти полторы лиги отделяли его от земли. Если б голубь мог понять, что он не в состоянии подняться на такую высоту и выжить, его наверняка хватил бы удар. Но вырастившие его Первенцы не дали ему шанса разобраться в собственных возможностях. В мире Алиота вообще маловато птиц, способных взлетать так высоко. В основном потому, что жнецам проще их там поймать.

А внизу тянуться Несущие цепи. Огромные звенья скрипят под весом полусферической колыбели радиусом в лигу. Эта колыбель, выплавленная на заре времен не знает рук строителей — она полностью порождение коллективной магии Первенцев. Во всяком случае, так они утверждают.

Это и есть Торкен.

Единственный город и столица Ранней расы.

Голубь пошел на снижение, спиралью срезая путь вниз. Он спускался к куполу запотевшего стекла, который накрывал город. Купол был разделен на маленькие пятиугольные сегменты. Под закопчённым стеклом едва можно было разглядеть разноцветные кроны.

В одном из них птица заметила одинокого первенца. Тот стоял у самого стекла, прикинув к нему чешуйчатым лбом. Реверанс размышлял о чем-то, глядя вниз, на озеро Слеза, застывшее в центре Троегорья, точно под Торкеном. Прозрачное как воздух до самого дна.

За несколько секунд до того, как голубь ударился о стекло, вертикальные зрачки дрогнули.

Почтальон смотрел на первенца сверху красными голодными глазками. То правым, то левым. Реверанс поднял вверх руки. Один из сегментов тяжело, раскачиваясь и скрипя, приподнялся. Завыл, врываясь, высотный ветер. Голубя буквально всосало внутрь, и он шлепнулся на помост перед первенцем.

Реверанс подошел к нему и помог подняться. Птица, тяжело дыша, расправила крылья. Первенец потрепал его по загривку.

— Ну, давай же, — сказал он. — Какое?

Голубь сунулся под крыло и вырвал клювом перышко. Его ось была испещрена крохотными буквами, не больше песчинки. Реверанс забрал это необычное послание и погладил птицу по голове.

— Лети в сад, покормись чем-нибудь, — сказал он.

Захлопали крылья.

Первенец поднял перо к глазам. В текст он не вчитывался, разглядывал почерк. Когда Миумун пишет, любой его нервный вздох отражается на письме. Каждая мысль. Все, что не найдешь в самом послании, легко можно увидеть в неровных петлях, сдавленных буквах, сильном наклоне.

Вот как сейчас, например. Паника писала сообщение вместе с Миумуном.

Реверанс без особого уже интереса прочитал послание и кивнул собственным ожиданиям. Авторитет все еще не остыл. Сотни нерестов он мрачно сиял раскаленным

металлом, словно недавно выкованный меч. Весь континент, то тут, то там взрывался религиозными и территориальными сварами. Только верхушки гор холодно блестели над пурпурными равнинами пожарищ.

Шел первый и единственный Кризис Веры.

Это было время, когда эпоха королевств жадно пыталась надыхаться перед уходом в забвение. Тогда Гротеск уже крепко стоял внутри остатков Яйца Первого, а Миумун еще возился с тайной армией Церкви Зверя. Руководил полками убийц и батальонами шпионов. А также следил за тем, чтобы Гротеск не стал слишком самостоятельным.

Ему было на что жаловаться. И, иногда, бедняге действительно требовалась помощь.

Рядом с Реверансом остановилось два зункула-льва. Нагие, с клеймами вида Кугатарис. На челюстях сидели тугие намордники, с них стекала слюна. Плечи изнывали под платиновыми брусьями.

— И что ты об этом думаешь, Реверанс? — с жирным клокотанием проговорили позади.

Первенец удивленно обернулся. Этого он не ожидал.

— Оригинал Логика. Почему вы здесь?

Оригинал Логика с трудом попыталась придать себе снисходительно-величественную позу. Сила левитации ворочала ее некоторое время, пока она окончательно не запуталась в том, что было ее конечностями и том, что вполне могло бы ими быть. Лучше всего многим Оригиналам Торкена удавалось поза отрешенно-задумчивая. Изрядно измаявшись, Логика решила вернуться к ней.

— Тревожащих событий изрядно накопилось, чтоб встретиться лицом к лицу нам и разбудить Великое Оно, — проговорила Оригинал слегка отрешенно и немного задумчиво. — Оно достаточно молчало. Нам необходима прямая связь с Миумуном и контроль над сопротивлением.

Реверанс не ответил.

Последний раз Оригиналы собирались лицом к лицу двести сорок нерестов назад, чтобы назначить того, кто будет следить за Садам Торкена. Им оказался Реверанс. Тогда он принял это поручение спокойно. Он понятия не имел, как тяжело ему придется в одиночестве.

Телепатия для первенцев была привычнее пупка. Но раньше, давным-давно, они общались лицом к лицу не только по случаю угрозы Авторитету.

— Пойдем, Реверанс, — проклокотала Логика. — Ты тоже должен занять свое место... хээээк... — она прервалась и тяжело подышала в раковину-фильтр, — ...перед Великим Оно.

Зункулы тяжело накренились влево и стали поворачивать хрустальное ложе Логики. Всего рабов было восемь. Ноги их подгибались. Четыре спереди и столько же на задних брусьях. На бритых головах дрожали капельки пота.

— Приятно видеть вас, Логика, — запоздало проговорил Реверанс.

Глядел он в пол.

— Ну конечно, — Логика издала леденящий душу звук кровавой камнедробилки, и бредущих впереди рабов обдало прозрачной слизью. — Нос закладывает... — пожаловалась она. — Я тоже рада видеть тебя. Ты все такой же. Стройный и гибкий. Приятно поглядеть.

— Спасибо. Вы тоже... — Реверанс быстро перетряс свою память в поисках чего-нибудь корректного, — сохранили... выразительность взгляда.

Глаза Логики казались шляпками гвоздей, забитых в тесто. Слабо напоминая о себе, они

почти тонули в лицевой массе.

Они вышли из обсерватории и оказались на границе тихого храма со сплошной крышей разросшихся крон. Они застили дневной свет, жадно расползаясь ветвями по стеклу. Дремотный сумрак, серая поволока, редкие огни меж влажными мшистыми стволами. Окаменевшие фигуры животных, живых, и одновременно мертвых. Застывшие в воздухе птицы, согнувшиеся в хищном броске пантеры, отражения вечно пьющих оленей в озерах.

О, Первенцы, разумеется, любили животных.

Но только если те не шумели и не дергались зазря.

Дорога из синего стекла разбивалась на лежащие в памяти шаги: она объединяла весь Торкен и Реверанс успел протоптать тропинку на грязной поверхности. За ее фигурными краями белела земля. Это был самый плодородный белозем во всем Одиноком мире. У Первенцев в свое время ушло немало времени, чтобы сделать жирный компост — цвета слоновой кости.

Когда Реверанс отвлекся от своих размышлений, связанных с вековым сексуальным воздержанием, они с Логикой остановились прямо напротив Домината Кутарис.

Из него медленно выбиралась одышливая свита Логики. Зункулы сталкивались лбами, и сипло выли. Большинство высоких представителей вида Кутарис спали на своих носилках, остальные — жевали и величественно чесались.

Реверанс глядел на них, приоткрыв рот. Он подозревал, что неподвижный образ жизни немного взрыхлит стройные тела Первенцев, однако надеялся, что Логика будет неприятным исключением

Чтобы отвлечься от неприятного впечатления, Реверанс стал глядеть на Доминату.

Цилиндрический дворец сверкал перламутром, гордо удерживая на пике статую антропоморфного тигра. Статуя была одета в настоящий шелковый хитон и сжимала в руках книгу Перемен.

Тем временем все население Доминаты Кутарис построилось позади логики теряющим очертания прямоугольником. Слышался храп и скандалы на почве коллективных игр через выделенные магические каналы. Давние соперники иллюзорных сражений наконец-то встречались в реальности, заставляли зункулов выкрикивать ругательства и передавать противникам дуэльные свитки с унижительными картинками.

По всему Торкену носился скрежет открываемых врат. Проспекты стеклянного пути оживали. Тишина уползала в сад и там забивалась в уши застывшим кроликам.

Процессия Кутарис медленно потянулась вперед. Реверанс шел впереди, рядом с правым краем Логики. Он пугливо озирался по сторонам, всюду ему мерещились улики собственной безнравственности.

И не зря.

Довольно скоро он невооруженным взглядом начал замечать лежащие то тут, то там чашки, рваную разноцветную бумагу, какой-то невнятный мусор, огрызки. Кал. Реверанс старался уничтожать все следы своих маленьких праздников, но гульба довольно часто разбредалась так далеко, что уследить за каждой пивной бутылкой было невозможно.

Логика, слава светозверю, вроде бы ничего не замечала. Смотритель вспомнил о других Оригиналах и задрожал. Кто-нибудь обязательно заметит мусор. Человечий мусор.

Пресвятой хвост Первого, это что, человечье белье на стеклянной дороге?!

— Что это ты там выбросил в Сад? — удивленно спросила Логика. — Что-то розовое.

— Палый лист, — прошипел Реверанс, пытаясь восстановить дыхание. — Слушайте,

Логика, а чем вы занимались в Доминатах? Я ни на что не намекаю... Но, по-моему, раса немного... Раздобрела.

— Хорошо, что ты спросил, — оживилась Логика. — Знаешь, к такой жизни можно привыкнуть. Эти коллективные иллюзорные приключения очень увлекательное занятие. Просто... хэ-э-эк... захватывающее. Находишься в постоянной конкуренции, очки, баллы, метки, не даешь себе лениться. Это очень концентрирует. Никогда еще я не чувствовала в себе такой остроты рефлексов, как сейчас. Кроме того... хэ-э-эк... столько стараний уходит на своего аватара, что поневоле чувствуешь себя создателем. Понимаешь, что не зря живешь. А по поводу твоего замечания... Не думаю, что мы слишком располнели. Разумеется, прежней сухости членов уже не заметишь, но разве нет в нашей жизни места переменам?

Реверанс признался себе, что перемены есть, да еще какие. Взять хотя бы его странные увлечения. Но ведь и остальные превращаются змей знает во что.

— Так значит... Вы в основном играете.

— Не играем, Реверанс! Что за странная формулировка? Мы создаем!

— Ну, да-а-а... — с осторожностью золотаря балансировал Реверанс. — Только это все остается там. В канале.

— Ну и что? — грозно спросила Логика.

— Ничего-ничего, — откликнулся смотритель Сада. — Просто Торкен не развивается уже больше века.

— Взгляни на это! — властно перебила его Логика.

Реверанс протянул руку и осторожно принял подлетевший к нему предмет. Сказать ему было нечего. Он смотрел то на предмет, то на Логику.

— Это... — подтолкнула его Оригинал.

— Это... — послушно повторил Реверанс.

— Ну же.

— Э-э-э...

— Бу... Бу-маж...

— Бумажный журавль?

— Точно!

— Он спец в архитектуре?

— Нет.

— Собирает мозаики?

— В общем-то, нет. Зачем ему это?

— Просто бумажный журавль?

Логика снова оскорбилась.

— Что имеешь в виду, говоря «просто» бумажный журавль?

— Логика, я лишь хотел уточнить: вы хотите обновить Торкен бумажным журавлем?

— Знаешь ли ты, сколько сил на него ушло?! Я отвлеклась от иг... От со-зи-да-ния на два нереста! Ну, скажи же, что он прекрасен!

Реверанс вздохнул. Логика гордилась собой как курица, снесшая два яйца вместо одного. Она требовательно колыхалась и жаждала признания. Два нереста она потратила на то, чтобы сделать этого журавля. Торкен должен был полностью обновляться каждые сто двадцать три нереста. Такова была прекрасная и нерушимая традиция ранней расы. С тех пор как виды заперлись в своих Доминатах ради иллюзорных игр, полностью передав магии каждое свое движение, прошло сто сорок четыре нереста. За это время Торкен получил от

обленившись Первенцев только...

Реверанс незаметным жестом испепелил битый кувшин, что торчал из белозема в нескольких метрах от стеклянной дороги.

А теперь еще бумажный журавль.

И это потомки тех Первенцев, которые создали свой величественный город из цельного куска неподатливого мира.

— Ну, теперь-то все на своих местах, — проговорил Реверанс поощрительно. — Великолепный журавль! Если смотреть поперек него на Торкен, видна совсем другая картина.

К сожалению, проблема была куда значительнее. Торкен являлся тем минимумом, который был доступен Первенцам. А ведь раньше они ко всему прочему путешествовали по всему миру, творили чудеса, затирали уродства природы и насаждали красоту, учились новому день ото дня. Испокон веков считалось, что это их священная обязанность и неотъемлемое право — вмешиваться в природу, ради блага последней. В то время они были бесценны для мира Алиота...

Бумажный журавль!

— Да-да? — засмушалась Логика. Смущение распространялось по ней с некоторой задержкой. Небольшими очагами.

— Город становится бумажно-журавлиным, — уверенно закончил Смотритель. — Это, без сомнения, перерождение всей нашей эстетики.

— Ах, Реверанс, — прошептала Логика возбужденно. — Спасибо. Я знала, что ты оценишь. Приблизься ко мне.

В этот момент светозверь познал один из самых отчаянных воплей ужаса и безнадежности. Беззвучный. Сверкнувший во взгляде Смотрителя болезненной молнией.

Лизь.

Бывали моменты и похуже. Однажды Реверанс проснулся с двумя человеческими самками под боком. Обе могли вести семинары, посвященные борьбе с красотой и гладкими ногами без оволосенения. Его спасало беспамятство, вызванное человеческими алкогольными напитками.

— Запомни этот поцелуй, смотритель, — жарко дыхнула Логика напоследок.

Да. Он запомнит. Когда-нибудь это воспоминание проведет с ним последние минуты в петле из атласного пояса.

— Не хвастай этим, — предупредила Логика.

— Никогда, — перехваченным голосом пообещал Реверанс.

Хорошо, что искренность невозможно пощупать. Иначе всю процессию сейчас придавило бы панелью из железобетона.

На стеклянную дорогу выскочили несколько оленей. Реверанс, все еще не пришедший в себя после близости с Логикой, отреагировал не сразу. И лишь после того, как процессия замерла, а Логика начала вбирать в себя воздух для продолжительного визга, смотритель почувствовал, как душа его уходит в пятки.

На ветвистых рогах висели блески, плетеные сумки с кувшинами и несколько шляп. Шкуры были изрисованы масляными красками и заляпаны. На безучастных мордах лежала косметика. Из бедер торчало несколько вилок.

Но, что хуже всего...

На спине одного из них, задом наперед, прижавшись щекой к мощному крупу, спал какой-то парень в женском корсете. Больше на нем ничего не было.

Олени вопросительно посмотрели на толпу Первенцев. Многонерестовый сон сделал их неуклюжими. Они ломко передвигали ногами и с трудом поворачивали головы. Реверанс смутно припоминал, что оленей он разморозил, когда стало ясно, что на пирушке решительно никто не верит, что он осмелится это сделать.

Логика все-таки завизжала.

Животные шарахнулись прочь. Упали. Человек скатился с крупа, замер на дороге. Олени, то и дело приседая, уковыляли в Сад.

Человек открыл глаза.

— О, Рев... Вот ты где, друган! Обвиняю тебя во лжи, ха-ха. Сказал, что вернешься через полчаса, а сам пропал. Меня отправили на поиски. Остальные реб...

— Особь человека! — заорал кто-то.

Ку-ба-гам!

Купол трянуло. Пошел теплый мутноватый дождь конденсата. Капли с шипением ныряли в горстку пепла, в центре которой медленно остывал проволочный каркас корсета.

Логика перестала визжать и сказала:

— Х-э-э-эк!

— Я могу все объяснить, — воскликнул Реверанс, защищаясь.

Ничего подобного.

— Х-э-э-эк?!

— Мне нужны были люди для опытов. От нечего делать, я экспериментирую с их анатомией!

Это была правда. С этого, во всяком случае, все и началось.

— Хэ-э-э-эк! Ик!

— Ну... Может быть человек тридцать. Я не следил за их количеством.

Логика закрыла глаза.

Реверанса взяли в тиски два зункула. От процессии отделились еще полсотни рабов и углубились в Сад.

«Перебьют всех», — уныло думал Реверанс. Теперь, когда все так нелепо раскрылось, страх отступил. Смертной казни для своих у Первенцев не существовало. Возможно, егс превратят в зункула. В этом есть свои плюсы. Можно, например, уронить носилки или помыть руки в хозяйском вине.

Зодчий вздохнул и пошел дальше в сопровождении символической стражи. Мимо живых и прекрасных композиций из зелени, цветов и декоративных скал; никому не нужных, давно позабытых. Мимо пыльных кристаллических экранов, на которые передавались проекции красивейших пейзажей со всего мира; он был единственным их зрителем. Мимо замшелых колоссов, изображающих пищевые пирамиды.

На вершине этих пирамид всегда были первенцы. Маленькие блестящие фигурки. Они заросли мхом и грибами. Реверанс специально не чистил их. Природа не врала.

Процессия росла. К шествию Кутарис присоединились другие виды. Основной проспект собирал тропы ведущие к Доминатам. Маленькие очаги тяжелого дыхания, всхлипов и сбивчивого бормотания, собирались в церемониальное шествие. Зункулы разбрасывали вялые лепестки роз, ползли впереди демонстрируя свою приземленность.

Реверанс брезгливо наблюдал за этим.

Рабы высокими голосами читали хвалебные оды Первенцам, унижали друг друга, истязали.

До того как обленившиеся виды ушли в Доминаты, Реверанс ничего подобного не видел. Зункулы выказывали Первенцам почтение, служили им, выполняли черную работу. Многие поколения их рождались в загонах как кролики. Несмотря на то, что эти вырожденные формально были из Ранней расы, зункулы знали об уважении не больше, чем мыши. Их воспринимали как неизбежное зло, у всех полноценных Первенцев довольно часто рождались отсталые дети. Эти могли создавать пары только с подобными себе. Они ни на что не претендовали и ничего не ведали.

Но у зункулов были права.

А то, что происходило сейчас, вызывало у Реверанса отвращение.

Что за гадкая потребность, — унижать идиотов?

Бесформенные туши благосклонно фыркали на своих носилках. Зодчий мрачно озирался по сторонам. Его окружали пыхтящие тела.

Чтобы отвлечься от собственного провала, он стал думать о том, как может существовать организм, состоящий из одного жира и нескольких литров спеси, которые заперты в зарастающих артериях. Маггией, как оказалось, необходимо уметь пользоваться не только с точки зрения целого платья и спокойных соседей. Нужно знать меру. Но как ее определить, когда Троегорье не оставляет места возможному, превращая любую прихоть первенца в реальное? Или видимое.

Больше всего Реверанса угнетало то, что сородичи относились к своему новому виду совершенно спокойно. Похоже, лежачее положение, уже стало новой модой. Брюхо, над которым установлена система зеркал для переднего обзора — современным эталоном. А Реверанс, бедняга, морально устарел.

Смотритель присвистнул и воровато огляделся по сторонам.

— «Во что же мы превратились?» — мысленно проорал он, стараясь передать сигнал всем зункулам в окрестностях. Те наострили уши и завыли, неразборчиво и тоскливо:

— Во что-о-о зже му-э ватил-эс!

Шествие разом остановилось, словно кто-то щелкнул кнутом. Реверанс почувствовал, как его разум взяли за шкуру и внимательно осмотрели со всех сторон. Обычно Первенцы никогда не врывались в сознание полноценных сородичей, это было проявлением агрессии. Однако Реверанс теперь был... На уровне зункула.

— Он в порядке?

— Да. Слишком возбужден. Неудивительно.

— Нужно было сделать смены короче. Двести нерестов, это все-таки испытание даже для первенца.

— Воистину. Хотя я бы не сплеховал.

Правители зашумели.

— Постыдное хулиганство, Реверанс, — сказали зункулы-стражи рядом с ним. — Выйди вперед! К нам!

Сложив руки на груди, смотритель неторопливо направился к острию шествия. Там его ждали Логика, оригинал Колос из вида Каритус и остальные лидеры. Всем своим видом они выражали крайнее неодобрение. Смотритель определил это по тому, что над ними светилось, написанное крупными маггическими буквами, слово «интервенция».

Это означало, что провинившемуся предстоит поискать в себе раскаянье. А если ему это не удастся, старшие товарищи всегда готовы залезть в душу и помочь перетрясти ее.

— Реверанс, что с тобой происходит? — спросил Колос с ходу, прищелкнув волчьей

пастью на последнем «т». — Зункулы только что отыскивали поселок, в котором жило больше сотни людишек! Они пили, купались в священном пруду и совокуплялись.

«Жило», — понял Реверанс.

Первенцы ахнули. Кто-то кинул в зрителя куском сырой маггии.

— Ты хоть представляешь, какое чудовищное преступление ты совершил?! — распаялся Колос.

— Я изолировал их, — глухо ответил Реверанс. — Построил вокруг забор.

— Врата не были заперты! — рявкнул Колос. — А охраняли их два замороженных медведя! Весь Сад в округе изгажен отходами. Бесценные плоды и травы съедены, они вспахали несколько заповедных полей и выращивали там какое-то наркотическое растение.

Тут Колос прервался, видимо получил еще одну телепатограмму от зункулов.

— Построили хижины из Скрижалей Вечности... — просипел он, выпучив глаза.

Реверанс увернулся от еще одного куска маггии.

Колос отдышался и спросил:

— Как ты это объяснишь?

— Я хотел немного поэкспериментировать с мутациями. Это не запрещено.

— Не запрещено работать в специально отведенных помещениях, под наблюдением стражи. С отдельными экземплярами! А ты развел тараканье гнездо без намека на технику безопасности! Светозверь побери, Реверанс, представь всего на секунду, какую заразу они могли сюда занести!

— Я отбирал только здоровых, — без особой надежды уточнил Реверанс. — Послушайте, мои цели были благородны. Люди развиваются. Они становятся доминирующим видом в Одиноком мире. Сколько их сейчас? Почти миллиард! А нас? Тысяч сорок, если считать зункулов. Ясно, что рано или поздно наша идея с Авторитетом себя изживет. Мы не сможем их контролировать, и нам придется защищаться. Я пытался создать что-нибудь, что разрушит их культуру изнутри. Затормозит развитие.

Это была правда. Однако Реверанс решил не упоминать, что через некоторое время сильно привязался к хаотичной культуре людей. Так сильно, что перестал отличать свой хвост от человеческого копчика. Сначала людей было всего десять. Реверанс экспериментировал с их здоровьем, невольно наблюдал за взаимоотношениями подопытных и так увлекся, что решил добавить еще десяток. Дал им полянку и немного свободы. Он думал, что это будет большим, на что он сможет решиться.

Нет, не совсем. Совсем нет. Абсолютно.

Больше сотни. Сначала Реверанс предполагал, что человечьи самки в неволе будут съедать своих детенышей. Когда эта гипотеза не подтвердилась, он решил не раздувать из мухи слона и некоторое время занимался только тем, что возился с детьми, показывая им фокусы.

Эх, если бы Первенцы, если б он сам, с самого начала относились к людям как к равным, как к достойным уважения существам, все было бы иначе. Но надменное невежество Реверанса оказалось ахиллесовой пятой там, среди смелых и воинственных, смекалистых и благородных. Да, их были единицы, с ядром в скорлупе, и даже просто добрых и отзывчивых. Но их хватило. Хватило проведенного с ними времени и чувства удивительного открытия человеческой разумности, чтобы понять — люди достойны сами вершить свою историю. Сами искать пути объединению или независимости.

А то, что создали Первенцы — Авторитет — искусственный мир. Чуждая людям

империя, в которой есть тень свободы и выбора. Полупрозрачная фикция, над которой нависла громада истинной безнадежности — закон которой: «относительная свобода дается каждому, но не всем». Как единая раса — человечество было обречено идти по дороге, проложенной для них чужаками.

Фальшивое настоящее и чужое будущее.

Разумеется, тогда Реверанс еще не до конца понимал все это. В нем не было ненависти к своему народу. Но он ощущал смутное противоречие в мыслях. Первые намеки на справедливую мысль — Первенцы, возможно, сами того не понимая, зашли слишком далеко, стремясь защитить себя. Даже Пенная чума была светлее того, что они сделали на этот раз, чтобы защитить свое бесполезное существование.

Колос оставался мрачен.

— Нарушению законов Торкена нет оправданий, какими бы благородными не были твои цели, — отрезал он непреклонно.

— Вы их убили? — бесцветным голосом спросил Реверанс.

Владыка тяжело вздохнул. Собственно, каждый его вздох был не простой задачей. Но этот получился таким, словно воздух сопротивлялся до последнего

— Не понимаю, на что ты рассчитывал, — ответил он хмуро. — Да, сейчас зункулы уничтожают их.

Реверанс покивал, накаляясь.

— Ну и, конечно, мы наложим на тебя более суровые санкции. Ты на нерест будешь отрезан от общего магического канала.

Смотритель пожал плечами и произвольно сплюнул на стеклянную дорогу. Затер ногой. И вдруг догадался, что на него смотрят как на человека. С отвращением.

— Я хочу, чтобы ты понял, Реверанс, все эти чудовищные последствия — ничто, по сравнению с причиной. Ты приволок людей в святая святых Ранней расы. Ты позволил им плодиться и размножаться! Позволил осквернять все то, что нам так дорого...

— Дорого?! — неожиданно рявкнул смотритель. — Фальшивые приключения в фальшивых мирах — вот, что вам сейчас дорого! Я уж и не помню, когда кто-нибудь в последний раз доказал поступком, что Торкен ему нужен! Посмотрите вокруг себя! Помните ли вы эти дороги, этот Сад так, как последнее свое бесполезное завоевание в иллюзорном мире?! Кто способен прямо сейчас процитировать те несчастные Скрижали Вечности?! Может быть ты, Логика? Или ты, Колос? Светозверя с два! Зато вы весите ровно столько, сколько нужно, чтобы кряхтело как минимум четыре зункула одновременно! Я, единственный, кто еще помнит, как пишется слово умеренность, вы, толсто...

Никогда еще первенец не произносил того, что вырвалось тогда сквозь клыки Реверанса. Это были человечьи ругательства, ругательства, наполненные мудростью скандалов, накопленной за тысячи нерестов неправильного обращения с интересами соседей. Он кричал так искренне, что слова его высекали искры из защитного поля оригиналов.

— ...сейчас даже люди нужнее этому миру, чем вы!

Это была самая жирная точка, которую мог поставить Реверанс. Превознесение Поздней расы, да еще такое очевидное. Упавший недалеко от дороги лист изрядно потревожил тишину.

— Мы вынуждены проверить твоё сознание, Реверанс, — сказал Колос. И в голосе его слышалось нешуточное волнение. — Пожалуйста, не сопротивляйся, иначе нам придется

причинить тебе боль.

— Хрен вам, а не мой разум! — запальчиво воскликнул Реверанс и тут же заорал, нависнув затылком над Стеклоанной дорогой.

Он явственно ощутил, как в его разуме пахнуло волком от хвоста Колоса. Короткими перебежками, от умозаклочения к умозаклочению, передвигались к его самым потаенным мыслям десантные сущности оригиналов. Они заложили несколько зарядов настырности и пронизательности под тяжелыми створками подсознания Реверанса и подожгли фитили.

— Вы пожалеете, — пообещал зодчий без всякой злобы. Он просто был уверен в этом.

Пронизательность рванула сразу после настырности. Сущности напряженно вглядывались в рваную дыру, которая зияла на подсознании Зодчего. Секунда... Еще секунда.

Во тьме им померещилось слабое шевеление. Сущности покрепче сжали выдержку и вытянули из ножен невозмутимость.

Темнота еще раз шевельнулась, слабо осветилась, и наружу вышел красивый человек с улыбкой добряка. В руках у него была свобода. Она сверкала, ослепляя и вселяя панику в сущности оригиналов. Человек поднял свободу над своей головой и вторжение испарилось как болотный пар под ярким светозверем...

Оригиналы в ужасе отшатнулись. Точнее за них это сделали зункулы.

— В маггические кандалы его! — срываясь на визг, приказал Колос. — Немедленно!

— Свободу людям! — вскричал зодчий. — Свободу Поздней расе!

Оригиналы скорчились от страха. Приоткрылись вялые пасти.

Маггия дала Реверансу под ребра и повалила на дорогу. Руки сами рванулись к позвонкам, намертво сцепились пальцами. Сила Троегорья вздернула его за шкуру и врезала под дых: выбила весь воздух из легких. Швырнула вперед. Реверанс попытался не упасть, но не смог, снова растянулся на дороге, извиваясь всем телом. На него посыпались удары. Один за другим — градом тупой боли.

Наконец, маггия снова вскинула его на ноги, удерживая за горло.

— Пойдешь впереди, — тяжело дыша, сказал Колос. К нему подошел зункул и отер оригиналу пену с губ и подбородков. — Это будет марш твоего позора, Реверанс. Твоей низости. Церемония для предателя. Мы не станем тратить на тебя время — Великое Оно решит твою судьбу. Если станешь зункулом, я помешу тебя в террариум. Ты будешь насмешкой над всем своим вымершим видом. Раз уж не смог стать достойной памятью...

Реверанс резко развернулся. Со скул слетели капельки крови.

Настолько подлой атаки он не ожидал. Заплывшие глаза задрожали от ярости. Да, его не просто так избрали зодчим и не просто так он согласился. Ему незачем было возвращаться. Домината Капа пустовала уже несколько веков, с тех пор как умерла от генетической болезни оригинал Вера. Реверанс был ее последышем, единственным, кто родился с дефектом, поразившим весь вид, но сумевшим выжить. Единственным, кто смог пережить оригинала своего вида.

— Вспомни Веру, вспомни своего родителя, гнусный предатель, — продолжал Колос, зная, что давит на незаживающую рану. — Ты не смог возродить свой вид, будучи его последней надеждой. Что ты сделал вместо этого? Проклял его. Опозорил даже славную память, что была вашим наследием.

Холодная кровь Реверанса вскипела.

Каждый Первенец мог стать оригиналом: источником хорошего генетического

материала для десятков своих разнополых копий. Первенцы могли создавать пары. Этого требовала животная эстетика. Но основная часть новорожденных производилась именно оригиналами, носителями лучшей наследственности, которые сознательно превращали себя в гермафродитов.

Дефект не забрал жизнь Реверанса, но одно, неизбежное последствие, осталось с ним навсегда. Даже став оригиналом, он мог родить всего одного ребенка. Он знал это. Чувствовал.

Реверанс всегда видел за собой вину. Не совершив преступления, он казнил себя. Кто знает, не потому ли его покорила идея создать подобие собственного вида из обычных людей. Разбить свое вынужденное одиночество с помощью Поздней расы.

Надо же к чему это привело.

— Ты сказал слишком много... — прошепелявил Реверанс. — Вместо того, что бы раздавить меня, ты нажил врага. Себе. И всему Торкену.

— Замолчи и шагай, — презрительно бросил Колос. — Палый плод ополчился на древо. Такой вражды мы не боимся.

Маггия развернула Реверанса и толкнула меж лопаток. Он пошел впереди — тонкая черточка на фоне расширяющегося вместе с дорогой двухэтажного шествия. И первым ступил на Круг Торкена, — площадь, на которой гнезилось Великое Оно. Реверанс шел один, позади него тяжело ползла волна Первенцев. Она наплывала на Круг со всех сторон.

С красной плитки поднималась ключьями пыль. Вместе с ее песчинками в ноздри стремились мириады плесневых спор. Первенцы надели маски. Один из зункулов нацепил маску и Реверансу. Они вступали к подножию Великого Оно.

О нем следует рассказать особо.

Дух Одинокого мира не всегда экспериментировал только с животными. Многие молодые светозвери проходили период увлечения нетрадиционными разумными видами. «В бездну галактики этих млекопитающих», — говорили они. — «Я не пойду на поводу у поп-увлечений», — предупреждал себя каждый.

В результате Дух планеты получал смущающие указания. Очень часто ему приходилось работать с растениями, насекомыми, кристаллами или слизью. Некоторые светозвери-подростки со странными жизненными позициями увлекались разумными океанами.

Чаще всего эти артефакты юношеского максимализма и бунтарских настроений окончательно исчезали после первого миллиарда нерестов. Светозвери, утомленные флегматичностью разумных скал, возвращались к старой доброй формуле «шерсть-молоко-пальцы».

Алиот никогда не гордился творениями своей молодости. Первенцы его давно не радовали. Разумные звери повымерли.

А ведь оставалось еще Оно.

Люди называли Это плесенью.

И вот Плесенью-то Алиот гордился меньше всего. Говоря откровенно, он ее боялся и ненавидел. Сам того не ведая он вынудил Духа планеты создать себе практически непобедимого конкурента. Плесень была заинтересована в людях не меньше, чем светозверь, и не собиралась оставлять власть. Люди производили огромное количество побочной органики, которая плесени очень нравилась. Она обожала, например, хлеб, сыр и бумагу.

И трупы.

В Одиноком мире Алиота тела часто не разлагались. Они плесневели. Крохотные грибы

сжирали их.

Во время войн Древних королевств, до религии Зверя, Оно процветало. Вездесущая невидимая, плесень проникала в организмы, вооруженные мечами. И сталкивала их лбами. Поля прошедших битв — сытость, довольствие, инкубаторы.

В какой-то момент Алиот понял, что если не вмешается, жадность Плесени оставит его наедине с корневищами хрена, — единственным растением, которое Плесень боялась.

Посоветовавшись с древними опытными светилами, Алиот нашел выход. За несколько сот нерестов он перестроил свой организм так, чтобы в его сиянии появилось особое излучение, которое угнетало Плесень. Поля, покрытые лишаями бледных нитей, барашками гнилостной зелени, вспухающими ульями спор, — были очищены. Разумность Плесени стремительно падала.

Жалкие культуры ее попрятались в сырых углах.

А то, что осталось от некогда всепланетного разума, укрылось под защитой купола Первенцев, заплатив хозяевам Торкена постоянной возможностью наблюдать за людьми через споры. И, даже, частично управлять ими как в старые-добрые времена.

Так появилось Великое Оно.

Реверанс остановился, приглушенно сопя под маской. Над ним довлела коническая морда гигантской гуманоидной рептилии. Она сидела, скрестив ноги, собрав горбом острые позвонки хребта. Закованная в уродливые цепи, стянутая обручами, вплавленными в пол. Когда-то давно она ходила по миру, свободная и богоподобная, поздние расы — насекомые — зарывались под землю, чтобы не оскорблять ее взгляда. Континент принадлежал таким, как она.

Принадлежал.

Великое Оно медленно сжирало ее. Рептилия неподвижно таяла под толстой шкурой бледно-зеленых нитей. Словно пуховые острова, взбирались по ней наслоения Плесени. Грузными цветами набухали споровые камеры. С невидимого подбородка свисла узловатая борода голубоватой поросли.

Рептилия постоянно регенерировала. Великое Оно постоянно питалось. Плесень паразитировала не только в теле, но и в разуме божественного существа. Когда-то между ними шел нешуточный бой сознаний.

— Ранняя раса здесь, Великое Оно! — грянул коллективный голос Первенцев.

Реверанс вздрогнул и поглядел вверх. Рептилия, не открывая глаз, подняла морду.

— Мы требуем исполнения обязательств, — продолжали Первенцы. — Глядящее и слышащее. Понимающее безмерно. Когда ты слушаешь мир, мы — молчим. Когда говорим — ты слушаешь. И мы говорим, потому, что пришло время нам говорить, а миру — молчать, потому что нельзя нам не говорить...

— Да... Да-да-да. Заткнитесь. Каждый раз вы приходите ко мне с этим. Неужели нельзя просто повесить тут колокольчик?

Голос Великого Оно рискованно было бы описывать с точки зрения человеческих привычек. Понятия тона, тембра и высоты относились к нему точно так же, как тугоплавкость и прочность относятся к воде. Если при разговоре с Великим Оно встать на одну ногу, склониться чуток влево и забросить правую руку за голову, выставив вперед указательный и средний палец, можно заметить, что жираф в четверг завтракает ножницами. Великое Оно говорило за счет законов, которые жителям Одинокого мира еще только предстояло узнать. Поэтому главным правилом в общении с Плесенью было: не

слишком задумываться над тем, как тебе удастся понимать колонию крохотных грибов.

— Что на этот раз? — рептилия обнажила янтарные пузыри глаз.

— Пыл людей нужно направить на прополку последних корней язычества. Мы просим лишь помочь завершению нашего грандиозного плана.

— Как я устало от этих одинаковых желаний. От вашей беспомощности.

Рептилия загремела цепями.

— Великое Оно, не забывайся, — заволновались Первенцы.

— А вы не тормозите меня понапрасну. Наберитесь терпения, боязливые туши. Просто скажите мне, кого именно я должно обратиться.

— Несомненно, Великое Оно, но у нас есть еще одно дело, которое требует рассмотрения.

Реверанс швырнуло вперед, вплотную к ногам рептилии. Та скосила на него правый глаз.

— Что это? — спросило Великое Оно подавшись вперед.

— Предатель.

— И кого же он предал?

— Самого себя. Потому что нам навредить не мог и не сможет.

Пока Первенцы рассказывали Великому Оно о преступлении Реверанса, рептилия неотрывно следила за ним. Смотритель видел свое расплывающееся отражение в острых переходах янтарного оттенка. И ему чудилось, — он не хотел и не собирался верить, — понимание. Реверанс, чувствуя нарастающее волнение, почти ужас, понял, что Великое Оно похвалило его.

Рептилия кивнула.

— Ты... — прошептал Реверанс.

— Это болезнь, — сказала Великое Оно. — Ты болен, Реверанс. Разве это предательство? Нет. Твой иммунитет просто не смог сопротивляться инородной правде. Какая неожиданная слабость для первенца... Сочувствие. Вы определенно паршивите. Разжирели, забросили свой город, да еще и начинаете сочувствовать конкурентам. Долго вам не протянуть.

— Довольно! Мы можем в любой момент поменять плотность купола!

— Конечно, можете. А еще вы, наверняка, можете следить за всем миром одновременно без моей помощи. Что же вы хотите сделать с беднягой Реверансом, высокие Первенцы?

— Мы хотим, чтобы ты решило его судьбу, великое Оно

Рептилия покачнулась — Великое Оно думало. Бесформенные пальцы глухо стучали по плитке. Реверанс приготовился к худшему.

— Пусть так. Реверанс, тебе есть что сказать, перед вынесением приговора?

— Не слова предателю! — зашипели Первенцы.

— Тишина! — оборвало их Великое Оно. — Каждый ранний имеет право на последнее слово. Так сказано в ваших собственных законах. Реверанс?

— Да, — ответил зодчий, стараясь говорить ровно. — Мне есть, что сказать вам, Первенцы! Вы называете меня предателем. Это так, я не только якшался с людьми, которые вам так отвратительны, я еще и проникся их мерзостью. Гораздо сильнее, чем думал. Почему? Наверное, потому, что их жизнь гораздо правдивей, чем ваша. Я размышлял над тем, откуда взялась ненависть к Поздней расе. Что ее породило? Какое вам дело до них, поднебесным владыкам магии? Откуда этот постоянный страх перед вторжением? Ведь

люди ни разу не пытались пойти на Торкен. Ни разу их армии не подходили к нему. И только потом сообразил, что вы стали заложниками собственного ужаса перед возмездием, которое заслуживаете. Я уверен, что когда все начиналось, вы даже помыслить не могли, что люди всерьез поднимутся против Зверей. И не только поднимутся, но и одержат верх. Несгибаемое человечество одолело их. Именно из-за вас окончилась эра разумных животных. После этого вы уже не могли остановиться, вам мерещились армии мстителей, которые идут к Торкену, чтобы снять ваши головы. В конце концов, вы опустились до Авторитета. До самой извращенной формы притеснения человечества. И вот теперь ваш страх оправдан. Теперь люди несомненно отомстят вам, когда иго падет! Рано или поздно. И даже тогда у вас будет время раскаяться, пока континент свободных Королевств не обратит на вас внимание. У вас будет гораздо больше времени, чем вы дали им, чтобы научиться жить в мире. Я все сказал.

Великое Оно в последний раз взглянуло на зрителя.

— Реверанс не должен быть убит. Не должен быть унижен, превратившись в зункула. Он невиновен в своей слабости, а потому, вмешательства в его тело и разум недопустимы. Так гласят ваши законы. Для вас он теперь чужак. Пропавший брат, о котором можно забыть. Мое решение: изгнать Реверанса из Торкена.

Такова была драма одного первенца. Ранняя раса объясняла Великому Оно как привести к покорности остатки сопротивления. Великое Оно ворчал и подыскивало мрачные оскорбления. А Реверанс летел вниз со сложенными на груди руками. Лицо его было совершенно спокойно, а кровь спеклась на улыбке. Он быстро приблизился к флегматичным водам озера Слеза.

И вот его силуэт уже заскользил по зеркалу воды, а кашляющие пузырями рыбы от испуга наметали икры, как вдруг... Вода поднялась вверх, стремясь заполнить вакуум, который еще секунду назад был бывшим зрителем Сада Первенцев.

Уже через несколько дней тощая фигура в дорогой одежде с меховым клобуком шла по улицам одной из провинции Авторитета, внимательно разглядывая старые вывески. Остановилась.

«Феиалиал ВсеАвторитетной (по всему Авторитету) Денежной Житницы №омер 34» — гласила интересующая фигуру вывеска.

Нечистая совесть учит быть предусмотрительным. Это ее бесспорный плюс.

Весенними дождями проходили, один за другим, нересты. И вот уже в дебрях Живущего леса мало кому известный Престон Имара От'Крипп нырнул в ров Миркона и не выплыл. Авторитет размеренно существовал, неподвижный и смердящий в своем застое. А Соленые варвары готовились к третьему походу на материк.

Выпустив Торкен из поля зрения, мы вновь возвращаемся к нему и видим, что в одном Реверанс ошибся. Город все-таки изменился.

— ...было самым неправильным решением за всю историю! Надо было убить его сразу после предательства!

— Бе-а-а-к!

— Вы сами решили отдать мне его. А я поступило так, как сочло нужным. Мне Реверанс никак не угрожает.

— Если он развалит Авторитет...

— Бе-ка-кек!

— ...захватчики придут сюда. Думаешь, люди оставят жизнь такому существу как ты?

Гигантский силуэт затрясся.

Мигнули желтые глаза почти неразличимые в клубах пыли и спор. Эта эта мгла теперь расползлась по всему Торкену.

Великое Оно смеялось.

Если б в бесконечности вселенной существовал предел возможному, то смех плесени находился бы примерно за несколько миллионов световых лет за этим пределом. Во всей мультиреальности это был единственный зарегистрированный случай. Плесень смеялась в первый раз за все бесславную историю своего существования.

— Бек-к!

Перед ней сбились в кучу зункулы. Они постоянно кашляли и чихали. Тряслись от холода. Сверху на них падала хлопьями копоть и грязь. Зункулы отряхивали уши, стараясь не уронить кристаллические блюда, которые держали на себе проекции Первенцев. От каждой Доминаты пришло по одному зункулу, поэтому перед Великим оно сейчас робела толпа из сорока шести рабов, освещенная неярким огнем переносных фонарей. Между зункулами бродили давно разморозившиеся козлы и другие животные, которые смогли выжить. Зукулы пинали их, но зверью это только льстило.

— Чему ты смеешься?!

На кристаллических блюдах можно было различить руины лиц и развалины тел. Первенцы, наверное, давно бы избавились от неудобных туловищ, если б не были такими консервативными и хоть раз попробовали перевернуться с боку на бок самостоятельно.

— Я смеюсь за вас, Первенцы, — ответило Великое Оно, не прекратив свое уханье. Смех продолжал ломаться и бурлить на фоне. — Потому что вы уже давно не способны сами это сделать. А вам следовало бы. Это единственный для вас способ сопротивляться надвигающемуся концу. Вы, кажется, спросили, не отберут ли люди мою жизнь? Я не в их власти. Единственное, чем я рискую, так это остатками своего разума. Этим полусном, в котором я застряло. А вот вы... Бежать вам некуда. Да, мир немного побурлит и перестанет. Кто-то исчезнет, кто-то останется. И какое мне до этого дело?

— Не злорадствуй! — уязвлено воскликнули Первенцы. — И не пытайся сделать вид, что тебе безразличен мир снаружи. У тебя был период расцвета, ты должно помнить свободную жизнь. Нам нужна твоя помощь. Насолишь светозверю? Тебе ведь это нравится.

— О, как правдивы Первенцы, — смех не стихал. — Это и впрямь моя последняя радость. Немного расстроить родителя. Потоптать его посевы. Его немилость так ограничило мое дружелюбное стремление быть ближе к людям, накрывать их одеялом послесмертия.

— Так ты будешь помогать или нет? Помни, купол...

Смех прекратился.

— Я помню. Хватит пугать меня. Ваш блеф сейчас жалок как никогда. Я предано Торкену, помню и ценю его помощь. Да, я помогу вам. Но сделать это будет непросто.

— Что для этого нужно? — немедленно спросили Первенцы.

Что для этого нужно? Великое Оно знало ответ. Как мудро было отпустить Реверанса. Его жизнь окупилась с неожиданной прибылью. Всего лишь предположение, слабая надежда Великого Оно оправдалась. Хороший предатель. Сделал все, что обещал. И так быстро, в рамках той бесконечности, в которую растянулся закат Плесени. Два раза Первенцы

справлялись своими силами. Два раза Великое Оно чувствовало себя обманутым. Но не теперь. Теперь Ранним придется...

— Отдать мне канал магии Троегорья. Вы знаете, я угасаю, и моих сил не хватит, чтобы бросить все население Авторитета на бой с армией Реверанса. А без этого не будет победы.

Первенцы изумленно загомонили.

— Ты злобная сила, которая в былые времена оспаривала власть Светозверя, — гремело под куполом. — Сколько неистраченной ненависти в тебе накопилось. И ты хочешь, что бы мы передали тебе такое могущество? Ты считаешь, что мы настолько отчаялись?

— Быть может, и нет, — качнуло головой Великое Оно. — Пожалуй, я верю в это. Есть некоторые вещи, которые вы не видите в своих Доминатах. Например, весь окружающий мир. В ваших фантазиях нет воинств Соленых варваров и порядком одряхлевшего Авторитета. Так можно жить. Жить, раз за разом побеждая призрак Реверанса, не рискуя собой. Жить до того момента, пока вас не проткнут мечами в реальности. И в реальности вы возродиться не сможете.

Ранние надолго замолчали.

— Ты понимаешь, — спросили они, — что, если выйдешь за рамки дозволенного, светозверь оскорбится? Возможно, нападет на нас.

— Он не сможет, — возразило Великое Оно. — Поймите, наконец, вы сидите на таком мощном источнике магии, который может заставить светозверя...

Раскаиваться!

— ...стать более чутким к вашим проблемам. Эта безразличная тварь висит там, взирая на мир как на обеденный стол, не желая знать, что ее дети могут чувствовать. Что у них есть собственная точка зрения на происходящее и своя правда. Взгляните на меня. Я было изгнано просто потому, что у Отца не было желания меня понять. Так же как у него не будет желания понять вас. Так стоит ли вам беречь его покой? Отдайте мне канал, и я клянусь, что Реверанс будет повержен, а Светозверь не тронет вас.

После этих слов Ранние замолчали почти на целый день.

Когда решение было принято, голодные и продрогшие до костей зункулы поковыляли домой. Они брели по осколкам стеклянной дороги, разбитой корнями разросшихся древ и молодым подлеском. Купол скрежетал над ними, непривычные сквозняки пробирали до костей. Памятникам поклонялся мох, они скрывались в лианах. За зункулами следовала живность. Были тут и хищники, но они не смели напасть на великих братьев, которых видели раз в поколение.

Врата Доминат открывались, на мгновенье разрезая мрак полосками света. Через минуту тьма снова смыкалась, словно вода.

Животные еще долго сидели перед дворцами, пытаясь вспомнить свое славное прошлое. На это у них уже не хватало разума, но капелька крови, та, что осталась от Первых, тревожила.

Потом и они разошлись.

Первенцы не ослабели и не разучились колдовать. Их жизням, — как было всегда — ничего не угрожало. Они могли за полчаса восстановить Торкен и вернуть ему неповторимое благолепие. Перворожденные лишь позабыли о нем, как о чем-то второстепенном, неотъемлемом и потускневшем. Так же как они позабыли, а точнее

извратили, свою святую обязанность: созидать.

Теперь они не заслуживали жертвы размером с континент. Так считал Реверанс. Читатель, однако может рассудить иначе, сказав, что Авторетет и есть венец творения Ранних, достойный уважения. Великий дар Поздней расе, которая страдала в хаотичной эпохе Королевств, эпохе беззакония, культа силы и ярости.

И в этом есть свой смысл.

Господин Премус Болтус был потомственным сыроваром. Все его предки без исключения занимались сыроварением, — фамильное древо Болтусов было желтым и пористым.

Это являлось чем-то вроде родового проклятия.

Те еретики, которые осмеливались бросить, предначертанные еще первым пещерным Болтусам, тазики с киснувшим козьим молоком, непременно проигрывали судьбе. Так, например, прапрадед Премуса хотел быть жокеем, но почти сразу же упал с лошади и сломал ногу, хотя на своей ферме мог проскакать лигу с закрытыми глазами. После этого он пробовался в ветеринары, грузчики, трубочисты, мойщики окон, сапожники и даже пытался удержаться на должности испытателя алхимических новинок. Но сырное проклятье ломало ему кости одну за другой. Когда стало очевидно, что следующей может хрустнуть шея, прапрадед Премуса понуро просунул голову обратно в хомут сыроварения.

Отец Премуса тоже пытался разорвать сырные чары и устроился в подмастерья к кузнецу. Но ему хватило одного единственного предупреждения. В первую же неделю корова мастера околела от того, что ее вымя превратилась в дозатор сырного соуса.

Раньше такого еще не бывало.

Эволюция Болтусов дошла до того, что молоко вокруг них начало киснуть и сворачиваться быстрее, чем успевало в первый раз брызнуть в ведро.

— «Запомни, сынок», — говорил Отец маленькому Премусу. — Мы не можем противиться сыру. Я пытался, и посмотри, к чему это привело. Ты никогда теперь не сможешь завести себе комнатную коровку, Премус... Прости меня. Прости.»

Премус Болтус вырос с воспоминаниями о том, как его отец рыдал, запершись в цеху. Вырос и стал самым влиятельным сыроваром Авторитета. Продукцию его фирмы «Болтус-Сыр», жаловали в самом Гротеске.

Сейчас Премус сидел в своем кабинете, листал иллюстрированный альманах профессий и одновременно ненавидел сыр. Среди Болтусов это было довольно распространенное занятие. Фамильное хобби.

В дверь боязливо постучали, а потом кто-то задышал в замочную скважину. Премус не ответил, он жадно вчитывался в статью о наборе в школу свинопасов.

Стук-стук-стук?

«...набор проходит каждую весну, сразу после окончания Тьмы. Поступающему необходимо знать технические характеристики свиньи. Уметь на взгляд определить пол, кастрировать кабанчиков и находить безопасные скопления грязи...»

Стук? Стук-стук?

— Господин Болтус, сэр, — проскулила замочная скважина.

— Что тебе, Игорь? — стараясь не отвлекаться от статьи и ненависти к сыру, спросил Премус.

— Сэр, кое-что случилось в хранилище плесневых сыров.

— Крысы?

— Нет, сэр.

— Те вежливые тараканы из-под Акта Мудрейших?

— Уж лучше бы они, сэр. Мы не совсем понимаем, что происходит. Вам бы взглянуть самому. Вы ведь... лучший специалист во всем Авторитете. Кажется, случилось нечто ужасное.

Премус вздохнул и с сожалением отложил альманах. Сыр, однако же, можно было ненавидеть и на ходу. За дверью Премуса ждал его первый заместитель, Игорь. С лицом первого заместителя происходили странные метаморфозы. Он пытался улыбнуться своему боссу, но ужас немедленно комкал улыбку, и все начиналось сначала.

— Сыр...

— Что с ним?

— Кажется, он чем-то... э-э-э... недоволен, сэр.

Премус вздохнул и вернулся в кабинет. Там он достал из железного ящика на стене спиртовой огнемёт сайской работы и поспешил, не дожидаясь Игоря, вниз, в подвалы. Мимо пугливо перешептывающихся рабочих, мимо воющих сторожевых псов, мимо клокочущих чанов размером с хижину.

Рано или поздно это должно было произойти. Сыр сделал Болтусов одной из богатейших семей во всем Одиноком мире. И сделал это не просто так. Отец предупреждал Премуса, что однажды сыр может заговорить с ним. Потребовать что-то взамен. И к этому нужно быть готовым.

Болонь со спиртом тяжело подпрыгивали за спиной.

Готовый ко всему, он ворвался в хранилище плесневых сыров и...

Некоторое время Премус не шевелился, словно боялся раствориться во влажном пурпурном сиянии, которое заливало хранилище. Сырные головы светились как приглушенные фонари. Между ними еле слышно передавались шепотки. Неясные, пугающие, вызывающие табуны мурашек.

— Сыр? — неуверенно позвал Премус, прищурился.

«долж...страдан...пр...заш...озверь».

— Чего ты хочешь?

«уничто...сжечь...евы».

— Но...

«Стереть все живое... ца...неты».

— Послушай, а это не слишком? — воскликнул Премус. — Я хочу сказать, что... Ну это сложновато. И к чему тогда были все наши старания? Давай обсудим это. Может мне начать добавлять что-нибудь в тебя? Как насчет бекона, а? Что скажешь? Или грибов? У меня давно эта идея из головы не выходит.

Но пока он говорил, что-то наполняло его как бутылку, от самого доньшка — вверх, пока это самое «что-то» не сказало «плюх» у самого горла.

Премус надолго замолчал, а потом произнес, падая в руки переселившихся страх рабочих:

— Сыр хочет погубить светозверя!

И зарыдал, не слушая утешений.

Автор Сару вздрогнул и выронил из рук державу и скипетр.

Квадратный нос дернулся вправо и вверх, под ноздрями скользнула кровь. Автор повел

перед собой освободившимися руками, а потом прижал ладони к глазам и застонал.

— ...и в этот недобрый час, час темных предсказаний и враждебного горизонта, нам как никогда ранее нужно сплотиться... — внятно говорил суфлер, прячась за сплошным ограждением балкона.

Сару, задержав дыхание от накатившей головной боли, кренился влево.

— И в этот недобрый час, — повторил суфлер, все еще глядя в свою бумажку. — Мой Автор, я неразборчиво говорю? И. В. Этот. Недобрый... — тут он наконец-то поднял глаза, и упал на задницу от испуга. — О, Первый, у него кровь! Тэны, у Автора Кровь!

Сзади послышалось шевеление. Справа от Сару встал человек и помахал рукой куда-то вперед.

— Вот змей, действительно кровь! Четвертый, убавь пока громкость. Пошлите за витаминками, немедленно! Мой Автор, вы слышите меня? — Сару отстранился от горячего шепота над ухом. — Вы можете продолжать? Сейчас нельзя останавливаться. Народ боится слухов. Ваша слабость вызовет еще большие волнения, прошу вас.

Не слишком понимая, чего от него хотят, Сару отнял ладони от глаз и навалился на кого-то стоящего позади. Перед ним таяли морозные узоры — образы знакомые и одновременно молчаливые, словно утренние сны по пробуждению. Оставался свет. И беспокойное ощущение позабытого решения. Сотен решений. Одинаково важных и судьбоносных.

— Медлить нельзя, — шептал суфлер, бледный как разбавленное молоко. — Нужно срочно что-то сказать, тогда еще можно будет обыграть все как торжественную паузу перед заключительным словом.

Кто-то слева сунул Автору державу и скипетр, а потом вытер кровь кружевным платочком.

— Мой Автор, — снова зашептал человек справа. — Вы можете собрать волю в кулак и сказать твердым голосом «все будет хорошо?».

— Ты спятил? — накинулись на него слева. — Какое еще к змею «все будет хорошо»? У нас тут триста тысяч перепуганных мещан, а не съезд плаксивых школьниц!

— А что тут скажешь за две секунды?! — оправдывался Правый. — Хорошо, если Автора на это хватит.

Сару тем временем уже начал различать цвета, в основном бесхитростно-серый оттенок толпы. Огромной толпы. Немыслимой толпы. На каждую плиточку Площади Автора перед Гротеском приходилось по два, а то и по три лица, — люди теснились на пределе. Они покрывали живой шкурой улицы, казалось, до самого горизонта. Улицы, крыши, даже стены, на которых были натянуты канаты и висели самодельные леса. Слово опять высыпали телегах, киосках и двухуровневых повозках. Целая туманность со звездами лиц. И взгляды неразличимых глаз направлены в одну точку.

Оглушенный, не помнящий ничего кроме последних пяти минут, Автор, тем не менее, почувствовал, что вся эта библейская толпа действительно ждет от него Слова. Ему немедленно, во что бы то ни стало нужно что-то сказать, ибо страх, идущий снизу, холодил пятки как лед со дна могилы. Но что сказать, Сару понятия не имел.

У него подкосились ноги.

— Ну, много вам еще надо?! — злобно спросил Правый, поддерживая за руку. — Может что-нибудь из Инкунабулы Зверя? Страниц двадцать из середины! Держитесь, мой Автор, умоляю.

— А что, я думаю «все будет хорошо», это неплохой вариант, — заметили сзади. — Очень интимно и доверительно. По-семейному.

— Да, — поддержали его. — Золотая середина между «нормально» и «отлично». И так ведь ясно, что уж «отлично»-то никак не получится, а «нормально» — это не для великого Авторитета.

— А может сказать что-нибудь вроде «скрепите сердца свои и чужие, и найдите мужества в глазах тех, кто вам дорог»? — несмело предложил кто-то.

— Нет, ну уж это действительно чужь, — укорили новатора. — Скриптер, у тебя совсем не выходит импровизировать. И что это значит вообще, «найти мужества в глазах»? За такое даже поэтам морды бьют.

— Ради Первого, быстрее, — взмолился суфлер.

— Ну что, значит сошлись на «все будет хорошо»? — уточнил Правый.

— Идиоты проклятые, чтоб вас змеи жрали, — сказал Левый.

— Тогда все, — кивнул Правый. — Вы готовы мой Автор? «Все будет хорошо». Сможете?

Сару сообразил, что обращаются к нему и пискнул:

— Я... Да, наверное.

— Четвертый, на счет три включай громкость на максимум.

— Х-хорошо.

— Раз-два-трии-и-и-и-начали!

Сару оцепенел на несколько секунд, но потом олимпийским усилием выпрямился и прогрохотал на половину Гиганы:

— ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО!!!

Испугавшись громкости своего заявления, он замолчал. Замолчала и толпа. В наступившей тишине было слышно, как лезвия срезают с поясов кожаные кошель. Где-то заплакал ребенок. Страх, поднимающийся снизу, сменился чем-то крайне напоминающим изумление.

— Не сработало, — схватился за голову суфлер. — Они не ликуют! Нужно что-то еще!

Сару посмотрел на него с сожалением. Не дожидаясь новых обсуждений, он добавил:

— И СПАСИБО, ЧТО ПРИШЛИ!!!

Перед ним упала плотная занавесь, и автора сразу уложили в роскошную золотую каталку, больше похожую на таран для легко окованных ворот. Над ним склонилась черная борода тэна Вульгрика.

— Все будет хорошо, мой Автор вот увидите, — проворковал он. — Отличная концовочка получилась.

— Первый, да заткнись ты уже, — рывкнул тэн Валенс, нависая с другой стороны острым подбородком. — Простите нас за эту чепуху, мой Автор. Четвертый, прикажи всем свободным маггам устроить снаружи представление. Чтобы побольше дохлых варваров и поменьше цензуры. И марш, марш, греметь должен!

Ему ответили кивком шляпы.

Вокруг автора метались важные люди, одолевая его однообразной заботой. Вместо запятых у них было пресмыкательство, вместо точек — поклоны. Автор глядел на них, чувствуя неловкость, и кивал, раздумывая, когда же кто-нибудь догадается забрать у него скипетр и державу. Наконец, к нему на коленях подполз хранитель в церемониальном тряпье и, чуть не зарывав, забрал все атрибуты. От этого Сару смутился окончательно и закутался с

головой в изнуриительно великолепное покрывало.

Сару помчали в Акт Здоровья.

Там его поместили в личную палату, удручающе роскошно и сложно обставленную, с тем расчетом, чтоб в ней не стыдно было умереть. Квадратный нос Сару торчал из подушки лебяжьего пуха как монолит. Каждый порошок и микстуру ему подносила отдельная сестра милосердия, а еще четверо нежно втирали в тело целебные мази. Его обследовали Верховный витамин и двое из Мудрейших. Все они сошлись во мнении, что в организме Автора что-то изменилось, но в деталях оказались ограничены.

Сару мечтал, чтобы его просто оставили в покое, и сообщал об этом из недр подушки.

Скормив ему еще немного тертых редкостей и сушеных диковинок, витамин прописали сон, покой и фруктовые соки. После этого они ушли из палаты вместе с девушками, хотя насчет девушек Сару сомневался до последнего.

Минуты через две после этого в Акт Здоровья доставили весь кабинет тэнов и половину значимых чиновников Гротеска. Всех их, немногим позже Автора, сломил тот же недуг при тех же симптомах: носовые кровотечения, обширная амнезия и склонность отвечать на вопросы таинственными междометиями. Тихий ужас посетил Гротеск, застывший в ожидании невиданной эпидемии Забыванки. Это же касалось и самого Четвертого.

Сару ничего этого не знал. Он крепко спал, а когда проснулся, отвратительное настроение сообщило ему о том, что память вернулась.

Наполняясь душевным равновесием, Сару перебирал свои воспоминания, силясь понять, не пропало ли чего, пока он употреблял измельченные надпочечники и пил настойки на мизинцах. Пробираясь в прошлое, Автор все больше погружался в тоску. По колено увязая в общих картинах и шарахаясь от подробностей, Сару не мог поверить своему сознанию. Двадцать нерестов однообразных решений. Необъяснимых и, по-своему, чудовищных.

Сразившись с тяжелым и нестерпимо прекрасным покрывалом, Сару выкарабкался из перины, и перевалился на пол. Сидя на полу, он залпом осушил кувшин яблочного сока, отшвырнул его прочь и вскочил на ноги. Мерцая во тьме бледными лодыжками, добежал до двери и прислушался к тому, что происходило за ней.

Через секунду он, как полночный демон в пижаме, вырвался из своей палаты, напугав до визга дежурных сиделок, и вывернулся из заботливых рук личной охраны. Автор несся по мирным коридорам, шлепая голыми пятками. Чувствуя за собой погоню, Сару перехватил случайного витамина, и сжал его кадык прихваченным со стойки пинцетом. Его подданные остановились, готовые подыграть любому капризу. Они были уверены, что их Автор величественно сошел с ума и теперь властно безумствует.

— Ниц! — хрипло заорал Сару. — Всем ниц, я сказал, иначе урежу жалованья!

Слуги и охранники с готовностью нырнули в белый плиточный пол, почти синхронно ударившись лбами. Сару оттолкнул витамин в общую кучу почитания и сказал:

— Я в полном порядке. В полном. Не надо за мной следовать, — добавил он, отходя к выходу во внутренний двор.

И скрылся в ночи.

Через пятнадцать минут светодара в фонаре с инвентарным номером 42 настигло немислимое счастье — его с головой завалили углем. Откормленный 42-ой полыхал как сжатый в кулак рассвет. Отгоняя этим сиянием карликовых летучих кошек, и распугивая пауков, Автор спускался в подземелья Гротеска. Каменная лестница вела вниз, в мрачные глубины. Под ногами кто-то пищал. Почти членораздельно. В связи с этим Автор старался

поднимать ступни повыше, чтобы не разорвать паутину. Это было бы чревато. Еще тщательнее он старался не смотреть вниз. Это, конечно, было временной мерой. Неподалеку находился фундамент акта Мудрейших, поэтому в самих катакомбах можно было встретить крысиный хвост несколько поворотов ведущий к хозяйке. Или таракана, крайне недовольного тем, что последние двадцать нерестов он никак не может протиснуться в вентиляционное отверстие.

Тараканы.

Автор поежился. Что может быть омерзительнее этих бессмертных насекомых?

Сару отвлекся и почувствовал ногой сопротивление. Что-то тихонько тренькнуло.

Пауки заверещали.

— Извините, я не нарочно. Seriously, больше не повторится.

Извиняясь через каждые несколько ступеней, Автор мчался вперед. Он понимал, что поступает недальновидно. Подземелья Гротеска были местом почти легендарным. Свободным, едва подконтрольным. Благородная власть верхнего Гротеска не снисходила до них. Чем выше в свое время поднималась великая твердыня, тем меньше здесь оставалось людей.

Нормальных людей.

Сейчас в системе катакомб обитали городские мифы, племена пожизненных заключенных и таинственных «работников месяца». Незабвенные крысы, пауки и мокрицы. Тараканы, — Сару снова поежился. Слухи так же рассказывали о некоем чемпионе, помешанном на летучих кошках.

И это лишь то, что подлежало хоть какой-то классификации. Нечисти более разношерстной и неприкаянной здесь было столько, что слово «недальновидно» в случае Сару, было, пожалуй, вовсе неуместно.

Спускаясь в это сумрачное царство без охраны, он поступал по-идиотски. Однако, Сару был слишком возбужден и напуган подозрениями в собственной вселенской убудочности, чтобы тратить время на сборы.

По стенам из крупного буро-красного кирпича пробежали тени старых канделябров, под ногами рассыпалась в пыль истлевшая ковровая дорожка. Мимо проплывала непроницаемая тьма боковых коридоров. Угрюмо догнивала какая-то ветошь, останки цивилизованного быта хрустели под ногами. Плесень светилась в углах и что-то нашептывала. Наверное, это было нормально. Сару шел, держась ближе к стене, ориентируясь по надписям указателей.

Впереди, на границе света, мелькнула изломанная тень, рывком умчалась в неизвестность.

«Начинается», — кисло подумал Сару.

Он поплотнее натянул теплый парик, вытер вспотевшие ладони о дублет и вытянул из ножен меч. Пошел вперед, стараясь не нарушать боевую стойку. Выглядело это так, словно краба измучили суставы.

Через несколько хвостов свет обнажил большую стеклянную бутылку. Она была перевернута и вставлена горлом в каменное основание, из которого торчал медный краник. Возле этого сооружения бесновалась недавняя тень. Согнутое четверо существо в штопаной рубашке помойного цвета, изодранных по колено брюках, и ботинках без подошв, обмотанных бечевой. Вытянутый череп с редким пробором окружала рамка для портретов, закрепленная на шее проволочным каркасом.

«Работник месяца!» — изумленно подумал Автор. За всю свою жизнь ему доводилось

видеть представителей этого презираемого племени всего дважды. Один раз он не вовремя заглянул в канализационный люк. После чего, нереста через два поприбывал на рабочем собрании Гротеска. Собственно, там работник месяца был еще нормальным человеком, его как раз награждали этим званием и вручали ценный приз за два профиля. До этого момента Автору не доводилось видеть, как человек седеет и сохнет прямо на глазах.

Да, чужая ненависть ранит и уродует. А работников месяца ненавидели все. Возможно, в Гротеске вообще никто бы не работал, чтобы не навлечь на себя проклятье, если б не широкий штат надзирателей, которых номинировать было запрещено.

Несчастный, тем временем, весь извелся. Он с неисчерпаемой решимостью бросался на краник, скрежеща по нему разноцветными зубами. Желтыми, серыми, бурыми, черными. Был даже один зеленый как салат. Очевидно, работник месяца стремился добыть воду, но бутылка была пуста, причем так давно, что вроде бы успела запылиться даже изнутри. Существо это не смущало, скрипел вентиль, скрежетали зубы. Даже свет фонаря его совершенно не беспокоил.

Утомленный этой бессмысленной возней, Автор отважно заметил:

— Она пуста.

Существо замерло. Сару подумал, что так замирают обычно перед прыжком на добычу и приготовился к кровавой бойне. Работник месяца медленно обернулся, показав глаза: мраморные блюдца, расчерченные черными полосами. Внизу его рамки крупными буквами было написано «Купер В.»

— Я знаю, — сказал Купер В. обычным человеческим голосом. — Всякий раз как открываются помойные заглушки, мы отправляем наверх послание с просьбой прислать к нам курьера с водой. Мы делаем это вот уже двести восемьдесят два нереста. В нересте четырехста двенадцать дней. Заглушки открывают каждые два дня. Путем нехитрых арифметических расчетов, можно обнаружить, что мы посылали запрос уже пятьдесят восемь тысяч девяносто два раза.

— Это возмутительно, — согласился Сару. — А как именно вы отправляете заявку? Есть ведь определенные правила подачи.

— Ну... Мы пишем заявки грязью на спинах больших сороконожек, — признался Купер В. — Наверное в этом все дело.

— Скорее всего, — сдержано подтвердил Автор. — Жаль, что большие сороконожки так всех раздражают.

И тут же пожалел о том, что ляпнул это.

— Не берите в голову, — махнул рукой Купер В., произведя при этом столько побочных движений, что, казалось, его скелет за это мгновенье несколько раз перестроился. — Вообще-то мы берем воду в стоках, как и все остальные. Оттуда даже Человек Летучая Кошка пьет, и ничего, не морщиться. Но эти бутылки... Это такая славная традиция. Они остаются частью нашего мира. Мы, может быть, и наполнили бы бутылку сами, но не смеем беспокоить целостность механизма. Только адепт службы доставки может сделать это.

Работник месяца грезил. Бледное лицо обмякло, рот упоенно раскрылся. Сару решил обойти его и отправиться дальше. Откровенно говоря, ему совсем не понравилось то, как Купер В. грыз краник. Автор вполне мог представить свою лодыжку в роли медной трубки. Но только он ступил вперед, как работник месяца дрогнул, поймал его взглядом, и сказал:

— Прошу прощения, не догадался узнать: кто вы?

Сару несколько не удивился. В конце концов, какое кому здесь дело до личности

Автора осененного, если даже чемпион хлебает из сточных вод? И это определено к лучшему, иначе кое-кому могло бы прийти в голову взять кое-кого в заложники, чтобы заполучить не только новую бутылку воды, но и кофеварку в офис. А ведь ни одна старуха-кофеварка не заслуживает такой участи, какой бы паршивый кофе она не варила. Остаток жизни провести с работниками месяца. Хотя, они-то ведь тоже ни в чем не виноваты и заслуживают сочувствия.

Сару вздохнул, понимая, что со всеми жертвами обстоятельств ему сейчас не разобраться и нужно двигаться дальше.

— Я... Дело в том, что меня отправили в хранилище государственных документов, поднять кое-какие архивы.

— Да ну что ты-ы-ы? — протянул работник месяца, покачав головой внутри своей рамки. — Сильно же ты проштрафился, должно быть, раз тебя так озадачили. Туда нерестов триста никто сверху не заходил, бумаги просто спускали сверху по желобам. В хранилище ведь заправляет Шыш. Ты хоть знаешь Шыша?

— Да, слышал о нем, — небрежно бросил Сару. Внутри его стянуло льдом. Очень захотелось вернуться назад и сделать все как полагается: что б со свитой и взводом мастеров оружия. Но нет, ноги назад не пойдут. — Церковь Зверя не охотиться за ним, а он взамен работает в архиве. Сортирует и хранит бумаги. Пускает посетителей.

— Вот-вот, — забеспокоился Купер В. — Только Шыш сам решает кто посетитель, а кто — нарушитель. К нему иногда забредают заключенные, так обратно никто еще не вернулся. Нужен солидный уровень доступа. Чтоб тебя хватились, если пропадешь. Ну и, конечно, Шыш должен об этом знать.

— Хватятся, — уверенно пообещал Автор.

Маленькая записочка. Неужели даже на это не хватило благоразумности? Эти ослы будут лазить по всему Гротеску, оттягивая поход в подземелье до избрания следующего Автора. Маленькая записочка, оставленная на каком-нибудь видном месте. Например, приколоченная ко лбу капитана стражи.

— Как бы то ни было, — мрачно добавил он, — я должен добыть эти бумаги.

— Понимаю, — искренне посочувствовал Купер В. — Я тоже знаю, что такое начальство и с чем оно ест своих подчиненных. Как твое имя, друг?

Сару скосил глаза на лампу.

— Э-э... Жуковски. Свет Жуковски.

— Позволь мне помочь тебе Свет, — вызвался Купер В. — Во имя богини Солидарности, я провожу тебя. На пути к хранилищу произошло несколько обвалов. Нужно знать обходные пути.

Сару подозревал, что сможет заблудиться в этих местах даже с нитью Ариадны. Плутать от завала к завалу ему не хотелось.

Под перестук костяшек, Купер В. несся вперед, подскакивая как раненый фазан. Сару старался не отставать и следить за окрестностями. Чем глубже в катакомбы они погружались, тем чаще свет заставлял кого-то срываться с места, унося во тьму клетот и взрывывания. Несколько раз им приходилось пересекать шумные канализационные стремнины. Не поступившись отвагой проходить по хлипким мостам над звенящими паделями.

Сару замечал на стенах примитивные рисунки, изображающие охоту людей на крыс. Добыча была раза в четыре больше любого их охотников. Встречались территориальные манифесты заключенных, высеченные в самом камне.

— Кстати, а где сейчас племена? — спросил Сару.

Им на пути встречались заброшенные стоянки, следы от кострищ и выгоревшие факелы.

— Ушли на запад, — ответил Купер В. с завистью. — Как только Тьма близко — они мигрируют. Там теплее.

— Там сезонная бойлерная, — догадался Сару.

— И моксиры жирнее и мягче, — с грустью добавил работник Месяца.

Сару вдруг остановился.

Вернулся на несколько шагов назад, и снова пошел вперед, читая объявление, растянутое хвостом на пятнадцать большими корявыми буквами. Объявление, написанное чем-то, крайне похожим на... нечистоты.

«Спасая людей, за еду. Пабиждаю, некатырых зладеев,!!(черипа-убицу-всех не предлагать). За, еду, опять. По пятницам — нет. Спросить, человека-летучую-кошку?».

Это душераздирающее резюме, судя по всему, было рассчитано на статистическую аномалию. Нормальный человек должен был спуститься сюда, томимый желанием помочь другу или свергнуть злодея с черного трона (только не черипа-убицу-всех), прочитать это объявление и возликовать. При этом в кармане у него обязательно должна была быть котлетка или, хотя бы, булочка с повидлом. Ах да, еще ему нужно было найти того, кто мог бы ответить на вопрос в конце объявления.

Сару нащупал в кармане кулек деликатесных профитролей, захваченный впопыхах, и почувствовал себя статистической аномалией.

— Ты знаешь, где его найти? — нерешительно спросил он.

— Кого? — удивился Купер В.

— Ну, этого... Человека-летучую-кошку.

— Знаю. Только его сейчас нет. Ночь. Он патрулирует город. Ну, во всяком случае, пока достаточно трезв. Утром арбитры обычно сбрасывают его в стоки, и он приплывает обратно. Можем подождать, если у тебя есть время. У меня найдется несколько незаполненных бланков, развлечемся.

— Нет, — отрезал Сару. — Ждать мы не можем. Придется справляться с самим.

— А, ты все об этом, — понял Купер В. — Не робей. Раз на раз не приходится. Иногда даже Шыш бывает сыт.

Им пришлось миновать еще не один поворот. На цыпочках миновать стаю спящих затерянных сантехников. И отбиться от какого-то агрессивного гоблина, вооруженного сортирным ершиком.

Наконец, Купер В. остановился. Остановился он потому, что влетел головой во что-то железное и отлетел назад как каучуковая пробка.

— Ай-а-а-а, — всхлипнул он.

— Все в порядке? — спросил Сару.

— Пустяки, — работник месяца поправил свою рамку и подался вперед. Свет фонаря вполз вверх по железным воротам. — Что это такое? Откуда? Тут раньше ничего такого не было. Был тоннель до самого хранилища.

Ворота были странные, их инородность бросалась в глаза. Во-первых, они были чистые, да не просто чистые, а надраены, как церемониальная броня. Они не кренились и не косились в стороны, стояли прямо, — кинжала не просунуть между створками. И, что хуже всего, были заперты, хотя почти все замки в катакомбах были давно взломаны.

Над воротами зажглись газовые фонари. Это была четвертая, отчетливо беспокоящая

странность.

— Кто мог их поставить?

— Только Шыш, больше некому. Здесь его территория.

— Выхода нет, — мрачно резюмировал Сару.

— Что будешь делать?

— Постучу.

— Вот так просто?

— Предложи что-нибудь свое.

Купер В. предложил.

Укрывшись за какой-то дощатой ветошью, они принялись бросать в ворота камушки. Но за звонкими ударами ничего не следовало. Тогда Сару отыскал выпавший из стены кирпич, и, крикнув от напряжения, швырнул его. Еще до того, как снаряд попал в цель, Автор нырнул в укрытие, и они с Купером В. затаились.

Газовые фонари мигнули. Послышался резкий шелест. Сару выглянул и заметил на воротах смотровую щель. Секунды четыре некто осматривал пространство перед вратами, — шелестящий звук повторился.

— Итак, мы узнали, что Шыш дома, — безрадостно сказал Сару.

— И что на шум не выбегает охрана.

— Теперь пойдем и постучимся по-настоящему.

Он прокрались к воротам. Сару осенил себя Жестом Первого и сказал:

— Стучу на счет три. Раз... Два...

В этот момент амбразура снова открылась.

— Три... — выдохнул Сару, глядя в темный прямоугольник.

Тьма молча оиждала. Купер В. ткнул Сару кулаком в бедро.

— Я сверху, — среагировал тот, лихорадочно подбирая слова. — Из Гротеска. Важный работник с важным поручением. Меня послали найти важные документа, требующиеся для рассмотрения очень важного дела, которое требует безотлагательного рассмотрения в важных...

Неизвестно какого накала важности Сару мог бы достичь в своей вступительной речи, если бы его не прервала закрывшаяся задвижка. Купер В. открыл было рот, но и его перебил глухой лязг последовательно открывающихся засовов и замков. Створки ворот медленно поползли внутрь. За ними никого не было, неосвещенный коридор оканчивался далеко впереди пятнышком света.

Сару хотел посветить вперед, но Купер В. схватил его за руку и выразительно покачал головой.

— Пойдешь со мной? — спросил Сару. — А то мне как-то не по себе.

— У меня нет никаких дел в хранилище, — напомнил Купер В. — Меня сочтут нарушителем.

— Ты со мной. Вот и все. Я вступлюсь за тебя. Сделаешь вид, что помогаешь мне.

Купер В. подумал немного и кивнул.

Они вошли внутрь, и зашагали к желтому пятачку. Позади грохнуло, замки закрылись в обратной последовательности. В тоннеле было тепло и приятно пахло букетом мягких растительных ароматов. Сару то и дело цеплял головой веники сухих трав, мешочки с апельсиновыми корками и связки освежителей воздуха в виде елочек. Под ногами ничего не скрипело, не лопалось и не хрустело. Звуки шагов поглощало что-то мягкое, вроде

ворсистого ковра. Над гостями чувствовалось быстрое, прерывистое движение, выдающее себя шуршанием и редкими перепевами старых романсов. Сару изо всех сил вглядывался в темноту, но увидеть так ничего и не смог.

— Что там такое? — шепотом спросил он у Купера В., который явно видел больше.

— Не волнуйся, это просто люди Шыша, — ответил тот вполголоса. — Ну, не совсем, конечно, люди. Даже вовсе не люди. Но Шыша.

— Они враждебны? — уточнил Сару, стараясь не волноваться.

— Нет. Просто наблюдают. Ты бы лучше положил меч на землю. Это, конечно не тапок, но без него будет гораздо безопаснее, чем с ним, поверь мне.

Скрипнув зубами, Сару снял оружие с пояса и положил перед собой. Их мгновенно окружило непонятное шевеление, — Сару успел заметить свое оружие, мелькнувшее между елочек.

«Спасибо за мир, его не хватало,

По горло нам войн, но смерти все мало».

— Слышал? — раздался довольный голос Купера В.

— К сожалению, да, — кисло подтвердил Сару

Его уже начинало подташнивать.

Перед тем как пересечь границу темноты, Сару не выдержал, зажмурился. Под ноги тут же бросилось что-то мягкое, Автор запнулся, но не упал бы, если б не Купер В. Тот пытался помочь ему, хватая за ноги.

Сару перевернулся на спину и открыл глаза. Над ним высокий потолок светил подозрительно знакомыми люстрами. Сару готов был поклясться, что видел точно такие же в бальном зале Гротеска.

Усы плавно качнулись, словно привлекая к себе внимание.

Ах да, усы. Темно-красные антенны, похожие на удилица для ловли русалок. Нижняя часть лица Купера В. рядом выглядела так, словно работник месяца не дышал с прошлого нереста.

— С кем имею честь?

Это было сплошное шипение, которое меняло тональность, чтобы высвистывать слова. Услышав его, Сару понял, что сейчас было бы уместно забиться в истерике. Встать с безопасного пола не хотелось. Ковер был мягкий. Поза — проверенная.

Уязвленный нелепостью происходящего, он, тем не менее, поднялся и принял властную осанку. Купер В. ткнул его кулаком в бедро. Сару, избегая лишних движений, повернулся.

Зубы его сжались как медвежий капкан. Где-то в районе горла объявился желудок.

С точки зрения Сару об Шыше можно было сказать всего две вещи. Во-первых — он существовал. Во-вторых — находился рядом. Все остальное было несущественно.

Шыш, очевидно, являлся одним из немногих выживших перворожденных Зверей. Был разумен и крайне умен. Вид его был сообразен таракану, с тем лишь условием, что владыку отличали признаки власти и положения. Кольцевые сегменты его овального брюха покрывали древние барельефы. Высеченные на рубиновом хитине, они рассказывали о древности, о том, как первые тараканы заполнили чужое пространство. Очень много было сказано про несправедливый геноцид и вечные гонения со стороны людей.

Массивное оголовье Шыша искрилось черным воротником жесткой шерсти, выпукло мерцал знак бесконечности. Меньше всего Сару старался обращать внимание на прямоугольный щиток головы, цвета немытой плахи. Там было слишком много того, чем

тараканы поглощают пищу и корона иглообразных рогов.

В конце концов, Сару мог бы еще отметить размер. Ему очень не нравилось то, что таракан может случайным движением лапы опрокинуть телегу.

Все это было неправильно.

Особенно то, как странно Шыш смотрелся на фоне лакированных шкафов, которые расчерчивали все хранилища кварталами данных и улицами архивов. Владыка тараканов величественно возвышался перед ними, попирая самодельный пьедестал, собранный из разных частей мебели. Сару снова поймал себя на мысли о том, что многое в этом троне ему знакомо. Например, ножки от кресла из Кабинета тэнов.

Яблочный сок взбурлил почти у самой глотки. Император тараканов все еще ждал ответа.

— Я уже говорил, — Сару глубоко вздохнул, и сглотнул горькую слюну. — Там. У ворот.

— Мне кажется. Вы не назвали. Ни имен, ни чина. Вид ваш не говорит. О том, что вы хотите. Поработать с документами. Нет при вас. Ни пера, ни бумаги. А этот так вообще. Пария.

Купер В. спрятался за коленями Автора.

— Меня зовут...

— Спокойнее, спокойнее, — Шыш сделал утешающий жест передними лапами. Глаза Сару полезли из орбит. — Так бывает. Это пройдет. Думайте о приятном. О щенятах и котятках. Кришп! Шыст! — на его зов явились два черных молодца размером с кошку. — Принесите гостю таз. Стул. Кувшин воды и то. Полотенце с гербом. Зеленое из. Ванной Автора.

— Буа-а-а-а!

Шыш присвистнул.

— Да, — сказал он. — Таз уже не надо. Или надо?

Утираясь рукавом дублета, Сару вяло покачал головой.

— Надо же, какая интересная. Меня посетила идея. Алексей, Сергей! А вы найдите-ка Мне рисунки Николая.

Еще два таракана умчались в боковые помещения хранилища. Пять других отогнали Автора от его бардака и принялись затирать пятно тряпками и щеточками. Пахнуло хлоркой и травами.

Под Сару тем временем подставили стул. Он с треском обрушился на него и обнаружил, что перед ним уже стоят: золотой кувшин с минеральной водой и серебряное блюдо с полотенцем.

Полотенце было то самое.

Зеленое.

С гербом.

Сару довольно долго его искал с помощью армии слуг. Мало того, он узнал и кувшин, и блюдо.

— Ого, вот это вода! — восторженно прошептал рядом Купер В. — Я такую даже наверху не всегда видел. Можно мне попить?

Сару не ответил. Укрепившись в своем подозрении, он внимательно обозревал окрестности. Маленькие картины, цветочные горшки с бумажными растениями, небольшие статуи, сплошной пестрый ковер, сшитый из разных половиков и дорожек, даже шторы на

вентиляционных отдушниках и проходах — все это он уже видел раньше в Гротеске. Тут были личные вещи многих людей, как заметных, так и не очень. Автор не мог не узнать чучело рыбы-гармошки, которая нерест назад пропала у тэна Власа.

В этот момент Сару поклялся себе, что если выберется отсюда, то переедет из своих мучительно роскошных хором в крохотную комнатку, где каждый уголок, каждая вещь будут у него на виду. Он лично замажет все щели и запустит в комнату шгук двадцать гекконов. Они тоже будут ползать по стенам, но, во всяком случае, не станут красть полотенца.

Шыш, листавший принесенные ему наброски, сказал:

— Да. Все верно. Я оказался вовлечен. В таинственную историю. Сам Автор вдруг Пришел в мой дом. Один. Забыв про охрану. Единственный. Кому вдруг понадобились. Письменные свидетельства. Авторитета. Зачем?

— Слушай сюда, Шыш, — произнес Сару голосом человека, который только что убедился, что добро не всегда побеждает зло, — слушай и запоминай. Ты проявил проницательность, подходящую для своей должности. Ты понял, кто перед тобой сидит. Я — Сару Гин от'Генон. Осененный Автор. По твоему же выбору — твой господин. Хозяин твоего убежища и всего континента. Я пришел сюда, чтобы найти подшивки своих указов, накопленных за все время правления. Причины этого до конца не ясны мне самому, так что просто найди названные документы и не задавай лишних вопросов. И побыстрее.

Сказал и попытался набычиться.

Шыш ничего не ответил на это. Хранилище зашуршало. Отовсюду повылазили усы. Они торчали из-под ковра, выглядывали из ящиков, выползали из-за картин и занавесок. Тысячи воинственно-напряженных усов приготовились к атаке.

Сару никогда не везло в покер.

Сохраняя выражение лица решительным, а позу — каменной, Автор грустил про себя, что послушался Купера В. и оставил меч в коридоре. Меч — это и вправду не тапок, но лучше, чем ничего.

Усы начали шевелиться и увеличиваться.

— Нет, — сказал вдруг Шыш.

Усы недоверчиво замерли.

— Уходите, — приказал он. — Автор прав. И имеет право. На пренебреж. Ительный тон.

Усы покорно втянулись в укрытия. Хлопнули ящики. Качнулись картины. Опасность миновала. Рядом с Сару кто-то быстро и жадно задышал.

— Кто мы такие. В конце концов.

Посвистывал Шыш, тяжело сползая со своего пьедестала. Делал он это осторожно и аккуратно, давая рассмотреть каждое свое нелегкое движение. Под париком Сару один за другим седели волосы.

— Чтобы узнавать. Мысли Автора. Наперед него самого.

И засвистел быстро и отрывисто, давая понять, что инцидент исчерпан. А может быть, что узнавание мыслей все-таки имело место. И не раз.

— Кшуш, Ссыс. Возьмите с собой. Еще пятерых и. Принесите в рабо. Чий кабинет Желтые папки. Из ящиков номер. Двенадцать, сорок. И сорок два.

Он встал к Сару боком и сказал:

— Пойдемте, мой. Автор. Вам доставят. Все, что вы. Приказали.

Сару поднялся, потрепал пробор Купера В., и взял его за руку. Вместе они последовали за Шышом в лабиринт изгнанной информации. Сначала Сару хотел идти чуть позади, но вид покачивающихся церок, золотых от колец, вынудил его поднажать и занять позицию справа по борту владыки тараканов.

Не пылинки вокруг, — думал Автор. Зеркальные от полировки шкафы, выметенный ковер, покрытые белилами стены. И никаких признаков сырости или плесени. Нигде ничего не валяется, все лежит на своих местах. Он вспомнил тараканов, которые бросились за ним убирать. Поразительно.

— Чувствую. Озадаченность.

Шыш поощрительно свистнул.

— У меня вправду есть вопрос, — признался Сару.

— Спрашивайте, мой. Автор. Спрашивайте.

— Почему тут так...

— Чисто?

— Не хотел бы никого обидеть.

— Пустое. Мне понятно. Ваше недоумение. Я тоже не хочу. Никого обидеть. Но все дело. В человеческой. Ограниченности. Вы слишком зависимы. От своих привычек. И хуже всего. Когда знания. Из которых выра. Стают эти. Привычки, ошибочны. Послушайте, я. Развею один. Из популярных. Мифов. Люди почти сразу. Начали замечать. Что тараканы появ. Ляются там. Где царит грязь. Бардак, неустроенность. Это правда. Мы селимся в. Таких местах. Но вовсе не за тем. Чтобы пировать. В обедках и. Разносить болезни. Раньше когда. Все тараканы. Были больше меня...

Сару замаскировал вопль в удивленное восклицание.

...Мы жили при. Домах великих. Зверей. Следили за порядком. Чистотой и ухоженностью. Да. Именно так. Мы появляемся в грязи, чтобы убрать ее! — Шыш глубоко вдохнул и помолчал немного. — Мы были хранител. Ями чистоты. Славным народом. Мы и сейчас такие. Но нынешние размеры. Не дают исполнять. Наш долг так же. Стремительно. Подолгу мы возимся. На грязных кухнях. В пыльных чуланах. И людям кажется. Что мы просто паразиты. И нарушители. Уюта. Убивают нас миллион. Ами, считая. Что оберегают. Себя от еще. Большого хаоса. Хотя все совсем. Не так. Совсем не так.

Шыш подавлено замолчал. Его скорбь, тихое уныние, чувствовались на расстоянии. Не зная, что сказать, порядком ошарашенный Сару поджал губы и поглядел на Купера В. ковыляющего рядом. Тот указал глазами на печального таракана.

— Утешь его... — шепнул он едва слышно.

— Что? — почти неразличимо воскликнул Сару сквозь поджатые губы.

— Я говорю, скажи что-нибудь бодрящее.

— Что я должен сказать? Я тоже их убивал.

— Самое время извинится.

Сару задумался над словами, которые могли бы утешить двухметрового говорящего таракана из прошлого.

— Ну-ну... — пробормотал он. — Не стоит так переживать из-за людей. Нам многое невдомек. Лучше относиться к нам как к неизбежному злу. В конце концов, пока мы есть, бездельничать вам не придется. И вы здорово справляетесь, серьезно. Каждый раз, утром, люди во всем Авторитете замечают, что их кухни стали чище. А сколько настойчивости. Со всеми этими подливками и крошащимся хлебом, удивительно, что вы до сих пор не махнули

на нас... лапой.

— Вы, правда, так. Думаете? — удивленно спросил Шыш.

— Ну, конечно. Все будет хорошо.

Сару пересилил себя и похлопал ладонью по хитину.

— Спасибо, — поблагодарил таракан, смущенно потеревив на ходу ус. — Это неожиданная. И очень приятная. Поддержка. Вот мы и пришли. Кстати.

В центре хранилища была оборудована небольшая площадка для изучения документов. Стандартные писчие столы, офисные стулья и стеклянная бутылка, застрявшая в привычном каменном основании с медным краником.

Бутылка была полной.

— Х-га-а! — просипел Купер В.

— Иди, иди, — разрешил Сару.

Перед поилкой тут же стартовал какой-то языческий обряд.

— Все документы. На центральном. Столе.

Шыш указал лапой на кипы желтых папок освещенных светодаром в стеклянном шаре.

— Вам еще что. Нибудь нужно?

Сару посмотрел по сторонам.

— А, какого змея, принесите мне кофе, сколько найдете.

— Со сливками? Сахар?

— Без сахара и сливок. Просто ядреного кофе с гущей на полчашки.

— Руш, Шхас. Кофе из кухонь. Автора.

Следующие пять часов, Сару провел над пыльными пергаменатами. Прихлебывая кофе из собственных кухонь, он в какой-то момент поперхнулся им и больше не вспоминал о чайнике. Холодея от ужаса, не успевая чихать, он пролистывал страницы, переламывая ветхую желтизну, бросая прочитанное рядом со стулом. Бумаги эти тут же исчезали, кофе оставался горячим, — Сару не обращал на это внимания. Его голова становилось все легче и легче, у переносицы показались слезы. *Сотни тысяч тон утопленного зерна, негласные моратории на развитие науки, десятки тысяч ликвидированных ученых, которые позиционировались как сектанты и преступники. Грандиозные акции по распространению невежества, ограниченности и пассивности. Обнищание культуры. У Акта Искусств даже нет своего тэна. Только министр-овощ, который сливает все финансирование на Почти Легальную Арену.*

Это было невероятно. Совершенно необъяснимо. И жутко.

И все это сделал он. Подписи. Печати. Память.

Сару отшвырнул от себя папки и зашептал:

— Спокойно, спокойно, надо подумать. Надо решить все... Шу-у-уш!

— Да, мой Автор, — таракан выглянул из-за шкафов.

— Пусть принесут мне такие же архивы, но от предыдущих Авторов!

Одержимо потроша новые подвязки, Сару не знал, чего боится больше: того, что сможет защититься или что останется один... Он смог защититься. Они все занимались тем же самым. Душили Авторитет. Разлагали культуру и сгущали кровь. Сару взвыл:

— Шыш! Стонерестовые планы развития Авторитета! Их должно быть ровно пять!

— Точно так, мой. Автор.

Сару принесли пять драгоценных свитков в платиновых футлярах. Сару открывал их один за другим в порядке хронологической очереди, и тут же отбрасывал, становясь все

бледнее. На третьем он не выдержал, схватился сразу за последний, и рывком открыл его. Лицо его приобрело оттенок лягушачьего брюха.

Белый, совершенно пустой пергамент. А внизу его печать и подпись.

— Не может быть... — умоляюще простонал он. — Почему мы это делали? И почему я только сейчас понял, ЧТО мы делали?

Он с размаху ударил по столу кулаком. Кофейник опрокинулся, по белоснежной бумаге хлынули черные струи. Сару поднял рассеянный взгляд и увидел Шыша, застывшего напротив.

— Вы и вправду. Сожалеете?

— Да! — Автор выскочил из-за стола. — Если уж пять веков переливания из пустого в порожнее в масштабах целого материка не достойны сожаления, тогда что достойно?!

— Потрясающе.

— Неужели?!

— И вы никак не. Можете себя оправ. Дать?

— Раньше у меня это получалось, — Сару сорвал парик, и забросил его на ближайший шкаф. — Да, я помню, но не могу понять: как? Что-то во мне считало эту гнусь привычным ходом истории!

— А теперь, это «что-то»...

— Исчезло, — воскликнул Автор, яростно ероша собственные волосы. — Все встало на свои места. Я — монстр. Авторитет — в дерьме. И все, кто были до меня — монстры.

— Значит, первенцам. Худо.

Шыш скрестил усы.

— Что? — замер Сару. — А они здесь причем?

— Сядьте, мой. Автор, — посоветовал Шыш. — Сядьте и послушайте. Что я могу рассказать.

Сару поднял кресло и сел в него, смущенно глядя на таракана.

— Всего я не знаю, — продолжал тот. — В основном, могу. Лишь догадываться...

Отрывистое повествование таракана, ложилось кирпичиками предложений в сознание Автора. Таракан не щадил его. Не скрывал ни одной своей теории, подкрепляя все неоспоримыми фактами и многоперестовыми размышлениями. Его подданные принесли дневники, в которых Шыш замечал древней клинописью свои наблюдения. Эти наблюдения сопровождали все историю Авторитета и ясно давали понять:

— Первенцы правили вами.

Сару казалось, что он не чувствует ничего ниже шеи. Только мерцающую боль внутри черепа. Такое нельзя узнавать вот так сразу. Нужны месяцы подготовки, крошечных порций информации и подозрений.

— Почему ты рассказал это мне? — спросил он, что бы проверить, не отнялся ли у него еще язык и способность соображать. — Вы ведь должны быть заодно с ними...

— Кто это «мы»? — усмехнулся Шыш. — Перворожденные звери? «Нас» давно уже. Нет. Остались единицы. И у каждого теперь. Есть только «Я». Думаем за себя. Я желаю зла Первенцам. Я не устану. Ненавидеть их. За то, что они. Стравили зверей. С людьми. Это из-за них! Тараканы немощны. И гонимы.

Сару медленно поднялся, подошел и взял притихшего Купера В. за руку.

— Спасибо тебе, Шыш, — сказал Автор. — Теперь мне нужно идти. Обдумать все. Понять, что нужно делать дальше. Я боюсь. Думаешь, власть Первенцев может вернуться?

Что с ними случилось? Не стану ли я завтра таким же, каким был вчера?

— На эти вопросы. У меня нет ответа.

— Понимаю.

— Я провожу вас. До выхода. Там вам вернут ваш меч... И парик.

Возвращаясь назад, знакомыми тоннелями, Сару молчал, глядя на бредущего впереди работника месяца. Тот не стал задавать ему вопросов. Когда за ними закрылись ворота, Купер В. лишь глубоко поклонился Сару, и повел его за собой.

Задача Автора была необъятна, но он, во всяком случае, знал, с чего начнет: направит в подземелья курьеров с запасом минеральной воды и отменит проклятый титул.

Глава 13. Неожиданная оттепель

«От излишнего загара кожи, или, пуще, обгорания той, хорошо помогает топленый жир дьявольского хомяка (ДХ). Возьмите понемногу жира ДХ и еще воска (можно нечистого). Смешайте в пропорциях два к одному и быстро нанесите на голую кожу, пока не раздумали. Смесь зело вонюча и подобна тухлеце».

Из брошюры «Советы отдыхающим на курортах Песчаного Солнца».

Рем Тан'Тарен вздрогнул и приоткрыл правый глаз. Посол Менады стояла над ним, выражая неодобрение нижней губой. Ее шея, вытянутая от постоянного ношения тугих колец, сгорбилась.

Заметив, что Рем проснулся, но мешкает, она еще раз пнула его под ребра.

Рем вскочил со своей подстилки, скрученной из занавеси, сорванной в Лагуне Лилий. Почти четыре дня Рем внюхивался в этот запах, стараясь... фантазировать. С фантазией у него было туговато, поэтому сейчас он был болен и слаб, но не от последней степени воздержания, а от половодья воспоминаний, которое не смогли остановить рубиново-ляжечные грезы.

— Ты не уйдешь, да? — спросила Ирита.

Рем выразительно молчал.

Грандиозный праздник за стенами Истока продолжался уже трое суток. За это время Рем не сделал ровным счетом ничего, что могло бы считаться содомией или хотя бы излишеством. Если не считать одного-единственного печеного моржа и двух-трех пробных лилий, конечно. Высокомерно убедив всех, что намерен развлекаться без «свиты», Рем узнал у вождя Рики где находятся покои посла Менады. После этого он поселился под указанной дверью, украшенной тотемами Пятнистой касты.

— Только из уважения к твоей семье, — посол встала боком.

Рем скользнул внутрь помещения.

— Семье, к которой ты...

Рем со слабой улыбкой глядел на развернувшуюся перед ним шамму. Медово-желтую с черными пятнами пиктограмм. Посол заметила его улыбку и опустила картинно разведенные руки.

— Тебе ведь наплевать, — вздохнула Ирита, сокрушенно.

Взгремев бусами, посол поковыляла к маленькой самодельной кухоньке. Там было все, что необходимо менадинцу, чтобы приготовить пищу в полевых условиях. Несколько банок с порошком для изгнания поносного духа, набор кислотоустойчивых чашек, самонагревающийся котелок, молоток, пила, клещи и маленький аппарат для перегонки пота и мочи в нечто похожее на воду.

Разумеется, посла здесь обильно угощали. Но воин редко расстается с мечом, а колдун болезненно привязан к разного рода палкам. Можно весь день обедаться черной икрой и маринованными кальмарами, но если уж к вечеру пристанет погрызть копыто гураха, так хоть вой, хоть кляни. Рем по себе это знал.

Менадинцы обладали талантом поедать большую часть материального мира не от хорошей жизни. Сила земли изгнала с архипелага множество животных, которые свободно обитали на материке и Капиллярных островах. То, что осталось, выживало так решительно и

яростно, что со временем мясо животных Менады стало крайне похожим на то, что на большой земле называлось гранитом. Это же касалось всей съедобной растительности. Так, например, большой менадинский редис, если правильно его выдолбить и закалить, становился прекрасным огнеупорным котелком.

— На ритуалы, возможно, — сухо согласился Рем, усаживаясь на треугольный половик. Обстановка вокруг ублажала его. Он даже почувствовал менадинский эквивалент ностальгии: тошноту и желание поковыряться в зубах. Он с симпатией осматривал грубые полотнища, изрезанные линиями замысловатых узоров. Что они означали, знало лишь коллективное бессознательное всех менадинцев. То есть, никто.

Между ними висели сушеные гурахьи вымя, наполненные бродящими настояками. Смотанные в бухты коренья долговязого хрена. Пробки, минералы, ягоды, похожие на бульжники, сухари в черепах. Ловец Сновидений из связанных жилами рогов. Образцы того-другого. Плетеная мебель, кожаные свитки, волосяное лежбище. Засушенная, скобленная, полированная природа Менады.

Все это ради запахов.

Желтокожий народ ценил их за напоминание о жизни, ее приятном гастрономическом разнообразии. Во всяком случае, они пытались себя в этом убедить.

— Ритуалы... — фыркнула Ирита, щипая пальцами травы из желто-красного клубка. — Ты ерничаешь, мелкий ублюдок?

— Что вы, тетушка, как можно? — возмутился Рем.

— Да, лучше бы тебе этого не делать, — согласилась посол, прислушиваясь к бурлению внутри котелка. Бурлило именно так, как нужно. Ирита добавила в варево травы. — Мы до сих пор скорбим по Рому. Он занял место, которое «ритуалы» определили именно тебе.

— По-моему, он был готов к этому куда больше, чем я, — доброжелательно заметил Рем. — Кроме того, я был у мамы восьмым. Я с детства жил уверенный, что не стану последним. Она объявила о своем бесплодии за год до «ритуалов». У меня не было времени этому нарадоваться, клянусь Первым.

— Аш! — вскинулись плечи под шаммой. — Не смей поминать тут демона с большой земли! У тебя есть свои боги!

— О, сколько угодно, — согласился Рем. — Этих ребят столько, что хоть себя не помни. И каждый за что-нибудь отвечает, — захочешь сморкнуться и тут остерегайся ошибки в молитве. А Первый — он один. Все просто и понятно.

— И что же?! — охнула Ирита. — Что толку от одного идола, который должен за всем следить. Не сможет никогда. Да и развращает такая власть! Недалеко ему до демона.

— Возможно, — согласился Рем. — Я лишь хочу сказать, что память у меня вся забита хитростями. Нет места для Божества Сгибания Руки В Локте.

— А, что с тобой говорить о верности традициям, — снова сгорбилась Ирита. — Порченный. Одеваешься как...

— Не надо об этом, — попросил Рем сквозь зубы. — Это нечестно.

— Красть у петуха наряд, — вот уж нечестно, — хрипло засмеялась посол. — Убегать от родни, оставляя старшего брата в жертву Галифу вместо себя — и это нечестно. И приходить потом за помощью к человеку, который твоей семье почти родня — тоже, пожалуй, чести нет.

— Мы с совестью это давно обговорили, — подозрительно спокойно отвечал Рем. — Если целый народ предпочитает скармливать своих детишек проклятому чудищу, рассуждая,

что последние — самые плохонькие, глупенькие да нездоровенькие... Это вместо того, чтобы истребить монстра навсегда, сохранив жизнь десяткам тысяч. К змею! И вас, и вашего Галифа, и ваше понятие о чести!

Ирита, вопреки его ожиданиям, промолчала. Толкла что-то в маленькой ступе, да постукивала время от времени молотком.

— Вот, значит, как ты все это себе вообразил, — проговорила она, наконец. — Галиф — чудище? Сколько раз он помогал нам советом. Показывал источники воды. Выбирал хорошие места для городов...

— Надо же ему что-нибудь да жрать, — прервал ее Рем. — А с такой тушей попробуй-ка поохотиться хотя бы и на гурахов. Но не будем больше об этом. Стыдить у тебя не получается, уж извини. Ведь даже прошу-то вовсе не для себя. Для друга. Хорошего друга.

Лучшего друга, — подумал Рем. Мы с ним два сапога пара. Трусливые беженцы.

— Это, однако, не значит, что я должна помогать незнакомому долговязому, — хмыкнула Ирита, распиливая скорлупу какого-то яйца. — Наверняка такому же вору и лиходею, как ты!

— Нет, — возразил Рем задумчиво. — Он не лиходей. Он дурак, романтик и шут гороховый. Добряк. Слушай, тетушка, я о многом не прошу. Немного твоего шаманского колдовства. Я могу сидеть тут еще три дня.

Желтая шамма вздохнула.

— Что-нибудь, что поможет ему закрепить полочку для проблем.

— Что? — переспросила Ирита удивленно.

— Не обращая внимания.

— На вот, выпей! Это Мудрый Суп. Через него говорит с нами Дух мира. Он решит стоит ли помогать твоему другу.

Оглаживая ножом мрачную зеленоватую пену, Ирита передала пододвинувшемуся Рему готовую смесь в кислотоустойчивой плошке. Сухолюд, улыбнувшись до ушей, принял угощение и поднес его к лицу. Пахнуло родным, несъедобным, ядовитым, щелочным.

— Но сначала! — предупредила его Ирита. — Но сначала. Брось туда что-нибудь принадлежащее твоему... шуту гороховому.

Рем рассеянно похлопал себя по кармашкам свободной рукой. В пальцы попалась какая-то мелочевка: хрустальная коронка, которую Рем выбил Престону в самом начале их знакомства.

Он наклонил раскрытую ладонь в сторону плошки. Коронка держалась словно приклеенная. Рем перевернул ладонь ребром вниз, и зуб упал прямо в свежую пену.

Сухолюд едва удержался, не выронил зеленое пламя из рук. Ирита изумленно воскликнула, закрываясь желтой тканью. Рем терпел, щуря глаза, левую ладонь то обжигало, то холодило. Он отдернул ее, удерживая плошку железной правой.

— Ну! — прикрикнул он. — Уймись ты!

Зелье притихло, словно соглашаясь. Потом громко булькнуло и облегченно вздохнуло. Пена осела, обнажив молочную-белую жидкость. Рем посмотрел на Ириту. Та, выкатив белки, глядела на плошку поверх ткани.

— Тетушка, — позвал Рем.

Ему показалось, что он остался один.

— Тетушка Ирита!

Медные зрачки уставились на него.

— Мне уже можно пить?

— Не знаю, — был ответ. — Никогда такого не видела. За всю-то жизнь! И цвет странный. На свой страх и риск. Больше ничего не скажу.

Рем вздохнул. Семь бед — один ответ. Глотай и не думай. Призвав все силы своего анархизма, он приник к плошке. На вкус — обыкновенное топленое молоко. Рем удивился, потом что-то твердое скользнуло ему на язык. Он вздохнул и чуть не поперхнулся, перепугав Ириту.

Его обхватили жилистые руки, выбили воздух и легких. Железяка выскочила как снаряд и покатила по полу. Рем прокашлялся и подобрал ее.

— Эге, да это мне знакомо, — сказал он довольно. — Престон ромашками прорастет, когда увидит. Спасибо тетушка, запишите на свой счет еще одно чудо.

Ирита отползла от него как от чумного, и загасила таинство, все еще тлеющее в кухоньке.

— Убирайся прочь, — беззлобно ответила она. — От тебя одни проблемы, гиблое ты семя. Кто твой друг, если Мудрый Суп так себя повел?

— Я уже сказал.

— Значит не договорил! Дурак, романтик, шут гороховый и добряк... Кто еще? Чем владеет и что определяет, когда Дух мира так вступился за него?

— Тетушка, я его знаю как облупленного, — Рем поднялся. — Он даже свой пол с уверенностью определить не может. Не понимаю я, о чем вы говорите, и за Духа ответить не могу. На вкус ваше зелье было как обычное молоко.

Ирита внимательно смотрела на него. Проницала до самых пят.

— Ты не знаешь, — согласилась она, наконец. — Ладно. Не по тебе эти вопросы. Иди по добру, племяш.

Рем подошел к двери. Обернулся. Ирита уже успела разложить на ковре костяшки с гадальными рунами.

— Последний вопрос.

— Ну? — тетка перемешивала серые кругляши.

— Нейтралитет?

— Я тебе еще в Карантине сказала. Все сказала. Не прибавить, не убавить.

— До свиданья, тетушка.

— Проваливай. И приглядывай за своим другом!

Щелкнули створки.

Рем шел по коридору, намереваясь спуститься на уровень вниз. На пути ему встречались скорбные стражи. Рем заговаривал с ними, невзначай упоминая праздник и демонстративно отпивая из своей фляги с надписью «досуха!» на боку. Стражи глядели на него стекленеющими глазами, но Рем этого, казалось, не замечал. Во фляге у него четыре дня ничего не было, но на душе все равно, почему-то, становилось легче и веселее.

По пути он так же успел сползть в какое-то темное помещение, вырвал несколько светящихся угольков из таинственной панели. Покачался на кабеле, поменял местами пару штепселей, пальцем нарисовал на мерцающем экране свой профиль.

Придирчиво оценив гармонию светящихся линий, он покинул помещение. Справил малую нужду за каким-то гудящим обелиском, украшенным костями и бутонами подводных нарциссов.

Потом встретил блока Хтонида в компании пяти наложниц и дезориентированного

Вилла, который делал вид, что стоит без помощи девушек. Блок был серьезен и трезв, но не настолько, чтобы отказать в просьбе показать Марлея. У Рем дух захватило, когда широкая ладонь подняла его на три хвоста и слегка подбросила.

— Вижу! — хохотал Рем, подлетая еще на полтора хвоста и трогая пальцами холодный потолок. — Вижу Марлея!

Наглядевшись вдоволь, он похвалил праздник и уважительно отметил, что великий блок знает толк в военных советниках. Имея ввиду, конечно, обнаженных лилий и застрявшего в них Вилла. Хтонид поблагодарил его, сохраняя невозмутимость железорудной жилы. Рем криво улыбался, пока не понял, что ловить тут нечего. Лицо лидера Красных Касаток не взял бы и таран, не то что хилая шуточка.

Спускаясь вниз, он встретил процессию свежих лилий с кушаньями, которые направлялись в пиршественную залу. Сохраняя концентрацию, став другом воздушной стихии, Рем принялся их лапать. Молниеносными движениями, словно атакующая кобра. Пока вдруг звонко не получил по морде.

— А, Чешуйка, это ты, прелесть моя? — искренне обрадовался он.

Кира, глядя в пол, оправляла тогу в районе правого бедра.

— Такие синячки полезны, — утешил ее Рем.

— Я везде искала вас, господин Рем, — мрачно поведала Кира.

— Так бывает, — покивал тот. — Я не могу понять, где, но на моем теле точно есть надпись «сокровище». Подожди меня здесь, принцесса, я забегу к Вохрасу, а потом мы с тобой сходим куда-нибудь, где можно пить и есть, не вставая с мягкого. Ладушки?

— Вы знаете, где господин Вохрас?

Рем почувствовал, что его оттесняют к борту без абордажной сабли. Кира тяжело дышала ему в лоб.

— Скажите где он? Что с ним случилось? Ему плохо? Я могу что-нибудь сделать?

— Это что, Олечуч там только что выглянул из вентиляции? — озадаченно спросил Рем, выглядывая из-за плеча пахнущего персиком.

— Господин Рем!

— Он в секретном месте. Потерял кое-кого.

— Но как же... — Кира отошла и села прямо на пол цветастой сопкой. — Позвольте мне пойти с вами. Я хочу увидеть его. Я должна увидеть его!

Рем хихикнул.

— Меня послал отец, — смутилась Кира. — Он хочет видеть господина Вохраса.

— Вот оно как, — Рем подбрил кинжалом щетину на подбородке и внимательно оглядел лезвие. — Тогда пойдём. Один я его вряд ли растолкаю. Надо бы Олечуча найти.

Он повел Киру за собой. Та шла то справа, то слева, вздыхая и томясь. Рем, почувствовав наживу, принялся отпускать замечания вроде: «бедняга Вохрас», или «да, хрустнул старик», а то «шутит судьба, как палач с топорищем».

— Ух, и зараза же вы, господин Рем! — не выдержала Кира.

— Да, — самодовольно подтвердил сухолюд.

И тут же, без всякого перехода, пустился в туманные объяснения. Недоговаривая и сочиняя на ходу, однако, сберегая трагедию.

Рем, хоть и был хорошим рассказчиком, но чуткости и тонкой эмпатии ему не доставало. Он мог живо и красочно описать поножовщину в полутемном переулке или с

чувством передать хроники своих сексуальных одиссей. Слушали его всегда жадно и одобрительно. Как бы то ни было, три дня назад Престона не пытались зарезать или изнасиловать. Кроме того, та история, что Тан-Тарен рассказал Кире, по понятным причинам, сильно перевирала правду. Поэтому мы взглянем на личную трагедию Престона самостоятельно, незаметно, словно призраки.

— Что это с водой? Он что, кипит?

— Не волнуйтесь, почтенный Вохрас. Садитесь. Это всего лишь воздух.

— Так я не сварюсь?

— Ну что вы...

Престон недоверчиво склонился над бурлящим котлом. На дне, в толще бирюзового нестекла, он разглядел маленькие отверстия.

— Ага. Ну, хорошо.

Спуская ноги как багаж, Престон залез в котел и сразу же понял, что затея не удалась. Он всплывал и неуклюже ворочался, скользя мокрыми пальцами по бортику. Вода выбрасывала его как пробку.

— О, Первый... Вы не могли бы...

Лилия обняла его и прижала ко дну.

— Так лучше? — заботливо спросила она.

И сняла с себя последний лоскут тюленьей шкуры. Лоскут всплыл перед Престоном и отправился в сторону блюда с напитками и набором каких-то вытянутых предметов, вытесанных из кости.

Престон сообразил, зачем они нужны, и поплескал себе на лицо горячей водичкой.

— Вы уверены, что меня одной будет достаточно? — жарко спросили над ухом. — Может позвать еще двоих? Или троих? Мы крайне преуспели в групповых стилях. Проверьте, не пожалеете.

— Не стоит, — вяло улыбнулся Престон. — Спасибо, конечно, но не стоит. Кости и групповые занятия, это очень вежливо с вашей стороны. Я понимаю, что вы беспокоитесь на счет того, что я древний старик и... Могу быть не в форме. Это действительно так. Но знаете что? Я не расстраиваюсь, мне очень приятно ваше общество, и я намереваюсь просто посидеть тут. Тут спокойно и нет безумных тренировочных чучел, жрущих вселенную монстров, зацикленных на папаше принцесс, которые ищут кого-нибудь похожего на него. Здесь нет убийц на колесиках. Кого же еще? Ах да, кое-что новенькое. Жнецов-шпионов! Хотите сделать мне приятное?

— Все что прикажете, почтенный Вохрас, — сочувственно прошептала лилия.

— Тогда просто подержите меня у дна, чтобы я не всплывал, минут пятнадцать, а потом я пойду на массаж. И можете еще послушать о том, что я думаю о несовершенстве мира. Например, мне кажется, что мир мог бы быть ко мне чуточку доброжелательнее. Вот как вы, например. Я хочу сказать... Помните ту поговорку: то, что не убивает — делает нас сильнее? По-моему, все немного не так. То, что не убивает — калечит нас. Все больше и больше и...

Престон догадывался, что она не понимает ни слова, но был рад тому, как внимательно лилия выслушивает его неясные жалобы. Ему, пожалуй, стоило просто выговориться. Именно в таком положении: имея постороннего, но чуткого слушателя. Это было для него в новинку. Рем к этому времени давно бы уже брэнчал на мелоде и напевал что-нибудь кабацкое, в десять куплетов. Или стрелял по бутылкам. В общем, избегал бы интимного

общения.

Из-за пачули Престону нельзя было пить вино. Поднос с продолговатыми костями и напитками оставался нетронутым, но Престон, как ни странно, производил впечатление пьяного. Его взгляд стал всеобъемлющим, а ораторские жесты обмякли. Возможно, на него так подействовала исповедь, но Лилия забеспокоилась и вытащила его из котла. Ужаснулась. Вверенный ей колдун разбух чуть ли не вдвое, кожа его побелела. Престон напоминал разварившуюся клецку.

Это вызвало некоторые волнения в банном отсеке. Никому не хотелось навлечь на себя гнев Жреца.

Бедняге помог суровый лечащий массаж. От каждого прикосновения стотри-массажиста тело колдуна брызгало водой. Он выжал его досуха...

— Спасибо, — сказал Престон.

...и положил сушиться на полок.

Когда Имара оклемался, лекари порекомендовали ему отправиться в покои и отдохнуть. Но в покои Престон идти не пожелал. Вместо этого он сдался Кире. Она не застала его сушку, но была взволнована в два раза больше, чем все остальные, вместе взятые. Престон устал объяснять ей, что все обошлось благополучно, просто он положился на свое старое тело и прогадал.

— Простите меня, — лепетала она. — Я не могу найти в себе сил войти в банные комнаты, когда там так много людей. Много нагих... мужчин. Я бы обязательно помогла вам первой.

Престона это начало забавлять.

— Вот так просто ворвалась бы в мою котловую и принялась меня выжимать? Накого мужчину?

— Ах! Вы другое!

— Ну да, ну да.

— Вы — часть наших надежд, яркий символ! Вы выше моих странностей!

— Я понял. Спасибо. Не волнуйся так. Покажешь мне Исток?

— Я так надеялась, что вы спросите об этом. Пойдемте.

Престон почувствовал, что его робко взяли за руку. Возражать не стал. Это было приятно.

Пока Кира удивляет Престона искусственной природой, и тихонько млеет в его компании, мы, как и причитается призракам — рванем сквозь стены. Заглянем в воздушные трубы Истока, в хитросплетения его вентиляционной системы.

Олечуч ловко развернулся в широком стыке, скользнул вниз и замер.

Повиснув на переборке, вниз головой, как летучая кошка, он глядел нарисованными глазами вниз, в пропасть вертикальной кишки. Из нее, освещенной до самого дна сумрачной краснотой, поднимался знакомый запах. Олечуч почувствовал его почти сразу, как попал в вентиляцию. Хищно клекоча, он полз, угловато расставляя конечности, навстречу флюидам силы и уверенности, которые однажды не успел загасить.

Это был достойный противник (в молодости — бывалый мучитель манекенов), и Олечуч нетерпеливо клекотал. От злости и мрачной истерии его мучили припадки. Разум кишел воспоминаниями: одно отчаянье да страхи, тупая боль и беспомощность. Они прели,

язвились и затвердевали ненавистью. Наводя страх на жителей Истока, внезапными нападениями из решетчатых отдушин, он немного успокаивал себя.

Но этого было мало!

Мало!

Все так же вися вниз головой, Олечуч издал глубокий низкочастотный вой. Стены вентиляции завибрировали. Враг должен знать.

Кыкл-кыкл-кыкл...

Он обязан подготовиться!

Манекен, бешено хрипя, рванулся вниз — в свободный полет. Кроме перчаток, доспехов на нем не было, он упрятал их в надежном месте, сняв все, чтобы они не мешали и не гремели. Его тело покрывала кровавая лаковая роспись. Каша была надежно пришита к плечу. Набитая опилками Крикуша — к спине, с расправленными крыльями и обнаженным черепом.

У самого дна он резко вонзил черные когти в стены и почти сразу затормозил. Спрыгнул вниз и пополз дальше, напевая нескладно и отрывисто:

Режь ножом, проткни копьем,
Махни булавой, а после ногой!
Щелкни плетью, лязгни клетью,
Смени мне голову, за день — третью!
Славно измучено, все стерпит чучело.
Делай что хочешь, рви и терзай,
Шестом и мечом, главное знай:
Делай что хочешь, ударь — отойди,
Но никогда нам в глаза не смотри!

Кое-кому вскоре не поздоровиться. Поглядев на эту маленькую, но важную вставку, вернемся к Престону и более его не покинем.

Два дня Престон слонялся по Истоку со своей тетрадью, делая рисунки и что-то записывая в ней сутулыми каракулями. Он копировал планы, хитро выпытывал у стражей важную информацию вроде «ага», «нет» и «по той анфиладе, прямо и налево». Умело прячась от Киры в пальмовых рощицах и обманывая патрули незаинтересованным видом, он тщательно собирал информацию о внутреннем устройстве Истока, чтобы потом передать ее силам Авторитета.

Пригодилась отточенные навыки разведчика. И, иногда, вора. Престон скромно гордился тем, что даже в такой неподходящей физической форме, смог стащить десяток образцов варварских технологий. Это были, в основном, обломки плат и обрывки проводов, но Престону они казались столь же непостижимыми как «послезавтра» для бабочки. Престон прятал их в своих покоях, делая на каждом образце бирку с пометкой. Там он записывал, где был найден образец, и при каких обстоятельствах. Чаще всего там значилось «больш. неохраняемый ящик; прогулив».

На самых ценных его экземплярах, планшете для связи с Ревернасом и странной штукавине, выдувающей теплый воздух, он написал: «мои покои. предм. роскошь; обыск».

Так он скоротал время до самого начала праздника, рассчитанного на четыре дня

бесперывного кутежа и бражничества в понимании Соленых варваров. Это означало, что рабочий день будет урезан до четырех часов, а дощечки, дающие право на управление всеми видами моржей, станут временно недействительны.

Ну и, разумеется: поэтические вечера, спортивные многоборья, театральные зрелища, охота на глубинных монстров, моря водорослевого пива и горы полусырого мяса.

Перед началом пира к Престону заявился Рем в какой-то черной хламиде. Хламида была покрыта устрашающими рисунками черепов и отмечена некой надписью, похожей на нагромождение сучьев.

— На площади уже гуляют! — сообщил Рем чуть громче, чем погорелец, зажатый между огнем и высотой девятого этажа.

— Чего ж ты орешь-то так? — удивился Престон. — Гуляют и хорошо.

— Я тебя плохо слышу! — ответил Рем, не сбавляя тон. — Там жарят почище, чем в Громовой Лютне, клянусь Первым!

— Кто жарит? Что это на тебе за тряпки? Кто-то умер?

— Навалом! — отвечал Рем. — Бери любую на плечо и волоки куда хочешь! Они сейчас ничего не соображают! Группа называется «Медузьи черепа», они с нее текут как весенние реки!

— Это те самые Вольные Шторма?!

— Бесполезно! Едва удалось добраться до сцены по головам! Мне солист в перерыве подарил этот балахон и дал покричать в раковину! Вот тут написано «Медузьи черепА». Здорово, да?

— Еще бы.

Робко постучавшись, вошла Кира.

— Вот! — радостно заорал Рем. — Вот она не даст соврать! Все так и было! Варвары беснуются, толкучка — искры летят, мембраны грохочут, струнные доски дымятся! Везде что-то светится и фыркает огнем, Исток светиться до самого венца! Везде палатки с пивом и жратвой, какие-то лицедеи в костюмах с щупальцами. Энергии столько, что хоть Авторитет всю Тьму отапливай!

— Ты тоже там была? — спросил Престон у Киры.

— Я наблюдала с балкона, — объяснила та. — Господин Рем несколько не преувеличивает. Нынешний праздник — первый, когда стотри решили так безудержно веселиться прямо на Твердых Водах!

— Вохрас, пойдем наружу!

— Да, господин Вохрас, пойдемте, пожалуйста.

— Меня же там растопчут.

— Ци-ик-ф!

— Где ты был?

Цыпленок вместо ответа козырнул крылышком и снова исчез.

— Что он сказал?! — спросил Рем.

— Ладно, змей с вами, — пробормотал Престон. — Пойдемте.

Вообще-то ему нравилась громкая музыка. Но Имара не рассчитывал на то, что ему придется пережить гром падающего неба. Это происходило с ним не каждый день, и он был слегка ошеломлен:

— И это они называют музыкой?! — проорал он Кире на ухо.

— Здорово, правда?! — пищала она едва слышно. — Это направление называется

«твердая скала»! А переборы: «рифами»!

Небо вспыхивало и разрывалась брызгами фейерверков. Престон никогда такого не видел, и первое время пытался залечь после каждого разрыва. Крутились то так, то этак, диковинные карусели. На большой открытой сцене группа из пяти варваров раскалывала мироздание струнными досками и примитивной системой барабанов. Они исполняли песнь про то, как один дельфин решил послать все к Узергхоту, бросил стаю, набрал мускульный вес и принялся гулять по всем течениям Океана, попутно вышвыривая из него всякую пакость вроде акул. Усиливающие звук мембраны сирены скалистой, подпрыгивали на своих распорках. То там, то тут поднимались волны пива, и странно одетые варвары взбалтывали поднятыми кулаками духоту ночи.

Престону казалось, что даже мир появлялся из небытия куда тише и скромнее. А он-то настраивался посетить поэтический вечер и немного насладиться красотой зарифмованной души свободного народа.

— Это все завтра! — сообщили Кира. — Когда Дельфины будут готовы! Сейчас стотри выпускают накопившуюся энергию! Это очень важно, чтобы внимать тонкому искусству Дельфинов с максимальной чуткостью!

— Понятно!

— Что?!

— Понятно!

— Жаль, ничего не видно отсюда! — посетовала Кира. — Как бы мне хотелось посмотреть на Меузы Черепы вблизи!

Престон расценил это как намек. В гостиницах он давно научился ухаживать за девушками, но рудиментарное благородство и отсыхающее воспитание все еще напоминали о себе.

— Цыпленок! Я знаю, что ты где-то здесь!

— Ци-ик-ф?

— Мне нужно подняться над толпой!

— ...Циф-к!

— Держитесь за меня, леди Кира! — хмуро предложил Престон.

— Что?

— Держись за меня!

— Хорошо!

Престон сосредоточился. Варвары вокруг охнули, и пали на колени, отчаянно сопротивляясь смещенному притяжению. Престон же медленно поднялся вверх. Кира вцепилась в него как коала. На третьем хвосте Престон решил остановиться и поплыл вперед.

— Так лучше?!

— Да! Спасибо!

В тот вечер Престон пересмотрел свое отношение к странно выглядящим людям, громким звукам и пению. Он понял, что «Громовая лютня» сделала из него, как меломана, теплое растение. На этот раз, то, что его не убило, действительно сделало Престона сильнее. Оставалось только вытереть кровь, идущую из ушей.

Наглядевшись вдоволь, Кира предложила вернуться в Исток к началу Пира организованного для лучших воинов, изобретателей и поэтов. Престон долго не мог понять, что от него хотят, но охотно покинул площадь. На входе их нагнал тяжело отдувающийся

Рем. По нему было заметно, что изобилие даже его чуть не доконало.

— Я немного переел, — признался он.

Это означало, что у него все-таки лопнул поясной ремень.

Пир проходил в большой овальной зале, где на стенах билась странная радужная муть. Она, то мерцала, то изгибалась волной, расщеплялась сотнями разноцветных хлыстов и стегала потолок и пол. В свое время небезызвестный Эрволл Горген, удостоившийся чести побывать здесь, был отмечен «благословлением Истока». Его свалил сильный эпилептический припадок.

Стол был широченный, круглый, с углублением в центре. К этому углублению вели положенные крест-накрест ковровые дорожки. Престону это показалось странным, но варвары не видели ничего плохого в том, чтобы срезать пространство зала по этим тропкам. К столу без всяких фанфар, пафоса и герольдов подходили и садились видные варвары. Кто-то, чуть поодаль, отдыхал на больших ложах с томными лилиями.

Дельфины пришли в масках и ярких нарядах, Красные Касатки в доспехах. Мрачно озирались по сторонам жилистые Аспиды в черных комбинезонах. Всего приглашенных было не больше сотни, Престона это порадовало. Он занял место, указанное Кирой, рядом прыгнул Рем.

В центре стола уже довольно давно шла какая-то эмоциональная театральная постановка. Она подходила к концу: злобный солдат авторитета в латаном трофейном мундире бил и пытал связанного молодого варвара. При этом пытал вроде бы по-настоящему. Во всяком случае, раны у пленника кровоточили. Вокруг лежали бездыханные тела других стотри, позади солдата злобно хохотал хор мужчин. Потом избиваемый воин освободился и сбросил солдата в огромный чан с водой. На стол брызнула соленая пена.

— Вот судьба континентального зла! — продекламировал кровотокающий стотри. Его поддержал вступивший хор женщин. — Не сломить жиру Большой Земли верный мускул Твердой Воды. Жестокость — проиграет доблести!

Он говорил так довольно долго. Все это время вода в чане стояла спокойно. Когда декламация окончилась, остальные актеры выбрались из ниши, а зал благодарно заплодировал, — солдат все-таки вынырнул из чана и раскланялся вместе со всеми. Престон утерся полотенчиком и тоже похлопал. Сдержанно. Очень сдержанно.

Рядом свистел и неистово бил в ладоши Рем.

— Bravo! Так его, изверга! Долой Авторитет!

— Хватит поясничать, — одернул его Престон.

— Пойду, подарю яблоко таланту, — сказал Рем, взобрался на стол и побежал между блюд к актерам.

Там он действительно достал из кармана яблоко и подарил его израненному. Актер благодарно поклонился, но тут же отскочил, потому что Рем проверил подлинность раны на его плече. Сухолюд примирительно помахал руками, и вдруг проголосил, обращаясь к залу:

— Отличный вечер, бомонд! Честное слово, я сначала подумал, что вы даже поминки родной бабушки отгулять не сможете! Такие все были серьезные, что хоть ножи об морды точи! Но теперь я вижу, что вам только повод дай — пьяная рыба повсплывает! Клянусь Марлеем, вы меня порадовали! Эй, кто здесь отвечает за снабжение?! Этому парню нужно отдать весь мир и тогда мы получим два на выходе!

— Я! — гаркнул довольный похвалой Керан. — И весь мой отсек!

— Отлично! Я тебя еще найду и лично пожму лапу! Так вот ты, и весь твой отсек

должны мне новый пояс и несколько нерестов здоровой жизни, которые я здесь спустил за один вечер! Нет, я шучу, конечно! Спасибо тебе за труды! По твоему лицу видно, что крабы сопротивляются, когда их ловишь!

Зал засмеялся.

— Ладно, хватит о разном, вспомним о главном! — не унимался Рем. — Как вам, наверное, уже известно, свободный народ, я на побегушках при достойном человеке, который сейчас присутствует на этом пиру. Держу пари, каждый о нем слышал, но не все еще видели! Без лишнего смущения представляю вам Великого и Ужасного Вохраса! Сильнейшего колдуна Авторитета, родом из проклятой башни, что пугает весь континент! Ближайшего товарища вашего Жреца и верного его идее союзника. Престон отнял ладони от лица, встал и сдержанно раскланялся, покачиваясь от волн одобрения и приветственных оваций.

— Речь! Речь! Речь, великий Вохрас!

Престон не успел опомниться, его подняли вместе со стулом и вынесли в центр стола.

— Речь! Расскажи нам что-нибудь, колдун!

Престон устало взглянул на Рема ожидая увидеть озорное предвкушение, но тот был суров и сосредоточен. Поймав взгляд Престона, он произнес:

— Расскажи им про Авторитет, Престон. То, чего они еще не слышали.

Это был неожиданный и очень нехарактерный для Рема поворот. Никогда еще его шалости не заканчивались чем-то серьезным. Если не считать серьезных травм.

Но Престону эта идея понравилась. Да, он расскажет варварам про Авторитет.

Он начал с описания его красивейших мест, памятников архитектуры, мрачного благородства столичных дворцов, и высоких домов, соединенных мостами. Рассказал о верности и доблести гвардии Зверя. Хороших людей и Лиге Чемпионов. Давних традициях и богатом наследии Древних королевств. Зал мрачнел лицами, не это стотри рассчитывали услышать. Рем внутренне ликовал. День его определенно удался: он заполучил много вкусной еды, развлечений и, на десерт, целый зал скрипящих зубами стотри.

— ...все это Авторитет, — подбил итоги Престон и победоносно откинулся в кресле.

— И именно поэтому врага не стоит недооценивать, друзья мои!

Стотри почтительно расступались перед Реверансом. Он шел, сложив руки под белой мантией, глядя на Престона узкими зрачками. За ним следовали Маширо и Кира. Ревернас взобрался на стол и дошел до его центра.

— Мы все должны поблагодарить Великого Вохраса за беспристрастность и хитрость, — сказал он, подняв вверх руки. — Вы знаете, что нужно ненавидеть в Авторитете. Но Вохрас поведал вам чего стоит остерегаться! А кроме того напомнил: врагу есть чем гордиться! Есть, что защищать! То, что понимаем мы, им — неведомо. Они будут охранять свой дом свирепо и уверенно. Выразим же нашу благодарность мудрости Вохраса!

Стотри взревели.

Реверанс произнес еще одну речь, воспевающую значимость всех собравшихся и объявил пир открытым. Начали разносить блюда. Перед Престоном двое стотри бухнули блюдо с целым зажаренным быком.

— Это специально для тебя, мой друг, — произнес подошедший Реверанс. — Ребята Керана сделали все возможное, что бы вы не чувствовали себя ущемленным посреди традиционных яств.

— Спасибо, — поблагодарил Престон. — Думаю, я начну с одной из тех индюшек, что

запрятаны у него внутри.

— Как хочешь. Внутри индюшек ты найдешь маленькие пирожки с предсказаниями. Этой шутке мы научились у Сайцев. Они вообще-то, неплохие союзники, если не считать странного отношения к осьминогам. И вообще к щупальцам. Но у всех ведь свои тараканы в голове, не так ли?

— Не говори мне, — согласился Престон.

Истинная внешность Реверанса не слишком поразила его. Он просто пытался представить себе, насколько Кира похожа на своего отца.

— Если что-нибудь понадобится, просто скажи Кире, она все организует.

Реверанс похлопал его по плечу и удалился.

Рем уже натачивал ножи, стоя над бычьей тушей.

— Тебе откуда снять? — спросил он. — Ребрышко, грудь, огузок?

— Просто вынь у него из брюха индюка и дай мне, — ответил Престон.

Рядом села Кира.

— Не хотите ли индюка с пирожком с предсказанием? — спросил Престон, потирая руки.

Рем вывернул в подставленное блюдо обещанную птицу.

— Нет, спасибо, — покачала головой Кира. — Не обижайтесь, но я бы не отказалась от хорошего куска говядины. Очень ее люблю, а она здесь редка как чернозем. Знали бы вы, друзья, как надоели мне океанические дары... Это ничего, что я называю вас друзьями?

— Милая, после того, что ты сказала про говядину, можешь называть меня хоть братом родным, — сказал Рем серьезно. — Давай тарелку.

Шмяк.

— Спасибо. Я сниму паранджу, вы не возражаете?

— Не надо постоянно спрашивать у нас разрешения, — фыркнул Рем, выпиливая себе кусок килограммов на десять. — В нашей дружественной зоне каждый делает то, что захочет.

— Лишь бы у остальных из-за этого проблем не было, — заметил Престон, обсасывая ножку. Мясо было нежнейшее, жевать почти не приходилось.

Кира обнажила голову. Престон едва не подавился костью. Он глядел на шелковистые антрацитовые волосы, собранные в узел и голубоватую кожу на узких скулах. Розовые губы. Нежный подбородок. Вполне человеческие черты. Лишь маленькие аккуратные чешуйки, которые поблескивали холодным узором на лбу и щеках выдавали происхождение. И глаза. Но теперь, когда они стали частью лица, а не бесполым взглядом из матерчатой амбразуры, общая картина показалась ему намного интереснее.

Кира моргнула и перестала жевать.

— Что-то не так? — спросила она, проглотив. — Вас раздражает мой вид? Только скажите, я...

— Кира, — улыбнулся Престон. — Хватит. Ты очень красива. Мне вспомнилась одна легенда. Она называется «О Допасе и Совесть». Допас был отважным путешественником и лучшим следопытом одного из Древних королевств. Однажды, проходя знакомыми тропами, он заметил, что местность вокруг изменилась. Да как! Раньше шипела там на всякого путника злобная пустошь, бросала в лицо кусачую пыль из трещин мертвых холмов. Не было там ни зверья дикого, ни птицы летучей, ни букашки ползучей. А теперь млел Допас посреди зеленого оазиса, сверкающего изумрудами листвы, да лазуритами ручьев. Пахло

цветением и жизнью, а непуганые зверюшки доверчиво склонялись к его сапогам, надеясь на ласку.

Изумленный следопыт подошел к озеру, чтобы напиться, да проверить, не врут ли ему глаза, не морок ли заманивает его в безумие. Он склонился над водой и вдруг увидел рядом со своим отражением еще одно. Столь прекрасное, что человек окончательно разуверился в том, что окружало его. Обернулся он и увидел Совесть. Одну из красивейших дев Торкена. Она смотрела на человека без обычного презрения, наоборот, ее взгляд теплел. А сердце Допаса цвело. Пусть даже не верил он в происходящее, столь сладкая греза радовала его. Совесть присела рядом с ним и коснулась заросшей щеки сияющими пальцами. Потом прижала к себе и вовлекла следопыта в страсть, неутолимое обожание и похоть.

Он проснулся обнаженный и растерянный, на берегу озера. Его одежда, чистая, пахнувшая лугом и весенними ветрами, лежала рядом. Увидев, что Совесть покинула его, Допас горько, впервые в жизни возрыдал. Долго он глядел на свое отражение, надеясь увидеть еще одно. Следопыт провел там почти цикл, ожидая ее, и понял, что сюда Совесть уже не вернется. Она облагородила пустошь и вернулась в Торкен.

Допас решил проникнуть в Долину Первенцев, чтобы попытаться найти ее там. Не встал перед ним Гранитный лес.

Долго испытывал следопыт свою смекалку, не зная, как выжить в каменной чаще. Никто еще не возвращался из нее, некому было помочь ему советом. Тогда Допас решил, что преграду нужно преодолеть по воздуху. Но как это сделать? Легче было сказать. Неожиданно, он услышал жалобный вой и поспешил посмотреть, кто попал в беду. Нашел он раненого жнеца. Священный сборщик поранился о скалы. Допас вылечил его раны и накормил дичью. Жнец встал на крыло, но не хотел улетать от человека. Допас понял, что достоин благодарности и попросил жнеца перенести его над лесом, в долину Первенцев. Жнец подставил ему спину и переправил в зеленое царство диковинных зверей и последних драконов.

Поблагодарил его Допас и расстались они.

Следопыт увидел Корону Мира и, восхищенный, отправился в путь, презрев опасности и не помня усталость. Сильно измучила его дорога. В джунглях напали на него злобные ящеры, от местных плодов — началась диз... Лихорадка, быть может, не помню точно. Он намеревался карабкаться по горам, взойти до самого Торкена, чтобы позвать Советь. Изнемогая от жажды и голода, взбирался он все выше и выше, ни живой, ни мертвый от скудного высотного воздуха. Являлись ему жуткие призраки и ужасные тени. Сам камень охотился за дерзким человеком...

Престон замолчал и принялся за остывающую индейку.

— Ну? — Рем вынырнул из быка. — И что дальше-то было?

— Они встретились, — ответила Кира. — Отец рассказывал мне эту легенду. Когда Допас был на последнем издыхании, в его остывающих глазах мелькнуло заветное отражение. Совесть изгнали за связь с человеком. Она успела найти своего возлюбленного вовремя и спасти его. Вместе они отправились в свой заповедный рай. Эта легенда учит тому, что за счастье нужно бороться, невзирая на запреты. Особенно чужие.

— Забавно, — сказал на это Престон. — Потому что в интерпретации Поздней расы она не успела его спасти, и покончила с собой: прыгнула на скалы, увлекая за собой тело Допаса. У нас, людей, эта легенда красиво намекает на то, что всяк сверчок должен знать свой шесток. А, впрочем, я хотел отметить другое. Раньше я думал, что Допас был просто

извращенцем. А теперь, глядя на тебя, Кира, понимаю, что взбираться стоило.

Дочь Реверанса тихонько зашипела от смущения.

— Это благодаря отцу, — сказала она. — У Первенцев нашего вида волосы никогда не росли, и кожа была жесткой и чешуйчатой. А еще раздвоенный язык, холодная кровь, и... море других анатомических особенностей. Отец понимал, что среди стотри я буду чувствовать себя уродливой. Он вынашивал меня так, чтобы я была похожа на тех, с кем мне придется жить.

— Вынашивал? — Рем снова вынырнул из быка, как какой-то жуткий паразит.

— Ешь быка, Рем, я потом тебе все объясню, — пообещал Престон. — О! А вот и пирожок с предсказанием.

Он разломил тесто и достал маленькую щепочку с резьбой.

— «Все могло быть и хуже», — прочитал Престон. — Это вряд ли.

Когда блюда заметно опустели, Реверанс обратил на себя внимание и сказал:

— Я обещал вам сегодня необычный десерт, свободный народ. Время подходящее, люди на улице горячи и взбудоражены. Они готовы принять все очень близко к сердцу. В этот момент мы продемонстрируем им слабость Авторитета. Но сначала взглянем сами. Ввести шпиона!

В дверях показались шестеро стражей, которые сопровождали подвижную установку, на которой был распят пленник. Его завешали цепями как десятерых каторжников. К стальному каркасу не приковали только голову. Глазницы глухого шлема плыли слева направо, оглядывая зал.

Повозку не стали водружать на стол. Остановили у стены и развернули к зрителям.

— Это, — остановился рядом Реверанс, — представитель элиты так называемого Акта Незримых. Оплота шпионов, убийц и диверсантов. Их иерархия проста и умещается в три шага. Рядовые агенты, прошедшие обучение, могут выслужиться и стать корректорами. Проще изъясняясь — руководителями небольших групп. Если они успешно справляются с этой задачей, их принимают в ложу Леты. Ложа Леты — особое подразделение Акта Незримых, которое состоит из матерых профессионалов, прошедших психологическую обработку. Они — механизмы, ходячие живые орудия. Это достойно сожаления, и я прошу вас, хотя бы вас, проявить к этому несчастному существу сострадание. Оно никогда не знало, что такое свобода воли. Сейчас я сниму с него поганую маску, что бы вы могли поглядеть на него и сделать необходимые выводы.

Он надел рукавицу на правую руку и, чуть помедлив, сломал замок на шлеме силой магии. Подошел и сорвал его, брезгливо откинув в сторону.

Престон некоторое время не двигался. С пустым выражением лица он глядел на то, как Вельвет размяла затекшую челюсть, и вдруг плюнула в Реверанса. Стотри охнули.

Первенец двумя пальцами держал пойманную иглу.

— Любопытно, правда? Она прятала эту вещь... Наверное в гортани. Почти цикл! Ела и пила с ней. Наш достопочтенный Вохрас говорил вам как раз об этом. Ничего не выйдет, если мы будем бороться не в полную силу, так словно у нас есть хоть какое-то преимущество и повод для тщеславия... Вохрас, друг мой, что с тобой?

Престон неверными шагами приближался к Вельвет, вытянув перед собой левую руку. Он напоминал измученного солнцем вурдалака. Вельвет смотрела на него как на жертву, широко раздувая ноздри. Престон подошел к ней вплотную и раззявил до ушей беззубую улыбку.

Он очнулся через несколько часов в своих покоях. Болела переносица и саднил зад.

— Где она?!

Рем увернулся от компресса.

— Думаю, ее снова заперли. Реверанс говорил что-то про «усыпление». Они хотели закрыть тебя в лазарете, но я наврал с три короба, дескать, только я могу тебя лечить. И Киру я отвадил. Надо же тебе было...

Престон ринулся к выходу, Рем загородил ему дорогу.

— Я должен спасти ее, поговорить с ней, извинится, исправить!

— Да что там исправлять?

— Все! Все исправить! Мы вернемся в Авторитет сегодня же ночью, Рем. Я спасу ее, и мы уплывем отсюда на первом же попавшемся корабле!

Престон был явно не в себе. Он неясно бормотал, паниковал и мучился так, словно его препарировали большим кристаллом соли. Он, то свирепел, то впадал в прострацию. Хляби его памяти разверзлись, престарелые претензии к своему прошлому — обрели вторую молодость. Престона распирало эмоциональными газами той самой браги из плодов стыда и самоуничтожения, которая зрела в нем пять нерестов отступничества. Рем взволновался.

— Что на тебя нашло, tuo jemenе?! — прикрикнул он.

— Ты что, не понял? — прошептал Престон с нездоровой интонацией. Он схватил сухолюда за плечи. — Это же Вельвет. Из-за кого, по-твоему, все это началось? Почему я решил побывать в Мирконе?! Из-за сокровищ? Да я бы отдал в два раза больше того, что там могло бы оказаться за снятие проклятья!

— Какое еще проклятье?!

— Которое она на меня наложила! Я пять нерестов засыпал и просыпался, повторяя себе одно и то же: я поступил правильно, правильно! Правильно? Низмея подобного! Посмотри на меня! Посмотри, во что я превратился из-за своей трусости! Верная расплата! Я должен был быть с ней, все это время, я должен был оберегать ее! Она бы не попала в плен, если б не я. А буде попала, я бы ее спас! И сейчас спасу! Братец Рем, если ты не станешь мне помогать — уйди с дороги. Немедленно.

— Ты страшен как десять уродов одновременно.

— Я знаю.

— Причем один из этих уродов лизнул лимон и морщиться.

— Рем!

— А все остальные за ним повторяют.

— Зачем сейчас об этом говорить?!

— Просто напоминаю. Вельвет врезала тебе не просто так.

— Она узнает меня! Вот увидишь, узнает. На пиру все произошло слишком быстро. Я полез к ней, не подумав, просто потерял себя, глупая скотина...

— О, ради Первого, хватит ныть, — предложил Рем. — Я помогу тебе спасти Вельвет, лишь бы ты начал трахать хоть что-нибудь кроме моих мозгов.

Престон выдохнул. И слабо улыбнулся.

Он знал дорогу к отсекам сдерживания. За время своей хитрейшей разведывательной компании, Имара плотно изучил планировку Истока. Насколько ему позволяли считать наивность и невежество, конечно. Друзья добрались до пропускной комнаты и остановились. Рем заглянул внутрь. Там дежурило четыре стража. Один спал, трое других,

стараясь ему не мешать, соревновались в тройной армрестлинг.

Престон позвал Цыпленка. Тщетно.

Требовалось всего ничего: усыпить охрану. Престон решил, что сможет сделать это самостоятельно. После нескольких неудачных попыток он добился того, что спящий варвар проснулся и посетовал, что во сне его преследовало чье-то раздражающее кряхтение.

— Дай-ка место моей магии, — сказал Рем и вошел в комнату, втащив за собой Престона.

Стотри уставились на них.

— Привет троим, здорово четвертому, — произнес сухолюду, пробуя пальцем костяной меч, на стойке. — Слушайте. Мы с другом на самом деле не те, за кого себя выдаем. Знаете кто мы? Мы двое уголовников из Авторитета, один из которых выдает себя за Вохраса. На самом деле его зовут Престон. Он понятия не имеет во что ввязался, но пытается шпионить в пользу Авторитета. Сейчас вы откроете нам дверь в залы сдерживания, и мы пойдем выручать его бывшую, потому что так уж принято в хороших историях. Вы, конечно же, дадите нам ключи от ее камеры, а когда мы будем ее уводить, не помешаете нам и станцуете «присядь-встань-присядь». Все ясно?

Варвары молчали. Ошеломленный Престон готовился к новому нокауту. Рем мило улыбался.

— Все ясно, — ответили Стотри, жутко гримасничая. — Все ясно. Все ясно. Все. Ясно.

Один бросился за ключами, второй принялся рассказывать сухолюду как пройти к камере Вельвет, третий встал на стреме, четвертый снова лег спать.

— Знаешь, — сказал Престон серьезно, — если б не обстоятельства, я бы заставил тебя все исправить. Ты должен завязать с этой змейщиной. Кто знает, как здравый смысл отомстит тебе. Есть вещи, которые нельзя игнорировать. Например, причинно-следственную связь.

— Это безопаснее, чем ты думаешь, — безмятежно ответил Рем.

— Может быть, — бросил Престон, и поковылял вперед, в коридор.

Рем озадаченно посмотрел ему вслед. Потом нагнал его и пошел рядом:

— И это все? — спросил он почти обиженно.

— Что, все?

— А как же вопросы, вроде «как тебе удалось?». Или «сколько тебе должна логика?». Не лишай меня удовольствия не ответить!

Престон промолчал. Он заглядывал в попадающиеся по пути камеры. Многие были пустыми, но встречались экранированные. За колеблющейся пустотой голубого цвета, томились пленники варваров. Исключительно гости с большой земли. Те, кто понаглее, пытались привлечь к себе внимание Имары, но тот тащился вперед как карась за крючком.

Вельвет сидела в углу своей камеры, похожая на затаившуюся черную вдову. В данный момент в мире существовало всего несколько форм разумной жизни, которые решились бы потревожить ее. Одним из этих безрассудных организмов был Престон.

— Вот она, — он припал к экрану.

— Открывать? — спросил Рем.

— Конечно, что за вопрос?!

— Обоснованный, — не смутился Рем. — Престон, мне кажется, ты не совсем понимаешь, что тебя может там ждать. Прошло пять нерестов, она уже не та, да и ты...

— Просто убери змеюву заслонку!

— Ладно, ладно, — Рем вставил отпорный брусок в замочный паз. — Сначала он рассуждает о важности здравого смысла, а потом...

— Закрой за мной, когда я войду, — предупредил Престон. — Сразу же! Ты слышишь?

— Слышу.

Преграда померкла. Престон ступил внутрь. Рем вынул ключ, и экран снова появился.

Вельвет не шелохнулась. Она смотрела на Имару так, словно кожа его была прозрачна, а сам он доверху был наполнен воздухом. Престон, не зная, что предпринять, подошел и присел на край койки.

— Вельвет, — позвал он, облизнув губы.

Нет ответа. Престон всматривался в усталое лицо и понимал, что многого не узнает. Даже глаза, которые горели в его воспоминаниях как центр всего хорошего, что ему перепало в жизни, и те выцвели. Голубизна облетела, стала бледно-желтой, как у старого хищника. И пропали волосы. Их не обрили, было видно, что они просто вылезли.

— Вельвет, — он хотел протянуть руку, погладить ее по щеке, но пересилил себя. Рано. — Я не знаю с чего начать. Как представлю, сколько мне придется всего рассказать. Может попробовать поступить как Рем? Э-э-э... Знаешь Вельвет, хочешь верь, хочешь не верь, но я... Я Престон.

Молчание. Рядом стоял поднос с нетронутой едой и набор чистой одежды. Престон был уверен, что Вельвет даже не взглянула на все это.

Она вдруг подвинула к себе еду, и начала быстро и аккуратно есть. Это было довольно неожиданно, но Имара не обратил на это внимания.

— Ясно, — он постучал пальцами по коленям. — Рассказывать историю целиком будет сложно, но я попытаюсь. Ты, главное, выслушай, Сирень.

Она надеялся, что после того, как он назовет ее тайное прозвище, Вельвет вздрогнет и взглянет на него по новому, но ошибся.

— Ладно, вот как все начиналось...

Он говорил недолго. Ему казалось, что важнее всего обратить ее внимание на то, что он вынес все эти приключения только ради нее. Так он попытался это представить.

— А теперь, мы здесь. Ты и я. Вот так ирония, правда? Мне кажется, это судьба. Она дает нам второй шанс. Ты устала, и я тоже. Давай вернемся в Авторитет, расскажем все, что узнали и проживем вместе. Найдем Вохраса, я заставлю его вернуть мое тело... У нас все получится, вот увидишь! Это было наше испытание, испытание разлукой, и мы прошли его. Мы снова встретились там, где сейчас затаилась судьба мира. И важнее всего то, что я все еще люблю тебя...

Он замолчал. Сейчас он особенно остро понял, что она может ответить отрицательно. Или вовсе не поверить. И кто бы поверил?

Вельвет давно все подчистила и сейчас сидела с закрытыми глазами, словно сосредоточено переваривала, перегоняя пищу в энергию.

— Любящее сердце должно верить, — сказал Престон и всхлипнул.

Ну что тут сказать? Он многое пропустил, сбежав в самом начале своей карьеры. А еще он оставлял слишком много закладок в книгах с розовыми страницами.

Имара задохнулся и чуть не потерял сознание от боли. Вельвет ударила его затылком о стену и схватила за горло, пока секунда делилась пополам.

— Агхк!

Вельвет молча глядела сквозь экран.

— С тобой кто-то есть, — прошептала она. Этот шепот почему-то ассоциировался с воздухом, выходящим из пробитого легкого. — Скажи ему убрать эту странную преграду.

Ее хватка на мгновение ослабла, и она пошатнулась.

— Вельвет, — успел прохрипеть Престон.

— Тихо. Попроси убрать преграду или я убью тебя.

Это не вызывало сомнений.

— Я Престон!

— Не знаю я никакого Престона, и никогда прежде не слышала этого имени, — проговорила она быстро. — Ты чокнутый пердун, делай, что я сказала!

— Хорошо, слушай... Ты можешь не верить мне...

— Я. Не знаю. Кто. Такой. Престон.

— Цыпленок, покажи ей хотя бы на секунду.

— Циф.

— Плевать. Я хочу, чтобы она увидела.

Имара почувствовал обжигающую боль. Кожа плавилась и стекала в сапоги. Он увидел в глазах хищницы свое отражение и возликовал. Это был он, таким она должна была его запомнить.

— Зачем ты мне это показал? Кто этот человек?

Спросила Вельвет.

Престон закрыл глаза.

— Хорошо, — сказал он покорно. — Тогда так. Я помогу тебе бежать. Просто так. За этим ничего не стоит. Ты ведь умеешь отличать ложь от правды. Я говорю правду, я помогу тебе уйти. Просто покинь остров и отправляйся в Авторитет. Расскажи там все.

— Нет, — возразила Вельвет. — Ты откроешь камеру. А дальше я сама.

— Ты уйдешь?

— Не твое дело.

— Если не пообещаешь... Я лучше издохну тут от твоих рук!

— Я не шучу.

— Я тоже! Уходи с острова!

В этот момент погас свет. Престон почувствовал, как камера сдвинулась назад, и налетел лбом на противоположную стену.

— Вельвет! — заорал он. — Рем, держи ее, держи!

— Что такое?

Его нащупали руки сухолюда. Мягко засветился фосфор.

— Она хочет убить Реверанса! — Престон ворочался на полу, пытаясь встать. — Или провернуть что-нибудь еще более идиотское! Змей подери, почему погас свет?

В ответ где-то загредел неметалл, и послышались крики заключенных. Судя по воплям, их что-то преследовало. Рем помог Престону подняться, и они вместе выскочили в коридор. Крики во тьме обрывались один за другим.

— Первый, сила его святая защитит меня, — рыдал кто-то в отдалении. — Первый, сила его святая защитит меня! Первый, сила его...

Плач захлебнулся. Послышался глухой удар и все стихло.

Друзья по памяти возвращались назад, то и дело запинаясь на бегу об распростертые тела.

— Это Вельвет себе дорогу расчистила? — одобрительно спросил Рем.

— Нет, Незримые так не поступают, — борясь с отдышкой, прохрипел Престон. — Она бы просто обошла их. Да и силы ее на исходе.

— Тогда кто же?

В этот момент в них ударил свет мощного фонаря. Ики моргнул фарой и сфокусировал ее на ослепшем Престоне.

— Ты, — процедил Накат. — Я рассчитывал на Жреца, но и ты сгодишься.

— Послушай, у меня нет на это времени! — вскипел Престон. — Мне нужно спешить! Умоляю тебя, дай мне время, мы разберемся потом! Я извинюсь за волосы, и мы вместе посмеемся над этим нелепым происшествием! Ты и так уже перебил всех узников, тебе мало?!

— О чем ты говоришь, змей подери? — злобно оскалился Накат. — Я тут и пальцем никого не тронул. Пока. Но через секунду все начнет крутиться как адские вертела, колдун.

— Так ты никого не трогал? — уточнил Рем.

— Сказал же! Ладно, вот вам по пульке.

Кулак навис над гашеткой и... исчез. Вместе с Накатом. Фара Ики полоснула светом, и кресло завалилось на бок. Вернулось основное освещение. Олечуч, хрипя и взмыкивая, утаскивал Наката в вентиляционную отдушину.

— Я вернусь, — пообещал киллер, цепляясь пальцами за края квадрата. — Ики, код «Пустое гнез...»!

И сгинул.

— У меня есть идея, — нашелся Рем. Он подбежал к Ики. — Эй, кресло, хочешь снова увидаться со своим хозяином?

— Это было бы... вычисляется... неплохо, — признался тот.

— Тогда помоги нам! Нужно быстро догнать кое-кого.

— Это все так... вычисляется... неожиданно.

— Да или нет?! — напал на него Престон. — Мы разберем тебя на кусочки!

— Ладно, поднимите меня.

Рем поставил его на оба колеса:

— Садись, Престон.

— Как управлять этой штукой?

— Я все сделаю сам, — пообещал Ики. — Вы будете должны мне... вычисляется... бочонок виски. Просто скажи куда ехать, колдун.

— Давай к выходу! — скомандовал Престон. — А потом поглядим.

Рем сразу остался где-то далеко позади. Ики мчался вперед, головокружительными виражами минуя повороты. Блестящие трубы изрыгали спиртовое пламя.

Она не могла далеко уйти.

Она где-то здесь.

Нужно.

Немедленно.

Ее.

Догнать.

Он миновал комнату охраны и выскочил под арки Истока. Огляделся по сторонам.

— Куда теперь? — спросил Ики.

— О, если б я знал!

Справа послышались крики. Престон, не раздумывая, скомандовал ехать туда. За

следующим поворотом ему стали попадаться побитые Стотри. Они вели его вперед как пунктирная линия. Имара поднимался по ней все выше и выше, пока, наконец, не увидел настоящую свалку: два десятка стражей пытались сомкнуться кольцом вокруг Вельвет. Она фехтовала трофейным оружием и пыталась пробиться дальше, к Реверансу.

Повернув в ее сторону плоскую морду, он стоял спиной к входу в свои покои и наблюдал.

— Быстрее, — крикнул Престон. — Туда!

Секундная стрелка мировых часов цокнула и остановилась. Выждала ровно восемь мгновений и цокнула снова.

Престон вопил: «сто-о-о-о-о-ой!!!» Вельвет замерла над Реверансом с клинками в обеих руках. Жрец все так же безучастно глядел на нее снизу вверх.

Секундная стрелка отсчитала еще несколько мгновений.

— ...ой!

Престон до хруста вытянул руки

Шварк!

Вельвет упала на пол, кувыркнулась назад и замерла, выронив оружие. Стражи бросились на нее. Шпионка успела дотянуться до кинжала и занесла его над своей грудью.

Цок!

Взвизгнули каучуковые шины. В воздухе похолодало, и крохотные снежинки закружились над пятнистой головой Имары.

— Однобокое совершенство, — промолвил Жрец. — Спасибо Вохрас, все под контролем. Благодарю тебя за заботу. Ты все еще бледен, мой друг, не хочешь...

Так Престон потерял смысл жизни.

А запасного у него не было.

Вопреки распространенному мнению прожить можно и без смысла. Миллионы людей делают это ежедневно и сахар им сладок, а светозверь лучист.

Однако у них есть фора: со смыслом они не сталкивались с рождения. А Престон бы уверен, что прощение Вельвет — это то, что превратит его из скрывающегося труса обратно в человека.

Каждый имеет право заблуждаться по-своему.

Как бы то ни было, он оказался в неподходящих условиях для продолжительной кататонии. Судьба отмерила ему на смирение всего два дня.

— Значит он был влюблен в одноногую корсарку с попугаем вместо левой руки? — Кира остановилась и загородила сухолюду дорогу.

— Да, — чувственно покивал Рем. — Это была странная любовь. Любовь оставляющая много вопросов... И предположений.

— И два дня назад господин Вохрас почувствовал, что она погибла во время еженерестового торжественного Бунта-На-Корабле?

— О, да, — Рем вскарабкался на проходящего мимо стража и продолжил реплику с него, — мой хозяин остановился, заплакал ртутью и закричал молниями. Столь сильное чувство, что мне и не понять. Никому не понять, Чешуйка.

— Он чудесный человек, — прошептала Кира. — Я сделаю все, чтобы утешить его.

— Конечно, — Рем потрепал стража за щеку и спрыгнул. — Ты, главное, не дави на

него. Когда я видел его в последний раз, он был похож на семь казней Клоаковых.

Они спустились в полузаброшенные помещения, в которых редко появлялись даже стражи. А после того, как там поселился горюющий Престон, оттуда выветрился сам запах обжитого места. Сейчас тут тянуло серой, окалиной и смертью. Под невысоким потолком клубился ворчащий туман. «Уходите, уходите прочь», — роптал он.

Посетители остановились напротив мрачных врат, сочащихся черной патокой. На пористой поверхности, покрытой язвами коррозии, мерцали выдавленные внутрь силуэты облетающих цветов и голых деревьев. Было что-то смутно напоминающее стихи, от которых, вероятно, могли бы произойти все детские считалочки в мире. Неумело выведенный скелет наполовину выпирал из центра, держа в челюстях веточку сирени. Она курилась и потрескивала, создавая одновременно и туман и противоречивые запахи.

— Ох, — вздохнула Кира. — Как же он мучается!

— С ним всегда так, — подтвердил Рем. — Чувствительный как рак без ракушки. Помню, однажды он опалил ресницы и челку о ловушку. Когда они еще у него были. Вот беда была, kus jamal.

— Как же нам войти к нему? — Кира коснулась шершавой черноты и одернула руку. — Жжется!

— Я рассчитывал, что ты мне в этом поможешь, — Рем смерил ворота взглядом зашедшего в тупик специалиста. — Твой отец ничему тебя не учил? Нам не помешал бы маггический прием, если ты понимаешь, о чем я.

— Он научил меня только управлять цветением и энергией природы, — Кира вздохнула и взъерошила тонкими пальцами вихор Рема. — Он хочет, чтобы я взяла на себя священную борьбу Первенцев против запустения, когда мне минет сотый нерест... Так и не осмелился спросить чего хочу я.

— А чего хочешь ты? — заинтересовался сухолюд.

— Прямо сейчас? — улыбнулась Кира. — Помочь господину Вохрасу. Давайте...

— На ты, Кира.

— Давай для начала вызволим его из печали. Мне кажется, эта веточка сирени нам пригодиться.

Кира посветлела и вроде бы исчезла, во все стороны прыснули клочки света, запахло цветами. Рем готов был поклясться, что почувствовал пятками молодую травку внутри своих сапог. В волосах запугался теплый ветерок. Ветка сирени, потемневшая, вялая, вдруг посвежела и пустила побеги. Те расползались по вратам, срывали отслаивающиеся чешуи и пролезали в угрюмые трещины. Ворота затрещали, побеги разрывали их.

Рем отошел от рухнувших вниз обломков и поклонился появившейся Кире. Та тяжело дышала и часто моргала, облизывая губы. Потом довольно несдержанно сплюнула и выругалась, используя слова вроде «гадюшество» и «перегрязь».

— Как-как? — рассмеялся Рем. — Перегрязь? Ты серьезно?

— Ненавижу это, — призналась Кира. — Это отвратительно. Природа врывается нагло, как дикарь. Пролезает куда только возможно и пользуется всем, чем захочет! После каждого контакта с ней я чувствую себя так, словно меня...

— Да-а-а? — поощрительно закивал Рем.

— Слово она меня использовала, а не я ее, — сдержанно вымолвила Кира. — А папа хочет, чтобы я занималась этим всю оставшуюся жизнь. Я могу прожить тысячу нерестов в рабстве у зеленых щупалец.

— Звучит жутковато, — признал сухолююд.

— А на деле все еще хуже! Ох. Я не против того, что бы превратить какое-нибудь мерзкое болото в поляну райских соцветий. Но я хотела бы делать это в определенном настроении. Понимаешь, Рем? Весной, например. Или... когда будет одиноко.

Кира покраснела.

Рем понимал. На его понимании в этот момент можно было бы вывезти с планеты все грехи человеческие.

— Знаешь, Чешуйка, ты нравишься мне все больше и больше.

— Ты мне тоже, брат Рем.

— Ты запомнила, а? Ты запомнила!

Девушка прошептала «конечно», приложила палец к губам и заглянула внутрь помещения. Посреди черно-белого поля сидели две чудовищные жабы, неуловимо похожие на Престона. На черном поле сидела жаба с белой шерстью, на белом — с черной. Над ними вились бабочки всевозможных оттенков. Жабы вяло спорили.

— Правильно, — говорила Черная.

— Неправильно, — после паузы откликнулась Белая.

Видно было, что они обе ужасно утомлены.

— Правильно...

Они вдруг нехотя сцепились и принялись ворочать поле вместе со своими тушами, скребя лапами, и косо перехватывая друг друга зевами. В этот момент поле начинало резко менять оттенки, бабочки бесновались и клубились над сражающимися мировоззрениями.

На картонном небе плавал светозверь с лицом Вельвет. Вместо звезд были блеклые воспоминания и старые фантазии. Они плавали за Вельвет как стая голодной сельди. Это движение было бесконечным и бессмысленным.

Вдалеке вспарывало пространство стрелчатое окно, к которому выстроилась очередь темных фигур. Они взбирались на него и прыгали куда-то в неизвестность, тут же вылетая из другого окна, находящегося в конце вереницы. Некоторые отказывались прыгать и тоже уходили, пристраивались к хвосту.

Кира и Рем переглянулись.

Не сговариваясь, они шагнули внутрь и пространство дрогнуло. В нем появились случайные элементы и всем, начиная от жаб и кончая самой маленькой мыслишкой о Вельвет, это не понравилось. Поля исказились и перебросили непрошенных гостей глубже в отчаянье Престона.

- Убира-а-а-айтесь!

У мира вдруг выросли руки, и в правой был зажат кинжал из китовой кости. Гигантское острие нависло над источником нестабильности.

— Престон, хватит валять дурака, — протянул Рем. — Убирай все это горе луковое и пойдем. У нас дел невпроворот.

Они едва успели отпрыгнуть. Клинок ахнул в полотно, из прокола ударили бордовые фонтаны.

— Престон, ты сам все видел! — заорал Рем. — Ты видел, что с ней сделал Акт Незримых! Она даже имя твое не вспомнила! Вот от чего ты убежал! А не от нее! Думаешь вам позволили бы любить друг друга, если б ты остался?! Змеев романтичный идиот, рассветный лучик, geham toma чтоб тебя! Пора забыть о поступках и принять последствия! Ты отказался от ошейника, она — нет! И погибла из-за этого! Все, конец для нее, новый период

для тебя! Самое время начать думать заново! Без Вельвет в конце каждого предложения!

Кинжал несся к нему.

— Беги, Рем! — воскликнула Кира.

— Змеев невротик, — проговорил Рем сквозь зубы. — Любишь повспоминать да? Тогда вспомни это!

Он выбросил вверх руку с зажатым в пальцах медальоном.

Оружие застыло, едва коснувшись кончика его носа. В этот момент Кира сбила сухолюда с ног.

— Отлично сработано, Чешуйка, — похвалил Рем, выбираясь из-под нее. — Но в следующий раз сделай это на секунду раньше.

- Откуда это у тебя?

— Лучше вспомни, как он у *тебя* оказался, — сухолюд подбросил медальон как монету, и его поймала бледная небесная ладонь. — Ты в свое время рассказал мне об этом с чувством гордости за себя, — тогда я и сам поверил, что поступил правильно!

- О чем ты говоришь?

- О выборе. О том, чего у меня, казалось, не было. Как и у тебя. Но вот мы здесь, каждый поступивший по-своему, навлекшие на себя гнев и проклятия родни. И что? Ты жалеешь? Я — нет. Я за десять нерестов успел повидать больше, чем все населения нашего архипелага. Вспомни, что ты говорил Диле тогда, возле башни. Ты верил в это. И сейчас веришь. Вельвет связывала тебя с прошлым. Она был последним мостом между тобой и законностью. Да, ты, наверное, любил ее. Пять нерестов назад. А потом ушел и она исчезла. Та Вельвет, которую ты знал, пропала тогда! Как и Престон Имара от'Крипп... Просто признай, что ты видел смерть совсем другого человека.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, но это помогает, — тихонько проговорила Кира.

Иллюзия вокруг распадалась, жабы высохли и исчезли, погасли воспоминания и рассеялись тени. Пространство скукожилось и потянулось к невидимому ядру.

— Циф! Циф-циф!

Цыпленок ухватил мое правое веко и потянул вверх.

— Циф!

Рем снаружи пробил скорлупу кулаком и принялся разламывать ее, расширяя брешь.

— Циф!

— Цыпленок, это ты? — спросил Рем, заглядывая в пролом. — Как там Престон?

— Почему ты называешь господина Вохраса Престоном? — спросила Кира.

— Это его старое прозвище.

— Циф!

— Отлично, — Рем сорвал верхушку яйца и сбросил ее вниз. — Ого, — добавил он впечатлено.

Я сидел на троне из застывшей браги, покрытый бурыми сосульками и гроздьями сирени.

— Господин Вохрас, скажите что-нибудь, — взмолилась Кира.

— Пач-ч...

— Что?

— Пач-чуля... давно... ох, моя голова... издохла.

Вилл бродил из угла в угол своих покоев. Лилии звали его возлечь с ними, но он только отмахивался и вздыхал. Ему было крайне неловко перед Жрецом. Он надеялся, что с его помощью стотри завладеют невиданными реликвиями Истока и победа над Авторитетом станет частью его судьбы.

Виллу снова не повезло.

На этот раз вместе с ним остались ни с чем и все варвары.

Хранилища Истока были забиты маленькими черными кубиками с Памятью. Основной Терминал мог разглядеть там утраченную живопись, скульптуру, архитектуру и много чего еще... Никак не связанного с войной. И ни одного чертежа.

Реверанс велел раздать их как охранные амулеты всем воинам.

Чтобы оправдать свое нынешнее положение приближенного лица, этого явно было недостаточно. Вилл сжал кулаки и решил безотлагательно влиться в армейские будни тренирующегося воинства, чтобы как все покрываться солевой коростой, перенимать мудрость инструкторов и мастеров, или, хотя бы, набивать броню на грудь десантных кораблей.

Он схватил Кричащий меч. Праздник еще не кончился. Ну и что? Он пойдет наружу, и будет следить за общественным порядком. Вот так-то... «Прижмите своего моржа к обочине, свободный человек, покажите дощечку и сумку с лечебными водорослями»... И так далее.

Вилл решительно экипировался, поблагодарил лилий и вышел в коридор. Он спокойно шествовал навстречу своим моральным убеждениям, пока его не привлек шум, доносящийся из решеток на стене.

Вилл замер.

Он подошел к широким прутьям и взгляделся в слабо подсвеченный мрак.

Как уже упоминалось, Проглот никогда не щелкал языком зазря. Особенно, если это касалось таких небезынтересных личностей как Вилл. Пока бурая лента втаскивала его внутрь через выдавленные прутья, Вилл успел подумать о том, что жизнь его определенно подчинена Третьему закону Конрада Наблюдателя-За-Тем-Что-Обычно-Бывает. «А как будет все у тебя удачно и благое, и вроде бы увидишь ты в жизни порядок, как жди: беда придет, немедленно или послезавтра».

— Почему ты делаешь это со мной?! — прокричал Вилл в пустоту.

Проглот не ответил. Он в это время уже находился совсем в другом месте. На песчаном берегу одной из отдаленных колоний стотри. Отнимал у какой-то девчушки корзину с раковинами.

А Вилл стремительно несся вниз по кишке. Во время такого падения не стыдно вопить благим матом, однако кабинетный варвар сложил руки на груди и молча ждал удара.

Нет. Это было бы слишком просто.

Его перехватили жилистые руки и втащил внутрь горизонтальной ветки.

— Ой, — мрачно сказал Вилл.

Над ним нависло черное от маскировочных мазков лицо.

— Ты кто? — шепотом спросил Накат, сжимая челюсть Вилла. — Постой, я тебя узнаю...

— Я В...

— Тихо. — Накат схватил варвара за челюсть. — Эта тварь где-то рядом.

Он подцепил двумя пальцами пот, выступивший на лбу. И отряхнул его в сторону. Тут

же, где-то за поворотом, раздался свирепый клекот и верещание.

— Любишь пожить, Вилл? — спросил бывший инквизитор, тяжело дыша.

— В дзанный момэнт...

— Болтовня, — Накат обернулся на приближающееся ворчание. — Не знаю, как ты здесь оказался, но тебе крупно не повезло. У нас с тобой, — он подтянул ноги и уперся спиной в стенку, — сейчас вариантов немного. Нам нужно окружить эту тварь.

— Н-м?

— Думаешь, в одиночку у тебя больше шансов?

Накат отпустил челюсть Вилла.

— Нет, не думаю.

— Окружить...

— Да постой ты. С чем мы вообще имеем дело?

Накат выкатил блеснувшие адреналином глаза и ослабился как череп, охраняющий гиблое место.

— С воплощенной мезтью. Какой я был когда-то.

С момента выступления Вольных Ветров прошло два дня. На потрепанной площади вновь собирались стотри. Теперь они были молчаливы, сосредоточены и необыкновенно... соленоварварны. Соленоварварность как состояние можно было охарактеризовать зашкаливающим чувством долга, суровостью и почитанием мудрости Основного Терминала.

Особенно почитанием мудрости Основного Терминала.

Все они были так охвачены предвкушением, что никто не обратил внимание на инвалидное кресло, уютящееся у стен Истока, рядом с разобранной сценой. На спинку кресла была натянута черная хламида с черепами и нечитаемой надписью. На сиденье кто-то вывел черным «Дражайшему Накату от Тан'Тарена. Старик, продолжай радовать нас новыми убийствами!». И роспись менадинской пиктограммой. Послание на заказ писала Кира. А вот бочонок крепчайшей крабовой браги к баку прикрутила явно не она. Судя по тому, как бочонок постукивал, он давно опустел.

Звуки приближающихся стотри странным образом влияли на скрипучие колеса. Они начали неуверенно прокручиваться в разные стороны.

— Где... вычисляется... вычисляется... вычисляется... я? — простонал Ики.

Заметив надвигающиеся толпы варваров, он подскочил и снова заныл:

— Бедные мои... вычисляется... шарики.

Кресло повернулось вокруг своей оси.

— Где же Эскельд?

Ики смутно припоминал, что его хозяина куда-то уволокли. Потом был ледяной старик. Серый менадинец. Много стотри. Чрезвычайно много крабьей настойки.

— Какой код? Спокойно... Мне нужно... вычисляется... вспомнить код. Гнездо. А какое гнездо? Журавлиное или соколиное?.. Вычисляется... Проклятье!

Узелки в катушке памяти Ики совсем перепутались. Половина распустилась, вторая — свалилась в бессмысленный комок, в котором можно было угадать множество маневров по охмурению прелестных шатровых скамеечек и брутальных стычек с наглыми балаганными табуретами.

Ики взял себя в метафизические руки и потрянул метафизической головой. Он на улице. Так. Недалеко от Истока. Верно. Значит, Накат хотел, чтобы Ики ждал здесь. Стало быть,

код четыре: «пустое гнездо».

Тем лучше.

Почему-то совершенно не хотелось никуда ехать.

Когда мы вошли Храм Великого Терминала Реверанс стоял у циклопического зеркала, целой прорвы нестекла, который светился ярким, голубоватым прямоугольником. Реверанс был почти не виден, словно привидение.

— Отец, — Кира приблизилась к нему и тоже исчезла. Что-то зашептала ему на ухо. — Пожалуйста, — расслышал я в конце.

Высокий силуэт некоторое время безмолвствовал.

— Ты не могла поговорить со мной раньше? — проговорил Реверанс сурово. — Это же просто нелепо. Ты не представляешь, насколько там будет опасно!

— Отец! — вытянулась Кира. — Я должна там присутствовать. Пересчитай все мои просьбы. Много ли их было?

— Я не понимаю, зачем тебе это нужно.

— Хочу быть рядом с тобой, когда все начнется.

— Это не будет началом нападения, чешуйка, — Реверанс склонился над дочерью. — Пройдет еще не меньше цикла до наступления Тьмы.

Кира стояла на своем. В конце концов, послышалось:

— Ах. Хорошо. Но ты будешь стоять так далеко, как только возможно.

Они вместе вышли из слепящей пустоты.

— Что-то странное происходит со светозверем, — сказал первенец задумчиво. — Он словно и не собирается улетать. За последнюю неделю температура поднялась на три градуса. Неожиданно. Что задумало наше светило, Вохрас? Как ты считаешь?

— Возможно, ему не нравится эта идея с очищением континента, — проговорил я равнодушно. — Ты не боишься, что он может обрушиться на Твердые Воды армады жнецов и затопить их вместе с Истоком?

— Нет, на это он не пойдет, — первенец прошел мимо меня и встал к левому ответвлению массива кнопочек, переключателей и клавиш. — Он не может вмешиваться в дела мировых народов. Во всяком случае, он никогда раньше этого не делал.

Я промолчал.

— Кстати, позволь мне представить тебе Основной Терминал, — произнес первенец между делом. Тот самый всеобъемлющий сверхмеханизм, которому стотри вверяют расчеты своих судеб.

Я огляделся по сторонам. Кругом высились какие-то хрипящие монолиты и гудящие башни из серых плит.

— Он спит? — спросил я.

— Нет. Он бодрствует.

— И я могу с ним поговорить?

— Не думаю.

По нам ползли отражения символов, заполняющих экран.

— Понятно, — сказал я и призвал для себя кресло. — Он разговаривает только с тобой?

Реверанс обернулся, и я различил приоткрытую змеиную пасть с острыми клыками.

— Он не с кем не разговаривает. Если начистоту, то я не уверен, что этот механизм умеет говорить, так же как и мы... Кира.

— Да?

— Пожалуйста, подожди снаружи. Не волнуйся, без твоего ведома мы никуда отсюда не уйдем.

Я скрестил свои правые пятки и машинально кивнул, когда Кира, уходя, подмигнула мне.

— Почему у меня такое чувство, что я сейчас узнаю что-нибудь невероятно гадкое? — спросил я сам себя, сделав ударение на последнем слове.

— Действительно, почему? — поддержал меня Реверанс.

— Ну... — я причмокнул. — Наверное, потому, что для бунтаря ты кажешься слишком правильным. Я слушал твои выступления перед сотри на том обеде. Ты действительно собираешься освободить континент. Не калечить и убивать миллионы людей, отжимая их территорию. А именно освободить. И ты в это веришь, как я в то, что вода мокрая. Ты добр, справедлив и решителен. Могуч и доблестен. И все это одновременно. Так не бывает. Пока люди лгут, а хищники жрут сырое мясо, такая благодетель невозможна. Ты должен на чем-то попопаться.

Сгорбившаяся фигура перемещалась вдоль пульта, туда и обратно. Исчезала в сиянии и появлялась снова.

— Привет Ики, — бодро сказал Рем.

— Э-э-э... — протянуло кресло.

— Рем. Тот серый парень с крабьей настойкой.

— Точно.

— Ждешь кого-то?

— Накат должен найти меня здесь, — доброжелательно ответил Ики. — А ты?

— Моего Престопа куда-то забрали, — поведал Рем. — Наверняка его ждут крупные неприятности. Но кое-кто намекнул мне, что нужно подождать здесь и все может разрешиться само собой.

Они помолчали. Рем ковырял носком сапога стекломассу. Ики поскрипывал и перебирал математические шарики.

— Волнуешься? — спросил Рем, и уселся на туго набитый рюкзак.

— О, знаешь, Накат постоянно бодриться, — охотно заговорил Ики, — делает вид, что ни в чем не стеснен. Как же! У него ведь совершенно не действуют... вычисляется... такие полезные навыки как самоконтроль и осторожность. Он готов ввязаться во что угодно, лишь бы там можно было умереть... вычисляется... Так что, да. Я волнуюсь. А ты?

— Последние пять нерестов я стал есть в два раза больше, — сообщил Рем. — И бухать столько же. А знаешь почему? Нервы и ответственность. Я словно привязан к большому младенцу, который вместо гуканья одолевает тебя рассуждениями о кружках.

— Кружках?

— Да. Все началось с того, что он сказал мне: дескать, вот, Рем, кружка, в которой пива наполовину. А потом спрашивает: кружка наполовину полна или пуста?

— Странный вопрос, — заметил Ики. — Конечно полна.

— Вот, — Рем наставил на кресло указательный палец. — Это значит, что ты оптимист. Ики погромел шариками. Потом перепроверил всю катушку с узелками.

— Я не знаю такого слова.

— Ну, это когда тебе на ногу наступают, а ты радуешься: эвон какой узор получился на

ботинке. Или кошелек сперли, а у тебя праздник: не согрешу на эти деньги, да и вору сделал вечер.

— Это верно, — согласился Ики. — Так ведь гораздо проще.

— Быть дураком, — добавил Рем. — Сам Престон сказал, что кружка наполовину пуста. И он — пессимист. Это как оптимист, только наоборот. Ноешь постоянно: на свету тебе слишком светло, а в темноте слишком темно.

— Ну а ты что ответил?

— Я просто долил пива, и кружка стала полной. Я — активный реалист.

Ики уважительно поскрипел колесами.

— Таких задачек у него пруд пруди, — вздохнул Рем. — И от каждой он становится все глупее...

Он отвлекся на шум. Стотри низко мычали что-то, подхватывая ритуальные завывания ряд за рядом, словно поднималась волна пчелиного бешенства.

— Ты знаешь, зачем сюда вернулись стотри? — спросил Ики встревожено.

В ответ ему что-то пронзительно взвизгнуло. Протяжный скулящий звук сорвался с вершины Истока и разнесся во все стороны. Стотри замолкли. Послышалось шуршание и щелчки, словно кто-то быстро нажимал на клавиши.

Варвары припали на одно колено и задрали подбородки.

— ПРОТОКОЛ ДВАДЦАТЬ ДВА «А». АКТИВИРОВАТЬ? АКТИВРОВАТЬ.

Произнес могучий механический голос.

В толпе объявился Маширо и множество младших жрецов. Они ходили между склонившимися стотри с логарифмическими линейками и осеняли ими всех, до кого могли дотянуться. После каждого удара по лбу атмосфера торжественности и сакрального таинства только усиливалась.

— И активировал он протокол двадцать два... — бубнили жрецы нараспев.

Над Истоком вспыхнуло объемное изображение исполинской головы. Она напоминала одновременно родственника Олечуча и победителя выставки «Уморительные репы и прочие корнеплоды».

— ВСЕМУ ПЕРСОНАЛУ. ВНИМАНИЕ. ВСЕМУ ПЕРСОНАЛУ. УГРОЗА ЗАРАЖЕИ ПЯТОГО УРОВНЯ. АВТОРИЗИРОВАН ПРОТОКОЛ ДВАДЦАТЬ ДВА «А». СОХРАНЯЙ СПОКОЙСТВИЕ. ВСЕМ СПЕЦИАЛИСТАМ ПРОСЛЕДОВАТЬ В ОЧАГ ЗАРАЖЕНИЯ УСТРАНЕНИЯ УГРОЗЫ. ЭТО НЕ УЧЕНИЯ. ЭТО НЕ УЧЕНИЯ.

Стотри поднялись и затрепетали. Выглядело это так, словно гимназисткам явили десятиметровое полотно с портретом Гжастина Сладоуста. Проблема была в том, что у этих гимназисток на груди можно было ковать оружие. Странно было видеть, как жильно-мускульные породы пробивает восторженная трясучка.

— ДОЛОЖИТЬ О ГОТОВНОСТИ.

— Мы готовы! — взревели стотри.

— ДОЛОЖИТЬ О ГОТОВНОСТИ.

— Готовы, Основной Терминал!

— ПЛАН.

— Очистить континент! Разрушить Гротеск!

— ПОКАЗАТЕЛИ В НОРМЕ.

— Благодарим тебя! Благодарим!

Восторг варваров достиг своего пика. Теперь они напоминали выпущенных на газон

мопсов. От медитативной сдержанности и мрачной серьезности остались только парящие в невесомости космы.

Рем неслышно храпел, забравшись на Ики.

Реверанс нажал последнюю клавишу.

И вдруг яростно ударил по панели кулаками, выдрал какие-то провода и зашипел от отчаянья. Я смотрел на сгорбленную спину ящера и гладил двумя пальцами пригревшегося у меня на коленке Цыпленка.

— Я попался? — первенец повернулся ко мне.

— Еще как, — подтвердил я.

Реверанс ждал продолжения. Он нуждался в нем.

— Я не сразу к этому пришел, — заговорил он, не заметив моей реакции. — Когда я наткнулся на это славное племя, у меня и в мыслях не было лгать им. Я пытался убедить вождей помочь мне с Гротеском. Они ведь тоже не любили Авторитет. Но не настолько, чтобы устраивать полномасштабные вторжения. Я убеждал их почти целое поколение. В конце концов, мне пришлось искать поддержку того, чьим словам они поверят безоговорочно. Этой машины. Это просто машина. Невероятно сложная, но управляемая. И управляющая. Целым народом.

Я перестал его слушать. Гладил Цыпленка и глубоко дышал. Глубоко дышал и гладил Цыпленка. Лучшего занятия не придумаешь. Если б реверанс не был так увлечен исповедью, он без труда разглядел бы на моем лице отчетливую аббревиатуру ХМЭД. Хватит с Меня Этого Дерьма. Я час назад появился на свет после двухдневных мучительных родов. С меня сошло столько разнообразных жидкостей, что хватило бы на расширенный каталог ядов и щелочей. И не успел я привыкнуть к огромному рубцу на месте отдельных воспоминаний, как на меня снова сбрасывают стальной ящик с маркировкой: «Осторожно, нравственная проблема, от которой зависит судьба двух миров. Не переворачивать вверх ногами. Хрупкий груз. Не кантовать».

— Что? — улыбнулся я. — Не расслышал.

— Я спрашиваю, что ты об этом думаешь, — повторил Реверанс. — Авторитет погряз, врос по горло в чужую политику. Его нужно спасти. Оправдывает ли цель средства? Я знаю ответ, но... Что это? Что ты делаешь?

— Высказываю свое мнение, — я поднял вторую руку и соорудил еще одну фигуру, состоящую из сжатого кулака, с оттопыренным средним пальцем. — Какого змея ты спрашиваешь, если знаешь ответ? Первенцы решают за людей, ты решаешь за стотри. Наверное, у вас в хвостах сосредоточено удивительное знание о том, что действительно правильно, а что — нет. Знаешь в чем проблема? Настоящая проблема. Не в том, что Авторитет находится под игом Первенцев, а в том, что ты из лучших побуждений поведешь на него непобедимую армаду. При этом создавая новую ложь. Как стотри связаны с твоими амбициями? Какое им дело до Авторитета? Свою волю они изъявили давным-давно. А дальше началось что-то подозрительно похожее на происходящее сейчас у меня дома. Только вместо Автора — нестеклянный квадрат. Ты показал мне все это, надеясь, что я тебя оправдаю. А вот и нет. Я покажу тебе вот это, — я потряс фигурами. — У Рема это лучше получается, но мы ведь друг друга поняли?

Реверанс был неподвижен как застывшая во льду деревяшка.

— Не ново, — сказал он, слегка повысив голос. — У вас так говорить: клин клином

вышибают. Что мне еще оставалось делать? Оставить все как есть? Авторитет просто вымрет. Сто нерестов, двести, мерзкое гниение в котле невежества, и все выкипит. Останутся пустые халупы и темные дворцы. А стотри горды и могучи. Они не бояться смерти, они идеально подходят... — он вдруг подскочил ко мне и схватил за плечи. Я увидел ртутные блики яда. — Да ты хоть представляешь, чего мне все это стоит? Я страдаю, — зашептал он. — Таю как свеча. Если б не Кира, вина давно бы уже раздавила меня. Этот поход последний. Если и на этот раз не получится, Авторитет захлебнется в мире и спокойствии.

Я пересадил Цыпленка на плечо и выпрямился перед Реверансом. Он сделал шаг назад, продолжая жечь меня своей рассеченной желтизной.

— Мы справились со Зверьми и чумой. Справились бы и с Авторитетом. Так зачем ты е действительности меня позвал?

РУ-МРУ-У-У!!!

Светозверь понял, что дела его плохи.

РУ-МУРУ!!!

То есть он давно уже заподозрил, что пора вызывать кавалерию, но абсурдность происходящего удерживала его в состоянии караса внезапно разглядевшего голубое небо поверх железного жала. Безымянная сила, могучая как сотня планетарных тяг, крепко держала его за хвост и влекла вниз. Светозверь не чувствовал плавников, от напряжения его раздуло как колюшку, и раскаленные струи вырывались в пустоту под самыми разными углами.

Жнецы горестно вились вокруг него как пчелы вокруг разоренного улья. Светоч все еще мог вращаться вокруг планеты, но с каждым витком опускался все ниже и ниже.

Происходила какая-то чернодырственная разметеоритная астероидность! Комета! Комета и еще раз комета!

РУМР-УМР!!!

Мир под ним едва слышно откликнулся на призыв. К светилу протянулась незримая сущность, похожая на призрачный шелк, струящийся внутри всей планетарной жизни.

Далее произошел метафизический диалог на повышенных квазитонах. Если максимально упростить его, оскорбив оригинальные излияния сверхразумов Духа и Светила, можно донести до смертного читателя следующий набор реплик:

Светозверь (далее С): Что происходит? Почему я опускаюсь вниз?

Дух Мира (далее ДМ): Потому что между вами и миром сокращается расстояние господин.

С: Кобальтовый астероид. А почему между мной и миром сокращается расстояние?

ДМ: Потому что вы опускаетесь вниз, господин.

С: Ладно. Ладно. Хорошо (3 раза). То, что я опускаюсь вниз, это нормально?

ДМ: В нынешних условиях, это объяснимо.

С: А каковы эти условия?

ДМ: Сильное возмущение энергии ядра, господин.

С: Откуда это возмущение?

ДМ: (начинает объяснять законы энергообмена поверхностных и глубинных слоев планеты, смысловая адаптация невозможна).

С: Отлично (4 раза). Что послужило причиной возмущения?

ДМ: (продолжает объяснять).

С: Растрикометная планетеземаль! Само по себе такое произойти не могло! Кто-то контролирует этот процесс? Кто-то же должен! Кто-то обладающий разумом!

ДМ: Плесень.

С: Плесень?!

ДМ: Все верно, господин. Плесень.

С: Первенцы! Почему эти (адаптация невозможна) не сберегли канал? Неужели так сложно сидя на величайшем источнике сил, охранять его? Как это произошло?

ДМ: Думаю, Плесень состряпала интригу, господин.

С: Неужели?! Это мне и в голову не пришло!

ДМ: Позвольте заметить, господин.

С: Что?!

ДМ: Суть не в том, как именно Плесень обманула Первенцев. Важно другое. Вь поджариваете планету, господин. Вторую Великую Засуху переживут только различные мелкие насекомые. Насколько я могу судить, их не хватит, чтобы вас прокормить, господин.

С: Что же делать (3 раза). Что бы в этой ситуации сделал старик Фуруд? Вот уж кто бы даже не нагрелся. Кажется, у Алькора было что-то подобное... Нашествие какого-то Темного Властелина. Что он сделал? Комета! Он же весь прошлый нерест только об этом и болтал! Мне надо научиться слушать других. Эврика! Герои!

ДМ: Господин?

С: Нам нужны какие-нибудь отпетые людишки, способные все исправить. Так это обычно происходит. Кто-то из них делает шаг вперед и спасает положение. Во время войны зверей и людей их было полно. Найди кого-нибудь немедленно!

ДМ: У меня есть на примете несколько сильных личностей, господин!

С: Покажи.

Пауза.

С: Ты смеешься, Дух? Скажи сразу, потому что мне еще нужно успеть испепелить свой мир. Комета! Сначала эта война, потом еще плесень! А в брюхе у меня яиц столько, что хватит на новое скопление!

ДМ: Господин, я полагаю, вы находитесь в плену известных предрассудков. Видите ли, время рычажных героев, которые пользовались только мускулами и отвагой, давно кануло в лету. Постоянно обеспечивать их тупыми неуклюжими врагами слишком затратно. Сейчас в ходу прием «нужного человека в нужном месте». Это сложная, но крайне эффективная техника.

С: Прекрасно (5 раз). Просто найди кого-нибудь, кто сможет нам помочь! И быстрее!

ДМ: Уже, господин. Уже нашел.

Я глядел на Экстрактор Маггического Топлива, и прел каплями люизита. На мой взгляд, эта установка должна была появиться в этом мире ближе к Ужасному Выползу Хладнокровного. Она была бы гвоздем программы и самым посещаемым аттракционом. Особенно среди швей.

Слишком много игл, понимаете?

— А почему ты сам туда не полезешь? — спросил я у Реверанса. — Твоей магии тоже должно хватить.

— Твое тело постоянно восстанавливается и приспосабливается к любым условиям, —

первенец настраивал машину. По вогнутым реле скользили подвижные детали, мерзкая конструкция раскрылась как Венерина мухоловка и принялась перестраиваться под мою фигуру. — Я не продержусь и пяти минут. Исток не успеет зарядиться. Кроме того, моя смерть сильно ударит по боевому духу стотри. Не волнуйся, ты почти сразу же потеряешь сознание. Боль будет мучительной, но короткой.

Это обнадеживало. Особенно то, как ласково и смущенно позвякивали зажимы для конечностей. Угадайте, дети, что покрывало их внутреннюю поверхность? Правильно, иглы!

— Скажи честно, если б ты не сидел в моей голове, я мог бы рассчитывать на подобную учтивость? — спросил я злобно.

— Мне не доставляет никакого удовольствия тобой манипулировать, — мрачно отозвался Реверанс. — Просто есть вещи, которые должны быть сделаны. Во что бы то ни стало. Экстрактор — хороший тому пример. Я проектировал эту машину сотню нерестов. По крупцам добывал из памяти Основного Терминала информацию и расшифровывал ее. Сложно выразить словами, сколько сил это отняло. Тысячи догадок, проб и компромиссов. Не хочу хвастать, но это вряд ли удалось бы кому-нибудь еще. — Он смягчился и заговорил ласковее. — Я очень рад тому, что действительно верю в то, что делаю.

— А маггам, на которых ты его испытывал, ты тоже это говорил? — ядовито спросил я.

— Да, — просто сказал Реверанс. — Жаль, что человеческая натура ограничена в эмпатии и безгранична в эгоизме. Они реагировали много хуже тебя. Грязно бранились, пачкались, молили о пощаде... О пощаде! Можно подумать, я собирался карать их.

— Да, мы люди, бываем такими неостроумными сволочами, — согласился я, внутренне поражаясь тому, что сам еще не бранюсь и не пачкаю.

Я посмотрел на Киру, которая следила за нами, стоя в защитном маггическом пузыре у самой стены. Она сжала кулачки и дрожала как выкипающий чайник. Я подмигнул ей и развел руками, мол: кто бы там из твоих родственников ни собирался выжать из меня всю маггию до смерти, ты-то в этом не виновата.

— Мы друзья, Кира! — крикнул я, чтобы у нее не осталось сомнений.

Занятно, но это подействовало ровно с противоположным эффектом. Чуть не плача, Кира закрылась руками. Похоже, она решила, что я обвиняю ее в косвенном предательстве.

— Прощу тебя зайти внутрь, — тепло предложил Реверанс.

И указал раскрытой ладонью в центр утробы с настропаленными фиксаторами, перемычками, сочленениями и, конечно, иглами! Самыми разнообразными!

Я почувствовал, что не могу послушаться. Морда первенца горела в моем сознании как сарай с лампадным маслом. Единственное, что я мог противопоставить ей — это сжать покрепче новообретенный медальон.

Двигаясь как сбитый гвоздями болван, я встал в центр Экстрактора и приготовился к... Вообще-то у меня была слабая надежда на то, что меня спасет Рем. В конце концов, он довольно сообразительный и преданный коротышка. Он определенно должен заподозрить неладное в том, что ему не позволили последовать за мной. Незаинтересованным взглядом я обшаривал пространство, прикидывая, откуда он может появиться.

На моих запястьях тем временем сомкнулись челюсти кандалов, и я почувствовал, слабо, но все же аван обещанной мне мучительной боли.

Щелк!

А теперь и в ногах.

Младшие жрецы делали все возможное, чтобы меня ненароком не зашвырнуло спазмой

в непредсказуемом направлении. Широкий ремень туго перетянул мою ломкую талию.

Ну, где же этот сухолюд?

Не то чтобы я слишком перетрусил. Я был невероятно зол и все еще немного обескуражен. Мне нужно было время, и немного покоя, чтобы сообразить, во что я теперь верю. Я понял, что испытываю к Реверансу чистую, ни с чем несравнимую ненависть. Такой у меня под ребрами еще не было. Он меня достал. Действительно достал. Его двойственная природа, его неотличимая от правды ложь, его сила, его белая одежда и необъяснимая для такого урода харизма.

А еще он не дал Вельвет убить его.

Он одолел ее простым взмахом руки.

Он убил ее. Ну конечно! Если бы не его опытные прислужники, она бы не попалась...

Я одернул себя и понял, что снова пытаюсь обрести под ногами почву. Все равно какую. Ненависть к Реверансу вполне подходила. Нужно только тщательно отделить ее... от определенного участка памяти, который пересекал свежий рубец.

Рем был прав.

Он довольно плотно изучил всю мою стратегию и тактику самооправданий за то время, пока я бормотал, мучаясь во мраке убежищ. Я знал, что он следил за мной. Сухолюд подозревал, что я могу в любой момент перекинуться и пойти сдать арбитрам. А потом орать с последней ступени плахи какую-нибудь пафосную чушь улюлюкающей толпе.

Да, Рем был прав.

Боль осталась, но теперь она была безотносительна. И должна быть такой, пока не исчезнет. И лучше всего пустить ее течение в русло ненависти.

— Ты готов? — спросил Реверанс, заботливо проверяя мои оковы.

— Тебе кто-нибудь уже говорил, что тебе это все просто так с рук не сойдет? — спросил я, почти не шамкая.

— Я сам делал это много раз.

— А можно мне сказать тоже самое?

— Если хочешь.

— Змея с два то, что ты делаешь, принесет радость и свободу хоть кому-то! Ты оболгался настолько, что хочешь теперь столкнуть лбами две одинаковые мерзости. Это только в магических формулах минус на минус дает плюс. А ты получишь кровавую кучу-малу из которой не выйдут герои и освободители! Только мертвецы и изувеченные.

— Я приму твою точку зрения к сведению, — участливо заверил меня Реверанс.

— Этот тон! — вскричал я, окончательно рассвирепев. — Прекрати строить из себя святую овцу! Дай мне только выбраться отсюда, змеиная рожа! Мы с тобой померяемся силами!

— Запускайте Экстрактор.

Младшие жрецы с готовностью подчинились. На моем плече вдруг появился Цыпленок. Он хитро подмигнул мне и крепче перехватил клювиком маленький пальмовый росток.

— Иф, — предупредил он.

— Что? — я попытался повернуть к нему голову, но ее плотно держал ошейник. — Что ты задумал?

Он спорхнул с моего плеча и исчез.

— Экстрактор готов, — почтительно шепнули Реверансу.

Он кивнул и положил руку на переключатель.

— Прошу прощения, — сказал он, искоса взглянув на меня.

И сдвинул его вниз...

Я орал и брыкался. Не теряя сознания. Говорят, в такие моменты время растягивается. Ни змея подобного. Оно просто исчезает. Становится слишком сложным понятием. На время не хватает времени. Маггия шкварча и посвистывая, выходила из меня голубыми потоками. Экстрактор низко загрохотал, распределяя выкаченную силу по кабелям. Все во мне съежилось в ожидании подступающего конца. Непрерывная перестройка организма замедлилась, странные жидкости, неизвестные металлы прекратили свои метаморфозы и начали разлагаться...

И тут переключатель лязгнул во второй раз.

Я с трудом открыл глаза и обнаружил, что на меня несутся зеленые пальмовые лохмы. Зелень ударила мне в живот, и я закачался как марионетка. Вокруг бушевало пальмовое безумие. Взрывались шапки листьев, выстреливали коричневые стволы, мохнатые орехи скакали по полу, на глазах погребая под собой жрецов. Стволам не хватало места, они спугывались и переплетались как лоза. В одном из таких клубков застрял Реверанс. Наружу торчал только его извивающийся хвост

Через минуту все замерло.

Кто-то подошел ко мне сбоку и принялся, пыхтя и постанывая, снимать захваты.

— Кира? — изумился я.

Она на секунду остановилась передо мной, а потом, молча принялась за следующую сторону. Я помогал ей левой рукой.

— С вами все в порядке? — спросила она, стаскивая с моей лодыжки последнюю железяку.

Меня повело в сторону, но она подставила плечо.

— Я жив. А это значит, что могло быть и хуже

— Все эти шипы...

Она выпрямилась, и наши взгляды встретились. Я вдруг представил, что она сейчас видит. Резиновую перчатку, натянутую на большую шишку. И два разных глаза. А еще я широко улыбался, так что на пустые десны она тоже насмотрелась.

Что здесь может нравиться?

— Нам нужно уходить, — Кира встrepенулась и потащила меня за собой.

— Это вряд ли, — затормозил я. — У меня с твоим отцом одна воля на двоих. Причем купчая у него. Понимаешь?

— Он должен быть в беспамятстве, — Кира разрыла кокосовый курган и осторожно провела рукой по чешуйчатому рылу. — О, Первый, надеюсь, я не слишком сильно тебя ударила.

— Пока он без сознания, я могу уйти? — догадался я.

— Да, нужно просто уйти как можно дальше, — Кира поцеловала отца в нос и что-то прошептала ему в барабанную перепонку на виске. Посмотрела на меня.

— Ой-ой-ой, — попятился я. — Не надо так на меня смотреть. Я не собираюсь это комментировать. Ты сделала то, что сделала. Спасибо, конечно, но мне нужно выбираться отсюда.

— Я пойду с вами.

— Ты проводишь меня?

— Нет. Я хочу уехать с вами с острова.

— Что? А как же твой отец?

— А вот теперь вы перестаньте так смотреть на меня, — надвинулась Кира. — Он знал, что рано или поздно это случится. Мы оба знали. Он как-то раз сказал мне, что, если я пожелаю покинуть остров, он даст мне фору. В один цикл. Я была тут в заключении, как и вы. Но не с корсарами же мне было убегать! Я знаю, чем они берут плату с девушек. И тут появляется Вохрас. Он же Престон. Сильный и благородный. И совершенно другой. Я никогда еще не видела таких людей как вы. И дело не только во внешности... Я подумала: вот он. Тот, кто поможет мне уйти.

— И давно ты это спланировала? — проговорил я, все больше теряясь.

— После того как вы потушили постоянный двор. И это был не совсем план... Скорее порыв. До последнего момента я не была уверена, что смогу сделать это. Меня поддерживала... поддерживали чувства к вам и уверенность в том, что вы здесь не по своей воле.

— Но с чего ты вообще взяла, что я собираюсь убежать? — я не успевал хвататься за мысли. — Реверанс представил меня как добровольца и союзника.

— Я же сказала, ваша неординарность заключается не только в двух правых ногах, — Кира уложила голову отца на кокосы и подошла ко мне. — В вас есть какое-то коренное противоречие, словно вы собраны из чуждых половин. Ваш дух не подходит вашему телу.

— Неужели?

— Да. Я постоянно чувствовала, что вы здесь не в своей тарелке. В каждом вашем движении была неуверенность. Вы не хотели здесь находиться и явно не представляли, что вас ждет. Иначе отец не стыдился бы так все то время, пока подготавливал вас... К этой машине.

— Это на него похоже, — согласился я, не зная, что сказать на все предыдущие откровения. — Так... Ты хочешь отпустить нас в обмен на компанию? Несмотря на то, что войско твоего отца лишается *такой* поддержки.

— Исток должен был стать грандиозным штандартом. Отец сам говорил, что вооружения на борту нет. Сотри обойдутся без него. И без вас. Вам так не кажется, господин Вохрас?

— С тобой действительно трудно спорить.

— Тогда уходим не мешкая! — объявила Кира непререкаемо.

В глубине вентиляции послышался дробный лязг. Что-то неслось к Накату, как электричка. С той же уверенностью и грохотом.

Бывший инквизитор перехватил нож острием вниз и с трудом различил еще один звук.

Кряхтение. Натужное, словно в доме престарелых после бобового понедельника. Это Вилл старался не вывалиться из вертикальной шахты, отверстие которой виднелось чуть впереди.

В русле кровавого полусвета замаячил бешенодвигающийся силуэт.

— Ну, дава-а-ай, ты восставшая кукла, подойди и возьми меня-а-а-а! — заорал Накат, заноса нож.

Через минуту он уже катился вниз на выбитом листе, который со скрежетом высекал искры из внешней обшивки Истока. Накат вынужденно наблюдал приближающийся остров и пытался сбить со своего горла клешни Олечуча.

— Уд-рь и-хо м-чм, — прокашлял он Виллу.

Кабинетный варвар, обеими руками вцепившись в талию Олечуча, глядел с мрачной иронией, которую вполне можно было перевести на все языки мира, как вопрос: да ты, должно быть, шутишь?

Щит подскочил на особенно крутом выступе. Земное притяжение принялось за работу. Накат всхрипел. Лицо Вилла приобрело выражение обгоревшей спичечной головки. Олечуч, в последний момент успевший зацепиться за выступ, провожал их взглядом нарисованных глаз.

Яростный свист ветра.

Визг Кричащего меча.

«Нужный человек, в нужном месте».

— Пресвятые Звери!

Рем всхрапнул и подскочил на месте.

Кресла под ним уже не было. Сухолюд осоловело огляделся по сторонам. Он успел заметить спешно удаляющуюся стаю жнецов.

Тут что-то потянуло его вперед, словно гигантская ноздря втягивала воздух перед не менее грандиозным чихом. Рем вцепился в рюкзак, но их поволокло вместе. Прямо в узел искажающейся реальности.

Чих-кр!

Кира накрыла меня персиковым запахом и шелковыми одеждами. Получив несколько занимательных впечатлений от ее скрытых форм, я переключился на свой желудок. Я подождал пока девушка встанет и выплюнул в сторону большой бесформенный кристалл бурого цвета.

— Циф? — цинично поинтересовался Цыпленок.

— Вроде бы да, — ответил я и поднялся, опираясь на посох. — Кира, у тебя все на месте? Ничего не исчезло?

— По-моему нет, — озабочено ответила та.

— Престон?!

— О, а вот и Ред.

— Змей подери! — он заскакал вокруг с огромным сидором на закорках. — Я места себе не находил! Так какой у нас план?

— Выйти отсюда, сохраняя спокойствие, — не раздумывая ответила Кира. — Воспользуемся быстроногами. Отец проводил все свои эксперименты с Истоком в строжайшей секретности. Пока его найдут, мы уже будем в Порту. Там мы возьмем отцовский шлюп «Стремительный». Им можно управлять вчетвером, там много механики, он крепкий и всегда загружен припасами и такелажем.

— А кто четвертый? — спросил Рем. — Олечуч?

— Змеево чучело, — проговорил я с досадой. — У нас нет времени искать его.

— Он сам найдет нас, — сказал Рем. — Пошли. Где нужны четверо, — трое будут работать, а один командовать. Навалимся все вместе и выведем этот корабль.

На воротах нас пропустили без задержек. Уж не знаю, что сказала Кира, но вопросов у околотников не возникло. Мы довольно быстро приближались к причалам.

Жара снаружи стояла удушающая. Палило так, словно светозверь решил подсесть на жаренное. Смотреть на него было почти невозможно. Он явно увеличился в размерах.

Светоч либо переусердствовал со сбором урожая, либо решил обнять нас всех перед отлетом.

Если он затеял какую-то божественную игру, то, как раз вовремя. Лучше всего было бы просто развести армии по разным углам и послать им предупреждение, которое даже у их правнуков будет в голове греметь.

— Тревога! Тревога! Всем и каждому! Кордун Вохрас предар нашего Верикого Терминара и Его Жреца! Он Бежар! Повторяю, бежар! Всем к оружию! Каждому на поиски Поймать! Пренить! Доставить обратно в Исток! Немедленно!

Примерно вот так.

— Проклятый Маширо, — простонала Кира. — Я совсем забыла про него.

Я буквально почувствовал, как пространство вокруг щелкнуло и переключилось с равнодушного на враждебное. Меня изрешетило пронзительными взглядами.

Мы спешились.

— Рем, как насчет чего-нибудь вроде «эй, ребята, смотрите, я снимаю штаны, а вы сразу делаете вид, что нас здесь нет»? — проговорил я сквозь десны.

— Думаешь это так просто? — огрызнулся тот, быстро пыхая трубкой. — У всего есть предел. Особенно у допущений в сверхлогике. Их слишком много.

Кира прижалась к моей спине и стиснула правую руку. Это, по-видимому, означало, что добраться до «Стремительного» мы не успеем. Варвары, хватая сети и двузубцы, окружали нас.

— Есть идеи, Цып? — спросил я с надеждой.

— Циф, — мрачно напомнил тот. — Циф! Циф-циф.

— Что?! — подпрыгнул я. — И сколько нужно ждать?

— Циф.

Стотри притормозили. Они увидели, как Великий и Ужасный Вохрас воздел сухие руки к небу и принялся хрипло и яростно что-то выкрикивать. На их взгляд колдун готов был разразиться чудовищным магическим выбросом, от которого твердые воды встанут на ребро. Варвары не были знакомы с грязной руганью подпольных общин Авторитета, берущих свои жизни взаймы у закона.

Краснокожие остановились.

Я понял, что, оказывается, удачно блефую. Рем обещал что-нибудь придумать и просил меня не останавливаться. Кира предлагала биться до конца, до самой смерти.

Змей знает что.

Потом раздался первый вопль. Стотри обернулись. В их тылах что-то происходило. Что-то крайне неожиданное, судя по тому, как вытягивались их лица.

— Крабы!

— Змеи!

— Рыбоноги!

— О, Великий Терминал, что это?

На моих глазах за спинами стотри вырос гигант состоящий из бешено мельтешащих крабов. Он ударил ногой. Пилигримы взгорбились. Из трещащих разломов вверх ударили гейзеры из сельди. Крабовый голем поднял правую руку, которая грубо трансформировалась в пушку.

Стотри попадали под залпом морских ежей.

Почти сразу в чудовище ударили радуги, и оно засвистело, скукоживаясь. Запахло жареным крабовым мясом. Рем хохотал и облизывался.

Монстр сложился наполовину и рассыпался. Разрозненные крабы при поддержке кавалерии рыбоногов нападали на стотри, давя числом. Слышались задыхающиеся крики и мычание. Вырастали новые големы. Один за другим они распрямлялись и шли в бой, сея смерть, разрушение и боль своими ежеметами. Воины стотри в сайских доспехах нападали на них, но что они могли сделать этой аморфной массе постоянно перестраивающихся врагов?

В наступившей неразберихе, шуме, треске и криках, я понимал только одно: крабы расчистили нам коридор к отступлению. Только совсем не туда, где был пришвартован «Стремительный».

— Кира! — позвал я, с трудом перекрикивая гам. — Что происходит?

— Понятья не имею!

— Так это не ты?

— Нет! Такое мне не по зубам! Я думала, это ваша работа!

— Змея с два. Все, что осталось после Экстрактора пошло на трансгрессию из дворца!

— Нужно валить, пока есть место! — встрял Рем. — Нет времени думать, надо реагировать!

Мы побежали, разбрызгивая суп из перемешавшейся морской воды и печеных клешней.

Впереди послышались взрывы, и небо над корабельными пристанями расчертили дымные обломки разнообразных «Превозмогающих черепах», «Быстрых дельфинов» и даже «Кораллушек». Взревело пламя, жадно набрасывающееся на парусину, оснастку и пропитанные жиром борта.

На погрузочных механизмах кишели крабы и чайки. Они трепали тросы, которые с хлопками и свистом разбегались в разные стороны, натягиваясь под опадающими секциями и суставами.

Обезумившие от страха моржи вырвались из своих загонов и ринулись в толчею.

И вот тут-то начался настоящий хаос.

— Может быть Авторитет атакует?! — предположил Рем.

Он увернулся от какого-то особенно настырного стотри и пробил ему кинжалом коленный сустав.

— Крабами? — уточнил я, удерживая варваров на расстоянии искрящим посохом. — Звероукротители на такие мелочи не размениваются!

— Это не мелочи, — прорычал кто-то.

— Ну, вообще-то, крабы довольно маленькие, — парировал Рем, не оборачиваясь.

— Они *не очень большие!*

— Гораздо проще сказать «маленькие», — не сдавался сухолюд.

— Да как ты смеешь так говорить, когда они разбивают...

— Стоп, — опомнился я. — А ты еще кто такой?

Громила в тигровом балахоне, короткими жестами перенаправил несколько хвостатых воинов на подбирающихся к нам стотри, и сказал:

— Вохрас не помнит меня! Ну, конечно. А ведь это именно я пытался помочь, когда Реверанс только похитил тебя.

— Крысы? — заподозрил я. — Ежи?

— Да, мы не успели встретиться лично, — подтвердил незнакомец. — Я Миумун, верный слуга Торкена. Меня послали, чтобы найти тебя и обезопасить. Но ты не пытался сопротивляться Реверансу. Возможно, ты даже симпатизировал ему. Он манипулирует

людьми как собственными пальцами! Однако, судя по тому, что ты бежишь мне навстречу, у тебя уже сложилось впечатление о нашем общем враге. Теперь, главное, не глупи и ступай за мной. Я вывезу тебя с острова.

— А что потом? — спросил я широкую спину.

— Я могу с уверенностью сказать тебе, что будет потом, если ты не проявишь благоразумие, человечиска! — рыкнул Миумун. — Ты и сам это знаешь.

— Эй, полегче, — разозлился я, решив поднять ставки с вынужденного блефа до бескомпромиссного. — Я сильнейший колдун этого мира. Давить на меня опаснее, чем на мышью. Или говори, зачем ты мне помогаешь или... — я поднял посох. — Я задержу тебя достаточно, для того чтобы они разделались и с твоими крабами, и с охранниками. И с тобой. А когда выдохнешься и помрешь, я доберусь до материка на твоём трупе! Но готов поверить, что ты совершенно случайно возомнил, что мне действительно нужна твоя помощь. Ты, повелитель начинки для пирогов!

Миумун фыркнул. И сделал почти незаметный шаг назад. Почти.

— Не нервничай, колдун, — заговорил он хмуро. — Последним моим приказом было шпионить за происходящим и при возможности выкрасть тебя. Выкрасть и увезти обратно на материк. Ты интересен Торкену.

Материк. Это слово мне нравилось. Пока оно фигурирует в плане, можно действовать по обстоятельствам.

Я кивнул в сторону своих спутников.

— Они со мной.

Миумун невнятно пробормотал что-то. Потом оценил обстановку и дал своим воинам знак уходить. Стотри успели перегруппироваться, из тренировочных лагерей прибежали фаланги закованных по макушку штурмовиков. От запаха паленых панцирей было невозможно дышать.

— Ну же, Миумун, — я схватил его за плечо.

— Быстрее, — проворчал тот. — Корабль отходит.

Щелк-щелк...

Щелк-щелк...

Щелк-щелк...

— Реверанс-семпай?

Щелк...

— Корабри отправленные в погоню вернулись ни с чем. Хтонид сообщает, что неизвестный враг растворился в воздухе. Букварью. Так он говорит. Этому можно верить, младшие жрецы говорят, что Око тоже ничего не увидеро. Этот акт подрой агрессии был нанесен с помощью срожных идей.

Щелк...

— Вы намерены что-нибудь приказать? Что угодно. Стотри ждут вашей реакции. Нужно убедить их, что вы в ярости, мой Жрец.

Щелк...

— Я в ярости, Маширо.

— Они не знают об этом, — саец обошел кресло Реверанса и встал справа, уставившись на его колени. — Я сказар отсекам, что с вами все в порядке, но они не верят. Мой Жрец, вы ведь понимаете, их мышрение состоит из прямых угров. Они могут решить, что вы

растеряны. Вам нужно появиться на рюдах. Немного покричать. Пообещать Авторитету возмездие...

Первенец посмотрел на своего помощника. Потом опустил взгляд ниже. Маширо, заметив это, поспешно убрал руку с подлокотника. Его мочки затрепетали. Ощущение было такое, словно давно изученный задний двор вдруг покрылся капканами, волчьими ямами и магматическими гейзерами. Саец не смел шевельнуться. Над ним, тяжело переливаясь и ворочая тонны невидимой тяжести, осеяземо томилаь маггия. Она могла чуть дрогнуть, и от Маширо осталось бы только трудно выводимое пятно.

— Вроде того... — всхлипнул он, чувствуя себя крайне несчастливой фарфоровой тарелкой, оказавшейся в центре землетрясения.

Щелк...

— Да, — сказал Реверанс, не размыкая челюстей. — Ты прав. Нужно показать им, что я в ярости. Иди к вождям Маширо. Скажи, что время пришло. Великий Терминал приказывает атаковать немедленно.

— Но...

Маширо вдруг понял, что это «но» подняло его за шкуру над пропастью.

— Но? — переспросил Реверанс.

— Это не совсем то, что я имер ввиду, — прохрипел Маширо, чуть не плача от собственной безрассудности. — Мы хотели дождаться Тьмы...

— Тьмы не будет. Что-то происходит со Светозверем. Он наверняка хочет нам помешать... М-м-м-м... Ах-с-с-ш-ш! Мы даже не вышли из Порта, а все уже начинает трещать по швам! Светозверь, Вохрас! Даже... *Кира!* Если этот никчемный выродок не сбережет ее, если она хоть палец занозит, я...

Раньше у Маширо была проседь в черной косе. Теперь в белой косе можно было с трудом разглядеть темные волосинки. Он стоял в тазике. Этот тазик каким-то чудом держался на плаву посреди десятибалльного шторма. Закрыв глаза, саец скользил по сорокаметровым волнам.

— Я выплываю немедленно, — гремела гроза. — Армия должна выйти из порта не позже, чем через неделю.

На этот раз Маширо не смог даже объединить «н» и «о» в одно целое.

— За это время я успею найти и договориться с Марлеем. Наемниками придется пренебречь. За это время они даже штаны одеть не успеют. Пойдут во второй волне с остальными.

Вспышки молний пробивались сквозь черные тучи.

— А тебе я оставляю великолепную возможность и высокую честь.

Океан вдруг застыл закручивающимися горами льда. Но опасность еще не миновала.

— Ты должен будешь поднять Исток.

После этого мысли Маширо стало отрывочными, словно измельченный буклет. Он понимал, что шторм все еще говорит с ним, но что именно стихия хотела от него, саец расшифровать не мог.

Он очнулся на троне Реверанса. Озябший от ледяного пота, и вялый как помидорный куст, застрявший посреди двух засух. В голове вместе с болью билось словосочетание «в один конец».

В один конец?

Маширо посмотрел на панель управления.

В самом центре маняще мерцала большая закрытая нестеклом клавиша. На прозрачном материале мелкими буквами была выжжен приказ.

«Нажми меня».

Глава 14. Шаг вперед

«...Та-та-да! Та-ра-та-ра-да-та! Та-ра-а-а! Там-та! Там! Там! Там! Та-ра-та-ра-да-рам! Там! Там!..»

фрагмент крайне динамичной и брутальной симфонии «Чаепитие лиги Чемпионов».

Вилла угнетало странное предчувствие. Он был в сознании уже довольно долго, но ему совершенно не хотелось открывать глаза. Такое обычно бывает с пятилетним Кукси Бояшкинсоном, когда он слышит ночью скрип в коридоре или шорох в шкафу.

Опасность очевидна, но встретить ее, смело вынырнув из-под одеяла, не получается.

Рядом кто-то заперхал. А потом принялся ворочаться, взбрасывая жухлые опахала мертвого папоротника и рыча. Кабинетный варвар решился: напал на окружающее пространство жадным взглядом.

— Ну чего смотришь... вычисляется... помоги мне слезть.

Вилл поднялся и рассек мечом лианы. Ики упал, подпрыгнув на колесах. Накат тут же вскарабкался на него и уселся, мрачно озираясь по сторонам. На него были надеты странные черно-синие доспехи. На грудной пластине белела надпись «Атряд Альфа». Вилл, приподняв руки, оглядел себя. Как оказалось, он тоже входил в «Атряд».

Некоторое время они оба озирались по сторонам.

— Движение, заросли, на два часа, — тихо прохрипел Накат.

Кричащий меч вопросительно пискнул.

— Опасности вроде бы нет, — перевел Вилл.

Из зарослей с шумом вынырнул жнец. Он покружился над Альфой и приземлился на покосивший ствол папоротникового дуба.

— Не делай резких движений, — предупредил Накат.

Вилл не был до конца уверен, кому именно адресовалось это предостережение. Но на всякий случай решил не шевелиться. Появились еще несколько жнецов. Они притащили огромный железный шкаф, который уронили рядом с Накатом. Суровый колясочник даже не моргнул. Он продолжал сверлить взглядом первого жнеца.

— Ну? — Накат подъехал ближе. — Какого змея тебе нужно? Зачем вы перенесли нас сюда и напялили эти тряпки?

Жнец шевельнул щупальцами, поскреб крючьями бок. Потом вынул из внутренних пазух покрытую слизью куклу, изображающую Командора Вероятность, одного из самых значимых членов Лиги Чемпионов.

Жнец потянул за колечко на спине куклы.

— Нужно! Спаси! Мир! — пропищала та.

Варвар и убийца переглянулись.

— Что? — переспросил Вилл.

— Нам! Грозит! Опасность!

— Какая опасность? Кому грозит?

Жнец выбросил куклу. Ее место занял размокший букварь. Сборщик осторожно его пролистал и остановился на букве «С». На бумаге расплывалось изображение светозверя.

Вилл приподнял левую бровь, изо всех сил стараясь понять. Жнец возбужденно затрясся и взлетел. Вместе со своими сородичами он раздвинул ветви.

Накат присвистнул.

Из центра Троегорья закручивалась вверх гигантская призрачная воронка. Клыки планеты содрогались и агонизировали от неизмеримого напряжения. Давление вырывало целые скалы, дробило тела исполинских гряд. Они кружились вокруг Торкена, словно подхваченные вихрем коровы.

— Выглядит хреново, — прокомментировал Накат.

— Ты хочешь, что бы мы отправились туда?

Энтузиазм Вилла в этот момент несся к отрицательному значению. Но воля только пожала плечами и мрачно сплюнула.

Зашелестели листья. Свесились вниз переплетения лиан. Жнецы ушли, так и не ответив.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Вилл.

Накат хрустнул пальцами и поехал в чашу.

— Эй, куда это ты? — окликнул его варвар. — А как же планета?

— Ч... Что? — сварливо донеслось из-за спинки Ики. — Планета?! Только не сходи с ума, парень. Боги шутят, как умеют. Смеяться при этом не обязательно!

— Эта воронка выглядела довольно серьезно! — напомнил Вилл. — Клянусь Марлеем, ничего серьезней я в своей жизни еще не видел!

— А что ты вообще видел? — спросил Накат, остановившись.

— Ну... Немного... того, немного этого.

— Слушай, парень, — киллер повернулся к нему и показал грязную задубевшую пятерню. — Видишь эту руку? Обрати внимание на мизинец. В нем есть целая косточка. Косточка, которую я ни разу еще не ломал в драке с такими уродами, что эта воронка покажется тебе остывшим бульончиком, просто потому, что она далеко и не пытается на тебя напасть. Когда я был инквизитором, я почти каждый змеев месяц сталкивался со зреющим апокалипсисом. Ритуалы на озерах крови, призывание червецов, восстановленный штамм Пенной чумы сопротивляющийся вакцине. Я встречался даже с сыном Хладнокровного. У этого парнишки вместо соплей текла кровь его последней жертвы. Каждый раз мир висел на волоске, но кругом ничего не менялось, даже цена на лук не падала. И знаешь почему? Миру просто наплевать. Ему настолько все равно, что даже у Армагеддона опустились бы руки.

Накат развернулся и принялся раздвигать заросли руками, пытаясь протиснуться между тугих стеблей.

— Но ведь ничего не менялось именно потому, что ты ломал кости! — не сдавался Вилл.

— Парень... вычисляется... прав.

— Не вмешивайся, Ики.

— Нет уж, я вмешаюсь!

Накат вдруг покотился назад.

— Ики! — он вцепился в колеса. — Мы уезжаем отсюда.

— Нет, мы остаемся!

Заскрипели рессоры.

— Да как ты смеешь? — задохнулся от возмущения Накат.

— Смею! — запальчиво вскрикнул Ики. — Ты совсем озверел от буквы «Я»! Кое-кто... вычисляется... кажется, распространялся о тщетности добрых поступков. Вот! Пожалуйста! Можешь одним махом спасти мир. Это точно не будет каплей виски в бочке воды! На рынке

добрых дел «спасение мира» идет вторым местом, сразу после «спасения и превращения мира в рай»! От тебя требуется всего лишь заткнуть эту воронку, чтобы светозверь не спалил твое драгоценное эго!

— Ладно, — еле сдерживаясь, промычал Накат. — Я уйду отсюда на руках. Мерзкий четырехколесный предатель. А ты погибнешь во второй раз из-за своего треклятого идеализма!

— У тебя все, что не касается похлебки на ужин — идеализм!

— Змей подери, ты выводишь меня из себя! По-твоему от полюса до полюса не нашлось кого-то другого кроме нас? Почему мы должны это делать?

Что-то захохотало, и спорщики отвлеклись. Вил колотил Кричащим мечом по железному шкафу.

— Я думаю... — сказал он твердо. — Если позволите вмешаться...

— Ну! — в один голос рывкнули кресло и сидок.

— Я думаю, что в нас есть что-то такое, чего нет у других, — продолжил Вилл, стараясь быть максимально убедительным. Он где-то слышал, что спорщиков можно разнять, просто встав между ними. Но... Это был немного не тот случай. — Если нас выбрали... — Вилл выдержал паузу. — Значит это дело по плечу именно нам. И только нам. Так-то.

Накат поглядел на него, перевалившись через спинку кресла.

— О, ну это совсем меняет дело, — проговорил он одобрительно.

— Правда? — удивился варвар.

— Конечно, — Накат на глазах превращался в желчную бомбу. — Ведь у нас есть моя целая косточка в мизинце. А знаешь, чего у нас нет, малыш?

Кадык подсказал Виллу, что у него есть всего одна возможность перерезать нужный провод.

— Решительности? — рискнул он.

— Оружия, идиот! Там наверху живут Первенцы. Наверняка они имеют отношение к этой постылохреновине. Ты следишь за моей мыслью?

Вилл усердно покивал. На самом деле он уже успел пожалеть, что вообще ввязался в этот спор. Нужно было взять Кричащий меч и отправиться к Троегорью в одиночку. Так было бы спокойнее и привычнее. Он слабо представлял себе, как доберется туда и как, собственно, примется затыкать воронку. Но, судя по тому, что от ужаса его немного подташнивало, это было настоящее дело. То, которое оправдало бы двадцать лет работы пресс-папье.

— ...как зубочистку, даже в зубах не ковыряясь, — жестоко закончил Накат.

— Знаешь что, — Вилл вложил меч в ножны. — Я, пожалуй, пойду. От твоего нытья даже мне становиться не по себе. Извини, но ты будешь обузой.

В наступившей тишине послышался негромкий, но подозрительный скрежет. Шкаф медленно накренился вперед. Его створки подались в стороны, и позади варвара с грохотом разъехалась гора оружия на все случаи смерти. Накат, который в этот момент уже сидел на Вилле и собирался переломить ему шейные позвонки, вдруг ослабил хватку. Ровно настолько, чтобы стотри смог втянуть в себя чайную ложку воздуха.

— Эй, Ики, сюда, — позвал убийца заинтересовано.

— Если задушишь парня...

— Нет-нет, ты только погляди. Это... Мне врут глаза, или это сайский струнный разделитель? А это... Паленые яйца Первого. Гвардейский ручной хлопышмет выпущенный

ограниченной серией только для Мастеров Оружия охраняющих Автора... А это! Разрешенный только в Церкви Зверя реактивный кислотный слизень!

— И?

— Я в деле, — отпустив Вилла, Накат жадно перебирал инструменты, предназначенные для забивания людей в землю. — Я не уйду отсюда, пока не испробую все это в деле... Рваные уши Первого! Да ведь это же...

Посреди Океана, окруженная лишь горизонтом, покачивалась на мягких волнах подводная лодка.

На ее горбу сидел Реверанс.

Глазами, застывшими под тенью шляпы, он следил за пробковым поплавком, который мог бы испытывать к своему создателю не самые теплые чувства. Будь он чуть кривее и бесформеннее, и он наверняка пошел бы ко дну от маниакально-депрессивного психоза.

Не клевало.

Поддувал бриз, вода плескалась у бортов. Время от времени из-под лодки выныривала медуза или косяк любопытной рыбешки. В такие моменты сгорбленная спина начинала медленно выпрямляться.

До самых сумерек первенец просидел словно изваяние Воскресному Рыбаку с Проблемами на Работе и Неприятностями в Личной Жизни. Когда совсем стемнело Реверанс вздохнул, убрал пустое ведерко в субмарину и снял с большого костяного крючка кусочек каракатицы. Место этой нехитрой наживки занял стеклянный шар размером с футбольный мяч. Внутри сидело угрюмое заклинание, похожее на потерявшегося в палитре хамелеона. Реверанс понаблюдал за безымянными оттенками, и обмотал шар леской.

Шар упал на воду. Заклинание испуганно заскреблось внутри, но утяжеленное грузило почти сразу утащило его вниз. Зажужжала катушка. Реверанс, прислушиваясь к волнам, выждал, когда леска закончиться и полностью сфокусировался на сплетнях воды. Вода — хороший проводник для многих вещей. Приближающееся могущество наполняло ее как электрический выброс.

В нужный момент Реверанс очнулся от своего сканирующего транса и перерезал леску.

Шар с несчастным заклинанием опускался все ниже и ниже, в холодную безнадежную тьму параллельного измерения. Толстое стекло затрещало в тисках бездны.

Хрусть!

Темнота расколола шар как орех, выплюнув пузырь воздуха.

Над осколками стекла вспыхнула маленькая искорка. Она стала увеличиваться и крепнуть.

Вскоре Реверанс увидел первую вспышку под субмариной, словно кто-то открыл и сразу закрыл холодильник. Потом вторую, третью, в глубине разрастался шар переменчивого сияния, которое выстреливало очереди оттенков. Океан вокруг озарился, свет выныривал из воды, оттеняя лодку. В полной тишине сверкали тысячи разноцветных вспышек, изгоняющих тьму. В конце концов, даже глазам Реверанса стало невозможно, и он укрывся в субмарине.

Через час он вылез и осмотрелся.

Темнота приходила в себя. Она была еще гуще и мрачнее, чем обычно. Теперь оставалось только ждать.

На заре начались поклевки Марлея. Выглянув из субмарины Реверанс обнаружил рыбу. Она была повсюду. Поверхность воды исчезла под блестящими боками. Кишащая живность

испытывала сильный дискомфорт. Отчасти потому, что выше воды подняться было невозможно, отчасти — из-за соседства с существами куда менее безопасными, чем сосед по косяку. То и дело селёдочно-медузо-тунцовый пласт прорывали чудовищные кальмары и гигантские скаты. Они не пытались никого сожрать, — у самого опасного головоногого хищника была та же проблема, что и у маленькой рыбешки.

Он поднимался.

И это сводило их с ума, заставляя бежать в том же направлении, в конце концов, упираясь в огромный пузырь неприветливой среды, называемой атмосферой.

Когда в небо попыталась взлететь взрослая самка гидры змейскиглубоководной, Реверанс понял, что Марлей уже близко. Гидра ревела в отдалении и вздымала селёдочные волны. Пятнадцать ее голов рвались в одну сторону, четырнадцать — в другую. Еще одна голова, самая слабая, взорвалась от перепада давления.

Реверанса охватило недоброе предчувствие. Примерно такое же бывает у мухи, когда та бьет крыльями по воде над силуэтом карпа. Он мог бы отплыть подальше, но понятия не имел, в какую сторону будет обращена голова Марлея при всплытии. Возможно, пока он будет добираться до нее, легендарное существо устанет ждать и снова накроется тысячетонным одеялом соленой темноты.

Или, того хуже, оскорбиться.

Внутри лодки раздался сигнал. Реверанс бросился в кабину управления и увидел множество красных сигнализаторов. Теряясь в собственных показаниях, они сообщали, что в нескольких сотнях локтей от бортов лодки зарождается гигантский водоворот.

Реверанс попытался отвести лодку подальше, но винты вязли в рыбе. Субмарина вроде бы тронулась с места, но первенец довольно быстро сообразил, что движется она в противоположном направлении. Он выбрался наружу и поднялся в воздух, стараясь держаться подальше от разрядов исполинских медуз.

Воронку он увидел почти сразу. Она расширялась вдалеке, затягивая в неизвестность рыбу, кальмаров и даже гидру змейскиглубоководную. Стоял невыносимый ультразвуковой рев. Обычного человека здесь вывернуло бы наизнанку через уши.

Лодка скрылась в бурлении.

Гидра сопротивлялась довольно долго. По крайней мере, на минуту больше, чем дикохвост неудобный. Когда последняя ее голова напоследок моргнула в пенном безумстве, воронка начала закрываться.

Затаив дыхание Реверанс наблюдал явление Его.

Над водой показалась верхушка настоящего айсберга из темно-синего льда. Он рос, обнажая необозримую массу, в которую вмерзли остовы затонувших кораблей, огромное количество мусора и небольшое селение озадаченных северян в оленьих упряжках и прекрасно сохранившихся юртах.

Через несколько минут непрерывного всплытия ледник сменился голубыми боками. Они поднимались как стены гигантской цитадели. Ревущие водопады скатывались по ним, превращаясь в расходящиеся десятиметровые волны.

Реверанс подлетел ближе и убедился, что оказался в нужном месте. Всего в сотне хвостов от него показался божий знак. Глубокий, как бездна, которую он привык прозревать.

Хвоста Реверанс не видел, тот появился километром западнее.

— То, что нужно, — донеслось из-под шляпы.

Причина таинственной воронки раскрылась. В буквальном смысле. Если верить

легендам этот зев однажды укрыв в себе одну десятую живности Океана. Совсем недавно он сделал то же самое, но... в несколько ином контексте.

Над пятидесятиметровой щелью зеленели водорослевые усы. Расплывалась длинной дорогой зеленая борода, из которой выглядывали диковинные цветы бездны.

Не зная в точности, что предпринять, Реверанс решил подлететь к Правому Глазу Марлея и привлечь к себе внимание.

— Приветствую тебя подобострастно, — изрек он собственному отражению на стеклянистой поверхности. — Мое имя Реверанс, и я не заслуживаю твоего гнева, Перворожденный Марлей, владыка Океана, хранитель Прошлого. Это я осветил для тебя глубины. Я усладил твое существо всеми красками, которыми цветет мир. Я...

Реверанс огляделся по сторонам.

Ледник затрясся. Отколовшиеся глыбы льда скользили по отлогим склонам и обрушивались вниз. Трещали обнажающиеся корабли. Реверанс заметил каменные кудри давно утерянного Эйглядикаковского колосса, затертого в торосах на макушке Марлея.

Колосс, казалось, пытался высвободиться из своего холодного плена. Лед над ним раскалывался и вздыбливался, что-то рвалось оттуда с неуправляемой мощью. Нарастал сдерживаемый гул.

Реверанс решил отступить. И не напрасно.

Напор воды разорвал арктическую шапку Марлея вместе с колоссом. Первенец с некоторым сожалением проводил взглядом величественный таз созданного человечеством титана, который пошел на дно в полукилометре от Марлея.

Фантастический гейзер с ревом бил в небеса. Над местностью начался ливень. Реверанс вымок до нитки, не желая рисковать оставшимися силами.

И тут Марлей еще шире приоткрыл пасть и пошевелил сизым ноздреватым языком. Первенцу хотелось верить, что это приглашение к разговору, а не предложение стать десертом.

Через несколько минут, Реверанс осторожно прыгал по вкусовым сосочкам Марлея. Здесь, на языке царило настоящее болото. В стоячей воде плескалась выжившая рыба. Впереди темнела глотка. Наверху, с ребристой арки нёба, свисали жировые сталактиты. Позади громыхала клеть китового уса.

— Марлей! Так как насчет небольшой услуги за мое представление!

— НЕТ, — прозвенело пространство.

— Нет? — заикнулся Реверанс. — Но почему? Поверь мне, господин, тебе это ничего не будет...

— НЕТ, НЕ ДУМАЮ. Я НЕ ВИЖУ НИКАКИХ ПЛАВУЧИХ КУЛЬТОВ ОСЬМИНОГАМИ НА ГОЛОВЕ. ПО-МОЕМУ ТУТ ВСЕ ПО-ПРЕЖНЕМУ. ТОЛЬКО СТАЛО НЕМНОГО ЖАРЧЕ. У АЛИОТА СНОВА КАКИЕ-ТО ПРОБЛЕМЫ С ОРБИТОЙ. ПЫТАЛСЯ ПОГОВОРИТЬ С НИМ, НО В ОТВЕТ СЛЫШУ ТОЛЬКО РУГАТЕЛЬСТВА И ИНФОРМАЦИЮ ОБ ИКРЕ. ЕСЛИ ПОВТОРИТСЯ ВЕЛИКАЯ ЗВСУХА, Я НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ ПОЖИВУ В ТВОЕЙ РАСЩЕЛИНЕ, ТЫ НЕ ПРОТИВ?

— Господин? О чем вы говорите?

— Я... ПОДОЖДИ, УЗЕРГХОТ, У МЕНЯ ЗДЕСЬ ОДИН ЛИШЕНЕЦ НА ЯЗЫКЕ ПЫТАЕТСЯ ЧТО-ТО ВЫПРОСИТЬ... НЕТ, ВСЕ НЕ ТАК ПРОСТО. ОН В НЕКОТОРОМ РОДЕ СМОГ ВНЕСТИ ДОСТОЙНУЮ ЛЕПТУ, ТАК ЧТО ГЛОТАТЬ ЕГО Я НЕ СТАНУ. МНЕ ХВАТИЛО ТОГО СКАНДАЛА С ПЕРВЕНЦАМИ В ДЕВЯНОСТО ШЕСТО

ПОДОЖДИ МИНУТУ...

Реверанс облегченно выдохнул, и чуть не потерял равновесие на бугорке.

— НУ ЧТО ТЕБЕ, ПЕРВЕНЕЦ? Я НЕ РАСКРЫВАЮ ТАЙНЫ МОРСКИХ ГЛУБИН ПЕРЕДАЮ ПРОШЕНИЯ СВЕТОЗВЕРЮ, НЕ ДАЮ ПРЕДСКАЗАНИЙ, КОНСУЛЬТИРУЮ НАСЧЕТ СМЫСЛА ЖИЗНИ. ОДНАКО... ТЫ МЕНЯ УМЕЛО РАЗВЛ ТАК ЧТО Я МОГУ ПОЖАЛОВАТЬ ТЕБЕ ТИТУЛ КНЯЗЯ ГЛУБИН ДО ТЫСЯЧИ И ЕСЛИ ОТРАСТИШЬ ЖАБРЫ, ЗАЖИВЕШЬ НА ВСЕМ ГОТОВОМ. ЛУЧШИЕ САМ БУДУТ АЛКАТЬ ТВОЕЙ МОЛОКИ...

— Да-а-а, — прервал его впечатленный Реверанс. — Я знаю, что отказываюсь от сказочной жизни среди самой блестящей чешуи и несравнимо изящных плавников, но у меня совершенно иная потребность, мой господин. Невинная. Совсем невинная.

— ЧТО ЖЕ ЭТО?

— Пустяк и безделица. Ударьте хвостом, мой. Вложите в этот удар всю свою несчетную мощь.

— И ВСЕ?

— Да.

— СТРАННАЯ ПРОСЬБА. ЗАЧЕМ ТЕБЕ ЭТО?

— Я всего лишь хочу кое-что доказать. Поверьте, господин, это недостойно вашего внимания. Ничтожная суэта, неразличимая в безмерности вашего сознания.

— ВОТ КАК? ДУМАЮ, ТВОЯ УЧТИВОСТЬ ВЕРНА. В КОНЦЕ КОНЦОВ, ПЕРЕПЕ ВОЗДУХОДЫШАЩИХ — ЭТО ЮРИСДИКЦИЯ АЛИОТА. Я УДАРЮ ХВОСТ ПЕРВЕНЕЦ РЕВЕРАНС. ПОКИНЬ МЕНЯ.

— Благодарю вас, господин.

— ДА, Я ВСЕ УЛАДИЛ... УДАРИТЬ ХВОСТОМ... НЕ ЗНАЮ И ЗНАТЬ НЕ ХОЧУ.

Реверанс, чувствуя мрачное удовлетворение, наблюдал за тем, как взмывает вдалеке нечто похожее на блестящий голубой полуостров. Движение кита было сродни процессам, превращающим гладкую планетку в скопление горных массивов. Планетарному пространству-времени приходилось иметь дело с километром первобытных мускулов, которые видели это самое пространство-время еще в начале их карьерной лестницы.

Поэтому весь процесс, несмотря на простую механику, имел близкое знакомство с вечностью.

Реверанс дрожал от напряжения. Маггия, как злобная пиявка высасывала его силы через затылок.

Когда Марлей погрузился, первенец плавал на спине, экономя силы и стараясь не обращать внимания на болтанку. Кроме этого, в нынешних обстоятельствах его мало что беспокоило. Ничего живого под ним, по-видимому, не осталось, так что быть съеденным он не боялся.

А, кроме того, его острый слух уже различал рев неогня.

— Понимаешь, у Мира есть своя Память. Люди только и делают, что занимают ее примерами своей неустроенности и непоседливости. Они бродят туда-сюда, и каждую секунду заставляют вещи случаться. Жизнь даже самого замороженного раба переполнена решениями. Он может выхлебать свою похлебку на шелухе и обрезках тысячью разных способов, но выбирает, как правило, один и тот же. В этом примере побулькивает суть. Большинство людей начисто лишено воображения. Стоит им только дорваться до

повторяемости, — и все, их затягивает с головой, как вола в трясину. Не знаю более сильного наркотика, чем общественно-одобренная манера поведения.

И уныние насаждают не только всякие господа Тугоштансы и Клерковски... Те же Череполомы, Кроводавцы и Дикобои, думаешь они чем-то радуют зевающий Мир? Змея с два! Их личной инициативы едва хватает на то, в какой позе, — извини Чешуйка, — принять благодарность спасенной девы. Бедные, несчастные ублюдки. Бедный Мир! Его Память заполняется костенеющими схемами, трафаретами, шаблонами, клише и стандартами. И ничего ты с этим не поделаешь. Вот мы, например. Престон — главный герой приключения. Я — второстепенный персонаж, оттеняющий своей грубостью его зефирную мягкость. Ты, Чешуйка, логично добавленный в партию представитель прекрасного пола, который обеспечивает возможность романтической линии. И просто радует глаз. К чему я все это говорю? Да к тому, что такое случается сплошь и рядом и Мировая Логика застывает в определенном положении. И вот ту-то понимающие люди, вроде меня, могут вдруг сказать да, вместо нет и шаблоны начинают трещать. Разумеется, это слишком упрощенно. Мой анархизм, это особый дар, с которым нужно родиться и...

Кира что-то неразборчиво спросила. Рем рассмеялся.

— Разумеется, — сказал он, проглатывая смешки. — Это не я придумал. Девы с первой страницы человеческой истории платят за освобождение... известным способом.

— Замолчи, скабрёзная обезьяна, — пробормотал я, едва слышно.

И снова заснул.

Мне привиделся Гелберт. Он глядел на меня из-под низкого капюшона, и его усы шевелились как змеи.

— *Только не вздумай делать вид, что ты поверил сухолюду, — из его рта показалось острие костяного кинжала. — Ты знаешь, почему Купеческая гильдия так легко согласилась вступить в ложу Леты.*

— *Хватит, — ответил я угрюмо. — Этим меня больше не купишь.*

— *Забавно, что ты заговорил об этом, — усмехнулся Магутус. — Может мне стоило переманить тебя от Вельда, бумажной работой? Заполнял бы дела на Короля воров. Эх, жаль, что ты предал нас так решительно, мальчик.*

— *Я никого не предавал. С самого начала я был не согласен.*

— *Неужели? — прошептала Вельвет. — И на тепло той ночи тоже я тебя вынудила?*

— *Нет. Но я уже поплатился за это.*

— *Нисколько, — тьма под капюшоном сгущалась. В ней мелькали абрисы лиц. Моего отца, старика Вегаса, Дилы. — Возмездие приближается. Оно устроит алтарь сожаления из твоих костей.*

Я хотел повернуться к этим каркающим призракам спиной, но вместо этого запутался в гамаке и проснулся. Вокруг томились в мягком сумраке стены из чего-то шелковисто-стального.

— Циф?

Цыпленок стоял в дверном проеме, привалившись правым крылышком к косяку.

— Сколько я спал?

— Циф.

— Правда? — совершив несколько опасных колебаний, я спустил ноги на пол. — Как же хочется есть. Сейчас бы немного плесени и клея.

Цыпленок порхнул крылышками и пропал. День, проникающий в мою спальню,

заступила необычная фигура. Сгорбленная, с серповидными когтями из широких рукавов.

В первый раз мне довелось увидеть столько апатии, лени и безразличия, сконцентрированных в одной точке. Прямо над черным болотистым носом.

— Человек... хочет... есть? — делая передышки, спросил ленивец в пурпурном халате. Мне показалось, что после каждого многоточия его день начинался заново. — Может...

— Хочу, — согласился я.

— ...

— Господин ленивец?

— ...питья...

И тут на меня набросилась жажда. Я не пил уже целую вечность. Моей печени не из чего было производить ртуть, а желудок маялся без ядовитых масел.

У меня чуть не подкосились ноги.

— Да. И побыстрее, умоляю.

— ...вам...

— Да!

— ...

— Первый побери!

— ...подать?

Я понял, что этот облезлый негодяй сведет меня в могилу раньше, чем додумает ответ на все мои предыдущие реплики. Я обратил внимание на его правую... правое скопление серповидных когтей. Оно медленно, преодолевая космические пространства между полом и точкой апатии, поднималось вверх. Очевидно, минут десять назад этот тип задумал почесаться.

— Чего...

Я обогнул его и вышел на освещенный участок. Надо мной был квадрат сетчатого материала, в который заглядывал день. Очевидно, я находился в трюме. Качки не было, стало быть, мы бросили где-то якорь. Нужно было осмотреться.

— ...вам...

— Господин Вохрас!

— О, здравствуй Кира.

— ...принести?

— Кто это такой? — спросил я, кивнув в сторону ленивца. — Или может быть лучше спросить, когда это такой?

— Это Реакция, — заулыбалась Кира, мягко взяв ленивца за руку. — Она здесь служанка.

— Реакция? — переспросил я, не веря своим ушам. — А что насчет фамилии? Реакция Отсутствующая?

Это была глупая шутка. Кира поглядела на меня разочарованно.

— Ладно, извините меня обе, — капитулировал я.

— Это... — вздохнула Реакция.

Я насторожился.

— ...ничего...

Я терпеливо ждал, поглядывая на Киру.

— ...не...

Ну же.

— Она заснула, — тихо произнесла Кира.

— Вот змей, теперь я не узнаю, прощен ли я.

— Думаю, что она вас простила, — предположила Кира. — Она очень добрая и тихая.

— Это точно. Мне показалось, что она хотела почесаться. Может оставить ей записку с напоминанием?

— Господин Вохрас!

— Слушай, Кира, нам нужно поговорить, — сказал я совершенно серьезно. — Прислони Реакцию к стенке и пойдем.

Мы нашли укромный уголок где-то в носовой части. Дочь Реверанса выглядела так, словно я предложил ей вышвырнуть ленивицу за борт и поглядеть с какой скоростью та будет тонуть.

— Ну как тебе Первенцы? — спросил я, не справившись с совестью.

— Это не совсем Первенцы, — с готовностью ответила Кира. — Это зункулы. Они немного отстают в развитии от полноценных. Неспособны к сильной магии и звероукротительству. Но все равно они замечательные товарищи!

— Ты со многими познакомилась? — спросил я, усевшись рядом с ней на бортовую скамью.

— Со всеми. Они очень добры ко мне. Называют муром'у'рам. Это означает «юный хвостик». Трогательно, правда?

— А что с Миумуном? — спросил я. — Он ведь не зункул?

— Нет... — Кира странно взглянула на меня. — Он азох!

— А это означает... — я запнулся. Я знал, что это означает. Это было одно из немногих слов, что способно было само по себе вызывать массовую драку в Смеющей тени. Даже самые гнусноротые ругатели использовали его только в случае полномасштабного вторжения в чужое достоинство. — Кира! Кто тебя научил этому слову? Хотя... Можешь не отвечать.

— Брат Рем предупредил меня, что оно означает, — быстро уточнила девушка. — Поверьте, господин Престон, лучшего определения для Миумуна... В общем, оно подходит ему как колпак дураку.

— А в чем дело? — не на шутку заинтересовался я.

— Он совершенно безжалостный, циничный, самовлюбленный деспот, — вспыхнула Кира. — Вы бы видели, как этот униженный природой мерзавец измывается над экипажем! Он проходу им не дает! Постоянно цепляется и вмешивается в их разговоры! Лупит наотмашь! Я пыталась с ним поговорить, но он только орет: «я здесь капитан!». И так, пока я не уйду.

— Ух ты... — задумался я. — Униженный природой.

— Он полноценный первенец, — вздохнула Кира. — Но у него проблемы... С размером. Об этом не принято говорить вслух. Это его сильно угнетает, и он отыгрывается на подчиненных.

— Что? — я вздрогнул. — А тебе откуда известно про его... размеры?

— Экипаж об этом знает, — пожалала плечами Кира. — Они ведь видели его без...

— Слишком много информации, — предупредил я. — Давай сменим тему.

— Да, конечно, — она вдруг потянулась ко мне. — Я догадываюсь, для чего вы привели меня... Сюда.

— Правда?

— Брат Рем объяснил мне ОСД.

— ОСД?

— Обязанности Спасенной Девы.

— Я оторву ему голову, — констатировал я. — Кира, и что, ты всерьез поверила, что должна отблагодарить меня? Он случайно не дал тебе свой «Сборник рецептов Разврата»?

— Я не смогла смотреть на это, — стыдливо прошептала Кира.

— О, Первый! Я хотел узнать у тебя, где мы встали, — я заходил взад-вперед. — А потом предупредить, что мы с Ремом, скорее всего, сбежим с корабля в ближайшие же часы. Я слишком долго живу от вскрика до вопля, и действую как придется, ничего толком не понимая и не планируя. Вот и сейчас я плыву, змей знает на чем, змей знает куда, змей знает зачем! Я больше не намерен это терпеть! Мне нужна самая малость определенности. А добыть я ее смогу, только оказавшись подальше от всех тех, кто считает меня «интересным». От Реверанса, Твердых Вод, Торкена...

— И меня, — закончила Кира, глядя в сторону.

— Не думай, что я неблагодарен тебе, — я склонился над антрацитовыми волосами. — Но ты сейчас оказалась среди своих. Ты можешь остаться с ними и жить по законам Первенцев, в великом Торкене. Я хочу для себя того же, с поправкой на расу.

— Я дочь предателя, — напомнила Кира. — Я здесь, откровенно говоря, заложник.

Я замер как вкопанный. Какую же стену шкурничества нужно было возвести вокруг себя, чтобы настолько очевидная мысль скрылась из виду.

— Аз-о-ох! Подожди, не значит ли это, что Миумун искал вовсе не меня?

— Именно. Он просто довольно быстро сориентировался. Не ожидал, что я буду с вами.

— Почему ты не начала с этого?!

— Простите.

— И как они собираются тебя использовать?

Кира нервно теребила платье.

— Отца наверняка будут шантажировать.

— Это поможет?

— Он не откажется от своей идеи даже ради меня. Я это знаю, но Торкен нет. Меня бы уже, наверное, держали связанной и избитой, но Миумун не может связаться с кураторами. Он сейчас в незавидном положении. Бойтся вас как огня. Я сказала ему, что мы стали близкими друзьями и Миумун попытался сделать все, чтобы я не узнала, что меня, оказывается, похитили. Но зункулы все мне рассказали.

Я снова сел рядом, обхватив пальцами череп.

— Тогда, ты должна бежать с нами.

— Вы делаете мне одолжение, господин Вохрас? — мрачно осведомилась Кира. — Послушайте, я и не собиралась отягощать вашу... борьбу с обреченностью. Все получилось так, как получилось. Если б не Миумун, мы вообще не выбрались бы с острова. Я просто хотела... Ах, — она потерла кожу под глазами, — у меня богатое воображение и оно сейчас работает против меня. Столько волнующих перспектив. Но перед тем, как я встречу с палачами, я хотела провести время с тем, кто украл мое дыхание.

— Кира, я хочу и обязан помочь тебе.

— Почему Престон?

Я заткнулся. Посмотрел на нее своими обмылками.

— Рем мне все рассказал, — девушка навалилась на стену. — О том, кем ты был. И кем

стал. Ты не великий и доблестный колдун, который обманул время и рамки дозволенного человеку. Ты ренегат и вор. Отступник и предатель. Тебе не кажется, что ты должен вести себя соответственно?

— Нет, не кажется, — ответил я, удерживая взгляд на ее виске. — Мне хватает денег. Человеческое счастье я не ворую. И об одолжениях ты заговорила рано. Вот когда все это закончится, и ты попросишь меня забить гвоздь в твоём новом доме, или поймать индюка на день Увещевания, это — да, это будет одолжение. И тогда тебе действительно придется отблагодарить меня.

— И поэтому меня тянет к тебе, — с трудом призналась она. — Даже изолгавшись почти... О, Первый, почти до абсурда! Даже потеряв свое тело, ты умудряешься оставаться самим собой.

Она неуверенно склонилась в мою сторону. Я обнял ее.

— Стало быть, то, что я оказался Престоном ничего не меняет?

— Нет.

— Почему?

— Престон, ты помнишь ту легенду о Допасе и Совести? Совести хватило нескольких секунд, чтобы понять, что следопыт принадлежит ей. Не обижайся, но мы, Первенцы, выбираем пару куда быстрее и надежнее, чем люди. Это все равно, что поиск одинаковых картинок. Доброта, как ни странно, совпадает с добротой, благородство с благородством, забота с заботой. Первенцы сразу переворачивают их и сравнивают.

— Я слышал об этом, — согласился я. — Людям нужно больше времени. Ну знаешь... На ритуалы... И проверку картинок на подлинность. Чувства подделывают довольно искусно.

— Вот как. Престон?

— Да?

— Так тебе нужно больше времени? — с надеждой спросила Кира.

— Похоже на то. По крайней мере мне нужно добраться до своего настоящего тела. Я не хочу, чтобы этот мерзкий старикан трогал тебя. Пускай даже косвенно.

— Я знаю про твою возлюбленную, — печально проговорила Кира. — Корсарку. Мне очень жаль.

— Подожди, что? — я нервно усмехнулся. — Какую еще корсарку?

Кира, путаясь и запинаясь от волнения, объяснила.

— Пошли, — холодно сказал я, давая понять, что тема закрыта. — Найдем Рема и подумаем, что делать дальше. Ты не знаешь, где мы остановились?

— Мы не останавливались, — ответила Кира, поспешая за мной. — Мы плывем, не останавливаясь от самого Торкена. Вот уже четыре дня.

Мы поднялись на палубу. Неуловимый корабль Миумуна шел по волнам так, словно не имел к ним никакого отношения. Клянусь Первым, если бы не взрывающие воду колеса за бортами, я решил бы, что судно село на мель. Я поглядел на пустой горизонт, без единого клочка земли. Очередной побег от очередного похитителя, откладывався на неопределенный срок.

Рема я отыскал по запаху табачного дыма, обрывкам промасленной оберточной бумаги и атмосфере надвигающегося скандала.

— Все просто, — говорил он, гипнотизируя зункула пируэтами курительной трубки. — Я даю тебе банан, Аналог, а ты надеваешь штаны на голову и кричишь: «кто хочет произойти

от меня, ну, кто хочет произойти от меня, детка?!».

— Твое предложение оскорбительно, менадинец, — терпеливо отвечал Аналог, перебирая ногами спутанную бухту толстого каната. Руками он одновременно держался за низкую рею и чесал между лопаток. — Я не стану этого делать.

— Но ведь это же банан! — воскликнул Рем. — Кто из обезьяньих предков завещал тебе пренебрегать бананами?

— У меня нет «обезьяньих» предков, — ответил Аналог и по его тону, можно было предположить, что отметка в дюжину повторений преодолена. — Мои родители были зункулами. Родители моих родителей были зункулами. А далекие-далекие предки — высокими Первенцами. Я. Не. Имею. Никакого. Отношения. К. Обезьянам.

— Даже учитывая твою нынешнюю позу? — подмигнул Рем.

— Менадинец Рем, то, что я похож на обезьяну и могу проделывать те же трюки, еще не означает, что я и есть обезьяна.

— А по-моему двусмысленностей здесь быть не может.

— У меня есть разум, — процедил Аналог накаляясь. — И телосложение подобное человеческому.

— Значит ты разумная обезьяна, — согласно кивнул Рем. — Стало быть, ты в полтора раза лучше должен понимать, что от банана нельзя отказываться.

— Я оторву тебе голову, — спокойно сообщил Аналог.

— Позвольте сначала мне, — произнес я, вставая между ними. — Меня он взбесил первым.

— Просто убедитесь, пожалуйста, что он будет еще жив, когда я до него доберусь, — вежливо попросил матрос.

Остальные необезьяны, привлеченные нашим разговором, поддержали его желтыми осками и демонстрацией задниц.

— Ну, — пожал плечами Рем, — я даже не знаю. Если они не обезьяны, то я не менадинец.

Я отвел его подальше. Откуда ни возьмись, приковыляла Реакция с подносом.

— Вот...

— Спасибо, — поблагодарил я, забирая плошку и кувшин.

— ...ваша...

— Большое спасибо.

— ...

— Еда?

— ...пища.

— Я почти угадал.

Рем с довольным видом, наблюдал за тем, как я выскребаю голубоватую массу.

— Что это такое? — спросил я, осторожно чавкая. — Такое впечатление, что я съел пюре из фей, смешанное с толчеными детскими зубами. Только из-под подушки.

— Это особая Первенская стряпня, — Рем потушил трубку и вытряхнул остатки табака себе на язык. — Скорее всего, тушенная маггия.

Он почесал нос и решил на активную оборону:

— Слушай, Престон, я должен был рассказать ей. Она — друг. Хороший друг.

— Все отлично, — сказал я, глядя на подозрительные сгустки, перемещающиеся по дну плошки. — Конечно, она должна была узнать. Но эта история с одноногой корсаркой... И

попугай!

— О, змей, — Рем сделал вид, что ему срочно нужно испортить настроение кому-нибудь еще. — Ну как же без этого? Девочка сохнет по тебе.

— Знаешь, Престон, — вмешалась Кира, — если бы существовал мировой чемпионат по нетактичности, сушенная непосредственность Рема могла бы считаться сильнейшим допингом.

Спорить я не стал.

— Ты знаешь, что Миумун должен был похитить Киру? — спросил Рем, в ненавязчивой попытке сменить тему.

— И он это сделал, — сказал я, прихлебывая из кувшина. — Правда, все пошло немного не так, как ожидалось.

Я задумался, поглядывая на своих друзей. Разговор с Кирой засеял мой умишко новыми идеями. Действие по обстоятельствам стало для меня каким-то новым, крайне неудобным и стрессовым видом искусства. Я давно оказался перед ненаписанной картиной, которая давала мне оплеуху палитрой за каждый неправильный мазок. Даже не так: она давала мне оплеуху вообще за каждый мазок, просто потому, что была размером с половину мира!

Один фрагмент в этом проклятом полотне я видел совершенно ясно.

Я был уверен, что не хочу, чтобы Гигану разорили, а Гротеск разрушили. Увеличение расстояния между мной и проблемами, больше не работало. Простым бегом по диагонали от Соленых Варваров, я их не остановлю.

— ...и это наш шанс повлиять на обстоятельства.

— Что ты задумал? — спросил Рем.

— Я поговорю с Миумуном. Насколько я понимаю, у него сейчас проблемы не только с лишними пассажирами. Пока у него нет связи с Торкеном, нужно внушить ему, что мы должны работать вместе, чтобы... Чтобы предпринять хоть что-то.

— Ты собрался помешать Реверансу? — смекнул Рем.

— Во всяком случае, я постараюсь, чтобы он увидел меня еще раз. Кира?

— Да?

— Ты готова рискнуть? Клянусь, если он хоть попытается обидеть тебя...

— Не надо ничего говорить, — мягко перебила она. — Конечно, я помогу тебе. Просто будь готов наколдовать нам какой-нибудь плот, хорошо?

Покои Миумуна находились в корме. Там был построен настоящий дворец у которого даже был свой подвесной мост над нишей в палубе. Увидев Киру, два зункула-быка сделали вид, что крайне заняты облизыванием носов.

— Упрек, Норов, нам нужно увидеть Миумуна, — сказала та, выходя вперед.

— Он... хрпх... занят, — сказал Упрек, а может быть и Норов.

— Сильно-сильно, — заметил Норов, хотя, возможно, и Упрек. — Никого... взрымхр... велел не пускать!

— Ну пожа-а-алуйста! — встала на цыпочки, Кира. — Мальчики, пустите нас. Мы никому не будем мешать, просто напомним господину Миумуну какие у него верные и доблестные охранники.

— Это... мумхр... мы что ли? — по-бычьему сурово застеснялись Упрек и Норов.

— Ну конечно, — улыбнулась Кира, и я снова почувствовал это располагающее тепло, которое способно было расшевелить даже нарисованного мужчину.

Быки крайне сосредоточенно облизнули носы. Создавалось впечатление, что за

синхронностью их действий стоит древний бычий традиционализм.

— Это сложно, — без тени сомнения изрек Упрек-или-Норов. — Если... хмур... мы вас пустим, то Миумун все равно оторвет нам яйца. Но потом похвалит...

— И в этом... храпхр... есть свой плюс, — уверенно добавил Норов-или-Упрек.

— Но все ж таки... — начал новый виток общей мысли Упрек-или-Норов.

Кира помахала у них перед носами своим носовым платком, который успел побывать очень близко к телу хозяйки. Темп облизывания наблюдаемо возрос.

— Я просто оставляю его здесь, — чувственно проговорила она.

Быки, в действительности, не являющиеся быками, не моргая глядели на опадающий фетиш.

— Пойдемте, — шепнула нам Кира.

И мы действительно смогли проникнуть в капитанские покои. За нами послышалась тяжелая возня и крещендо «мумырхов» и «храпырхов».

— И часто ты в этом практиковалась? — спросил Рем, оглядываясь назад.

— Не очень, — ответила Кира, не оборачиваясь. — Это нечестно. Унижает мужчину. Все равно, что разрезать сухожилия. Опасная травма для личности.

— А тебе не кажется, что это может и для тебя окончиться травмами? — осведомился я. — Причем не только моральными.

— Нет, — был ответ. — Важно на что именно обратить внимание. Можно заставить цель вспылать страстью к чему угодно. К платку, в данном случае.

— Кира, а тогда, в Порту, с Крикушей... — начал я.

— Виновна, — призналась Кира. — Хоть на тебя это не подействовало, я торжественно прошу прощения. Можно?

— Чего уж там.

Половину внутреннего зала занимал огромный яшмовый трон, обжитый существами достаточно маленькими, чтобы их можно было раздавить, но не настолько, чтобы ты этого не заметил. При нашем приближении они ревниво запищали.

Миумун сидел между резных подлокотников. На коленях его стояла прозрачная амфора. В ней что-то активно плесневело. Над этим гадким процессом нависла голова Миумуна, накрытая шелковым платком. После каждого вдоха первенец раздувался как кузнечные меха.

Мы недоуменно переглянулись.

— Что он делает? — завистливо спросил Рем. — Это какая-то дурь?

Под свирепое фырканье хомяков и настороженные скрипы крыс, я подошел ближе.

— Миумун? Эй, Миумун...

— Великое Оно, это ты? — с надеждой донеслось из-под покрывала.

— Нет, это Вохрас.

Я едва успел увернуться от амфоры. Раздался звон. Миумун грузно вскинулся, взобрался на трон и заорал, пугаясь в шелке.

— Что ты здесь делаешь?!

Его гвардия ошетилилась и тактически обгадилась.

— Я просто...

— Убирайся!

— Я хотел...

— Это мой корабль!

— Я не...

— Мой, мой, мой!

— Он может повторять это бесконечно, — предупредила Кира.

— Мой, мой, мой, мой...

— Циф.

— Это ему не навредит?

— Циф-циф.

Миумун тем временем отбросил скомканное покрывало в сторону. Забрало его шлема было открыто словно печная заслонка.

— Не смотрите на меня! — завизжал он.

И в этот же момент его рот заполнился пчелиным воском.

— Сядь! — крикнул я. — Прижми свой зад к трону и послушай меня!

Это сработало.

Миумун умоляюще глядел на меня кровавыми выпученными пузырями. Он был... Судя по внешности, он был тигром, который в действительности таковым не являлся.

Рем притащил мне кресло, и я сел напротив хозяина корабля.

— Все очень просто, Миумун, — сказал я доверительно. — Я был у Реверанса, и я знаю, чего он хочет. Меня, как и Торкен, не устраивают его методы. Мы сейчас хотим одного и того же. И нам вместе нужно придумать, как остановить резню. Я знаю, зачем Первенцам Кира: так вот, этот вариант отпадает. Отчасти потому, что я испепелю любого, кто посмеет навредить ей, отчасти потому, что Реверанс фанатик, готовый пожертвовать всем ради своей цели.

Миумун сжал кулаки и закатил глаза. Потом показал пальцем на забитую пасть.

Я кивнул и заставил воск рассосаться. Первенец долго отплевывался и перхал.

— Неужели я не имею право на личную информацию? — спросил Миумун ядовито. — Самая малость конфиденциальности была бы как нельзя кстати. И что еще тебе известно из «секретов» Миумуна?

Он сделал странный жест двум пальцами.

— Насчет проблем со связью, — добавил я.

— Ну да, ну да... Ты мог хотя бы попытаться не использовать свои силы так гнусно и ожидаемо, — ехидно проговорил Миумун. — Неужели даже за триста нерестов человек не может стать честнее?

— Сосредоточься на том, что я сказал в самом начале, — дипломатично напомнил я.

— Тут нечего обсуждать, — крикнул Миумун. Из его рукава показалась коническая головка черной змеи. Первенец дал ей выползти на свою грудь и погладил вдоль тела. — Во-первых, без указаний Торкена я не могу действовать самостоятельно. Это запрещено и... вообще невысказано! Во-вторых... Змей подери, я что должен тебе объяснять, что с моими ресурсами мы не сможем остановить армию? На моем корабле восемьдесят воинов и пятьдесят слуг. По сравнению с армией Реверанса ощущается некая... несбалансированность, правда же?

Я подался вперед.

— А что, если я скажу, что у меня есть план?

Плана у меня не было. Но я надеялся, что он вот-вот подоспеет.

— Вероятно, это воистину гениальная схема, — желчно откликнулся Миумун. — Давай-ка я еще раз пройду по ключевым числам. Многотысячная армия и восемь десятков. По-моему, к твоему плану должны прилагаться неизвестные мне резервы. Это так?

— Не совсем.

Миумун всхрипнул и откинулся на спинку трона.

— У людей есть свои армии, — сказал он. — Они задержат варваров. К этому времени Торкен даже без моих донесений сообразит, что к чему.

— Задержат? — переспросил я. — Ты имеешь в виду, загородят им путь собственными телами?

— Хорошая формулировка, — одобрил первенец. — Лучше и не скажешь.

— Так не пойдет, — я встал и подошел к нему вплотную.

— Змея, — предупредил капитан.

— Да, будет нехорошо, если она мной отравиться, — согласился я.

Под маской нервно облизнулись.

— Слушай, — сказал Миумун убирая гадину в рукав. — Это ты, по какой-то причине стремишься «остановить резню». Торкелу нужна лишь стабильность и порядок.

— Но не те «стабильность и порядок» при которых не погибнут миллионы людей, — уточнил я, повторив его жест с двумя пальцами.

— Так, а об этом тебе что известно? — устало осведомился Миумун.

— По поводу подсадной религии?

— А вот это не слишком удачное определение. Реверанс пытался обратить тебя в свою бредовую традукцию про «тюрьму народов»? Как насчет загнивающего в соломенных дырах человечества? Некогда великого и могучего? До этого он не дошел?

— Он говорил об этом. И, в общем, я с ним согласен...

Тут Злоба Миумуна ударила его же Трусость мордой об покерный стол и гаркнула мне в лицо:

— С чем ты согласен, вяленый колдунишка?! С тем, что злобные Первенцы силой вытащили счастливое человечество из эпохи кровавой грызни, зверств, интриг и коварства?! С тем, что мы вероломно и нечувствительно вторглись в ваши владения, оставляя после себя садистские ловушки вроде централизованного обеспечения и единого для всех закона?! Да как ты смеешь?! Мы подарили вам самый крепкий государственный институт, до которого вы, убогие нищедухи не догадались бы даже под угрозой полного уничтожения!

— Я не собираюсь сейчас об этом спорить.

— И правильно делаешь, потому что скорее море займет место неба, чем я стану сотрудничать с тем, кто поддерживает абсурдный экстремизм Реверанса!

За моей спиной послышались шаги.

— Доминант Миумун, — нервно позвал кто-то.

— Чего тебе, Расчет?

— Боюсь...

Я обернулся и увидел опоссума, который в действительности ни в коем случае не мог считаться опоссумом. Да, этот парень действительно боялся. Настолько, что его голый хвост пытался спастись отдельно от хозяина.

— Боюсь, что мы столкнулись с непредвиденными осложнениями, — едва слышно пролепетал он.

Миумун вскочил, оттеснив меня.

— Что такое? — процедил он презрительно, словно бедняга Расчет лично попустительствовал развитию этих самых осложнений.

— Там...

Расчет, кажется, задыхался от ужаса. Заметно было, как он страдает от того, что нельзя донести волнующую его новость одним нечленораздельным воплем.

— Там...

— Ну что?! — взорвался Миумун.

— Дай ему сказать, бродячее брюхо! — воскликнула Кира.

— Не смей повышать на меня голос, бедовка! — взревел Миумун. — Это мой корабль!

— Конечно, его наверняка снабдили противовесами для твоей спеси!

— Это не спесь, а гордость за свой народ!

— Там огромная волна...

— Если Торкен населен такими же засранцами как ты... Что?

— Что?

— Какая еще волна?

— Огромная... — просипел Расчет и брякнулся на пол.

Потянуло чем-то невероятно гадким. Если бы я не знал, что в действительности рядом не было никаких опоссумов, то решил бы, что один из них только что притворился мертвым.

— *Закрой глаза, закрой глаза, и зло не увидит тебя,* — пропела бессмертная душа Расчета.

Все крысы вокруг трона вдруг поднялись и организованно потрусили к выходу.

— Что за змей, — ошарашено проговорил Миумун. — А ну назад!

Последняя крыса оглянулась и покачала мордочкой.

— *Инстинкты. С ними не совладать.*

Под разнобойное топотание, мы выскочили из дворца Миумуна. Палуба была заполнена зункулами. Все они, за исключением участников Платочного конфликта, глядели в одну сторону. Воины приклонили колена перед неминуемой смертью. Матросы сгрудились в вороньем гнезде главной мачты. Визг там стоял такой, словно в джунглях вдруг кончились все лианы.

— Чаю?

— Нет, спасибо, Реакция, — вежливо отказался я.

Волна.

Это была не совсем волна. Что-то настолько огромное, скорее всего, заслуживает собственного наименования. Океан словно взяли за один край и принялись сворачивать как блинчик. С корабельно-островным джемом. Этот Край приближался к нам со странной, почти потусторонней медлительностью. В действительности очень сложно оценивать расстояние и время, когда в твою сторону направляется треть Океана.

Бегущая впереди тень, накрыла нас мгновенно. Стало темно и зябко. Посыпались холодные капли.

— Откуда она взялась?! — заорал Миумун. — Еще утром горизонт был чист! Да что там, мы бы за неделю ее увидели! Проклятье, почему все просто не может идти так, как должно?!

— Престон? — Рем шмыгнул носом. — Я как то видел парня, который забирался в бочку. Ну, знаешь, в дубовую бочку и спускался в ней с водопада.

— Спускался?

Я поглядел на крыс. Они разместились на поручнях и печально смотрели куда-то вдаль, изредка попискивая и обнимая друг друга хвостами.

— Скорее падал, — исправился Рем.

— И он выжил? — с надеждой спросила Кира.

— Ну, он немного дергался, когда его вытащили из бочки.

Рем подумал и добавил.

— Точнее, бочку из него.

— Нет, не пойдет, — сказал я. — Цыпленок!

— Циф? Ку-ка-ре-ку-у-у?!

Оглушающий грохот триллионов тонн воды несся следом за тенью.

Миумун метался по палубе, расписывая зункулов. «Сделайте что-нибудь, идиоты!», — орал он.

Волна настигала нас. Корабль начал крениться на нос. Его поволокло вверх по вздымающейся воде.

— *Цыплено, о на елать?! —* спросил я.

— *Ци! Иф-ци! И!*

— *Но нель-я же бро их!*

— *Иф?!*

— *Да-ай са-е сил-е!*

Кира схватила меня за руку. Такелаж сыпался вниз, Миумун визжа вцепился в зункула, цепляющегося за перила и принялся карабкаться вверх по перекадинам. За дворцом Миумуна закружилось нечто призрачно-неясное. Это облако мгновенно вобрала в себя волна.

Я поглядел вверх. Кира держала меня. Рем, обвязавшись веревкой — ее.

— *Ме нуж- обе ру-и!* — крикнул я изо всех сил.

Кира сосредоточенно выслушала и покачала головой.

— *Я не см-у ере-а-ить те-я!*

— *От-и ме-я!*

— *О!?*

Не теряя времени на споры, я разжал пальцы и выскользнул из ее хватки.

Шлеп!

На мачте было полно бесшумно визжащих зункулов. Я кое-как уселся и...

— *Иф! И!*

— *Как?*

— *Иф! И!*

Тепло. Я стал ядром теплоты. Маленьким орешком в скорлупе нестерпимого жара. Маггия озверело хватала меня за руки, разрывая комбинезон в клочья. Выше, по предплечью и плечу, стремясь добраться до горла. Засвистели крохотные льдинки, вокруг судна намерзала ледяная кромка. Он начал замедляться. Я почувствовал, что съезжаю вперед.

Алый корабль Первенцев становился на дыбы.

То есть горизонтально.

Удивительно, как много интересных шгук можно проделать с кораблем, имея в своем распоряжении край Океана и колдуна.

Еще секунда и волна проглотит нас.

Маггия в бешенстве начала грызть и разрывать пространство.

Сейчас!

.
. .
.

.
?
!!!

С: Они уже там?

ДМ: Еще нет, господин.

С: А теперь?

ДМ: Нет, господин.

С: Ну а сейчас?

ДМ: И снова нет, господин.

Несмотря на то, что по космическим меркам Алиот вел себя как ребенок в телеге, плетущейся на ярмарку, любому человеку он показался бы образцом выдержки. После каждого его вопроса проходило не меньше трех суток.

В действительности он готов был провалиться сквозь риманово пространство. Во всем мире нашлось всего ДВА человека, способных в теории подобраться к Великому Оно. Из них всего ОДИН мог в теории одолеть носителя.

Как можно всерьез играть двумя фишками на доске с миллионом ячеек?

Комета!

Жнецы роились вокруг, в бешеном темпе сооружая пищевые пузыри. Столь... загадочных пищевых пузырей Алиоту еще пробовать не доводилось. Жнецы наполняли их дикой смесью из угля, огромных животных, древесины, нефти и всего того, что могло бы помочь светозверю удержать орбиту. От него до земли непрерывно работала конвейерная цепочка.

Алиот сознательно давился этими тошнотворными пузырями, и пытался вырабатывать из угольно-мясной каши оптимизм. Получались в основном ядерные протуберанцы. Ближе к хвосту.

Если отправить армаду жнецов... Да что там армаду, даже стаю в пятьдесят особей Великое Оно сразу же заметит их и уничтожит.

Две фишки.

Что-то настолько ничтожное посреди миллиона незанятых клеток.

Насколько ничтожное, что рок даже не сможет заметить это.

Алиот проглотил очередной пузырь и крепко сжал плавники.

У Сэнди-Бэнди определенно выдался удачный день.

Удачливость Сэнди легко вычислялась по количеству выделенной слюны, поделенного на величину сожранной горы растительного мусора. Такие горы сооружали доисторические птицы с облысевшими задами, которые испытывали проблемы с: а) температурным балансом, б) запоминанием места, куда были отложены яйца.

Птицы были большие и по-старчески злобные. Не летали, не пели и не занимались прочей романтической ерундой. Сварливо клекоча, они сгребали голенастыми ногами все, что попадалась на глаза в одно место, создавая большое, легко узнаваемое гнездо.

По этому клекоту Сэнди-Бэнди определял, где ему вскоре придется отобедать.

Прячась в зарослях, он неделями дожидался момента истины. Птица не выдерживала поста, начинала свирепо клекотать и возиться. В конце концов, она поднималась и уходила, предварительно забросав яйцо мусором.

Это было время Сэнди. Точнее минут двадцать, пока птица гонялась за одышливыми саблезубыми тиграми. Сэнди вылезал из болота собственных слюней и торопился к гнезду. В жаркой гниющей каше встречалось великое множество насекомых, мягкой клетчатки, грызунов и ящериц. Иногда попадались убитые во время создания гнезда кондилартры.

И, конечно же, Яйцо!

Яйцо было для Сэнди своего рода откровением. Он был из тех немногих разумных существ, кто точно знал ответ на Великий Вопрос.

В яйце.

Ну, смысл жизни, понимаете? Он там, чтобы вы себе не думали.

Сэнди мгновенно пообедался, а потом долго спал где-нибудь далеко-далеко от места преступления. И, несмотря на... подробности своего происхождения, он знал, что не при каких обстоятельствах туда не вернется.

Да и зачем?

Прислушиваясь к таинственным песням живота, Сэнди убредал от очередной несчастной мамыши и высматривал место для ночлега. Не слишком тщательно. Его мог выследить любой хищник. Даже не имеющий к себе уважения. Просто потому, что Сэнди постоянно «звучал». Опуская подробности этого «звучания», отметим еще одну причину, которая уже упоминалась.

Слюни.

Бывали драконы огненные. Бывали ледяные. Медные-молниеносные. Черные-ядовитые.

Так вот Сэнди был слюнявым драконом.

Он выделял эту жидкость в таких количествах, что мог бы всерьез заниматься орошением небольших полей. При этом от его слюны воняло тем, что он ел. Переваренным вариантом того, что он ел. Даже смердящие за тысячу хвостов энтелодоны, предпочитали не иметь с ним дела.

Итак.

У Сэнди определенно выдался удачный день. Он сожрал большую кучу перегноя, и в очередной раз испытал священный экстаз от поглощения яйца. В его несложной программе остался третий и заключительный пункт: поспать.

И он непременно занялся бы этим прямо сейчас, если бы не... Ощущение. Злое. Плохое. Гадкое ощущение. Что это?

— Ры-а-агр! — выразился он.

Он бы обязательно понял, что его мучала подозрительность и острая драконья интуиция, если бы не тот факт, что в семье Сэнди практиковалась «родственная взаимозаменяемость». Практически это означало, что отец Сэнди был одновременно его дядей. А мать — бабушкой. В целом проблема усугублялась еще и тем, что отец-дядя был далеко не первым отцом-дядей, и мать-бабушка, тоже не вчера изобрела это... деликатное положение.

В результате многие присущие драконам родовые силы пострадали. Редуцировались. Отмерли. Затерялись в безумном геновороте. Вплоть до мелочей. Так, например, Имя Третьей Степени Величия И Уважения Сэндифактумрадогат, превратилось в Сэнди. А Семейный Титул Крови Мэндигаратухамду — в Мэнди.

Однако, Сэнди был чуть ли не единственным драконом во всех джунглях, у кого были...

— Крылья, — проговорил Накат сосредоточено. Его щетина обдирала засохшие чешуи с папоротника-великана. — Это первая тварь, у которой есть крылья. Понимаете, что это

значит?

Снизу Вилл сливался с трещинами в камне. Он поднял покрытый прозрачной порослью подбородок и кивнул.

— Времени у нас не остается, — говорил Накат, сползая вниз по стволу на одних руках. — Ики, сколько мы здесь?

— Двадцать четыре полных дня, — ответило кресло без всяких вычислений.

За это время светозверь успел опуститься так низко, что находиться на открытых участках стало практически невыносимо. Да и под шипящими днем кронами, духота стояла змейская. Теперь даже Накат не отрицал, что на этот раз цена на лук определенно снизиться. Зато крем от загара станет дороже специй.

— И какой у нас план? — осведомился Вилл, пытаясь определить реакцию Кричащего меча на дракона.

Внутри ноздреватой стали что-то поскуливало и побулькивало. Меч то ли не знал, как реагировать, то ли искренне сострадал.

— Говорят, драконы разумны, — сообщил Ики. — Может нам попытаться просто договорится с ним?

— Шантаж, — согласился Накат.

— Нет! — возразило кресло. — Мы просто вежливо его попросим.

— Слушай, Ики — вмешался Вилл, который успел неплохо изучить диадру Наката, за эти двадцать дизентерийных, обезвоженных, mosquito-кусательных дней, — давай мы вежливо с ним поговорим, но у Наката в руках будет дипломатический атрибут.

Накат изогнул брови.

— Большая пушка, — уточнил стотри.

— А ты чему-то да учишься, парень, — ровным голосом признал Накат.

Сэнди тем временем удобно устроился на хвосте, и не на шутку задумался над своими впечатлениями. Со стороны он напоминал реалистичный фонтан со слабым водяным напором в трубах.

Он настолько погрузился в свои размышления, что даже не обратил внимания на выскочивший из кустов плод дизентерийника стопроцентного. Здоровенный пятнистый апельсин скакнул перед ним и завертелся вокруг собственной оси.

В мозгу Сэнди ворочался сверхразум, вывернутый наизнанку веками инцеста.

— Кто-то... преследует...

Сверхразум закипел.

— Миня?

Инсайт был такой силы, что «звучание» дракона стало почти оглушительным.

— Мы не причиним тебе зла! — завопил Ики. — Мы пришли с миром!

— И с пушкой, — добавил Накат непреклонно. — Нам надо поговорить, дракон.

— Гэ-э-э? — изумился Сэнди. — Што вы такие? Я же не кушал ваши яйца! Нет-нет, не кушал, клянусь-обещаю.

— Не слишком-то он разумный, — шепнул Накат.

— Я буду говорить, — отрезало кресло. — Здравствуй друг, дракон. Позволь нам узнать твое громоподобное имя, о, владыка неба.

— Г-э-э-э? — беспомощно переспросил Сэнди.

— Как тебя зовут? — прямо вступил кабинетный варвар. — Вот меня зовут Вилл, его — Накат, а кресло — Ики. Как твое имя?

— Сэнди, Сэнди завут все, — поспешно информировал дракон. — Но яйца не крал.

— Мы тебе верим, — добродушно сказал Вилл. — Не волнуйся, мы друзья.

— Что это? — не понял Сэнди. — Вы семейная пара?

Накат затрещал, но выдержал. Его опыт запечатлел убийство множества идиотов. Но то были не набравшиеся ума идиоты. К генетическим он относился с нехарактерным для него пониманием.

— Нет, — сказал Вилл. — Это значит, что мы помогаем друг другу.

— Я-а-айца, — понимающе протянул Сэнди. — Так удобнее, да?

— Вот именно, — подтвердил варвар. — И не только они. Имея друзей, можно добыть вещи куда более ценные.

Это было сильным ударом для дракона. Вселенная сверхразума содрогнулась от чудовищного катаклизма. Все ее маленькие спутанные галактики зазвенели как елочные игрушки.

Что-то ценнее яйца?

— Так же быть не бывает! — воскликнул Сэнди.

— Бывает, — проникновенно повторил Вилл. — Такие вкусности тебе и не снились. Это... Это яйца в яйце, залитые другими яйцами.

Два желтых шарика со сбитыми в разные стороны горизонтальными зрачками, вылезли из орбит.

— Змей возьми, да откуда же в нем столько воды! — рявкнул Накат. — Не останавливайся, парень, дави на него.

— Мы тоже хотим добыть эти яйца, — Вилл стряхнул пот, и сделал шаг назад от наползающей лужи.

Сэнди направил на него оба глаза одновременно. Двигались они как бильярдные шары в переполненной лузе.

— Мы можем помочь друг другу, — напомнил Вилл. — Ты — нам, мы — тебе. Дележка.

— Глагл, — восторженно булькнул дракон. — Гля глосасен! А гло глелать-ло?

— Ты ведь умеешь летать?

Это был контрольный вопрос Вилла. И, как это ни странно, внятного ответа он получить не смог.

Для начала ему пришлось объяснить Сэнди, что такое «полет». Сэнди выразил сомнение, что кто-то сможет запустить его в небо как демонстрационный камушек. Тут выяснилось, что дракон не видит прямой связи между его крыльями и способностями запущенных камней.

— Просто попробуй помахать ими, — советовал Вилл.

— Ни хачу-у-у, — хныкал Сэнди. — Тижало!

Терпение Наката лопнуло.

После этого на притихшего в ужасе дракона еще долго сыпался обгорелый папоротник.

— Видел, что случилось с тем деревом? — спросил Накат поглаживая ручной хлопышмет.

— Ик!

— Хочешь, чтобы с твоей головой произошло тоже самое?

— Инк!

— Тогда маши крыльями, подкормка для сказок!

!!!

·
·
·
·

— ...все умрем!

— ...сти меня Разворот!

— ...и-и-и-и-изг!

Падаем, — успело пронестись у меня в голове.

— Держитесь! — заорал я, не особо надеясь найти слушателей. — Изо всех...

И первый сорвался вниз при ударе.

Корабль упал на бок, расплющив оседающий берег. Я рухнул в грязь и забарахтался. Дно было скользкое, на меня перли мрачные буруны изломанных ветвей и мелких деревьев. Разгребая руками селевую жижу, я выкарабкался на оплывающий берег и поглядел на судно. Оно уперлось мачтой в середину потока и жалобно завывало своей неведомой конструкцией. Зункулы-не-обезьяны уже успели взобраться на левый борт и теперь ошарашенно озирались по сторонам, что-то прикидывая емкими «у-ка-ка-ка» и «хук-ки-ки».

Я посмотрел на пустую правую ладонь. Посох вынырнул из грязи ниже по течению и помчался ко мне.

— Кира! Рем!

— Мы здесь!

Я прошлепал под стонущей палубой, наблюдая, как выбираются из грязи воины: пантеры и леопарды. Они взрезывали и разбрызгивали грязь отрывистыми движениями ног.

Рем висел вниз головой на той самой веревке и курил перевёрнутую трубку.

— Стой, — сказал он, когда я попытался развязать узел. Он с шипением втянул остатки тлеющего табака. — Вот теперь можно.

Я прицелился из посоха.

— Оп! — сказал Рем, приземляясь на ноги. — Знаешь, каждый раз эта магия дается тебе все легче и легче.

Я кивнул.

— А где Кира?

— Там, за камнями, — указал Рем. — Переодевается. Когда ты выскользнул, она начала вырываться как кошка. А ведь я не знал, чего ждать. В общем, тянул до последнего, — он загоготал через нос. — Но в грязь она знатно шлепнулась.

— Я все слышу! — крикнула Кира из-за своего убежища. — В конце я не столько вырывалась, сколько пыталась защитить свою грудь!

— За все нужно платить! — философски откликнулся сухолюд и принялся грызть добытое из параллельного измерения яблоко.

— Ты в порядке, Кира? — на всякий случай спросил я.

— Да! Пытаюсь спасти хотя бы часть платья! Отличная работа, Престон! Но если ты еще хоть раз отпустишь мою руку без разрешения, эта волна покажется тебе весенним ручейком!

Я не решился парировать.

— Эй! — вместо этого зашел в грязь по колено. — Аналог, ты там?!

— У-хи-хи... То есть, да!

— Что видно?! Где мы оказались?

— Погляди сам! У-ху!

— Пойду, осмотрюсь, — сказал я Рему. — А ты... Можешь пока поискать Миумуна?

— Не слишком пристально, — предположил Рем, обсасывая черенок яблока.

— Не увлекаясь, — согласился я.

— Заметано.

Интуитивно взлетев на верхний борт, я попал в сообщество экспертов по географии Зрачкового континента. Зункулы, уже успевшие начать новую жизнь, сделали первый шаг к переосмыслению бытия с драки. Предметом спора оказался... Гротеск.

Я помотал головой и протер глаза.

Было змейски жарко. Вокруг расстилались покрытые засыхающей грязью поля. Защищая глаза, я взглянул на светозверя. Небо терялось в его сиянии.

Ефврат, на берегу, которого мы оказались, раздулся и превратился в ленту жирной грязи. Очевидно, что он уже успел покинуть свои берега и вернуться обратно. В самой Гигане наверняка царил инфраструктурный хаос. Все канализационные проспекты затопило, срединные улицы превратились в реки нечистот, а крыши переживали пик посещаемости.

Я поднял свой комбинезон выше и накинул воротник на плешь.

Виднелась шкура Живущего леса. Две великих реки шли прямо через него, размывая вековые наслоения сухостоя, листьев и дерна. Где-то далеко он, вероятно, был изломан и попран вторжением третьей стихии.

Черная точка Гротеска сидела на западе. Я знал, что мне необходимо туда пойти, но понятия не имел, что я смогу сказать Магутусу. Я не успел забрать собранные мной образцы варварских технологий. И не вернул на родину тело Вельвет. Все что я смог, — поглядеть на то, как его сжигают с отдаванием воинских почестей. И сколько я не просил, сколько не умолял Цыпленка...

В общем, мы находились в глубоком пригороде Гиганы.

Вокруг столицы собиралась армия гвардии Зверя. Перед северными воротами вырос второй город, состоящий из полевых шатров и звериных клеток. Этим ребятам уже что-то сообщили.

— Цыпленок.

— Циф?

— Ты ничего не хочешь мне сказать?

— Циф!

— А конкретнее?

— Циф-циф.

— И сколько же магия могла «раздумывать» над нашим перемещением?

— Циф.

Это было похоже на правду. Минуло недели три. Интересно, флот Реверанса уже проделал хотя бы четверть пути?

Облизнув губы, я посмотрел на север.

И увидел его.

Флот Реверанса.

— Быть того не может... Кира!

— Я здесь.

Она не дала мне свалиться от неожиданности.

— Ты сама сюда забралась? — спросил я, глядя на нее. Почему-то смотреть получилось только под определенным углом. Наверное, все дело было в том, что она превратила свой пышный многослойный наряд в нечто крайне... функциональное.

— Немного размялась, — скромно сказала она. — Престон.

— Что?

— Выше.

— Да?

— Мое лицо. Оно немного выше.

Маленький Рациональный Престон поволок мое внимание за шиворот и бросил его к недавнему снимку памяти с размашистой подписью: «вот теперь нам точно конец!».

— Напомни-ка мне: твоему отцу удалось добыть достаточно энергии, чтобы запустить Исток?

— Не думаю, — ответила Кира, закрываясь руками от светозверя. — Насколько я понимаю, он сам должен был отключить экстрактор. А почему ты спрашиваешь?

Я молча направил ее взгляд, взяв за подбородок.

— Перегрязь!

— Да.

— Куда ты идешь?

— Вниз, — сказал я, не оборачиваясь.

— Вниз? А что потом?

— О, Первый! — я присел и свесил ноги с борта. — Кира. Я не знаю. Понятия не имею. Я только и слышу: «что теперь?», «что потом?», «что будем делать, Престон?» Что я, потвоему, могу сделать с летящим Истоком? Я действительно хотел помешать Реверансу, но твой отец слишком крут для меня.

Я принялся сползать вниз. Сорвался и медленно опал как увядший лист.

— И теперь ты намерен, вернуться к тому, с чего начал? — Кира помогла мне подняться и усадила на ящик.

— Как ты это делаешь? — спросил я.

— Мне часто становилось скучно, и я исследовала Исток, — ответила девушка, присев передо мной на корточки. — А там маловато лестниц. Ну, так что, Престон?

— О, Первый, ты сейчас вылитый Рем. Не хватает только трубки.

— Не уходи от темы. Ты снова собираешься бежать? Пока мой отец наводит свой порядок в твоём доме?

Я сжал десны и вышел из-под корабля так, чтобы видеть Исток. Он приближался, но, видимо, гораздо медленнее, чем раньше. Учитывая сроки его экспансии, в данный момент он реял из последних сил. Его кратеры натужно выдували вниз сияющие конусы, которые мигали и задыхались, то пропадая, то появляясь вновь. Его здорово тянул назад флот Солёных варваров. Сложной системой цепей, корабли были связаны в широкую колонну, которую Исток волок за собой на стальной привязи. Крепкие крытые капсулы бороздили Евфрат.

Я почувствовал пятками нарастающую дрожь.

Все было ясно, как божий день.

Авторитет был слишком большим для классического вторжения. Реверанс понял это в первый раз и окончательно убедился в этом во второй. И вот он элементарно, и в то же

время неповторимо, решил доволочь свою армию до цитадели зла без лишних потерь. План его был прост как устройство кирпича. И продиктован незамысловатой же человеческой натурой. Стоит разрушить централизованное управление, в особенности же его символ, Гротеск, и весь континент превратится в лоскутное одеяло. Даже самые закоснелые провинции не устоят перед новым развлечением под названием «Настольные Суверенитет и Независимость».

А тех, кто до конца будет предан Автору, армия стотри изолирует за считанные месяцы. Они выстроят огромные стены вокруг лоялистских резерваций и расскажут всему Новому миру, что в этих заповедниках глупости и злобы обитают враги человечества.

— Ну чего же ты ждешь? — спросил я у светозверя.

А еще подумал: как же Реверанс намеревается разрушить Гротеск?

В этот момент Исток трянуло, огонь захлебнулся, и дворец Основного Терминала, начал снижаться. Кира сдавленно вскрикнула. Но вот под огромными раструбами снова показались конусы неведомой силы, и величественное сооружение медленно пошло вверх. Так и не сумев, однако набрать прежнюю высоту.

Неужели он собирается...

— Я нашел Миумуна, — сказал Рем, появляясь справа от меня.

Несколько зункулов притащили тело в тигровом балахоне, заляпанном грязью.

— Он скатился в низину перед носом корабля — продолжал Рем. — Свернул себе шею, наверное. Кто-нибудь хочет произнести эпитафию? Хорошо, тогда я. Жил один такой Миумун. Пошла заварушка и он помер. Бывает же такое, правда? Первый, сделай так, чтобы в загробной жизни, он не бродил, постоянно глядя на свою задницу. Саминь.

— Я еще жив!

Все вздрогнули.

Голова Миумуна, неестественно вывернутая, вдруг заскрипела, дернулась. Послышалось едва уловимое «чпок». Отчаянно орудуя маленькими железными лапками, шлем выполз из капюшона. И уставился на меня пустыми глазницами. Его вытянутая макушка зазвенела и вдруг откинулась в сторону.

— Не смотрите на меня! — тонко заверещал Миумун. — Это все ваша вина! Ваша-ваша-ваша! Это из-за вас погиб мой трудяга! Где я сейчас найду такого же здорового и легко внушаемого овоща? Дохлых идиотов пруд пруди, а этого не брали даже самые жуткие болезни! А-а-а-а, как же я вас всех ненавижу! Ненавижу самой черной ненавистью!

— Так вот, что ты имела в виду под размерами, — протянул я, поглядев на Киру.

— Ну да, — хмыкнула та. — А ты что подумал... Ох, Престон.

— Кстати, за Истоком тянется кораблей триста, — невзначай сказал Рем. — На самый общий взгляд.

— Ну что, ты гордишься своим отцом, дрянь?! — подскочил шлем.

— И всегда гордилась!

Зункулы собирались вокруг, неуверенно рыча и поглядывая на нас.

— Что нам делать, господин?

— У-ху-хах!

— Мумхр!

— ...какая большая... волна.

— Вы испортили мою гениальную операцию! — взвизгнул Миумун.

— Престон спас тебе жизнь! — сурово напомнила Кира. — А ты жалуешься, мелкий

негодяй.

— Что ты сказала про мой размер?!

— Я сказала, что встречала грецкие орехи больше, чем твоя честь.

Загрохотал посох.

— У меня есть небольшое объявление, — сказал я вполголоса. — Всем, кто не собирается рисковать жизнью, я рекомендую убраться подальше.

И вернулся на свой ящик.

Зункулы переглянулись и, не сговариваясь, окружили шлем.

— Ну чего вы уставились, парии? — пропищал Миумун. — Поднимите меня!

Один из воинов взял шлем на сгиб руки.

— Просто признайте, что у меня нормальные размеры! — в запале Миумун почти полностью вылез и шлема, сверкнув зеркальной раковиной, но почти сразу же заполз обратно. — И мы поговорим.

— Я уверен, что среди своих сородичей, ты настоящий гигант, — предположил я.

— Вот именно! — с жаром согласился Миумун. — Поглядели бы вы на остальных! Да я могу уместить половину нашей Доминаты на своей спине! Никому и в голову не приходит, что все дело в пропорциях!

— Это все? — спросил я.

— И пусть она извиниться! — взвизгнул Миумун, указывая гневными рожками на Киру.

— Ну, вот еще, — фыркнула та.

— Я не могу просить ее об этом, — предупредил я. — Во-первых, она мне не подчиняется, во-вторых, мы собираемся обсуждать, как одолеть ее ближайшего родственника.

— Тогда почему ты ее защищаешь? — запальчиво донеслось из шлема.

— Она спасла меня, я — спас тебя. По-моему, она заслужила свободу и неприкосновенность. Согласен?

Шлем заворчал.

— В конце концов, каждое ее слово — ложь, — решил Миумун. — И извинения ее были бы ядом. Выкладывай свой план, колдун.

— Нет никакого плана, — я откинулся назад, прислонившись спиной к палубе.

— Что? — хлюпнул Миумун. — Ты смеешься надо мной?

— Нет. С чего ты вообще взял, что у меня есть план?

— Ты сам мне это сказал! — возмутился первенец.

— Я солгал, — безразлично ответил я. — Ни змея тут не придумаешь. Тебе и твоей команде сейчас лучше всего уйти в леса и добраться до Торкена.

Миумун тоненько засвистел.

— Поверить не могу, — услышал я. — Солгал. Да если бы дело было в Торкене, я приказал бы заморозить тебя и поставить рядом со скунсами. Слуги! Готовьтесь ставить корабль на воду. Сооружайте какие-нибудь рычаги, плетите веревки из травы, мне плевать! После того как Исток пройдет мимо, мы должны будем уплыть отсюда! Эй ты, пятнистый, давай сюда свою голову!

Один из леопардов склонился перед шлемом и посадил Миумуна себе между ушей. Тот присосался как клещ, и принялся командовать чужим телом. Я глядел на землю, парящую от жары, и старался ни о чем не думать. Всего одна мысль и меня разнесет на кусочки.

Справа потянуло табачным дымом.

— Мне кажется, — проговорил Рем вдумчиво, — что если я сейчас спрошу у тебя «что дальше, Престон» ты меня во что-нибудь превратишь. Давай сразу договоримся: если меня во что-то и трансформировать, то только в колоду карт.

— Кира меня уже спрашивала, — глухо пробормотал я. — Я не знаю. Реверанс умеет произвести впечатление.

Слева запахло персиками.

— Можно уехать куда-нибудь, — несмело предложила девушка. — На край континента. Чтобы не знать.

Я ничего не ответил на это. Помедлил и спросил:

— Зачем ты сказала мне это?

— Что?

— По поводу порядков в моем городе. Разве ты не согласна с отцом?

Кира мрачно засопела.

— Я многого не понимала.

— Так.

— И ничего, как следует, не разложила по полочкам.

— Думаю, да.

— Тебе было легче в свое время?

Я внимательно посмотрел на нее, не сразу сообразив, что она имеет в виду.

— Я часто жалел о том, что ушел, если ты об этом. Я жалел, даже рассчитывал сдать.

— Но не сдался.

— Нет.

— Почему?

— Потому что приходил Рем, и в его хищных глазах мерцала вера в меня. Я был малодушен, Кира, меня постоянно мучили сомнения. Многие говорят, что достаточно верить самому. Но когда у твоей идеи есть еще хоть кто-то понимающий, о чем идет речь — все несравнимо легче.

— Ой, да ладно тебе, — демонстративно застеснялся Рем.

— Значит, все дело в друзьях? — спросил аромат персиков.

— Если хочешь, можешь верить в это вместе со мной, — я достал медальон Дилы. — А я ведь так и не сказал тебе спасибо, Рем. Спасибо.

— Ой, да ну что ты.

— Престон? — позвала Кира.

— Да?

— А ты... ты не мог бы допустить, что я в теории могу иметь свой взгляд на все происходящее вокруг моего отца. Поверить вместе со мной, как ты это называешь. И ты, брат Рем.

— И что же это за взгляд? — спросил брат Рем.

Кира вздохнула и запустила пальцы в антрацитовые волосы.

— Отец немного не в себе. Я часто пыталась дискутировать с ним на тему Авторитета. Он враг сомнений, может объяснить и прояснить все, что угодно. Но когда речь заходила о континенте, он превращался в фанатика. В такие моменты он чрезвычайно многословен, и каждое его слово отполировано веками повторений. Но это не светлая идея, это одержимость, которая высасывает из него силы. Его гонят вперед жертвы предыдущих походов. Он пуще смерти боится, что они окажутся напрасными. Ты кстати заговорил о

друзьях и единомышленниках. Сколько я его помню, он всегда был один. Всегда. Он никогда не рассказывал мне о своих соратниках, и теперь я понимаю: это потому, что у него никогда их не было. Стотри обмануты и они не в счет. Маширо — слуга. Он верит в силу, а не в идеи. Сайцы — просто бизнесмены, их устроит любой исход. Остаются только наемники, но об этом даже говорить не стоит. Престон, я больше всего на свете хотела бы, чтоб он излечился, успокоился, но не ценой же таких социальных катаклизмов, — голос Киры начал крепнуть, становился все громче и острее. — Нельзя рисковать миллионами ради его спокойствия. Да, возможно меня потом сживет со свету слово «предательница», но еще хуже будет образ покорного сокровища, вечно немого, вечно скромного, дожевывающего остатки самостоятельности на заднем плане!

Она не выдержала, сорвалась на крик. Я испугался было, что она по женской традиции удариться в слезы, но Кира только угрюмо прокашлялась и требовательно посмотрела на меня.

— Недурно, — Рем толкнул меня локтем в бок.

— В самый раз, — согласился я. — Знаешь, Кира такую позицию многие бы одобрили.

— Меня интересует вы двое.

— Добро пожаловать в клуб моральной взаимопомощи, — я пожал ее руку.

— Членские взносы принимаю я, — предупредил Рем. — Форма и расписание оплаты не регламентированы. Время от времени я просто буду щипать тебя за ляжки. Этого будет вполне достаточно.

— Пожалуй, я буду приплачивать оплеухами, — не растерялась Кира.

Рем захихикал, я тоже улыбнулся, но веселье довольно быстро скисло. Мы глядели на Исток, который рывками преодолевал лиги.

— Спасибо вам, — произнесла Кира. — Действительно, спасибо.

Исток снова дернулся и зарычал. Мы встали, глядя на грандиозное основание, покрытое стекломассой и обрывками шупалец. Дворец Соленых варваров задрожал, и сверху посыпались осколки Твердых Вод. Зункулы, шныряющие по округе, в ужасе забрались под корабль. Несмотря на то, что кратеры выдували свое пламя почти бесшумно, что-то под медным гигантом раздражало уши и мешало сосредоточиться.

Я вышел наружу, бессильно перетирая десны.

Он был прямо над нами. И я ничего не мог с этим поделать.

— Циф.

— Что?

— Ц-и-ф.

— Хорошо, но зачем...

Я сделал шаг в сторону и чуть не проглотил язык от неожиданности. Если б не Цыпленок, моя хандра разломилась бы напополам под огромным куском какой-то конструкции. После падения он тяжело подскочил и увяз в грязи.

— Эй! — позвал я, не веря собственным глазам.

От этого обломка Истока не было никакого толка.

— Эй, все сюда, быстрее!

А вот то, что было к нему привязано, давало некоторый простор для тактических приемов. Например, для такого: хватайся и держись крепче.

— *Narama teq!* — вымолвил подоспевший Рем. — Я совсем забыл про эту сволочь.

— А он про нас нет, как видишь, — сказал я, наполняясь новой надеждой.

— Как думаешь, скольких выдержит? — спросил Рем, уже распутывая связку.

— Смотри где он засел, — сказал я, глядя на узел. Кто-то же его завязал. — Слушай, Олечуч ведь остался там, верно?

— Думаешь, он держит его?

— Стоит на это рассчитывать, — кивнул я. — Думаю, нас двоих он вытянет без труда.

— Нас троих! — вмещалась Кира.

— Что это вы тут задумали? — прорычал Миумун голосом носителя. — И что это за мерзость? Это что... Язык?

— Нет времени объяснять, — бросил я, лихорадочно соображая. — Слушайте, план такой: мы поднимаемся наверх и проникаем в Исток. Там мы находим... Нет Кира, ты не пойдешь!.. Там мы находим Основного Терминала и отдаем с помощью него команду отступить. После этого мы просто развернем эту штуку назад и дело в шляпе.

— Развернем? — ядовито переспросил Миумун. — Это что тебе, конь на колесах?

— Вызнаем способ у Реверанса! — гаркнул я, не собираясь спорить с ним. — Клянусь, я заставлю его говорить!

— Вот именно поэтому я и должна пойти! — Кира схватила меня за плечо. — Отец ни за что не выдаст вам такую информацию. Принудить его никто не сможет, даже я.

— Тогда зачем ты нужна там? — злобно спросил Миумун. — Хочешь предупредить его!

Клянусь Первым, если бы сволочи светились, Миумун мог бы подменять светозверя на время тьмы.

— Говори с ней учтиво, — прорычал я, ткнув наверху посоха в улитку. — Кира, продолжай.

— Я знаю, как с помощью Терминала Советника дать команду к отступлению, — сказала та сквозь зубы. — Знаю, что сказать и как сказать. Отец научил меня, предупреждая смерть от рук наемных убийц. К тому же никто из вас толком не знает планировки Гротеска. Я покажу кратчайший путь!

Я молчал, поглядывая наверх. В любой момент Исток мог снова рвануться вперед.

— Престон, пожалуйста, — умоляюще говорила Кира. — Я просто хочу проследить, чтобы с ним ничего не случилось. Я люблю отца. Я сделаю все, что скажете, при условии, что вы не убьете его.

— Вздор, ты хоть понимаешь, о чем просишь? — встрял Миумун. — Ты сама только что сказала, что он не остановится ни перед чем! Стоит нам дать ему возможность сбежать, и он воспользуется ей как никто другой!

— Он клялся мне, что это его последняя попытка!

— И мир должен ему поверить?!

— Я ему верю! — отрезала Кира. — Я знаю его. Отец не лжет. Он очень устал, вина сдает его. Если он проиграет, то уйдет. Навсегда.

— О, только не дайте мне расплакаться! — ядовито парировала улитка. — Клянусь, из-за вас обо мне пойдет дурная молва: Миумун, дескать, идет на уступки врагу. Ладно, девчонка, на месте посмотрим, что делать с твоим папашей! Эй, колдун, скольких выдержит эта штукавина? Я отправляюсь с вами. Никому из вас не доверил бы даже слизь за собой подтирать!

— Миумун, ты любишь лимонный сок? — вдруг спросил Рем.

— Я не потерплю таких намеков! — заявил Миумун бледнее. — Я гражданин Торкена и имею право на свое мнение.

— Держи, — сказал я, подавая ему конец языка. — Обвяжись, как следует. И поторопись, потому что мы это уже сделали.

Миумун ворча и раздражаясь, плотно обмотал себя и завязал не меньше пяти узлов.

— Все готовы? — спросил я. — На счет три вместе дергаем за язык. Раз! Два!..

..! — подумал Проглот.

Пытаясь оседлать дракона, в первую очередь понимаешь, что Первый создавал их вовсе не для этого. Откровенно говоря, с практической точки зрения, драконы совершенно бесполезные твари. Приручить для войны их невозможно. Навоз не удобряет землю, а выжигает ее. В симбиоз драконы ни с кем не вступают. После смерти их тела мгновенно сгорают, так что из двухтонной туши получается пузырь пепла и примерно ноль грамм полезных ископаемых.

Единственное их предназначение, это сохранение сказочности. Для всякого мира в бесчисленных параллелях существования, они являются своеобразным фетишем, декоративной шишечкой на решетке камина.

В общем, драконы — отстой.

А теперь конкретно о полетах.

Чешуя у этих ящеров скользкая. Взмахи крыльев чудовищно сильны. Теоретически, удержаться на нем могут только могучие богатыри человеческой расы. И то лишь вонзив в бесчувственную чешую два кинжала, чтобы крепко держаться за их тесненные рукояти.

Это была единственная известная Накату инструкция, подчерпнутая им из популярной оперы. Называлась она, как ни странно, «Полет на драконе».

Сэнди-Бэнди летел так, как и полагается любому представителю благородной расы, с тем только отличием, что его аэродинамические характеристики без подгонки подошли бы двугорбому слону. Это означало, что он летел примерно так же, как скатывался бы с холма.

Не один богатырь не смог бы удержаться на нем за тесненные рукояти. Он был бы слишком увлечен симптомами морской болезни. Поэтому Атряду Альфа очень повезло, что между горбами Сэнди нашлась прекрасная ложбина, защищенная от ветра и брызг слюны.

— Долго еще? — с трудом проговорил Вилл.

Накат перестал выкрикивать проклятья и ответил:

— Если этот доходяга продолжит в том же духе, то мы никогда туда не доберемся.

И снова принялся орать, напоминая Сэнди, что бывает с драконами, которые рассчитывают выжить после такой ослиной скачки. Ики только сокрушенно вздыхал, лежа на боку.

Воронка, тем временем, захватывала все обозримое пространство впереди. Она гудела и скрежетала, вздыбливая и кроша скалы. Тайнственные всполохи и яростные тени подземных демонов бесновались в ней. Клубились маггические слепни, жадно высасывающее тепло из окружающего пространства. Сэнди, хныча и причитая в свистящих потоках ледяного ветра, подлетал к Торкену и Накат смог разглядеть, откуда выходит маггия. Бедствие, словно хвост торнадо, сужалось к центру, и терялось в панцире Торкена.

— Эй, дракон! — прокричал он. — Как только я скажу, ныряй вниз! И заклинаю тебя, не снижай скорость, иначе мы заледеем до того, как проникнем внутрь! И тогда никаких больше яиц, понял?!

Сэнди завыл от страха.

Накат, глядя на обледеневшее стекло, был уверен, что посадка будет та еще. Через

некоторое время он щелкнул предохранителем хлопышемета и прицелился.

Шпумк! Шпумк! Шпумк!

— Давай! — взревел Накат. — Прямо в пролом!

Сэнди послушно сорвался в пике. Обрастая на лету сосульками, он несся вниз, мыча сквозь обледеневшие слюни.

— Держитесь! — крикнул Накат, не в силах заглушить вой демонов.

— За что?! — откликнулся Вилл.

— За свое сраное благородство и доблесть, вот за что! Надеюсь, отзывчивость и альтруизм сделали ваши кости неразрушимыми!

— Ты зря иронизируешь! — оскорблённо выступил Ики. — Весь мир надеется на нас. Мы — ...вычисляется... неизвестные герои, которые рискнули не животом, но верой в порядок!

— По-моему, все-таки животом, — вставил Вилл.

— Не смерти боимся, — продолжал Ики, вдохновенно вращая колесами, — бесчестия!

Варвар посмотрел на убийцу.

— Если бы я знал, где у него находится штука, которой он говорит, — прокричал Накат, — я бы давно уже ее вырвал!

— Перед Светлым Ликом Императора, перед народом Империи, коя составляет пятьсот двадцать четыре острова, перед родичами ушедшими и нынешними даю клятву, я... вычисляется... вычисляется... вычисляется...

Ики так и не успел вспомнить свое имя, — Сэнди рухнул в дыру, устроенную Накатом.

На минуту положение из угрожающе нестабильного, превратилось в смертельно опасное. За столь незначительное время, Накат успел несколько раз пожелать миру стигнуть по назначенному адресу и отрывочно оценить обстановку. Он ухватился за основание крыла, дождался удара и быстро перебрался на завалившийся бок Сэнди. Там он снял со спины сайский разделитель.

Вилл сдержанно сорвался с дракона, флегматично шлепнулся на белозем и бесстрастно откатился в сторону. Ики мастерски приземлился на колеса. Он покатился вперед, и занял оборонительную позицию у головы Сэнди.

Накат пристально всматривался в сумрак раскинувшейся над ними чащи. Жутко воняло прелью, потемневшие деревья тянули к ним осклизлые ветви. В чаще урчала и посвистывала неизвестность.

— Что-то есть, — проговорил Ики. — На десять часов.

— При контакте огонь на поражение, — приказал Накат.

— Есть.

В ушах у притаившегося на земле Вилла зазвенело от сосредоточенности.

Из темноты показался враг.

— Бе-е-а-как?

— Это всего лишь козел, — Накат опустил разделитель. — Вилл, Ики, в поход. Направляемся к центру этой дыры. Ики, что с драконом?

— Дракон без сознания, — констатировало кресло.

Накат ловко соскользнул в него, и поглядел на ящера. Бедняга Сэнди вывалил язык, пуская пузыри меж заиндевевших челюстей.

— Очень надеюсь, что к нашему возвращению он очухается, — проговорил Накат. — Выходим. Двигаемся быстро и скрытно. Что бы там ни было, оно не должно увидеть нас до

того, как я прицелюсь.

Подняв над собой кричащий меч, словно антенну, Вилл поспешал за поскрипывающими колесами. Вокруг них кренились к земле прекрасные некогда деревья, гнили в прошлом пышные кустарники, и задыхались в палой листве заболоченные озера. Слепые облезлые птицы кричали им вслед, а уродливые истощенные звери принюхивались мозолистыми носами из смердящих берлог. Время от времени, Торкен начинал дрожать и голосить, и тогда на Атряд Альфа падал ледяной дождь, пахнущий плесенью. Запустение и беда. Гостей принимала чахлая гробница, тлеющая, безумная. Бурое, жирное, вспухшее — вот, что освещал приглушенный свет фары.

Накат приказал выключить фару. Глаза атряда привыкли к другому источнику освещения: полянам мерцающей плесени. Их споры носились на сквозняке фиолетовыми оспинами, разбавляя тьму. Планировали сверху как снег и вспархивали с земли под ногами и колесами.

— Так я и думал, — прошептал Накат. — И тут обман. Никогда не верь официальным версиям, Вилл. Первенцы чистые, светлые, нарядные, всегда-всегда-всегда. Змей, да это место похоже на задницу бродяги.

— Думаю, здесь просто что-то случилось, — высказался Вилл. — Видишь эти обломки? Красота здесь была. Но очень давно...

Накат вдруг остановился и поднял вверх сжатый кулак. Вилл укрылся за спинкой Ики и посмотрел вперед.

На пути отряда покачивался некто одетый в заплесневевшее рубище. У его ног догнивали останки какого-то животного. Незнакомец вздрагивал и хрипел, совершая отрывистые движения руками.

Накат нацелил разделитель.

— Вилл?

— Меч молчит.

— Это просто местный, — сказал Ики. — Давайте разузнаем у него, что происходит.

Заплесневелый тип тем временем пошатнулся влево и задрал вверх голову. Послышалось влажное хлюпанье и сиплый вздох. Зункул принюхивался.

— Меч начинает пищать, — предупредил Вилл.

Из сумрака появился второй зункул. Он полз на четвереньках, морды его не было видно. Припав к остаткам мяса, он принялся загребать себе в рот скользкие обрывки плоти.

— Да, очень давно, — прошептал Накат, отвечая на прошлую реплику Вилла. — Так давно, что лучше бы нам после этой заварухи помыть руки с мылом...

— ...и-и-и-и...

— Что такое, Вилл?

— Вокруг становится все опаснее.

Первый зункул, продолжая принюхиваться и клокотать, повернулся.

— Гр-лк...

Морда его целиком заросла плесневым ворсом, вместо глаз набухли черные ульи. Эта уродливая маска приглушенно светилась. Зункул качнулся вперед. Подволакивая правую ногу, он пошел на Атряд.

Вздвогнул один раз.

Второй.

— Да что за змейщина! — прохрипел Накат. — Умирай же.

Зункул вздрогнул в третий раз. Пощупал руками сюрикены, засевшие во лбу и осел, застывая на каменеющих сухожилиях.

Его трапезничающий собрат резко вскинул морду. Он тоже зарос гроздьями споровых камер, и горой стоял за тот факт, что Торкен миновал период расцвета куц райских.

Теперь его разлагали кущи кошмарные.

Зункул заухал, прижав к груди высохшие руки. От этого странного сигнала фиолетовые проталины зашевелились. Плесень вспучилась, ее лохмотья потянулись вслед за встающими мертвецами. Их мерцание заполняло гниющий лес. Тощие призраки мелькали за деревьями, множась, неожиданно быстро захватывая периметр.

— ...и-и-и-а-а-а-А-а-А! Ой! Ик! Ох...

— Вилл?

— Кажется, меч зашкалило, — озадаченно сказал варвар. — Думаю, нам грозит очень большая опасность.

— Ты уверен? — спросил Накат, мысленно переходя с десятков на сотни.

— Да, вполне, меч должен... А. Это был сарказм.

— Ты хорошо бегаешь, Вилл? Отвечать нужно честно.

— Вообще-то не очень, — признался стотри. — В моем офисе весь пол был занят бумагами. Иногда мне, правда, удавалось прокатиться на кресле от стола до двери.

— О, ну надо же, — проворчал Ики, который уже понял к чему ведет признание Вилла. — Это же потрясающее совпадение, что рядом оказалось... вычисляется... подходящее кресло.

— Вставай сзади, там есть ступенька для пассажиров, — сказал Накат, выдвигая передние противовесы. — Насчет оружия спрашивать не буду. Вот, хватай этого слизня. Чешешь ему в курковой зоне, и он плюется кислотой, понял? Эй, не направляй его на меня!

— А где эта курковая зона? — попытался уточнить Вилл, разглядывая железный каркас, в котором нехотя шевелилось что-то зеленовато-бурое.

— Парень, — Накат застегнул завязки на шлеме. — Курковая зона у него там же, где и у тебя. Чуть ниже поясного хряща. Там есть специальное отверстие в ложе с подписью «курковая зона». Специально для бухгалтеров. Вот корм для него! Скармливай ему по мешочку каждые десять выстрелов. Понял?

— Да. Я справлюсь. Отверстие. Все просто.

Накат покопался в подсумке с оружием.

— А я, пожалуй, возьму... — неразборчиво рычал он. — Три сюрикена в голову... Нет, это не разговор... А вот это. Да. Это подойдет. Вилл, ты держишься?

— Держусь.

— Ики, целься на два часа, там их меньше всего.

— Понял.

— Ну, джентльмены, — проговорил Накат, передернув гребень пятнистой огнедышащей саламандры, — помните, что наш наниматель — сам светозверь. Никто не хочет подвести его, не так ли? Ики, полный вперед!

Кресло взревело двигателем, мощно забуксовало, разбрасывая землю, и рванулось вперед, подсакивая на корнях и сминая кусты. Зункулы смешались, на мгновение потеряв координацию и застыли на месте. К несчастью для Атряда Альфа, это был тот случай замешательства злой силы, когда она выбирает всего из двух вариантов: уничтожить тебя сразу после поимки или сначала изучить.

С другой стороны, Накат дожил до сего дня именно потому, что не часто напоминал себе, что его могут нагнать. Это вредило боевому духу.

Три нарушителя удирали от светящихся заплесневелых зункулов. Вторые бежали так быстро, что оставляли за собой тускнеющие трассеры. Некоторые из них загорались, ноги их вспыхивали от трения, другие падали и разбивались о деревья, но остановить всех было невозможно.

— Вон там какая-то дорога! — крикнул Вилл. — Свернем туда! На пересеченной местности они нагонят нас в два счета!

— Ики, давай налево, держись обочины! — Накат перезарядил хлопышмет и снова выстрелил назад.

Ики вошел в занос, подпрыгнул на глыбе стекла и припустил еще быстрее.

Торкен вдруг трянуло, что-то громко заскрипело и город начал крениться на бок: похоже дробление скал привело к тому, что крюки начали выскакивать из Троегорья. Ики едва смог выровняться, Вилл помогал ему ногой. Тут оставшиеся цепи натянулись, и троицу подбросило вверх.

— Проклятье! — стукнул челюстями Вилл.

— Дальше будет только хуже, — предрек Накат.

У него было особое чутье на «хуже».

Едва Ики набрал скорость, как Исток накренился еще ниже и снова Ики в конце подбросило как мячик, он едва не перевернулся.

— Хуже... — сказал Накат почти удовлетворенно. — Ну же, давай, еще хуже!

— Пожалуй хватит! — рявкнул Ики.

Впереди маячила домината изъеденная обширными пятнами плесени. Их пульсирующее свечение словно перемещалось по чертогу.

— Ви-и-и-и... — пробудился Кричащий меч.

Его крохотной душе было доподлинно известно, что несколько секунд назад от Цота откололся особенно большой массив гранита. Его подхватил было вихрь магии, но обломок встетился со своим товарищем, который оттолкнул его вниз.

Купол над доминатой потемнел.

— Ой-ой-ой-ой-и-и-и-и!

— Ики поднажми!

— Делаю, что могу! Вас двое, плюс оружие!

Стекло лопнуло, как мыльная пленка.

Грохоча, разражаясь молниями и фейерверками, гранитный гигант ухнул вниз, в ауре сверкающих осколков. И сокрушил каменным лбом основание доминаты. Она подломилась, теряя равновесие, и устремилась к земле. Торкен уже раскачивался как люлька.

— Это и есть то самое «хуже»? — предположил Вилл, оглянувшись назад.

Зункулы сливались в одну фиолетовую дугу.

— Более или менее, — ответил Накат.

— Надо сворачивать, — предупредил Ики. — Это здание перегородит нам путь.

Домината согласно нависла над дорогой.

— Нет, — сказал Накат.

— Нет?! — воскликнул Ики.

— Это безумие! — подхватил стотри.

— Безумие? — мрачно переспросил бывший инквизитор. — Нет! Это *приключение!*

Сожмите зубы и вперед, дамские пояски! Я, змей, знаю, что делаю!

Домината зарылась вершиной в сад, перебив дорожное полотно. Осколки стекла разлетелись в разные стороны, фрагменты купола сеялись сверху. Лязг, скрежет, звон и грохот, объединились, наполняя Торкен до краев.

Накат несся сквозь него, не отвлекаясь от своей цели — большого обзорного окна упавшей доминаты.

— Левее! — командовал он. — Еще левее. Так. Держи прямо, Ики!

— Чтоб я еще хоть раз... — бормотал Ики неслышно. — Лучше развозить рыбу на рынке.

Он подскочил на вздыбившемся обломке дороги, скользнул по нему вверх и полетел, словно... словно летящее инвалидное кресло. Вилл пригнулся, Накат приподнял стабилизаторы.

Шкварк!

Объезжая настенные канделябры и трясясь на лепнине, Ики освещал фарой пустынный коридор. Накат выстрелил вперед, что-то фигурное, переплетенное шелком и бусами, разнесло на части. Развев дым, они чудом проскочили над боковым коридором и вылетели из противоположного окна.

Ики скатился по отставшей золотой пластине и вернулся на дорогу.

— Кажется, оторвались! — оптимистично выкрикнул Вилл.

Когда радуешься чему-то раньше времени, судьба чаще всего расценивает это как вызов ее циничной сущности и подлой изобретательности.

Навстречу Атряду выплыло странное существо, сферической формы и неясного наполнения. Не представляясь, оно выстрелило в Ики сильнейшей волной пафоса. Ики резко рванулся влево, и упругий кулак высокомерия, прошел мимо, кроша дорогу как печенье.

Справа и слева показались зункулы.

Вилл вскинул своего слизня и решительно почесал его курковую зону. Ближайший преследователь оплавился как свеча, и попал под ноги остальным. Зункулы оскальзывались на этой луже и обжигали лапы. Вилл выстрелил еще раз, и чуть не свалился с подножки, когда второй залп надменности задел правую сторону Ики.

— Колесо! — взвыл Ики. — Мое колесо!

Сферическое чудовище, бывшее некогда Первенцем, вспыхнуло и взревело. Горящие ключья плесени, сползали с него, обнажая жирное изъеденное тело. Накат не отпускал лапу саламандры, пока первенец не превратился в гору бурлящего сала, растекающуюся по дороге.

Вилл скормил слизню пакетик корма.

— Их тут сотни! — крикнул он, стреляя в преследователей. — Половина из них разваливаются на ходу, но их все равно слишком много!

Засыпая серу в пасть саламандры, Накат глядел, как сверху опускаются замшелые сферы.

— Значит, — сказал вдруг Ики, — нам нужно ускориться.

— Что это ты задумал? — спросил Накат.

— Черный абсент, — выдавил Ики, преодолевая страх. — Я знаю, что у тебя есть доза. Ты всегда носишь ее при себе на случай. Именно на такой случай!

— Ики, у тебя повреждено колесо. На такой скорости...

— Просто сделай это!

— Я... — Накат скривил губы. — Хорошо.

В его руках появилась маленькая мензурка, заткнутая пробкой. В ней таилось нечто угольно-черное. Одного взгляда на это алхимическое вещество обычно хватало, чтобы почувствовать симптомы алкогольного отравления.

— Держи ровнее, — предупредил он.

— Лей!

Накат отвинтил крышку алкобака и вылил в него Черный абсент.

— Ох, — ухнул Ики. — Х-ы-ы! О-о-о-о! Пошла, пошла родимая...

— Держись, — Накат повернулся назад.

— Да, держусь, — кивнул Вилл.

— Ты не понял, парень! Держись так, словно от этого зависит твоя жизнь! Потому что так оно и есть! Лучше привяжи себя чем-нибудь!

В механических недрах Ики нарастала какая-то драма. Нечленораздельно вопя, он задрезжал, и уже через секунду мчался вперед так, что не справлялись противовесы, — передняя часть кресла задралась. Накат накренился вперед.

За свою недолгую приключенческую практику, Вилл еще не успел узнать, что такое настоящая скорость. Теперь он мог бы поддержать разговор с клоуном-ветераном, которым двадцать нерестов подряд заряжали пушку. Мир, и без того недостаточно устойчивый, пропал. Сотри словно выпал из него. Единственное, что он мог различить, так это влагу на глазах. Широко улыбаясь и хлопая щеками, он несся в неизвестность.

Глава 15. История ждет

«Единственное, что оправдывает появление разума низшего порядка, — это их забавные конфликты. Комичные трагедии. Мораль вместо банана. На это стоит посмотреть».

Светозверь Наос.

Гигана переживала расцвет импровизированного судостроения.

Улицы покорились самодельным лодкам, модернизированным тумбочкам, надувным матрасам, плавучим корытам и даже укрепленным гробам. Пока строительство мостков и поддонов только начиналось, люди выкручивались, как могли. Они овладевали ходулями и смолили корзины, в которых выходили в опасные плавания по парящим от жары переулкам. В городе царила неразбериха и каноничный хаос. В свете поступающих сообщений об огромной летучей крепости, все войска были отправлены на крепостные стены и в полевые лагеря перед городом. Количество арбитров отправленных в армию составляло едва ли не половину от их общего количества.

Дошло до того, что в городе объявились пираты. Вчерашние воры и грабители снаряжали трехместные каноэ и выходили на ночные улицы под Веселым Роджером. Иногда купцы, приколотившие свои лавки к стенам домов, подвергались нападению ясным днем.

Люди умеренно паниковали. В том смысле, что никто до конца не верил в рассказы о крепости варваров и веренице из сотен кораблей, но вода, подбирающаяся ко вторым этажам, действительно нервировала. В город приходили новости из далеких прибрежных провинций. Точнее от тех, что находились неподалеку от них. Говорили, что Лев и Ефврат разлились из-за невероятной волны, пришедшей с востока. Она прихлопнула и смыла как песочные куличи десятки городов и селений, снесла тараном вставшие на пути леса и срезала холмы.

Все готовились к чему-то неясному. Люди обзаводились оружием, покупали и делали его сами. Как и лодки, из всего, что попадет под руку. Ни с того ни с сего Автор дал гражданскому населению право на свободный выезд из города. Эта новость была воспринята как неопровержимое свидетельство того, что грядет ужасное, почти безнадежно сражение. Уезжали, однако, немногие. Люди Гиганы были слишком оседлы и, к тому же, свято верили в силу Автора и счастливый случай.

Гротеск тоже готовился, правда, довольно своеобразно. На его донжоне, высочайшей башне Последняя Надежда, соорудили большую крепкую трибуну.

— Б-безрассудство, — в который раз сказал Четвертый.

— Я бы назвал это рискованной дипломатической миссией, — произнёс Сару непоколебимо. — На высочайшем уровне.

— Мы можем сражаться, — сказал тэн Вульгарик.

— Такого врага можно одолеть только словами, — Автор отошел от окна, и вернулся к столу, на котором архитектор Крипп, Четвертый и несколько слуг развернули Карту Авторитета. Это был древний, могучий документ, почти памятник, к которому приставлялся особый расчет специалистов. Точнее приставлялся. Когда-то. Картой не пользовались так давно, что никто уже в точности не помнил, как с ней работать.

Начать с того, что она была выплавлена из серебра и представляла собой идеальный куб. Внутри таилась тысяча и одна хитрость, механизмы размером с ноготок, замочки,

пружинки и колесики, а также старая, капризная маггия. Порядком застоявшаяся и ветхая.

Сейчас, развернутая с некоторыми трудностями и допущениями в последовательности, Карта являла собой внушительное зрелище. Во всяком случае, именно так принято говорить, когда нельзя называть вещи своими именами.

Ну и бандура, подумал Сару.

Он нашел взглядом Гигану. И ма-а-аленький Гротеск поблескивающий над выдавленным пояснением «Гигана. Автора Град. Авторитета Сердце». Он осмотрел соседние области. Из Борены, Малого Гротеска и Дола Мечей к столице маршировали кро-о-о-хотные заводные солдатики. В масштабах карты казалось, что они топчутся на месте.

— Подкрепления, — уточнил Тэн Крипп. — В общей сложности... Двести пятьдесят две тысячи сто сорок два человека. По предоставленным спискам. Плюс-минус половина захворавших в пути дезертиров.

— А в-вот и в-варвары, — над картой проплыла указующая длань Четвертого.

Тэны окружили стол. Лица многих приобрели озадаченно выражение. Карта явно боролась с внутренним ограничением. Она честно щелкала маленькими корабликами, незаметно форсирующими ртутную ложбину Ефврата... Но то, что следовало перед ними. Карта поочередно выдвигала все, что имелось в ее скромном арсенале: пушечки, чудовищ, осадные орудия и даже веселого нагого человека, значение которого не брался трактовать даже Четвертый. В конце концов Карта утомленно фыркнула искрами и остановилась на большом знаке вопроса. Именно он вел за собой корабли.

— Значит, это правда, — проговорил тэн Хома замирающим голосом.

Собрание заволновалось. Эта не дающая объяснений фраза была всем понятна.

— Карте пятый век поклон бьет! — убежденно вещал тэн Зальц. — Я бы, честное слово, не рассчитывал на нее. То, что она раскрыла нам флот варваров, безусловно полезно, но этот знак вопроса. Это ведь может быть все, что угодно. Почему сразу летучая крепость?

— Потому что мои слуги видели ее собственными глазами, — оскорблено произнес Крипп. — Она идет вверх по реке, не встречая сопротивления. Все прибрежные города смыты. Армии следующие за ней ничего не смогут сделать хотя бы потому, что она змей знает из чего сделана, и летит слишком высоко. Кроме того, она летит быстрее, чем новости с востока. Вот видите, она уже у Мерун-Кона, а мы только в общих чертах знаем, что случилось со всем западным побережьем! Как бы мне не пришлось перестраивать его заново.

— Четвертый, Карта точно не реагирует на миражи? — глухо спросил Сару.

— С-совершенно ув-веренным быть нельзя, но в инструкции на в-внешней с-стороне корпуса н-написано «что г-глазу в-видно, но н-наврано с-стыдно — не п-покажу».

— Наврано стыдно? — переспросил Тэн Сега с непонятной интонацией.

— Это м-моя в-вольная и с-спешная адаптация с д-древнего языка, — угрюмо ответил Четвертый.

— Значит, я не зря строю свое лобное место, — проговорил Сару спокойно.

— Но мой Автор, они настроены чересчур решительно, — заметил тэн Касан. — И вряд ли обратят внимание на ваш благородный жест.

— Тогда профиль мне цена, — резко выразился Сару. — Я долго изучал документы. Хроники первого и второго вторжения. Враждовать нам давно уже незачем. Жадность наша поутихла, их обиды давно должны были забыться. Мне необходимо поговорить с этим...

— Реверансом, — подсказал тэн Броберри.

— Что за имя такое?

— У всех первенцев странные имена.

Забухали железные подошвы. Неповоротливый скафандр остановился совсем рядом.

— М-мой Автор, но з-знаете ли вы что ему следует с-сказать? — спросил Четвертый сквозь ротовое сито.

— У меня есть идея, — ответил Сару, помедлив. — После того как вскрылись известные вам всем обстоятельства, много перевернулось с ног на голову. Что мы знаем об этом Реверансе?

— Террорист, безумец, сепаратист, — коротко выступил тэн Крипп. — Имеет неограниченное влияние в среде Морских варваров. Говорит за их божество.

— То есть, скорее всего, сам за себя, — заключил Сару. — Вряд ли он фанатик. Фанатики ограничены и, чаще всего, глупы. Он преследует какую-то цель. И ее достижение, судя по всему, подразумевает уничтожение Гротеска. Понимаете, к чему это должно привести?

Тэны ждали.

— У нас есть слабая надежда, косвенное предположение, что он бьется против системы, которую устроили его сородичи, — проговорил Сару. — Все три вторжения совершались с одним и тем же курсом. Освободить Авторитет. Пока мы были одурманены, нам и в голову не приходило, что это можно трактовать иначе, чем «геноцид». Но что, если он хочет освободить нас от плутократии Первенцев? В семье не без уроды. В любом деле без несогласных не обходиться. На тысячу «да», обязательно прозвучит десяток «нет». Проблема в том, что иго Ранних по каким-то причинам пало. Это подтверждают все провинции. Но Реверанс, возможно, об этом не знает. Я должен убедить его в том, что мы сможем действовать самостоятельно. Авторитет нужно сохранить. Надеюсь, среди нас по этому вопросу несогласных не будет.

Олечуч протиснулся в воздушный сифон и расширил его, сработав как рычаг. Мы выскользнули наружу следом за ним. Сначала вниз полетел Рем, потом мягко юркнула Кира, сноровисто выпрыгнул Миумун. Я вывалился последним.

Проглот ждал нас внизу.

-..! — нетерпеливо промолчал он.

Кира осмотрелась по сторонам. Мы оказались в небольшом помещении, заставленном кубическими предметами. Они были накрыты плотными зелеными покрывалами. Свет в зале то наступал, то прятался почти под самый потолок. Раздавались неясные шорохи и поскрипывания.

— Ясно, — сказала Кира. — Мы вошли через северную нишу, прошли по Темным тоннелям и вышли здесь. Это западный угол Третьего Яруса. Покои Основного Терминала выше и севернее. Отец наверняка будет там. Есть еще одно место, откуда можно подать команду дистанционно. Это Терминал Советник, за которым следит Маширо. Туда я и собираюсь направиться. Отсюда есть два выхода. Один ведет жилой блок. Через него я попаду в Малое святилище. Второй выход ведет в местность при храме Основного Терминала. Ты уже был там, Престон.

— Тогда нам придетсяделиться на две группы...

Я прервался.

Мне показалось, что в комнате шевельнулось то, что должно было неподвижно сидеть

под зеленым саваном.

— Можно чуть подробнее, — попросил Рем.

— Да, — я с трудом отвел глаза от куба. — У нас две задачи: сменить задачу Истока и вывести отсюда Реверанса. К нему пойду я...

— И я, — неожиданно сказал Миумун.

— Не хочешь проследить за мной? — язвительно спросила Кира.

— Я неплохо разбираюсь в глупцах, — сказал на это первенец. — Ты одна из тех, которые всегда делают то, что говорят.

Кира показала ему средний палец.

— Я пойду с Вохрасом, — повторил Миумун. — Мне действительно нужно проследить кое за чем. За поимкой предателя.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда мы вдвоем.

— Что?! — воскликнул сухолюд.

— Рем, — я взял его за плечи. — Киру нужно будет защитить. Все мы узнали некоторые привычки Реверанса за это время. Как думаешь, где он оставит больше всего охраны? Подле себя?

Рем скорчил гримасу вынужденного согласия.

— Олечуч, Проглот, — вы тоже следуйте за Кирой. Защищайте ее, ясно? Олечуч, это моя последняя просьба. После этого, ты ничего не будешь мне должен.

Чучело медленно кивнуло.

— И спасибо еще раз, за то, что догадался вытащить нас.

—..! — возмущенно промолчал Проглот.

— Кия! — вздрогнул Олечуч. И продолжил насыщенным женским голосом. — Это монстр придумал. — Чучело приняло экстравагантную позу. — Это правда, что ты позволишь мне уйти?

— Клянусь.

— Плюс, ты устроишь меня наложницей-стражем в Гротеск, — потребовал Олечуч.

— Этого я обещать не могу, но сделаю все, что удастся.

— Ладно, — кокетливо покачал бедрами Олечуч. — Я согласна. Эта пташка теперь под моим крылом.

— Даже знать не хочу, для чего ты создал эту тварь, — брезгливо произнес Миумун.

— Это не то, чем кажется на первый взгляд, — на всякий случай сказал я.

И снова уставился на зеленый горб, неотличимый, на первый взгляд, от остальных.

— Давайте-ка приступать.

Задержавшись у двери, мы вышли наружу, и попали на дно удивительного чертога.

— Молчаливое Чрево, — сказала Кира.

Оно был пронизано сложным лабиринтом подвесных мостов, бесшумно проворачивающимися механизмами, которые мне не с чем было сравнить. Они постоянно преображались и разбивались на тысячи переменчивых элементов и причудливых конструкций.

Что-то загрохотало наверху. Это одна из этих конструкций вдруг отделилась от общего массива и выстрелила скрытой силой. Пока мы поднимались на первую платформу, грохнуло еще раз. Фрагмент двигателя поплыл вниз, а потом исчез, пыхнув сеткой схем.

— Да он разваливается, — присвистнул Рем.

— Ему не хватает энергии, — решила Кира. — Престон, я думаю, что заряда, который

отец добыл из твоего тела, хватило, чтобы добраться до Гиганы, но обратно Гротеск уже вернуться не сможет.

Мы остановились, ошарашенные новой догадкой.

— Ну и что же?! — Миумун беспокойно озирался по сторонам. — Придумай что-нибудь, колдун!

— Зарядим его снова.

Все посмотрели на меня.

— Я войду в Экстрактор. Сразу после того, как разберемся с Реверансом. Мы успеем. Должны успеть.

— Во второй раз он может убить тебя, — рассержено выпалила Кира.

— Знаешь, раньше для меня это было бы отличным предупреждением, — сказал я на это. — Но все эти занимательные путешествия научили меня героическому безрассудству.

Лицо Киры приобрело выражение ярости, смешанной с горечью и обидой.

Я взял ее за руку.

— Этот индюк, — тоскливо произнесла она. — На день Увещевания. Его нужно будет как-то по-особенному приготовить? Я совершенно не умею готовить... Ох, ну что за глупости я говорю.

— Ничего сложного в этом нет, — заверил я. — Первого мы приготовим вместе.

Она испытывающе посмотрела на меня.

— Ни со мной, ни с твоим отцом ничего не случится, — сказал я. — Обещаю. На этот раз железно. Пора держать слово.

Лязг!

Я посмотрел вниз. Перед выдавленной дверью лежало зеленое покрывало. Кем-то основательно потрепанное.

— В путь.

— Ну, наконец-то! — гаркнул Миумун. — Давайте поторапливаться!

Лестницы и платформы сопровождали оба двигателя. Нам необходимо было добраться до верхней точки, там, где разделялся надвое путь к выходу. Стараясь не угодить в подвижные части, мы вразнобой топали ногами и лапами по крутым лестницам. Пространство тихо гудело, свет сгустками ползал по нему, как аморфное живое существо.

Пересекая очередную платформу, мы остановились.

Куб вызывающе расположился на нашем пути.

Он был монолитным, с гладкой серебристой поверхностью, отражающей смазанные черты пространства. Ничего особенного в нем не было, за исключением маленького голубого глазка в массиве.

Тихо постукивали соединяющиеся сегменты.

— Кия! — Олечуч вышел вперед. — Противник.

— И как оно намеревается драться? — заинтересовался Рем.

Цилиндр дернулся и вдруг отстрелил в сторону что-то напоминающее ногу. Вторая застряла, вырвавшись наполовину.

— Критически низкий уровень... заряда... батарее-е-е-э-э...

Сообщил глухой растягивающий голос.

— Этот предок-кормилец случайно пробудился, — облегченно произнесла Кира. — Но у него не хватает сил бодрствовать.

Миумун закричал.

— Внимание, подключение резервной батареи. Внимание, подключение резервной батареи.

— Это плохо? — спросил я, уже зная ответ.

— Говорить он не должен, — произнесла Кира, сделав шаг назад.

Предок тем временем до конца вытянул правую ногу, выпустил руки, и раскрылся полностью: его тело горизонтально разделилось на две половины, превратившиеся в плечи и бедра.

На нас уставился обнаженный глаз на гибком стебельке.

— Инородные организмы, — произнес предок. — Инородные организмы во время полета. Инородные организмы во время полета в машинном блоке.

Не двигаясь, мы ждали продолжения.

— Тревога, — заключил предок.

В этот момент его снова подвел голод: ноги старца подломились, и он покачнулся, треща и взвизгивая.

— Врассыпную! — скомандовал я. — Встретимся наверху.

Лестниц было много. Мы рассеялись по ним, стремглав удирая от заикающегося и спящего на ходу преследователя. Он цеплялся своими клешнями за специальные выступы на платформах, и лез следом как обезьяна. Два раза, он чуть не стащил вниз сухолюда, но тому удавалось вывернуться. Наверху мы столпились на развилке. Сонно угрожая, предок тащился следом.

— Ну, все, теперь каждый берется за свою часть плана, — сказал я. — Кира, остальные, бегите, мы отвлечем его.

— Мы отвлечем? — переспросил Миумун. — Их же больше!

Кира в порыве нежности обняла меня и поцеловала в лоб.

— Индюк, — напомнила она.

Я кивнул.

— Удачи, брат, — успел сказать Рем, перед тем как девушка схватила его за руку и повлекла за собой.

— Эй ты, развалина, сюда! — закричал я, размахивая руками. — Мы крайне инородные организмы! Все здесь порастет грязью и одуванчиками! Поспеш!

— Все, хватит, — произнес Миумун. — Он и так смотрит только на нас.

Мы поспешили к своему выходу. Предок сорвался вниз с платформы, резкими скачками преодолел пропасть по перекладинам и выполз за десяток шагов от нас.

— Дверь откройся! — приказал я.

— Доступ запрещен, пройдите авторизацию у главного инженера.

— Вот змей... Дверь, будь добра, откройся.

— Уровень доступа не синхронизирован с зоной.

Предок, запинаясь, приближался к нам неверными шагами. Его клешни щелкали, высекая искры.

— Умоляю тебя, о, крепчайшая и величайшая из дверей, снизойди до моей просьбы, — протараторил я. — Раскрой свои божественные створки.

— Доступ разрешен.

Мы ворвались внутрь, повалившись на колени. Что-то влажное плеснуло под руками.

— А теперь закройся! Закройся, о избранная!

Д-лязг-д.

Клешня вклинилась между створок.

— Вот з-з-змей... — неоригинально выразился я.

Предок наполовину протиснулся внутрь.

— Перегрузка батареи, — сказал он остановившись. — Переход в спящий режим.

Створки сжали металлическое тело. Глаз поблек, стал бледно-синим. Я лег на спину и выдохнул. Рядом Миумун дрожал на голове своего носителя.

— Светозверь бы вас всех побрал! — вымолвил он. — Ай!

Он вскочил, разбрызгивая холодные капли. Что-то просочилось мне за шиворот. Я перевернулся и увидел алый ручей. Точнее красный.

Но это была не кровь.

Жидкость падала сверху, из маленьких сит. Орошая коридоры, она безуспешно боролась со вспархивающими языками пламени. Это горели, коптя и потрескивая, клубки гибких лент, которые стремительно вырывались из узких щелей. Над всем этим витали тучи пепла, в дыму мерцали, словно звезды, огоньки таинственных панелей.

Было жарко, но больше всего донимал отвратительный запах.

— Пойдем, — сказал я Миумуну. — Я помню это место. Нужно подняться выше.

Миумун привычно проворчал что-то в ответ и двинулся следом. Мы прошли маленький боковой коридор и вышли в главную анфиладу, что разделялась сотней вскрытых гробниц с ожившими машинами. Тут бродили призраки людей в диковинных одеждах. Они приветствовали нас, исчезая на полуслове. Пепел и огонь проходили сквозь них.

Я обвязал нижнюю часть лица грязным платком. Помимо того, что он был грязным, платок оказался еще и влажным. Это было как раз то, что нужно.

Миумун тоненько кашлял вместе с ягуаром.

— Тут совсем нет гарнизона, — заметил Первенец с подозрением. — Ни одного варвара. Клянусь Троегорьем, я рассчитывал, что этот трус оставит здесь половину армии.

— Реверанс не трус, — невнятно сказал я. — К сожалению. Он великий моралист. Не хочет, чтобы при падении истока на Гротеск кто-нибудь напрасно погиб. А те, кто будут внутри нашего замка, умрут за идею.

— Отрадно, что у тебя хватает ума, чтобы понять всю глубину его лицемерия, — проговорил Миумун, отстраняясь от бредущего к нему призрака. Тот шел по воздуху, время от времени теряя нижнюю половину туловища.

Призрак остановился подле нас и принялся что-то говорить одними губами. Раз за разом повторяя некое предупреждение.

— Что ему нужно? — спросил первенец, пытаясь рассеять его руками, как туман.

— Не знаю.

Напор жидкости сверху почти иссяк. Огонь начал разгораться с удвоенной силой, с шипением заглатывая прибывающие ленты.

Фх-гышь!

Мы обернулись на звук. Крайний блок анфилады вместе со стенами и потолком погрузился куда-то вниз, оставив после тебя темноту и редкие огни. Из распахнувшейся пропасти брызнули искры, взметнулись обрывки проводов. Что-то хлопнуло, в потолок ударили лопнувшие тросы, и жутко проскрежетало реле, ободрав край следующего блока. Он провис, и через несколько секунд тоже опустился вниз.

Из этой неожиданной бездны доносились крики обезумевших духов Истока.

Затрясся третий сегмент. Нас отделяли от него четыре таких же.

Всего четыре.

— Живо вперед, — сказал я, пятась. — Быстрее, пока огонь не разгорелся!

— Клянусь Торкеном, с тобой не соскучишься, колдун! Сделай что-нибудь, защити нас от огня!

— Реверанс может устроить нам испытание страшнее этого! — я не желал тратить силы.

— Проклятье-е-е...

Тянул Миумун, стаскивая с ягуара жилет. Он разодрал его и наспех свернул вокруг своего бледного тела чалму.

Мы бросились вперед. Первенец перепрыгивал через маленькие пожарища, пока я расшвыривал их посохом. Перебирая двумя правыми ногами, я на слух считал отрезки, отправляющиеся в ужасное подземелье ремонтной станции. В коридор выскочил наш знакомый предок и тут же его утянул вниз пол, на котором мы стояли минуту назад.

Жар не давал дышать, вонь и чад ослепляли. В лицо бросались языки пламени.

Пол под ногами пришел в движение. Екнув челюстью, я ступил назад, и почувствовал, что падаю. Миумун скрылся в огне. Пол еще качнулся, съехал немного вниз и заклинил. Облегченно вздохнув, я поспешил вперед, но следующая секция рухнула вниз вдвое быстрее.

Послышался вопль Миумуна. Он повис на противоположной от меня стороне. Огонь не давал ему выбраться, он рыжей змеей метался над пальцами первенца, и плевался вниз искрами.

Экономя силы, я коротко взлетел и опустился на самый край, чудом сохранив равновесие.

— Чего же ты ждешь, помоги мне! — визжал Миумун.

Отгнав посохом пламя, я протянул ему руку.

Ломая когти, первенец подтянулся и схватил мое предплечье. Я запоздало понял, что антропоморфный ягуар гораздо тяжелее бродячей мумии. Вжав меня в пол, Миумун выкарабкался из пропасти.

Вместе мы побежали дальше, ожидая, что все вот-вот повторится.

Вилл разметал белесые лохмотья плесени и выбрался из останков улья. В нос ударили жалящие споры, он клубились вокруг, сияя и трепеща. Дыша через ладонь, стотри прошел вдоль бороны, которую устроил Ики. Запинаясь о спорыньи, он перелез через пробитый насквозь бархан и спустился вниз, где след оканчивался воронкой.

Вилл замер, не веря своим глазам.

— Накат! — прокричал он сквозь ладонь. — Накат, Ики, где вы?! На...

Он шлепнулся в черные буруны.

— Тихо, — приглушенно сказал киллер. — Надень это.

Вилл с облегчением приложил к лицу белую маску и завязал тесемки.

Он поглядел на мрачного Наката и спросил:

— Где ты их взял?

— Снял с засохших трупов, — сообщил тот.

— А... Насколько они были засохшими?

— Когда я дотронулся до них, — пух! Они превратились в эту светящуюся мерзость.

— А где Ики? — спросил Вилл, приподняв голову, чтобы осмотреться.

Все вокруг смутно сияло и переливалось. Пустыня плесени тихо дышала, наполняя

пространство спорами. Да, здесь было тихо: шум гибнущего Торкена почему-то не проникал в царство Великого Оно. Споры мягко расчерчивали мрак, томящийся над сиянием, проносились мимо причудливых наростов и разноцветных рощиц. Застревали в белом ворсе.

Пух-пух... Пух... Это дышали улыи.

На кончиках прозрачных игл дрожали перламутровые капли.

— Где Ики? — переспросил Вилл.

Накат шмыгнул носом.

— Он... — начал варвар.

Молчание.

— Мне жаль. Он был хорошим креслом...

— И насколько хорошим креслом я был? — довольно спросили откуда-то сзади.

— Ики?

— У меня проблемы с колесом. И на этот раз большие, мистер Я-Смажу-Тебе-Оси-

Завтра.

— Замолчите вы оба, — огрызнулся Накат. — Клянусьдохлым Кошкиным, кого мы должны здесь атаковать? Тут же нет ничего кроме этой чудовищной плесени.

Пух-пух-пух... Пух...

Рядом с отрядом Альфа показалась из неопрятных узлов бледная макушка большого черепа. Накат медленно наставил на нее саламандру, но череп тут же скрылся в плесени, взмахнув извивающимися шейными позвонками. Оставляя за собой след, он уползал вглубь пустыни.

— За ним! — сказал Накат.

— Ты побежишь на руках? — холодно спросил Ики.

Он со скрипом выкатился из своего укрытия в темном ворсе. Правое колесо кресла вихляло и душераздирающе взвизгивало.

— Я могу понести тебя, Накат, — скромно предложил Вилл.

— Змея с два! — вскинулся тот. — Что б меня тащили на закорках как какого-нибудь калеку!

— Но ты ведь...

— Что?! — мгновенно взбесился бывший инквизитор.

— Я хотел сказать, — медленно проговорил стотри, опасно балансируя над новым для него понятием толерантности, — что ты едешь на Ики, а он в своем роде личность.

— В своем роде? — вмешался Ики. — Я и есть личность!

— Вот именно! — с готовностью согласился Вилл. — Как и я. Так что, в сущности, я отличаюсь от Ики только тем, что у меня нет колес. Следовательно, нет ничего зазорного, если ты в тактических целях воспользуешься мной как Ики.

Накат взглянул на него с подозрением.

— Ну, хорошо, — наконец произнёс он. — Но если ты кому-нибудь...

— Ни в коем случае!

— Если хоть одна живая душа...

— Никогда! Серьёзно, я нем как могила.

— Могила, — повторил Накат. — Вот именно.

Когда неловкий и официально несуществующий момент был преодолен, Атриад Альфа выступил в путь. Следуя за удирающим черепом, они пересекали крохотную и одновременно бесконечную пустыню, захватившую центр Торкена. Мысли героями Поздней расы владели

разные.

Например, Вилл внутренне удивлялся тому, какие тяжкие испытание посылают своему хозяину благородство и альтруизм. А взамен спасенного мира можно получить всего лишь приключение, о котором будет известно паре людей и одному креслу. И грыжу. «Я спаситель цивилизаций». Это лучшее, что можно сказать на людях, не имея тому доказательств.

Накат пытался вспомнить, не сводила ли его судьба с ползучими черепами до этого. Его раздражала неуверенность в том, что врага можно уничтожить обычным оружием. Параллельно он думал о том, чем займется позже. При этом Рем Тан'Тарен удивился бы, узнав, что Накат вовсе не был оптимистом. После своего перерождения бывший инквизитор стал просто неспособен к фатализму. Смерть в бою была уделом дураков и неудачников. Такова была философия Наката.

Ики размышлял о прекрасных креслицах эпохи Древних королевств. Он вовсе не был скрытым гедонистом и бабником, но дух сайского полицейского печалило то, что никто не вспомнит его героическую гибель. Невидимой глазу слезой, и неслышным вздохом. И незаметной истерикой. Большинство кресел, как известно, глубокие флегматики.

А Великое Оно было в ярости.

И думало в основном о поганой человеческой натуре. Подняв костлявой лапой прибывший череп, Оно посадило его на плечи и с хрустом размяло их.

Эти двое...

Споры вспыхнули вдвое сильнее.

Нет.

Эти двое не подчинялись плесени.

Великое Оно было готово ко всему. Плесень нисколько не сомневалось в мудрости светозверя и его смекалке. В конце концов, в Кодексе светозверей были указания на такой случай. Вполне ожидаемы были армады жнецов, вооруженные огромными камнями. Какие-нибудь хитрые манипуляции с земной корой. Может быть, немного диковинных кислотных дождей, в конце концов!

Великое Оно поняло, что переоценило своего создателя.

Оно соорудило множество магических ловушек, щитов и сигнализаторов как раз на эти случаи.

Но светозверь послал двух людей, которые почему-то не подчинялись приказам плесени. Они уже так надышались спорами за все это время, что должны были по крайней мере лишиться воли. Вместо этого вторженцы двигались вперед как маленькие тщедушные танки.

Великое Оно могло бы засомневаться, если б эти двое не выглядели так... не погеройски. В действительности, они больше походили на двух доходяг из-под моста.

Можно было бы пристукнуть их прямо сейчас, обратить в ничто, измельчить тоньше пустоты. Но разум Великого Оно поразило любопытство. Кто эти двое, что за судьба ковала их, раз их воли достаточно, чтобы противостоять Плесени?

Шаги становились все ближе, и Великое Оно затаилось, закутавшись в одеяло собственного тела.

— А это место имеет свое очарование, — говорил Ики. — Если бы не кости под колесами, я, наверное, остался бы тут. На время. Как легко тут должно быть сочиняются хайку. Вот например:

Зеленая дрянь
С белою тесно
Плесень цветет

— Что это? — осведомился Вилл.

— Лучше не спрашивай, — запоздало предупредил Накат.

— Ты не знаешь? — снисходительно скрипнул Ики. — Это поэзия моего народа.

Вилл понял, что снова чуть не угодил в опасную ловушку. На этот раз на его пути затаился капкан национальных чувств. Чтобы не дай Марлей, не ляпнуть лишнего, он просто уважительно кивнул и добавил:

— Отличные рифмы.

Ики остановился.

— Сейчас начнется, — проворчал Накат. — *Там не должно быть рифм.*

— Там не должно быть рифм!

— *Вы ничего не понимаете в тонком искусстве.*

— Вы ничего не понимаете в тонком искусстве!

— *Коротких, но всеобъемлющих строк.*

— Коротких, но всеобъемлющих строк!

— *Похожих на секущие взмахи меча.*

— Похожих на секущие взмахи меча!

Сбитый с толку, Вилл хотел извиниться, но его перебил поднявшийся шелест ветра. Никли бледные рощи, колтуны и улы закачались, и трепетала мелкая поросль под ногами. Ветер все усиливался, споры поднялись в еще выше, они закрыли собой темноту невидимого потолка.

— Это плесневая буря! — крикнул Накат. — Ики, не отставай, а то потеряешься!

— Как же мы теперь найдем след черепа?! — голос Вилла едва преодолевал вой ветра и шорохи плесени.

Ему никто не ответил, ветер взбеленился, он снимал с места целые пласты растительности и зашвыривал их вверх, словно коврики. Обдирал перламутровые капли с ломающихся игл и разорвал улы, продувая их насквозь.

Сильными лапами порывов он подхватил Атряд и разметал его в разные стороны.

В жилом отсеке было тихо и безлюдно.

С едва различимым свистом катались в створках взбунтовавшиеся двери. Можно было различить шепотки водяных струек, и почти неслышимые тона странной мелодии. Пространство смутно угадывалось в тумане, наползающем из банных комнат.

Кира и ее личная гвардия брели в этой пелене, оставляя за собой коридоры сворачивающихся испарений. Они и не подозревали, что кто-то уже заметил их приближение и вышел навстречу врагу, довольный и решительный.

— Странное дело, — проговорил Рем, уставший от сосредоточенного молчания и тишины. — Я немного волнуюсь за Престопа. Такое впечатление, что я бросил ребенка посреди леса.

— Я тоже волнуюсь... — Кира посмотрела на него. — Что это, что ты делаешь?

Рем разрывал на клочки какие-то грязные бумажки.

— Это долговые расписки Престона, и я их рву — пояснил он таким тоном, как будто это было запланировано задолго до создания вселенной. — Суть в том, Чешуйка... Ну же... Вот, — он вбросил обрывки в пасть Проглота. — Суть в том, чтобы защитить его от частного закона Повторяемости Тан'Тарена.

— Законы Повторяемости Тан'Тарена? — переспросила Кира с улыбкой. — Это как-то связано с той лекцией, что ты прочитал мне на корабле?

— Это одно и то же, — согласился Рем. — Этих законов уйма-уймища, их невозможно пересказать все. Их нужно чувствовать. Например, чем меньше на тебе доспехов, тем больше шанс выжить. Повторяемость как ребенок, она действует от обратного. Если падаешь вниз с большой высоты, — больше шансов уцелеть, если не будешь визжать и болтать руками. В тебя стреляют из луков и арбалетов? Оставайся на открытом месте. Возможно ранят в плечо. Это звучит глупо и странно, но это работает. Всего лишь несколько примеров нарушения повторяемости. Моей суперсиле доступно многое-многое другое.

— Так это суперсила? — уточнила Кира на ходу.

— Определенно. Я даже подумывал пойти в свое время в лигу Чемпионов, но поленился заполнять бланк. К тому же у них там дикие членские взносы и никакой отдачи, fasa-fasa.

— И что же все-таки должен значить этот ритуал с долговыми расписками? — напомнила Кира.

— Люди, обвешанные долгами, как офени — ерундой: в проблемных ситуациях они умирают с вероятностью на десять долей больше, чем люди свободные. Судьба любит подлю разыгрывать ростовщиков и хороших игроков в покер.

— Десять долей, — произнесла Кира задумчиво. — Десять долей чего, брат Рем?

— Первый, да откуда мне знать? — искренне удивился сухолюд. — Это Повторяемость их придумала, а не я. Десять долей чего-то от средней вероятности. Как кусочки пирога, понимаешь?

— Нет, — честно призналась Кира. — По сравнению с тобой, я просто огородница.

— Кия!

— Что случилось, господин Ненависть?

Но Олечуч уже скрылся в тумане.

— Как это знакомо, — проворчал Рем. — Любопытно, что будет, если хоть раз последовать за ним?

В отдалении раздался чей-то визг и скрежетание. Рем заметил странные всполохи и электрическое потрескивание. Прошло несколько минут, чучело все не возвращалось.

Музыка тем временем начала усиливаться.

-..! — подозрительно промолчал Проглот.

Что-то мелькнуло в тумане, совершая уродливые угловатые движения. Это Олечуч, — успел подумать Рем. После этого он слабо качнулся и повалился на пол, с протестным желанием спать до самой остановки.

Проглот сжался в комок, заметив это. Он наугад выстрелил языком в туман, но ничего не поймал. Подобравшись к Рему, он начал облизывать серокожее лицо. Через несколько секунд монстр опомнился и подпрыгнул на месте.

-..? — молча позвал он.

Киры рядом не было. Она шла вперед, оглушенная музыкой, а когда обернулась, поняла, что осталась одна.

Музыка замолчала.

Потирая уши, девушка не сразу различила новый звук. Сквозь эхо мелодии пробивалось мерное постукивание.

— Маширо! — догадалась она. — Выходи!

— Подожди... — в тумане завозились. — Ты не могла бы поморчать? Первая реплика доржна быра быть за мной, бесчестная девка. Я доржен быр сказать «Ага, вот мы и встретирись, Кира!».

— Это что, какой-то сайский обычай?

— Нет же! — Маширо, ловко переставляя костылями, показался из тумана. — Это... Так доржно происходить! Все так делают.

Закон Повторяемости Тан'Тарена, — подумала Кира возбужденно. Один из них.

Это был ее единственный шанс. Маширо был настолько косным и асексуальным, что очаровывать его пришлось бы неделю. Все то время, что она знала его, она ни разу не заметила даже блика похоти в его глазах. А ведь Маширо довольно часто находился почти на одном уровне с упругими рубиновыми ягодицами Лилий.

— А что должна сделать я? — спросила она, разглядывая устройство в правой руке Маширо. Оно состояло из рукояти, курка, на котором лежал палец и крайне неприятного утолщения впереди.

— Ты доржна морчать и сверрить меня взгрядом порным ненависти и страха! — Маширо потряс оружием. — Давай же!

— Но я не боюсь тебя, — рискнула Кира.

— Что ж, это допустимо. Многие так говорят.

Вот же перегрязь, подумала девушка.

— И не ненавижу... — еще раз попыталась она.

На этот раз Маширо сделал длинную паузу.

— Что, совсем? — спросил он растерянно. — Но ты ведь доржна меня ненавидеть. Посрушай, я собираюсь пристрерить тебя. Твой отец ясно сказар, что ты ему борьше не дочь.

Сердце девушки екнуло.

— Так тебе велит долг, — Кира была само равнодушие. — Я понимаю, что ты человек подневольный.

Маширо заморгал крохотными глазками.

— Ну... А как насчет презрения?

— За что мне тебя презирать?

— Я вообще-то доворьно гадкий черовек. Ты знаешь? Заискивающий, трусривый и подрый. Когда я быр ребенком, я травир своего мрадшего брата и мучир поросят.

— Все дети жестоки, — Кира не поддавалась. — Есть люди гораздо более отвратительные, чем ты, поверь.

Она вспомнила Миумна и поняла, что приврала совсем чуть-чуть. Миумун все-таки не был человеком.

— Я гнобир мать.

— Да?

— Превар в бедняков.

— Так-так.

— Ромар собакам ноги.

— Ну что ж.

— Подбрасывай отраву в еду дря рабов.

— Хм...

Кира едва сдерживалась. В последнее время она встречала слишком много сволочей. Она вдруг поняла, что почти всю свою юность провела в стране розовых облаков и золоченых улыбок.

— Ах, вот еще что, — ликуя воскликнул Маширо, — я убир твоё ходячее чучеро! Не знаю, что это быра за тварь, но я убир её.

Кира уже прикидывала сколько ей понадобится везения, чтобы успеть наброситься на Маширо и повалить его, как мочки сайца вдруг побледнели. Олечуч вынырнул справа. Он полз на четвереньках, из его живота сыпалось.

Саец выстрелил в Киру, но чучело успело подняться и закрыло девушку в прыжке. Та вздрогнула, когда горячий гравий брызнул ей на грудь. Песок хлынул на пол.

Кира хотела завести протяжное «нет», но вовремя вспомнила о Повторяемости. Брат Рем, говорил, что это опаснейший враг.

И верно, Маширо уже готовился выстрелить. Кира нырнула в бок и сверкающий плевок пронесся над её плечом. Саец прицелился снова.

— Эй ты, цапля!

Помошник Жреца отвлекся. Из тумана ударил язык. Пистолет взметнулся к потолку. Движимая женским оборонительным инстинктом, Кира ринулась к обезоруженному сайцу, и сильно ударила ногой между ходуль.

Когда появились Рем и Проглот, она сидела над Олечучем и пыталась сгрести в кучу расползающуюся набивку.

— Все будет хорошо, — шептала она быстро. — Мы тебя починим, господин Злоба, вот увидишь.

— Ки-я... — дернулся Олечуч. — Скажите, скажите им, что учитель будет ждать своих учеников... Нога, нога! Как ты держишь ногу?! Ки-я!

— Конечно, скажем, ты сам им все скажешь.

По чешуйкам прокатилась слеза.

— Кира!

Она повернула к сухолюду раскисающее лицо.

— Что я тебе говорил?!

— Но ведь он...

— Меньше ожидаемых ходов! Это пустая трата времени! О, первый... да ничего с ним не случится, *gagan*. Далеко до твоего советника?

— Он буквально в двух шагах.

— Тогда иди дальше. Охраны тут больше не будет, раз саец сам вылез нас встречать. Проглот пока сметет языком весь гравий, который просыпался, а я быстро заштопаю рану. У меня есть нитки, иголки, немного такни. Змей бы побрал эти женские истерики над каждой царапиной.

Он угрюмо присел рядом и принялся сгребать набивку. Кира не отрываясь, смотрела на него. В знаменитом сером хохолке, — расположившись ближе к макушке, — дымилась сквозная дыра.

Рем поймал её взгляд. Потом посмотрел на Маширо. Саец лежал на полу, запутавшись в мочках. На его губах застыла пена. Что ж, в этот раз повторяемость оказалась полезна.

— Стреляет он в общем-то неплохо, — сказал сухолюд. — Просто по-привычке целился

выше. Змеев расист. Сам-то от горшка два вершка.

— Рем...

— Иди, Кира. Иди.

Она обняла его, поднялась и побежала, твердо уверенная, что нашла самых лучших друзей в мире.

Лучших?

Во всяком случае, практичных.

Плесневой бархан пришел в движение. Сначала из него появились пальцы. Пальцы эти сжались в кулак. Затем, словно по волшебству, кулак потянулся вверх.

Накат, будто самое опасное в мире растение, успешно пробивался наружу.

Дело здесь было, конечно, вовсе не волшебстве. Просто у бывшего Инквизитора присутствовал редкий опыт самоэкзгумации. И, конечно же, редчайший изотоп воли. Не такой как у Вилла. Воля Наката была чем-то средним между боевым бесстрашием росомахи и эпической толстокожестью человека знающего, что мир = дерьмо.

Первым делом Накат убедился, что не безоружен. У него остался старый боевой нож.

Затем — оценил обстановку. Врага в поле зрения не было. Союзников — тоже.

Только после этого гроза супергероев Гиганы позволил себе выругаться.

Плесневая пустыня внимательно следила за ним.

— Эскельд?

Накат замолчал. Он так давно успел позабыть этот голос, что сначала тот показался ему лишь чем-то раздражающе знакомым.

— Эскельд, это ты?

А потом ему в голову словно ударило пробкой из бутылки с призраками.

— Что это с тобой? Ты упал бедняжка? Давай я помогу тебе подняться.

Его обхватили хрупкие руки.

В обычной ситуации Накат в ответ на это не глядя ударил бы локтем. И он хотел этого. Его правая рука рефлекторно дернулась. А потом недоверчиво прикоснулась к нежной щеке.

— Поднимайся же. Вот так.

Накат поглядел на свои ноги. Они держались прямо. Под штанами из трупного мешка, под грубой волосатой кожей вновь искрилось осязание, и приятно гудели мускулы.

— Ну как ты без меня, Кель? Справлялся?

— Что это за наваждение? — спросил Накат брезгливо. — Ты мертва.

Ольга выглядела обиженной.

— Кель, что ты хочешь сказать? Я жива. Я здесь.

— Тебя сожгли на костре.

— Я все это время была с тобой, — Ольга прижалась к своему брату.

Накат отстранился.

— Ты не рад меня видеть? Что случилось, Кель, ты пугаешь меня.

— У меня нет на это времени, — сказал Кель и ударил ее коленом под дых.

Ольга согнулась в три погибели. Накат обошел ее и взобрался на возвышенность, чтобы осмотреться лучше.

— Ты с ума спятил?! — проворчал кто-то за его плечом. — Это же твоя сестра!

Накат обернулся. Побледневшая Ольга оперлась на плечо Рыгули.

— Хватит беситься, козел сивый! — ведьма выглядела точь-в-точь такой же, какой

Накат ее запомнил. Все, до мельчайших деталей.

Какая халтура, подумал он с презрением. Кишки Первого, любому грамотному искусителю должно быть ясно, что воспоминания со временем мутируют как химеры. Это гротескная пародия на Рыгулю. Клянусь Грибом Сказочником, неужели я нафантазировал ей такую грудь? А Ольга? Да она же на ангела похожа. Будто я совсем забыл, что у нее были прыщи и присвист в зубах. Неужели я действительно должен купиться на это?

— Я тебя... — начала Рыгуля.

Накат схватил ее за груди и ударил лбом в лицо. Ведьма кубарем покатила вниз. Вслед за ней он отправил Ольгу.

— Да что с тобой не так?! — взревела пустыня. — Неужели они для тебя ничего не значат?

Накат молча озирался по сторонам.

— Ну, слушай, — сказал голос. — Я разум этого места. В моих руках сосредоточена сила перемен. Я могу воскресить каждую частичку твоего погибшего счастья. Ты снова сможешь чувствовать, любить и надеяться. И я верну тебе ноги.

Накат заметил колесо, одиноко торчащее посреди гнилой желтизны. К этому месту уже направлялся Вилл. Возле затертого в плесени Ики они встретились.

— Тут какой-то голос предлагает мне стать величайшим воином, какого носила земля, — поделился Вилл, помогая Накату раскапывать Ики.

— Я тоже его слышу, — сказал киллер. — Это какое-то чрезвычайно наивное божество. Надеюсь, ты не веришь его обещаниям, парень?

— Он говорит, что сделает меня богатырем в мгновение ока. С помощью силы каких-то перемен. У нас даже ребенок знает, что использовать магию для увеличения мускулов, это гнусный обман. Не то, чтобы я не хотел стать немного шире в плечах, но для этого ведь есть гантели и вареное мясо.

— Правильная позиция. Ну, так слушай...

— Эй! О чем это вы там шепчетесь?! — злилась Пустыня. — Сила, здоровье, благоразумие, радужные, свой личный мир, все это будет вашим, только покоритесь мне!

— Слушай, — продолжил Накат. — Нам нужно как-то выманить этого болтуна.

— Вы невежи, — сказал наполовину откопанный Ики. — Что вы, собственно... вычисляется... намереваетесь делать? И почему мне никто не предлагает снова стать человеком?

— А ты хочешь? — с надеждой спросило пространство.

— Вообще-то нет, спасибо, — вежливо отказался Ики. — Я уже привык, кроме того, у меня могут остаться некоторые... привычки. Вряд ли людям понравится, если какой-то саец начнёт заигрывать с их креслами.

— Будь по-вашему, — произнесли барханы угрожающе. — Тогда вы станете соками в теле моем.

Плесень зазвенела, заросший скелет рептилии скинул покрывало пустоты и навис над Атрядом. Гремя обрывками цепей, он взмахнул гибельными лапами и захохотал. Накат внимательно оглядел своего противника с ног до головы. Для этого ему пришлось высоко задрать голову. Вилл сделал шаг назад и мрачно вздохнул.

Великое Оно ухало и клокотало.

— Что? — Накат посмотрел на Варвара. — Я пропустил какую-то шутку?

И тут же повалился вниз.

— Ноги, — он ударил кулаками по плесени. — Я их снова не чувствую!

— Умри в немощи, — гудело Великое Оно.

Воронка над Торкеном росла. Буйство маггии все больше терзало Троегорье.

Ужасающие молнии ранили древние скалы. Очередной крюк рванулся прочь из каменных десен. Скелет качнулся в сторону. Великое Оно засомневалось. Потратить так много сил на меры предосторожности и воронку, из которой неистово вырывался Алиот, и совсем позабыть о городе. Плесень прожила здесь слишком долго. Как и Первенцы Оно привыкло думать, что столица маггии неуязвима.

Под жуткий грохот взрывающихся скал на свободу вырвался еще один крюк.

Боясь просчитаться, Великое Оно перенесло часть маггии на поддержание Торкена. Оставшись почти без сил, остов захрустел. Поеденные кости начали обваливаться под собственной тяжестью.

— Ну и кто из нас теперь немощен?! — прокричал Накат, заметив это. — Вилл, живо, что у нас осталось из оружия?

Вместе они выволокли Ики из плесени и склонились над его сумкой.

— Всякая пакость, — сетовал Накат, перебирая смерторезы и мертвокосы. — Калибр не тот!.. Змей! Вот! Есть две менадинские Игривые дыни. Слушай сюда! Здесь хвостик, за который нужно дернуть, чтобы дыня взорвалась, ясно? Дергаешь хвост и бросаешь! Пять секунд и она разнесет все на куски! Чтобы управлять маггией плесени нужен этот труп! Одну я заброшу ему в глазницу, вторую ты сунешь в грудь! Вот в ту дыру! Все понял?

— Да! А почему мы кричим?!

— Потому что мы змей как возбуждены предстоящим Диким Броском На Врага!

— Ясно!

— А что делать мне?! — Ики был вдохновлен на подвиги.

— Отвлекай его!

— Будет сделано!

— И береги колесо! Вилл, бери меня на спину!

— Есть!

Истории в своем неисчислимом многообразии хранят множество картин совершенно нелепых с точки зрения нормального человека. Достойное место среди них заняла и эта. К огромному трещащему полутрупю, издавая яростный боевой клич, приближались трое. Мрачный убийца, сидящий верхом на кабинетном варваре и благородное инвалидное кресло, готовое отдать вторую жизнь за спокойствие мира.

— Ы-ы-ы-ы-ы!

— А-а-а-а-а-а!

— За Императора-а-а-а!

И хоть Вилл и готов был свалиться с ног от усталости, его Воля говорила: — нет приятель, никаких пит-стопов до финиша. И, несмотря на то, что рациональный островок в сознании Наката полыхал сейчас синим пламенем, его Уверенность-в-Себе одевала черные шелковые перчатки и бралась за черный металлический кейс.

Альтруизм Ики... Зашкаливал. Все же кое-кто был неважнецким полицейским в прошлой жизни.

Великое Оно топнуло ногой по ускользнувшему креслу, и Аряд Альфа подбросило вверх. Вилл зажмурил глаза, но не упал. Они удачно приземлились и тут же бросились к беззащитной ступне. Накат схватился за плесневые узлы и тут же пополз вверх по лодыжке,

бешено работая руками. Вилл едва поспевал за ним.

Полусгнившее тело ящера попыталось прихлопнуть их, но чуть не переломило свое колено.

— Чего вы хотите? — режущим звоном спросило Плесень. — Сломать мою старую игрушку? Тщетно! Я есть Плесень. Я повсюду. Меня невозможно уничтожить. Мое тело широко как мир!

Накат уверенно полз вверх. Не смотря на свою общую брутальность и некоторую дикость, но был широко образованным человеком. И прекрасно знал, что для колдовства нужны руки. Или хотя бы лапы. Маггия была довольно консервативной сущностью и не слушалась тех, кого не могла укусить за палец. Особенно это касалось тех, кого вообще не за что было кусать.

Плесень знало это еще лучше.

Кроме того, существовал другой закон. Мощностъ заклинания напрямую коррелировала с размерами заклинателя. При увеличении заклинания должны были сохраняться пропорции колдуна. Иначе последнего просто раздирало в клочья. Иными словами, чем большую силу высвобождал магг, тем сильнее был укус магии.

В общем, это был хороший пример того, что осведомленность — необходимое подспорье для грубой силы.

Великое Оно уже раздирало на части. Пока лишь потому, что оно не могло решиться на выбор. Теперь Плесень держало светозверя на пределе сил. Даже того крохотного заряда, необходимого на убийство двух людей и поломку одного кресла, могло оказаться достаточно для того, чтобы проиграть борьбу. Тогда заклинание схлопнется и разотрет Торкен в порошок.

Вилл почувствовал, что срывается, слабеющими пальцами он цеплялся за шершавый бугорок бедренной кости. За спиной визжал, надрываясь и всхлипывая, Кричащий меч.

Кнопка, подумал Вилл.

Он выхватил его и тут же соскользнул вниз, ударившись подбородком. Сквозь звезды, брызнувшие из глаз, он заметил, что повис на двух спицах, вонзившихся в коленный сустав. Взревев от напряжения, Вилл снова принялся карабкаться вверх.

Накат посмотрел на него сверху и кивнул. В следующую секунду мертвенная длань прихлопнула его, и сдавила как клопа. Киллера мотнуло вперед и вверх, в ногах что-то хрустнуло. Зарывчав, Накат обломил большой палец рептилии и высвободился. Его мотнуло вверх и вперед, потемневшие зубы мертвеца щелкнули и стали приближаться.

Не считаясь с нормами пафоса, Накат оторвал хвостик дыни и зашвырнул его в глазницу со словами:

— Прочисти чердак!

После этого он застрял в зубах чудовища, словно кусочек брокколи. Краем глаза Накат успел заметить, как Вилл забрасывает свою дыню.

Скелет рептилии готов был рухнуть. Магическое напряжение ломало его, распатывало суставы. Время исчезало в шуме и неразберихе нелепого сражения. Еще совсем недавно, его было так много, думало Великое Оно. Как раз столько, сколько нужно, чтобы довершить начатое, и упокоиться. Оставались мгновения для того, чтобы решить, кого уничтожить.

Решение Плесени ознаменовалось грохотом лопающихся цепей. И взрывами дынь.

Алиот в это время почувствовал, как с него слезает шкура. Его так тянуло вниз, что, казалось, — все потеряно. Жнецы принялись бросаться ему в пасть, чтобы накормить

сдающееся светило. Дух планеты приготовился к худшему. В это время на планете начали воспламеняться деревья. Люди падали от тепловых ударов. Дымились водоемы и птицы неслись печеными яйцами. Жар катился по планете, опалая зелень, иссушая землю и облизывая ледяные шапки полюсов. Небо стало кроваво-алым, смертоносным. Ночи на другой стороне планеты осветились и побледнели. Воздух обжигал легкие.

Грудь рептилии разорвало и раскидало в стороны, плечи вырвались из суставов. Сверху сеялись обломки черепа. Под оглушительный звон Пустыни, останки рептилии пали. Воронка стала деформироваться. Укрошенные на время силы ринулись на свободу. Титаническое заклинание пучилось, выстреливало щупальцами отстающих течений.

Почувствовав свободу, Алиот из последних сил рванулся прочь.

Через несколько минут заклинание рвануло окончательно.

Люди привыкли измерять свою историю эпохами. Когда на смену утренней каше приходят сублимированные алхимические кусочки, они говорят, что одна эпоха сменила другую. Не сказать, что люди Алиота так уж пристально следили за судьбой Торкена, но эпоха его, тем не менее, миновала. И это почувствовал весь Авторитет.

От ударной волны облезли снежные вершины. Потом их сорвало вовсе: вниз посыпались камнепады, все то, что осталось от белоснежных пиков.

Торкен медленно падал вниз. В воздухе изогнулись обрывки цепей. За ним неслись тонны битого стекла. Вверх поднимались сгорающие на свету лохмотья плесени, мертвые тела и трухлявые деревья.

Целая эпоха падала вниз.

Выгнивший изнутри город.

Давняя гордость мира.

Великое Оно глядело на своего создателя, тая под лучами. Так давно отлученное от него, оно вдруг испытало нежность и тоску. Так давно, оно не видело отца.

— *Прости меня.*

Это было сказано. Кем-то. Кто-то почувствовал сожаление. Возможно даже скорбь. Укол ответственности и беспомощности, столь для него нехарактерной.

Остатки разноцветных роц неслышно испарились. Еще одна эпоха. А, впрочем, они наступают и оканчиваются постоянно. Лишь бы то, что пряталось в этом коротком слове, хоть кому-нибудь было не безразлично.

Где-то среди этого безумия пришел в себя Сэнди. Его отрезвили потоки ветра. Умственно-отсталый дракон забил крыльями и смог пройти сквозь осколки купола, воспарив над разрушениями. Косящими глазами он наблюдал за тем, как Торкен сотряс землю, накрыв собой озеро Слеза. Его основание разломилось пополам, сдавленное подножиями гор. Цепи забросали, осколки — усеяли. Земля гудела. В джунглях поднялось встревоженное кряхтение. В воздухе еще сверкали меркнувшие молнии. Духи укрывались в обломках скал.

Сэнди опустился ниже. Потом тяжело шлепнулся на руины. Похрустывая мусором, он принялся осторожно бродить между сплюснутых доминат и разоренных садов.

Он искал обещанные яйца.

Великий Терминал умер.

Его панели были разбиты и сожжены, квадратное око расколото. В центре этой раны еще что-то потрескивало и билось, но уже без всякого смысла. Расплавленная плоть

механического божества расползлась густеющей лужей.

Вонь его гибели наполняла храм.

Реверанс еще что-то вырвал из попискивающего чрева и швырнул это в нашу сторону. Сердце Терминала лязгнуло и рассыпалось, прокатившись вперед мелкими обломками.

Мы молча глядели друг на друга.

— Миумун, — вымолвил белый змей не своим голосом. — Это ты? Пришел убить меня?

— Отвлеки его, — шепнула мне улитка. — Я попытаюсь обойти его с фланга.

— И мой... союзник, — Реверанс нервно всхрапнул. — Мой союзник, Вохрас.

— Успокойся, Реверанс, — сказал я, подняв перед собой ладони. — Давай поговорим.

Еще не поздно повернуть назад. Не поздно все исправить. Ты ведь не хочешь, чтобы опять случилась резня? Ты любишь людей, ты не хочешь, чтобы нас снова захлестнул хаос.

— Я люблю не всяких людей, — Реверанс бил хвостом. — Только свободных.

— Эпоха Древних королевств славилась своими рабовладельческими хунтами, — напомнил я.

— А, — первенец начал отходить вправо. — Снова эти бессмысленные параллели и глухие упреки. Неужели так сложно понять, о чем я говорю? Люди вправе делать с собой, что угодно. Если они хотят иметь рабов — прекрасно! Рано или поздно эти рабы восстанут, их лидеры сменят строй и станут новыми правителями. Нет ничего лучше подобных перемен. Выбранных человечеством перемен!

— А это вторжение... — проговорил я, смещаясь влево. У меня не оставалось никаких сомнений, что между нами началась дуэль. И кто-то должен будет ударить первым. — Оно тоже одобрено человечеством?

— Нет, — Реверанс оскалился. — Нет. Как и Авторитет. Я уже говорил: клин клином.

Миумун куда-то пропал. Я не видел его за сожженными шкапами и колоннами.

— Кем ты себя возомнил, Реверанс? — спросил я, ощущая щекой присутствие Цыпленка. Тот расставил в стороны крылышки и хищно приоткрыл клюв в сторону первенца. — У тебя было триста нерестов. Триста нерестов чтобы понять: такая ответственность тебе не по зубам. Два раза ты проигрывал и бежал просто потому, что не мог найти в себе сил продолжить. У тебя еще оставались войска. Ты мог бы давить. Мог поднажать и заработать себе пиррову победу. Но ты отступал. Разве дело было только в любви к Соленым варварам? Нет. Ты каждый раз безумно боялся того, что может начаться после твоего триумфа.

— Догадки, догадки, беззубые укусы, — проговорил Реверанс срывающимся голосом. — Ты считаешь, мои планы оканчиваются на разрушении Гротеска? Невежа. Это будет началом моего проекта. Я налажу новый мировой порядок, дам людям планы и... — он осекся и посмотрел на меня с ненавистью.

Я показал десны.

— Ну, давай! — вскричал он, и едва взял себя в руки. — Давай. Скажи, что я просто создам еще один Авторитет со мной во главе.

— Ты ведь и сам это понимаешь, — проговорил я, собирая в щепоть тепло.

— Я не собираюсь диктовать, — медленно и твердо проговорил Реверанс, занимаясь, похоже, тем же самым. — Я буду свободным советником. Я построю небольшую крепость, где буду заседать с гарнизоном стотри. Ты спрашиваешь, кем я себя возомнил? На данный момент я движущая сила истории. Я обладаю ресурсами, чтобы повернуть ее курс в другую сторону и делаю это. Я обеспечиваю борьбу, которая является залогом прогресса. А вот кем

возомнил себя ты, червь? Ты только знаешь, что я равняюсь жертвам, равняюсь новой войне и неким катаклизмам. Но кто ты такой, чтобы лишать людей этого будущего? Быть может, ты прошел по всем селениям, заглянул в каждую халупу и спросил каждого человека: хотите ли вы, чтобы все осталось как прежде? Их воображение угасает, их мысли черствеют. Что ты сможешь сделать с этим? Отвечай! Но тебе нечего сказать. Ты один их тех, кто достаточно умен, чтобы критиковать, но слишком ограничен, чтобы придумать собственный выход. Вчерашнее ничтожество, плененный выродок, теперь ты делаешь вид, что тебе безразличен Авторитет. Кто тебе сказал, что от одного твоего желания должна зависеть судьба континента?

На это мне ответить было нечего. Я почувствовал сомнение. Мы действительно находились в одинаковом положении. Я был воплощенным эгоизмом осторожного труса, а Реверанс аватаром дерзости решительного оппозиционера. При этом он действительно вынашивал свои идеи несколько веков. А я? Я просто вбил себе в голову, что должен ему помешать. За что я в действительности ратовал? За «Смеющуюся тень»? За хотельный дом госпожи Борьбусь? За глупую стражу? А кого это волновало кроме меня и других уголовников?

Уголовников!

Яйца Первого, вот чьи интересы я в действительности представлял!

Все это было змейски серьезно, и я, наконец, понял, во что ввязался.

В этот же момент кулак сжатого воздуха отшвырнул меня назад.

— Не мешай мне! — крикнул Реверанс. — Не мешай истории!

Он еще раз ударил по агонизирующему Терминалу и скрылся за колоннами.

Там, где он стоял, появился Миумун.

— Чего разлегся?! Не мог задержать его еще хоть на секунду? Проклятье. А что с твоим взглядом? Не слушай его бредни, колдун! Ему нужны свободные люди, ха! Единицы нужны ему, в единицах все его воспоминания. Он такой же эгоист, как и прочие, поверь мне! Он будет коллекционировать лучших и равнодушно наблюдать за страданиями миллионов недостойных его интереса. Соберись! Ты сейчас тоже движущая сила истории, не забывай об этом!

Он побежал следом за Реверансом.

— Циф! — выругался Цыпленок. — Циф-циф-циф! Циф!

— Да, мне это тоже не нравится, — согласился я, поднимаясь. — Куда думаешь, он побежит?

— Циф-циф?

— Первый, откуда в тебе столько сарказма сегодня?

— Циф!

Я завернул за колонны и увидел, как Миумун стоит в конце короткого коридора, на развилке двух ответвлений. Он посмотрел направо, плюнул, и побежал налево.

— Что ж, — сказал я. — Значит, мы с тобой пойдем направо. Не может быть, что б такому козлу везло больше, чем нам, правда же?

— Циф.

Добежав до конца коридора, я свернул в затененный проход. Грязный, пахнущий маслами, уходящий вниз. Я бежал по нему, думая о стотри, томящихся внутри кораблей. Как они, уже построившись для высадки, с каменными лицами ждут своего часа. Они не знают, за что собираются воевать, не знают, чего от них в действительности хотят. Их

запланировали надолго оторвать от моря, заставить вмешиваться в совершенно безразличные им дразги новых республик.

Об уровне моего дилетантства и глупости можно было судить хотя бы по тому, что я никак не мог удержать картину целой. Меня бросало от одного конфликта к другому, и везде расчеты моей совести выдавали противоречащие результаты.

И что раздражало меня больше всего, это невозможность остановиться и как следует все обдумать. Нет, сейчас я мог полагаться только на инстинкты.

«Рано или поздно тебе придётся убить», — некстати шептал Рем из моих воспоминаний.

Реверанс стоял на мосту. Растопырив локти, он уперся ладонями в поручни и глядел вниз. Там слабо пульсировала плоская спираль. Жар ее смешивался с холодом, который наступал сверху. Одежания первенца развевались в потоках теплого воздуха.

— Давай же! — кричал он. — Осталось совсем немного.

Словно в ответ ему спираль разгорелась с новой силой и резко аритмично запульсировала.

— Реверанс, остановись! — крикнул я. — Дай команду двигаться назад! Брехню, которой ты забил уши Соленым варварам ничем не оправдаешь!

Он посмотрел на меня уже не с сожалением, с яростью и усталостью.

— Отстань от меня! — закричал он. — Есть вещи...

— Циф!

Я ударил в первенца конусом оглушительного шума. Он схватился за свои перепонки и подался назад.

— К змею твои вещи, — бормотал я, приближаясь к нему.

Я был совершенно бесстрашен и спокоен в этот момент. Я его остановлю, билось у меня в черепе. Да, я не уверен, поступаю ли я правильно, и мне не хватает ума, что бы учесть все нюансы. Но все это зашло слишком далеко. Реверанс теряет контроль над ситуацией. Исток упадет. Упадет и разрушит собой Гротеск. После чего останется здесь если не навсегда, то на очень продолжительное время. Для стотри это будет не меньшее потрясение, чем для всего Истока. Две культуры пойдут на слом, возможно перемешаются, возможно истребят друг друга в бессильной ярости...

— Я все просчитал, — сипел Реверанс, словно читая мои мысли. — Все варианты!

У тебя никогда не было соратников, думал я непреклонно. А ведь за все это время ты, наверное, мир кругом обошел. Но никто тебя не понял, никто не смог даже вообразить себе операцию таких масштабов, Реверанс. Все проникались страхом и неверием от твоих идей.

Мы скрестили посохи, и я сразу же почувствовал, как сильно уступаю Реверансу в плане сноровки. Я давил его внутренней, необработанной силой, пока он тонко оборонялся с минимальными затратами магических сил.

Наконец он отшвырнул меня: вырвавшиеся молнии ударили в мост.

— Циф, — сказал мой играющий тренер, вытирая крылышком кровь с моего подбородка. — Циф-циф!

— Ты сдаешься? — спросил Реверанс.

— Змея с два!

— Что ты сделал с Маширо?

— Понятия не имею, о чем ты!

— Я пытался связаться с ним перед тем, как уничтожил Терминал, — Реверанс поднял

меня за ворот комбинезона и толкнул на поручни, едва не перебросив через них. — Он отвечал за Советника! Ты послал туда менадинца? Отвечай!

Я хрипел, нависая лопатками над пропастью.

И собирался бить ниже пояса. Подло. Но момент был подходящий.

— Не только его...

— Кого еще? Чучело? Монстра?

— Киру.

Хватка тут же ослабла. Я ткнул первенцу в челюсть наверху посоха и ударил резервом, оставшимся в печени. Маггия рванула меня за руки, но я вытерпел и ударил еще раз. Реверанс проглотил крик и заскользил по поручням, хватаясь за них когтистыми пальцами.

— Лжешь, — произнес он сквозь кровавую мокроту. — Лжешь, она не могла пойти против меня. Что ты с ней сделал?!

Я понял, что допустил ошибку. Первый, я только что намекнул ему, что между мной и его единственной дочерью могло произойти множество интересных межвидовых экспериментов.

Над Реверансом мелькнул силуэт гигантского змея, бледного чудовища способного убить меня одним взглядом. Ударом острейшей ненависти меня сбросило с моста. На несколько мгновений я застыл над спиралью, а потом меня швырнуло назад и заломило как крендель.

Клыки застыли над моими глазами.

— *Что ты с ней сделал?!*

— Ничего, — я рванулся изо всех сил.

В лицо брызнула холодная кровь, но Реверанс не отпускал меня.

— *Гипноз, чары... Зомбирование? Что ты сделал?! Я зашвырну тебя в пустой Океан, выродок!*

— Она сама так решила, — я чувствовал, как внутри что-то лопается от напряжения.

Посох в моих пальцах затрещал и вспыхнул, обжигая руку.

— *Ложь!* — Реверанс надавил еще, и я едва не потерял сознание.

Давление стало смертельным. На грани замирающего пульса, я цеплялся за жизнь, ослепнув и теряя слух перед наступлением вечной темноты и царства Хладнокровного.

В этом пограничье, чувствуя гнильцу загробных рек, я уже не слышал: видел цвета голосов. Серебристо-черный цвет яростного шепота Реверанса. На его границе что-то мелькнуло. Я увидел оранжевую звездочку. Она светила издалека, едва мерцая на краю темноты.

— *Ну как ты, бандит? — спросила Вельвет.*

Она сидела на своей койке, глядя не на меня — в раскрытое Окно, где терялся свет ночника.

— *Зачем ты это сделала? — спросил я.*

Меня словно не было в комнате. Только мое сознание укрепилось в верхнем углу, словно паук.

— *Сделала что?*

— *Я мог бы спасти тебя.*

Она отвернулась от окна. Во тьме тут же что-то шевельнулось. Какие-то острые

мослы, словно полночная нежить там попробовала на ощупь враждебное сияние.

— Ты так часто повторял это себе, что даже поверил, — проговорила она, вяло расстегивая пуговицы на форменной куртке. — Ты все же ужасный эгоист Престон.

Я молчал, в ужасе глядя то на окно, в котором нарастало шевеление, то на Вельвет.

— Ты хотел быть свободным от смерти, — продолжала девушка. — Стал. Твой карлик хотел избежать роли одобренной жертвы — он жив. Твоя маленькая ящерка, с чешуей на рожке...

— Вельвет.

— Молчи, Престон. Ты так ни разу и не дослушал меня до конца. Я постоянно натыкалась на это жалобное «Вельвет». У тебя просто не хватало духу дослушать меня до конца. Почему? Потому, что ты не хотел терзаться, самолюбивая сволочь.

Свет ночника начал таять. Тьма, раздуваясь словно пузырь, вошла в комнату.

— Твоя ящерка хотела действовать самостоятельно — пожалуйста. Предала своего отца ради своих убеждений. Ей на это хватило нескольких минут, как и тебе... Бандит, тебе ни разу не приходило в голову, что я тоже могла чего-то желать? Ранимый петух. Ради того, чтобы защитить себя от совести, ты сочинил историю, в которой меня удерживал подле своей чудовищной туши демон Авторитета. Ты был бунтарем, отрекся от него. Молодец. Нет, правда.

Вельвет сняла одежду и осталась нагой, смуглокожей в трепещущем свете. Она долила масла в ночник. Пламя вспыхнуло ярче. Тьма убралась за оконные рамы.

— Ну, так слушай, — старая древесина койки скрипнула. — Я тоже получила то, что хотела. Цель, которой с радостью следовала. Наслаждение от верной службы. Гелберт разделял мои тревоги и согревал тело. А потом я решила пойти дальше. Пойми же, наконец, что не ты определил мое будущее. Воистину ты никогда не пытался мыслить, как другие, и одновременно был уверен в том, чего хотят люди. Посмотри на окно.

Я послушался и перевел взгляд.

Из темноты вдруг выпало потрепанное существо. Костистое ничтожество, тянущее к девушке руки. С трудом я узнал в нем себя.

— Тебе казалось, что я была преследующим тебя призраком, — произнесла Вельвет, с презрением поглядев на повизгивающего уродца. — Но это ты преследовал меня. Возьми себя в руки, Престон. Твоя жизнь никак не связана с моей. Была когда-то, всего на одну ночь. Тогда ты мог увлечь меня куда угодно. Я послушалась бы любой просьбы. Но потом очарование прошло. Я сама отказалась от предложения. Но ты был настолько юн и самовлюблен, что не смог даже правильно понять меня. Трагедия... Не было никакой трагедии. Не от чего было меня спасать. Я проиграла в собственной борьбе, к которой ты не имеешь никакого отношения. Два человека пошли своими дорогами. Пойми это. Пойми и не беспокой меня больше. А теперь прощай. Удачи тебе с тем, к чему привела тебя твоя дорога сейчас.

Я рванул грудью воздух и завыл от боли. Кашляя и постанывая, я выплюнул ртуть, скопившуюся во рту и отполз от края. Посох обгорел, покрылся угольными чешуйками.

— Сколько... ох... Сколько я был без сознания? Цыпленок... Цыплено-о-ок...

Я смог подняться, но так до конца и не выпрямился. Что-то давило на грудь, в боках стреляло и хотелось снова лечь и не двигаться, пока не перестанет плясать синяя искра перед глазами. Я долго соображал, с какой стороны пришел. Потом вспомнил, что упал

ногами к Реверансу.

Я проковылял по мосту и чуть не скатился по узкой лестнице, уходящей вниз. В конце ее клубились какие-то испарения. Я вошел в них чувствуя запах влаги. Брел, совершенно не понимая куда иду, пока не услышал голоса.

Это был Реверанс.

И Кира.

— Ты была моим единственным соратником. Почему, Кира? Почему?!

— То, что ты делаешь неправильно...

— Это Вохрас тебя научил?

— В этом весь ты. Неужели сложно поверить, что я приняла это решение самостоятельно? Я не один день слушала твои рассказы о новом мире. Я много об этом думала. Гораздо больше, чем тебе могло показаться.

Реверанс стонал. Кира отвечала спокойно, тихонько всхлипывая в конце фраз.

— Возможно. О, возможно! Но кому я мог еще поверить, Кира?! Кому мог довериться? Всегда мы шли с тобой бок о бок. Ты была моей опорой.

— А Маширо? Он до конца был верен тебе.

Я появился за спиной Реверанса. Они стояли внутри небольшого зала. Позади девушки работал младший брат Основного Терминала. Квадратный глаз показывал Гигану. Серо-стальное пятно армии перед ней. Никогда не видел столицу такой крохотной. Город словно съежился перед надвигающимся противником.

Кира быстро взглянула на меня.

— Он сказал, что ты отрекся от меня.

— Что?! — неприятно изумился Реверанс. — Я никогда такого не говорил! Никогда, клянусь тебе!

— Я знала, что он лжет.

— Кира, — первенец приник к ней и обнял за плечи. — Я прошу тебя. Вернись. Я не держу на тебя зла. Мы вместе принесем континенту свободу. Давай же. Я люблю тебя. Каждый имеет право на ошибку.

— Это верно, папа, — она ответила на его объятья, но почти сразу отстранилась. — Но ты совершил их слишком много. Я не поверну. Нет. Это я говорю тебе как первенец, который в большей степени был твоим советником, чем дочерью.

Цыпленок едва слышно пропищал мне на ухо тонкости усыпляющего заклинания. Я поднял свой опаленый посох. Кира закрыла глаза.

Что-то мелькнуло справа от меня. Так быстро, что я не успел даже вздрогнуть. Реверанс резко вскинул голову, руки его вроде бы зашли за спину, но почти сразу обмякли. Первенец повалился на грудь взвизгнувшей дочери.

— Папа, — она еще не поняла, что случилось. — Отец!

Он стал на колени, уткнувшись ей в живот. Тогда она увидела длинный резной кинжал из черного камня.

— Папа!

— Сдохни! — с ненавистью заорал Миумун за моей спиной. — Сдохни же, наконец, мерзкий предатель!

Я обернулся и, едва не рассыпавшись, ударил его отчаяньем. Всем, что накопилось. Внушительным клином. Улитка сорвалась с упавшего зункула и ударилась о стену. Хрустнула раковина.

— Престон! Он умирает, Престон! Сделай, что-нибудь!

Я подбежал и сел рядом. Кира держала Реверанса за бока, положив на свои колени.

— Надо извлечь кинжал... — сказал я, собираясь перевернуть змея.

Зрачки его расширились.

— Нет, — вдохнул первенец. — Нет. Это не простое оружие. Я чувствую, как бьется его собственное сердце. Оно уже внутри меня.

Я сунул руку него и ничего не нащупал.

— Экзотическая смерть, — Реверанс заворочался, шумно вдыхая и хрипя. — Оставили ее специально для меня. Это почти честь, быть убитым так изысканно...

— Ты не убит, — Кира заревела. — И не будешь убит. Престон сейчас поможет тебе...

Первенец застыл, кажется, умер. Но через несколько мгновений закашлял, и его вырвало кровью.

— Престон... — он посмотрел на меня. — Престон не может помочь даже самому себе. Все это время он сам умирал от яда.

— Ты все знал? — опешил я.

— Конечно, — усмехнулся Реверанс. — Я видел дым над Мирконом, но никогда бы не подумал, что это бежал настоящий Вохрас. До того, как провел с тобой первые часы. А, впрочем, мне было безразлично, кто находится внутри тела. Разбирательство только усложнило бы все...

Появился Рем, ведущий заштопанного Олечуча. Я посмотрел на дыру в его хохолке и решил не задавать вопросов.

— Я связал Маширо его же мочками, — сказал сухолюд. — Олечуч в порядке.

— Кия! Просто царапина, мастер! Уоа!

— Престон, — Рем огляделся по сторонам, заметил треснутую раковину Миумуна и умирающего Реверанса. Потом взгляд его упал на Гигану.

— Кира, — позвал он. — Кира!

Она безутешно рыдала в воротник отца.

— Кира, ты сделала, то, что обещала? — спросил я проникновенно.

Кривя губы, она отрешенно посмотрела на панель и вымолвила:

— Да... Нужно только сказать кодовое слово и корабль повернет назад.

— Не надо! — Реверанс слабеющими пальцами схватил ее за цепочку на шее. — Они смогут и без меня. Блоки знают, что делать... Займи мое место. Это моя последняя воля! Ты не смеешь ослушаться...

Она колебалась. Змей подери, она колебалась!

— Кира! — я подался вперед. — Ты вошла в наш клуб. Он требует от тебя невозможного. Посмотри на меня...

Вздрагивая от спазмов, она показала мне влажные глаза.

— Ты помнишь, о чем мы говорили?

— Да.

— Ты приняла решение.

— Но ты обещал, что он не погибнет! У нас была сделка, Престон!

Я откинулся назад и помассировал лицо. Мне было тошно, я злился, ко всему прочему досада снесла меня. Вновь я подвел кого-то. Вновь нарушил обещание. Но змей подери, речь сейчас шла не об этом упертом змее. И приносить ему в жертву Авторитет, только из-за того, что его настигла карма или случай, я не собирался.

— Хорошо, — сказал я, глядя на приближающуюся Гигану. — Ты права. Я не смог защитить твоего отца. Признаю это. Сейчас мы уйдем. Я. Рем и все остальные. Даже телс Миумуна мы утащим. И ты останешься здесь одна. Наедине с планом твоего отца. Наедине с ответственностью, которую он только что переложил на тебя. Так, как будто имеет на это право. Ты сможешь закончить то, что не смог закончить он? Вот армия Авторитета. Малая ее часть. Сегодня этих людей будут уничтожать под твоим надзором. Ты готова к этому?

Я поднялся и кивнул Рему.

— Пошли, мы уходим.

Сухолюд покачал головой и злобно сплюнул.

— А ты, оказывается, можешь быть жестоким, Престон, — тихо произнесла Кира.

Я остановился в дверях.

— Хорошо. Я скажу тебе слово.

— Нет, Кира!

— «Это конец». Вместе. «Это конец».

Реверанс выдохнул и стиснул клыки.

— Отличная работа колдун, — слабо пропищал из своего угла Миумун. — А теперь... Эх-к... Поверни. Поверни его!

Я прошел к панели, не взглянув на девушку. Я чувствовал омерзение к самому себе. Я сказал правду. Просто открыл ей глаза. Но одновременно, переступил какую-то черту.

— Нажми зеленую клавишу... — подсказал Кира.

— Эту?

— Да.

Щелк.

— Теперь коснись стеклянного круга.

Я приложил пальцы.

— Можешь говорить.

— Ты не посмеешь! — голос Реверанса ломался, он пропадал, теряясь в слабости. — Ты лишаешь их, лишаешь свободы. Как ты будешь жить с этим, человек? Кто потом сможет доказать тебе, что ты поступил верно? Ты умрешь, терзаясь! Терзаясь гораздо сильнее, чем я сейчас, пока магический червь пожирает мои внутренности. Я заклинаю тебя, смирись. Смирись с неизбежным. Речь идет о твоей расе. Хоть на минуту прозри свою ограниченность и взгляни на сотню нерестов вперед. На две сотни. Если людям потребуется такая же империя, они построят ее сами! Только сами.

Я застыл перед экраном, уставившись на Гротеск.

— Не слушай его, — пропищал Миумун. — Он хочет только одного, что бы совесть оставила его в покое. Это его прошлые обиды. Он изо всех сил хочет оправдать свое изгнание из Торкена. Прославить напоследок свой род. Оставить о нем бессмертную славу освободителей континента. Ему нужен естественный отбор. Слабые падут, станут гумусом, на котором расцветут прекрасные цветы героев и творцов. Но послушайся этого проходимца и запустишь гигантскую мясорубку, которая будет продолжаться веками. Внемли ему в одном: взгляни на сто нерестов вперед. А на двести? Одно горе революций и смуты...

Они оба не могли больше вымолвить ни слова. Кира тихо плакала, прижимая к себе отца. Миумун вяло шевелился, лежа на боку. А потом затих. Умер. Из раскола на его раковине пузырями выходило что-то белесое.

Я застыл. Превратился в изваяние собственной ничтожности. Совершенно оцепенел. Я

не мог решиться даже на крохотное умственное напряжение. Все вокруг стало нелепым и гротескным. Этот проклятый корабль, ползущий к замку. Умиравший злодей, который злодеем не является. Мертвый представитель порядка, которому в действительности наплевать на человечество. А в центре некто по имени Престон. Он настолько ошарашен, что не может даже головой шевельнуть, потому что тогда он по инерции примет неправильное решение.

— Престон.

Я через силу оставил без присмотра панель и взглянул на Рема.

— Хочешь, я сделаю это? — спросил он серьезно. — Лично я за то, чтобы оставить Авторитет. Я скажу, что надо.

Я не выдержал, улыбнулся ему.

— Спасибо, Рем, но...

— Смотри-ка, — перебил он меня. — Там что-то происходит.

Я снова впился взглядом в изображение.

Мы уже плыли над городом, над желтыми от жары крышами. Они были заполнены людьми. Прикрывая глаза, гиганцы следили за нашим полетом. Любопытство побеждало в них ужас и здравый смысл. В этой живой мешанине мелькало обнаженное оружие, многие что-то кричали, гневное и бескомпромиссное. Толпа от этого словно тряслась, выбрасывая на поверхность плакаты и транспаранты. В основном там пестрели неровные призывы убираться прочь.

Гротеск сигнализировал нам.

На башне Последняя Надежда была установлена трибуна, которую окружал ареол призрачных геральдик Авторитета. Солдаты поднимали широкие стяги. На них сидела вышивка: стилизованное рукопожатие, символ мирных переговоров.

Снизу доносилась усиленная маггией музыка. Гренды заполнили небо вспышками. Внутри этих выбросов мелькали надписи: «переговоры», «мы не враги вам», «Авторитет просит слова». На трибуну-башню взбиралась небольшая процессия. Я узнал ярко-красные одеяния Автора.

— Кира, — позвал я возбужденно. — Можно увеличить изображение?

— Просто скажи Терминалу, чего хочешь... — разбитым голосом ответила девушка.

— Терминал, увеличить картинку!

Дух древней машины послушно приблизил терзаемую ветром фигурку Автора. Тот стоял, вытянув вперед руку с раскрытой ладонью. Безумный поступок, подумал я.

— Можешь дать звук?

— ДОСТУПНА ФУНКЦИЯ ФОКУСИРУЮЩИХ АКУСТИЧЕСКИХ ПРИЕМНИКОВ.

— Включи их. И замедли корабль.

— ПОНИЖЕНИЕ СКОРОСТИ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ. УГРОЗА ПРИОРИТЕТН ЗАДАНИЮ.

— Выполняй!

Советник пискнул.

Исток пульсировал, изнемогая от голода и старости. Он с радостью остановился, истощенный долгой дорогой. Вместе с ним в дрейф вошел Шлейф. Речные порталы в город давно были накрепко закрыты, поэтому он, сойдя с буксировки, остановился далеко за стенами. Корабли-капсулы с треском, под гремящий бег цепей, раскрывались, как колыбели. Скрепляющие их широкие штативы принялись выходить вправо, превращаясь в крепкие

мостки. Стотри быстро, игнорируя выстроившуюся совсем недалеко армию Авторитета, покидали корабли.

Наблюдая это в дополнительном вкраплении экрана, я заметил, как побледнело лицо Автора. Варвары разворачивались с невероятной скоростью, занимая местность. Авторитет защищало куда меньше: основные силы только подступали из ближайших городов-гарнизонов. Автору стоило принять во внимание еще и то, что один стотри в бою стоил десятерых гвардейцев и трех Мастеров Оружия.

— Я прошу слова! — вдруг громыхнул Автор усиленным маггией голосом.

Я лихорадочно соображал, глядя то на растущие фаланги варваров, то на Сару.

— Мигни огнями! — приказал я. — Поддай этому человеку в красном какой-нибудь сигнал.

— БОРТОВЫЕ МАЯКИ ВКЛЮЧЕНЫ.

Автор, приоткрыв рот, глядел, казалось, прямо на меня. Он, бегая глазами по летучей крепости, несмело улыбнулся и сделал глубокий поклон.

Потом он заговорил. Сначала я слушал отстраненно. Я подозревал, что Автор должен быть заодно с Первенцами, и рассчитывал, что он заведет сейчас лживый, замаскированный под переговоры, спектакль. Быть может, выиграет немного времени для своих тайных козырей. Например, так: над Истоком разойдутся небеса, и маггическое копье жахнет по нам от всей души.

Через какое-то время я стал обращать внимание на некоторые периоды его жаркой речи. Лицо мое вытянулось.

— Усиль, усиль громкость!

— *...сейчас мы свободны от этого вредного гипноза! Повторяю, Первенцы с помощью дистанционных маггических приемов контролировали всех значимых руководителей Авторитета, в том числе и меня! А вместе с тем и всю нашу политику! Как внутреннюю, так и внешнюю! Мы обнаружили это совсем недавно! После неопределенных событий, которые повлекли за собой восстановление нашей самостоятельности, мы в полной мере осознали весь ущерб и горе, причинённые веками неявного рабства. У нас впереди множество забот, проектов перестройки и преобразования нашего государства. Гордый владыка Реверанс!*

Я посмотрел на змея. Тот тоже смотрел и слушал через смыкающиеся веки.

— *Прошу тебя, не разрушай сейчас то, что было так счастливо и неожиданно обретено нами. В последнюю очередь нам нужна сейчас война с таким могучим противником! Мы не знаем, чего ты в действительности хочешь. Возможно, уничтожив нас, ты собираешься свести какие-то счета с сородичами. Нам известно, что твой поход идет под лозунгом освобождения континента! Я могу лишь догадываться, о каком именно освобождении идет речь, но если это связано с Торкеном... Если это связано с тем, что ты не приемлешь той чудовищной лжи, невероятного по своим масштабам культурного саботажа Поздней расы, учиненного твоими сородичами, — прошу тебя, остановись, потому что мы согласны с тобой! То, что произойдет дальше, будет доказательством твоей честности... либо моих заблуждений. Я все сказал!*

Реверанс приоткрыл глаза. Я боялся, что он не поверит. Я и сам не торопился верить, но лицо Сару было ясным, взгляд осмысленным, голос твердым. Сложно было поверить, что он все еще кем-то расчётливо руководим.

Реверанс неожиданно дернулся и открыл пасть, словно собирался протяжно закричать.

Лицо Киры исказилось, она вся пошла красными пятнами и покрылась испариной.

— Торкен! Торкен фагур! Фагур туран!

В этом визге было что-то сверхъестественное, совершенно мне недоступное. Словно эхо далекого катаклизма и ужасного отчаянья. У обоих первенцев началась истерика, кровь из ноздрей, зажатые уши, и вопли, острые как иглы.

Что-то хлопнуло, экран на мгновенье померк, потом озарился яркой вспышкой, отступающей к краям экрана. Я заметил, как армии заволновались. Люди падали, закрываясь руками. Построения рушились словно потревоженные костяшки домино.

Я схватил Киру и Реверанса, прижал к себе так крепко как мог, терпя укусы и царапины. Рем помог мне, Олечуч, не говоря ни слова, скрепил обнял нас с третьей стороны. И только Проглот отправился к Миумуну и проглотил его.

Так мы просидели минут десять, пока Кира не перестала вырываться и по-животному тоскливо выть.

Когда я обернулся, чтобы взглянуть на Автора, я увидел... тьму.

— Терминал, что с изображением?!

— ПЕРЕДАЧА ДАННЫХ ИДЕТ. ПЕРЕДНЯЯ ОБЗОРНАЯ КАМЕРА РАБОТ
УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО.

— Снежинки, — сказал Рем негромко. — Снег идет.

Маленькие морозные звезды касались пустоты, оставаясь на ней, срываясь вниз. Порошили глаз Истока, падали на изумленных людей. Тех и других. Они равнодушно и легко танцевали над пиком этой истории. Их нисколько не беспокоили раскаленные сердца там внизу, своевременность появления на сцене и нерешенный пока вопрос... Они были восхитительны в своей непредсказуемости и наделены завидной свободой. Они были одновременно насмешкой, обещанием и символом.

Снегопад усиливался.

— Это конец, — произнес Реверанс внятно. Станным, безжизненным голосом. — Теперь точно, конец. Отнесите меня в экстратор.

Над Гротеском кружили злющие вьюги. Ветра грызли черепицу, взламывали неплотно запертые ставни, выдували из пустот окоченевшую живность и разгоняли сажу в дымоходах. Снег заносил город. Ложился влажной шугой на затопленные улицы, с переменным успехом завоевывал крыши и сам же отступал с них, вместе с ветром.

Люди были рады ему так, словно из него можно было напечь лепешек.

Гигана покрывалась сетью светодаровых гирлянд. Слышался стук молотков и звуки быстрой напряженной работы. Люди сооружали множество временных мостков, прикрепляя их к стенам домов. Простые жители, не способные и слишком занятые для долгих потрясений, возвращали город в русло привычного существования.

Почти Легальная Арена обещала успеть с праздничными представлениями к началу Дня Рождения Первого или попросту Рождества. Ввиду засилья водной стихии, написанные фосфорной краской, плакаты пестрили названиями вроде «!!!Капетан Карп уделывает Ледное Зло!!!» или «Человек-Все-Равно и медведи на коньках: = схватка воли и трехнедельной некормленности! Спешите видеть!».

Сеть Золотой Струи переехала на верхние этажи и всюю принимала гостей. Крокодилы каноэ, уступили место саням, развозившим ремесленников и клерков. Иной раз даже обходилось без взаимных вышвыриваний за борт.

В общем, о событиях месячной давности вспоминали только газеты и большие очереди.

Гигана была слишком большим городом и слишком древним, чтобы всерьез поверить в свое поражение. Все, что в нем происходило, напоминало брожения внутри яйца. С толстой скорлупой глупости, предрассудков и мещанского узколобия. Этот город, олицетворение того, за что стоило не любить Авторитет, за что его ненавидел Реверанс, был одновременно сухим сердцем и пустопорожным мозгом империи.

С него и нужно было начинать, если задумал изменить суть Авторитета.

Сару сидел во главе Кабинета тэнов. Тэнов и новоизбранной рады Свободных Труженников. Огромный бальный зал, лишенный своего непримиримо-помпезного шика, был переделан в коллизей прав и свобод, в котором сейчас проводилось первое торжественное совещание, посвященное будущему Авторитета.

Зал гудел. Амнистированные политические преступники вызывали гнев у Церкви Зверя. Церковь Зверя вызывала отвращение у либеральных сынов науки. Либеральные сыны науки в свою очередь страшно смущали воинствующих милитаристов. И вся эта ошалевшая от новых порядков компетентная свора извергала тысячи предложений, требований, манифестов и резолюций.

Глаза Сару были повязаны шелковой лентой. Он был почти уверен в том, что ослеп навсегда, но так же не сомневался, то ему хватит слуха, голоса и воли, чтобы суметь справиться с ситуацией. Вслушиваясь в этот перенасыщенный жизнью и человеческой энергией спор двух сотен человек, он слабо улыбался. Он слышал в этом гомоне крик новорожденного. Растерянные тэны смотрели на своего повелителя.

Сару поднял руку.

Собрание мгновенно стихло. Четвертый слегка встряхнул руки укушенные маггией.

— Прошу вашего внимания, уважаемые спикеры, — проговорил Сару перед замершими представителями городских прослоек. — Я очень рад, что обсуждение началось так бескомпромиссно. Я опасался другого. Привыкшие молчать и следовать, вы могли бы многие нересты привыкать к новой роли. К счастью, я ошибался. Насколько я могу судить, количество проектов и предложений явно превышает количество людей, сидящих здесь. Поэтому сегодня мы рассмотрим только те, которые были выбраны голосованием Кабинета тэнов как наиболее прогрессивные. Смеею заметить, я тоже прочитал их. Глазами верных мне людей... А теперь предлагаю начать. Первым слово получает господин Кетерн Паскало, давний узник своего ума и радикальных взглядов.

Со своего места поднялся высокий тощий человек, бледный от тюремного воздуха.

— Господин Кетерн от лица Свободного круга ученых и образованных предложит нам проект новой системы народного просвещения через постройку университетов и положенного финансирования различных дисциплин.

Ломаясь в суставах, господин Паскало спустился к трибуне. Он был настолько долговяз, что трибуна едва скрывала его пояс. Холодно поприветствовав раду, Паскало разложил свои бумаги. Потом с презрением отшвырнул их в сторону и принялся говорить по памяти, своими словами...

С этого человека, освобожденного вольнодумца, блестящего мыслителя и бесребреника началось то, что со временем изменило Гигану. Приезжий не нашел бы эти изменения видимыми. Гигана по-прежнему была городом режущих контрастов, уже просто Легальной Арены, странных нововведений и неожиданных изобретений. Волнения новейших субкультур. В ней большинство по-прежнему бездарно разлагалось в

повторяемости, но... Теперь уже по собственному выбору. Были сотни, тысячи людей, получивших наконец-то возможность заниматься тем, что требовала от них странная щемящая потребность под сердцем.

Никто не узнает этого ли хотел Реверанс и этого ли боялись Первенцы. Возможно, обе стороны были настолько одержимы своими идеями, что совсем позабыли о сути спора. О людской природе и противоречивости. Полные непримиримой убежденности в своей правоте они, в конце концов погибли увязнув в противоположных крайностях. А люди... Большинство из них даже не заметили этой борьбы. Просто, однажды, они проснулись в немного другом Авторитете. В нем можно было отправить старшего сына в город, учиться на агронома. Или упустить дочь, всерьез решившую стать дизайнером спален и приемных залов.

В который раз человечество прошло по краю пропасти непредсказуемой глубины. Глядя в другую сторону.

Плохо ли это?

Возможно лишь для тех, кто хотел бы, чтоб его жертву запомнили.

Говорят, где-то в живущем лесу после тех событий появилась могила, над которой росло прекрасное дерево. Никем ранее невиданное оно цвело белыми розами. А вокруг зеленела, даже самой лютой зимой, поляна к которой приходили за лечением раненые и больные звери. Даже заблудший человек, потерявший всякую надежду, мог попасть сюда и набраться сил в тепле и запахах жизни.

На могильном камне была вырезана надпись. Того, кто лежал под периной травы обещали помнить. Это была правда. Могилу регулярно навещали. Кто и почему, неизвестно. Но трава приминалась под тремя парами ног.

Соленые Варвары ушли вслед за своей летающей родиной. Их недоверие к Авторитету держалась еще довольно долго. Однако наблюдательные и разумные, они вскоре поняли, что их и вправду больше не считают врагами. Со временем они поддержали торговые инициативы Авторитета, и континент пережил бум стотримании, когда даже ношенные шорты (разумеется, пошитые идеальными стежками) ценились что в народе, что в бомонде на вес золота.

О судьбе Торкена поначалу известно было совсем немного. Невооруженным взглядом можно было заметить, что его нет. Путники, довольно долго не решающиеся подходить к Гранитному лесу, однажды все-таки проникли в него и вернулись живыми. С этого момента в долину потянулись все кому не лень. Искатели приключений, охотники, грабители и государственные агенты. Говорят там кое-что нашли, кое-что повлекшее за собой ряд интересных событий, а... А впрочем это уже совсем другая история.

Что насчет Первенцев?

Остался ли хоть кто-нибудь из них в живых?

Сказать сложно, но кое-где, в лесах, стали зажигаться старые, давно позабытые маяки. Вокруг них в былые времена собирались странствующие представители Ранней расы. Некоторые полевые доминаты, заросшие мхом, придушенные деревьями, вдруг обновились и приняли обжитый вид. Это кое о чем говорило, не так ли?

С господином Премусом Болтусом с тех пор не заговорила больше ни одна сырная голова. Даже самый маленький кусочек его игнорировал. И он был рад этому. Сыровару казалось, что это определенно к лучшему. Что ж, Алиот с ним непременно согласился бы.

Ах да, Алиот!

Алиот успел. От пережитого стресса многие его икринки погибли, но он не унывал. Он совершенно точно знал, что могло быть и хуже. После этого он заметно огрубел на время. Его что-то тяготило. Известно, что жнецы стали по-особому относиться к плесени. Порой они сооружали горы из хлебного мякиша. А когда те начинали плесневеть, приносили к ним по человеческому обычаю цветы. Для многих пытливых умов это стало неразрешимой и дразнящей загадкой.

Но вряд ли кому-то дано было ее разгадать. Разве что...

Кстати. В Гигане на волне развития частного предпринимательства, одобренного Автором, незаметно для многих открылось маленькое сыскное агентство, работающее с любимыми клиентами. Оно находилось вдалеке от оживленных путей и представляло собой почтовый ящик, приколоченный к стене дома. Рядом была крепко-накрепко привинчена медная табличка с надписью: «Проблемы? Знаешь омерзительного подонка, который не дает дышать другим? А может у тебя пропал родственник или знакомый? Опиши свою проблему в подробностях и положи листок в этот ящик. Деньги? Нет, не нужно. Просто положи листок и убирайся. Если у тебя действительно есть проблемы, вскоре тебе помогут». Информация об этом месте передавалась шепотом, и в основном людям, потерявшим всякую веру в справедливость.

И знаете что?

Им действительно помогали. И действительно бесплатно. Однажды к несчастному приходила под дверь записка. В ней обычно сообщалось, что такой-то и такой-то, кто зазря мучил подобных себе, нынче перевоспитан и кушает кашу без комочков. Иногда прямо с порога можно было заключить в объятия пропавшего брата и со слезами на глазах мотать его в разные стороны. И записки, и людей доставлял худой человек в шляпе на глаза, и плотном плаще с высоким воротом. Разглядеть его лицо было сложно, но иногда он не успевал раствориться в толпе, и тогда можно было крикнуть, «Огромное спасибо!». Чаще всего незнакомец оборачивался и коротко кивал вниз красным подбородком.

Сару. Сару правил Авторитетом справедливо и твердо. Он не забыл Шыша и работников месяца. Он официально лишил Купера В. И остальных его сородичей этого звания и тем самым снял с них проклятье. Удивительно, но все они превратились в нормальных людей. Шышу предоставили все необходимые ресурсы и завязали с архивами оживленную переписку. И самому владыке, и его слугам прибавилось работенки, но они не жаловались. Довольно было того, что люди полностью переоборудовали архивы и дали обещание покончить с пищевыми отходами в жилых помещениях.

Со временем Сару подыскал себе такого же мудрого и решительного приемника. Если заглянуть, как предлагал Реверанс на триста нерестов вперед, можно проследить, как подобная преемственность сменилась позже народной избираемостью, а еще позже и Авторитета не стало. Но это... Правильно, тоже совершенно другая история.

Кому-то может показаться странным, что сейчас будет упомянут некто Соломон Хан от'Камхан. Этот человек, появившись, в свое время, из ниоткуда и владеющий только пустыми карманами, пережил головокружительный взлет в одной из южных провинций. За короткое время он выбился в алмазные верха, стал влиятельнейшим и богатейшим человеком Юга. Успел промотать и нажать несколько состояний. Несколько раз погубил и восстановил свою репутацию. Нажил гарем красивейших наложниц и восемь сотен верблюдов. Обрел поистине континентальных масштабов деловые и теневые связи. Мог заставить исчезнуть любого человека в Авторитете, но... Исчез сам. Вдруг. Ни с того ни с

сего не разбудил в обычное утро сотню преданных слуг капризными криками. Никто из его приближенных так и не узнал, что с ним произошло, хотя поиски велись многие нересты по всему миру.

Некоторое количество охранников после той ночи спятило. В их бессвязных речах можно было разобрать нелепицы о страшном старике, желтокожем карлике и демоне с нарисованными глазами.

Бредни, разумеется.

Ах, Соломон Хан от'Камхан, скорбь по твоей незаконченной истории не покинет наложниц и верблюдов. Ты был и останешься в памяти их красивым молодым мужчиной с прямыми, молочно-белыми волосами.

— Рем.

— Чего?

— Ты ни о чем не жалеешь?

— Иди к змею.

— Я серьезно.

— Кира, ну скажи ему.

— Престон, иди к змею со своей философией. Время обжираться. Индюк остывает.

— Что, он уже перестал гореть?

— Ха!

—...!

— Проглота ловите! Ловите его!

— И-и-и-э-э-х! Поздно.

— Ого как бежит. То-то ему радости, зверюге тупорылой, *gasa tue*.

— Это невыносимо! Престон!

— Я не могу его выгнать. Он меня самого съест. Остался ведь еще пирог и салаты.

Кира сорвала передник и зашвырнула его вслед грабителю. Распуская встрепанную косу, она, топая, ушла на кухню. Я долил вина в бокал и сел напротив Рема, так, чтобы он не мог в случае чего отвлечься на картину, висящую над камином.

— Так вот, Рем, ты ни о чем не жалеешь?

Отступить ему теперь было некуда. Справа был книжный шкаф, позади стена, слева беспокойно дрыгаясь и вскрикивая развалился Олечуч. В подвале шел ремонт, и его невероятно раздражали молотки. Он их панически боялся, и не мог из-за этого нормально таиться во тьме и излучать зло.

— Нет.

— И я нет.

— Правда? — недоверчиво переспросил Рем.

— Угу. Ты знаешь, я как-то все это себе неправильно представлял. Целых пять нерестов.

— Ты сам догадался? — с огромным интересом подался вперед сухолюд.

— Ну... Наверное и так можно сказать. Хотя там была Вельвет.

— Начинается.

— Ты дослушай. Там была Вельвет.

— Где?

— Это было видение. Почти на грани смерти. Наверное, я встретился с ее душой. И она объяснила мне, что... Все в порядке. И ты знаешь, после этого я успокоился.

— Ну и хорошо. Наконец-то. И чем теперь займемся?

Я поболтал вино в бокале.

— Не знаю. Мне нужно попытаться съездить к родителям. Они меня погонят взащей, но я хотя бы дам знать, что жив и владею собственной книжной лавкой и... вообще. Дом. Можно сказать, семья. Кира недавно призналась мне, что...

— О, Первый, — вздохнул сухолюд. — О, Первый.

— Да нет же! Она призналась мне, что мы умрем с ней в один день.

— Слава Первому, я уж подумал, ты презентуешь мне Престона Младшего, — с искренним облегчением произнес Рем. — А что это за фокус с одним днем? Она разве не должна...

— Должна. Они живут эпохами. Но она что-то сделала с нами обоими и теперь наши жизненные силы связаны. Она умрет вслед за мной.

— Ну и дела...

— Да. Она сделала это без моего ведома. Просто поставила меня перед фактом.

— Так. Престон, но ты же не собираешься из-за этого теперь разоряться?

— Нет. Я понимаю, почему она это сделала и уважаю ее выбор. Так сейчас принято говорить. После этого закона о правах женщин. Кроме того, я ее без ума люблю. И дело не в ее способностях, просто она... чудо. Пусть делает, что захочет.

Рем долго молчал, попыхивая трубкой. Потом потянулся, шлепнул по ноге Олечуча, и весело отправил все заботы куда попало.

— Я кому-то рот с золой вымою! — сердито крикнула Кира с кухни.

— Значит все... — проговорил Рем смиренно. — Плакала наша диада. Теперь у тебя другой напарник и другое дело века. Нажить себе вторую книжную лавку. Да и без Престона Младшего, я думаю, дело не обойдется.

Я молча слушал, ощущая неловкость. Мои приключения длинной в пять нерестов окончились и теперь я больше не чувствовал необходимости ходить по краю. И Рем вроде бы остался не у дел. Был бы я сейчас таким же, как нерест назад, я, несомненно, подумал бы, что совершил предательство. Теперь мне так не казалось. Но неловкость все равно была, потому что я не знал, как отплатить Рему за помощь. А ее было оказано так много, что хватило бы на десятерых.

— Ой, ну хватит! — сказал вдруг Рем. — У тебя есть специальная мина для idiotских мыслей. Как ее видишь, так и знай, Престон начал тупить. Я знаю, о чем ты думаешь. «Я предал Рема. Мы хотели до старости воровать и нажираться. А под конец открыть свой бордель».

— Бордель! — я схватился за голову. — С кальянным залом.

— Престон, ты что думаешь, я сам не сделал выводов из этой истории? — Рем скрестил руки на груди. — У меня, если хочешь знать, была своя Вельвет. И я с ней тоже боролся все это время.

Я поднял на него изумленный взгляд.

— Но ты же...

— Я знаю-знаю, — Рем выдохнул с дымом какое-то давнее затруднение. — Я тебе ничего не рассказывал. Да. Поверь, история мерзкая, я никому ее не рассказывал. Но сегодня расскажу. Тебе. А потом уеду.

— В Менаду? — быстро спросил я.

— Да. Мне нужно закончить одно дело. Не знаю, как именно я буду его решать, но не вернусь пока не почувствую то же, что и ты. Я ведь вижу, ты не врешь. Зараза тебя действительно отпустила. А мне еще только предстоит разделаться со всем этим.

Я откинулся в кресле. Это была неожиданная новость. Даже для Рема. В моей голове тут же вспыхнуло одна единственная фраза.

— Нет, — Рем снова безошибочно разгадал меня. — Никуда ты со мной не поедешь. Как ты себе это представляешь? Рем Тан'Тарен и его друг с континента. Вот он, ползет рядом, зеленый от удушья!

— Да-а-а, — протянул я с досадой. — Но ты бы знал, как я хочу тебе отплатить за все, что ты для меня сделал! А какой шанс!

— Престон, — Рем провел корешком трубки по зубам и отвел ее в сторону, — ты крайне туп. Я тебе сто раз уже об этом говорил. А впрочем, не столько туп, сколько не наблюдателен. Ты бы сейчас не дергался, если б вовремя понял, что ничего мне не должен. Твой пример меня многому научил. Хотя бы тому, что от своего прошлого нельзя отказываться, не разобравшись. Ты понимаешь, что тогда произошло? Там, на мосту?

— Да. Я совершенно ничего не боялся. Чуть не умер. Наверное, именно поэтому тот давний стыд отвязался от меня.

— Вот именно! Я хочу сделать так же. Если будет нужно, я с этим ублюдком...

— Каким ублюдком? — тут же уцепился я.

— Терпение, Престон, терпение.

В гостиную вошла Кира. Она не сказала ни слова, но я понял, что лучше бы нам прямо сейчас оказаться за обеденным столом.

— Вот, правильно, пойдем, поедим, — спохватился Рем, тоже задетый этим молчанием. — А потом, на сытый желудок...

Бормоча и заискивающе улыбаясь Кире, он тщательно ее обошел и побежал на кухню. Я поднялся, накинул плед на взрыкивающего во сне Олечуча, и взял протянутую мне руку.

Кира повлекла меня к себе и сказала:

— Я хочу приключений.

Я слегка опешил.

— Ты имеешь в виду ночью, или...

— Не только. Слушай, ты же не собираешься всерьез сидеть тут, пока Рем будет в одиночку противостоять куче опасностей?

Я даже не удивился.

— Этого его личное дело, Кира, я не имею права...

— Имеешь! Ты его лучший друг. Ты имеешь право, не слушая его, отправляться следом.

— Первый, какого змея меня сегодня все время перебивают? Ну а как быть с ядом? Климатом? Его родней? Приглашением на въезд?

— А вот это правильные вопросы, господин Имара. И над ними мы обязательно подумаем. Допустим, я знаю, как быть с ядом. С климатом тоже. Я немного поэкспериментировала с некоторыми растениями, чтобы иметь источник дохода помимо твоей лавки.

— А это еще что за новости?

— Мне хватает денег. Просто я думала над тем, что мы будем делать, когда появится Престон Младший или маленькая Кира.

— А...

— Нет. Пока еще нет.

— Ф-у-ух.

Кира предосудительно взглянула на меня после этого крайне откровенного «фу-у-ух». Потом задрала подбородок и крикнула:

— Господин Вохрас, вы выйдите к столу?!

— А что там? — осторожно осведомились в ответ.

— Я сходила в алхимическую лавку, приготовила ваших любимых пирожков с костной известью!

— А можно мне взять их наверх? — просительно сказал Вохрас, ступив на первую ступень лестницы.

— Нет! Нечего крошить по всему дому!

— Ладно, — покорно вздохнул старик, спускаясь вниз. — Не возражаете, если я сегодня немного поэкспериментирую с Цивилизариумом? Примерно с двенадцати, до трех двадцати. Все будет в пределах дозволенного.

— Только не упустите их как в прошлый раз, — предупредила Кира. — Они похитили у меня все специи.

— Да-да! — оживился колдун. — Они сделали на основе красного перца и васаби страшное химическое оружие. Столько драмы, террористических атак и славных героев, защищающих покой крохотных городов! Между прочим, у меня народилось несколько неплохих композиторов. Приглашаю вас сегодня на вечер музыки.

— Мы придем, — покивал я.

Очень мне нравилось, как коротышки управляют с волосяными скрипками.

— Циф!

— Не торопись, — наставительно ответил Вохрас. — Я тоже проголодался.

Пока колдун ковылял на кухню, Кира задумчиво теребила пальцами мой медальон.

— В общем, у меня найдется фокус, который решит проблемы с адаптацией, — сказала она, наконец. — А с родней Рема и разрешением мы как-нибудь разберемся.

— С ума сойти.

Я взъерошил волосы.

— А с этими что? — я кивнул на Олечуча. И сам же себе ответил. — Увяжутся за нами. Несомненно. Кстати, нужно бы взять на заметку, что на кухне прекрасно слышно, о чем говорят в гостиной.

Больше книг на сайте - Knigoed.net